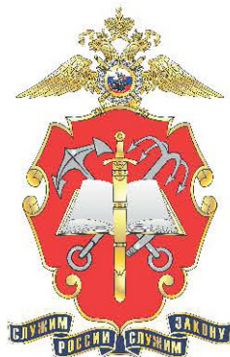

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

2024

№ 4 (104)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 4 (104) октябрь – декабрь 2024 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 4 (104) October – December, 2024

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 4 (104) октябрь – декабрь 2024 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 28.12.2024 г. Формат 60 × 84/8. Объём 45,75 усл. п. л.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 4 (104) October – December 2024

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (EI No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation.

Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 28.12.2024. Format 60 × 84/8. Volume 45,75 nom. p.p.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Балахонский В. В.</i> История государственного и цивилизационного развития России в концептуальном осмыслении российскими мыслителями XIX века: теоретико-исторический анализ	10
<i>Зайцева Е. С.</i> Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций	20
<i>Ломакина И. Б.</i> Конструирование правовой субъектности в восточных дискурсивных практиках: постановка проблемы	31
<i>Малыгин А. Я., Абдрахманов А. И.</i> К содержанию понятия «органы внутренних дел» в историческом контексте	40

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО -ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Басова А. В.</i> Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем	51
<i>Дизер О. А., Кожевников О. А.</i> Организация транспортного обслуживания населения муниципального образования: правовое регулирование и механизм реализации	65
<i>Крупина М. А.</i> Административно-правовые аспекты изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России	77
<i>Кулаков Н. А.</i> Проблемы профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	91
<i>Усманова Д. Р.</i> Должностное лицо полиции как субъект административно-процессуальных отношений: теоретико-правовой аспект	104

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Семенова Е. Г.</i> Особенности правового режима недвижимого имущества членов семьи	115
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Векленко С. В.</i> Система учета обстоятельств, влияющих на размер уголовного наказания	124
<i>Даровских О. И., Даровских С. М.</i> Вопросы дифференциации досудебного производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан	132
<i>Елфимов П. В., Виноградова О. П.</i> Официальное место захоронения как источник доказательственной информации для производства эксгумации	143
<i>Куемжиева С. А., Зеленский В. Д.</i> К вопросу о критериях и принципах групповой методики расследования преступлений	152
<i>Кузнецов А. А.</i> Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира	161
<i>Логунов О. В., Кутуев Э. К.</i> О совершенствовании порядка хранения арестованного недвижимого имущества	174
<i>Прохорова Е. А.</i> О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании	183
<i>Случевская Ю. А.</i> Компенсационная и восстановительная функции уголовного права	194
<i>Стебенева Е. В.</i> Виды коррупции: современные криминологические трансформации	209
<i>Тамбовцев А. И.</i> Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности	227

<i>Щепельков В. Ф., Иванова Е. В.</i> Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о домашнем насилии	245
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Бережнова Л. Н., Шайдулин М. Р.</i> Биологически обусловленная двигательная активность – фактор самосохранения и здоровьесбережения человека	256
<i>Пашукова А. Д., Кириллова Т. В.</i> Методические основы формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации	267
<i>Рожков А. А., Беляева Е. Г.</i> Развитие приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел»	277
<i>Супрунов А. Г.</i> Участие обучающихся во внеаудиторной деятельности как педагогическое условие формирования профессионального общения	296

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Костина Е. В., Агапов В. С.</i> Сравнительный анализ воспринимаемой курсантами организационной поддержки	305
<i>Костина Л. Н., Ерохина Е. И.</i> О результатах развития стилей профессиональной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции	314
<i>Почебут Л. Г., Чикер В. А.</i> Методологическое сопровождение исследований социального капитала организации	325

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Гайдамашко И. В., Злоказов К. В., Федотов А. Ю.</i> Нейросетевая классификация кандидатов на обучение по их личным и деловым качествам: методология и перспективы применения	336
<i>Петров В. Е.</i> Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве как протектор профессиональной деформации	354

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Balakhonsky V. V.</i> The History of the state and Civilizational Development of Russia in the Conceptual Understanding of the Russian Thinkers of the XIX century: theoretical and historical analysis	10
<i>Zaitseva E. S.</i> Establishing the limits of legal regulation in the interpretational activities of the higher judicial	20
<i>Lomakina I. B.</i> Construction of legal subjectivity in eastern discussive practices: statement of the problem	31
<i>Malygin A. Ya., Abdrakhmanov A. I.</i> On the content of the concept of "internal affairs bodies" in the historical context	40

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Basova A. V.</i> Protection of sexual integrity of minors on the Internet: finding solutions to problems	51
<i>Dizer O. A., Kozhevnikov O. A.</i> Organisation of transport services for the population of a municipality: legal regulation and mechanism of implementation	65
<i>Krupina M. A.</i> Administrative and legal aspects of studying and evaluating the management activities of the inspected body of the Ministry of Internal Affairs of Russia	77
<i>Kulakov N. A.</i> Problems of prevention of drug trafficking offences committed using information and telecommunication networks	91
<i>Usmanova D. R.</i> Police officer as a subject of administrative and procedural relations: theoretical and legal aspect	104

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Semenova E. G.</i> Features of the legal regime of real estate of family members	115
---	-----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Veklenko S. V.</i> The system of consideration of circumstances affecting the amount of criminal punishment	124
<i>Darovskikh O. I., Darovskikh S. M.</i> Issues of differentiation of pre-trial proceedings in criminal cases against foreign citizens	132
<i>Elfimov P. V., Vinogradova O. P.</i> The Official burial place as a source of evidentiary information for exhumation	143
<i>Kuemzhieva S. A., Zelensky V. D.</i> On the criteria and principles to the group methodology of crime investigation	152
<i>Kuznetsov A. A.</i> Philosophical and legal concept of the essence and content of the category of "responsibility" and its transformation in the context of the modern world picture	161
<i>Logunov O. V., Kutuev E. K.</i> On improving the procedure for storing seized real property	174
<i>Prokhorova E. A.</i> The role of doctrine in criminal procedure regulation	183
<i>Sluchevskaya Y. A.</i> Compensatory and restorative functions of criminal law	194
<i>Stebeneva E. V.</i> Types of corruption: modern criminological transformations	209
<i>Tambovtsev A. I.</i> Problems and features of normative legal regulation of the use of "cover documents" in operational-search activities	227
<i>Shchepelkov V. F., Ivanova E. V.</i> Delineation of attempted murder from crimes with related components in cases of domestic violence	245

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Berezhnova L. N., Shaidulin M. R.</i> Biologically conditioned motor activity – a factor of health and self-preservation of a person	256
<i>Pashukova A. D., Kirillova T. V.</i> Methodological foundations for the formation of the readiness of future employees of the penal enforcement system to implement probation functions	267
<i>Rozhkov A. A., Belyaeva E. G.</i> Development of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of the Ministry of the Interior of Russia”	277
<i>Suprunov A. G.</i> Participation of students in extracurricular activities as a pedagogical condition for the formation of professional communication	296

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>Kostina E. V., Agapov V. S.</i> Comparative analysis of perceived organisational support by cadets	305
<i>Kostina L. N., Erokhina E. I.</i> On the results of the development of styles of professional activity of patrol and post police service	314
<i>Pochebut L. G., Chiker V. A.</i> Methodological support for social capital research in organizations	325

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Gaidamashko I. V., Zlokazov K. V., Fedotov A. U.</i> Neural network classification of training candidates based on their personal and professional qualities: methodology and prospects of application	336
<i>Petrov V. E.</i> Personal choice of participation in extreme volunteering as a protector of professional deformation	354

Теоретико-исторические правовые науки

Theoretical and historical legal sciences

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-10-19>

Виталий Витальевич Балахонский

доктор философских наук, профессор

<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

История государственного и цивилизационного развития России в концептуальном осмыслении российскими мыслителями XIX века: теоретико-исторический анализ

Аннотация: Введение. Период глобального цивилизационного конфликта, разворачивающегося сейчас на международной арене, актуализирует значение обращения к отечественному опыту осмысления истории государственного и цивилизационного развития нашей страны, его научно-теоретической рефлексии в произведениях классиков философии. Задача понять государственные и цивилизационные особенности нашей страны не решается без изучения опыта прошлого, без ретроспективного анализа тенденций их становления и эволюции. Серьезную эвристическую проблему, связанную с изучением заявленной темы, представляет длительный период ее забвения в советской науке и вытеснение на периферию внимания в постсоветское время, вызванное доминированием в исследовательской парадигме прозападной, нелиберальной тематики. **Цель исследования:** осуществить теоретический и исторический анализ важнейших концептуальных подходов к изучению истории развития государственности российскими мыслителями XIX века – В. С. Соловьевым, Е. Н. Трубецким, Н. А. Бердяевым, Н. И. Кареевым и А. С. Хомяковым. **Методы.**

Основными методологическими принципами исследования явились принципы всесторонности и целостности изучения истории государственного и цивилизационного развития России, единства исторического и логического, принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической основой проведенного исследования стали методы: системный, обеспечивающий целостность восприятия изучаемого объекта; сравнительно-исторический, позволивший рассмотреть предмет в его эволюции; аксиологический, способствующий выделению наиболее значимых концептуальных подходов к пониманию изучаемой проблематики. Были использованы общенаучные и специальные методы правовых исследований. **Результаты.** Выявлен методологический смысл нравственного потенциала концептуального осмысления российской цивилизации, рассмотрена эволюция смыслового содержания понятия «гуманизм» в его традиционной, неолиберальной и современной патриотической интерпретации, изучена проблема конфликта цивилизаций: ее сущность и детерминанты.

Ключевые слова: государственно-цивилизационное развитие, российская цивилизация, гуманизм, конфликт цивилизаций, историческая память

Для цитирования: Балахонский В. В. История государственного и цивилизационного развития России в концептуальном осмыслении российскими мыслителями XIX века: теоретико-исторический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 10–19; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-10-19>.

Original article

Vitaly V. Balakhonsky

Dr. Sci. (Phil.), Professor

<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

History of state and civilisational development of Russia by Russian thinkers of the XIX century: theoretical and historical analysis

Abstract: Introduction. The phase of worldwide civilisational conflict that is currently taking place in the international arena urges the importance of appealing to the domestic experience in understanding the history of the state and civilisational development of our country, its scientific and theoretical reflection in the works of great philosophers. One cannot understand the state and civilisational peculiarities of Russia unless they examine the experience of the past, retrospective analysis of the tendencies of their formation and evolution. A serious heuristic problem associated with the research is the long-term period of its neglect in Soviet science and its repression to the margins of attention in the post-Soviet period caused by dominance of pro-western and neoliberal studies. **The aim of the research** is to conduct a theoretical and historical analysis of the most important conceptual approaches made by Russian thinkers of the XIX century V. S. Soloviev, E. N. Trubetskoy, N. A. Berdyaev, N. I. Kareev and A. S. Khomyakov related to the study of the statehood history development. **Methods.** The main methodological principles of the research were the principles of comprehensiveness and integrity of the study of the history of the state and civilisational development of Russia, the unity of historical and logical, the principle of ascending from the abstract to the concrete. The methodological basis of the research included the systematic

method, ensuring the integrity of the perception of the object studied; comparative-historical method, allowing to consider the subject in its evolution; axiological method, contributing to the identification of the most significant conceptual approaches to understand the issues studied. General scientific and special methods of legal research were used. **Results.** The paper revealed the methodological meaning of moral potential of the conceptual understanding of the Russian civilisation. The author examined the evolution of the semantic content of the concept 'humanism' in its traditional, neo-liberal and modern patriotic interpretation, and studied the problem of the conflict of civilisations: its essence and determinants.

Keywords: state-civilisational development, Russian civilisation, humanism, conflict of civilisations, historical memory

For citation: Balakhonsky V. V. History of state and civilisational development of Russia by Russian thinkers of the XIX century: theoretical and historical analysis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 10–19; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-10-19>.

Введение

Период глобального цивилизационного конфликта, разворачивающегося сейчас на международной арене, актуализирует значение обращения к отечественному опыту осмысления истории государственного и цивилизационного развития нашей страны, его научно-теоретической рефлексии в произведениях классиков философии. Задача понять государственные и цивилизационные особенности нашей страны не решаема без изучения опыта прошлого, без ретроспективного анализа тенденций их становления и эволюции. Серьезную эвристическую проблему, связанную с изучением заявленной темы, представляет длительный период ее забвения в советской науке и вытеснение на периферию внимания в постсоветское время, вызванное доминированием в исследовательской парадигме прозападной, неолиберальной тематики. *Цель исследования:* осуществить теоретический и исторический анализ важнейших концептуальных подходов к изучению истории развития государственности российскими мыслителями XIX века – В. С. Соловьевым, Е. Н. Трубецким, Н. А. Бердяевым, Н. И. Кареевым и А. С. Хомяковым.

Методы

Основными методологическими принципами исследования явились принципы всесторонности и целостности изучения истории государственного и цивилизационного развития России, единства исторического и логического, принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической основой проведенного исследования стали методы: системный, обеспечивающий целостность восприятия изучаемого объекта; сравнительно-исторический, позволивший рассмотреть предмет в его эволюции; аксиологический, способствующий выделению наиболее значимых концептуальных подходов к пониманию изучаемой проблематики. Были использованы общенаучные и специальные методы правовых исследований.

Обсуждение

Одной из особенностей теоретического осмысления истории развития отечественной государственности российскими мыслителями XIX века является ее рассмотрение в контексте сложившейся в нашей стране цивилизационной парадигмы.

В основе концепции В. С. Соловьева, посвященной выявлению сущности феномена исторического развития государства и цивилизации, находится гегелевское представление о диалектической триаде, где тезисом выступает «внешнее единство» элементов социума, не опирающееся на достаточные цивилизационные детерминанты; антитезисом является обретение этими элементами самостоятельности, дифференциация их друг от друга, нару-

шающая изначальное внешнее единство; синтезом становится их свободное «внутреннее» единство, обусловленное взаимодополняемостью и взаимовосполняемостью элементов общества [1].

Понимание цивилизационного развития В. С. Соловьевым базируется на выделении двух основных субъектов социально исторического процесса – Бога и человека, различные варианты соотношения действий которых и образуют ход истории, телеологически ориентированный на достижение высшего, идеального состояния государства – Богочеловечества¹. Теория Богочеловечества В. С. Соловьева также основывается на указанной триаде, в которой тезисом является совершенный Бог, а его противоположностью (анти-тезисом) – несовершенный и грешный человек. Их единство достигается в синтезе, который персонифицируется в образе Иисуса Христа, выступающего одновременно и полностью Богом, и полностью человеком. Предлагаемый В. С. Соловьевым Великий Синтез божественного и человеческого несет в себе не только большую нравственную нагрузку, значимую для регуляции поведения индивидов, но и определенный социальный идеал, к которому должно стремиться историческое развитие государства и цивилизации в целом. Подобная телеологическая установка несет в себе мощный нравственный потенциал, раскрывающийся в фиксации атрибутивных особенностей российской цивилизации – ее коллективистских основах (по религиозной терминологии – «соборности») и гуманизме свойственного ей менталитета.

Используя термин «гуманизм», который, по мнению мыслителей XIX века, действительно отражает одну из важнейших особенностей российской цивилизации, мы вкладываем в это понятие изначально присущий ему смысл, состоящий в рассмотрении заботы о человеке и его благе в качестве высшей ценности государства и общества. В современном глобализирующемся мире происходит подмена ранее казавшихся ясными и привычными понятий. Так произошло и с понятием «гуманизм», который в неолиберальной интерпретации превратился в принцип абсолютного доминирования личного над общественным, стал знаменем полного социального эгоизма, попирающего интересы общества и всех других людей, кроме индивида, его выражающего. Такая жизненная установка выполняет социально деструктивные функции и направлена на ослабление государства. Применительно к Российскому государству с его огромными территориями и сложным климатом подобная неолиберальная стратегия не применима, поскольку ведет к распаду государства и деградации общества [2, с. 92–98]. Это прекрасно понимали и отечественные мыслители XIX века, в трудах которых гуманистические идеалы представляли как сотворчество индивида и государства, направленное на приближение к социально значимым идеалам, к построению цивилизации, основанной на заботе государства о своем народе и народа, защищающего и поддерживающего свое государство [3, с. 218].

Методологически интересным представляется понимание причин развития цивилизаций, изложенное В. С. Соловьевым в работах «Три силы»² и «Философские начала цельного знания»³. Свое объяснение автор основывает на выделении в истории трех главных сил, управляющих ходом развития цивилизаций. Первую силу он называет центростремительной и указывает, что она состоит в тенденции подчинения людей одному верховному началу. В ходе реализации этой тенденции происходит ограничение свободы личной жизни, тотальный контроль государства над всеми формами общественной жизни. Полная победа этой тенденции будет означать, по В. С. Соловьеву, упадок культуры и утрату многих цивилизационных основ социального существования. Предельную форму ее выражения философ формулирует в следующем принципе: «Один господин и мертвая масса рабов».

¹ Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика // Сочинения : в 2 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 27.

² Соловьев В. С. Три силы : Публичное чтение Владимира Соловьева. – Москва: В Университетской типографии (М. Катков), 1877. – 16 с.

³ Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Сочинения : в 2 т. / общ. ред. и сост. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 167–173.

Вторую силу В. С. Соловьев обозначает как центробежную, проявляющуюся в движении в противоположную крайность – к отказу от социального единства и утверждению приоритета частных интересов и форм жизни по отношению к общественным формам. Действие этой силы ведет к всеобщему эгоизму и анархии, к «атомизации» людей в социуме и в итоге к тому же результату – упадку культуры и государственности, – что и действие первой силы.

Преодоление крайностей действия первой и второй силы происходит благодаря третьей силе – божественной (смысл которой вполне может быть интерпретирован с позиции высшего нравственного социального начала), с которой мыслитель связывает приведение центропритягательной и центробежной сил в состояние соответствующей меры, позволяющей устранить их взаимоисключительность, дать им позитивное социальное содержание, обеспечить единство и взаимодетерминированность прав личности и общества и тем самым, укрепить цивилизационные основания государственности.

В. С. Соловьев отмечает, что указанные три силы в ходе социально-исторического процесса всегда проявляют свое действие в пропорционально дифференцированном единстве, что и определяет специфику различных цивилизаций. Применяя данный методологический принцип, автор выделяет три цивилизации, наиболее ярко выражающие собственное культурное своеобразие и играющие активную роль в мировой политике – Восточную мусульманскую цивилизацию, Западную цивилизацию и Славянскую цивилизацию. Остальные цивилизации, по мнению философа, не имеют определяющего влияния на мировую социально-политическую историю конца XIX века.

Своеобразие Восточной мусульманской цивилизации детерминировано преобладанием в ней первой силы, проявляющейся в доминировании единого объединяющего социума основания – религии, которая фундирует все аспекты жизнедеятельности страны и нивелирует различия между церковью, государством и цивилизацией.

В противоположность этому определяющей основой Западной цивилизации выступает центробежная сила, результатом действия которой часто являются деструктивные процессы, подрывающие основы культуры и государства.

Несмотря на определенную схематичность подобных методологических установок, следует констатировать, что они фиксируют некоторые важные специфические особенности мировой социокультурной и политической истории.

Анализируя качественное своеобразие Славянской цивилизации во главе с Россией, В. С. Соловьев пишет, что она предстает выражением и результатом действия третьей силы, гармонизирующей на основе высоких нравственных начал действие первых двух сил и придающей цивилизационному развитию единство и высший смысл. В. С. Соловьев высказал мнение о том, что народы, подвластные действию первых двух сил, завершают круг своего цивилизационного развития и наступает эпоха третьей силы.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый исторический период идея о формировании особой славянской цивилизации не была уникальна, она разделялась многими мыслителями того времени. В частности, об этом прямо говорили в своих работах Н. Я. Данилевский, а позднее О. Шпенглер¹ [4]. Реальный ход дальнейшей истории пошел по другому пути. Единая славянская цивилизация так и не сформировалась, однако самобытная российская цивилизация возникла и получила свое всестороннее развитие на основе сильной государственности имперского и советского периодов нашей отечественной истории [5, с. 319–327; 6, с. 63–79].

В развитии творческого наследия В. С. Соловьева необходимо отметить последующую корректировку некоторых его идей. Так, например, в работе «Чтения о Богочеловечестве»²

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – Москва: Мысль, 1993. – 663 с.

² Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. // Сочинения : в 2 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 5–172.

автор, исходя из фундаментальной методологической установки своей теории – обоснования принципа всеединства, предлагает его конкретизацию, в т. ч. и в области сближения восточного и западного направлений христианской религии и даже в установлении политического союза между русским царем и римским папой. Тем самым он как бы предугадывает события нашей отечественной истории постсоветского периода. Подобный исторический «опыт» имел для нашей страны очень негативные последствия, выразившиеся в ослаблении государства, в развале экономики, упадке отечественной культуры (кроме религиозной), в навязывании населению, в первую очередь молодежи чуждых ценностных установок западной цивилизации [7].

В своей теории исторического процесса В. С. Соловьев преувеличивает значение церкви в цивилизационном развитии, что может быть оправдано социальной ситуацией XIX века, в которой религиозность людей была много выше, чем сейчас. Подобное утверждение в значительной степени утрачивает свою актуальность в веке XXI, поскольку на современном этапе произошло утверждение политики как ведущего фактора, детерминирующего все иные цивилизационные основы социума (правовые, экономические, нравственные и в т. ч. религиозные). Впрочем, В. С. Соловьев не отрицает роли и других факторов цивилизационного развития, помимо религиозного.

Изучение научной литературы по истории государственного и цивилизационного развития России позволяет утверждать, что теория В. С. Соловьева оказала большое влияние на формирование концепций последующих мыслителей. В данной статье мы рассмотрим эту преемственность на основе изучения теорий Е. Н. Трубецкого, Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева.

Результаты

Методологической основой теории Е. Н. Трубецкого выступает общая установка на поиск смысла общественно-политического процесса, при этом философ рассматривает подобный «смысл» не только как объект изучения, но и как средство постижения социальной реальности.

Объяснение истории Е. Н. Трубецкого основывается на ряде фундаментальных идей В. С. Соловьева: 1) Бог есть начало и конец мировой истории; 2) одной из главных движущих сил истории цивилизаций является «Сила Божия»; 3) сущностью становящейся цивилизации выступает «Душа мира» – святая София. Но, в отличие от В. С. Соловьева, он не считает Бога субъектом истории, т. к. полагает, что цивилизации возникают относительно независимыми от самого Абсолюта, но как социальный результат действия его силы – Софии [8, с. 101, 110].

Следует отметить, что некоторые идеи Е. Н. Трубецкого, в определенной степени, предваряют трактовку свободы Н. А. Бердяевым. Эта идейная преемственность реализуется на основе сходства подходов к пониманию проблемы теодицеи, которую оба мыслителя объясняют тем, что Бог захотел, чтобы человечество в своей истории было свободным и цивилизационно воссоединилось с Ним только на основе свободы, что и позиционирует смысл всемирной истории, состоящий в эволюционном восхождении общества и государства на высший уровень собственного развития.

Оригинальный подход к пониманию цивилизаций предложил Н. А. Бердяев, который объяснял процесс их формирования и развития закономерной борьбой Добра против иррациональной Свободы, не подчиненной Богу. В основе его теории лежит представление о том, что эволюция цивилизаций происходит благодаря противодействию трех сил – Бога, судьбы и человеческой свободы [9, с. 219–226]. Доминирование любой из них влечет за собой серьезные цивилизационные последствия.

Доминирование упования народов на свою судьбу ведет к их покорности внешним обстоятельствам, меньшей активности человеческой свободы.

Преобладание в цивилизационных основах влияния иррациональной свободы ведет к социальному распаду и хаосу, что выражается в падении религиозной веры и утрате людьми объединяющего экзистенциального центра цивилизационных основ общества.

Преодоление цивилизационно-деструктивного влияния власти судьбы и иррациональной свободы может быть достигнуто только через Христа, «способного помочь человеческой свободе утвердиться в актах доброй воли» [9, с. 343]. В основе учения Н. А. Бердяева о трех силах, действующих в цивилизационном развитии человечества, с очевидностью прослеживается влияние рассмотренных выше идей В. С. Соловьева.

В исторической теории Н. А. Бердяева раскрывается важное методологическое значение социальных революций, с которыми он связывает в основном социально деструктивные функции по разрушению культурных и цивилизационных основ государства. Революции, в понимании Н. А. Бердяева, лишены творчества, они только расчищают поле исторической деятельности для последующего цивилизационного строительства. Генезис и развитие цивилизационного творчества он связывает с периодом реакции, наступающим после революции, когда получают свою репрезентацию новые формы жизни, коррелирующие со всем историческим прошлым.

Методологические основы своего понимания исторического развития цивилизаций Н. А. Бердяев изложил в разных работах, но в наиболее полном виде они представлены в монографии «Смысл Истории», в которой сформулированы главные принципы и методы экзистенциальной теории цивилизаций.

Представление о возможности объяснения истории цивилизаций Н. А. Бердяев базирует на платоновском отождествлении знания и припоминания. Он пишет, что историческое объяснение возможно лишь как «внутреннее припоминание», внутренняя память всего великого, совершившегося в истории человеческих цивилизаций, какое-то глубинное соединение, отождествление того, что совершается внутри, в самой глубине духа познающего, с тем, что было когда-то в истории [10, с. 19]. Подобная методологическая установка приобретает особый смысл и значимость в условиях постоянных попыток деформации исторической памяти целых народов, широко использующихся Западом для разрушения традиционных цивилизационных ценностей и эффективного манипулирования их общественным сознанием.

Интерпретируя теорию всеединства, Н. А. Бердяев рассматривает процесс проведения исторического исследования прошлого цивилизации как субъективированную форму выражения углубленного самопознания историка, базирующуюся на трактовке исторической памяти любого индивида, как хранящей представления обо всех великих исторических эпохах. Подобные представления, по Бердяеву, носят атрибутивно мифологизированный характер.

Стремление рассматривать в качестве предпосылки изучения прошлых цивилизаций историческое предание и миф не является оригинальным. Данный методологический прием широко представлен в инструментарии многих исследователей, однако Н. А. Бердяев вкладывает в понятие «миф» новый смысл. Он справедливо отмечает, что особенности мифологического мировосприятия не обязательно связаны с представлениями о сверхъестественных феноменах и не обязательно имеют отношение к прошлому: все периоды истории, включая современность, пронизаны мифотворчеством, примером чего выступают многочисленные политические и социальные мифы.

Глубокий рациональный смысл подобного широкого понимания мифотворчества обладает тем методологическим значением, что его изучение позволяет историку понять специфику психологического отношения к происходящим социальным феноменам их современников и потомков, что не только значимо для объяснения соответствующих исторических действий, но и важно для выяснения преемственности формирования исторической памяти в рамках государственно-цивилизационного развития.

Интересной и методологически значимой представляется полемика, развернувшаяся в российской философии относительно понимания прогресса в развитии цивилизаций.

Большинство философов высказало мнение о существовании подобного прогресса. Более того, Н. И. Кареев даже объявил принцип прогрессивного развития законом истории.

Понятие цивилизационного прогресса он разделил на пять частных понятий, каждое из которых является одновременно критерием общего прогресса: 1) прогресс умственный, состоящий в воспитании способности к духовным интересам; 2) прогресс нравственный, проявляющийся в воспитании способности действовать по убеждению и в улучшении принципов этики; 3) прогресс политический, состоящий в развитии свободы и улучшении государства; 4) прогресс юридический, отражающий развитие равенства и улучшение права; 5) прогресс экономический, выступающий как развитие солидарности и улучшение способов совместного добывания средств к существованию¹.

Его позиция солидаризируется с идеями П. Л. Лаврова, который также видел критерии цивилизационного прогресса и регресса в росте (или уменьшении) «солидарности» между людьми и в расширении сознательных процессов и мотивов действия в личностях [11].

Отдельной темой в представлениях о формировании славяно-восточного культурно-исторического типа является проблема конфликта цивилизаций. Общим для понимания причин подобных конфликтов большинство мыслителей считали не социально-экономические или политические противоречия, а различия культур, противоречия между ценностными цивилизационными ориентирами.

Современник А. С. Пушкина русский философ А. С. Хомяков считал основой любой цивилизации религию и связывал смысл конфликтов между Западной и Православной цивилизациями с противоречиями между католической и православной религиями [12]. Конечно, эта идея представляет собой чрезвычайное упрощение сложных политических, экономических, идеологических и т. п. детерминант войн и конфликтов в истории человечества, но в системе этих детерминант религиозный фактор, несомненно, занимает важное место. А. С. Хомякову принадлежит идея о «закате Европы», о ее глубочайшем духовно-культурном кризисе, высказанная им задолго до О. Шпенглера.

Развивая эти идеи А. С. Хомякова, И. В. Киреевский видит в российской цивилизации носительницу мессианской идеи в мировой истории, что крайне актуализируется в условиях современного острого социокультурного конфликта России с Западом. В период Крымской войны 1854–1856 гг. эта идея получила свое развитие в представлениях о конфликте между Западной и Православной цивилизациями как ее основной причине.

Заключение

1. Выявлен методологический смысл нравственного потенциала концептуального осмысления российской цивилизации, проявляющийся в том, что отечественные мыслители XIX века в своих трудах представляли гуманистические идеалы, как сотворчество индивида и государства, направленное на приближение к социально значимым идеалам, к построению цивилизации, основанной на заботе государства о своем народе, и народа, защищающего и поддерживающего свое государство.

2. Рассмотрена эволюция смыслового содержания понятия «гуманизм» в его традиционной, неолиберальной и современной патриотической интерпретации, обосновано понимание гуманизма, базирующееся на рассмотрении заботы о человеке и его благе в качестве высшей ценности государства и общества. Показано, что в современном глобализирующемся мире произошла подмена смысла понятия «гуманизм», который в неолиберальной интерпретации превратился в принцип абсолютного доминирования личного над общественным, стал знаменем полного социального эгоизма, попирающего интересы общества и всех других людей, кроме индивида, его выражающего. Такая жизненная установка выполняет социально деструктивные функции и направлена на ослабление государства.

¹ Кареев Н. И. Историология : (Теория исторического процесса). – Петроград: типография М. М. Стасюлевича, 1915. – С. 74–89.

Применительно к Российскому государству с его огромными территориями и сложным климатом подобная неолиберальная стратегия неприменима, поскольку ведет к распаду государства и деградации общества.

3. Изучена проблема конфликта цивилизаций: ее сущность и детерминанты; выяснено, что общим для понимания причин подобных конфликтов большинство мыслителей считали не социально-экономические или политические противоречия, а различия культур, противоречия между ценностными цивилизационными ориентирами.

Список литературы

1. Балахонская Л. В., Балахонский В. В. Понятие «культура» в науке и массовых коммуникациях: проблема определения сущности / *Философские проблемы отраслевых юридических наук* : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 31–37.

2. Припечкин В. В., Балахонский В. В. Современные концепции политической культуры: проблемы генезиса, развития и гносеолого-методологических оснований : монография / под науч. ред. А. А. Лугового. – Санкт-Петербург: Астерион, 2019. – 160 с.

3. *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы* : коллективная монография / В. А. Анкушкин, О. Ю. Бойцова, М. Н. Громов [и др.] ; ред.: Е. П. Чельшев [и др.]. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2018. – 440 с.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа : монография / сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. – Москва: Книга, 1991. – 573 с.

5. Яковец Ю. В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций : Фундаментальная монография. – Москва: МИСК – ИНЭС, 2021. – 564 с.

6. Балахонский В. В., Кудин В. А., Олейников В. С., Джегутанов Б. К. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / под общ. ред. В. В. Балахонского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. – 173 с.

7. Strelchenko V., Balakhonsky V., Bakhtin M., Balakhonskaya L., Ivanov E. Socio-historical knowledge: the experience of philosophical-epistemological reflection / *Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021)* : E3S Web of conferences, Moscow, April 28–30, 2021. – Moscow, 2021. – Vol. 284, no. 11027.

8. Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*. – Москва: Республика, 1994. – 431 с.

9. Бердяев Н. А. *Философия свободы ; Смысл творчества* / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова ; журн. «Вопр. Философии» [и др.]. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.

10. Бердяев Н. А. *Смысл Истории*. – Москва: Мысль, 1990. – 173 с.

11. Лавров П. Л. *Исторические письма : 1868–1869*. – Изд. 8-е. – Москва: URSS, 2013. – 295 с.

12. Хомяков А. С. *Всемирная задача России* / сост. и коммент. М. М. Панфилова ; отв. ред. О. А. Платонов. – Изд. 2-е – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – 784 с.

13. Кузин Н. Н. *Философия права: специфика репрезентаций онтологических оснований и гносеологического статуса* // *Инновации. Наука. Образование*. – 2020. – № 22. – С. 2017–2022.

14. Фарах С. *Российская цивилизация: энергии пространства и человека* : монография. – Москва: Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского, 2022. – 320 с.

15. Данильченко С. Л. *Российское государство-цивилизация в пространстве современного гуманитарного знания* : монография. – Уфа: АЭТЕРНА, 2023. – 138 с.

References

1. Balakhonskaya L. V., Balakhonskiy V. V. Ponyatiye «kul'tura» v nauke i massovykh kommunikatsiyakh: problema opredeleniya sushchnosti / *Filosofskiye problemy otraslevykh yuridicheskikh nauk* : Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 29 maya 2020 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 31–37.

2. *Pripechkin V. V., Balakhonskiy V. V.* Sovremennyye kontseptsii politicheskoy kul'tury: problemy genezisa, razvitiya i gnoseologo-metodologicheskikh osnovaniy : monografiya / pod nauch. red. A. A. Lugovogo. – Sankt-Peterburg: Asterion, 2019. – 160 s.
3. *Tsivilizatsionnoye razvitiye Rossii: naslediyе, potentsial, perspektivy* : kollektivnaya monografiya / V. A. Ankushkin, O. Yu. Boytsova, M. N. Gromov [i dr.] ; red.: Ye. P. Chelyshev [i dr.]. – Moskva: Izdatel' Vorob'yev A. V., 2018. – 440 s.
4. *Danilevskiy N. Ya.* Rossiya i Yevropa : monografiya / sost., poslesl., komment. S. A. Vaygacheva. – Moskva: Kniga, 1991. – 573 s.
5. *Yakovets Yu. V.* Novaya paradigma teorii, istorii i budushchego mira tsivilizatsiy : Fundamental'naya monografiya. – Moskva: MISK – INES, 2021. – 564 s.
6. *Balakhonskiy V. V., Kudin V. A., Oleynikov V. S., Dzhegutanov B. K.* Pravosoznaniye i yego rol' v zhizni obshchestva : monografiya / pod obshch. red. V. V. Balakhonskogo. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2018. – 173 s.
7. *Strelchenko V., Balakhonskiy V., Bakhtin M., Balakhonskaya L., Ivanov E.* Socio-historical knowledge: the experience of philosophical-epistemological reflection / Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021) : E3S Web of conferences, Moscow, April 28–30, 2021. – Moscow, 2021. – Vol. 284, no. 11027.
8. *Trubetskoy Ye. N.* Smysl zhizni. – Moskva: Respublika, 1994. – 431 s.
9. *Berdyayev N. A.* Filosofiya svobody ; Smysl tvorchestva / vstup. st., sost., podgot. teksta, primech. L. V. Polyakova ; zhurn. «Vopr. Filosofii» [i dr.]. – Moskva: Pravda, 1989. – 607 s.
10. *Berdyayev N. A.* Smysl Istorii. – Moskva: Mysl', 1990. – 173 s.
11. *Lavrov P. L.* Istoricheskiye pis'ma : 1868–1869. – Izd. 8-ye. – Moskva: URSS, 2013. – 295 s.
12. *Khomyakov A. S.* Vsemirnaya zadacha Rossii / sost. i komment. M. M. Panfilova ; otv. red. O. A. Platonov. – Izd. 2-ye – Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. – 784 s.
13. *Kuzin N. N.* Filosofiya prava: spetsifika reprezentatsiy ontologicheskikh osnovaniy i gnoseologicheskogo statusa // Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye. – 2020. – № 22. – S. 2017–2022.
14. *Farakh S.* Rossiyskaya tsivilizatsiya: energii prostranstva i cheloveka : monografiya. – Moskva: Izdatel'skiy dom Akademii imeni N. Ye. Zhukovskogo, 2022. – 320 s.
15. *Danil'chenko S. L.* Rossiyskoye gosudarstvo-tsvivilizatsiya v prostranstve sovremennogo gumanitarnogo znaniya : monografiya. – Ufa: AETERNA, 2023. – 138 s.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted June 16, 2024; approved after reviewing October 31, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 340.11

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>

Екатерина Сергеевна Зайцева

кандидат исторических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций

Аннотация: Введение. Потребность установления пределов правового регулирования возникает при осуществлении различных видов правовой деятельности, таких как правотворческая, интерпретационная и правоприменительная. Особое место в установлении пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности занимают высшие судебные инстанции – Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. **Цель исследования:** выявить особенности и значение установленных пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций. **Методы исследования:** общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогии, системно-структурный и др.) и частно-научные (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм права и др.). **Результаты.** Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности, осуществляемой Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, имеет свои особенности как по отношению к правотворческой деятельности, так и по отношению друг к другу. Особенности установления пределов правового регулирования в этом виде деятельности высших судебных инстанций является их вторичный характер и форма выражения (интерпретационные акты, имеющие нормативное содержание). Вторичность определяет специфику критериев, которые будут значительно отличаться от критериев выявления и установления пределов правового регулирования в правотворческой деятельности. В деятельности Конституционного Суда Российской Федерации критериями установления пределов правового регулирования являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы, а в деятельности Верховного Суда Российской Федерации – исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве. Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет значение как для законодателя, так и для правоприменителя.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, интерпретационная деятельность, высшие судебные инстанции, толкование права, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 20–30; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>.

Original article

Ekaterina S. Zaitseva

Cand. Sci. (Hist.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Setting the Limits of Legal Regulation in the Interpretation Activity of Higher Judicial Courts

Annotation: Introduction. The requirement to establish the limits of legal regulation arises in the implementation of various types of legal activities, such as law-making, interpretive and law-enforcement ones. A special place in setting the limits of legal regulation in the interpretation activity is occupied by the highest judicial courts – the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. **The aim of the research:** to identify the peculiarities and significance of setting the limits of legal regulation in the interpretation activity of higher courts. **The methods of research:** general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy, system-structural, etc.) and private-scientific (comparative-legal, formal-legal, method of interpretation of legal norms, etc.). **Results.** The setting of the limits of legal regulation in the interpretative activity carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation has its own peculiarities both in relation to law-making activity and in relation to each other. The peculiarities of setting the limits of legal regulation in this type of activity of the highest judicial courts are their secondary nature and form of reflection (interpretative acts with normative content). Secondary defines the specificity of the criteria, which will differ significantly from the criteria for identifying and setting the limits of legal regulation in law-making activities. In the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, the criteria for establishing the limits of legal regulation are constitutional and legal values and (or) principles, while in the activities of the Supreme Court of the Russian Federation - exclusively the principles of law as they are enshrined and reflected in the current legislation. The requirement to establish the limits of legal regulation in the interpretative activity is conditioned by uncertainty as one of the properties of law and can be expressed in two forms: positive and negative. The vision of the limits of legal regulation by the highest judicial instances is important for both the legislator and the law enforcer.

Keywords: limits of legal regulation, interpretative activity, higher judicial courts, interpretation of law, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Zaitseva E. S. Setting the Limits of Legal Regulation in the Interpretation Activity of Higher Judicial Courts // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 20–30; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>.

Введение

Проблема установления пределов правового регулирования встает при осуществлении различных видов правовой деятельности, но традиционно связывается исключительно с деятельностью правотворческой, оставляя за пределами научного осмысления необходимость и особенности установления пределов правового регулирования в процессе толкования

и правоприменения. Анализ научной литературы показал, что можно выделить только две публикации, в которых косвенно затрагивается данная проблема. П. М. Рабинович в своей статье выделил самостоятельную сферу правореализующего (в т. ч. правоприменительного) регулирования, не совпадающую со сферой легального регулирования, и обозначил условия (внешние и внутренние), определяющие ее изменения [1, с. 55–59]. К внешним условиям он относил изменения законодательства, к внутренним – использование аналогии закона и аналогии права, изменение толкования (перетолкования) оценочных правовых понятий, формирование новых правоконкретизирующих положений¹. Указанные условия, по его мнению, могут приводить как к расширению сферы правореализующего (в т. ч. и правоприменительного) воздействия, так и к ее сужению [1, с. 55–59]. Попытку связать пределы правового регулирования с различными видами юридической деятельности предприняла Е. А. Березина, выделив пределы правового регулирования в правотворческой деятельности, пределы интерпретационной деятельности, пределы правореализационной и правоприменительной деятельности [2, с. 50]. Полагаем, что предложенная терминология не совсем корректна, поскольку пределы правового регулирования изначально едины, и вряд ли можно говорить, что интерпретационная деятельность имеет самостоятельные пределы, не связанные с пределами правового регулирования, установленными законодателем², и независимые от них. В этой ситуации правильнее говорить не о самостоятельных видах пределов правового регулирования, а о проблеме установления пределов правового регулирования при осуществлении различных видов правовой деятельности, к которым следует относить правотворческую, интерпретационную и правоприменительную, каждая из которых имеет свои особенности. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть особенности установления пределов правового регулирования при осуществлении интерпретационной деятельности высшими судебными инстанциями.

Методы

В процессе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогии, системно-структурный и др.) и научно-правовые (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм права и др.) методы. Особое значение для исследования имел сравнительно-правовой метод, позволивший выделить особенности установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности как самостоятельном виде правовой деятельности.

Результаты

Правовая деятельность высших судебных инстанций: подходы и проблемы

Рассматривая интерпретационную деятельность высших судебных инстанций, необходимо коротко остановиться на оценке этой деятельности в отечественной юридической науке, поскольку достаточно часто ее рассматривают либо как правотворческую³ [3, с. 57–63], завершающуюся созданием нормативного правового акта (пусть даже и специфического) [4, с. 360–361; 5, с. 5; 6, с. 155–158; 7, с. 177–180], или судебного прецедента⁴ [8, с. 21; 9, с. 106–111; 10, с. 36], либо как правоприменительную [11, с. 63; 12, с. 107–111]. Поскольку этот длительно

¹ Необходимо уточнить, что сфера правореализующего регулирования, по мнению П. М. Рабиновича, может меняться только высшими органам (на тот момент, это, например, пленум Верховного Суда СССР, Госарбитраж при Совете Министров СССР). Именно эти органы аккумулируют общественную, а не индивидуальную практику правоприменителей, корректируют ее в масштабах всей страны. Непосредственно же правоприменительная практика призвана выступать важнейшим источником представлений о потребностях в праве, о требуемой «юридизации» и, наоборот, деюридизации общественных отношений, – словом, о нужном изменении сферы необходимого правового регулирования.

² Конечно, в данном случае нужно учитывать специфику правовой семьи, а также концепцию правопонимания, которая будет выступать методологической основой исследования.

³ Корнев А. В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 155.

⁴ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2007. – С. 430.

и активно обсуждаемый вопрос не является непосредственным предметом настоящей статьи, позволим себе обозначить несколько тезисов, имеющих значение для нашего исследования, тем более что научная дискуссия по этому вопросу достаточно хорошо освещена в юридической литературе.

На протяжении дискуссии о существовании судебного правотворчества в российской правовой системе, которая идет уже три десятилетия, сложились два основных подхода, которые по-разному оценивают деятельность высших судебных инстанций. В рамках первого деятельность высших судебных инстанций рассматривается как правотворческая [4, с. 155–158; 13, с. 491–492; 14, с. 189]. Сторонники второго подхода обосновывают неприемлемость судебного правотворчества для российской правовой системы [12, с. 107–111; 15, с. 7–35; 16, с. 19]. Не останавливаясь на аргументации различных сторон, отметим, что деятельность высших судебных инстанций де-юре может быть двух видов: интерпретационная и правоприменительная. Отнесение определенной деятельности к конкретному виду, как это было отмечено ранее, обусловлено ее целью и результатом. Если целью является:

- разъяснение смысла правовых норм, которое содержится в итоговом акте, то речь идет об интерпретационной деятельности⁵;
- вынесение индивидуального решения по конкретному делу, которое находит отражение в правоприменительном акте, то речь идет о правоприменительной деятельности⁶.

Другое дело, что действующее право любого государства не может охватить сферу правового регулирования⁷ в полном объеме, и высшие судебные инстанции вынуждены в процессе своей интерпретационной деятельности дополнять предмет правового регулирования, в т. ч. уточняя и корректируя его пределы. Подобные уточнение и коррекция обусловлены «более высоким коэффициентом соответствия „судебных практик” реалиям жизни, чем у писаного закона» [17, с. 66]. Таким образом, высшие судебные инстанции, преодолевая законодательный дисбаланс⁸, фактически устраняют неполноту правового регулирования [18, с. 20].

При этом следует учитывать, что, признавая нормативную новизну, содержащуюся в отдельных решениях высших судебных инстанций, говорить об осуществлении ими повсеместной правотворческой деятельности все-таки нельзя, поскольку далеко не все решения характеризуются нормативной новизной и могут даже теоретически претендовать по своему содержанию на статус нормативного правового акта или судебного прецедента.

Нам ближе подход, который определяет деятельность высших судебных инстанций как интерпретационную, но отмечает ее специфику, используя соответствующую терминологию. Так, Н. Н. Вопленко применительно к деятельности Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) вводит понятие «правотворческое толкование» [19, с. 72–80], А. В. Победкин, рассматривая интерпретационную деятельность Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), предлагает использовать термин «нормативное толкование закона» [10, с. 37]. Полагаем, что такая терминология заслуживает внимания, поскольку, с одной стороны, отражает изначальный смысл и цель осуществляемой деятельности, а с другой стороны, подчеркивает побочные фактические результаты, обусловленные необходимостью уточнения и коррекции предмета правового регулирования

⁵ В пункте 4 ст. 3 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ указано, что по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации (О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

⁶ В пункте 3 ст. 2 Федерального конституционного закона № 3-ФКЗ Верховный Суд Российской Федерации рассматривает отнесенные к его подсудности дела в качестве суда первой инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550).

⁷ Сфера правового регулирования представляет собой совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

⁸ Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2016. – С. 20.

и его пределов, а в некоторых случаях и выявления пределов сферы правового регулирования для внесения большей определенности в правовое регулирование общественных отношений, тем более, что нормативного понятия толкования в законодательстве Российской Федерации не содержится [20, с. 75]. Следовательно, высшие судебные инстанции имеют определенный простор при осуществлении своей интерпретационной деятельности.

Но если законодатель, выявляя и устанавливая пределы сферы правового регулирования, относительно свободен, будучи ограниченным только свойствами общественных отношений и свойствами права, выступающими как критерии выявления и установления пределов сферы правового регулирования, то субъекты интерпретационной деятельности такой свободой не обладают. Они в любом случае должны учитывать пределы предмета правового регулирования, установленные законодателем, и являются не самостоятельными творцами (авторами), а сотворцами (соавторами), отталкивающимися от уже существующего нормативного материала⁹. По мнению М. А. Куликова, «толкование права является формой его развития, а любое развитие, как известно, невозможно без изменений»¹⁰. Соглашаясь с общим посылом этого утверждения, отметим, что толкование права может являться формой его развития, предполагающей соответствующие изменения, но это происходит не всегда. Не случайно по объему выделяются три вида толкования: буквальное, расширительное и ограничительное, но только расширительное может рассматриваться как форма развития права. И именно такое толкование достаточно часто присуще высшим судебным инстанциям. Именно об исправляющем или изменяющем толковании говорил известный отечественный цивилист-позитивист Е. В. Васьковский: «Понимая норму в том смысле, какой она должна быть согласно действительному намерению законодателя, мы подвергнем ее так называемому исправляющему или изменяющему толкованию»¹¹.

Следует отметить, что подходы к интерпретационной деятельности будут существенно различаться в зависимости от концепции правопонимания. Например, представитель социологической концепции правопонимания С. А. Муромцев при разрешении юридических дел не ограничивался «специально-юридической сферой» и выходил за ее пределы, опираться на факты экономики, нравственности, религии¹². Характеризуя современные постмодернистские воззрения, профессор В. В. Лазарев отмечает, что они открывают «большое поле для понимания и интерпретации всего, что входит в сферу правового регулирования, что образует смысл соответствующих актов и общественных процессов, смысл правовых отношений и их участников и т. д. При этом свобода интерпретационной деятельности обуславливает множественные результаты, более того, допускается не только реконструкция авторских смыслов, их обнаружение в исследуемом объекте, но и конструирование собственного смысла» [21, с. 21].

Установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: общее и особенное

Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности имеет свои особенности по отношению к правотворческой деятельности. В то же время установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации как двух высших судебных инстанций имеет не только общие черты, но и особенности по отношению друг к другу.

⁹ В данной ситуации мы исходим из того, что сфера правового регулирования представляет собой совокупность отношений, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации, в отличие от предмета правового регулирования, который включает общественные отношения, уже урегулированные нормами права.

¹⁰ Куликов М. А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2023. – С. 176.

¹¹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. [Часть 1:] Учение о толковании и применении гражданских законов. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 247.

¹² Муромцев С. А. Что такое догма права? – Москва: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1885. – С. 31–32.

Первой общей чертой является вторичный характер установления пределов правового регулирования. Если законодатель, устанавливая пределы правового регулирования, отталкивается от общественных отношений, то интерпретатор – от уже существующих правовых норм, принципов права и правовых ценностей. Задача законодателя – выявить и установить пределы сферы правового регулирования и закрепить их в качестве предмета правового регулирования. Задача интерпретатора – выявить и установить пределы предмета правового регулирования и только в том случае, если они не установлены, обращаться к пределам сферы правового регулирования. В силу этого степень свободы в установлении пределов правового регулирования на уровне правотворческой деятельности, с одной стороны, и интерпретационной деятельности, с другой стороны, будет отличаться.

Второй общей чертой является форма выражения пределов правового регулирования в виде интерпретационных актов, имеющих нормативное содержание. Для КС РФ – это постановления:

- о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;
- о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном КС РФ истолковании;
- о толковании Конституции Российской Федерации¹³.

Для ВС РФ – это постановления Пленума ВС РФ (в т. ч. Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохранившие юридическую силу) и обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом. Особое место среди форм выражения пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности занимают постановления Пленума Президиума ВС РФ, принятые по конкретным делам в порядке надзора и в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Дело в том, что этот вид правового акта имеет двойственную природу. С одной стороны, это правоприменительный акт, содержащий индивидуальное решение по конкретному делу. С другой стороны, он содержит разъяснения, «обязательные и для иных судов, применяющие соответствующие нормы (в силу как инстанционной организации судебной системы, так и (в ряде случаев) прямого указания закона)»¹⁴. Не случайно некоторые исследователи рассматривают эти акты как интерпретационные [22, с. 53–56] или считают, что их интерпретационная составляющая преобладает над правоприменительной, поскольку они в большей степени направлены на обеспечение унификации и развития судебной практики, чем на исправление конкретных судебных ошибок [23, с. 36–37].

Вторичность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций определяет специфику критериев, которые будут существенным образом отличаться от критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования в правотворческой деятельности. Если при осуществлении правотворческой деятельности критериями будут выступать свойства общественных отношений, имеющих правовую природу, и свойства самого права, то при осуществлении интерпретационной деятельности критериями будут выступать ценности и (или) принципы права. При этом критерии установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации будут отличаться.

Критериями установления пределов правового регулирования в деятельности КС РФ являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы. Указанные критерии определяют особенности расширительного толкования КС РФ, обуславливающие выход за пределы предмета правового регулирования, установленного законодателем. Задача КС РФ не просто раскрыть содержание действующих конституционно-правовых норм,

¹³ Мы используем классификацию, предложенную М. А. Александровой (Александрова М. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – С. 167–168).

¹⁴ Корнев А. В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 12.

а сделать это, исходя из понимания ценностей и (или) принципов, имеющих достаточно абстрактный, контекстуальный характер и в силу этого не подразумевающих однозначного толкования. КС РФ представляет свое видение ценностей и наполняет содержанием принципы, в результате такой содержательной трансформации происходит коррекция пределов предмета правового регулирования.

В отличие от КС РФ в качестве критериев установления пределов правового регулирования следует рассматривать исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве. Теоретически ВС РФ может только уточнять пределы предмета правового регулирования, но не корректировать их. Тем не менее абстрактность принципов права приводит к тому, что в процессе их конкретизации как необходимой составляющей уточнения пределов предмета правового регулирования ВС РФ в отдельных случаях не уточняет, а корректирует пределы предмета правового регулирования.

Являясь концентрированным результатом развития права, принципы имеют существенное значение для установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности. С одной стороны, они позволяют обеспечить стабильность и гибкость правового регулирования, дают возможность разгрузить законодательство, минимизируя проблему его избыточности; с другой стороны, выступают как средство преодоления пробелов, решая проблему недостаточности законодательства.

Следует отметить, что арсенал юридико-технических средств, используемых для установления пределов правового регулирования в рамках интерпретационной деятельности, тоже будет существенно отличаться от тех, что используются в деятельности правотворческой. В последней их гораздо больше. Они более формализованы и детально проработаны, это целые правотворческие технологии, включающие значительное количество методов и средств. Именно поэтому приоритет в установлении пределов правового регулирования все-таки должен оставаться за субъектами правотворческой деятельности.

Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Негативная форма связана с дефектами права, позитивная – с особенностями изложения правового материала [24, с. 10]. В свою очередь, типовыми ситуациями, обуславливающими потребность в установлении пределов правового регулирования в процессе осуществления интерпретационной и правоприменительной деятельности, являются наличие пробелов в позитивном праве (негативная форма неопределенности) и «квалифицированное молчание законодателя» (позитивная форма неопределенности).

Значение установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций

Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет существенное значение, как для законодателя, так и для правоприменителя. Решения высших судебных инстанций являются ориентиром для дальнейшего изменения и установления пределов предмета правового регулирования законодателем. В первую очередь это касается решений КС РФ. Кроме того, эти решения позволяют иметь обратную связь с законодателем, сопрягая положения закона с реальной действительностью, и служат источником информации для дальнейшей правотворческой деятельности. Большое значение решения КС РФ, корректирующие пределы правового регулирования, имеют и для правоприменителей. В случае если норма признается неконституционной, решения КС РФ временно определяют пределы предмета правового регулирования вместо законодателя.

Что касается решений ВС РФ, то несмотря на то, что они в большей степени ориентированы на правоприменителя, для законодателя они тоже имеют весьма существенное значение, поскольку «смысл закона, выявляемый Пленумом ВС РФ при его толковании,

учитывается при разработке проектов федеральных законов, а в некоторых случаях непосредственно служит основанием для разработки законодательных изменений» [25, с. 35]. Обобщение и анализ индивидуальных решений ВС РФ позволяют создавать собственный вариант нормативного решения, который может стать образцом не только для иных судов, осуществляющих правоприменительную деятельность, но и для субъектов правотворчества¹⁵. Значимость решений ВС РФ для законодателя определяется тем, что они обеспечивают обратную связь, «резюмируя общественный запрос на совершенствование законодательства, выраженный в массиве правовых споров и судебных актов» [26, с. 23], и выступая «священной нитью между законом и реальной действительностью» [27, с. 53]; служат источником важной информации для правотворчества, поставляя не случайный, а многократно апробированный в самых различных условиях материал [28, с. 83], позволяющий законодателю выявлять пределы сферы правового регулирования. Большое значение решения ВС РФ имеют и для правоприменителя, выступая вектором для будущей судебной практики. Их игнорирование влечет, как правило, судебную ошибку и как следствие – отмену соответствующего решения [29, с. 262].

Заключение

Таким образом, установление пределов правового регулирования производится не только «сверху» – законодателем, но и «снизу» – интерпретатором и правоприменителем. Это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности осуществляется КС РФ и ВС РФ и имеет свои особенности по отношению к правотворческой деятельности. В свою очередь, установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности каждой из указанных судебных инстанций имеет не только общие черты, но и особенности по отношению друг к другу. К общим чертам следует отнести: вторичный характер установления пределов правового регулирования и форму выражения пределов правового регулирования в виде интерпретационных актов, имеющих нормативное содержание. Вторичность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций определяет специфику критериев, которые будут существенным образом отличаться от критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования в правотворческой деятельности. При этом критерии установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации будут отличаться. Критериями установления пределов правового регулирования в деятельности КС РФ являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы. В отличие от КС РФ, в качестве критериев установления пределов правового регулирования следует рассматривать исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве.

Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Негативная связана с дефектами права, позитивная – с особенностями изложения правового материала. Каждая из обозначенных форм определяет типовые ситуации, обуславливающие потребность в установлении пределов правового регулирования в процессе осуществления интерпретационной деятельности, такие как наличие пробелов в позитивном праве (негативная форма неопределенности) и «квалифицированное молчание законодателя» (позитивная форма неопределенности). Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет существенное значение как для законодателя, так и для правоприменителя.

¹⁵ Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учебное пособие. – Москва: Контракт, 2018. – С. 74.

Список литературы

1. Рабинович П. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития / XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1987. – С. 55–59.
2. Березина Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 4 (113). – С. 42–55; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>.
3. Анишина В. И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 57–63.
4. Судебная власть / Т. Е. Абова [и др.] ; под ред. И. Л. Петрухина. – Москва: Проспект, 2003. – 720 с.
5. Анишина В. И. Постановления Пленумов высших судов Российской Федерации: правовая природа, место и роль в правовой системе // Российский судья. – 2008. – № 5. – С. 4–8.
6. Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты : [монография]. – Москва: Международные отношения, 2004. – 340 с.
7. Четвернин В. А., Юрко Г. Б. Судебные источники права / Ежегодник либертарно-юридической теории : [сборник статей]. – Москва: ТЕИС, 2007. – Вып. 1. – С. 154–184.
8. Демидов В. В. О роли и значении Постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 3. – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/11552/?ysclid=m0qitmcyg8194354626> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине / Судебная практика как источник права : [сборник статей] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. – Москва: Юристъ, 2000. – С. 91–97.
10. Победкин А. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 34–44.
11. Эпов А. Г. Судебные решения по делам об абстрактном нормоконтроле как акты «негативного» правотворчества: дискуссионные вопросы теории и практики // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2 (77). – С. 59–66.
12. Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий / Судебная практика как источник права : [сборник статей] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. – Москва: Юристъ, 2000. – С. 107–111.
13. Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 573 с.
14. Сауляк О. П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 220 с.
15. Ершов В. В. Судебное правотворчество: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 7–35; <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35>.
16. Колоколов Н. А. «Судебные практики» в уголовном процессе отвергнуть или, упорядочив, легализовать? / Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники : материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Д. С. Карева, Москва, 23–24 марта 2006 г. – Москва: Городец, 2006. – С. 66–68.
17. Абрамова А. И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 25–35; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>.
18. Вопленко Н. Н. О понятии и функциях правотворческого толкования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 72–80.
19. Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 73–79.

20. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
21. Гермер В. Н., Иванов С. А. Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 53–56; <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.
22. Верещагин А. Н., Каранетов А. Г., Тай Ю. В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 6. – С. 4–81.
23. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 32–44.
24. Момотов В. В. Толкование правовых норм Верховным Судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы (окончание) // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 30–36.
25. Гребнев Р. Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2. – С. 23–35; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.008>.
26. Васильева Т. А. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 70. – С. 45–60.
27. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. – Москва: Норма, 2002. – 167 с.
28. Правовая политика. Право. Правовая система : монография / Р. С. Байниязов [и др.] ; под ред. А. В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 342 с.

References

1. Rabinovich P. M. Sfery i predely pravovogo regulirovaniya: ponyatiye, vidy, faktory razvitiya / XXVII s"yezd KPSS i razvitiye teorii gosudarstva i prava : mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. – Sverdlovsk: Sverdlovskiy yuridicheskiy institut, 1987. – S. 55–59.
2. Berezina Ye. A. Predely pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy: problemy ponimaniya, klassifikatsiya i znachenije v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – Т. 15, № 4 (113). – С. 42–55; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>.
3. Anishina V. I. Resheniya rossiyskikh sudov v sisteme pravoregulirovaniya: nekotoryye problemy teorii i praktiki // Gosudarstvo i pravo. – 2007. – № 7. – С. 57–63.
4. Sudebnaya vlast' / Т. Ye. Abova [i dr.] ; pod red. I. L. Petrukhina. – Moskva: Prospekt, 2003. – 720 s.
5. Anishina V. I. Postanovleniya Plenumov vysshikh sudov Rossiyskoy Federatsii: pravovaya priroda, mesto i rol' v pravovoy sisteme // Rossiyskiy sud'ya. – 2008. – № 5. – С. 4–8.
6. Vereshchagin A. N. Sudebnoye pravotvorchestvo v Rossii: sravnitel'no-pravovyye aspekty : [monografiya]. – Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. – 340 s.
7. Chetvernin V. A., Yurko G. B. Sudebnyye istochniki prava / Yezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii : [sbornik statey]. – Moskva: TEIS, 2007. – Vyp. 1. – С. 154–184.
8. Demidov V. V. O roli i znachenii Postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 1998. – № 3. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/11552/?ysclid=m0qitmcyg8194354626> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
9. Neshatayeva T. N. K voprosu ob istochnikakh prava – sudebnom pretsedente i doktrine / Sudebnaya praktika kak istochnik prava : [sbornik statey] / B. N. Topornin, E. Serveren [i dr.]. – Moskva: Yurist", 2000. – С. 91–97.
10. Pobedkin A. V. Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak forma tolkovaniya i preodoleniya probelov ugolovno-protseessual'nogo prava // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 11. – С. 34–44.

11. *Епов А. Г.* Sudebnyye resheniya po delam ob abstraktnom normokontrole kak akty «negativnogo» pravotvorchestva: diskussionnyye voprosy teorii i praktiki // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – № 2 (77). – S. 59–66.
12. *Nersesyants V. S.* U rossiyskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochiy / Sudebnaya praktika kak istochnik prava : [sbornik statey] / B. N. Topornin, E. Serveren [i dr.]. – Moskva: Yurist", 2000. – S. 107–111.
13. *Syrykh V. M.* Materialisticheskaya filosofiya publichnogo prava : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 573 s.
14. *Saulyak O. P.* Zakonnost' i pravoporyadok: na puti k novym paradigmam. – Moskva: Yurlitinform, 2009. – 220 s.
15. *Yershov V. V.* Sudebnoye pravotvorchestvo: pro et contra // Pravosudiye. – 2020. – Т. 2, № 1. – S. 7–35; <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35>.
16. *Kolokolov N. A.* «Sudebnyye praktiki» v ugolovnom protsesse otvergnut' ili, uporyadochiv, legalizovat'? / Ugolovno-protsessual'noye pravo: ponyatiye, sodержaniye, istochniki : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. D. S. Kareyeva, Moskva, 23–24 marta 2006 g. – Moskva: Gorodets, 2006. – S. 66–68.
17. *Abramova A. I.* Podzakonnoye pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2019. – № 8. – S. 25–35; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>.
18. *Voplenko N. N.* O ponyatii i funktsiyakh pravotvorcheskogo tolkovaniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2003. – № 1. – S. 72–80.
19. *Sivitskiy V. A., Teryukova Ye. Yu.* Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochniki konstitutsionnogo prava // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 1997. – № 3. – S. 73–79.
20. *Lazarev V. V.* Tolkovaniye prava: klassika, modern i postmodern // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2016. – № 8. – S. 15–28.
21. *Germer V. N., Ivanov S. A.* Interpretatsionnyye akty Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v sisteme pravovogo regulirovaniya // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2023. – № 1. – S. 53–56; <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.
22. *Vereshchagin A. N., Karapetov A. G., Tay Yu. V.* Puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoy deyatel'nosti Vysshogo Arbitrazhnogo Suda RF // Vestnik Vysshogo Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 2013. – № 6. – S. 4–81.
23. *Vlasenko N. A.* Neopredelennost' v prave: ponyatiye i puti issledovaniya // Rossiyskoye pravosudiye. – 2006. – № 7. – S. 32–44.
24. *Momotov V. V.* Tolkovaniye pravovykh norm Verkhovnym Sudom Rossiyskoy Federatsii v kontekste sovremennoy pravovoy sistemy (okonchaniye) // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 5. – S. 30–36.
25. *Grebnev R. D.* Rol' i mesto sudebnykh aktov v pravotvorcheskom protsesse // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2020. – № 2. – S. 23–35; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.008>.
26. *Vasil'yeva T. A.* Sudebnoye pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2009. – № 70. – S. 45–60.
27. *Zagaynova S. K.* Sudebnyy pretsedent: problemy pravoprimeneniya. – Moskva: Norma, 2002. – 167 s. 28. Pravovaya politika. Pravo. Pravovaya sistema : monografiya / R. S. Bayniyazov [i dr.] ; pod red. A. V. Mal'ko. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 342 s.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 8, 2024; approved after reviewing October 29, 2024; accepted for publication December 25, 2024

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

Институт технологий предпринимательства и права

Санкт-Петербургского государственного университета

аэрокосмического приборостроения

Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67а

Конструирование правовой субъектности в восточных дискурсивных практиках: постановка проблемы

Аннотация: Введение. В данной статье поднимается проблема понимания правовой субъектности; отмечается, что от типа правопонимания зависит образ, социальное назначение и онтологическая сущность самого субъекта правоотношения. Восточная правовая традиция, в отличие от индивидуалистической западной, явила миру коллективного субъекта, в котором индивидуальность содержится в потенции и раскрывается только при особых условиях и в рамках определенной социальной структуры. Поэтому для понимания правовой субъектности в цивилизационном (широком) значении необходим новый подход, учитывающий многообразие форм существования человека в мире права. **Методы.** Данная статья предлагает использовать постклассический антрополого-правовой подход, в рамках которого высвечивается контекстуальность правовых феноменов и актуализируется их релятивность. **Результаты.** В статье доказывается, что правовая субъектность не сводима только к индивидуалистической интеракции. Восточные культуры по-иному формируют правовую идентичность, а дискурсивные практики высвечивают различные вариации взаимного признания, в которых индивид, статусная группа и общество в целом выступают по отношению друг к другу с разной степенью доминантности. В статье утверждается, что каждая культура рисует свой идеальный образ человека в мире права: иногда он выступает как «творец», иногда как «творение», а иногда сочетает и то, и другое одновременно. Это, в свою очередь, предполагает определенный набор ценностей, адаптирующих человека к той социальной системе, в которой он реально живет, в которой реализует свои социально значимые потребности. В статье актуализируется идея о том, что правовая субъектность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как социального существа, в потенции притязующего на универсальный правопорядок.

Ключевые слова: правовая идентичность, субъект права, правовая коммуникация, взаимное признание, конструирование права, правовая традиция, европейский правовой дискурс, восточный дискурс, ориентализм

Для цитирования: Ломакина И. Б. Конструирование правовой субъектности в восточных дискурсивных практиках: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 31–39; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>.

Original article

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Saint Petersburg Law Institute (Branch)

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

44, Liteynyy ave., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

Institute of Business Technology and Law

Saint Petersburg State University of aerospace instrumentation

67 lit. A, Bol'shaya Morskaya str., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

Legal Subjectivity Issue in Eastern Discursive Practices: Problem stating

Abstract: Introduction. The article deals with the problem of understanding legal subjectivity; it is noted that the image, social purpose and ontological essence of the subject of legal relations itself depends on the type of legal understanding. The Eastern legal tradition, in contrast to the individualistic Western one, revealed a collective subject to the world. Individuality of this subject is maintained in potency and manifests itself only under special conditions and within a certain social structure. To understand legal subjectivity in the civilisational (broad) sense, a new approach taking into account the diversity of human existence forms is needed. **Methods.** This article proposes a post-classical anthropological legal approach that highlights the contextuality of legal phenomena and actualises their relativity. **Results.** The article provides evidence that legal subjectivity is not reducible to individualistic interaction alone. Eastern cultures shape legal identity differently, and discursive practices highlight different variations of mutual recognition in which the individual, status group and society as a whole act towards each other with different degrees of dominance. The author argues that each culture creates its own ideal image of a human being in the world of law: sometimes it acts as a “creator”, sometimes as a “creation”, and sometimes it combines both at the same time. This, in turn, implies a certain set of values that adapt a person to the social system in which he actually lives and realises his socially significant needs. The article actualises the idea that legal subjectivity is a construct formed by a person as a social being at all stages of his formation, potentially claiming a universal legal order.

Keywords: legal identity, subject of law, legal communication, mutual recognition, creation of law, legal tradition, European legal discourse, Eastern discourse, orientalism

For citation: Lomakina I. B. Legal Subjectivity Issue in Eastern Discursive Practices: Problem stating // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 31–39; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>.

Введение

Проблема понимания правовой субъектности имеет важное значение как для теоретической правовой науки, так и для юридической практики. Этой проблеме посвящено немало научной литературы. Ее различная направленность от юснатурализма до позитивизма не выявила всех аспектов формирования правовой субъектности ни в сугубо нормативном, и уж тем более ни в культуральном (цивилизационном) значении. Каждый тип правопонимания конструировал свой образ субъекта права, наделяя его свойственными ему бытийственными характеристиками. Поэтому онтологический у каждого конструируемого субъекта был не тождественен друг другу. Так, например, «позитивизм (юридический этатизм) мыслил субъекта через призму закона. Закон закреплял права и обязанности, которые и определяли правовой статус субъекта. Юридический этатизм провозглашал объективную природу права, поэтому внешняя форма выражения нормы права превалировала над ее внутренним содержанием и вообще никак не увязывалась с психическим (в широком смысле) миром субъекта правовой коммуникации. Конструируемый юридическим этатизмом субъект права в аутентичном прочтении был произведен от воли суверена, который «положил», «дал» права и наложил обязанности соответственно» [1, с. 18].

Данная концепция, как мы видим, не предполагала априорного наличия субъективных прав у субъекта права, его правомочия проистекали из закона, дарованного властью. В более поздних версиях позитивизм не отрицал субъективного права, но полагал его как права и обязанности, закрепленные в нормах законодательства, без их реализации на практике [2].

Иначе видел субъекта права юснатурализм. Для него субъективное право всегда априорно существовало в субъекте права и было первичным по отношению к любому внешнему регулятору. Субъективные права – неотчуждаемы, и они имеют с этой точки зрения универсальный, вневременной характер. Данное видение понимания субъективных прав предполагало только индивидуальный уровень (хотя кантианская теория в качестве субъекта полагает трансцендентную сущность). Поэтому субъекты права – это всегда индивиды, носители прав и свобод [3, с. 6]. Естественно-правовая доктрина сформировала индивидуалистический тип культуры и, став ядром западной правовой традиции¹, фактически обрела в либеральной идеологии бессмертие.

Таким образом, юридический этатизм и юснатурализм, представив два диаметрально противоположных ракурса понимания субъекта права, не смогли внятно показать его сущность, социальное назначение. Многие пласты (общественные страты), в которых субъект права воспроизводился в соответствующем качестве, остались без внимания. Между тем именно общество с помощью механизма интерпелляции превращает человека в субъекта права, облакает его в соответствующую форму, придает ему соответствующий групповой статус, идентифицирует его в том или ином качестве [4, с. 7]. При этом определяющее значение в интерпелляции имеет как направленность, тип и характер самого общества, так и его статусных групп, осуществляющих номинацию.

Восточная традиция явила миру образ коллективного субъекта, в котором индивидуальность раскрывалась в потенции, актуализировавшейся только в рамках определенной социальной структуры.

Методы

Правовая субъектность с точки зрения неклассического антрополого-правового подхода

Как отмечалось выше, восточная правовая субъектность не может быть изучена с помощью позитивистской и естественно-правовой методологии. Не может она изучаться и терминами западного дискурса [5, с. 180]. Однако восточный дискурс своего инструментария,

¹ Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Конституционализм и конституирующие принципы как факторы легитимации правовой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 37–45.

применимого для изучения себя, не дал в силу известных причин. Э. Саид по этому поводу прозорливо замечает: «Ориентализм – это не просто взгляд прогрессивного Запада на „дикий” и „отсталый” Восток, а интеллектуальный дискурс, в котором переплетаются понимание и познание „чужого” языком европейской культуры» [6, с. 35]. Поэтому ориентализм – это европоцентристская интеллектуальная традиция, в которой «чужой» всегда просеивается через сито априорных ценностей западной культуры [7, с. 143].

Для преодоления европоцентристской историографии мы предлагаем использовать неклассический антрополого-правовой подход, который не выносит априорных оценок, но учитывает контекстуальность правовых феноменов, ставя на первый план человека и его социализацию в производстве правовой реальности. Неклассический антрополого-правовой подход по-новому высвечивает субъекта права. В конструируемой реальности человек сотворяет и пересотворяет свой правовой мир в соответствии со своими представлениями о справедливом и несправедливом, должном и необходимом. Поэтому как ранее отмечалось нами в ранее опубликованной работе, «все аутентичные социальные институты, особенно в сфере права, представляют исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал человека, статусной группы, общества в целом» [8, с. 57]. «Сформированные в процессе правовой жизни, эти институты всегда несли и несут на себе печать времени и пространства (культуры). Отсюда специфический характер конституирующих доминант (принципов), задающих вектор правовой традиции» [9, с. 119]. Таким образом, есть все основания полагать, что человек конструирует правовую реальность и осмысливает ее, тем самым включая последнюю в свою природу [10, с. 29].

Обсуждение

Правовая реальность, формируемая и осмысливаемая человеком, институционализируется в поведенческих актах и стратегиях индивидов, статусных групп и общества в целом, и каждый тип правовой коммуникации имеет свои исторические и цивилизационные корни. Западную традицию права, вне всяких сомнений, конституирует идея верховенства права с приматом индивида. Здесь идея взаимного признания (по Полякову) предполагает однопорядковую связь, в которой каждый мыслит себя равным другому [11, с. 65]. Данный тип коммуникации предполагает наличие равенства в свободе на экзистенциальном, исходном уровне межчеловеческой коммуникации. «Европейский дискурс равнодостоинства стал мейнстримом и навязал миру привычные стереотипы, которые, как верно замечает Д. И. Луковская, имел античные корни. Так, «цицероновское „великое равенство” не было и не могло быть равенством, исключаящим какую-либо дискриминацию по отношению к участникам правового общения, равенством возможностей в доступе к социальным благам» [12, с. 491]. Однако равенство не предполагало всех членов человечества, из числа равнодостоинных вычеркивались все «чужие» и свои «больные» (дети, женщины, старики).

Восточную традицию права конституирует идея коллектива (семьи, клана, государства), а право мыслится не через призму наличия индивидуальной свободы, а через призму групповой принадлежности человека, и только в этом случае человек обретает свою правовую субъектность.

Результаты

Западная версия складывания правовой субъектности достаточно полно представлена в гуманитарной литературе, в отличие от восточной. Поэтому в данной статье акцент будет смещен именно в сторону восточного миропонимания субъектной природы человека. Самый радикальный вариант, с точки зрения западного миропонимания, являет японская традиционная культура в самурайской версии. Так, например, в японском морально-этическом кодексе «Бусидо» провозглашается полный отказ самурая от собственного тела и души, однако это не означает потери им своей самости, скорее наоборот, свою самость

он обретает через служение своему господину, который олицетворяет одновременно и клан, и императора. В подтверждение приведем отрывок из классического канонического текста: «Поскольку он (*самурай*) не знает, когда ему будет суждено исполнить это (*долг*) для своего господина, он не должен причинять вред своему здоровью излишеством в еде и вине и увлечением женщинами; равно как и смерть на домашних циновках он не должен считать достойным самурая концом. Еще более должен он остерегаться споров и ссор с товарищами, которые могут привести к стычке, дабы не рисковать понапрасну жизнью, как рискует ею тот, кто лишен чувства верности и долга. ... Поэтому, когда возникает опасность спора, всегда помни о том, что твоя жизнь принадлежит не тебе, но твоему господину, и умеряй свой пыл, ибо в этом состоит долг сдержанного и верного самурая»².

Метафорический стиль наставлений морально-этического кодекса «Бусидо» рисует образы, в которых долг, преданность, служение господину (равно семье и государству – данный аспект будет раскрыт ниже) выступают высшей ценностью японского общества, а выгода и эгоизм им противопоставляются как жалкие пороки человеческой природы, которые непременно должны преодолеваются. Неоценимый вклад в сохранение и укрепление традиционных японских ценностей самурайской культуры как стержневой основы традиционного японского общества внес самурай Ямомото Цунэтомо (1659–1719). В трактате «Хагакурэ кикигаки» («Записи о сокрытом в листе»), анализируя социально значимые стороны жизни традиционной японской культуры, он выходит на проблему понимания человека и его идентичности с точки зрения признания им других (другого) и посредством которых он обретает свой правовой статус, и вне его не существует. Надо понимать, что принцип взаимного признания моделируется культурой (статусными группами) не через индивидуальную интеракцию, а через господина, олицетворяющего клан и императора в целом, т. е. господин – это не индивид в западном понимании, а сочетающийся образ, в котором он – это он, и он – это все (по Фромму) [13].

Весьма убедительно выглядит цитата из классического японского трактата: «Принадлежность к клану, в котором хозяева и слуги всегда были преданы друг другу, это великое счастье как для крестьянина, так и для горожанина. Что уж говорить в этом отношении о самурае. Самурай клана Набэсима должен прежде всего понимать это. За счастье принадлежать к такому клану он должен платить своим неукоснительным служением. Если хозяин благоволит ему, он должен служить еще более самоотверженно. Он должен знать, что имеет возможность доказать свою преданность, даже если его делают ронином (*изгоем*), или велят ему совершить сэппуку (*харакири*). Он должен быть верным своему клану всегда, даже когда его изгнали в горы или закопали в землю»³. При анализе данного пассажа может показаться, что никакого взаимного признания здесь нет, а вот идея закабаления человека присутствует.

Однако в японской традиции закабаление человека увязывалось не с жесткой иерархической структурой общества, а с выполнением человеком определенной социальной профессиональной функции, при этом самурайская культура воспринималась вне разделения труда, но мыслилась как Абсолют. Трудно понять европейцам, не правда ли? Так, «Хагакура» рисует «Путь самурая»: «Путь самурая – стремление к совершенству!»⁴. Поэтому идеал «Хагакуры» – не узкий специалист, обуреваемый своими мелкими страстишками, а целостный человек. Целостный человек олицетворяет фундаментальные принципы всех искусств. Когда человек шествует по Пути самурая, он не должен искать других идеалов.

Идея взаимного признания в таком культурспецифическом понимании, как это ни парадоксально звучит, тоже связана с идеей свободы, как и в западной версии. Только в восточном исполнении свобода – не ценность, а средство обретения правильного «Пути», в данном случае «Пути самурая». Семантическое значение концепта «свобода» в представленной

² Сунь-цзы, Ямомото Ц., У-цзы, Дайдодзи Ю, [и др.]. Искусство войны и кодекс самурая : сборник : [перевод]. – Москва: Родина, 2023. – С. 118.

³ Ямомото Ц. Хагакурэ, или сокрытое в листе : [перевод]. – Москва: КоЛибри, 2016. – С. 143.

⁴ Там же.

версии означает освобождение от мирской повседневности, материальных выгод, суеты, ненужных знаний и опять, как это ни парадоксально звучит, свобода связана со смертью, долгом и ответственностью. Только в таком ключе она имеет особый смысл и обретает свое особое морально-этическое назначение.

Мы видим, что представленная японским самурайским дискурсом идея понимания человека через принцип взаимного признания предполагает обретение себя только через признание целого, которое представлено хозяином, родителями, человечеством и даже потомками, причем сам самурай и есть олицетворение целого, которое формируется посредством «Правильного пути». «Хагакурэ» предписывает: «Делать что-то для себя мелочно и недостойно; такие поступки всегда оборачиваются злом. ... Служение должно сочетать в себе заботу и сострадание к людям»⁵.

Китайская версия управления государством немногим отличалась от японской. Здесь также присутствует идея управления на основании взаимного уважения и почитания старших младшими, знатных незнатными. Данный принцип нашел осмысление в трудах Г. Киссинджера в контексте осмысления им восточного социокультурного контекста и его различия от западного [14, с. 13].

Справедливость и ритуал – вот главные скрепы, к которым апеллировали китайские философы и государственные деятели. Так, например, в «Военном трактате» У-Цзы пишет о необходимости признать друг в друге нечто такое, что объединяет народ и власть⁶. И здесь мы снова видим некий символический перенос якобы индивидуалистических ценностей (в европейском понимании) в поле других социально организованных структур: в Китае чаще всего проекция падает на государство, в традиционной Японии – на клан, и лишь затем на императора (государство).

Интересно, что в восточных дискурсивных практиках даже имеются иероглифы, обозначающие «общественного родителя» и «общественного ребенка», само же государство в китайской версии означает императорскую семью (государь *goa* и *jia* – семья. Эти слова сливаются в единое целое *goajia* – государство) [15, с. 51]. В работе «Лунь юй», главном произведении конфуцианской традиции, особое место уделяется идее взаимного признания человека, принадлежащего к той или иной социальной группе и государства в лице императора⁷. Здесь нет индивидуалистического начала, но есть другое, которое детерминирует в человеке «особый путь» и предназначение. Данный тип коммуникации предполагает не конкуренцию, а социальную внутригрупповую солидарность, в основе которой большое значение придавалось доверию. Конфуций по этому поводу прозорливо замечает: «Должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять правителю ... в случае крайней необходимости можно отказаться от оружия, можно отказаться даже и от еды, но без доверия народа государство не сможет устоять»⁸.

Огромный вклад в понимание правовой субъектности в японской самурайской версии внес современный японский филолог и культуролог, постмодернист Юкио Мисима. Мисима призывает японцев сохранять народный дух (кокатуй), выявляет его основополагающие принципы, имеющие моральные и этические корни. Так, например, используя концепт «любовь», Мисима образно и оригинально показывает его специфику в японской традиционной культуре. Оказывается, чистая любовь к женщине или юноше не отличались от преданности самурая его господину. Такое представление о любви было названо «любовью к императорской семье» (рэнкэиу-но дзе) и положено в основу поклонения императору⁹. В европейской традиции подобных вариаций любви к женщине, тождественной любви к хозяину, государю, точно не было.

⁵ Там же. – С. 144.

⁶ У-Цзы. Об искусстве ведения войны : [перевод]. – Москва: Родина, 2023. – С. 16.

⁷ Конфуций. Лунь юй // Древнекитайская философия : в 2 т. – Москва: Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 147.

⁸ Там же.

⁹ Сунь-цзы, Ямамото Ц., У-цзы, Дайдодзи Ю, [и др.]. Указ. соч. – С. 268.

Парадоксальность суждений Востока изумляет многих неискушенных европейцев. Свобода содержится в несвободе, право содержится в долге и ответственности перед другим(и), справедливость проистекает из неравенства, а семья, клан, государство (император) провозглашаются высшими ценностями! Все это доктринально закрепляется и реифицируется в идею следования «Особому Пути» («Путь Дао», «Путь Дхармы», «Путь Конфуция», «Путь Самурая» и пр.). На выходе мы видим цельную, мало понятную европейцам тотальную социальную модель со своим культурным стандартом (стержнем) взаимного признания и идентичности человека, погруженного в коллектив и как бы не существующего без него. В подтверждение приведем слова древнекитайского полководца Сунь-цзы. В трактате «О военном искусстве» он говорит: «Первое – это путь! ... Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений!»¹⁰. Очевидно, что «Путь» олицетворяет социальную гармонию в государстве, «Путь» – условие его безопасного существования, он залог гармоничного воспроизводства человека в границах стратифицированного общества (государства).

Заключение

Тотальность, пронизанная духом служения общему и целому в лице хозяина, господина, «отца нации», правителя формирует ценности, далекие от западных идеалов. Идентификация личности наслаивается на коллективные структуры, которые в конечном итоге диктуют особые сокровенные смыслы. Видимо, этим обстоятельством объясняются досконально разработанные морально-этические кодексы, так широко представленные в дискурсивных практиках Востока и массово применяемые людьми в обыденной повседневности.

Таким образом, конструирование личности имеет исторические и культурные корни, которые несводимы только к пониманию индивида в единичном аспекте его существования, через признание другого в эквиваленте «я». Дискурсивные практики рисуют различные вариации взаимного признания, в которых индивид, статусная группа и общество в целом выступают по отношению друг к другу с разной степенью доминантности. Формируемые правовые статусы закрепляются в разных культурных кодах языка по-разному и воспроизводятся в повседневных практиках тоже неодинаково. Каждая культура рисует свой идеальный образ человека – «творца» или «творения», а иногда «творца» и «творения» одновременно. И если в каждой отдельно взятой культуре все более или менее понятно и предсказуемо с точки зрения формирования устойчивой и относительно безопасной среды обитания человека, то в рамках межкультурной коммуникации дела обстоят иначе. Признание равнодостоинства другого (их) натывается на национальные стереотипы, которые уходят своими корнями в этническую самоидентификацию сначала этносов, народов, а потом и наций.

Список литературы

1. *Ломакина И. Б.* Образ субъекта в теории права / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швеца, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 16–23.
2. *Ромашов Р. А.* Конституционно-правовые отношения: субъект-объектные состояния и межсубъектные взаимодействия // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 132–136.
3. *Козлихин И. Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5–11.
4. *Честнов И. Л.* Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 2 (94). – С. 5–11.

¹⁰ Там же. – С. 16.

5. *Мальшиева Н. И.* Теоретические трудности в исследовании права КНР // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 175–186; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.203>.
6. *Саид Э. В.* Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов ; пер. с англ. К. Лопаткиной. – Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.
7. *Ломакина И. Б.* Ориенталистская традиция понимания восточной государственности // КриминалистЪ, – 2024. – № 1 (46). – С. 141–146.
8. *Ломакина И. Б.* Субъект права в антропологической парадигме / Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва: Инфотропик Медиа, 2021. – С. 45–58.
9. *Ломакина И. Б.* Правовая идентичность в классическую эпоху // КриминалистЪ. – 2023. – № 1 (42). – С. 112–118.
10. *Ломакина И. Б.* Постигание правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 3 (20). – С. 23–29; <https://doi.org/10.17816/RJLS18997>.
11. *Боровцов И. В., Гилинский Я. И., Голубева Л. А., Ивина М. К.* [и др.]. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. – С. 29–150.
12. *Луковская Д. И.* Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 484–498; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>.
13. *Фромм Э.* Человек для себя / пер. с англ. А. В. Александровой. – Москва: Neoclassic, 2023. – 320 с.
14. *Киссинджер Г. А.* О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко – Москва: АСТ, 2017. – 640 с.
15. *Логический анализ языка: языки этики* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 444 с.

References

1. *Lomakina I. B.* Obraz sub"yekt v teorii prava / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnausenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva [i dr.]. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. – С. 16–23.
2. *Romashov R. A.* Konstitutsionno-pravovyye otnosheniya: sub"yekt-ob"yektnyye sostoyaniya i mezhsob"yektnyye vzaimodeystviya // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2016. – № 3 (94). – S. 132–136.
3. *Kozlikhin I. Yu.* Pozitivizm i yestestvennoye pravo // Gosudarstvo i pravo. – 2000. – № 3. – S. 5–11.
4. *Chestnov I. L.* Sub"yekt prava: dopolnitel'nost' pravovogo statusa i pravovoy identichnosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2023. – № 2 (94). – S. 5–11.
5. *Malysheva N. I.* Teoreticheskiye trudnosti v issledovanii prava KNR // Pravovedeniye. – 2024. – Т. 68, № 2. – S. 175–186; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.203>.
6. *Said E. V.* Oriyentalizm / nauch. red. A. R. Ikhsanov ; per. s angl. K. Lopatkinoy. – Moskva: Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh», 2021. – 560 s.
7. *Lomakina I. B.* Oriyentalistskaya traditsiya ponimaniya vostochnoy gosudarstvennosti // Kriminalist", – 2024. – № 1 (46). – S. 141–146.
8. *Lomakina I. B.* Sub"yekt prava v antropologicheskoy paradigme / Sub"yekt prava: stabil'nost' i dinamika pravovogo statusa v usloviyakh tsifrovizatsii : sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. D. A. Pashentseva, M. V. Zaloilo. – Moskva: Infotropik Media, 2021. – S. 45–58.
9. *Lomakina I. B.* Pravovaya identichnost' v klassicheskuyu epokhu // Kriminalist". – 2023. – № 1 (42). – S. 112–118.
10. *Lomakina I. B.* Postizheniye pravovoy deystvitel'nosti: ot nauchnoy traditsii k simvolicheskomu universumu // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2019. – Т. 6, № 3 (20). – S. 23–29; <https://doi.org/10.17816/RJLS18997>.

11. *Borovtsov I. V., Gilinskiy Ya. I., Golubeva L. A., Ivina M. K. [i dr.]. Postklassicheskiye issledovaniya prava: perspektivy nauchno-prakticheskoy programmy : kollektivnaya monografiya / pod red. Ye. N. Tonkova, I. L. Chestnova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2023. – S. 29–150.*

12. *Lukovskaya D. I. Pravovaya legitimnost' kak dialog zakonodatelya s yego adresatami o prave i spravedlivosti // Pravovedeniye. – 2021. – T. 65, № 4. – S. 484–498; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>.*

13. *Fromm E. Chelovek dlya sebya / per. s angl. A. V. Aleksandrovoy. – Moskva: Neoclassic, 2023. – 320 s.*

14. *Kissindzher G. A. O Kitaye / per. s angl. V. N. Verchenko – Moskva: AST, 2017. – 640 s.*

15. *Logicheskiy analiz yazyka: yazyki etiki / otv. red. N. D. Arutyunova, T. Ye. Yanko, N. K. Ryabtseva – Moskva: YAzyki russkoy kul'tury, 2000. – 444 s.*

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted August 26, 2024; approved after reviewing September 27, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 351.74

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-40-50>

Александр Яковлевич Малыгин

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0009-8174-0855>, al.malygin2018!@yandex.ru

Альберт Ильдусович Абдрахманов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0009-1969-8051>, albert_a19@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

К содержанию понятия «органы внутренних дел» в историческом контексте

Аннотация: Введение. Термин «органы внутренних дел» настолько широко вошел в наш обиход (и в научный в том числе), что создается впечатление, будто он существовал всегда. Может показаться, что он претендует на некое базовое теоретическое понятие. В данной статье осуществлена попытка прояснить эту ситуацию, выяснить, когда и при каких обстоятельствах в делопроизводственный и научный оборот вошли понятия «внутренние дела», «органы Министерства внутренних дел», «учреждения внутренних дел», «органы внутренних дел». Эта задача представляется нам насущной и весьма актуальной. **Методы.** Исследование опиралось на диалектику, выступающую как общую методологию научного познания. Были использованы общенаучные, специальные, частнонаучные методы. Осуществлено изучение соответствующих исторических документов с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Полученные результаты обработаны с помощью интерпретативного метода. Проведено сравнение функций и подразделений Министерства внутренних дел в различные исторические периоды. Принцип историзма позволил исследовать динамику становления и развития терминов «внутренние дела», «органы внутренних дел». **Результаты и их обсуждение.** Выявлено, что сами понятия «внутренние дела», «органы внутренних дел» и другие их производные появились только в конце XVIII века. В «Таинственной конституции» Н. И. Панин наметил новую систему центральных органов отраслевого государственного управления. Одним из восьми направлений «государственного правления» он выделил «Духовной закон и нравы гражданств, что называется внутреннею политикою». В сентябре 1802 г. были созданы восемь министерств. Семь из них «специализированные», профильные: военно-сухопутное, военно-морское, юстиции, коммерции, финансов, иностранных дел, народного просвещения. А руководство остальными сферами деятельности общества и государства было поручено Министерству внутренних дел. Министерство внутренних дел заняло исключительное положение в части руководства местами: ему были подчинены губернаторы, органы местного самоуправления. Но понятие «внутренние дела» не было точно определено еще очень длительное время. Так продолжалось до начала XX века и в послереволюционные годы. Многочисленные реорганизации Министерства так и не позволили окончательно сформировать определение рассматриваемых терминов. **Заключение.** В результате исследования авторы приходят к выводу, что понятие «органы внутренних дел» не может претендовать на универсальное применение к различным историческим пери-

дам, поскольку отсутствуют единые критерии отнесения функций, выполняющихся теми или иными звеньями государственного аппарата, к «внутренним делам».

Ключевые слова: правоохранительные органы, полиция, внутренние дела, МВД, НКВД, милиция, органы внутренних дел

Для цитирования: Малыгин А. Я., Абдрахманов А. И. К содержанию понятия «органы внутренних дел» в историческом контексте // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 40–50; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-40-50>.

Original article

Aleksandr Ya. Malygin

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0009-0009-8174-0855>, al.malygin2018!@yandex.ru

Al'bert I. Abdrahmanov

Cand Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0009-1969-8051>, albert_a19@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

To the content of the concept of “internal affairs bodies” in a historical context

Abstract: Introduction. The term “internal affairs” has become so widespread in our everyday life (including scientific) that it seems as if it has always existed. It may seem that it pretends to be some basic theoretical concept. The author of this article attempts to clarify this situation, to find out when and under what circumstances the concepts of “internal affairs”, “bodies of the Ministry of Internal Affairs”, “institutions of internal affairs”, “internal affairs bodies” entered the record and scientific turnover. This task seems to us to be urgent and highly relevant. **Methods.** The research was based on dialectics, acting as a general methodology of scientific cognition. General scientific, special and private-scientific methods were used. The study of relevant historical documents with the use of analysis, synthesis, induction and deduction was carried out. The obtained results were processed using the interpretative method. The comparison of functions and subdivisions of the Ministry of Internal Affairs in different historical periods was carried out. The principle of historicism allowed us to study the dynamics of formation and development of the terms “internal affairs”, “internal affairs bodies”. **Results and their discussion.** It is revealed that the very concepts of “internal affairs”, “internal affairs bodies” and other derivatives of them appeared only at the end of the XVIII century. In the “Mysterious Constitution” N. I. Panin outlined a new system of central bodies of branch state administration. One of the eight directions of “state government” he singled out “Spiritual law and morals of citizens, which is called internal politics”. Eight ministries were created in September 1802. Seven of them were “specialised”, profile ones: the Military and Army, Naval, Justice, Commerce, Finance, Foreign Affairs, Public Education. The leadership of the other spheres of activity of society and the state was entrusted to the Ministry of Internal Affairs. The Ministry of Internal Affairs took an exclusive position in the part of the management of places: governors, local self-government bodies were subordinated to it. The concept of “internal affairs” was not precisely defined for a very long time. This continued until the beginning of the twentieth century and in the post-revolutionary years. Numerous reorganisations of the Ministry did not allow forming

a definition of the terms in issue. **Conclusion.** As a result of the research, the authors conclude that the concept of «internal affairs bodies» cannot claim universal application to different historical periods. There are no unified criteria for attributing the functions performed by certain links of the state apparatus to «internal affairs».

Keywords: law enforcement agencies, police, internal affairs, MIA, NCIA, militia, internal affairs bodies

For citation: Malygin A. Ya., Abdrakhmanov A. I. To the content of the concept of “internal affairs bodies” in a historical context// Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 40–50; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-40-50>.

Введение

Словосочетание «органы внутренних дел» является широко используемым, общепризнанным, даже «само собою разумеющимся». Употребляется оно не только в повседневной, бытовой лексике, но и в научных публикациях, в формулировках названий многочисленных статей, в учебных пособиях, учебниках, монографиях¹, вплоть до использования для характеристики известных правоохранных механизмов Древнерусского государства. Поэтому может показаться, что оно выступает в качестве претендента на уровень научной категории, некоего базового теоретического понятия.

Попытаемся проследить, когда и при каких обстоятельствах оно возникло. Вначале обратимся к справедливо считающимся объективными, научно достоверными источникам информации – к энциклопедиям. Оказывается, что ни в одной из наиболее известных, полных, авторитетных энциклопедий отдельной статьи «органы внутренних дел» нет.

Почему же? Стоит немного разъяснить этот вопрос. Энциклопедии пишутся так: готовится перечень предполагаемых к публикации в этой энциклопедии статей, затем подыскиваются авторы (известные специалисты в соответствующей области знаний и практики), которым и предлагается поучаствовать в подготовке этого важного труда. Отсутствие в энциклопедиях отдельной статьи «органы внутренних дел» может объясняться двумя причинами: 1) разработчики (а это тоже высококлассные специалисты) изначально не включали ее в перечень статей, 2) в перечень поместили, но авторы, которым предлагали эту статью написать, отказались от этого. Надеемся, что данная публикация поможет понять, почему так произошло.

Но предварительно следует сказать о единственном исключении «энциклопедического» уровня, «ведомственном» издании, о книге «МВД России. Энциклопедия», выпущенной в 2002 году к 200-летию Министерства внутренних дел². Предложенная в ней трактовка данного понятия заслуживает внимания. Ее автор В. В. Черников – известный ученый, доктор наук, профессор, по должности начальник договорно-правового департамента МВД России, располагавший широчайшими возможностями интерпретации этого понятия согласно с интересами практики – считает, что органы внутренних дел Российской Федерации являются «специализированной государственной структурой, предназначенной для непосредственного осуществления государственного управления в области внутренних дел». Далее дается разъяснение, что же относится к внутренним делам. Внутренние дела – это «важнейшая сфера жизнедеятельности общества и государства, представляющая собой комплекс общественных отношений, связанных с защитой жизненно важных интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств и иных угроз, с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности»³.

¹ Авторы данной статьи также использовали оборот «органы внутренних дел» в различных публикациях.

² Черников В. В. Органы внутренних дел (ОВД) // МВД России : Энциклопедия / гл. ред. В. Ф. Некрасов. – Москва: Объединенная редакция МВД России : Олма-Пресс, 2002. – С. 366–367.

³ Там же.

Не вступая в полемику, отметим лишь тот факт, что такое понимание «органов внутренних дел», «внутренних дел» предлагается в наши дни, в начале XXI столетия. Схожая трактовка дается в учебниках, учебных пособиях по курсу «Правоохранительные органы», в многочисленных статьях данной проблематики. Приведем несколько примеров. Так, Я. Л. Ванюшин считает, что «органы внутренних дел представляют возглавляемую МВД России систему органов исполнительной власти и их подразделений, осуществляющих публичные функции в сфере внутренних дел и наделенных в установленных законом случаях полномочиями по применению принудительных мер воздействия на участников контролируемых правоотношений»⁴.

По мнению А. П. Гуськовой, если под внутренними делами понимать совокупность всех вопросов внутренней жизни государства, то этим занимаются большинство органов исполнительной власти⁵.

В узком же смысле внутренние дела чаще всего трактуются как сфера деятельности, связанная «с охраной общественного порядка, защитой прав и свобод граждан, обеспечением законности, работой полиции»⁶.

Возникает вопрос – можно ли им оперировать применительно к более ранним историческим периодам, т. е. является ли данная трактовка универсальной, раскрывающей сущность этой категории?

Методы

Исследование опиралось на диалектику, выступающую как общую методологию научного познания. Были использованы общенаучные, специальные, частнонаучные методы. Осуществлено изучение соответствующих исторических документов с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Полученные результаты обработаны с помощью интерпретативного метода. Проведено сравнение функций и подразделений Министерства внутренних дел в различные исторические периоды. Принцип историзма позволил исследовать динамику становления и развития терминов «внутренние дела», «органы внутренних дел».

Результаты.

Принято считать, что в политический и юридический обиход понятие «внутренние дела» вошло в конце XVIII века. В «Таинственной конституции» Н. И. Панин наметил новую систему центральных органов отраслевого государственного управления. Одним из восьми направлений «государственного правления» он выделил «Духовная закон и нравы гражданств, что называется внутреннею политикою».

Иностранная, военная и адмиралтейская коллегии отделялись «от общих внутренних дел», обнимавших широчайший круг общественных отношений. Одним из руководителей департамента (коллегии) Императорского совета должен быть «статский секретарь внутренних дел, который не токмо сенатор, но и место имеет во всех коллегиях, принадлежащих к тому департаменту»⁷.

⁴ Ванюшин Я. Л. Организационное построение ОВД РФ // Государство и право. – 2012. – № 34. – С. 34.

⁵ Гуськова А. П. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов // Человек и закон. – 2014. – № 34. – С. 47. Примерно такой же является позиция Р. Г. Миронова, считающего, что в широком смысле органы внутренних дел представляют собой систему органов исполнительной власти, осуществляющих внутренние задачи и функции государства. См.: Миронов Р. Г. ОВД в системе правоохранительных органов // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 123.

⁶ Шамардин А. А. Правовой статус органов внутренних дел // Государство и право. 2011 – № 9. – С. 77. Н. А. Петухова и А. С. Мамыкин пишут, что «органы внутренних дел осуществляют защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений» // Правоохранительные и судебные органы России : учебник. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2015. – С. 221.

⁷ Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел / Собраны и изданы с Высочайшего разрешения по предначертанию его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича академиком П. Пекарскими : в 5 т. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1871. – Т. I: 1744–1764 годы. – С. 202.

Сохранилась записка Екатерины II о кандидатах в советники Императорского совета (Н. И. Панин в их числе) и о разделении его на департаменты. Первый в списке департамент «Внутренний» во главе с Н. И. Паниным⁸.

Сенат предполагалось разделить на шесть департаментов. Первый: «Государственных внутренних политических дел, яко то всякие государственные ведомости о числе народа, полное сведение о всех государственных приходах и расходах, архива с печатною конторою и типографиею, дела по синоду с подчиненными местами, дела по иностранной коллегии с пограничными комиссиями. Дела по камор с корчемными и ревизион-коллегиями, по штатс и соляной конторам и по канцелярии конфискации, по секретной и тайной экспедициям, по приказному столу и по новому уложению. О штатах, по ревизиям мужеского пола душ. По монетной и с принадлежащими к тому экспедициям»⁹.

Четвертый департамент: «Дела по юстиц и вотчинной коллегиям, по сыскному и судному приказу, по сыщиковым делам и по экспедиции о колодниках и всякия следственные по главной полиции»¹⁰. Отсюда можно заключить, что «правоохранительные» функции Н. И. Панин не связывал с делами внутренними. К слову сказать, в названных и иных документах братьев Паниных, адресованных в 1762 году Екатерине II, широко и свободно употребляются термины «министерство», «министр»¹¹.

Можно предположить, что новаторы «дней Александровых прекрасного начала» были знакомы с названными проектами, потому что в министерской реформе очень много созвучного идеям Н. И. Панина, в т. ч. в части «внутренних дел».

Для того чтобы разобраться с изначальной трактовкой термина «внутренние дела» и его эволюцией, следует упомянуть наиболее важные вехи истории МВД–НКВД, прибегнуть к их ретроспективной характеристике.

Напомним, что в сентябре 1802 г. были созданы восемь министерств. Семь из них «специализированные», профильные: военно-сухопутное, военно-морское, юстиции, коммерции, финансов, иностранных дел, народного просвещения. А руководство остальными сферами жизнедеятельности общества и государства было поручено Министерству внутренних дел. Поэтому оно было необычайно многофункциональным.

Достаточно перечислить основные самые крупные структурные звенья – экспедиции Министерства внутренних дел, чтобы убедиться в этом.

Первая экспедиция – народное продовольствие и соляная часть.

Третья – совершенствование земледелия; дороги, фабрики и заводы.

Четвертая – приказы общественного призрения.

Из четырех экспедиций только вторая (спокойствия и благочиния) занималась вопросами руководства полицией.

Очевидно, что при таком положении дел правоохранительная деятельность не относилась к разряду приоритетных. Подтверждением тому может служить любой отчет Министерства (объемом до 100 страниц), которые публиковались, начиная с 1804 года. В некоторых из них о состоянии правопорядка вообще не упоминается, результаты работы полиции не оцениваются, в лучшем случае приводятся сведения о некоторых «выдающихся» происшествиях.

Министерство внутренних дел заняло исключительное положение в части руководства местами: ему были подчинены губернаторы, органы местного самоуправления. Министерство активнейшим образом воздействовало на духовную жизнь россиян, т. к. все конфессии (за исключением Русской православной церкви, которая, как известно, была огосударствлена Петром I и управлялась через Духовную коллегию – Святейший Синод) были подведомственны Министерству внутренних дел, в составе которого имелся Де-

⁸ Там же. – С. 201.

⁹ Там же. – С. 201.

¹⁰ Там же. – С. 211.

¹¹ Из бумаг Диканьского архива князя Кочубея // Русский архив. – [Б. м.]: Издаваемый при Чертковской библиотеке, 1871. – Год 11-й. Т. 2. – С. 1415, 1418, 1420, 1422, 1423.

партамент духовных дел иностранных исповеданий. Цензура также была поручена ему. Как видим, к «внутренним делам» (к ведению МВД) был отнесен широчайший круг вопросов, охватывавший производственные, хозяйственные, административные, идеологические (духовные), правовые отношения, т. е. все сферы жизнедеятельности общества и государства.

В таком виде (за изъятиями, о которых речь пойдет ниже) Министерство действовало до начала XX века.

Никаких попыток за все два века ввести в оборот понятие "органы внутренних дел" не предпринималось, т. к. государствоведы, полицейисты, чиновный мир понимали, что отсутствует единый критерий, позволяющий отнести то или иное звено государственного механизма (согласно выполнявшимся им функциям) именно к органам внутренних дел. А некоторые события, некоторые важные реформы только подтверждали, что для теоретического научного обоснования понятия «органы внутренних дел» нет достаточных оснований. Самый убедительный, на наш взгляд, пример – это создание Министерства полиции. После выделения полиции из состава МВД последнее превратилось в чисто хозяйственное ведомство. Если его и систему подчиненных ему многочисленных подразделений отнести к «органам внутренних дел», то как же быть с системой Министерства полиции? (Кстати, в его состав были включены звенья отнюдь не полицейского – по современным меркам – характера, например, медицинский департамент). Затем, в дореволюционный период несколько раз в состав Министерства вводили и вновь выводили политический сыск, места лишения свободы и т. д. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел в результате множественных преобразований существенным образом менялся, отразить его в обобщенном научно-теоретическом понятии «органы внутренних дел» было невозможно. Понимание этого было, по-видимому, всеобщим. Поэтому использовалось (со временем все шире) понятие, совершенно не претендующее на какую-либо научность, понятие, отражающее практическое, реальное положение дел – органы Министерства внутренних дел. Легко заметить, что в этом случае какое бы расширение или сужение компетенции ведомства ни состоялось, а, следовательно, как бы ни уменьшалось или ни расширялось число служб и подразделений, подведомственных МВД, этот термин самым точным образом отражал бы истинное положение вещей.

Не вдаваясь в детали, можно утверждать, что аналогичный подход сохранялся и в Советском государстве. Образованный после Октябрьской революции Народный комиссариат внутренних дел в течение первых месяцев оставался таким же многофункциональным, как и дореволюционное Министерство внутренних дел, сохраняя многие прежние структурные подразделения. Однако с 1918 года началась постепенная реорганизация Наркомата: «чужеродное» (медицина, ветеринария, статистика и проч.) передавалось в другие ведомства, а в ведение НКВД переходили функции, связанные непосредственно с обеспечением внутренней безопасности. В состав Наркомата были переданы внутренние войска, места лишения свободы, органы государственной безопасности, подразделения по обслуживанию беженцев и пленных, противопожарная служба и др.¹² Невозможно «втиснуть» в понятие «органы внутренних дел» коммунальное хозяйство, руководство которым НКВД осуществлял до 1930 года.

Образованный в 1934 году Наркомат внутренних дел СССР являлся по сути своей «охранительным» ведомством. Напомним, что структура его включала: главное управление государственной безопасности, главное управление милиции и уголовного розыска, главное управление пожарной охраны, главное управление пограничной и внутренней охраны, главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел ЗАГС.

Хотя развитие Наркомата шло преимущественно за счет углубления специализации, выделения обособленных служб и подразделений (паспортная, ГАИ, детские комнаты ми-

¹² С переходом к нэпу многие из них были упразднены.

лиции и т. д.; в пенитенциарной области – новые виды мест лишения свободы), два нововведения не укладываются в общую схему: создание военно-учетных столов в низовых органах милиции (т. е. превращение их по сути дела в военкоматы) и службы местной противовоздушной обороны. И то и другое трудно отнести к внутренним делам, а следовательно, использовать в качестве аргумента существования «органов внутренних дел», а не «органов НКВД» в те годы.

Послевоенные эксперименты (передача из МВД милицейских служб и подразделений в ведение МГБ, а мест лишения свободы в Министерство юстиции и возвращение их обратно, объединение-разъединение с МГБ и проч.) лишь подтверждают сомнения в возможности оперировать общим, единым понятием «органы внутренних дел». С включением милиции в состав МГБ в 1949 году сложилась система, при которой в краях и областях Союза СССР существовали одновременно управления МГБ и управления милиции. Поэтому продолжали использовать наименование «органы НКВД», «органы МГБ», «органы милиции».

В 1953 году МГБ и МВД слились в единое МВД, а после создания весной 1954 года КГБ при Совете министров СССР милиция была оставлена в МВД. На уровне краев и областей действовали управления МВД и управления милиции.

Теперь мы подошли к событию, которое и явилось основанием (причиной) введения в оборот понятия «органы внутренних дел». В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 октября 1956 г.¹³ говорилось: «Считая неправильной существующую централизацию руководства местными учреждениями внутренних дел со стороны Министерства внутренних дел СССР, а также деление на органы МВД и органы милиции, признать целесообразным реорганизовать управления МВД и управления милиции в областях и краях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразовать в отделы (отделения) милиции исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся». Это решение оценивается абсолютно во всех публикациях как восстановление принципа двойного подчинения. Спрашивается, кого и кому?

Прежнее понятие «органы МВД» исключалось, как отражающее «неправильную существующую централизацию руководства местными учреждениями внутренних дел...»¹⁴. Назвать их органами исполкомов соответствующего уровня также было невозможно, поскольку это не отражало бы того самого принципа «двойного подчинения». В постановлении употреблен термин «местные учреждения внутренних дел». Некоторое время оборот «учреждения внутренних дел» широко использовался в официальных документах, нормативных актах. Одним из значений полиморфной категории «учреждение» является понятие «орган». На каком-то этапе словосочетание «органы внутренних дел» вытеснило словосочетание «учреждения органов внутренних дел» (каких-либо свидетельств о том, что оно было внедрено в директивном порядке или как методическая рекомендация не существует).

Итак, категория «органы внутренних дел» возникла как попытка идентифицировать созданные осенью 1956 года УВД (ОВД) соответствующих исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся¹⁵. Однако если ранее использовавшееся понятие «Органы НКВД-МВД» отражали лишь ведомственную принадлежность того или иного звена (службы, подразделения и т. д.) к НКВД-МВД и не претендовали на научно-теоретическое обоснование, раскрытие этого понятия, то использование термина «орган(ы) внутренних дел» непосредственно подводило к необходимости его толкования.

¹³ О мерах по улучшению работы МВД СССР : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Партийная жизнь. – 1957. – № 4. – С. 64–65.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Общая теория права и государства : учебник / В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, А. П. Герасимов [и др.] ; под ред. В. В. Лазарева. – Москва: Юрист, 1994. – 367 с. ; Теория права и государства : учебник / В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, В. Н. Бутылин [и др.] ; под ред. В. В. Лазарева. – Москва: Право и закон, б. г. (1996). – 421 с.

Последующие события достаточно скоро продемонстрировали аморфность данного понятия. К началу 1960-х гг. многие звенья МВД были переданы в другие министерства и ведомства, т. е. министерство перестало выполнять какие-то важные функции, а общее название «органы внутренних дел» продолжало применяться.

А как термин «органы внутренних дел» «подружить» с периодом 1962–1968 гг., когда у нас существовало не Министерство внутренних дел (МВД), а Министерство охраны общественного порядка (МООП)? Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1968 г. МООП СССР был переименован в МВД СССР. Все это наглядно свидетельствует, что никаких единых критериев для отнесения каких-либо звеньев государственного механизма к органам внутренних дел не существовало.

Все последующее развитие МВД лишь подтверждает это. Многочисленные изъятия функций и наоборот – возложение новых обязанностей на Министерство внутренних дел существенно меняли его государственно-правовой статус. Перечислить все важные изменения в журнальной статье просто невозможно. Назовем только наиболее существенные за последние десятилетия.

28 июля 1998 г. был издан указ «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»¹⁶, которая была в целом закончена к 1 сентября 1998 г.

Из ведения МВД была изъята противопожарная служба. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. «О совершенствовании Государственного управления в области пожарной безопасности»¹⁷ Государственная противопожарная служба Министерства внутренних дел Российской Федерации была преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС).

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»¹⁸ в состав Росгвардии были переданы внутренние войска, а также органы управления и подразделения МВД России по госконтролю в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности, отряды СОБР и ОМОН территориальных органов внутренних дел, Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиации МВД России и авиаподразделения министерства. Кроме того, Росгвардии передано ФГУП «Охрана».

Из сказанного ясно, что в результате этих изъятий Министерство внутренних дел фактически стало Министерством полиции.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 января 1994 г.¹⁹ Министерство внутренних дел отнесено к числу ведомств, подчиненных непосредственно ему. Государственно-правовой статус МВД, закрепленный в данном указе и целом ряде иных нормативных правовых актов, предусматривает строгую централизацию руководства министерством. Принцип двойного подчинения, который лежал в основе организации системы НКВД–МВД (1918–1930, 1956–1990) перестал действовать. Сам ход исторического развития вернул в обиход категорию «органы МВД», которая наиболее полно отражает реальное положение дел (достаточно посмотреть на вывеску любого регионального подразделения). Не претендующая на научные обобщения, неся сугубо прикладную нагрузку, она в известной мере может использоваться и в отношении периодов существования двойного подчинения – ведь сущность этих органов определялась, прежде всего, принадлежностью к НКВД-МВД.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1998. – № 31. – Ст. 3841. Источник: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/901752249/modid/99> (дата обращения: 19.11.2024).

¹⁷ О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 (ред. от 27.10.2011) // СЗ РФ. – 2001. – № 46. – Ст. 4348.

¹⁸ Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (ред. от 17.06.2019) // СЗ РФ. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.

¹⁹ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 3. – Ст. 190; СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3841.

Встает вопрос, как быть с теми хронологически короткими периодами, к которым невозможно употребить ни данную категорию, ни понятие «органы внутренних дел». Напомним, что с 1932 по 1934 гг. милиция подчинялась ОГПУ, исправительно-трудовые учреждения Наркомату юстиции и т. д. После Великой Отечественной войны из МВД в МГБ были переданы многие службы и подразделения, в том числе внутренние войска, милиция и уголовный розыск, а МВД превратилось в некое почти хозяйственное ведомство. С 1962 по 1968 гг. существовало не МВД, а Министерство охраны общественного порядка. Думается, что можно предложить именовать их по ведомственной принадлежности: милиция в составе ОГПУ (МГБ), ИТУ под руководством НКЮ, МООП и его местные органы и т. п. и т. д.

Заключение

После создания в сентябре 1802 г. министерств семь из них были «специализированными», профильными: военно-сухопутное, военно-морское, юстиции, коммерции, финансов, иностранных дел, народного просвещения. А руководство остальными сферами деятельности общества и государства было поручено Министерству внутренних дел, ему были подчинены губернаторы, органы местного самоуправления, ему были подведомственны все конфессии (за исключением РПЦ), в составе которого имелся Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Цензура также была поручена означенному министерству.

В течение долгого времени как в дореволюционный период, так и в советский и постсоветский многие функции МВД были переданы в другие министерства и ведомства, но общее название «органы внутренних дел» продолжало применяться.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что понятие «органы внутренних дел» не может претендовать на универсальное применение к различным историческим периодам, поскольку единые критерии отнесения функций, выполняющихся теми или иными звеньями государственного аппарата, к «внутренним делам», до настоящего времени отсутствуют.

Список литературы

1. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 499 с.
2. Актуальные проблемы истории советской милиции: сб. науч. тр. – Минск: Минская высшая школа МВД СССР, 1991. – 152
3. Афанасьев А. В., Галкин Ю. В. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917–2000 г.). – Саратов: Саратовский юридический институт, 2001. – 288 с.
4. Барсегян С. Г. Внутренняя безопасность общества и правоохранительные органы: (социально-философский анализ) : монография. – Москва: Московский университет МВД России, Щит-М, 2003. – 159 с.
5. Борисов, А. В. Малыгин, А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи : монография / под ред. Р. С. Мулукаева. – Москва : Юнити-Дана, Закон и право, 2013. – 318 с.
6. Бредихин А. Л., Удальцов А. А. От милиции к полиции: преобразование органов внутренних дел постсоветской России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2022. – № 2. – С. 76–85.
7. Ванюшин Я. Л., Ванюшина И. Н. Организационное построение органов внутренних дел Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2 (5). – С. 14–18.
8. Варадинов Н. В. П. История Министерства внутренних дел. – Ч. II, книга 2. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1862. – 604 с.
9. Гуськова А. П. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов // Человек и закон. – 2014. – № 34.
10. Гуцин С. В. Сущность и функции системы внутренней безопасности : монография. – Москва: Московский юридический институт, 1996. – 151 с.

11. *Жаглин А.В.* Органы внутренних дел в системе национальной безопасности Российской Федерации : монография. Воронеж: Институт ИТОУР, 2008. – 226 с.
12. *Зонненфельс И.* Начальные основания полиции или Благодичиние. Москва: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1787. – 318 с.
13. *Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России.* – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1913. – 42 с.
14. *Кодзокова Л. А., Гутиева И. Г.* Место органов внутренних дел в системе органов исполнительной власти и их взаимодействие с иными органами // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4 (167). – С. 382–383.
15. *Министерство внутренних дел. 1802–1902.* Исторический очерк. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1901. – 335 с.
16. *Мионов Р. Г.* ОВД в системе правоохранительных органов // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 123.
17. *Мулукаев Р. С.* Полиция России. (IX в. – нач. XX в.). – Нижний Новгород: [Б. и.], 1993. – 101 с.
18. *Мулукаев Р. С.* О некоторых особенностях полиции дореволюционной России // Реформы полиции России: история, современность, перспективы : сборник трудов межвузовского научно-практического семинара. – Москва: Академия управления МВД России, 2015. – С. 71–76.
19. *Нарбутов Р. В.* Проект развития полицейских органов России 1907 г. // Советское государство и право. – 1990. – № 11. – С. 125–133.
20. *Овченко Ю. Ф.* Полицейская реформа В. К. Плеве // Отечественная история. – 1993. – № 8. – С. 153–157.
21. *Руководство практических сведений по части:* а) уголовного законодательства, б) судебной реформы 20 ноября 1864 г., в) обязанностей общей полиции, г) закон 19 мая 1871 г. Для офицеров Корпуса жандармов / сост. полковник А. Рябинин. – Санкт-Петербург, 1872. – 230 с.
22. *Румянцев Н. В.* Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 126–129.
23. *Сизиков М. И.* Полицейская реформа Петра I // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 88–96.
24. *Токарева К. А.* Государственная служба в ОВД Российской Федерации: некоторые проблемы и особенности // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. статей. – Москва: Интернаука, 2018. – С. 136–143.
25. *Хлусов Т. М.* Понятие органов внутренних дел в контексте управленческого и структурно-функционального анализа: историческая ретроспектива (1917–2010 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 19–27.
26. *Шамардин А. А.* Правовой статус органов внутренних дел // Государство и право. – 2011. – № 9. – С. 77.

References

1. *Avrutin Yu. Ye.* Politsiya i militsiya v mekhanizme obespecheniya gosudarstvennoy vlasti v Rossii: teoriya, istoriya, perspektivy. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 499 s.
2. *Aktual'nyye problemy istorii sovetskoy militsii :* sb. nauch. tr. – Minsk: Minskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1991. – 152 s.
3. *Afanas'yev A. V., Galkin Yu. V.* Rossiyskaya militsiya. Kratkaya khronika (oktyabr' 1917 – 2000 g.). – Saratov: Saratovskiy yuridicheskiy institut, 2001. – 288 s.
4. *Barsegyan S. G.* Vnutrennyaya bezopasnost' obshchestva i pravookhranitel'nyye organy: (sotsial'no-filosofskiy analiz) : monografiya. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii, Shchit-M, 2003. – 159 s.
5. *Borisov, A. V. Malygin, A. Ya., Mulukayev R. S.* Politsiya Rossiyskoy imperii : monografiya / pod red. R. S. Mulukayeva. – Moskva : Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2013. – 318 s.
6. *Bredikhin A. L., Udal'tsov A. A.* Ot militsii k politsii: preobrazovaniye organov vnutrennikh del postsovetsoy Rossii // Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs. – 2022. – № 2. – С. 76–85.
7. *Vanyushin Ya. L., Vanyushina I. N.* Organizatsionnoye postroyeniye organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2015. – № 2 (5). – С. 14–18.

8. *Varadinov N. V. P. Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. – Ch. II, kniga 2. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1862. – 604 s.*
9. *Gus'kova A. P. Organy vnutrennikh del v sisteme pravookhranitel'nykh organov // Chelovek i zakon. – 2014. – № 34.*
10. *Gushchin C. B. Sushchnost' i funktsii sistemy vnutrenney bezopasnosti : monografiya. – Moskva: Moskovskiy yuridicheskiy institut, 1996. – 151 s.*
11. *Zhaglin A. B. Organy vnutrennikh del v sisteme natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : monografiya. Voronezh: Institut ITOUR, 2008. – 226 s.*
12. *Zonnenfel's I. Nachal'nyye osnovaniya politsii ili Blagochiniye. Moskva: V Universitetskoy tipografii, u N. Novikova, 1787. – 318 s.*
13. *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya i razvitiya politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1913. – 42 s.*
14. *Kodzokova L. A., Gutiyeva I. G. Mesto organov vnutrennikh del v sisteme organov ispolnitel'noy vlasti i ikh vzaimodeystviye s inymi organami // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4 (167). – S. 382–383.*
15. *Ministerstvo vnutrennikh del. 1802--1902. Istoricheskiy ocherk. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1901. – 335 s.*
16. *Mironov R. G. OVD v sisteme pravookhranitel'nykh organov // Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo. – 2015. – № 123.*
17. *Mulukayev P. C. Politsiya Rossii. (IX v. – nach. XX v.). – Nizhniy Novgorod: [B. i.], 1993. – 101 s.*
18. *Mulukayev R. S. O nekotorykh osobennostyakh politsii dorevolyutsionnoy Rossii // Reformy politsii Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy : sbornik trudov mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminar. – Moskva : Akad. upr. MVD Rossii, 2015. – S. 71–76.*
19. *Narbutov R. V. Proyekt razvitiya politseyskikh organov Rossii 1907 g. // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1990. – № 11. – S. 125–133.*
20. *Ovchenko Yu. F. Politseyskaya reforma V. K. Pleva // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – № 8. – S. 153–157.*
21. *Rukovodstvo prakticheskikh svedeniy po chasti: a) ugolovnogo zakonodatel'stva, b) sudebnoy reformy 20 noyabrya 1864 g., v) obyazannostey obshchey politsii, g) zakon 19 maya 1871 g. Dlya ofitserov Korpusa zhandarmov / sost. polkovnik A. Ryabinin. – Sankt-Peterburg, 1872. – 230 s.*
22. *Rumyantsev N. V. Rossiyskaya politsiya: istoriko-pravovoy analiz // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 1. – S. 126–129.*
23. *Sizikov M. I. Politseyskaya reforma Petra I // Pravovedeniye. – 1992. – № 2. – S. 88–96.*
24. *Tokareva K. A. Gosudarstvennaya sluzhba v OVD Rossiyskoy Federatsii: nekotoryye problemy i osobennosti // Molodoy issledovatel': vyzovy i perspektivy : sb. statey. – Moskva: Internauka, 2018. – S. 136–143.*
25. *Khlusov T. M. Ponyatiye organov vnutrennikh del v kontekste upravlencheskogo i strukturno-funktsional'nogo analiza: istoricheskaya retrospektiva (1917–2010 gg.) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2014. – № 10. – S. 19–27.*
26. *Shamardin A. A. Pravovoy status organov vnutrennikh del // Gosudarstvo i pravo. – 2011. – № 9. – S. 77.*

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 17.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted October 20, 2024; approved after reviewing November 17, 2024; accepted for publication December 5, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки Public legal (state legal) sciences

Научная статья

УДК 342.723

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-51-64>

Алла Викторовна Басова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>, allsar@rambler.ru

*Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112*

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83*

Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем

Аннотация: **Введение.** Использование интернета для совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних является новой угрозой для всестороннего психического и физического развития детей. Данные преступления отличаются большим количеством пострадавших от одного лица, страдающего расстройством сексуального поведения. Латентный характер таких преступлений обуславливает необходимость научного поиска практического обеспечения эффективной правовой охраны половой неприкосновенности детей в сети «Интернет» в соответствии с существующими проблемами. **Методы.** Используются общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение); частные методы исследования (системно-структурный, логико-юридический) позволили всесторонне исследовать проблему половой неприкосновенности несовершеннолетних и способы ее решения. Метод правового прогнозирования позволил определить сферы совершенствования законодательства по решаемой проблеме. **Результаты.** Выявлена высокая общественная опасность развратных действий в

отношении несовершеннолетних посредством сети «Интернет», что привело к развитию специализированных органов защиты половой неприкосновенности детей в интернете в зарубежных странах, к широкому внедрению искусственного интеллекта в цифровой поиск запрещенного порнографического контента. В России предлагается решать исследуемую проблему совершенствованием правового регулирования надзора за лицами, осужденными за нарушения половой неприкосновенности детей, посредством системы «Безопасный город», а также ограничением общего доступа к сети «Интернет» несовершеннолетних до возраста 14 лет.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, профилактика преступлений, детская порнография, интернет, насилие, защита

Для цитирования: Басова А. В. Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 51-64; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-51-64>.

Original article

Alla V. Basova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>, allsar@rambler.ru

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University

112, Bol'shaya Kazach'ya str.; Saratov, 410012, Russian Federation

N. G. Chernyshevsky Saratov State University

83, Astrakhanskaya str.; Saratov, 410012, Russian Federation

Protection of sexual inviolability of minors on the Internet: searching for problems solution

Abstract: Introduction. The use of the Internet in committing offences against the sexual inviolability of minors is an emerging threat to their full mental and physical development. These crimes are characterised by a large number of victims suffering from a single person with a sexual behaviour disorder. The latent nature of such offences determines the scientific search for the practical ensuring of effective legal protection of minor's sexual inviolability on the Internet in line with the existing problems. **Methods.** General scientific methods of research (analysis, synthesis, comparison, generalisation) were used; private methods of research (system-structural, logical-legal) made it possible to comprehensively study the problem of sexual inviolability of minors and ways of its solution. The method of legal forecasting revealed the areas of legislative development on the problem to be solved. **Results.** The high social danger of indecent acts against minors online was revealed. This led to the development of specialised bodies for the protection of sexual inviolability of minors on the Internet in foreign countries, to the widespread introduction of artificial intelligence in the digital search for prohibited pornographic content. The author proposes to solve the problem under consideration in Russia by improving the legal regulation of supervision of persons convicted for violations of the sexual inviolability of minors through the “Safe City” system, as well as by restricting general access to the Internet for minors under the age of 14.

Keywords: sexual inviolability, minors, crime prevention, child pornography, Internet, violence, protection

For citation: Basova A. V. Protection of sexual inviolability of minors on the Internet: searching for problems solution // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 51-64; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-51-64>.

Введение

Стремительно развивающиеся цифровые общественные отношения приводят к нарушениям охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних и их права на психическое и физическое развитие [1, с. 327], что делает актуальным исследование данной проблемы. В интернете детям дошкольного возраста (от 3 до 7 лет), младшего школьного (от 7 до 12 лет), среднего школьного (от 12 до 14 лет) доступна информация сексуального и порнографического характера, которую ребенок не может осознать. Школьные психологи, родители обсуждают с детьми вопросы их половой неприкосновенности, но результаты этой работы малоэффективны, поскольку дети часто не понимают, какие действия сексуального характера являются преступными по отношению к ним.

Обеспечение половой неприкосновенности детей в интернете – сложная задача для национального права. Интернет стал средством сексуальной эксплуатации и насилия над детьми, одной из причин которой является бесконтрольное его использование несовершеннолетними.

По данным опроса компании «Лаборатория Касперского», проведенного в 2022 году, в России 88 % детей в возрасте от 7 до 10 лет имеют собственный мобильный телефон или планшет, обеспечивающие им доступ в интернет. Используют интернет для игр 74 % детей, для просмотра фото и видео – 71 %, для коммуникаций и общения с друзьями – 68 %. При этом большинство родителей не контролируют пребывание ребенка в интернете по причине своей технической безграмотности. Вовлеченность детей в цифровую коммуникационную среду (социальные сети) высока: 58 % школьников общаются в «ВКонтакте», 53 % просматривают ролики в *YouTube*, 47 % – видео в *TikTok*. И такой факт: 52 % школьников общаются с одноклассниками в чатах, о которых не осведомлены их учителя или родители¹.

Следствием бесконтрольного пользования интернетом являются нарушения половой неприкосновенности детей путем онлайн-общения. Особое беспокойство вызывает то, что нарушается половая неприкосновенность даже малолетних в возрасте 7–10 лет, поскольку они не в состоянии понимать угроз преступных по отношению к ним действий, которыми являются [2, с. 615]:

- вовлечение детей в демонстрацию обнаженного тела с последующим выкладыванием фото- и видеоматериалов в интернет;
- вербовка детей в порноиндустрию с помощью заманивания в веб-студии и совершения в отношении них преступных действий, в т. ч. в онлайн-режиме;
- вовлечение детей в «детский секс-туризм» (установлены внутренние и внешние его случаи).

Основными факторами нарушений половой неприкосновенности являются: большое количество информации порнографического характера в интернете; отсутствие требований идентификации личности при регистрации в социальных сетях и возможность анонимного выхода в сеть; недостаточный уровень мониторинга цифрового пространства на предмет выявления лиц и сообществ, нарушающих половую неприкосновенность детей; отсутствие родительского контроля за деятельностью ребенка в интернете [3, с. 110].

Высокая вовлеченность детей в бесконтрольный интернет требует поиска эффективных способов охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Методы

Использовались методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения научных материалов. Системно-структурный и логико-юридический методы позволили всесторонне исследовать проблему половой неприкосновенности несовершеннолетних, соотнести выявленные проблемы с положениями российского законодательства. Метод правового прогнозирования позволил определить сферы совершенствования законодательства в исследуемой сфере.

¹ «Лаборатория Касперского» изучила вовлечённость российских детей в мир соцсетей и гаджетов // 3ДНьюс : электронное издание. – URL: <https://3dnews.ru/1072187/laboratoriya-kasperskogo-izuchila-vovlechnost-rossijskih-detey-v-mir-sotssetey-i-gadgetov> (дата обращения: 04.03.2024).

Результаты

Статистических данных о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних, совершенных с помощью интернета, в России нет, однако, как и во всем мире, отмечается рост распространения детской порнографии, являющейся наглядным подтверждением совершения в отношении детей преступных действий.

Исследование запрещенного контента только на одном сайте сети “Darknet”, распространяющем порнографию, выявило быстрый рост количества пользователей (посетителей, в т. ч. постоянных) сайта, число которых за несколько месяцев достигло 882 381 человека. Запрещенный контент в данном сегменте сети постоянно размещали 8 408 пользователей, а более половины от общего числа активно комментировали такой контент. Тем для обсуждения на форуме было 34 485, из них 15 850 имели запрещенное содержание с несовершеннолетними, а 311 включали в себя запрещенную информацию с детьми до 3 лет [4, с. 221]. Приведенная статистика указывает на рост преступности в отношении сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних в России.

Судебные процессы и судебные решения по развращению и насилию несовершеннолетних закрыты. Специфику вовлечения несовершеннолетних в сексуальные развратные действия можно проследить по материалам средств массовой информации, освещающим случаи привлечения лиц с нетрадиционной сексуальной направленностью к уголовной ответственности за преступления в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних посредством сети «Интернет».

Преступники чаще всего знакомятся с жертвами в социальных сетях и мессенджерах (*WhatsApp, Viber, Telegram*) под вымышленными детскими именами, т. к. дети часто оставляют свой телефон открытым для других пользователей в социальных сетях. Например, 33-летний мужчина, проживающий в Республике Татарстан, совершил развратные действия через платформы общения в отношении 56 детей, из которых 5 мальчиков и 51 девочка. Он представлялся детям 11-летним мальчиком и 14-летней девочкой, а завоевав их доверие, убеждал несовершеннолетних снимать себя на фото- и видеокамеру в непристойном виде. Обладая такими материалами, он шантажировал детей и требовал личной встречи. В отношении четырех девочек в возрасте 10–13 лет он совершал действия сексуального характера, встречаясь с потерпевшими в гараже или у них дома в отсутствие родителей. В отношении одной из девочек установлены три случая действий сексуального характера. Следствием было установлено еще 30 попыток таких знакомств, на которые дети не отреагировали. Мужчина в 2018 году был осужден на срок 19 лет лишения свободы².

В июле 2023 года мужчина из Костромы был осужден на 14 лет колонии строго режима за развратные действия в отношении 67 девочек в возрасте от 10 до 15 лет, проживающих в различных субъектах Российской Федерации. Переписку в социальных сетях он не удалял, накопив в течение пяти лет огромное количество фото- и видеоматериалов порнографического характера несовершеннолетних. Мужчина был зарегистрирован в социальной сети как несовершеннолетняя девочка³.

В 2021 году житель города Читы признан виновным в развратных действиях в отношении 6 девочек в возрасте 11–14 лет с использованием интернета и за совершение насильственных действий в отношении лица, не достигшего возраста 16 лет⁴.

Из материалов следует, что данные факты раскрываются родственниками потерпевших случайно, когда они неожиданно становятся свидетелями фото- и видеосъемок, что является поводом проверки социальных сетей ребенка и обращения в полицию. Сексуальные

² Молчание ребят // РИА-новости : сетевое издание. – URL: <https://ria.ru/20171129/1509785749.html> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Интернет-педофил из Костромы отправится в колонию за развращение 67 девочек-подростков // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Кострома» : сетевое издание. – URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/internet-pedofil-iz-kostromy-otpravitsya-v-koloniyu-za-sovrashchenie-67-devochek-podrostkov/> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Развратил 7 девочек «ВКонтакте» // Чита.ПУ : сетевое издание. – URL: <https://www.chita.ru/text/incidents/2022/04/20/71270546/> (дата обращения: 03.03.2024).

преступления в отношении детей носят латентный характер. Родители могут даже не подозревать, что происходит с ребенком, т. к. онлайн-преступник запугивает жертву обнародованием сексуально-порнографического контента среди одноклассников и знакомых, а родительский контроль виртуальных контактов малоэффективен в связи с тем, что дети разбираются в цифровых технологиях гораздо лучше родителей.

Родители могут умалчивать об известных им фактах нарушения половой неприкосновенности детей, что часто провоцирует дальнейшие нарушения. По этой причине в США закон обязывает всех, кому известны факты совершения в отношении детей преступных действий, сообщить о таковых в правоохранительные органы, иначе они будут привлечены к уголовной ответственности [5, с. 1011].

Интернет-знакомства с детьми людей, имеющих сексуальные пристрастия к несовершеннолетним, направлены на установление доверительных контактов, мест их проживания и обучения, что заканчивается совершением в отношении детей преступлений сексуального характера. Часто выросшие жертвы совершают подобные сексуальные преступления ввиду развития у них девиантного поведения, что порождает преступность и такие преступления.

М. А. Львова-Белова, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, в своем докладе за 2022 год обращает внимание на стабильно высокую статистику преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних: в 2021 году – 16 458 пострадавших, в 2022 – 16 873 человека⁵.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что одно лицо совершает преступления в отношении нескольких несовершеннолетних.

По данным Главного информационного аналитического центра МВД России, рецидивы преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних имеют стабильно высокий характер: в 2021 году – 3 267 рецидивов, в 2020 – 2 882. При этом в 2021 году у 1 486 лиц из 3 267 судимость за предыдущее преступление не была погашена и они находились под административным надзором в порядке⁶, определенном Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»⁷, что указывает на недостаточно эффективную профилактику рецидивов преступлений сексуального характера в отношении детей. Стабильно большое количество таких преступлений требует развития правового регулирования, направленного на их предупреждение.

В. В. Колбасин предлагает внедрить систему надзора за лицами, которые ранее были осуждены за преступления в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, а именно: отслеживать IP-адреса их устройств в сети «Интернет», а также создать специализированное подразделение в МВД России по выявлению и предотвращению нарушений в этой сфере. Такие подразделения уже организуются за рубежом. В Германии отделение полиции «Берг» (370 сотрудников), образованное в 2019 году, ежедневно отбирает фото- и видеоматериалы несовершеннолетних, носящие запрещенный характер, и устанавливает первоисточник. Результатом их деятельности в 2020 году стало раскрытие группировки педофилов из 300 человек, которые в интернете обменивались опытом, планировали групповой секс с детьми [6, с. 43].

В Великобритании в 2006 году в Национальном агентстве по борьбе с преступностью также был создан специализированный отдел по онлайн-защите детей от эксплуатации (*The Child Exploitation and Online Protection Command*), который выявляет и предупреждает

⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2022 год // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : [официальный сайт]. – URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/245> (дата обращения: 04.03.2024).

⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2021 год // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : [официальный сайт]. – URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/202> (дата обращения: 04.03.2024).

⁷ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

национальные и международные преступления в отношении несовершеннолетних: производство, распространение, просмотр материалов о жестоком обращении с детьми⁸.

Предложение В. В. Колбасина не отличается рационализмом. В связи с ежедневным увеличением числа пользователей системы «Интернет» во всем мире уже наблюдается нехватка индивидуальных IP-адресов. Все чаще стал использоваться единый IP-адрес провайдера сети для нескольких компьютеров внутри одной организации у работодателей, а также единый IP-адрес физических лиц, проживающих в одном многоквартирном доме. IP-адрес не позволяет идентифицировать персональный компьютер и пользователя.

MAC-адрес идентифицирует персональное устройство среди миллионов других в интернете, однако его нельзя использовать для определения личности, вышедшей в интернет. При судебном разбирательстве, определяющем пользователя сети «Интернет», IP-адрес и MAC-адрес могут быть приняты судом в совокупности с другими доказательствами, идентифицирующими пользователя сети «Интернет», совершившего преступные действия в отношении несовершеннолетних [7, с. 86], с чем трудно не согласиться.

С одного персонального компьютера в информационную сеть могут выходить несколько пользователей, например, членов семьи. Кроме того, MAC-адрес не входит в систему обязательного учета, т. е., покупая персональный компьютер, у покупателя и продавца нет обязанности поставить его на учет в какой-либо орган и закрепить за ним определенного пользователя. В связи с этим банки идентифицируют пользователей по логину и паролю, как и органы государственной власти (налоговая служба, министерство здравоохранения, министерство образования).

Создание специализированного подразделения полиции, занимающегося выявлением и профилактикой противоправных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, соответствует зарубежной практике, показавшей свою эффективность.

Следует заметить, что во исполнение приказа МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110⁹ в 2023 году в субъектах Российской Федерации в территориальной структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации организованы отделы по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (ОБК). Например, в Главном управлении МВД России по Саратовской области подразделение ОБК включает по штату 18 сотрудников. К сожалению, сотрудники ОБК не могут эффективно обеспечить защиту детей от сексуального домогательства и растления с применением IT-технологий из-за большого объема выполняемых задач, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений с применением IT-технологий в различных сферах общества; анализ данных, содержащихся в системе «Интернет», в целях выявления запрещенного контента и противодействия преступности, в т. ч. на предупреждение мошенничества в сфере имущества граждан, раскрытие хищений банковских вкладов, хакерских атак на органы государственной власти.

Н. А. Голованова отмечает в законодательстве зарубежных стран усиление ответственности за нарушения половой онлайн-безопасности несовершеннолетних (за онлайн-общение с ребенком с последующей встречей, за онлайн-разговоры на сексуальные темы, за онлайн-демонстрацию порнографии детям, за навязывание сексуального поведения). В Шотландии Закон о жестоком поведении и сексуальном насилии¹⁰ от 2016 года ввел уголовную ответственность за публикацию и угрозу публикации фото- и видеоматериалов человека в интимной ситуации. В Великобритании в 2015 году введена уголовная ответственность за «сексуальный груминг» детей в интернете, под которым понимается незаконная

⁸ CEOP – Child Exploitation and Online Protection Command. – URL: <https://www.stocktoninformationdirectory.org/article/12120/CEOP-Child-Exploitation-and-Online-Protection-Command> (дата обращения: 04.03.2024).

⁹ Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 // Справочно-правовая система «Консультант» (далее – СПС «Консультант»). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439373/1ed25cd98138eb129996818fe8e19b784078aa6a/ (дата обращения: 04.03.2024).

¹⁰ Abusive Behaviour and Sexual Harm (Scotland) Act 2016. – URL: [legislation.gov.uk](https://www.legislation.gov.uk) (дата обращения: 04.03.2024).

дружба с целью вступления в сексуальные отношения, а также за распространение «справочника педофила» – информационных рекомендаций по совращению и сексуальному насилию детей [8, с. 52].

В Канаде в Уголовный кодекс введен ряд статей, запрещающих непосредственную или косвенную сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних: заманивание ребенка в сексуальную переписку (ст. 153, 155); запрет изготовления, хранения, распространения, просмотра детской порнографии (ст. 163.1). Признано отягощающим обстоятельством занятие скотоложством в присутствии детей (ст. 160)¹¹.

Статья 242 Уголовного кодекса Российской Федерации¹² (далее – УК РФ) запрещает изготовление порнографической продукции в целях распространения и публичной демонстрации, а также вовлечение несовершеннолетних в оборот порнографической продукции. Статья 242¹ УК РФ запрещает изготовление и оборот материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а ст. 242² – фото-, кино- и видеосъемку несовершеннолетнего в целях изготовления, распространения порнографических материалов или предметов, а также привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, совершаемое лицом, достигшим возраста 18 лет.

Таким образом, УК РФ не запрещает просмотр детской порнографии, ее хранение для личного просмотра, что является существенным недостатком российского законодательства. Необходимость запрета данных действий обоснована тем, что просмотр детской порнографической продукции провоцирует развитие интереса к таковым действиям. Частное хранение детской порнографии не гарантирует ее недоступность для просмотра детьми в отсутствие взрослых, что может привести к формированию интереса таковых действий в отношении себя, т. к. детям свойственно поведенческое подражание.

За распространение информации, пропагандирующей педофилию или интерес к ней через интернет, но без признаков состава преступления, предусмотрена административная ответственность согласно п. 2 ст. 6.21.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹³ в форме штрафа от 400 до 800 тыс. рублей для физических лиц, от 800 тыс. до 2 млн рублей для должностных лиц, от 4 до 10 млн рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток – для юридических лиц. Для иностранных граждан и лиц без гражданства предусмотрены более высокие штрафы с обязательным выдворением за пределы Российской Федерации. Однако судебная практика по данной статье отсутствует с момента введения ее в действие с декабря 2022 года, вероятно, ввиду того, что трудно установить лицо, распространяющее подобную информацию. Чаще всего при обнаружении такой запрещенной информации в интернете она признается по решению суда причиняющей вред здоровью и развитию детей и подлежит блокировке Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)¹⁴.

Важным в профилактике преступных действий в отношении несовершеннолетних в режиме онлайн является введение информационного контроля над контентом со стороны провайдеров интернета и IT-компаний. Блокировка сексуального контента, порнографии провайдером *Google* и корпорацией *Microsoft* за год позволяет сократить распространение таковой информации на 67 %. Канадским центром защиты детей в 2017 году разработан

¹¹ Criminal Code R.S.C., 1985. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/FullText.html> (дата обращения: 04.03.2024).

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

¹⁴ О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций»): постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 (ред. от 16.11.2023) // СЗ РФ. – 2009. – № 12. – Ст. 1431.

и внедрен в действие веб-робот *Arachnid* для обнаружения и предупреждения распространения изображений сексуального насилия над детьми в интернет. С 2017 по 2019 гг. им было проанализировано более 13 млн изображений, в результате чего провайдерам были отправлены уведомления с просьбой удалить 4,7 млн материалов о сексуальном насилии над детьми. При этом в 85 % случаях полиция не смогла установить личность потерпевших детей [9, с. 431].

Несомненно, роль IT-компаний и интернет-сервисов по цифровому контролю за распространением запрещенной информации в постиндустриальном обществе велика. США и Китай доминируют в обороте цифровой информации, т. к. государственная поддержка IT-компаний позволила вырастить IT-гигантов, обеспечивающих хранение, распространение информации и способных обеспечить ее контроль.

Китайские компании (IT-гиганты) обеспечивают «чистоту киберпространства» в соответствии с национальными ценностями, ограничивают массовые цифровые развлечения, поскольку государство обеспокоено, что молодежь таким образом утратит здоровье, культуру, способность к саморазвитию. Стоит согласиться с данной политикой, т. к. бесконтрольное распространение цифровой информации, приводящее к искаженному восприятию национальных ценностей, способно разрушить государство посредством пропаганды чуждой идеологии.

С целью защиты несовершеннолетних от вредного и опасного контента в Китае дети до 14 лет могут проводить в социальной сети «*Douyin*» (аналог *TikTok*) не более 40 минут в день и только с 6 до 22 часов, а играть в видеоигры не больше трех часов в неделю и только по будним дням [10, с. 86]. Ограничение времени препровождения несовершеннолетних в сети «Интернет» является и способом профилактики сексуального груминга. При этом идентификацию дети проходят через кодовое подтверждение, приходящее на мобильный телефон, который привязан к удостоверению личности, с дальнейшим сканированием лица и сопоставлением его с базой данных лиц и имен жителей КНР.

Неэффективность регулятивно-охранительных механизмов в интернет-пространстве ставит перед государством новые задачи – формирование новых правовых механизмов контроля за деятельностью граждан в интернет-среде, а также введение санкций для нарушителей электронного правопорядка [11, с. 154]. Новые механизмы контроля за деятельностью граждан в интернете, несомненно, нужны, но следует указать на ряд сложностей их введения.

Внедрение идентификации граждан при нахождении в цифровом пространстве неоднократно обсуждалось как законодательная инициатива в России, что позволило бы максимально быстро установить преступников, занимающихся детским сексуальным грумингом. Однако ввиду того, что оснащение цифровых устройств камерами, считывающими лицо в режиме реального времени и отвергающими идентификацию по фотографии – весьма дорогостоящая модернизация цифровых устройств, а также из-за низкой платежеспособности российского населения идентификация личности в интернете данным способом невозможна. Доступ к сети «Интернет» является базовым правом в постиндустриальном обществе, а идентификация граждан, способных приобрести технически сложный товар для выхода в сеть, приведет к нарушению конституционного права граждан на информацию. Идентификация личности по фотографии не целесообразна, поскольку большинство граждан их предоставляет в социальных сетях (в открытом доступе), а идентификация по паспортным данным может способствовать хищению важных персональных данных.

Технократические абсолютные запреты порнографического контента в нормативно-правовых актах также малоэффективны, так как цифровое пространство России контролируется транснациональными цифровыми гигантами, что требует институционального ограничения детской порнографии путем актуализации гражданской позиции населения и различных организаций, а также путем проведения целенаправленной долгосрочной

политики государства, направленной на формирование цифровой безопасной культуры поведения граждан в интернете, на распространение в нем цифровой информации, соответствующей идеологическим, нравственным и ценностным установкам.

Примером взаимодействия крупных российских IT-компаний и провайдеров является добровольное создание в 2022 году Альянса по защите детей в цифровой среде (далее – Альянс), в который вошли: «Газпром-медиа холдинг», «Лаборатория Касперского», «Мегафон», «МТС», «Яндекс», «Ростелеком» и другие компании, добровольно обязавшиеся удалять запрещенный контент порнографического характера, совершенствовать меры по защите несовершеннолетних в интернете. Данная инициатива представителей компании «Лаборатория Касперского» была поддержана Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, который участвовал в видеоконференции при подписании договора Альянса. Кроме того, в 2022 году Главный радиочастотный центр (ГРЧЦ), подведомственный Роскомнадзору, запустил интеллектуальную систему автоматического поиска противоправного контента «Окулус» в фото- и видеоизображениях интернета, что позволило в тысячу раз увеличить эффективность работы. Ранее сотрудники ГРЧЦ вручную анализировали около 100 изображений и столько же видеоматериалов в сутки, а запуск «Окулуса» позволил анализировать 200 тыс. изображений в сутки, выявляя большее количество материалов, содержащих порнографию, педофилию, призывы к нетрадиционным сексуальным отношениям, к смене пола, к самоубийству [12, с. 98].

Следует отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 9 Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации¹⁵ (Россия не участвует) термин «детская порнография» включает в себя:

- 1) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях;
- 2) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях;
- 3) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

Следовательно, поиск запрещенной информации необходимо осуществлять по данным трем направлениям с дальнейшей ее блокировкой Роскомнадзором с целью профилактики развития интереса к таковым сексуальным практикам, роста числа лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также с целью охраны сексуального и репродуктивного здоровья граждан.

Вместе с тем, несмотря на проведение блокировки детской порнографии Роскомнадзором, количество запрещенной информации в интернете, способствующей развращению и втягиванию несовершеннолетних в сексуальные отношения, остается достаточно большим. Кроме того, Роскомнадзор может блокировать только сайты с «российским» IP-адресом или запрещенную информацию, хранящуюся на российских серверах, поэтому возможен дальнейший просмотр подобной информации, хранящейся на серверах зарубежных стран. Блокировку информации, произведенной Роскомнадзором, можно обойти через виртуальную частную сеть *VPN*, которая обеспечивает выход в интернет не от имени конкретного пользователя сети, а от имени этой виртуальной частной сети, делая недоступной информацию о пользователе и его местонахождении.

Неоднократно детские омбудсмены выступали с предложением ввести уголовную ответственность за хранение и просмотр детской порнографии. Однако здесь следует учесть то, что современные технические возможности позволяют войти в цифровое устройство другого человека дистанционно, а с помощью хакерских программ загрузить запрещенный контент в цифровое устройство людей, которые могут быть впоследствии привлечены

¹⁵ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации № 185 (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) // СПС «Консультант». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526#TVj4GTUe2XETOeZv> (дата обращения: 04.03.2024).

к ответственности за действия, которые они не совершали. При этом мы не исключаем необходимость запрета хранения детской порнографии на внешних носителях. Считаем, что уголовную ответственность за просмотр детской порнографии в интернете установить невозможно в виду отсутствия в России системы учета персонального выхода или системы идентификации личности в сети «Интернет».

В 2022 году в Государственную Думу Российской Федерации вносился законопроект о дополнениях в Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹⁶, согласно которому предлагалось установление бессрочного административного надзора с применением средств электронного слежения (электронных браслетов системы глобального позиционирования *GPS* или ГЛОНАСС) в отношении лиц (независимо от их возраста), совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости¹⁷.

Законопроект был отклонен из-за противоречий в отношении сроков административного надзора, т. к. обязательным условием установления административного надзора является наличие неснятой или непогашенной судимости за преступления. Осуществление административного надзора в иных условиях законом не допускается. Административный надзор можно осуществлять за лицами не более трех лет, что не исключает возможности совершения ими преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних в дальнейшем.

Разделяем точку зрения, что более эффективным и целесообразным методом профилактики рассматриваемых преступлений является работа системы «Безопасный город», если к ней добавить сбор изображений лиц, осужденных за сексуальные преступления в отношении детей, что позволит обеспечить контроль их приближения к социальной инфраструктуре для детей [13, с. 107].

Изображение лица человека относится к биометрическим данным, как и геномные данные человека. В соответствии со ст. 7, 12 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹⁸ лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, в обязательном порядке подлежат геномной регистрации до дня их смерти или при достижении ими 100-летнего возраста. Удаление из базы биометрических геномных данных осужденных за преступления возможно только при их реабилитации (установлении факта незаконного или необоснованного уголовного преследования). Следовательно, с целью защиты прав несовершеннолетних и профилактики преступлений в отношении детей необходимо предусмотреть регистрацию изображений осужденных лиц за совершение преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних в системе «Безопасный город», т. к. сбор биометрических данных без согласия лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений, уже осуществляется с целью защиты прав других, что соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации¹⁹.

Профилактика рецидивов преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних – важная задача в системе охраны прав детей, с целью достижения которой в США, Великобритании, Испании генерируется общедоступная информационная база

¹⁶ СЗ РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

¹⁷ Проект федерального закона № 102847-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : Система обеспечения законодательной деятельности : [официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102847-8> (дата обращения: 03.03.2024).

¹⁸ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // СЗ РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5740.

¹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

данных лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией) и имеющих или ранее имевших судимость за совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Формирование такой базы в России могло бы способствовать профилактике рассматриваемой категории преступлений [14, с. 81].

Необходимо привлекать к решению проблемы нарушения половой неприкосновенности детей общественные организации. В России зарегистрирована единственная некоммерческая организация «Сдай педофила», выполняющая работу по правовой и психологической поддержке несовершеннолетних жертв домогательства и насилия. Обратиться в организацию можно через социальную страницу «ВКонтакте», мессенджер «Телеграм», а также через «горячую линию». Организация на общественных началах занимается сбором информации о деятельности педофилов в интернете. В результате чего была обнаружена их группировка из различных субъектов России, обменивающихся порнографией с участием детей на сайте «Феликс». Были выяснены места их жительства, работы, факты похищения детей из детского дома Украины в возрасте 10–13 лет и продажи в сексуальное рабство и в порноиндустрию. Педофилы организовывали встречи друг с другом в городах, где они не проживают, с целью совращения малолетних путем заманивания их в арендованные квартиры. Были привлечены 66 педофилов к уголовной ответственности с отбыванием наказания в местах лишения свободы; более 100 человек к иным видам ответственности за распространение детской порнографии в интернете, закрыто 115 русскоязычных сайтов и форумов, где общались между собой педофилы. Глава группировки, проживающий в Саратовской области, был привлечен к лишению свободы на 6,5 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима²⁰. Деятельность данной общественной организации единична, но активная гражданская позиция может быть весьма эффективной в противодействии преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

В системе профилактики преступлений не следует забывать о необходимости проведения разъяснительной работы с несовершеннолетними и их родителями о рисках вовлечения детей в противоправные действия в интернет-пространстве. Разъяснительная работа должна формировать практические навыки поведения детей в экстремальных ситуациях [15, с. 254]. Кроме того, информирование о рисках нарушения половой неприкосновенности детей обеспечивает свободу их сексуального поведения в осознанном возрасте, без принуждения и дискриминации.

Заключение

Исследовав проблемы нарушения половой неприкосновенности несовершеннолетних в интернете, можно сделать вывод о сложности их решения. Дистанционные формы сексуальных коммуникаций позволяют одному лицу развращать большое количество несовершеннолетних, осуществлять на них длительное деструктивное психологическое воздействие с целью получения цифровой информации порнографического содержания и реализации своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Предупреждение таких преступлений – очень сложная задача, стоящая перед государством, которую в настоящее время оперативно решить невозможно, т. к. функционирование российского интернета не поддается полному государственному контролю ввиду отсутствия технических возможностей. Однако это не означает, что работа по профилактике нарушения половой неприкосновенности детей в сети Интернет должна быть исключена из деятельности правоохранительных органов и гражданского общества.

Важную роль в обеспечении безопасности детей и защиты их от сексуального насилия играют Роскомнадзор, IT-компании, провайдеры и их объединения, деятельность которых по блокировке детской порнографической продукции в интернете значительно сокращает число просмотров запрещенного контента, что является действенной профилактикой сексуального насилия над детьми.

²⁰ Сдай педофила! : Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента : [сайт]. – URL: <https://pedofilov.net/our-achievements/> (дата обращения: 04.03.2024).

Очевидно, что в отделах МВД России по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (ОБК) следует создать специальное подразделение, сотрудники которого занимались бы выявлением педофилов и распространителей детской порнографии, взаимодействовали между собой в различных субъектах Российской Федерации, поскольку их цифровые группировки включают в себя жителей различных субъектов России. При этом сотрудники специализированного подразделения должны иметь специальную техническую, психологическую и коммуникативную подготовку.

Считаем необходимым и в дальнейшем совершенствовать работу по поиску и блокировке информации, содержащей детскую порнографию, с помощью цифровых программ на основе технологий искусственного интеллекта, а также работу по формированию активной гражданской позиции населения. Граждане должны сообщать в Роскомнадзор о наличии запрещенной информации в сети «Интернет», с указанием гиперссылки на таковую, а в полицию – об известных им фактах насилия над детьми. Для детей в возрасте до 14 лет должен быть создан специализированный российский доступ в интернет, ограничивающий контент и социальные виртуальные контакты. Необходимо запретить несовершеннолетним регистрироваться в социальных сетях до возраста 14 лет, пока личность ребенка практически не сформировалась, и он неспособен понять противоправные действия, посягающие на его сексуальную свободу. В случае выявления детской социальной страницы должно выноситься предупреждение родителям, а за повторное проявление социальной активности малолетних в социальных сетях – административный штраф.

Необходимо совершенствование законодательства о надзоре за лицами, совершившими преступления в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, в системе «Безопасный город». Консолидированные действия органов государственной власти, IT-компаний, провайдеров и их объединений, общественных организаций и граждан позволят обеспечить профилактику таких преступлений.

Список литературы

1. Тарабрина К. С. Международные основы предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 4 (220). – С. 327–329; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_327.
2. Шуняева В. А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // *Актуальные проблемы государства и права*. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 611–618; <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>.
3. Калашиник В. А. Половые преступления в отношении несовершеннолетних в сети интернет: факторы динамики // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. – 2022. – Вып. 4 (845). – С. 106–111; https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_4_845_106.
4. Фролов А. А., Сильнов Д. С. Исследование механизмов распространения запрещенного содержимого в Darknet // *Современные информационные технологии и ИТ-образование*. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 216–224; <https://doi.org/10.25559/SITITO.2017.4.444>.
5. Нагорная И. И. Уголовная ответственность за преступления против детей в США // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 1007–1027; <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1007-1027>.
6. Колбасин В. В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на динамику насильственных действий сексуальной преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних // *Общество и право*. – 2022. – № 2 (80). – С. 39–47.
7. Крымов Д. В. IP-адреса и MAC-адреса как элемент государственного контроля // *Бухгалтерский учет*. – 2021. – № 3. – С. 83–88.

8. Голованова Н. А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3 – С. 42–57; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.3.4>.

9. Quayle E. Prevention, disruption and deterrence of online child sexual exploitation and abuse // ERA Forum. – 2020. – Vol. 21. – P. 429–447; <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00625-7>.

10. Баймаханова У. М. Причины возникновения стрессовых ситуации на фоне развития цифровых и коммуникационных технологий / Журавлевские чтения. Трансформационные процессы в педагогической науке и образовании : материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Журавлева Василия Ивановича, Москва, 11–16 февраля 2022 г. / отв. ред. Н. А. Горлова. – Москва: Московский государственный областной университет, 2022. – С. 81–90.

11. Комкова Г. Н., Тюменева Н. В., Тогузаева Н. В. Юридизация интернет-пространства как способ повышения информационно-коммуникативной культуры граждан // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 34, № 2. – С. 151–155; <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-34-2-151-155>.

12. Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, вып. 1. – С. 92–105; <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108>.

13. Польшиков А. В. Основные направления повышения эффективности мер борьбы с преступлениями, совершаемыми против несовершеннолетних на сексуальной почве // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2020. – № 6–1. – С. 103–108.

14. Ережипалиев Д. И. Совершенствование законодательства об административном надзоре за лицами, судимыми за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 1 (87). – С. 72–82.

15. Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. Воспитание несовершеннолетних в современной среде как фактор профилактики правонарушений // Право и управление. – 2023. – № 7. – С. 249–255.

References

1. Tarabrina K. S. Mezhdunarodnyye osnovy preduprezhdeniya nasil'stvennykh prestupleniy, sovershayemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh s ispol'zovaniyem informatsionno-tsifrovyykh tekhnologiy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 4 (220). – S. 327–329; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_327.

2. Shunyayeva V. A. Zashita polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh v seti Internet // Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava. – 2022. – Т. 6, № 4. – S. 611–618; <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>.

3. Kalashnik V. A. Polovyye prestupleniya v otnoshenii nesovershennoletnikh v seti internet: faktory dinamiki // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki. – 2022. – Vyp. 4 (845). – S. 106–111; https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_4_845_106.

4. Frolov A. A., Sil'nov D. S. Issledovaniye mekhanizmov rasprostraneniya zapreshchennogo sodержimogo v Darknet // Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovaniye. – 2017. – Т. 13, № 4. – S. 216–224; <https://doi.org/10.25559/SITITO.2017.4.444>.

5. Nagornaya I. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv detey v SSHA // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2023. – Т. 27, № 4. – S. 1007–1027; <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1007-1027>.

6. *Kolbasin V. V.* Vliyaniye informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy na dinamiku nasil'stvennykh deystviy seksual'noy prestupnosti v otnoshenii maloletnikh i nesovershennoletnikh // *Obshchestvo i pravo.* – 2022. – № 2 (80). – S. 39–47.

7. *Krymov D. V.* IP-adresa i MAC-adresa kak element gosudarstvennogo kontrolya // *Bukhgalterskiy uchet.* – 2021. – № 3. – S. 83–88.

8. *Golovanova N. A.* Novyye formy onlayn-prestupnosti za rubezhom // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya.* – 2019. – № 3 – S. 42–57; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.3.4>.

9. *Quayle E.* Prevention, disruption and deterrence of online child sexual exploitation and abuse // *ERA Forum.* – 2020. – Vol. 21. – P. 429–447; <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00625-7>.

10. *Baymakhanova U. M.* Prichiny vozniknoveniya stressovykh situatsii na fone razvitiya tsifrovyykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy / *Zhuravlevskiye chteniya. Transformatsionnyye protsessy v pedagogicheskoy nauke i obrazovanii : materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Zhuravleva Vasiliya Ivanovicha, Moskva, 11–16 fevralya 2022 g. / otv. red. N. A. Gorlova.* – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 2022. – S. 81–90.

11. *Komkova G. N., Tyumeneva N. V., Toguzayeva N. V.* Yuridizatsiya internet-prostranstva kak sposob povysheniya informatsionno-kommunikativnoy kul'tury grazhdan // *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2020. – T. 34, № 2. – S. 151–155; <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-34-2-151-155>.

12. *Kulakova T. A., Volkova A. V.* Tsifrovoy suverenitet i politiko-administrativnyye rezhimy // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya.* – 2023. – T. 39, vyp. 1. – S. 92–105; <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108>.

13. *Pol'shikov A. V.* Osnovnyye napravleniya povysheniya effektivnosti mer bor'by s prestupleniyami, sovershayemyimi protiv nesovershennoletnikh na seksual'noy pochve // *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii.* – 2020. – № 6–1. – S. 103–108.

14. *Yerezhipaliyev D. I.* Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva ob administrativnom nadzore za litsami, sudimymi za prestupleniya seksual'nogo kharaktera v otnoshenii nesovershennoletnikh // *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii.* – 2022. – № 1 (87). – S. 72–82.

15. *Shumskiy V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V.* Vospitaniye nesovershennoletnikh v sovremennoy srede kak faktor profilaktiki pravonarusheniy // *Pravo i upravleniye.* – 2023. – № 7. – S. 249–255.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing November 1, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-65-76>

Олег Александрович Дизер

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3231-4018>, dizer77@mail.ru

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>, jktu1976@yandex.ru

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Российская Федерация, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Уральский государственный экономический университет

Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

Организация транспортного обслуживания населения муниципального образования: правовое регулирование и механизм реализации

Аннотация: Введение. Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью повышения эффективности реализации полномочий органов публичной власти по вопросам, отнесенным к компетенции местного самоуправления в части, касающейся предоставления транспортных услуг населению и организации транспортного обслуживания населения между поселениями в границах муниципального района. В работе рассматриваются вопросы организации транспорта, качества предоставления транспортных услуг, их тарификация, а также другие важнейшие аспекты. Реализация указанных полномочий местной администрации является одним из ярких примеров реального взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных властей в целях повышения общего уровня жизни и благосостояния населения в любой точке населенной территории Российской Федерации. **Цель исследования.** Проанализировать деятельность органов публичной власти по вопросам транспортного обслуживания населения муниципальных образований и представить научно обоснованные и практически значимые предложения по совершенствованию реализации указанных полномочий органов местного самоуправления. **Методы.** При проведении исследования использовались общенаучные методы, такие как анализ научной литературы, анализ нормативных правовых актов, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение теории и практики вопросов реализации полномочий органов публичной администрации по вопросам транспортного обслуживания населения муниципальных образований. **Результаты исследования** состоят в том, что на основании анализа деятельности по предоставлению транспортных услуг муниципальными властями выявлен ряд основных

направлений по совершенствованию реализации рассматриваемых полномочий, а также предложены конкретные меры по их реализации.

Ключевые слова: транспортное обслуживание населения, муниципальное образование, организация транспорта, механизм реализации транспортного обслуживания населения

Для цитирования: Дизер О. А., Кожевников О. А. Организация транспортного обслуживания населения муниципального образования: правовое регулирование и механизм реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 65–76; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-65-76>.

Original article

Oleg A. Dizer

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3231-4018>, dizer77@mail.ru

*Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I. D. Putilin
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

Oleg A. Kozhevnikov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>, jktu1976@yandex.ru

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation*

*Ural State University of Economics
62/45, 8 Marta str. / Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation*

Organisation of transport services for the population of a municipality: legal regulation and mechanism of implementation

Аннотация: Introduction. The relevance of the article is due to the need to improve the efficiency of implementation of public authorities' powers on matters falling within the competence of local self-government in the part concerning the provision of transport services to the population and the organisation of transport services between settlements within the boundaries of the municipal area. The article deals with the organisation of transport, the quality of transport services, their pricing, and other critical aspects. The implementation of these powers of local administration is one of the brightest examples of real interaction between federal, regional and municipal authorities in order to improve the general standard of living and well-being of the population anywhere in the populated territory of the Russian Federation. **Purpose of the study.** To analyse the activities of public authorities on the issues of transport services for the population of municipal entities and to present scientifically valid and practically significant proposals to improve the implementation of the specified powers of local self-government bodies. **Methods.** The research used general scientific methods, such as scientific literature analysis, normative legal acts analysis, comparative analysis, generalisation of the theory and practice on implementation of powers of public administration bodies regarding transport services for the population of municipal entities. **The results of the study** consist in the fact that based on the analysis of the municipal

authorities' activities on provision of transport services, a number of main directions for improving the implementation of the powers under consideration have been identified, and specific measures for their implementation have been proposed.

Keywords: transport services for the population, municipal entity, organisation of transport, mechanism of realisation of transport services for the population

For citation: Dizer O. A., Kozhevnikov O. A. Organisation of transport services for the population of a municipality: legal regulation and mechanism of implementation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 65–76; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-65-76>.

Введение

Пешая и транспортная доступность являются одним из важнейших критериев формирования территорий муниципальных образований в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. В связи с этим качество реализации такого вопроса местного значения, как организация транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования, имеет первостепенное значение для всех жителей муниципалитетов, развития экономических и иных связей как между населенными пунктами, входящими в территорию муниципального образования, так и между граничащими муниципалитетами в рамках отдельных субъектов Российской Федерации. Все эти предпосылки требуют системного подхода к формированию нормативной правовой базы, организационных начал и в целом муниципальной транспортной политики, включающей в себя постановку целей, задач, формирование принципов и механизмов управления сферой транспортного обслуживания в любом муниципалитете Российской Федерации. В рамках настоящего исследования проводится анализ текущей нормативной правовой базы в сфере транспортного обслуживания населения муниципалитетов в Российской Федерации, сложившейся правоприменительной практики. По итогам авторы делают вывод о том, что полноценная реализация полномочий органов местного самоуправления в области организации транспортного обслуживания населения муниципального образования невозможна без реального взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных властей в целях повышения общего уровня жизни и благосостояния населения в любой точке населенной территории Российской Федерации, что и является одной из предпосылок формирования функционального единства органов государственной власти и местного самоуправления в рамках строящейся единой системы публичной власти в Российской Федерации [1].

Результаты

В 2020 году в Российской Федерации произошли существенные корректировки конституционных положений, связанные с введением в текст Конституции Российской Федерации категории «единая система публичной власти», состоящей из совокупности органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих между собой взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [2].

Современная обстановка, характеризующаяся проведением специальной военной операции, условиями изоляции и беспрецедентными санкционными ограничениями, введенными в отношении страны, настоятельно потребовали поднять вопрос об экономических преобразованиях, которые бы в свою очередь могли обеспечить не только стабильный рост народного хозяйства, но и качественное улучшение уровня жизни граждан. На это указывал Президент Российской Федерации на заседании Президиума Госсовета 19 октября 2021 г.:

«Все наши планы, проекты, программы в сфере транспорта должны преследовать главную цель – повышение качества жизни граждан, чтобы она была более комфортной и удобной»¹.

Качество жизни населения, развитие и конкурентоспособность экономики во многом определяются эффективностью функционирования транспортного комплекса страны. В соответствии с п. 12 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»² транспортный комплекс включает в себя объекты и субъекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства.

Исследователи отмечают, что экономическая роль транспорта состоит в том, что он является связующим звеном любого производства и материальной базой для разделения труда, специализации и кооперирования предприятий, а также для доставки всех видов сырья, топлива и продукции из пунктов производства в пункты потребления [3–6].

Социальная функция транспорта заключается прежде всего в обеспечении трудовых и бытовых поездок людей, обслуживании этих людей в процессе поездок, в облегчении их физического труда. Транспортная инфраструктура способствует сохранению здоровья, предоставляет большим массам людей возможность посещения не только ближних, но и отдаленных районов как в масштабах государства, так и в масштабах конкретного муниципалитета [7].

О значимости транспорта в развитии многих экономических, общественных и иных отношений говорил и Президент Российской Федерации на заседании Президиума Госсовета по вопросам развития общественного транспорта 17 августа 2023 г.: «Достаточно сказать, что ежегодно в России автобусами, троллейбусами и трамваями перевозится более десяти миллиардов человек, плюс на метро три миллиарда и более миллиарда на пригородном железнодорожном транспорте»³.

Дополнительным свидетельством важности и актуальности обеспечения прав, свобод и благополучия граждан в рассматриваемой сфере является особое внимание к нему органов прокуратуры. Так, Генеральный прокурор Российской Федерации в своем выступлении по итогам 2023 года в Совете Федерации отмечал, что «неотъемлемой частью современной жизни людей является транспортная доступность. В каждом регионе, где мной проводились встречи с жителями, они жаловались на ненадлежащую организацию транспортного обслуживания, особенно в отдаленных населенных пунктах. При этом после проведенного приема граждан проблемы решались. Это значит, ресурсы есть, нет желания. В Омской области после реагирования прокуроров открыто 26 новых муниципальных маршрутов, в Оренбургской – 46. Повсеместно принимались меры для исключения из эксплуатации неисправных транспортных средств ввиду их тотального износа. В целях защиты прав пассажиров по моему поручению прокуроры добивались издания необходимых нормативных правовых актов, устранения нарушений при проведении конкурсов на право обслуживания маршрутов, установлении тарифов на проезд. В настоящее время по нашему требованию Минтрансом приняты дополнительные меры по организации качественных и безопасных услуг населению, разрабатывается программа развития городского электрического транспорта, в т. ч. с использованием концессионной модели»⁴.

Без сомнения, вопросы организации транспорта, качества предоставления транспортных услуг, их тарификация и другие важнейшие аспекты является одной из целей формирования реального механизма взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных властей в целях повышения общего уровня жизни и благосостояния населения в любой точке населенной территории Российской Федерации, что и является главным предназначением

¹ Заседание Президиума Государственного Совета (19 октября 2021 года) // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66969> (дата обращения: 11.07.2024).

² О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 24.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2007. – № 7. – Ст. 837.

³ Заседание Президиума Госсовета по вопросам развития общественного транспорта (17 августа 2023 года) // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72063> (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94616909> (дата обращения: 08.07.2024).

появившейся в 2020 году в тексте Конституции Российской Федерации категории – единая система публичной власти.

Наконец, вопросы транспортного обеспечения населения муниципальных образований уже длительное время являются предметом многочисленных научных исследований. В качестве примера можно привести работы Д. С. Орехова и Х. С. Пак [8], А. А. Зюскина [9], С. Н. Братановского и О. С. Горбачева [10], К. Д. Фомичевой [11] и др.

Вместе с тем неисследованных вопросов в области транспортного обслуживания населения муниципальных образований еще множество, тем более что наибольшее бремя в решении вопросов организации транспортного обслуживания на территориях муниципального образования ложится на органы местного самоуправления, а их только по состоянию на 1 октября 2024 г., по данным Росстата, 17 747 единиц. В каждом муниципалитете имеются свои территориальные, ландшафтные, экономические, социальные и иные особенности, влияющие на вопросы организации транспортного обеспечения населения, тем более, что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ прямо устанавливает в перечне вопросов местного значения любого муниципального образования, начиная от поселения и завершая городским округом, вопрос создания условий для предоставления транспортных услуг населению и организации транспортного обслуживания населения муниципального образования.

Муниципальная практика реализации вышеуказанного вопроса местного значения позволила нам выделить несколько укрупненных групп целей, достижение которых позволяет говорить о полноценном, качественном решении органами местного самоуправления вопросов организации транспортного обслуживания на территории соответствующего муниципалитета:

- 1) удовлетворение потребности населения в пассажирских перевозках путем формирования и функционирования необходимых социально и экономически обоснованных маршрутов качественных перевозок;
- 2) обеспечение безопасного, устойчивого и эффективного функционирования транспорта;
- 3) повышение доступности услуг пассажирского общественного транспорта;
- 4) повышение качества перевозок пассажиров путем установления параметров качества пассажирского обслуживания;
- 5) защита интересов потребителей транспортных услуг;
- 6) повышение эффективности управления процессом организации, осуществления и обеспечения пассажирских перевозок;
- 7) обеспечение добросовестной конкуренции;
- 8) создание единого транспортного пространства [12, с. 35].

Решение каждой из названных задач позволяет, в конечном счете, добиться удовлетворения жителей муниципалитетов качественной работой органов местного самоуправления по организации и развитию пассажирских перевозок, направленной на своевременное и полное удовлетворение потребностей населения и хозяйствующих субъектов в транспортных услугах. Во многих субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях опросы об уровне удовлетворенности граждан качеством транспортного обслуживания проводятся регулярно [13]. В качестве примера можно отметить Калининград, где в 2014 году два исследователя провели опрос, по результатам которого было отмечено, что только 3 % респондентов удовлетворены качеством работы общественного транспорта, большая часть респондентов – 43 %, говорит о средней удовлетворенности качеством работы общественного транспорта в г. Калининграде. Другой пример. Власти Свердловской области через портал «Открытое Правительство Свердловской области» в 2023 году провели опрос жителей об уровне их удовлетворенности качеством транспортного обслуживания.

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

По итогам опроса 89,8 % жителей высказали удовлетворенность существующим качеством транспортного обслуживания в муниципалитетах Свердловской области. Однако следует заметить, что только 7 % жителей данного субъекта Российской Федерации приняли участие в опросе⁶, поэтому к обозначенным цифрам следует подходить очень критично.

Как уже было отмечено ранее, в России среди муниципалитетов трудно найти даже два абсолютно одинаковых, в которых однотипно решаются вопросы местного значения по предоставлению транспортных услуг населению и организации его транспортного обслуживания, что заставляет нас формулировать отдельные этапы механизма реализации рассматриваемого в данной статье вопроса органами местного самоуправления с высокой степенью обобщения, поскольку в каждом муниципальном образовании и перечень, и содержание названных ниже этапов могут значительно отличаться. Итак, среди этапов мы полагаем возможным выделить следующие:

1) определение потребности населения в перемещениях как по территории муниципального образования, так и между ними. Особенно это важно в условиях формирования агломераций и опорных населенных пунктов;

2) принятие решений по вопросам о введении (изменении, отмене) маршрутов регулярных перевозок;

3) составление расписания движения транспортных средств по маршрутам регулярных перевозок;

4) определение вместимости транспортных средств, используемых на маршрутах регулярных перевозок;

5) распределение транспортных средств по маршрутам регулярных перевозок;

6) определение остановочных пунктов на маршрутах регулярных перевозок;

7) формирование и ведение реестра муниципальных маршрутов регулярных перевозок на территории муниципального образования;

8) информирование населения об организации маршрутов регулярных перевозок, о перевозчиках, осуществляющих транспортное обслуживание населения на территории муниципального образования;

9) координация работы перевозчиков;

10) осуществление функции муниципального заказчика при заключении муниципальных контрактов на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам (далее – муниципальные контракты), в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, с учетом положений Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷;

11) осуществление контроля за соблюдением перевозчиками условий муниципальных контрактов и свидетельств об осуществлении регулярных перевозок по нерегулируемым тарифам, за исключением условий, относящихся к предмету проверки органов государственного транспортного контроля⁸.

⁶ Результаты проведения оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области за 2023 год // Открытое Правительство Свердловской области : [официальный сайт]. – URL: <https://open.midural.ru/service/socoprosov/rezultatysocoprosov/> (дата обращения: 02.08.2024).

⁷ Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ (ред. от 13.06.2024) // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4346.

⁸ См., например: Об организации транспортного обслуживания населения на территории муниципального образования «город Екатеринбург» : постановление Администрации города Екатеринбурга Свердловской области от 15 августа 2018 г. № 1963 // Администрация города Екатеринбурга : [официальный сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/46771224/> (дата обращения: 14.06.2024).

Выводы

Не вызывает сомнения, что каждый из перечисленных этапов представляет целый комплекс управленческих решений, которые позволяют объективно оценить возникающие трудности и проблемы для качественного и полного решения вопроса предоставления транспортных услуг населению и организации транспортного обслуживания. Выделим лишь некоторые.

1. Дотационность бюджетов муниципальных образований. По данным Министерства финансов Российской Федерации на 2022 год, значительную часть доходов местных бюджетов составляют межбюджетные трансферты (далее – МБТ) из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Темпы прироста объемов МБТ, направляемых в местные бюджеты, повысились (19,6 % в 2022 году; 7,8 % в 2021 году). Доля МБТ в доходах местных бюджетов в 2022 году составила 67,7 % (на 1,5 п. п. больше, чем в 2021 году)⁹. Для еще более яркой картины ситуации пример Екатеринбурга, на комиссии по бюджету Екатеринбургской городской думы рассматривалась корректировка бюджета города на 2024 год. По сравнению с утвержденным в декабре 2023 года бюджетом после корректировки Екатеринбург уже не досчитался 1,7 млрд рублей в доходной части. И теперь параметры бюджета Екатеринбурга на 2024 год выглядят так: доходы – 74,833 млрд рублей (минус 2,3 % от плана), расходы – 78,810 млрд рублей (плюс 0,3 % к плану). Дефицит увеличивается с 2,020 до 3,977 млрд рублей¹⁰.

2. Отсутствие квалифицированных специалистов по оценке транспортной логистики и требований к транспортной инфраструктуре. Абсолютное большинство муниципальных служащих структурных подразделений местных администраций, отвечающих за транспортное обслуживание – это бывшие сотрудники ГИБДД. Конечно, данные лица с учетом опыта и знаний помогают в организации транспортного обслуживания с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения, но все-таки общая логистика транспорта муниципального образования, особенно крупного и густонаселенного муниципалитета – это гораздо больше, чем только обеспечение безопасности. Возможным решением рассматриваемого вопроса является принятое распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 г. № 255-р «Об утверждении Концепции подготовки кадров для транспортного комплекса до 2035 года»¹¹. Данным нормативным актом, с учетом особенностей транспортной отрасли, предусматривается подготовка авиационного персонала гражданской авиации и членов экипажей судов в соответствии с международными требованиями, подготовка работников железнодорожного транспорта, в т. ч. непосредственно связанных с движением поездов, маневровой работой и обеспечением транспортной безопасности, проектированием и обслуживанием транспортной инфраструктуры, а также проектированием, строительством, содержанием в надлежащем состоянии и развитием сети автомобильных дорог, увеличением их пропускной способности, обеспечением безопасного движения по ним, повышением качества услуг, оказываемых пользователям автомобильных дорог, развитием объектов дорожного сервиса, размещаемых в границах полос отвода и придорожных полос автомобильных дорог. Основными тенденциями современного транспортного образования определены технологическая трансформация транспортной отрасли и мировой экономики в целом, цифровизация, критические изменения в научно-

⁹ Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2022 год // Министерство финансов Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetov.pdf?ysclid=lxe30auf52559931662 (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁰ Ярославцева В. Дефицит бюджета Екатеринбурга вырос вдвое после корректировки / Новый День : сетевое издание. – URL: <https://newdaynews.ru/ekaterinburg/828387.html?ysclid=lxe32n66cn818940957> (дата обращения: 14.06.2024).

¹¹ Об утверждении Концепции подготовки кадров для транспортного комплекса до 2035 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 г. № 255-р // СЗ РФ. – 2021. – № 7. – Ст. 1171.

технологической сфере, структура рынка труда, основанные на IT-решениях кардинальные сдвиги в подходах к организации образовательного процесса и новых образовательных технологиях. Указанные особенности должны определять будущую парадигму транспортного образования [14, с. 9].

3. Сложность в подсчете и контроле пассажиропотока. Известным фактом является то, что любое транспортное средство имеет свои тактико-технические параметры – количество сидячих и стоячих мест. И если на межмуниципальных маршрутах совмещение фактического количества пассажиров с техническими данными пассажирского транспорта не вызывает вопросов, то в муниципальном транспорте определение подобного соотношения представляет некоторые сложности.

4. Не всегда привлекаются добросовестные перевозчики, и особенно это касается частных хозяйствующих субъектов. Недобросовестность проявляется в сокрытии выручки, а следовательно, и налогов, выпуске на линию транспортных средств, не соответствующих требованиям безопасности, несоблюдении графика движения, количества машин на маршрутах и т. д. При этом, например, практика Екатеринбурга показывает, что довольно часто перевозчики жалуются на убыточность их деятельности, необходимость замены подвижного состава, а число желающих участвовать в конкурсах на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам, из года в год растет.

5. Одной из наиболее острых проблем в организации транспортного обслуживания населения является наличие парка общественного транспорта, соответствующего потребностям. В настоящее время граждан обслуживает 150 тыс. транспортных средств, из них 135 тыс. автобусов, 7 тыс. троллейбусов и 7 тыс. трамваев. Разделение между сферами применения: в столицах субъектов – 72 тыс. единиц, в других населённых пунктах – 41 тыс. транспортных средств, и 36 700 – это как раз межмуниципальное сообщение¹². При этом следует отметить, что в настоящее время отсутствуют акты, определяющие нормативные сроки эксплуатации общественного транспорта. И если учитывать сроки эксплуатации, то до 2030 года необходимо будет обновить 57 тыс. автобусов, 5 тыс. троллейбусов и 4 200 трамваев¹³.

И это только часть проблем, требующих решения. Это мы еще не говорим о качестве дорожного полотна на пути движения пассажирского транспорта, об остановочных комплексах и т. п. Решение вопросов транспортного обслуживания населения муниципального образования уже давно вышло за пределы возможностей органов местного самоуправления.

Иницилируя в 2020 году конституционную реформу, Президент Российской Федерации в Послании к Федеральному Собранию 15 января 2020 года в очередной раз отметил, что задача всей системы власти в России – обеспечить высокие стандарты жизни, равные возможности для каждого человека, причем на всей территории страны, поскольку предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному¹⁴. Во избежание подобных ситуаций, несущих прямую угрозу нашему обществу и целостности страны, в Конституции Российской Федерации был закреплен принцип единой системы публичной власти, предполагающий выстраивание эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами для наиболее эффективного решения вопросов в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [15, с. 48]. Проведенный

¹² Автомобильный и городской транспорт // Ситуационно-информационный центр Минтранса России : [официальный сайт]. – URL: <https://transport.gov.ru/node/387> (дата обращения: 14.06.2024).

¹³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72063> (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 г. / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 03.08.2024).

нами анализ нормативного правового регулирования и сложившейся правоприменительной практики показал, что ни один муниципалитет страны не способен самостоятельно и в полном объеме решить вопросы организации транспортного обслуживания населения на своей территории. А поскольку недостаточный уровень транспортного обслуживания, а порой и неудовлетворительное состояние автомобильных дорог общего пользования в муниципальных образованиях сдерживают социально-экономический рост не только самих муниципалитетов, но и – по цепочке – развитие и субъектов Российской Федерации, и Российской Федерации в целом, то вопрос транспортного обеспечения населения давно перерос масштабы возможностей муниципальных властей. Конечно, Федерация и субъекты по мере возможности помогают муниципалитетам – выделяют денежные средства на закупку нового транспорта, субсидируют затраты на перевозки, но для поступательного развития пассажирского транспорта и повышения уровня транспортного обслуживания населения осуществления мер государственной поддержки недостаточно. Полагаем, что настало время в рамках реализации механизмов единой системы публичной власти пересмотреть систему законодательства о транспортном обслуживании, перераспределив объем компетенции, ответственности между уровнями публичной власти, определить, исходя из реальных экономических возможностей, порядок взаимодействия между уровнями публичной власти в области транспортного обслуживания населения, чтобы за реальные потребности населения в пассажирских перевозках отвечало не только местное самоуправление и его органы. В решении этой проблемы должны принимать реальное участие все уровни публичной власти. Только тогда мы сможем обеспечить реальное равенство прав и свобод граждан в вопросе транспортного обеспечения вне зависимости от территории, на которой они проживают и трудятся.

Список литературы

1. *Анисимкова Т. И.* Административно-правовое регулирование и проблемы организации транспортного обслуживания населения в городе Екатеринбург // Экономика и менеджмент инновационных технологий : электронный журнал. – 2018. – № 10. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/10/16193> (дата обращения: 12.06.2024).

2. *Дворникова Е. Е.* Обслуживание населения пассажирским транспортом // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 347–350. – URL: <https://moluch.ru/archive/148/41517/> (дата обращения: 12.06.2024).

3. *Зюськин А. А.* Развитие транспортной инфраструктуры муниципальных образований на основе программного подхода / Общество. Экономика. Культура : Актуальные проблемы, практика решения : сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, Барнаул, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. Г. М. Гриценко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2021. – Ч. 1. – С. 108–115.

4. *Орехова Д. С., Пак Х. С.* Особенности транспортного обслуживания населения в муниципальном образовании / Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2023. – С. 463–471.

5. *Асташов А. Н., Самсонов В. С.* Об актуальности совершенствования управления организацией транспортного обслуживания населения в муниципальном образовании субъекта Российской Федерации (на примере городского округа город Воронеж) / Государство и общество в современной политике : сборник научных статей 10-ой Международной на-

учно-практической конференции, Воронеж, 2 декабря 2022 г. – Воронеж: Научная книга, 2023. – С. 35–44.

6. Горобцов А. П., Тарануха С. Н., Савельева М. Н. Методологические аспекты проектирования инновационных образовательных программ подготовки членов экипажей судов с использованием дистанционных технологий и электронного обучения : коллективная монография. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного университета морского и речного флота, 2022. – 194 с.

7. Газимагомедова Н. А. Конституционная реформа 2020 года и проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – Т. 39, № 3. – С. 47–51; <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-47-51>.

8. Фомичева К. Д. Структура органов местного самоуправления в сфере пассажирских перевозок в ряде городов Российской Федерации / Фундаментальные и прикладные исследования молодых ученых : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 110-летию со дня рождения Т. В. Алексеевой, Омск, 20–21 апреля 2023 г. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, 2023. – С. 226–231.

9. Щепкова И. В., Коптева Е. В. Определение удовлетворенности населения качеством предоставления услуг общественного транспорта в г. Калининграде // Молодой ученый. – 2014. – № 7-1 (66). – С. 73–78. – URL: <https://moluch.ru/archive/66/11163/> (дата обращения: 12.06.2024).

10. Братановский С. Н., Горбачев О. С. Правовое регулирование муниципального транспортного комплекса в Российской Федерации: монография. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 166 с.

11. Борисов В. А., Сергеева К. В. Антимонопольный контроль за организацией пассажирских перевозок автомобильным и наземным электрическим транспортом // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2017. – № 2 (13). – С. 23–44.

12. Наниев А. Т. Формы управления автомобильными дорогами в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Актуальные проблемы современного российского государства и права : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 19 мая 2017 г. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. – С. 94–99.

13. Айхаев А. А., Бахтаирова Е. А. Анализ современного состояния сферы регулирования пассажирского транспорта (на примере г. Иркутска) // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 51-4. – С. 5–15; <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-76>.

14. Братановский С. Н., Остапец О. Г. Государственное управление транспортным комплексом в Российской Федерации : монография. – Москва: Русайнс, 2019. – 287 с.

15. Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации : монография / Е. А. Абаева, А. К. Аниканов, З. С. Байниязова [и др.] ; под ред. А. В. Малько. – Москва: Юстиция, 2023. – 391 с.

References

1. Anisimkova T. I. Administrativno-pravovoye regulirovaniye i problemy organizatsii transportnogo obsluzhivaniya naseleniya v gorode Yekaterinburg // Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy : elektronnyy zhurnal. – 2018. – № 10. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/10/16193> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

2. *Dvornikova Ye. Ye.* Obsluzhivaniye naseleniya passazhirskim transportom // *Molodoy uchenyy.* – 2017. – № 14 (148). – S. 347–350. – URL: <https://moluch.ru/archive/148/41517/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

3. *Zyus'kin A. A.* Razvitiye transportnoy infrastruktury munitsipal'nykh obrazovaniy na osnove programmnoy podkhoda / *Obshchestvo. Ekonomika. Kul'tura : Aktual'nyye problemy, praktika resheniya : sbornik nauchnykh statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Barnaul, 15 aprelya 2021 g. / pod obshch. red. G. M. Gritsenko. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet tekhnologiy upravleniya i ekonomiki, 2021. – Ch. 1. – S. 108–115.

4. *Orekhova D. S., Pak Kh. S.* Osobennosti transportnogo obsluzhivaniya naseleniya v munitsipal'nom obrazovanii / *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: aktual'nyye problemy i sovremennyye trendy : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Sankt-Peterburg, 17–18 noyabrya 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet tekhnologiy upravleniya i ekonomiki, 2023. – S. 463–471.

5. *Astashov A. N., Samsonov V. S.* Ob aktual'nosti sovershenstvovaniya upravleniya organizatsiyey transportnogo obsluzhivaniya naseleniya v munitsipal'nom obrazovanii sub'yekta Rossiyskoy Federatsii (na primere gorodskogo okruga gorod Voronezh) / *Gosudarstvo i obshchestvo v sovremennoy politike : sbornik nauchnykh statey 10-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Voronezh, 2 dekabrya 2022 g. – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2023. – S. 35–44.

6. *Gorobtsov A. P., Taranukha S. N., Savel'yeva M. N.* Metodologicheskiye aspekty proyektirovaniya innovatsionnykh obrazovatel'nykh programm podgotovki chlenov ekipazhey sudov s ispol'zovaniyem distantsionnykh tekhnologiy i elektronnoy obucheniya : kollektivnaya monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota, 2022. – 194 s.

7. *Gazimagomedova N. A.* Konstitutsionnaya reforma 2020 goda i problemy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii // *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2021. – T. 39, № 3. – S. 47–51; <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-47-51>.

8. *Fomicheva K. D.* Struktura organov mestnogo samoupravleniya v sfere passazhirskikh perevozok v ryade gorodov Rossiyskoy Federatsii / *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya molodykh uchenykh : sbornik materialov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, priurochennoy k 110-letiyu so dnya rozhdeniya T. V. Alekseyevoy*, Omsk, 20–21 aprelya 2023 g. – Omsk: Sibirskiy gosudarstvennyy avtomobil'no-dorozhnyy universitet, 2023. – S. 226–231.

9. *Shchepkova I. V., Kopteva Ye. V.* Opredeleniye udovletvorennosti naseleniya kachestvom predostavleniya uslug obshchestvennogo transporta v g. Kaliningrade // *Molodoy uchenyy.* – 2014. – № 7-1 (66). – S. 73–78. – URL: <https://moluch.ru/archive/66/11163/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

10. *Bratanovskiy S. N., Gorbachev O. S.* Pravovoye regulirovaniye munitsipal'nogo transportnogo kompleksa v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. – Moskva: Direkt-Media, 2012. – 166 s.

11. *Borisov V. A., Sergeyeva K. V.* Antimonopol'nyy kontrol' za organizatsiyey passazhirskikh perevozok avtomobil'nyim i nazemnym elektricheskim transportom // *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii.* – 2017. – № 2 (13). – S. 23–44.

12. *Naniyev A. T.* Formy upravleniya avtomobil'nymi dorogami v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktiki / *Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava : materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Kaliningrad, 19 maya 2017 g. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017. – S. 94–99.

13. *Aykhaiyev A. A., Bakhtairova Ye. A.* Analiz sovremennogo sostoyaniya sfery regulirovaniya passazhirskogo transporta (na primere g. Irkutsk) // *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya.* – 2019. – № 51-4. – S. 5–15; <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-76>.

14. *Bratanovskiy S. N., Ostapets O. G. Gosudarstvennoye upravleniye transportnym kompleksom v Rossiyskoy Federatsii* : monografiya. – Moskva: Rusayns, 2019. – 287 s.

15. *Pravovaya zhizn' obshchestva i yedinoye pravovoye prostranstvo v Rossiyskoy Federatsii* : monografiya / Ye. A. Abayeva, A. K. Anikanov, Z. S. Bayniyazova [i dr.] ; pod red. A. V. Mal'ko. – Moskva: Yustitsiya, 2023. – 391 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted August 13, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-77-90>

Марина Александровна Крупина

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-0430-7101>, krupina78@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Административно-правовые аспекты изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России

Аннотация: Введение. В статье обоснована актуальность изучения и оценки управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации как основы для выработки оптимальных способов повышения эффективности системы ОВД Российской Федерации в целом. **Цель исследования.** Обосновать актуальность повышения эффективности и объективности методов изучения и оценки управленческой деятельности в ОВД Российской Федерации. **Методы.** Методологическую основу исследования составил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, складывающихся при осуществлении управленческой деятельности в ОВД РФ. Анализ выявленных факторов и синтез результатов, полученных в ходе исследования, позволили сделать выводы о необходимости использования как формализованных показателей, так и метода экспертной оценки. Применены также такие специальные методы исследования, как метод исследования нормативных правовых актов и документов, эмпирический метод, метод обработки и анализа данных. **Результаты.** Определена как наиболее значимая проблема отношения управленческой деятельности к оценке ее эффективности. Обозначены основные факторы (внешние и внутренние), оказывающие влияние на процессы управления и достижение поставленных целей. Выделены основные понятия и термины, используемые в ведомственных методиках изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России. Раскрыто значение таких терминов, как «показатель», «индикатор», «критерий», «оценка» применительно к предмету исследования. Определены административно-правовые аспекты изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России в рамках ведомственного контроля. Описан порядок проведения проверки и выставления оценки на основе действующих распоряжений, в т. ч. на примере оценки направления «Управленческая деятельность руководства территориальных органов по линии информационного обеспечения». Обозначены наиболее характерные недостатки и просчеты в управленческой деятельности, выявляемые в ходе осуществления ведомственного контроля. Обозначена их непосредственная взаимосвязь с эффективностью выполнения поставленных перед подразделениями задач. Акцентировано внимание на необходимости непрерывного мониторинга актуальности и действенности оценочного инструментария, своевременного внесения необходимых корректировок в действующее ведомственное законодательство, выработки новых инновационных методов изучения и оценки управленческой деятельности, в т. ч. на основе современных информационных технологий и тенденций цифровизации.

Ключевые слова: управленческая деятельность, показатели, индикаторы, критерии, оценка эффективности управления, ведомственный контроль, органы внутренних дел Российской Федерации, цифровизация, современные информационные технологии

Для цитирования: Крупина М. А. Административно-правовые аспекты изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 77–90; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-77-90>.

Original article

Marina A. Krupina

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-0430-7101>, krupina78@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Administrative and legal aspects of the study and evaluation of the management activities of the inspected body of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: Introduction. The article substantiates the relevance of studying and evaluating management activities in internal affairs bodies of the Russian Federation as a basis for developing optimal ways to increase the effectiveness of the Russian Federation internal affairs system as a whole. The purpose of the study. To justify the relevance of increasing efficiency and objectivity of methods of studying and evaluating management activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation. **Methods.** The methodological basis of the study is the dialectical approach to scientific knowledge of social relations, which arise in the implementation of management activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Analysis of the identified factors and synthesis of the results obtained in the course of the study allowed to draw conclusions on the need to use both formalised indicators and the method of expert evaluation. Special research methods such as the study of normative legal acts and documents, empirical method, method of data processing and analysis were also applied. **Results.** The problem of the relation of managerial activities to the assessment of its effectiveness is defined as the most significant one. The main factors (external and internal) influencing management processes and achievement of the goals set were identified. The main concepts and terms used in departmental methods of studying and assessment of management activities in a territorial body of the Ministry of Interior of Russia were highlighted. The meaning of such terms as “rate”, “indicator”, “criterion”, “evaluation” in relation to the subject of the study is revealed. The administrative and legal aspects of studying and evaluating the management activities of the inspected body of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the framework of departmental control are defined. The procedure of carrying out verification and issuing an assessment on the basis of the current regulations, including the example of the evaluation of the direction “Management activities of local authorities in the field of information provision”, is described. The most typical deficiencies and mistakes in management activities, revealed in the course of departmental control, are outlined. Their direct correlation with the efficiency of fulfillment of tasks assigned to the units is defined. Emphasis is placed on the need for continuous monitoring of the relevance and effectiveness of the assessment tools, timely

implementation of necessary adjustments to the current departmental legislation, development of innovative methods of studying and evaluating management activities, including those on the basis of modern information technologies and digitalisation trends.

Keywords: management activities, rates, indicators, criteria, assessment of management efficiency, departmental control, internal affairs bodies of the Russian Federation, digitalisation, modern information technologies

For citation: Krupina M. A. Administrative and legal aspects of studying and evaluating the management activities of the inspected body of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 77–90; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-77-90>.

Введение

Человек – социальное существо, в связи с этим вопросы организации и управления возникли еще в период первобытного общества. На современном этапе можно смело говорить об управлении как искусстве, благодаря которому происходит прогресс во всех сферах жизни общества. Жизнь не стоит на месте, соответственно вопросы эффективности, актуальности, целесообразности управленческих процессов находятся в непрерывном развитии.

Применительно к системе органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) наиболее значимыми в рассматриваемом аспекте являются вопросы оценки управленческих процессов, как основы повышения эффективности системы в целом. Отношение управленческой деятельности к оценке ее эффективности представляет собой на современном этапе одну из приоритетных задач для исследований. Вопросы эффективности управления требуют особого внимания, поскольку дают возможность контролировать и прогнозировать ситуацию.

Целью исследования является обоснование актуальности осуществления мониторинга эффективности и объективности методов изучения и оценки управленческой деятельности в ОВД.

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к научному познанию общественных отношений, складывающихся при изучении и оценивании управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России. Применяются функциональный анализ выявляемых факторов, синтез результатов; формально-юридический; сравнительно-правовой; эмпирический метод; метод интерпретации, обработки и анализа данных.

Результаты

Эффективность управления представляет собой результативность, действенность функционирования всей системы по реализации правоохранительной функции. «Исходными позициями для определения эффективности управления являются цели управления, устанавливаемые в нормативном порядке, управленческие действия по их достижению и полученные результаты» [1].

На эффективность управления оказывают влияние множество факторов. Отражается общая экономическая и политическая ситуация в стране. Нельзя также не учитывать полноту и действенность законодательства, социально-экономическую и демографическую ситуацию, уровень правосознания и культуры населения, кадровое и материально-техническое обеспечение. Очевидно, что стратегия управления – тонкий и сложный творческий процесс, требующий мастерства и опыта.

«Руководители, склонные искать причины своих неудач во внешних факторах, имеют низкую способность анализировать свои ошибки и недочеты в организации оперативно-служебной деятельности и эффективно взаимодействовать с подчиненными»¹.

Эффективность управленческих процессов состоит в сопоставлении цели и результата. Вопрос в том, как это сделать наиболее объективно. Структура аппарата управления, состояние и качество управленческого процесса и эффективность труда руководителя являются наиболее значимыми оценочными категориями.

Управленческая деятельность – это сложный, разноплановый, подчиненный общим принципам, но в то же время очень индивидуальный вид деятельности. Наряду с главной целью – реализацией поставленных перед подразделением задач – управленческая деятельность не может не учитывать особенности личности подчиненного, мотивацию к выполнению задач, взаимоотношения в коллективе, авторитет руководителя и множество других факторов. «По своей сути управленческая деятельность является практической реализацией функций управления»².

Важнейшую роль в реализации функций управления играет личность руководителя. В целях обеспечения качественного и своевременного комплектования должностей руководителей в МВД России этот процесс урегулирован в приказе МВД России от 12 января 2021 г. № 5 «Об утверждении порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений»³.

Руководители, учитывая свой жизненный и служебный опыт, на основе объективной и всесторонней оценки личных и профессиональных качеств кандидатов формируют кадровый резерв для замещения должностей начальников различных уровней подчиненности. Один из определяющих факторов – рекомендации и заключения, полученные в результате обследования психологов, которое проводится в обязательном порядке. Подобные обследования проводятся при оформлении кандидатов на службу, перемещении, закреплении табельного оружия. В случае с кадровым резервом цель процедуры заключается в выявлении лидерских качеств, умения организовать процесс, эффективно взаимодействовать с коллективом, вышестоящими руководителями и иными субъектами служебных отношений. Для этой категории сотрудников предусмотрены соответствующие программы обучения.

Период нахождения в резерве составляет три года, это позволяет своевременно обновлять его качественный и количественный состав с учетом складывающейся обстановки. Такой поэтапный, тщательный, внимательный подход к отбору на должность руководителя обусловлен возлагаемой на него ответственностью. В частности, «руководитель (начальник) структурного подразделения органа внутренних дел, определенный в указаниях по исполнению документа, несет персональную ответственность за своевременное выполнение поручения» [2].

Обязательным пунктом должностных регламентов либо инструкций руководителей является организация работы и контроль за исполнением решений подчиненными сотрудниками. «При подтверждении факта неисполнения или ненадлежащего исполнения руководителем по его вине возложенных на него служебных обязанностей либо положений должностного регламента, в отношении руководителя применяются меры дисциплинарного взыскания – вплоть до принятия решения о досрочном прекращении исполнения руководителем своих должностных обязанностей» [3].

¹ Иванов В. Н. Психологическое сопровождение профессионального развития руководителя в организации // Вопросы современной науки и практики. – 2022. – № 2 (7). – С. 94-99.

² Давыдов И. С. Управленческая деятельность в органах внутренних дел и ее основные направления // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : сборник материалов международной научно-практической конференции, Воронеж, 21 мая 2020 г. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – Ч. 2. – С. 114–116.

³ Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений : приказ МВД России от 12 января 2021 г. № 5 (ред. от 15.06.2023) (зарег. в Минюсте России 12.02.2021, № 62475) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102120016> (дата обращения: 08.01.2024).

Для осмысления темы исследования следует пояснить ряд терминов и понятий, используемых при формировании оценки управленческой деятельности в ОВД.

«Управлять» означает контролировать и определять ход или деятельность чего-либо, руководить⁴.

Эффективность управленческой деятельности в общем виде – это степень достижения запланированных результатов, целей управления. Для наиболее полного и всестороннего осмысления которых необходимо проанализировать причины как положительного, так и отрицательного эффекта управленческого воздействия. «Сопоставление затраченного управленческого труда (комплекса мер) с конечными итогами правоохранительной деятельности дает возможность оценить их действительную полезность, скорректировать последующую продуктивную работу» [4].

Управление является эффективным в случае достижения максимального результата с минимальными кадровыми, материальными, временными затратами. Вопрос в том, как полно, своевременно, всесторонне, а главное, объективно оценить этот непростой вид деятельности. Неизбежно различное толкование таких часто применяемых на практике словосочетаний, как «„регулярно вносятся инициативные предложения”, „носят системный характер”, „носят в основном формальный характер”, „практически не проводятся”, „не на должном уровне”, „не адекватна складывающейся ситуации” и т. п.» [5].

Данные формулировки не содержат конкретики, что влечет за собой некорректную оценку управленческой деятельности, основанной на субъективном восприятии фактов проверяющим. Очевидно, что вопросы оценки эффективности управленческой деятельности требуют постоянного совершенствования.

Показатели, индикаторы и критерии на современном этапе составляют понятийный аппарат оценки управленческой деятельности в ОВД. Цель их применения – определение степени успешности деятельности руководителя. С их помощью абстрактные теоретические категории можно представить в виде простых понятий, которые способны выполнять оценочные и корректирующие функции.

Рассмотрим основные.

«Показатель» заключается в обобщенной характеристике какого-либо объекта.

«Индикатор» является доступной наблюдению и измерению характеристикой изучаемого объекта. «Критерий» представляет собой признак (основание, правило) принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям. «Оценка» в данном случае — это способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта.

Такая «методика оценивания позволяет определить уровень соответствия руководителя установленным требованиям и перспективы его дальнейшего роста. Формирует компетентностный (уровень имеющихся знаний, обладание соответствующими умениями и навыками) потенциал должностных лиц руководящего состава, осознание личной ответственности за процесс и конечные результаты выполняемой ими организаторской работы. Стимулирует управленческий труд, являющийся составной частью социальной политики государства» [6].

«Французский теоретик Анри Файоль еще в начале XX века в своем произведении „Общее и промышленное” обозначал, что в управление включены пять функций – это планирование, организация, распорядительство, координация и контроль» [7]. Его утверждения актуальны и в настоящее время.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / год ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1991. – С. 834.

Степень правового регулирования оценки управленческой деятельности в ОВД на современном этапе определена приказом МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации»⁵.

Управленческая деятельность руководителей инспектируемого органа оценивается по специальной методике, которая, в свою очередь, регламентирована распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 «Об утверждении Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России», которая определяет порядок изучения и оценки организации, обеспечения и осуществления управленческой деятельности в ходе инспекторской и целевой проверки.

На региональном уровне изданы соответствующие распоряжения об утверждении руководств по изучению и оценке с учетом специфики организации работы⁶.

С применением методик:

1) изучается и оценивается соответствие организации и результативности процесса управления структурными подразделениями проверяемого органа требованиям нормативных правовых актов МВД России и складывающейся обстановке;

2) определяются оценки основной функции «Управление структурными подразделениями» и дополнительных факторов:

- анализ и прогноз состояния преступности, выработка мер по укреплению правопорядка;
- планирование деятельности;
- внесение предложений по совершенствованию борьбы с преступностью;
- управленческая деятельность руководства проверяемого органа.

Наглядно это представлено в таблице 1.

Таблица 1

Анализ и прогноз состояния преступности, выработка мер по укреплению правопорядка (извлечение)

Показатель	Индикатор	Критерии (условия) оценки индикатора	Значение индикатора	Оценка
Проведение анализа оперативной обстановки	а) удельный вес аналитических материалов, подготовленных проверяемым органом, в которых исследованы состояние, структура и изменение динамики оперативной обстановки, выявлены негативные отклонения, установлены причинно-следственные зависимости между различными факторами, обусловившими данные отклонения от числа изученных	80 % и более – «удовлетворительно», менее 80 % – «неудовлетворительно»		

Всего оценивается 5 направлений, упомянутых выше. Методика включает 23 показателя и 56 индикаторов соответственно. Оценка выставляется, опираясь на критерий (условие) по каждому индикатору. Затем по совокупности оценок индикаторов выставляется оценка показателя

⁵ Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 (ред. от 29.06.2018) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=536704#xjNu4WUKoZLn4YMu> (дата обращения: 08.01.2024). – Документ не публиковался.

⁶ Например, в Главном управлении МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в настоящий момент действует распоряжение № 16 от 1 февраля 2024 г.

(который может включать несколько индикаторов) и только после этого выводится оценка за направление. Оценки направлений учитываются в сводной оценочной ведомости по результатам инспектирования при оценке одноименных основной функции и дополнительных факторов.

Далее вырабатываются предложения по устранению выявленных нарушений и недостатков системного характера, которые (или последствия которых) не устранены в ходе проверки, а также по совершенствованию управленческой деятельности.

Изучению подлежит:

- переписка проверяемого органа с органами государственной власти субъекта, местного самоуправления, правоохранительными органами;
- ход реализации документов и материалов МВД России, поступивших в проверяемый орган для руководства и исполнения;
- управленческие решения руководства проверяемого органа, в т. ч. правовые и распорядительные акты, планы, протоколы, указания, резолюции;
- аналитические, справочные и отчетные материалы, подготавливаемые штабом, иными структурными подразделениями проверяемого органа;
- результаты собеседований, тестирований (зачетов), опросов руководителей и сотрудников проверяемого органа.

Объем изученных материалов каждого вида, необходимых и достаточных для объективной и репрезентативной оценки, определяется руководителем комиссии. Оценки определяются по двоичной системе: «удовлетворительно» или «неудовлетворительно».

По итогам проверки членом комиссии непосредственно в проверяемом органе подготавливаются:

- оценочная таблица, в которой отображаются значения и оценки, в т. ч. полученные экспертным методом;
- справка, в которой отражаются объемы проверки, выявленные нарушения, недостатки, проблемные вопросы, предложения по их устранению; обосновываются выставленные оценки.

На основе результатов изучения материалов определяются значения индикаторов.

Оценка индикатора выставляется в соответствии с критериями (условиями), указанными в оценочной таблице. Оценка показателя определяется по совокупности оценок индикаторов. Оценка направления выставляется по совокупности оценок составляющих его показателей.

Если руководитель проверяемого органа находится в должности менее одного года, то направление «Управленческая деятельность руководства проверяемого органа» оценивается экспертным методом. При несогласии руководителя с оценкой также применяется экспертный метод оценки.

Оценки направлений учитываются в сводной оценочной ведомости по результатам инспектирования при оценке одноименных основной функции и дополнительных факторов. В частности, одним из дополнительных факторов при определении расчетной оценки деятельности органа является информационное обеспечение, в т. ч. деятельность по формированию и использованию централизованных оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов.

В свою очередь, в соответствии с требованиями распоряжения МВД России от 13 апреля 2018 г. № 1/4045 «Об утверждении Методики изучения и оценки информационного обеспечения деятельности территориальных органов МВД России» наряду с другими оцениванию подлежит направление «Управленческая деятельность руководства территориальных органов по линии информационного обеспечения» (таблица 2).

Методика выставления оценки направления идентична описанной выше. Всего оцениваются 5 показателей по совокупности 9 индикаторов. При инспектировании оценка за направление учитывается в соответствующей строке сводной оценочной ведомости.

Таблица 2

Пример оценивания одного элемента проверяемого направления деятельности (извлечение)

Показатель	Индикатор	Критерии оценки		Оценка
		«Удовл.»	«Неудовл.»	
Контроль своевременности и полноты представления учетных документов	а) проведение анализа процессов формирования и использования банков данных (систем данных), подготовка предложений по их совершенствованию	Анализ проводится, вносятся предложения по совершенствованию процессов формирования и использования банков данных	Анализ не проводится либо проводился, но предложения по совершенствованию процессов формирования и использования банков данных не вырабатываются	

Приведенные примеры раскрывают механизм применения формализованных показателей, которые представляют собой результаты деятельности субъекта проверки. Одной из приоритетных задач при разработке методик является достижение максимальной простоты применения, прозрачности и доступности восприятия как для проверяющих, так и для проверяемых. «Для того, чтобы система критериев оценки управленческой деятельности носила не формальный, а объективный характер, должна существовать однозначная и понятная для всех органов внутренних дел шкала показателей оценки эффективности» [8].

Нельзя обойти вниманием такой действенный правовой механизм, как экспертная оценка, которая представляет собой процедуру определения оценки организации и эффективности деятельности субъекта проверки, на основе группового мнения руководителя и членов комиссии (группы). Проверяющие, входящие в состав комиссии, в справке о проверке своего направления деятельности вправе помимо формализованных показателей высказать свое экспертное мнение. Оно может отражать как негативные, так и позитивные аспекты служебной деятельности, соответственно экспертная оценка может быть как «удовлетворительно», так и «неудовлетворительно».

Сформированная с учетом экспертного мнения оценка в обязательном порядке должна быть обоснована.

Результаты проверок обсуждаются на совещаниях членов комиссии, в ходе которых вырабатывается экспертная оценка, что находит отражение в итоговых документах. При применении метода экспертной оценки направления (сферы) деятельности инспектируемого органа дополнительно учитываются:

- удельный вес неудовлетворительных оценок в общем количестве оценок данного направления деятельности;
- степень участия (значимость) структурного подразделения инспектируемого органа в реализации оцениваемого направления деятельности;
- ведомственная оценка по направлению деятельности, определенная по показателям ведомственной статистической отчетности до выезда в инспектируемый орган;
- достаточность позитивной динамики конечных результатов деятельности по оцениваемому направлению, ее реальное влияние на улучшение криминальной обстановки;
- изменения уголовного, уголовно-процессуального, административного и иного законодательства;
- наличие резервов и управленческого потенциала у руководителей структурных подразделений, реализующих оцениваемое направление деятельности;

- фактическое положение дел в подчиненных органах внутренних дел по проверенному направлению деятельности;
- природно-географическое положение, социально-экономические и другие условия функционирования, а также иные факторы, влияющие на организацию и результаты оперативно-служебной деятельности инспектируемого органа по данному направлению.

В акте о результатах инспектирования в обязательном порядке содержится блок, посвященный управленческой деятельности руководителей, характеристике их деловых и профессиональных качеств. Далее описываются стиль и методы управления подчиненными органами, подразделениями, приводятся результаты изучения механизма разработки и принятия управленческих решений, организации и контроля их выполнения. Затем освещается эффективность взаимодействия с органами государственной власти, правоохранительными органами и в заключение оценивается способность руководящего состава обеспечить эффективное управление силами и средствами, подчиненными органами и подразделениями.

Результаты проверок учитываются при:

- решении вопроса об установлении особого контроля за деятельностью подразделения в целом или отдельных направлений;
- решении вопроса о сроках проведения внепланового инспектирования;
- планировании служебных командировок;
- проведении ротации, перемещении по службе, выдвижении в федеральный кадровый резерв.

«Помимо этого, после проведенных мероприятий члены инспекторской проверки планируют мероприятия, позволяющие урегулировать выявленные недостатки»⁷.

Разнообразие форм и видов контроля, их умелое сочетание субъектом управления в соответствии со складывающейся обстановкой позволяет наиболее эффективно реализовывать задачи ведомственного контроля в ОВД на всех уровнях. «Контроль и проверка исполнения в подразделениях полиции – неотъемлемая составная часть организаторской работы, важнейшее средство совершенствования их деятельности, укрепления законности и дисциплины и повышения культуры в работе» [9].

Ослабление контроля приводит к неизбежным упущениям, негативно сказывается на качестве и сроках выполнения задач. «Эффективность работы напрямую связана с действиями сотрудников, в частности, с точным и правильным выполнением требований ведомственных нормативных актов и законов» [10]. Человеческая природа такова, что даже самые ответственные и организованные люди, вероятнее всего, допустят неточности и ошибки в ходе выполнения поставленной задачи. Во многом конечный результат зависит от субъекта управления. «Уровень соблюдения служебной дисциплины и законности зависит не только от подчиненных сотрудников, но и от вышестоящего руководства. При этом не все руководители различных территориальных органов добросовестно проверяют и оценивают результаты деятельности своих сотрудников»⁸.

Практика показывает, что при документальном зональном контроле выявляется, что:

- исходя из информационных материалов о деятельности подконтрольных подразделений, проблемные вопросы не ставятся вовсе, а предложения о мерах, направленных на улучшение положения дел, переносятся из одного отчетного периода в другой;
- вместо должного анализа положения дел руководители занимаются сбором отчетной информации;

⁷ Богданов Ш. Ф. Ведомственный контроль за деятельностью полиции / XIV Итоговая студенческая научная конференция : сборник статей конференции, Санкт-Петербург, 1 апреля 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – Т. 1. – С. 125–130; https://doi.org/10.47645/9785604755112_125.

⁸ Миронова Ю. Г. Роль ведомственного контроля в соблюдении сотрудниками органов внутренних дел служебной дисциплины и законности / Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2021 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 212–214.

- установлен слабый контроль за реализацией направленных в подконтрольные подразделения методических материалов;
- не принимается во внимание, что эффективность принимаемых протокольных решений во многом зависит от определенности, конкретности, актуальности сформулированных в них целей и задач;
- не всегда корректно сравнение между собой эффективности работы структурных подразделений аппарата по разным направлениям деятельности;
- в протокольные поручения вносятся мероприятия, дублирующие ранее принятые решения;
- ряд протоколов содержит управленческие решения, носящие декларативный характер, дублирующие требования ведомственных нормативных правовых актов, должностных инструкций, федеральных законов.
- поверхностный подход к выработке протокольных решений допускает вынесение формальных по своему содержанию поручений, содержащих неактуальную информацию, их противоречие приказам МВД России.
- контроль за реализацией протокольных поручений совещаний осуществляется формально, итоги реализации подчиненными подразделениями поручений не анализируются;
- не осуществляется контроль за формированием обобщенных информационно-аналитических материалов по вопросам зонального контроля;
- проекты справок по итогам зонального контроля формируются с нарушением сроков, не соответствуют по структуре установленным требованиям.

При фактическом зональном контроле:

- при выездах исполнителями зонального контроля не анализируется ход устранения недостатков, выявленных в ходе предыдущих проверок, в ряде случаев справки готовятся по шаблону, предложения в половине случаев формальны и неконкретны, либо вообще отсутствуют;
- исполнители зонального контроля не всегда могут определить истинные причины недостатков в работе курируемых подразделений, оказать практическую помощь по их устранению;
- выводы о количестве осуществленных проверок делаются на основе статистических карточек учета служебных командировок, при этом разделы «Задачи командировки» и «Форма реализации результатов выездов» заполняются некорректно;
- отмечаются формальный подход по обеспечению контроля за подчиненными сотрудниками, невовлеченность руководителей в вопросы ведомственного контроля;
- не осуществляется заблаговременная подготовка к выездам с предварительным запросом о предоставлении для изучения информации, которую можно получить дистанционно, а также посредством проведения необходимых сверок.

Отсутствие должного внимания (ослабление внимания) к осуществлению ведомственного контроля приводит к фактическому отсутствию обратной связи структурных подразделений головной организации с подконтрольными. Как следствие, управленческое влияние на подконтрольные подразделения серьезно ослабевает, а зональная работа неэффективна и в большей степени формальна. Ведомственный контроль является приоритетным направлением деятельности сотрудников аппарата головной организации и не должен осуществляться по остаточному принципу.

Бездеятельность исполнителей зонального контроля напрямую связана с отсутствием должного контроля со стороны руководителей соответствующих структурных подразделений, являющихся организаторами зонального контроля за этим направлением деятельности, а также неправильно расставляемыми приоритетами в служебной нагрузке. «Важно

отметить, что служебная деятельность, осуществляемая в системе МВД России, достаточно разнообразна, в связи с чем практически для каждого ее направления выработаны различные формы контроля» [11].

Применение методик и руководств по оценке позволяет дифференцированно и объективно подойти к организации и проведению проверок.

В настоящее время все большую актуальность приобретают цифровые методы контроля. Повсеместное распространение получили ведомственные информационные порталы, позволяющие оперативно и эффективно осуществлять управленческую деятельность, дистанционно контролировать и регулировать происходящие в подразделении процессы. Контрольные мероприятия при грамотной организации позволяют в т. ч. повысить эффективность использования средств бюджета ОВД. «Полученная в ходе ведомственного контроля информация позволяет разработать меры по устранению недостатков и профилактике их появления в будущем» [12].

Субъекты контроля должны быть максимально мотивированы на созидание, выявление и воздействие на причины нарушений, оказание методической, организационной и практической помощи. Важно чтобы в результате проверок у проверяемых складывалась позитивная установка на устранение и недопущение впредь нарушений в служебной деятельности. «Результативность контроля и, как следствие, повышение эффективности деятельности органов внутренних дел зависят от наличия соответствующей инициативы и творческого подхода субъектов контроля» [13]. Атмосфера проверок должна носить конструктивный, деловой характер. Взаимоуважение и соблюдение субординации способствуют эффективному рабочему процессу.

«Чтобы контролировать, необходимо знать специфику работы контролируемой структуры (это означает, что субъект контроля должен быть профессионально подготовленным, компетентным, т. е. должен обладать необходимыми познаниями в контролируемой области)» [14]. В составы комиссии включаются исключительно опытные сотрудники, способные дать полную, всестороннюю и объективную оценку. «Эффективная реализация управленческих функций выступает необходимым и ключевым элементом управления органами внутренних дел, и организации их деятельности по выполнению задач в соответствии с законодательством Российской Федерации» [15].

Контроль является одной из основных общеуправленческих функций социального управления. «Ведомственный контроль и проверка исполнения в органах внутренних дел являются неотъемлемой составной частью организаторской работы, важнейшим средством совершенствования их деятельности, укрепления законности и дисциплины, повышения культуры в работе. Они направлены на обеспечение своевременного выполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел»⁹.

Оценка эффективности управленческой деятельности напрямую связана с работой зональных кураторов, роль которых заключается в постоянном наблюдении за подконтрольным подразделением как дистанционно, так и посредством осуществления выездов, выявления причин просчетов в работе, своевременного реагирования на проблемные ситуации. «Как показывает практика, роль зональных кураторов преимущественно сводится к участию в подведении итогов оперативно-служебной деятельности, выполнению иных представительских функций. Такая работа не приносит должного результата» [16]. Включенность в работу подразделения, своевременное оказание практической и методической помощи являются неотъемлемыми элементами работы зонального куратора. Зачастую в этом вопросе присутствует формальный подход. Сроки, объемы, направления не всегда носят определенный характер. В результате теряется истинный смысл управленческой деятельности.

⁹ Темников А. Ю., Сахарова Т. А. О некоторых вопросах осуществления ведомственного контроля за деятельностью дежурных частей территориальных органов МВД России на районном уровне // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 68–73.

Заключение

Проблемы изучения и оценки управленческой деятельности инспектируемого органа МВД России требуют своевременного разрешения.

Территориальными органами внутренних дел и центральным аппаратом МВД России регулярно рассматриваются вопросы о внесении изменений в ведомственные правовые акты, в т. ч. содержащие вопросы исследуемой сферы. Как пример можно привести поручение, данное территориальным органам на районном уровне, доложить в рамках зонального контроля об имеющихся предложениях по дополнению вышеописанных методик, утвержденных распоряжением МВД России от 13 апреля 2018 г. № 1/4045, а также корректировке имеющихся позиций¹⁰.

Изменения в методике оценок деятельности по всем основным направлениям деятельности вносятся на регулярной основе. Это обусловлено динамичностью процессов в системе ОВД в целом и управленческой деятельности соответственно.

Вопросы мониторинга данного направления служебной деятельности требуют постоянного, пристального внимания и находятся на контроле в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. Эта специальная форма наблюдения позволяет прогнозировать развитие происходящих событий, снизить степень неопределенности и риска при принятии решений и соответственно повысить эффективность управленческой деятельности. Особую актуальность сегодня приобретает повсеместная цифровизация. Внедрение новых методов изучения и оценки управленческой деятельности в органах внутренних дел, основанных на достижениях в области информационных технологий, – первостепенная задача на современном этапе. Появляется возможность применения на практике дистанционного мониторинга исследуемого аспекта, становится доступной работа с большим объемом информации. Современные технические решения позволяют уйти от рутинных процессов и повысить эффективность управления, а соответственно и правоохранительной функции ОВД в целом.

Список литературы

1. Гиммельрейх О. В. О критериях оценки эффективности организационно управленческой деятельности органов внутренних дел // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. – № 2 (38). – С. 16–24.
2. Надольская Ю. В. Некоторые вопросы организации системы контроля в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 3. – С. 153–155.
3. Рахматуллин А. Ф. Модернизация подходов к оценке деятельности современных органов внутренних дел // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1 (27). – С. 31–40.
4. Ульянов А. Д. Научный инструментарий оценки эффективности управленческой деятельности в территориальных органах МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 1 (61). – С. 48–60; <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-161-48-60>.
5. Носов М. К. Основы разработки критериев оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1 (10). – С. 460–464.
6. Кушнарева Е. В. О совершенствовании правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12, № 3 (45). – С. 422–428; <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.36.88.022>.

---

¹⁰ Ежегодное Всероссийское совещание-семинар с руководителями информационных центров УТ МВД России по федеральным округам, Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений МВД России на транспорте, территориальных органов МВД России на региональном уровне, проходившее в г. Москве 14 июня 2023 г. (протокол № 34).

7. *Смирнова Н. Н.* Организация ведомственного контроля в территориальном органе внутренних дел / Организация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в различные исторические периоды : сборник научных статей. – Волгоград: ИП Черняева Юлия Игоревна, 2022. – С. 100–106.

8. *Воронов Н. А., Удалов Ф. Е., Ягунова Н. А.* Управленческий потенциал: ретроспективно-перспективный анализ // Вестник НГИЭИ. – 2017. – № 3 (70). – С. 102–111.

9. *Занина Т. М., Федотова О. А.* Особенности осуществления ведомственного контроля как способа обеспечения законности и дисциплины в ОВД // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2017. – № 3-1. – С. 27–30.

10. *Деревянко А. В., Ибатуллин Р. Р., Исаева Л. А.* Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел // Современные научные исследования и разработки. – 2019. – № 1 (30). – С. 343–345.

11. *Овчинников Н. А.* Административный контроль как способ обеспечения законности в служебной деятельности органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 3 (39). – С. 36–43.

12. *Колосова И. М., Пашин В. М., Курманов М. М., Болдырев У. К.* К вопросу о сущности, содержании и видах контроля, осуществляемого в органах внутренних дел Российской Федерации // Правовая культура. – 2023. – № 3 (54). – С. 42–54.

13. *Анисимов А. П., Трофимов Д. А.* О проблемах организации зонального контроля и повышения эффективности инспекторских проверок территориальных органов МВД России на районном уровне // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2019. – № 4. – С. 59–62.

14. *Салихов Д. Г.* О формах и методах ведомственного контроля за соблюдением законности в деятельности полиции Российской Федерации и о дальнейшем их совершенствовании // Закон и право. – 2017. – № 4. – С. 126–131.

15. *Соколов Е. В., Пушкарев В. В.* Нормативное правовое обеспечение контрольной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации / Актуальные вопросы юриспруденции : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 мая 2021 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 189–195.

16. *Шалягин В. А.* К вопросу о проблемах осуществления ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел на транспорте // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (5). – С. 77–84.

References

1. *Gimmel'reykh O. V.* O kriteriyakh otsenki effektivnosti organizatsionno upravlencheskoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2019. – № 2 (38). – S. 16–24.

2. *Nadol'skaya Yu. V.* Nekotoryye voprosy organizatsii sistemy kontrolya v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2014. – № 3. – S. 153–155.

3. *Rakhmatullin A. F.* Modernizatsiya podkhodov k otsenke deyatel'nosti sovremennykh organov vnutrennikh del // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2015. – № 1 (27). – S. 31–40.

4. *Ul'yanov A. D.* Nauchnyy instrumentariy otsenki effektivnosti upravlencheskoy deyatel'nosti v territorial'nykh organakh MVD Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2022. – № 1 (61). – S. 48–60; <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-161-48-60>.

5. *Nosov M. K.* Osnovy razrabotki kriteriyev otsenki effektivnosti upravlencheskoy deyatel'nosti v organakh vnutrennikh del // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2009. – № 1 (10). – S. 460–464.

6. *Kushnareva Ye. V.* O sovershenstvovanii pravovoy reglamentatsii instituta operativnykh soveshchaniy v sisteme MVD Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – Т. 12, № 3 (45). – С. 422–428; <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.36.88.022>.

7. *Smirnova N. N.* Organizatsiya vedomstvennogo kontrolya v territorial'nom organe vnutrennikh del / Organizatsiya deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v razlichnyye istoricheskiye periody : sbornik nauchnykh statey. – Volgograd: IP Chernyayeva Yuliya Igorevna, 2022. – С. 100–106.

8. *Voronov N. A., Udalov F. Ye., Yagunova N. A.* Upravlencheskiy potentsial: retrospektivno-perspektivnyy analiz // Vestnik NGIEI. – 2017. – № 3 (70). – С. 102–111.

9. *Zanina T. M., Fedotova O. A.* Osobennosti osushchestvleniya vedomstvennogo kontrolya kak sposoba obespecheniya zakonnosti i distsipliny v OVD // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2017. – № 3-1. – С. 27–30.

10. *Derevyanko A. V., Ibatullin R. R., Isayeva L. A.* Obespecheniye zakonnosti v deyatelnosti organov vnutrennikh del // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki. – 2019. – № 1 (30). – С. 343–345.

11. *Ovchinnikov N. A.* Administrativnyy kontrol' kak sposob obespecheniya zakonnosti v sluzhebnoy deyatelnosti organov vnutrennikh del // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. – 2011. – № 3 (39). – С. 36–43.

12. *Kolosova I. M., Pashin V. M., Kurmanov M. M., Boldyrev U. K.* K voprosu o sushchnosti, soderzhanii i vidakh kontrolya, osushchestvlyayemogo v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Pravovaya kul'tura. – 2023. – № 3 (54). – С. 42–54.

13. *Anisimov A. P., Trofimov D. A.* O problemakh organizatsii zonal'nogo kontrolya i povysheniya effektivnosti inspektorskiikh proverok territorial'nykh organov MVD Rossii na rayonnom urovne // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2019. – № 4. – С. 59–62.

14. *Salikhov D. G.* O formakh i metodakh vedomstvennogo kontrolya za soblyudeniym zakonnosti v deyatelnosti politsii Rossiyskoy Federatsii i o dal'neyshem ikh sovershenstvovanii // Zakon i pravo. – 2017. – № 4. – С. 126–131.

15. *Sokolov Ye. V., Pushkarev V. V.* Normativnoye pravovoye obespecheniye kontrol'noy deyatelnosti v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii / Aktual'nyye voprosy yurisprudentsii : sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 25 maya 2021 g. – Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2021. – С. 189–195.

16. *Shalyagin V. A.* K voprosu o problemakh osushchestvleniya vedomstvennogo kontrolya za deyatelnost'yu organov vnutrennikh del na transporte // Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (5). – С. 77–84.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted March 28, 2024; approved after reviewing December 3, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-91-103>

Николай Андреевич Кулаков

кандидат юридических наук, доцент

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-91-103>, 2-kvadrat@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Проблемы профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Аннотация: Введение. В статье раскрывается значение профилактического воздействия как элемента противодействия правонарушениям в области незаконного оборота наркотиков, организуемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет». Автор предпринимает попытку раскрыть особенности функционирования преступных групп, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков с использованием сети «Интернет», не только в юридическом, но и в социально-экономическом контексте. В изложенном в статье материале определены отдельные точки профилактического воздействия на такие преступные группы и на систему распространения наркотиков посредством сети «Интернет» в целом. **Цель.** Выявление проблем и направлений повышения эффективности профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (прежде всего сети «Интернет»), поиск путей решения таких проблем. **Методология.** В работе использовались системный подход при дифференциации правонарушений в области незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет»; структурный подход с целью выявления особенностей функционирования преступных групп, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков; функциональный подход в рамках упорядочивания полномочий органов публичной власти, представителей общественности. **Результаты.** На основе проведенного исследования специфики и механизма правонарушений в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ автор определяет основные направления профилактического воздействия, субъектов такого воздействия, а также его цель – снижение спроса на наркотические средства, распространяемые при помощи сети «Интернет», и создание организационных сложностей и издержек для наркобизнеса. Кроме того, автор формулирует ряд предложений организационно-правового характера, направленных на повышение качества взаимодействия органов внутренних дел с общественными структурами правоохранительной направленности в области профилактики незаконного оборота наркотиков, а также на повышение эффективности такой профилактики в целом.

Ключевые слова: незаконный оборот, наркотики, профилактика правонарушений, интернет, мониторинг, незаконная реклама наркотиков, пропаганда наркотиков

Для цитирования: Кулаков Н. А. Проблемы профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 91–103; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-91-103>.

Original article

Nikolay A. Kulakov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-91-103>, 2-kvadrat@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problems of prevention of drug trafficking crimes committed using information and telecommunication networks

Abstract: Introduction. The article reveals the importance of preventive effect as an element of counteraction to crimes in the field of drug trafficking organised with the use of information and telecommunication networks, primarily the Internet. The author attempts to reveal the peculiarities of the functioning of criminal groups specialising in drug trafficking using the Internet, not only in the legal but also in the socio-economic context. The material presented in this article identifies certain points of preventive influence on such criminal groups and on the system of drug distribution through the Internet as a whole. **Purpose.** Identification of problems and directions for increasing the effectiveness of prevention of crimes in the field of illegal drug trafficking committed through the use of information and telecommunication networks (primarily the Internet), to search for ways of solving such problems. **Methodology.** The work used a systemic approach to differentiate drug trafficking offences using the Internet; a structural approach to identify the peculiarities of the operation of criminal groups specialising in drug trafficking; and a functional approach within the framework of streamlining the powers of public authorities and public representatives. **Results.** On the basis of the study of the characteristics and mechanism of crimes in the field of illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, the author defines the main directions of preventive action, the subjects of such action, as well as its goal – to reduce the demand for drugs distributed via the Internet and to create organisational difficulties and costs for the drug business. In addition, the author formulates a number of proposals of an organisational and legal nature aimed at improving the quality of interaction between law enforcement bodies and public law enforcement structures in the field of prevention of illegal drug trafficking, as well as at increasing the effectiveness of such prevention in general.

Keywords: illegal trafficking, drugs, crime prevention, internet, monitoring, illegal drug advertising, drug propaganda

For citation: Kulakov N. A. Problems of prevention of drug trafficking offences committed using information and telecommunication networks // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 91–103; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-91-103>.

Введение

Проблема наркомании и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее также – наркотиков) представляет собой одну из наиболее существенных угроз национальной безопасности для российского государства на современном этапе. Как отмечается в докладе Государственного антинаркотического комитета, данные мониторинга наркоситуации указывают на сохранение существенного уровня наркоугрозы. С одной стороны, в 2022 году число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составило 177 441, что на 1,1 % ниже, чем в предшествующий годовой период. С другой стороны – выросло число зарегистрированных тяжких и особо тяжких (в 2021 г. – 132 157; в 2022 г. – 135 560), а также групповых (в 2021 г. – 21 117; в 2022 г. – 29 227) преступлений в области оборота наркотиков. Кроме того, сохраняется тенденция роста лиц, поставленных на наркологический учет: из них с диагнозом «синдром зависимости» – 229 743 (+ 1,1 % по отношению к 2021 г.), с диагнозом «пагубное употребление» – 161 917 (+ 0,6 % в сравнении с 2021 г.)¹.

Вместе с тем официальная статистика далеко не в полном объеме отражает реальное положение дел в области оборота наркотиков и их потребления. Социологические исследования, проводимые в анонимной форме, показывают высокую степень латентности рассматриваемых социальных отклонений.

Так, на момент принятия действующей Стратегии государственной антинаркотической политики региональными антинаркотическими комиссиями выявлены следующие пропорции: число респондентов, потребляющих наркотики как регулярно, так и эпизодически, составляет 1,9 млн человек, или 1,3 % населения. С предложением попробовать наркотики сталкиваются порядка 21,8 % опрошенных граждан. Каждый четвертый респондент (24,1 %) общается с лицами, которые незаконно потребляли или потребляют наркотики².

Положение дел в рассматриваемой области еще более усугубилось в последнее десятилетие в связи с развитием цифровых технологий, существенно изменивших организацию наркобизнеса и обеспечивших возможность дистанционных бесконтактных продаж наркотиков. Опасность распространения наркотиков через интернет состоит в том, что благодаря ее использованию облегчается вовлечение в потребление и незаконный оборот наркотиков большого количества лиц. Следует учитывать, что данная преступность имеет высоколатентный характер [1, с. 5].

Интернет используется в целях рекламы наркотических средств, общения с потенциальными покупателями, для получения оплаты и для информирования о месте нахождения наркотиков. Покупатели наркотиков активно используют интернет с целью получения информации о каналах их распространения, заключения незаконных сделок о приобретении наркотиков. Все большее распространение получает не только организация продаж наркотиков посредством сети «Интернет», но и так называемый наркоблогинг. Это явление проявилось практически во всех социальных сетях, особенно тех, которые не выполнили требований законодательства Российской Федерации (закон «О приземлении»). Целевой аудиторией наркоблогинга является подрастающее поколение, которое благодаря интеграции с наркоплощадками не только вовлекается в качестве новых потребителей, но и повышает терпимость к лицам, допускающим незаконный оборот наркотиков, при этом снижая лояльность к органам власти.

В связи с этим важным направлением противодействия незаконному обороту наркотиков является исследование специфики соответствующего вида правонарушений, совершаемых с использованием сети «Интернет», и применение результатов такого исследования

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 году / Министерства внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4905796> (дата обращения: 25.09.2023).

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

при организации профилактического воздействия. В рамках данной статьи не ставилась цель охватить все проблемы профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков и наркопотребления как социального явления в целом. Акцент сделан на устранении причин и условий правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершаемых с использованием сети «Интернет». Как представляется, сегодня возможности информационно-телекоммуникационных сетей являются одним из основных драйверов наркобизнеса, поэтому концентрация профилактического воздействия на устранении причин и условий оборота наркотиков с использованием сети «Интернет» – одно из ключевых направлений противодействия наркопотреблению и наркопреступности в целом.

Отметим, что с научной точки зрения административные правонарушения считаются звеньями в цепи формирования преступного поведения³ [2, с. 151]. Как отмечает А. Н. Дерюга, «целенаправленно исследование степени зависимости административных правонарушений и преступлений никто не занимался, однако и без этого можно с уверенностью сказать, что количество первых часто перерастает в качество вторых» [3, с. 128].

В связи с этим в контексте рассматриваемой темы категорию правонарушения в области незаконного оборота наркотиков предлагается понимать в широкой интерпретации – т. е. как преступления, так и административные правонарушения. С использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут совершаться следующие преступления: ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) (незаконное приобретение наркотиков), 228¹ УК РФ (сбыт и пересылка наркотиков), 229¹ (контрабанда наркотиков), 230 УК РФ (склонение к употреблению наркотических средств) и другие. В свою очередь, к числу административных правонарушений, совершаемых с использованием сети «Интернет», следует отнести: ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ) (незаконное приобретение наркотических средств), ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ (пропаганда наркотических средств и психотропных веществ).

Следует согласиться, что распространение наркомании и наркопреступности не только представляет собой угрозу государственной и общественной безопасности, но и ведет к деградации и вымиранию всего человечества [4, с. 6]. Правы также ученые, утверждающие, что сегодня необходима реализация мероприятий по смещению акцентов с пенализации наркопотребителей на реальную борьбу с наркобизнесом [5, с. 113]. Реальная борьба с наркобизнесом предполагает применение к его участникам широкого комплекса мер, в т. ч. административно-правовых мер профилактического характера. Именно на данной категории мер сделан акцент в настоящей статье.

Методы

В работе использовались общие методы познания – сравнения, анализа, синтеза. Кроме того автором применялись:

- системный подход при дифференциации правонарушений в области незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет»;
- структурный подход в целях выявления особенностей функционирования преступных групп, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков, определения их внутренней структуры и функций отдельно взятых участников;
- функциональный подход в рамках упорядочивания полномочий органов внутренних дел, иных органов публичной власти, представителей общественности.

³ Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник / В. Я. Кикоть, С. Я. Лебедев, Г. А. Аванесов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 123.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

Результаты и их обсуждение

Проблему наркопотребления и незаконного оборота наркотиков невозможно решить исключительно при помощи уголовно-процессуальных и административно-юрисдикционных мер. Такая многоаспектная угроза требует комплексного подхода, нацеленного на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений в области незаконного оборота наркотиков, поэтому наряду с государственным принуждением не менее важным направлением государственной антинаркотической политики выступает профилактика правонарушений в этой области. Данный тезис подтверждается многочисленными научными исследованиями [6, с. 59; 7, с. 276; 8, с. 299; 9, с. 42; 10, с. 243].

Согласно действующему законодательству, под профилактикой правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения⁶.

Статьей 17 ФЗ «О профилактике правонарушений»⁷ предусмотрены следующие формы профилактического воздействия: правовое просвещение и правовое информирование; профилактическая беседа; профилактический учет и др. Меры профилактического воздействия в указанных формах реализуются широким кругом субъектов (как органами публичной власти, так и негосударственными структурами). При этом органы внутренних дел, для которых противодействие незаконному обороту наркотиков образует одно из основных направлений деятельности, играют одну из ключевых организующих и координирующих ролей в разрезе всей системы профилактики незаконного оборота наркотиков.

Эффективность профилактики правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершаемых с использованием сети «Интернет», зависит от наиболее точного определения направлений профилактического воздействия. Важно не просто определить совокупность причин и условий административных правонарушений, но и выявить наиболее значимые из них. Такой подход в свою очередь позволит избежать «рассеивания» профилактического воздействия, добиться его концентрации на самых важных направлениях. В основе организации профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет» должно лежать исследование социально-правовой природы данного вида правонарушений, личности правонарушителя и механизма совершения соответствующих правонарушений.

Правонарушения (в широком смысле – как преступления, так и административные правонарушения) в области незаконного оборота наркотиков, совершаемые с использованием сети «Интернет», условно можно разделить на две группы:

- правонарушения, формирующие спрос на наркотики и связанные со склонением к их употреблению, пропагандой употребления наркотических средств или их незаконной рекламой (ст. 230 УК РФ, ст. 6.13 КоАП РФ);
- незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, совершаемый с использованием сети «Интернет» (ст. 6.8 КоАП РФ; ст. 228, 228¹, 229¹ УК РФ).

Обе группы правонарушений тесно взаимосвязаны. Первая из них формирует экономическую основу наркобизнеса – спрос на наркотики. Нередко пропаганда потребления наркотиков либо их незаконная реклама организуются и осуществляются лицами, непосредственно связанными с незаконным оборотом наркотиков. В других случаях пропаганда является частью музыкальных, аудиовизуальных и иных произведений и представляет

⁶ Об основах системы профилактики правонарушений : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3851.

⁷ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

собой элемент творческой деятельности авторов. Распространение такого рода информации образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ.

Одной из ключевых форм профилактического воздействия в отношении первой из рассматриваемых групп правонарушений является мониторинг сети «Интернет», а также блокировка соответствующего деструктивного контента. Субъектами мониторинга сети «Интернет» на предмет выявления пропаганды либо незаконной рекламы наркотиков выступают должностные лица органов внутренних дел, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор), органов прокуратуры, иных уполномоченных органов государственной власти. Кроме того, значительный объем работы по мониторингу сети «Интернет» выполняют некоммерческие организации правоохранительной направленности, в том числе:

- АНО «Институт развития интернета»;
- Ассоциация «Лига безопасности интернета»;
- АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», Региональные отделения Российского движения детей и молодежи⁸ и т. п.

При выявлении деструктивного контента, содержащего пропаганду либо незаконную рекламу наркотиков, органами внутренних дел должны приниматься меры по привлечению распространителя такого контента к административной ответственности в соответствии с ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ. При этом сразу после надлежащей процессуальной фиксации обстоятельства правонарушения с профилактической точки зрения важно принять меры по блокировке соответствующего контента. Механизм такой блокировки обеспечивается Роскомнадзором, к полномочиям которого отнесены:

- создание, формирование и ведение предусмотренной статьей 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁹, единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее также – единый реестр);

- принятие мер по ограничению доступа к информационным ресурсам в информационно-телекоммуникационных сетях, в т. ч. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в пределах компетенции, установленной законодательством Российской Федерации.

Правила реализации данных полномочий определены соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации¹⁰. Основанием для принятия решения по ограничению доступа к информационному ресурсу выступают решения уполномоченных органов или решение суда. Так, МВД России принимает соответствующее решение в отношении распространяемой посредством сети «Интернет» информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, а также о способах и местах культивирования наркосодержащих растений.

⁸ О российском движении детей и молодежи : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2022. – № 29 (ч. II). – Ст. 5228.

⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

¹⁰ О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» : постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 № 1101 (ред. от 27.01.2024) // СЗ РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6044.

Кроме того, согласно ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», решение о блокировке контента, содержащего пропаганду либо незаконную рекламу наркотиков, может принять и сам Роскомнадзор. Информация о решениях, принятых уполномоченными органами и являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет» в единый реестр, направляется в Роскомнадзор. Информирование осуществляется с использованием размещенной на официальном сайте Роскомнадзора в сети «Интернет» в электронном виде формы для приема обращений органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, общественных объединений и иных некоммерческих организаций, а также граждан.

Таким образом, важным направлением профилактического воздействия в отношении пропаганды и незаконной рекламы наркотиков является мониторинг сети «Интернет» и применение механизма блокировки веб-страниц. Отметим, что данное направление профилактического воздействия даст позитивный эффект в виде снижения спроса на наркотики только при активном включении в эту работу общественности. Должностные лица уполномоченных органов государственной власти в силу широкого спектра функциональных обязанностей не способны обеспечить высокую интенсивность мониторинга сети «Интернет». В данном контексте, несомненно, задачей руководства территориальных органов МВД России является организация взаимодействия с представителями общественности, которые по своей инициативе готовы осуществлять мониторинг.

Несомненно, повышение эффективности мониторинга сети «Интернет» прямо связано с интенсификацией применения аппаратно-программных комплексов, которые на основе технологий искусственного интеллекта позволяют выявлять деструктивный контент (в т. ч. содержащий признаки правонарушений в области незаконного оборота наркотиков). В качестве примера таких средств можно привести применяемые сотрудниками подведомственного Роскомнадзору ФГУП «Государственный радиочастотный центр» системы «Окулус» и «Мир». Эти системы относятся к категории «поисковый робот» (так называемый «веб-краулер») и способны собирать и классифицировать сообщения по внешним признакам: видео, тексты, изображения и т. п. Кроме того, в ближайшем будущем в полной мере должна заработать тестируемая в настоящее время сотрудниками ГРЧЦ система «Вебрь». Эта система будет использоваться в комплексе с вышеупомянутыми системами «Окулус» и «Мир» и анализировать непосредственно тексты, а также формировать семантические связи между ними, прогнозируя дальнейшее распространение деструктивного контента¹¹.

Вторая группа правонарушений – непосредственно незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, совершаемый с использованием сети «Интернет». В контексте разработки рекомендаций для повышения эффективности профилактического воздействия в отношении данного вида преступлений и административных правонарушений важно исследовать механизм их совершения, особенности поведения их субъектов.

Взаимодействие между покупателем и интернет-магазином наркотиков осуществляется посредством интернет-мессенджеров (на данный момент это, как правило, – Телеграм). Нередко используется так называемый TOR-браузер – технология, позволяющая сохранить анонимность в сети «Интернет» при создании и посещении сайтов, а также при работе с приложениями. Как отмечает В. А. Перов, «у подобного рода интернет-магазинов существует свой рейтинг и свои интернет-форумы, где продавцы и покупатели обмениваются друг с другом информацией о надежности того или иного продавца и качестве приобретенного ими товара» [11, с. 10].

---

¹¹ Роскомнадзор готовится запустить систему обезвреживания инфобомб в интернете // Ведомости. – 2023. – 20 февраля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/techNology/articles/2023/02/20/963570-roskomNadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaNiya-iNfobomb> (дата обращения: 12.09.2023).

После обсуждения посредством переписки существенных условий незаконной сделки по продаже наркотиков покупатель путем криптовалютных перечислений с криптокошелька на криптокошелек продавца вносит оплату. В свою очередь, доставка покупателю оплаченного подобным образом товара осуществляется либо путем «закладок», т. е. оставления приобретенного товара в определенном, предварительно согласованном с покупателем месте, либо путем почтового отправления.

Как правило, «закладки» делаются предварительно до момента заключения сделки. В обмен на оплату покупатель получает фотоизображения места «закладки», ее точные координаты и словесное описание. В дальнейшем покупателю остается прибыть в указанное место и забрать наркотическое средство. Взаимодействие покупателя и продавца опосредуется участием еще ряда участников преступных структур, которые в большинстве случаев также поддерживают связь дистанционно и незнакомы друг с другом лично. В зависимости от функции можно выделить следующие их категории: «закладчик», «вербовщик», «курьер», «оператор», «куратор», «финансовый директор», «хакер», «старший».

В цепочке перечисленных участников описанных отношений признаки состава административного правонарушения (ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ) есть только в действиях покупателя (в действиях остальных участников имеют место признаки состава преступления). Однако эффективное профилактическое воздействие в отношении именно покупателя наркотиков может быть эффективным и по отношению к организованной наркопреступности в целом. Такое воздействие может оказаться даже эффективнее усилий, направляемых на выявление и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. По крайней мере, реальные результаты в борьбе с наркопреступностью возможны лишь при комплексном подходе, включающем оба перечисленных направления правоохранительной деятельности.

Важным фактором существования преступных структур, организующих незаконный оборот наркотиков, является стабильный спрос на предлагаемый ими продукт. Любое, даже временное падение спроса и, как следствие, – снижение объемов продаж детерминирует нарушения в цепочках поставок, неисполнение «кредитных» и иных обязательств внутри преступных структур, рост напряженности между участниками преступных схем по отношению друг к другу. Кроме того, снижение темпов продаж приводит к задержке значительных объемов наркотических средств в местах их хранения на незапланированные сроки. Это влечет к росту арендной платы за помещение, а также повышает вероятность обнаружения таких мест хранения сотрудниками оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел.

Перечисленные факторы образуют дополнительные издержки для наркобизнеса, которые государство и общество должны ему перманентно создавать. Такие издержки делают преступные структуры более уязвимыми, повышают вероятность совершения ими ошибок и оставления следов совершаемых преступлений, что в свою очередь способствует повышению эффективности оперативно-розыскной деятельности в отношении таких структур. Одним из направлений снижения спроса на приобретение наркотических средств с использованием сети «Интернет» является создание препятствий для соответствующей незаконной рекламы. О роли мониторинга такой рекламы в сети «Интернет» и механизме блокировки соответствующих интернет-ресурсов мы уже говорили выше.

Вместе с тем значительное число покупателей получает информацию об актуальных электронных ссылках на интернет-магазины наркотиков из «уличной» рекламы. Такую рекламу в виде надписей на фасадах домов, асфальтовом покрытии тротуаров, иных элементах благоустройства нетрудно найти в большинстве населенных пунктов России. Как правило, такая реклама содержит символическое обозначение ссылки на Интернет-магазин наркотиков (чаще всего – на сайт, доступный в TOR-браузере, либо на чат в социальных

сетях). Нередко такая реклама появляется возле образовательных учреждений, привлекая внимание школьников и студентов и формируя у части из них спрос на приобретение наркотиков. Как ни странно, несмотря на развитие цифровых средств рекламы и пропаганды, «уличная» реклама, по-прежнему, остается массовым явлением и служит источником получения электронных адресов интернет-магазинов наркотиков для значительной части потребителей. Данная проблема особенно остро стоит в средних и небольших населенных пунктах, а также в менее благополучных районах крупных мегаполисов. Данный вопрос регулярно обсуждается в средствах массовой информации¹², а также на уровне Государственной Думы¹³.

В связи с этим важным направлением профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков является выявление и девизуализация уличной рекламы интернет-магазинов наркотиков. Учитывая масштабы распространения такой рекламы, сил и средств полиции для полноценного противодействия данному явлению недостаточно. Профилактические мероприятия по выявлению и девизуализации уличной рекламы наркотиков следует проводить систематически с привлечением местных жителей, народных дружин, управляющих компаний и товариществ собственников жилья, представителей общественных объединений правоохранительной направленности, политических партий и т. д. Лишь в том случае, если соответствующая профилактическая работа приобретет характер массового явления и будет осуществляться перманентно, можно рассчитывать на снижение спроса на наркотики в сети «Интернет» и получить реальный профилактический эффект. Несомненно, правы специалисты, подчеркивающие высокую значимость общественного контроля, как направления противодействия незаконному обороту наркотиков [12].

Еще одно важное направление профилактики – наблюдение за наиболее вероятными местами появления «закладчиков», патрулирование соответствующих территорий. Поведение лиц, которые непосредственно разносят наркотики по тайникам и оборудуют «закладки», характеризуется типичными особенностями. Данные лица в течение «рабочей смены» обычно локализуют свою деятельность в пределах микрорайона, т. к. перемещение с большим количеством наркотических средств на значительные расстояния создает дополнительные риски. «Закладки» могут иметь форму «тайника» (электрощитовая в подъезде, антивандальные конструкции), «прикопа» (запакованное наркотическое средство помещается на небольшое расстояние в глубину грунта), «магнита» (наркотик при помощи магнита незаметно для окружающих крепится к металлической конструкции снизу). «Закладчики» зачастую используют психологические факторы, такие как брезгливость, и оставляют закладки вблизи общественных туалетов, бытовых отходов, снижая вероятность их обнаружения случайными лицами [13, с. 84].

После оборудованной «закладки» производится фотографирование локации с нескольких ракурсов. Это необходимо как для отчета «закладчика» перед «куратором», так и для последующего направления фотографий покупателю.

Знание этих и других особенностей поведения «закладчиков» позволяет повысить эффективность их выявления в ходе патрулирования общественных мест сотрудниками полиции, представителями иных сил по охране общественного порядка. Вместе с тем, как и в случае с выявлением уличной рекламы, эффективность рассматриваемого направления профилактического воздействия напрямую связана с участием в нем сознательных граждан в различных предусмотренных законодательством формах.

Целесообразным видится расширение участия в данной работе народных дружин, внешних сотрудников, общественных объединений, органов местного самоуправления, в т. ч.

¹² См., например: Должен кто-то взять на себя ответственность»: челябинцы возмутились массовой рекламой наркотиков на стенах домов. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2023/08/19/72600026/> (дата обращения: 12.09.2023).

¹³ Открытый показ: что стоит за дерзкой рекламной кампанией драгдиллеров // 74.ру : сетевое издание. – URL: <https://iz.ru/1452541/ivan-petrov/otkrytyi-pokaz-chto-stoit-za-derzkoj-reklamnoi-kampaniei-dragdilerov> (дата обращения: 12.09.2023).

территориальных общественных самоуправлений и др. В этом контексте важен системный подход к организации участия граждан в охране общественного порядка. Роль органов внутренних дел заключается в проведении практических занятий и совместных инструктажей с представителями общественности, участвующими в охране правопорядка, разъяснении правовых основ такого участия, изучение основ профайлинга и личного сыска (отличительных внешних и поведенческих признаков курьеров-закладчиков, потребителей [14; 15]). Представителям территориальных органов МВД России, участвующим в организации работы дружинников и внештатных сотрудников в соответствующем направлении, следует определять места маршруты патрулирования, зоны наблюдения исходя из информации о расположении наибольшего числа тайников с наркотиками на обслуживаемой территории. Интерактивные карты с примерным распределением тайников с наркотиками по районам доступны потребителям в интернет-магазинах наркотиков. Соответствующую информацию важно использовать при расстановке сил и средств по охране правопорядка.

Привлечение общественности на безвозмездной основе к охране общественного порядка, в частности, к патрулированию общественных мест, где наиболее вероятно выявление «курьеров-закладчиков», тайников с наркотическими веществами, иным формам содействия полиции осложнено вполне объяснимыми причинами: граждане не воспринимают такую деятельность в качестве своего гражданского долга и справедливо считают такую деятельность обязанностью правоохранительных органов. Вместе с тем, как уже было отмечено выше, органы государственной власти в целом и полиция в частности в силу объективных причин не способны самостоятельно без помощи общественности остановить рост наркопотребления, снизить рост объемом рынка наркотиков. В свою очередь граждане, хотя и не обязаны оказывать содействие полиции, все же лично заинтересованы в эффективной профилактике незаконного оборота наркотиков, т. к. реклама и пропаганда наркотиков направлены на их родных (прежде всего – подростков) и близких. Приведенные аргументы следует закладывать в основу работы органов внутренних дел (во взаимодействии с муниципальными органами) по привлечению граждан к участию в профилактике незаконного оборота наркотиков.

Заключение

Таким образом, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также наркомания, как социальное явление, продолжают оставаться одной из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации. Использование сети «Интернет» существенно облегчает организацию наркобизнеса, продажи наркотиков и при этом также значительно осложняет выявление соответствующей группы правонарушений, привлечение виновных лиц к ответственности.

В основе организации профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет» должно лежать исследование социально-правовой природы данного вида правонарушений, личности правонарушителя и механизма совершения соответствующих правонарушений.

По итогам отраженного в статье исследования можно сформулировать следующие предложения и рекомендации для органов внутренних дел, направленные на повышение эффективности профилактики правонарушений в области незаконного оборота наркотиков:

– целесообразно сформировать организационно-правовые основы мониторинга сети «Интернет» на предмет выявления деструктивного контента (в т. ч. контента, связанного с потреблением и оборотом наркотиков) как формы служебной деятельности должностных лиц отдельных подразделений органов внутренних дел, закрепив на ведомственном нормативно-правовом уровне цели и задачи такого мониторинга, периодичность, порядок его осуществления и др.;

– инициировать повышение интенсивности взаимодействия территориальных органов МВД России с некоммерческими организациями, которые в соответствии со своими уставными целями осуществляют мониторинг сети «Интернет»;

– внедрять и расширять применение в деятельности органов внутренних дел информационно-технических средств с элементами искусственного интеллекта, позволяющих выявлять контент, связанный с потреблением и незаконным оборотом наркотиков в автономном от должностного лица режиме;

– принимать меры по девизуализации незаконной рекламы наркотиков в общественных местах, выявлению и привлечению к юридической ответственности распространителей такой рекламы, активнее вовлекать (посредством бесед с населением, разъяснения им опасности наркотизации общества и значения незаконной рекламы наркотиков в общественных местах для наркобизнеса) граждан к данному виду профилактической деятельности;

– перманентно повышать эффективность патрулирования наиболее вероятных мест «закладок» наркотиков за счет привлечения представителей общественности, изучения особенностей функционирования групп, специализирующихся на продаже наркотиков, использования информации о примерном расположении «закладок», предоставляемой самими продавцами наркотиков в сети Интернет при проведении инструктажей и постановке задач нарядам по охране правопорядка.

Все перечисленные мероприятия будут иметь высокий профилактический эффект только в случае их комплексной реализации, т. к. их общая цель – снижение спроса на наркотические средства, распространяемые при помощи сети «Интернет», и создание организационных сложностей и издержек для наркобизнеса. Кроме того, эффективность профилактического воздействия напрямую связана с участием в нем сознательных граждан в различных предусмотренных законодательством формах. В этом контексте важную организационную роль играют территориальные органы МВД России во взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и некоммерческими организациями правоохранительной направленности и др.

Список литературы

1. *Маевский С. С.* Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами и организациями с помощью всемирной компьютерной сети Интернет // *Международное уголовное право и международная юстиция.* – 2019. – № 5. – С. 5–8.

2. *Каневский Л. Л.* Актуальные проблемы совершенствования ранней профилактики преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних // *Правоведение.* – 1999. – № 1 (224). – С. 151–159.

3. *Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н.* Административная пенология: современные предпосылки исследования // *Административное право и процесс.* – 2021. – № 5. – С. 28–33.

4. *Бурлаков В. Н., Щурова А. С.* Уголовно-правовое противодействие интернет наркотизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* – 2017. – Т.8, № 2. – С. 198–208.

5. *Соктоев З. Б., Темботова М. А.* Психоактивные вещества: о необходимости изменения подхода законодательной регламентации борьбы с наркотизмом // *Журнал российского права.* – 2020. – № 7. – С. 112–121; <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.084>.

6. *Ткаченко А. В.* Актуальные вопросы профилактики вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков / Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара, Красноярск, 8 апреля 2022 г. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2022. – С. 58–60.

7. *Цындра В. Н.* Профилактика административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков: правовой механизм и проблемы реализации / Феноменология и профилактика девиантного поведения : сборник VIII Всероссийской с международным

участием научно-практической конференции, Краснодар, 5 декабря 2014 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 275–277.

8. *Шхамирова Э. Ю.* Профилактика правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве : материалы Международной научно-практической конференции, Витебск, 20–21 апреля 2012 г. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2012. – С. 298–299.

9. *Варламова Е. А.* Профилактика преступлений молодежи в сфере незаконного оборота наркотиков: необходимость актуализации // *Правда и Закон.* – 2021. – № 3 (17). – С. 39–45.

10. *Чирков С. В.* Некоторые аспекты предупреждения и профилактики наркотизма несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, участвующих в незаконном обороте наркотиков // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* – 2013. – № 21. – С. 242–246.

11. *Перов В. А.* О криминалистической методике выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, и расследовании соответствующих уголовных дел // *Российский следователь.* – 2020. – № 12. – С. 10–13.

12. *Корчегова Я. О.* Профилактические меры по предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств / *Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) : сборник научных статей молодых исследователей X ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей с международным участием, Санкт-Петербург, 25–26 марта 2022 г. / под общ. ред. Я. Б. Жолобова, А. А. Дорской.* – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 490–495.

13. *Торговченков В. И., Иванов С. А.* Особенности предупреждения бесконтактных способов сбыта наркотических веществ в Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2016. – № 12. – С. 84–88.

14. *Хусейнова М. С.* Личность преступника, занимающегося незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // *Законодательство.* – 2019. – № 4 (36). – С. 83–88.

15. *Авдеев М. О.* Особенности личности лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.* – 2019. – Т. 4, вып. 2. – С. 83–86; <https://doi.org/10.24411/2618-8236-2019-14211>.

References

1. *Mayevskiy S. S.* Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershennykh organizovannymi prestupnymi gruppami i organizatsiyami s pomoshch'yu vseмирной komp'yuternoy seti Internet // *Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya.* – 2019. – № 5. – С. 5–8.

2. *Kanevskiy L. L.* Aktual'nyye problemy sovershenstvovaniya ranney profilaktiki prestupleniy i inykh pravonarusheniy nesovershennoletnikh // *Pravovedeniye.* – 1999. – № 1 (224). – С. 151–159.

3. *Deryuga A. N., Shaklein S. N.* Administrativnaya penologiya: sovremennyye predposylki issledovaniya // *Administrativnoye pravo i protsess.* – 2021. – № 5. – С. 28–33.

4. *Burlakov V. N., Shchurova A. S.* Ugolovno-pravovoye protivodeystviye internet narkotizatsii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo.* – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 198–208.

5. *Soktoyev Z. B., Tembotova M. A.* Psikhоaktivnyye veshchestva: o neobkhodimosti izmeneniya podkhoda zakonodatel'noy reglamentatsii bor'by s narkotizmom // *Zhurnal rossiyskogo prava.* – 2020. – № 7. – С. 112–121; <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.084>.

6. *Tkachenko A. V.* Aktual'nyye voprosy profilaktiki вовлечениа nesovershennoletnikh v nezakonnyy oborot narkotikov / *Protivodeystviye narkougroze na sovremennom etape: pravovoy i sotsial'no-gumanitarnyy aspekty : materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo*

seminara, Krasnoyarsk, 8 aprelya 2022 g. – Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskii institut MVD Rossii, 2022. – S. 58–60.

7. *Tsyndrya V. N.* Profilaktika administrativnykh pravonarusheniy v sfere nezakonnogo oborota narkotikov: pravovoy mekhanizm i problemy realizatsii / Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya : sbornik VIII Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchno-prakticheskaya konferentsii, Krasnodar, 5 dekabrya 2014 g. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2014. – S. 275–277.

8. *Shkhamirova E. Yu.* Profilaktika pravonarusheniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov / Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vitebsk, 20–21 aprelya 2012 g. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P. M. Masherova, 2012. – S. 298–299.

9. *Varlamova Ye. A.* Profilaktika prestupleniy molodezhi v sfere nezakonnogo oborota narkotikov: neobkhodimost' aktualizatsii // Pravda i Zakon. – 2021. – № 3 (17). – S. 39–45.

10. *Chirkov S. V.* Nekotoryye aspekty preduprezhdeniya i profilaktiki narkotizma nesovershennoletnikh i lits molodezhnogo vozrasta, uchastvuyushchikh v nezakonnom oborote narkotikov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2013. – № 21. – S. 242–246.

11. *Perov V. A.* O kriminalisticheskoy metodike vyyavleniya prestupleniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem kriptovalyuty, i rassledovanii sootvetstvuyushchikh ugovolnykh del // Rossiyskiy sledovatel'. – 2020. – № 12. – S. 10–13.

12. *Korchegova Ya. O.* Profilakticheskiye mery po preduprezhdeniyu prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv / Pravo i pravosudiye v sovremennom mire (k 100-letiyu Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii) : sbornik nauchnykh statey molodykh issledovateley X yezhegodnoy vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov i soiskateley s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 25–26 marta 2022 g. / pod obshch. red. Ya. B. Zholobova, A. A. Dorskoy. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy «Asterion», 2022. – S. 490–495.

13. *Torgovchenkov V. I., Ivanov S. A.* Osobennosti preduprezhdeniya beskontaktnykh sposobov sbyta narkoticheskikh veshchestv v Rossiyskoy Federatsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2016. – № 12. – S. 84–88.

14. *Khuseynova M. S.* Lichnost' prestupnika, zanimayushchegosya nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Zakonodatel'stvo. – 2019. – № 4 (36). – S. 83–88.

15. *Avdeyev M. O.* Osobennosti lichnosti litsa, sovershayushchego prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2019. – T. 4, vyp. 2. – S. 83–86; <https://doi.org/10.24411/2618-8236-2019-14211>.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted April 3, 2024; approved after reviewing December 3, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 342.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-104-114>

Диана Рафаэлевна Усманова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-6101-8077>, udrdiana2017@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Должностное лицо полиции как субъект административно-процессуальных отношений: теоретико-правовой аспект

Аннотация: Введение. Широкий спектр задач, стоящих перед органами внутренних дел, значительная нагрузка на должностных лиц полиции, а также прямая зависимость правопорядка от эффективности их деятельности – все это обуславливает актуальность поиска путей оптимизации административно-процессуального статуса сотрудника полиции. Ежедневно должностные лица полиции осуществляют производство по делам об административных правонарушениях, регулярно проводят прием граждан (в т. ч. осуществляя производство по рассмотрению жалоб). Нередко у должностного лица полиции возникает служебная необходимость принять участие в административном судопроизводстве. Кроме того, в рамках внутриорганизационных служебных отношений каждый полицейский выступает потенциальным участником дисциплинарного, аттестационного производства, производства по делам о поощрении. **Методы.** В работе использовались общие методы познания (сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного, структурного и функционального подхода). **Результаты.** Сформулировано понятие административно-процессуальных отношений, участником которых является должностное лицо полиции; определены виды административных производств, потенциальным участником которых выступает должностное лицо полиции, а также осуществлена их классификация по различным критериям; выявлены отдельные недостатки административно-процессуального законодательства, закрепляющего статус должностного лица полиции как участника административно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: административный процесс, административно-процессуальные отношения, административно-процессуальные производства, должностное лицо полиции, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное производство

Для цитирования: Усманова Д. Р. Должностное лицо полиции как субъект административно-процессуальных отношений: теоретико-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 104–114; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-104-114>.

Original article

Diana R. Usmanova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-6101-8077>, udrdiana2017@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Police official as a subject of administrative and procedural relations: theoretical and legal aspect

Аннотация: Introduction. A wide range of tasks facing internal affairs bodies, a significant load on police officials, as well as the direct dependence of law and order on the effectiveness of their activities – all this determines the relevance of the search for ways to optimise the administrative and procedural status of a police officer. On a daily basis, police officials carry out proceedings on cases of administrative offences, regularly conduct reception of citizens (including complaints proceedings). A police official often has an official need to take part in administrative proceedings. In addition, within the framework of intra-organisational service relations, each police officer is a potential participant in disciplinary, performance appraisal and promotion proceedings. **The aim of this article:** on the basis of achievements of administrative-procedural theory to formulate new conclusions about the concept and content of the status of a police official as a participant of administrative-procedural relations, to classify types of administrative-procedural proceedings with the participation of police officials. **Methods.** General methods of cognition (comparison, analysis, synthesis, abstraction, system, structural and functional approach) were used in the work. **Results.** The concept of administrative-procedural relations, a participant of which is a police official, is formulated; types of administrative proceedings, a potential participant of which is a police official, are defined, and their classification by various criteria is carried out; some shortcomings of administrative-procedural legislation, enshrining the status of a police official as a participant of administrative-procedural relations, are revealed.

Keywords: administrative process, administrative procedural relations, administrative procedural proceedings, police official, administrative court proceedings, proceedings on cases of administrative offences, disciplinary proceedings

For citation: Usmanova D. R. Police official as a subject of administrative and procedural relations: theoretical and legal aspect // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 104–114; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-104-114>.

Введение

Одной из актуальных проблем административно-процессуальной науки сегодня остается научное осмысление статуса должностного лица полиции как участника административно-процессуальных отношений. Многообразие оперативно-служебных задач, стоящих перед должностным лицом полиции, часто предполагает его участие в различных видах административно-процессуальных производств.

Широкий спектр задач, стоящих перед должностными лицами полиции, значительная нагрузка на сотрудников органов внутренних дел, а также прямая зависимость правопорядка

от эффективности деятельности участковых – все это обуславливает актуальность поиска путей оптимизации административно-процессуального статуса должностного лица полиции. Правовое регулирование административно-процессуального статуса должно способствовать повышению самостоятельности должностного лица полиции, а также расширению его процессуальных полномочий до пределов, соответствующих его административно-правовому статусу, широте его полицейских полномочий и направлений деятельности.

Методы

В работе использовались общие методы познания – сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного, структурного и функционального подходов.

Результаты

Прежде чем перейти к анализу статуса должностного лица полиции как субъекта административно-процессуальных отношений, необходимо обратиться к административно-процессуальной теории и упомянуть о наличии нескольких подходов к пониманию административного процесса. В настоящее время выделяется несколько таких подходов, в рамках которых административный процесс (и, следовательно, такая категория, как административно-процессуальные отношения) рассматривается по-разному с содержательной точки зрения.

Одной из наиболее популярных среди административистов является управленческая концепция (так называемый широкий подход к пониманию административного процесса). Основоположителем управленческой концепции является выдающийся ученый В. Д. Сорокин. Согласно управленческой концепции, под административным процессом В. Д. Сорокин понимал осуществляемую во внесудебном порядке государственно-властную деятельность, с помощью которой решениям органов исполнительной власти придается юридическая форма нормативных правовых и индивидуально-правоприменительных актов [1, с. 172].

К числу сторонников управленческой концепции административного процесса можно отнести Д. Н. Бахраха [2, с. 2], Ю. Н. Козлова [3, с. 99], П. И. Кононова [4, с. 46] и др. Перечисленные ученые понимают административный процесс «в широком смысле». Это значит, что наряду с юрисдикционной, административный процесс выполняет правотворческую и правонаделительную функции.

Согласно юрисдикционной концепции, под административным процессом понимается:

- особый вид исполнительной и распорядительной деятельности, связанной с возможностью реализации в принудительном порядке административно-правовых актов;
- регламентированная законом деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения [5, с. 53].

Современные подходы к пониманию административного процесса в значительной степени сформировались под воздействием основных постулатов управленческой и юрисдикционной концепций. А. И. Каплунов выделяет четыре подхода к пониманию административного процесса:

- 1) судебный (Ю. Н. Стариков [6]);
- 2) комплексный на основе юрисдикционного (Н. Г. Салищева [5]);
- 3) интегративный (А. Б. Зеленцов [7, с. 101], П. И. Кононов [8, с. 330], А. И. Стахов [9]);
- 4) комплексный на основе управленческого (А. И. Каплунов) [10, с. 255].

Особенность судебной концепции административного процесса заключается в том, что административный процесс – это деятельность только судов (судей) по рассмотрению дел, возникающих из административных правоотношений, т. е. административный

процесс сводится только к административному судопроизводству (так называемое юстиционное, судебное понимание административного процесса) [6, с. 44].

В контексте интегративного подхода административный процесс понимается как урегулированная административно-процессуальным законодательством интегрированная система административных производств и административных судопроизводств, обособляемых (автономизированных) и объединяемых (консолидированных) в зависимости от категории рассматриваемого и разрешаемого внесудебного административного дела или судебного административного дела. В структуре административного процесса автор выделяет судебный административный процесс, а также исполнительный (внесудебный) административный процесс [9, с. 315].

Комплексный подход (как на базе юрисдикционного, так и на базе управленческого) подразумевает отнесение к структуре административного процесса также деятельности судов (как арбитражных, так и общей юрисдикции) по рассмотрению дел, вытекающих из административных и публичных правоотношений. Вступление в законную силу в 2015 году Кодекса административного судопроизводства¹ (далее – КАС РФ) вынудило скорректировать управленческий подход и включить в структуру административного процесса деятельность судов по рассмотрению административных дел.

Являясь представителями научной школы административного права и административного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, основоположником которой является автор управленческой концепции административного процесса В. Д. Сорокин, в своих исследованиях мы будем исходить из основных положений комплексного подхода к административному процессу на базе управленческого. Иными словами, административный процесс и соответствующие ему административно-процессуальные отношения мы предлагаем рассматривать в самом широком смысле: административный процесс включает в себя не только юрисдикционные, но также правотворческие и правонаделительные виды производств. Кроме того, в структуре административного процесса следует отдельно выделять административное судопроизводство.

А. И. Каплунов и другие ученые рассматривают административно-процессуальные правоотношения как такие регулируемые правом отношения, которые складываются по поводу разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления исполнительными органами государственной власти, а в предусмотренных законом случаях иными государственными органами [11, с. 212].

В структуре административно-процессуального отношения можно выделить несколько элементов: субъект, объект и содержание отношения – то есть взаимные права, обязанности и ответственность его субъектов. Субъект административно-процессуального отношения – это его участник. Как минимум одним из субъектов административно-процессуального отношения выступает представитель публичной власти, должностное лицо, наделенное полномочиями по разрешению индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления. В частности, в такой роли могут выступать и должностные лица полиции.

Административно-процессуальное отношение представляет собой некую связь между разнообразными субъектами такого отношения. Примерами административно-процессуальных отношений могут служить отношения между должностным лицом полиции и лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Очевидно, что после возбуждения дела об административном правонарушении должностным лицом полиции оба указанных субъекта возникшего административно-процессуального отношения приобретают новые процессуальные права и обязанности. Возникает и юридическая ответственность за нарушение процессуальных обязанностей.

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

Таким образом, под административно-процессуальными отношениями, участником которых выступает должностное лицо полиции, следует понимать урегулированные нормами административно-процессуального права общественные отношения, складывающиеся по поводу разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления:

- самим должностным лицом полиции;
- иными субъектами, но при участии должностного лица полиции в том или ином процессуальном статусе.

Отдельное внимание с теоретико-правовой точки зрения следует уделить видам административно-процессуальных отношений, субъектом которых выступает сотрудник полиции. В теории административного процесса традиционно выделяются следующие виды административно-процессуальных отношений:

- 1) по содержанию;
- 2) по видам административного производства;
- 3) по отраслевой принадлежности корреспондирующих материальных правоотношений;
- 4) по соотношению прав и обязанностей их участников [12, с. 55].

По содержанию можно выделить общие и отраслевые административно-процессуальные отношения. Административно-процессуальные отношения возникают, например, при поступлении гражданина на государственную службу и назначении на должность должностного лица полиции. В свою очередь в качестве примера отраслевых административно-процессуальных отношений с участием должностного лица полиции можно привести рассмотрение им предложений от граждан по вопросам, отнесенным к компетенции полиции.

С точки зрения видов производств, входящих в структуру административного процесса, можно выделить следующие виды административно-процессуальных отношений с участием должностного лица полиции:

- отношения, возникающие в связи с возбуждением должностным лицом полиции производства по делам об административных правонарушениях;
- отношения, возникающие в связи с рассмотрением должностным лицом полиции обращений граждан;
- отношения, возникшие в связи с возбуждением в отношении должностного лица полиции дисциплинарного производства;
- отношения, возникшие в связи с возбуждением в отношении должностного лица полиции поощрительного производства;
- отношения, возникающие в связи с участием должностного лица полиции в административном судопроизводстве и др. (в рамках, например, рассмотрения судами дел о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в т. ч. в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено (п. 2.2 ч. 3 ст. 1 КАС РФ); о признании информационных материалов экстремистскими (п. 2.3 ч. 3 ст. 1 КАС РФ); об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене или дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений (п. 5 ч. 3 ст. 1 КАС РФ) и др.).

Следующим критерием классификации административно-процессуальных отношений выступает отраслевая принадлежность корреспондирующих им материальных правоотношений. В рамках данной классификации речь идет о принадлежности материальных правоотношений, корреспондирующих возникшим процессуальным отношениям, к тем или иным отраслям права. Так, по отраслевой принадлежности материальных отношений можно привести следующие примеры административно-процессуальных отношений:

- отношения, направленные на реализацию материальных административно-правовых отношений;

– отношения, направленные на реализацию материальных отношений, регулируемых нормами гражданского права (регистрация прав на недвижимое имущество, на результаты интеллектуальной деятельности);

– отношения, реализующие нормы семейного права (регистрация браков, новорожденных детей) и т. д.

Необходимо отметить, что должностные лица полиции в силу своего процессуального статуса принимают участие только в первой из перечисленных групп административно-процессуальных отношений.

По критерию соотношения прав и обязанностей участников во всей совокупности административно-процессуальных отношений выделяют горизонтальные, вертикальные и диагональные отношения. В качестве примера горизонтальных административно-процессуальных отношений с участием должностного лица полиции можно привести ситуацию рассмотрения судом жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное полицейским. В рамках данной стадии производства сотрудник полиции, а также лицо, в отношении которого ведется производство, выступают в качестве равноправных носителей процессуальных прав и обязанностей.

Вместе с тем следует отметить, что статус должностного лица полиции, как участника производства по делам об административных правонарушениях, с юридической точки зрения однозначно не определен. Неопределенность административно-процессуального статуса должностного лица полиции в рамках производства по делам об административных правонарушениях опосредует также проблемы на стадии обжалования постановлений по делу. Согласно ч. 5 ст. 30.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ), предусматривается возможность обжалования решения суда по жалобе на вынесенное должностным лицом постановление по делу об административном правонарушении.

Однако проблема заключается в том, что полицейский, вынесший обжалуемое постановление по делу об административном правонарушении, не относится к числу участников производства (ст. 25.1 – 25.5.1 КоАП РФ). В случае обжалования постановления, вынесенного участковым, в районный суд его процессуальные права и обязанности не определены. То же касается ситуации, когда сотрудник полиции, составивший протокол об административном правонарушении (на основании ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ), сам обжалует постановление судьи по делу об административном правонарушении. Таким образом, одной из задач законодателя является закрепления административно-процессуального статуса должностного лица полиции как участника производства по делам об административных правонарушениях.

Примером вертикальных административно-процессуальных отношений может служить связка «подчиненное должностное лицо полиции – руководитель территориального органа МВД России» в рамках дисциплинарного производства. В данном случае обе стороны возникших административно-процессуальных отношений – это должностные лица полиции. Очевидно, что руководитель как субъект дисциплинарной власти обладает властными полномочиями по отношению к подчиненному ему участковому уполномоченному. В этом контексте нельзя обойти стороной тот факт, что регулирование статуса должностного лица полиции (равно как и представителей иных подразделений органов внутренних дел) в рамках дисциплинарного производства также не лишено недостатков.

Отметим также, что сотрудник полиции может выступать в дисциплинарном производстве в качестве лица, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, а также свидетеля. Дисциплинарное производство, равно как и любое другое административно-процессуальное производство, предусматривает стадийность. Каждая отдельная стадия,

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

как и производство в целом, могут иметь свою специфику в зависимости от вида совершенного дисциплинарного правонарушения и вида деятельности органа публичной власти. Специфика может проявляться в видах и круге дисциплинарных взысканий, применяемых к виновному лицу, типах обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, и других факторах, влияющих на степень принудительного воздействия [13, с. 75].

Одна из проблем правового регулирования дисциплинарного производства в органах внутренних дел связана со статусом субъекта дисциплинарной власти – то есть должностного лица полиции, которое уполномочено принять решение по дисциплинарному делу. В отечественной юридической литературе данный вопрос носит дискуссионный характер.

Специалисты выделяют два подхода к распределению процессуальных полномочий субъекта дисциплинарной власти: концентрированный и распределительный. Первый подход имеет место в ситуации, когда законодатель наделяет дисциплинарной властью нанимателя, который обладает возможностью сосредоточить весь ее объем у должностного лица, выступающего представителем работодателя (руководителя организации, директора и т. п.). Второй подход заключается в том, что согласно служебному законодательству представитель нанимателя вправе делегировать дисциплинарные полномочия руководителям структурных подразделений, филиалов и т. д. [14, с. 15].

Концентрированный подход предполагает «длинную цепочку» дисциплинарного производства, что усложняет процесс применения дисциплинарного взыскания, а не следует забывать, что закон закрепляет предельные сроки его применения. Кроме того, руководитель крупного подразделения государственного органа не может знать каждого государственного служащего лично и нередко вынужден принимать решение только на основе документальных материалов.

Представляется, что такой подход в значительной степени свойствен органам внутренних дел, причем повышение концентрации дисциплинарной власти на более высоком уровне должностей стало одной из тенденций завершившейся реформы органов внутренних дел. Ярким в этом смысле примером является дисциплинарное производство в отношении курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Если до принятия Федерального закона «О службе в органах внутренних дел»³ решение о назначении пяти нарядов на службу вне очереди начальником курса было нормой, то теперь наряд вне очереди назначается правами руководителя учебного заведения.

Распределительный подход предполагает, что непосредственный руководитель наделяется процессуальным статусом участника производства как субъект дисциплинарной власти. Он получает право не только инициировать возбуждение дела, но и в определенных законом пределах рассмотреть его и принять по нему решение. К примеру, на военной службе субъекты дисциплинарной власти различного уровня обладают определенными полномочиями (объем которых регламентируется общевоинскими уставами) по применению к военнослужащим или гражданам, призванным на военные сборы, дисциплинарных взысканий (ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих»⁴). Так, например, командир отделения или взвода, старшина роты могут применять только взыскания в виде выговора или строгого выговора и лишать очередных увольнений.

Безусловным преимуществом наделяния непосредственных руководителей процессуальным статусом субъекта дисциплинарной власти является ее оперативность. Такой подход позволяет в кратчайшие сроки реагировать на нарушения служебной дисциплины.

На наш взгляд, элементы системы распределения дисциплинарной власти могли бы быть успешно применены в органах внутренних дел, в частности, в подразделениях по организации

---

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.

⁴ О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

деятельности участковых уполномоченных полиции. В рамках законодательства о службе в органах внутренних дел необходимо закрепить статус субъекта дисциплинарной власти как участника дисциплинарного производства и определить, что в роли такого субъекта выступает представитель нанимателя, а также нижестоящие должностные лица – руководители подразделений, которым наниматель делегирует соответствующие полномочия.

При этом полномочия руководителей отдельных подразделений территориальных органов МВД России, которым наниматель делегирует соответствующие полномочия, должны быть законодательно ограничены в части применения конкретных мер дисциплинарного воздействия. Например, к полномочиям начальника отдела организации деятельности участковых уполномоченных полиции на районном уровне следует делегировать право по наложению взысканий, характеризующихся наименьшей интенсивностью воздействия: замечание и выговор.

Следующий вид административно-процессуальных правоотношений – диагональные – имеет черты сходства с вертикальными. Различие состоит в том, что диагональные административно-процессуальные правоотношения складываются между должностными лицами, входящими в различные системы органов исполнительной власти. Диагональные административно-процессуальные отношения возникают между должностным лицом полиции, например, в рамках производства по делам об административных правонарушениях со следующими субъектами: прокурор, глава муниципального округа, руководитель территориального органа Роспотребнадзора и т. д.

По функциям права можно выделить регулятивные отношения, складывающиеся на основе реализации регулятивных административно-процессуальных норм, и охранительные – возникающие на основе охранительных административно-процессуальных норм. В отличие от гражданского и уголовного процесса, административный процесс «обслуживает» реализацию как охранительных, так и регулятивных норм. В этом проявляется универсальный характер административного процесса [15, с. 44].

В случае когда должностное лицо полиции рассматривает обращение гражданина (предложение либо заявление) в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан»⁵ и приказом МВД России № 707⁶, можно вести речь о возникновении регулятивных административно-процессуальных отношений между должностным лицом и заявителем.

Если же сотрудник полиции нарушит порядок рассмотрения обращения и прокурор в связи с этим возбудит в его отношении производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ, то он приобретет статус участника уже охранительного административно-процессуального отношения.

Заключение

Таким образом, должностные лица полиции в силу исполнения своих служебных обязанностей часто вступают в разнообразные административно-процессуальные отношения. Исследование данного вопроса представляет не только теоретический, но и практический интерес с точки зрения недостатков законодательного и подзаконного регулирования. В частности, как было показано в рамках настоящей статьи, нуждается в дополнительном исследовании и законодательном закреплении административно-процессуальный статус должностного лица полиции, как участника производств по делам об административных правонарушениях и по дисциплинарным делам.

⁵ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

⁶ Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (ред. от 01.12.2016) (зарег. в Минюсте России 31.12.2013, № 30957) // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70564276/paragraph/1/doclist/2672/1/0/0/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%D0%9C%D0%92%D0%94%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%2012.09.2013%20%E2%84%96%20707:1> (дата обращения: 30.01.2024).

В завершение еще раз отметим, что под административно-процессуальными отношениями, участником которых является должностное лицо полиции, следует понимать урегулированные нормами административно-процессуального права общественные отношения, складывающиеся по поводу разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления:

- самим должностным лицом полиции;
- иными уполномоченными субъектами, но при участии должностного лица полиции, находящегося в соответствующем процессуальном статусе.

В целях совершенствования правового регулирования административно-процессуального статуса должностного лица полиции, в частности, можно сформулировать следующие предложения:

1. Целесообразно уточнить статус должностного лица полиции в рамках производства по делам об административных правонарушениях, дополнив главу 25 КоАП РФ:

– Статьей 25.1.1. «Должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении» в редакции: «Должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении в редакции – это лицо, возбудившее дело, принявшее дело к своему производству, составившее протокол об административном правонарушении, рассматривающее дело».

– Статьей 25.11.2. «Должностное лицо, обжаловавшее решение суда по делу об административном правонарушении» в следующей редакции: «Должностное лицо, обжаловавшее решение суда по делу об административном правонарушении – это лицо, составившее протокол об административном правонарушении по делу, рассмотренному в судебном порядке, и подавшее жалобу на принятое по данному делу постановление или решение».

В соответствующих правовых нормах целесообразно закрепить процессуальные права и обязанности соответствующих участников производства. Отдельно следует урегулировать порядок обжалования должностным лицом, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, определений суда, носящих промежуточный характер (например, определения о возвращении протокола об административном правонарушении, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ).

2. В рамках законодательства о службе в органах внутренних дел необходимо закрепить статус должностного лица полиции – субъекта дисциплинарной власти, как участника дисциплинарного производства, и определить, что в роли такого субъекта выступает представитель нанимателя, а также нижестоящие должностные лица – руководители подразделений, которым наниматель делегирует соответствующие полномочия. При этом полномочия нижестоящих должностных лиц полиции следует законодательно ограничить в части применения конкретных мер дисциплинарного воздействия. Например, к полномочиям руководителей отдельных подразделений территориальных органов МВД России (ОУР, ОДУУП и ПДН, ОИАЗ и др.) на районном уровне следует отнести наложение взысканий, характеризующихся наименьшей интенсивностью воздействия (замечание и выговор).

Список литературы

1. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право : [монография]. – Санкт-Петербург: Издательство Юридического института. – 2002. – 474 с.
2. Бахрах Д. Н. Административно-процессуальная деятельность государственной администрации // Административное право и процесс. – 2009. – № 3. – С. 2–7.
3. Степанова В. А., Зверев В. С. О некоторых проблемных вопросах подходов к пониманию административного процесса / Правоприменительная деятельность: история и современность : материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доцента М. В. Геворкяна, Псков, 27 июня 2017 г. – Псков: Псковский государственный университет, 2017. – С. 98–105.

4. Кононов П. И. Административный процесс и административное судопроизводство: дискуссионные вопросы понимания и соотношения // Административное право и процесс. – 2014. – № 3. – С. 45–49.
5. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 158 с.
6. Стариков Ю. Н. Административная юстиция : Проблемы теории : [монография]. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. – 197 с.
7. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опять сравнительно-правового исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 96–130; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.96.130>.
8. Кононов П. И. Несколько тезисов в поддержку интегративного понимания административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 328–338; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-328-338>.
9. Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 313–327; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>.
10. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 261–276; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276>.
11. Каплунов А. И. О правовой природе и процессуальных формах административного процесса / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 212–220.
12. Сорокин В. Д. О содержании и видах административно-процессуальных правоотношений // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 51–58.
13. Лапина М. А. Институт дисциплинарного производства: теория и практика // Закон. Право. Государство. – 2016. – № 2 (10). – С. 75–89.
14. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Субъект дисциплинарной юрисдикции в служебных отношениях: концентрированная и распределительная системы дисциплинарной власти // Административное право и процесс. – 2020. – № 12. – С. 11–17.
15. Сарпекоев Р. К., Шишимбаева С. С. Административно-процедурные и административно-процессуальные отношения: понятие, особенности и их соотношение // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2019. – № 2 (56). – С. 44–51.

References

1. Sorokin V. D. Administrativnyy protsess i administrativno-protsessual'noye pravo : [monografiya]. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Yuridicheskogo instituta. – 2002. – 474 s.
2. Bakhrakh D. N. Administrativno-protsessual'naya deyatel'nost' gosudarstvennoy administratsii // Administrativnoye pravo i protsess. – 2009. – № 3. – S. 2–7.
3. Stepanova V. A., Zverev V. S. O nekotorykh problemnykh voprosakh podkhodov k ponimaniyu administrativnogo protsessa / Pravoprimeritel'naya deyatel'nost': istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati dotsenta M. V. Gevorkyana, Pskov, 27 iyunya 2017 g. – Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2017. – S. 98–105.

4. *Kononov P. I.* Administrativnyy protsess i administrativnoye sudoproizvodstvo: diskussionnyye voprosy ponimaniya i sootnosheniya // *Administrativnoye pravo i protsess.* – 2014. – № 3. – S. 45–49.
5. *Salishcheva N. G.* Administrativnyy protsess v SSSR. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1964. – 158 s.
6. *Starilov Yu. N.* Administrativnaya yustitsiya : Problemy teorii : [monografiya]. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. – 197 s.
7. *Zelentsov A. B., Yastrebov O. A.* Sovremennyye modeli administrativno-protsessual'nogo regulirovaniya: opyat sravnitel'no-pravovogo issledovaniya // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* – 2022. – Т. 15, № 3. – S. 96–130; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.96.130>.
8. *Kononov P. I.* Neskol'ko tezisov v podderzhku integrativnogo ponimaniya administrativnogo protsessa // *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye.* – 2021. – Т. 18, № 3. – S. 328–338; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-328-338>.
9. *Stakhov A. I.* Integrativnaya teoriya administrativnogo protsessa – yedinstvenno vernaya osnova postroyeniya modeli administrativnogo protsessa // *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye.* – 2021. – Т. 18, № 3. – S. 313–327; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>
10. *Kaplunov A. I.* Sovremennyye podkhody k ponimaniyu administrativnogo protsessa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva // *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye.* – 2021. – Т. 18, № 3. – S. 261–276; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276>.
11. *Kaplunov A. I.* O pravovoy prirode i protsessual'nykh formakh administrativnogo protsessa / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 212–220.
12. *Sorokin V. D.* O sodержanii i vidakh administrativno-protsessual'nykh pravootnosheniy // *Pravovedeniye.* – 1968. – № 2. – S. 51–58.
13. *Lapina M. A.* Institut distsiplinarnogo proizvodstva: teoriya i praktika // *Zakon. Pravo. Gosudarstvo.* – 2016. – № 2 (10). – S. 75–89.
14. *Presnyakov M. V., Channov S. Ye.* Sub'yekt distsiplinarnoy yurisdiksiy v sluzhebnykh otnosheniyakh: kontsentrirovannaya i raspredelitel'naya sistemy distsiplinarnoy vlasti // *Administrativnoye pravo i protsess.* – 2020. – № 12. – S. 11–17.
15. *Sarpekov R. K., Shishimbayeva S. S.* Administrativno-protsedurnyye i administrativno-protsessual'nyye otnosheniya: ponyatiye, osobennosti i ikh sootnosheniye // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan.* – 2019. – № 2 (56). – S. 44–51.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted February 1, 2024; approved after reviewing October 31, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Частно-правовые (цивилистические) науки Private legal (civilistic) sciences

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-115-123>

Екатерина Геннадьевна Семенова

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0000-0153-1055>, e-g-semenova@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Особенности правового режима недвижимого имущества членов семьи

Аннотация: Введение. Отечественный законодатель не наделяет недвижимое имущество членов семьи самостоятельными свойствами объектности, однако в семейных отношениях осуществление прав на такое имущество имеет определенную специфику, которая проявляется в особенностях порядка его приобретения и отчуждения, реализации правомочий собственника, а также лиц, проживающих с ним, ограничений прав, мерах защиты, порядка прекращения прав. Целью статьи является разработка теоретических положений относительно правового режима недвижимого имущества членов семьи, а также практических рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование действующего законодательства. **Методы.** Исследование основано на комплексном использовании диалектического метода, который позволил раскрыть особенности правового режима недвижимого имущества членов семьи, обусловленные выявленной спецификой объекта и субъектного состава отношений, а также системного подхода, с помощью которого правовой режим недвижимого имущества членов семьи исследовался как целостное правовое явление, представляющее собой комплекс правовых средств. **Результаты.** Правовой режим недвижимого имущества членов семьи требует системного подхода к обеспечению имущественных интересов членов семьи как гражданско-правового сообщества, а также публичных интересов, направленных на охрану семьи, защиту интересов отдельных членов семьи, не способных самостоятельно удовлетворить свою потребность в жилище, и включает в себя комплекс правовых средств, на основе которых можно владеть, пользоваться и распоряжаться конкретным объектом недвижимости.

Ключевые слова: правовой режим, недвижимое имущество, члены семьи, бывшие члены семьи, супруги, право пользования жилым помещением, собственник жилого помещения, приватизация

Для цитирования: Семенова Е. Г. Особенности правового режима недвижимого имущества членов семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 115–123; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-115-123>.

Original article

Ekaterina G. Semenova

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0000-0153-1055>, e-g-semenova@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Peculiarities of the legal status of immovable property of family members

Abstract: Introduction. The Russian lawmakers do not endow immovable property of family members with independent features of objectness, however, in family relations the realisation of rights to such property has a certain specificity, which is evident in the peculiarities of its purchasing and selling, realisation of the rights of the owner, as well as of the persons residing with him, restrictions of rights, protection measures, and the procedure for termination of rights. The purpose of the article is to develop theoretical provisions regarding the legal status of immovable property of family members, as well as practical recommendations aimed at further improvement of the current legislation. **Methods.** The research is based on the integrated use of dialectical method, which made it possible to reveal the peculiarities of the legal status of immovable property of family members, due to the identified specificity of the object and subject composition of relations, as well as the systematic approach, through which the legal status of immovable property of family members was analysed as a complex legal phenomenon, representing a set of legal means. **Results.** The legal status of immovable property of family members requires a systematic approach in ensuring the property interests of family members as a civil-law community, as well as public interests aimed at protecting the family, protecting the interests of particular family members unable to meet their own housing needs, and includes a set of legal means on the basis of which it is possible to own, use and dispose of a particular real property object.

Keywords: legal status, immovable property, family members, former family members, spouses, right to use residential premises, owner of residential premises, privatisation

For citation: Semenova E. G. Peculiarities of the legal status of immovable property of family members // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 115–123; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-115-123>.

Введение

Во Всеобщей декларации прав человека закреплено, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень..., который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи»¹. Особое место в системе объектов, обеспечивающих такой жизненный уровень, занимает недвижимое имущество, в т. ч. жилая недвижимость.

---

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

Несмотря на то, что отечественный законодатель не наделяет недвижимое имущество членов семьи самостоятельными свойствами объектности, в семейных отношениях осуществление прав на такое имущество имеет определенную специфику, которая проявляется в особенностях порядка его приобретения и отчуждения, реализации правомочий собственника, а также лиц, проживающих с ним, ограничений прав, мерах защиты, порядка прекращения прав, что, соответственно, требует определения его правового режима. Конкретизация правового режима недвижимого имущества членов семьи должна осуществляться путем совершенствования законодательства в указанной сфере, в основе которого находятся результаты научных исследований. Вместе с тем в настоящее время в законодательстве и юридической доктрине содержатся спорные положения о квалификации и правовом режиме недвижимого имущества, приобретаемого супругами [1–3], в т. ч. вследствие приватизации [4], а также с использованием средств со специальным целевым назначением [5; 6]. Не в полной мере отвечают задачам эффективного правового регулирования отношений нормы, закрепляющие права бывших членов семьи на жилую недвижимость собственника при прекращении семейных связей с ним [7; 8]. Особенно это касается прав таких наименее защищенных сторон правоотношений, как дети, в т. ч. в случае отмены усыновления, а также добросовестный супруг при признании брака недействительным. Отсутствие доктринального единообразия и прогрессивного законодательства приводит к неоднозначной судебной практике и тем самым снижает эффективность защиты прав членов семьи. В связи с указанным актуальными являются разработка теоретических положений относительно правового режима недвижимого имущества членов семьи, а также выработка практических рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование действующего законодательства.

Методы

Использование диалектического метода в исследовании позволило раскрыть особенности правового режима недвижимого имущества членов семьи, которые обусловлены выявленной спецификой объекта и субъектного состава отношений. С помощью системного подхода правовой режим недвижимого имущества членов семьи исследовался как целостное правовое явление, представляющее собой комплекс правовых средств. Методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод использовались для изучения основополагающих идей и понятий, имеющих в доктрине, а также нормативного регулирования отношений членов семьи по поводу недвижимого имущества, правовых позиций российских судов по данным категориям дел. Метод перспективного анализа способствовал формулированию предложений, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего отношения между членами семьи по поводу недвижимого имущества.

Результаты

При исследовании правового режима недвижимого имущества членов семьи целесообразно учитывать прежде всего субъектный состав соответствующих отношений. Так, Семейный кодекс Российской Федерации² (далее – СК РФ) регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, в частности: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами (ст. 2 СК РФ). Правовой статус членов семьи собственника жилого помещения определяется ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), а также ст. 31

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 1. – Ст. 16.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Жилищного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ЖК РФ), в ч. 1 которой установлено, что членами семьи собственника жилого помещения являются «проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника». В случаях, установленных законом, членами семьи собственника жилого помещения могут быть признаны и другие родственники, а также иные граждане (ч. 1 ст. 31 ЖК РФ).

Анализ положений действующего законодательства позволяет выделить следующих членов семьи, в отношении которых можно говорить о правовом режиме недвижимого имущества: супруги; лица, связанные родительскими отношениями (родители и дети; усыновители и усыновленные дети); бывшие члены семьи собственника жилого помещения. Указанный перечень лиц подтверждает особый характер (семейно-доверительный) отношений, возникающих касательно недвижимого имущества, направленность на охрану и воспроизводство семейных ценностей [1], а также повышенную защиту интересов некоторых членов семьи, которые не способны самостоятельно удовлетворить свою потребность в жилище. При этом сам круг членов семьи определяется законом в зависимости от конкретного вида отношений – он либо расширяется (в правоотношениях единоличной собственности), либо сужается (в правоотношениях совместной собственности), либо же определяется неоднозначно (в жилищных правоотношениях).

Что касается недвижимого имущества супругов, то в семейном законодательстве оно упоминается в контексте независимости его правового режима от того, на имя кого из супругов оно приобретено или кем из супругов внесены денежные средства. В основе правового режима находится презумпция общности имущества супругов, нажитого в период брака (п. 1 ст. 256 ГК РФ, п. 1 ст. 33 СК РФ), исключение из которой влечет режим раздельной собственности. Возможно изменение режима на основании брачного договора. В свою очередь, основным принципом правового регулирования отношений лиц, связанных родительскими отношениями, является раздельность их имущества (п. 4 ст. 60 СК РФ). Наряду с этим, в законодательстве, с одной стороны, закрепляется правовой статус детей – собственников недвижимости, который определяется пределами осуществления прав (установление управления имуществом детей родителями, предварительное разрешение органов опеки и попечительства на совершение сделок с недвижимостью), а также правовой статус детей, в отношении которых родители (один из них) лишены (ограничены) родительских прав, детей, находящихся под опекой (попечительством), в организациях для детей-сирот, гарантирующий сохранение их права собственности на жилую недвижимость, а с другой стороны – правовой статус детей – членов семьи собственника жилого помещения, гарантирующий сохранение права пользования таким помещением.

В отдельную категорию законодателем выделены бывшие члены семьи собственника жилого помещения, в отношении которых закон допускает возможность сохранения права пользования таким помещением, тем самым предоставляя гарантии социально незащищенным категориям граждан (ст. 292 ГК РФ, ст. 31 ЖК РФ). Необходимо учитывать, что в перечень лиц, которые перестали быть членами семьи и нуждаются в обеспечении иным жильем, в жилищном законодательстве включены субъекты, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства (ч. 4 ст. 31 ЖК РФ).

Также необходимо обратить внимание, что законодатель выделяет различные правовые режимы имущества не только с учетом вида семейных связей, но и оснований его приобретения, в т. ч. закрепляет правовой режим имущества членов семьи: 1) приобретенного за собственные средства (принадлежащего до вступления в брак каждому из супругов), а также полученного в дар и в порядке наследования, на основании брачного договора; 2) приобретенного за общие средства (нажитого супругами во время брака), а также

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 14.

в результате трансформации раздельного имущества в общее; 3) приобретенного в результате совместного осуществления производственной и иной хозяйственной деятельности, основанной на личном участии; 4) приобретенного с использованием средств со специальным целевым назначением; 5) приобретенного в результате приватизации.

Учитывая различие правовых режимов недвижимого имущества членов семьи в зависимости от оснований его приобретения особое внимание необходимо уделить правовому режиму недвижимого имущества, приобретенного за счет средств материнского (семейного) капитала. Нормы, закрепляющие такой режим, характеризуются правовой неопределенностью, разъяснения законодательного регулирования данного вопроса содержатся в Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал⁵. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁶ на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, устанавливается режим общей долевой собственности родителей и детей, а также определяется основание определения долей в собственности, в качестве которого выступает соглашение об определении долей. Поскольку в результате заключения подобного соглашения происходит определение долей в жилом помещении не только в отношении детей, но и супругов, дискуссионным в доктрине остается вопрос о форме такого соглашения и его соотношении с соглашением супругов о разделе общего имущества и брачным договором [5; 6].

Предметом договора о разделе общего имущества является нажитое (приобретенное) супругами во время нахождения в браке имущество, которое на момент заключения договора является совместной собственностью, следовательно он не направлен на определение правового режима недвижимого имущества, приобретенного на средства, имеющие специальное целевое назначение. Такие средства не являются ни общим имуществом супругов, ни личным имуществом каждого супруга, доли в праве собственности на недвижимое имущество принадлежат каждому члену семьи, имеющему на это право, соответственно, их правовой режим определяется п. 2 ст. 246 ГК РФ.

Отличается порядок определения долей и в праве на недвижимое имущество, приватизированное членами семьи (ст. 3.1. Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»⁷), который исключает применение положений гражданского законодательства, допускающего отступление от начала равенства долей в праве на общее имущество путем совершения супругами совместного завещания или заключения наследственного договора, а также на основании решения суда (абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ). Таким образом, не только правовой режим недвижимого имущества, приобретенного за счет средств материнского (семейного) капитала, определяется не по правилам гражданского законодательства, но и правовой режим недвижимого имущества, приобретаемого в порядке приватизации, подчиняется особым правилам.

Рассматривая вопрос правового режима недвижимого имущества членов семьи, следует учитывать, что особенности такого правового режима не ограничиваются правом собственности на это имущество. Обеспечение гарантированного Конституцией Российской Федерации права на жилище в определенной степени находит воплощение в предоставлении членам семьи собственника жилого помещения права владения и пользования этим помещением в силу закона, соглашения с собственником или по решению суда (ст. 292 ГК РФ, ст. 31 ЖК РФ). Законом предусмотрены основания прекращения права пользования жилым помещением членов семьи, которых вселил сам собственник: прекращение

⁵ Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 12.

⁶ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 19.

⁷ О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 (ред. от 11.06.2021) // Российская газета. – 1993. – 10 января.

семейных отношений с собственником жилого помещения; переход права собственности на жилое помещение к другому лицу. Актуальным является вопрос об отсутствии законодательного регулирования прекращения права пользования жилым помещением членов семьи, которые приобрели это право самостоятельно, в частности, лиц, отказавшихся от приватизации жилого помещения, но давших согласие на ее осуществление [9]. Законом предусмотрено сохранение бессрочного права пользования жилым помещением указанных лиц, в т. ч. при переходе права собственности на него (ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»⁸). Однако основания прекращения указанного права на законодательном уровне не закреплены, не выработан и механизм, обеспечивающий доступность информации о правах таких лиц, на что было обращено внимание и в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации о признании не соответствующей Конституции Российской Федерации ч. 6 ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации ЖК РФ⁹.

Схожая проблема, обусловленная недостаточностью законодательных норм, регулирующих сохранение права пользования жилым помещением, выявлена при анализе права владения и пользования жилым помещением несовершеннолетними детьми собственника в случае прекращения семейных отношений между родителями, а также в случае его отчуждения, которая также восполняется сложившейся правоприменительной практикой и практикой Конституционного Суда Российской Федерации¹⁰.

В свете новой редакции п. 1 ст. 86 СК РФ, допускающей привлечение судом каждого из родителей к участию в несении дополнительных расходов, в т. ч. при отсутствии пригодного для постоянного проживания жилого помещения, внимания требует и установление возможности изменения содержания алиментного обязательства в результате обеспечения членов семьи жилой недвижимостью [10].

Законом установлено, что при отмене усыновления взаимные права и обязанности лиц, связанных родительскими отношениями, прекращаются (п. 1 ст. 143 СК РФ). В судебной практике это рассматривается как основание прекращения права пользования жилым помещением бывшего усыновителя¹¹. Несмотря на закрепление обязанности бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка, исходя из его интересов (п. 4 ст. 143 СК РФ), в части удовлетворения жилищных интересов такого ребенка подобные требования не предусмотрены.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14, под прекращением семейных отношений между супругами помимо расторжения брака следует понимать и признание брака недействительным¹². Признание брака недействительным не рассматривается как безусловное основание для прекращения права пользования жилой недвижимостью у добросовестного супруга¹³. Однако на законодательном уровне такое право на проживание в жилом помещении собственника в случае отсутствия у добросовестной стороны иного жилья не получило своего закрепления.

⁸ О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 15.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я. В. Штраус» // СЗ РФ. – 2024. – № 19. – Ст. 2551.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // СЗ РФ. – 2010. – № 25. – Ст. 3246.

¹¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 7-КГ13-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 1.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 9.

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 1.

Сложившиеся тенденции нормотворческой и правоприменительной практики поднимают вопросы, связанные с перечнем и юридической квалификацией прав пользования жилым помещением членами семьи, которые в доктрине получили разную оценку, в т. ч. рассматриваются в качестве вещных прав¹⁴ [11–13]. В действующем законодательстве права членов семьи собственника жилого помещения не определены в качестве вещных прав. Судебная практика признает за указанными правами черты вещного права с характерным для него следованием за объектом, т. е. учитывается только при проживании в том же жилом помещении¹⁵.

Специфические признаки правоотношений между собственником жилого помещения и членами его семьи, в т. ч. бывшими, обусловлены сложным юридическим составом, предусматривающим как вселение и проживание с собственником жилья в качестве члена его семьи, так и наличие алиментных обязательств и пр. В то же время, поскольку в анализируемых отношениях субъектом является семья как особое «гражданско-правовое сообщество» [14; 15], определяющим является имущественный интерес семьи (совместный имущественный интерес), который реализуется при фактическом использовании имущества для удовлетворения потребностей членов семьи.

Заключение

Учитывая приведенную специфику отношений членов семьи по поводу недвижимого имущества, целесообразно говорить о правовом режиме недвижимого имущества членов семьи, который направлен на оптимизацию правового регулирования соответствующих правоотношений в отношении особого объекта и между особыми субъектами. Правовой режим недвижимого имущества членов семьи требует системного подхода к обеспечению имущественных интересов членов семьи как гражданско-правового сообщества, а также публичных интересов, направленных на охрану семьи, защиту интересов отдельных членов семьи, не способных самостоятельно удовлетворить свою потребность в жилище, и включает в себя комплекс правовых средств, на основе которых можно владеть, пользоваться и распоряжаться конкретным объектом недвижимости. С целью эффективного правового регулирования отношений членов семьи по поводу недвижимого имущества в качестве таких правовых средств законодателю необходимо предусмотреть: порядок выдела недвижимого имущества из состава общего имущества супругов; правовой режим жилища, приобретенного членами семьи в результате приватизации, а также за счет средств со специальным целевым назначением; основания возникновения права пользования жилищем собственника у бывших членов семьи в случае признания брака недействительным (у добросовестного супруга как члена семьи), отмены усыновления; а также иные правовые средства, в т. ч. договор, предусматривающий изменение содержания алиментного обязательства в результате обеспечения членов семьи жилой недвижимостью.

Список литературы

1. *Дерюшева О. И.* Правовой режим недвижимого имущества супругов : [монография] / под науч. ред. Ю. Н. Андреева. – Москва: Юрист, 2011. – 281 с.
2. *Халецкая Т. М.* Понятие и содержание правовой категории «правовой режим имущества семьи» // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 3 (87). – С. 53–60.
3. *Чашкова С. Ю.* Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 6. – С. 13–17.
4. *Слепакова А. В.* Правоотношения собственности супругов : [монография]. – Москва: Статут, 2005. – 442 с.

¹⁴ Емелькина И. А. Вещные права на жилые и нежилые помещения: приобретение и защита : учебное пособие. – Москва: Юрист, 2004. – 127 с.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2016 г. № 58-КГ15-34 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22032016-n-58-kg15-34/> (дата обращения: 15.09.2024).

5. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Выделение «детских» долей в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского капитала: проблемы теории и практики // Но-тариус. – 2021. – № 6. – С. 17–19.
6. Чашкова С. Ю. Основания и порядок возникновения режима общей долевой собст-венности у супругов: диссонанс правового регулирования и судебной практики // Семей-ное и жилищное право. – 2022. – № 4. – С. 17–21.
7. Никифорова Н. Н. Самостоятельное право пользования жилым помещением бывши-ми членами семей собственников этих помещений // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 5. – С. 44–47.
8. Бадулина Е. В. О некоторых вопросах прекращения права пользования жилым поме-щением членами семьи собственника жилого помещения // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 3. – С. 28–32.
9. Гурьев М. О. Правовой статус лиц, отказавшихся от приватизации жилого помеще-ния // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16, № 13. – С. 303–308; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-3-303-308>.
10. Чедранова Е. А. «Жилищные алименты» – миф или новая правовая реальность // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 4. – С. 22–25.
11. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. – Москва: Статут, 2017. – 559 с.
12. Крашенинников П. В. Право собственности и иные вещные права на жилые помеще-ния // Юрист. – 2001. – № 4. – С. 8–15.
13. Груздев В. В. Конструкция вещных прав на жилые помещения членов и бывших чле-нов семьи собственника // Закон. – 2005. – № 6. – С. 30–35.
14. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье / Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения про-фессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2020. – С. 232–294.
15. Пантюхина Л. А. Семья как гражданско-правовое сообщество в правоотноше-нии по предоставлению жилого помещения по договору // Цивилист. – 2023. – № 4 (44). – С. 73–77.

References

1. Deryusheva O. I. Pravovoy rezhim nedvizhimogo imushchestva suprugov : [monografiya] / pod nauch. red. Yu. N. Andreyeva. – Moskva: Yurist, 2011. – 281 s.
2. Khaletskaya T. M. Ponyatiye i sodержaniye pravovoy kategorii «pravovoy rezhim imushchestva sem'i» // Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta. – 2020. – № 3 (87). – С. 53–60.
3. Chashkova S. Yu. Pravovyye rezhimy imushchestva suprugov: voprosy teorii i praktiki // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2023. – № 6. – С. 13–17.
4. Slepakova A. V. Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov : [monografiya]. – Moskva: Statut, 2005. – 442 с.
5. Zakharova O. N., Yepifantseva T. Yu. Vydeleniye «detskikh» doley v zhilom pomeshchenii, priobretennom za schet sredstv materinskogo kapitala: problemy teorii i praktiki // Notarius. – 2021. – № 6. – С. 17–19.
6. Chashkova S. Yu. Osnovaniya i poryadok vznikhoveniya rezhima obshchey dolevoy sobstvennosti u suprugov: dissonans pravovogo regulirovaniya i sudebnoy praktiki // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2022. – № 4. – С. 17–21.
7. Nikiforova N. N. Samostoyatel'noye pravo pol'zovaniya zhilym pomeshcheniyem byvshimi chlenami semey sobstvennikov etikh pomeshcheniy // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2017. – № 5. – С. 44–47.

8. *Badulina Ye. V.* O nekotorykh voprosakh prekrashcheniya prava pol'zovaniya zhilym pomeshcheniyem chlenami sem'i sobstvennika zhilogo pomeshcheniya // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo.* – 2016. – № 3. – S. 28–32.
9. *Gur'yev M. O.* Pravovoy status lits, otkazavshikhsya ot privatizatsii zhilogo pomeshcheniya // *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye.* – 2019. – Т. 16, № 13. – S. 303–308; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-3-303-308>.
10. *Chefranova Ye. A.* «Zhilishchnyye alimenty» – mif ili novaya pravovaya real'nost' // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo.* – 2023. – № 4. – S. 22–25.
11. *Sukhanov Ye. A.* Veshchnoye pravo : nauchno-poznavatel'nyy ocherk. – Moskva: Statut, 2017. – 559 s.
12. *Krashennikov P. V.* Pravo sobstvennosti i inyye veshchnyye prava na zhilyye pomeshcheniya // *Yurist.* – 2001. – № 4. – S. 8–15.
13. *Gruzdev V. V.* Konstruktsiya veshchnykh prav na zhilyye pomeshcheniya chlenov i byvshikh chlenov sem'i sobstvennika // *Zakon.* – 2005. – № 6. – S. 30–35.
14. *Yegorov A. V.* Sovmestnaya sobstvennost' suprugov: na pereput'ye / *Grazhdanskoye pravo sotsial'nogo gosudarstva : sbornik statey, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. L. Makovskogo (1930–2020) / otv. red. V. V. Vitryanskiy i Ye. A. Sukhanov.* – Moskva: Statut, 2020. – S. 232–294.
15. *Pantyukhina L. A.* Sem'ya kak grazhdansko-pravovoye soobshchestvo v pravootnoshenii po predostavleniyu zhilogo pomeshcheniya po dogovoru // *Tsivilist.* – 2023. – № 4 (44). – S. 73–77.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted October 1, 2024; approved after reviewing November 5, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Уголовно-правовые науки

Criminal science

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-124-131>

Сергей Владимирович Векленко

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30*

Система учета обстоятельств, влияющих на размер уголовного наказания

Аннотация: Введение. Постепенное развитие института наказания в уголовном праве России предопределило законодательное закрепление разнонаправленной и разнообразной системы санкций за противоправное поведение лица, нарушившего уголовно-правовой запрет; гуманизацию видов и размеров наказания; расширение перечня дополнительных обстоятельств, характеризующих противоправное деяние либо лицо, его совершившее, которые учитываются судом при вынесении приговора. Однако проблема правильного понимания обстоятельств, влияющих на размер уголовного наказания, а также их единообразного учета при определении меры ответственности лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, продолжает оставаться одной из самых актуальных для отечественного уголовного права, поскольку без ее разрешения в судебно-следственной практике будет отсутствовать регулятор, предупреждающий перерастание допустимого усмотрения в произвол, а в Особой части УК РФ сохранится необоснованный объем законодательных конструкций уголовно-правовых запретов. **Методы.** В ходе научного поиска использованы общенаучные методы (диалектический, системный анализ, структурный, формально-логический, анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, функциональный) и специально-юридические методы исследования (техничко-юридический, догматический, сравнительно-правовой). **Результаты.** В статье сформулировано и обосновано предложение, согласно которому для создания более действенного механизма дифференциации и индивидуализации уголовной

ответственности необходима принципиально новая система учета обстоятельств, характеризующих преступное деяние и лицо, его совершившее, подразумевающая максимальную конкретизацию степени влияния данных обстоятельств на вид и размер назначаемого наказания. Указанное предложение направлено также на то, чтобы в определенной мере «разгрузить» и «облегчить» конструкции подавляющего большинства уголовно-правовых запретов Особенной части УК РФ. Для практической реализации сформулированного предложения автор считает необходимым внести соответствующие изменения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: институт наказания, система, учет, обстоятельства, влияющие на размер уголовного наказания, определение меры ответственности лица

Для цитирования: Векленко С. В. Система учета обстоятельств, влияющих на размер уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 124–131; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-124-131>.

Original article

Sergey V. Veklenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

*Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation*

The system of consideration of circumstances affecting the amount of criminal punishment

Abstract: Introduction. The gradual development of the institution of punishment in the Russian criminal law has predetermined the legislative consolidation of a multidirectional and diverse system of sanctions for unlawful behaviour of a person having violated a criminal-legal prohibition; humanisation of types and amounts of punishment; expansion of the list of additional circumstances characterising the unlawful act or the person that committed it, which the court take into account when passing a sentence. However, the problem of proper understanding of the circumstances affecting the amount of criminal punishment, as well as their uniform consideration in determining the measure of responsibility of a person who has violated a criminal-law prohibition, continues to be one of the most urgent for the national criminal law, because without solving it, judicial and investigative practice will lack a regulator preventing the overgrowth of permissible discretion into lawlessness, and the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation will retain an unreasonable volume of legislative criminal- legal prohibitions. **Methods.** In the course of scientific research, we used general scientific methods (dialectical, system analysis, structural, formal-logical, analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, functional) and special-legal methods of research (technical-legal, dogmatic, comparative-legal). **Results.** The article states and justifies the proposal, according to which creating a more effective mechanism of differentiation and individualisation of criminal liability requires a fundamentally new system of taking into account the circumstances, characterising the criminal act and the person who committed it, implying maximum specification of the degree of influence of these circumstances on the type and amount of punishment imposed. The above proposal is also aimed at “unloading” and “easing” to a certain extent the constructions of the overwhelming majority of criminal-legal prohibitions of the

Special Part of the RF Criminal Code. To implement the formulated proposal, the author considers it necessary to make appropriate amendments to the current RF Criminal Code.

Keywords: institute of punishment, system, taking into account, circumstances affecting the amount of criminal punishment, determination of the individual's responsibility measure

For citation: Veklenko S. V. The system of consideration of circumstances affecting the amount of criminal punishment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 124–131; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-124-131>.

Введение

Известно, что уголовное право и уголовное законодательство возникли и существуют для того, чтобы оградить большинство членов социума от причиняющего существенный вред наиболее значимым на определенном этапе развития общества благам, ценностям или интересам отклоняющегося, асоциального поведения отдельных индивидов. Если изначально при определении меры ответственности лица, преступившего закон, во главу угла ставились объективные обстоятельства (чему причиняется вред и какова его величина), то со временем, по мере развития цивилизованности, общество все больше внимания стало уделять субъективным составляющим содеянного: чем руководствовался субъект преступления, как он относился к совершаемому, способен ли он исправиться и т. п. Более разнообразной и разнонаправленной стала система санкций за противоправное поведение, гуманизировались их виды и размеры. Кроме того, последовательно расширялся перечень дополнительных обстоятельств, так или иначе характеризующих противоправное деяние или лицо, его совершившее, которые законодатель считает обязательным либо возможным учитывать при вынесении приговора. Количество данных обстоятельств неуклонно растет, чего, к сожалению, нельзя сказать в отношении их правильного понимания и единообразного учета при определении меры ответственности лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Методы

Опираясь на разработанную в философии диалектическую теорию познания сущего, основанную на научных трудах Иммануила Канта¹ и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля [1] и получившую дальнейшее развитие в научных исследованиях современных отечественных философов [2; 3], основным вектором движения теории уголовного права и уголовного законодательства в решении выявленной проблемы мы видим устранение существующего противоречия между десятками и сотнями подлежащих обязательному учету при определении меры уголовной ответственности обстоятельств и правильным их пониманием и единообразным применением.

С использованием метода системного анализа нами изучены отягчающие уголовное наказание обстоятельства, содержащиеся в Общей части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), а также совокупность обстоятельств, используемых законодателем в качестве конструктивных признаков уголовно-правовых запретов, содержащихся в Особенной части УК РФ. Сопоставлены возможности одних и тех же обстоятельств влиять на меру уголовной ответственности, вид и размер уголовного наказания в разных уголовно-правовых нормах.

По мнению А. В. Наумова, недостатки в действующем УК РФ «могут быть подразделены на две группы: а) относящиеся к социальной обусловленности уголовного закона и выражающиеся либо в существовании определенных пробелов в уголовно-правовом ре-

¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосский ; сверка и ред. : Ц. Г. Арзаканян, М. И. Иткин ; авт. примеч. Ц. Арзаканян. – Москва: Эксмо, 2016. – 735 с.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

гулировании, либо (что чаще всего и имеет место) в излишней криминализации соответствующих деяний, объявленных на сегодняшний день преступлениями; б) относящиеся к изъянам техники уголовного закона (таковых еще больше и преимущественно они обусловлены нарушением системности в конструировании уголовно-правовых запретов и нередко несогласованностью одних с другими)» [4, с. 44]. Предметом научного анализа в данной статье является именно вторая группа недостатков, поэтому выходом из выявленной проблемы правопонимания и правоприменения является совершенствование законодательного закрепления системы учета обстоятельств, влияющих на размер уголовного наказания.

Результаты

Идея справедливого воздаяния за совершенное преступление является не только одним из основополагающих принципов уголовного права, нормативно закрепленного в ст. 6 УК РФ, но и выступает основополагающей для подавляющего большинства институтов уголовного законодательства. В части 2 ст. 43 УК РФ в качестве основной цели уголовного наказания закреплено восстановление социальной справедливости. По мнению В. Д. Филимонова, «восстановление социальной справедливости находит воплощение в общественных отношениях, которые возникают в результате применения к лицам, совершившим преступления, наказания или иной меры уголовно-правового характера» [5, с. 187]. Не вдаваясь в филологические и философские подходы к определению данной морально-правовой категории, которая уже подвергалась всестороннему рассмотрению на страницах юридической литературы [6, с. 94–95; 7, с. 273–276], полагаем, что поддержки заслуживает давно сформировавшаяся и проверенная временем позиция, согласно которой «от современного уголовного наказания справедливость требует, чтобы оно, – в определении ли закона, или приговора суда, – имело в основании определенную и опирающуюся на твердо установленный нравственный критерий оценку личности наказываемого или им содеянного» [8, с. 7]. Вот только союз «или» в конце данной цитаты следовало бы заменить на союз «и», т. к. не представляется возможным определить справедливое и соразмерное наказание без тщательного и всестороннего анализа всех объективных и субъективных признаков и факторов, характеризующих конкретное нарушение уголовного закона и лицо, его совершившее.

В ряду данных признаков и факторов, помимо конструктивных элементов основных составов Особенной части УК РФ, немаловажное, а порой и определяющее значение принадлежит обстоятельствам, отягчающим наказание. В уголовно-правовой доктрине и в судебно-следственной практике сформировалась позиция, согласно которой отягчающие обстоятельства – это выходящие за пределы состава преступления объективные и субъективные признаки деяния, личности виновного, которые не влияют на его квалификацию, но подлежат учету при назначении наказания³.

Часть 1 статьи 63 УК РФ в современной редакции (сентябрь 2024 года) содержит 17 пунктов, закрепляющих 50 обстоятельств, отягчающих уголовное наказание.

Часть 1.1 этой статьи допускает возможность суда признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения или иного одурманивания. Часть 2 статьи 63 УК РФ закрепляет запрет на повторный учет при назначении наказания отягчающего обстоятельства, предусмотренного в Особенной части УК РФ в качестве признака преступления.

Анализ конструкций уголовно-правовых запретов показывает, что многие отягчающие наказание обстоятельства весьма активно используются законодателем в качестве конструктивных признаков составов преступлений. Так, специальный рецидив преступлений упоминается в 12 статьях УК РФ (ч. 2 ст. 116¹, п. «а» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 5 ст. 132, п. «в» ч. 3 ст. 133, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204², ч. 2 ст. 264¹, ч. 2 ст. 264², ч. 2 ст. 264³, ч. 1 ст. 284¹, ч. 2

³ Крук В. А. Отягчающие наказание обстоятельства в реализации принципа справедливости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – С. 9.

ст. 291²). Даже по нумерации этих статей явно заметна тенденция последних лет к более активному использованию данного признака в качестве конструктивного.

Наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) используется в качестве конструктивного признака 58 составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Наиболее активно используемыми законодателем в качестве конструктивных являются признаки, характеризующие групповое совершение преступления (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Так, группа лиц усиливает ответственность в 25 составах, группа лиц по предварительному сговору – в 144, организованная группа – в 149, а преступное сообщество (преступная организация) выступает основным конструктивным признаком статей 205⁴, 205⁵, 208–210, 281³, 282¹, 282² УК РФ. При этом нельзя не отметить некоторую непоследовательность законодателя: в одних случаях (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 213 УК РФ и др.) между группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой не проводится никаких разграничений; в других случаях (ст. 260 УК РФ) группу лиц размещают в числеотягчающих обстоятельств части 2 (п. «а»), а группу лиц по предварительному сговору и организованную группу, не проводя между ними разграничения, – в части 3 с усилением максимального наказания с 4 до 7 лет лишения свободы; в отдельных случаях (ст. 158, 159–159⁶, 180, 222, 290 УК РФ и др.), группа лиц не упоминается, а организованная группа, судя по санкциям тех частей, где она размещена, признается законодателем в два раза опаснее, чем группа лиц по предварительному сговору. Подобный подход законодателя запутывает не только правоприменителей, но и отдельных ученых, которые в ходе своих диссертационных исследований утверждают, что «такой особо опасной форме соучастия, как преступная группа, предлагается придать значение особо квалифицирующего признака, отделив от менее опасной формы – группы лиц по предварительному сговору»⁴.

Данные примеры говорят по меньшей мере об отсутствии у законодателя четкого представления и внятного отношения к единообразному применению одних и тех же признаков, отягчающих уголовную ответственность лиц, совершивших преступления. Это в свою очередь неизбежно влечет проблемы правоприменения: согласно судебной статистике, неправильное применение уголовного закона при назначении наказания является одной из самых частых судебных ошибок, влекущих отмену или изменение до 50 % приговоров [9, с. 45]. Более того, даже поверхностный анализ действующей правоприменительной практики убедительно свидетельствует об отсутствии у сотрудников судебно-следственных органов единообразного подхода к учету степени влияния на назначаемое уголовное наказание или применения иных мер уголовно-правового воздействия тех или иных обстоятельств, дополнительно характеризующих особенности совершенного деяния и лица, его совершившего.

Выходом из этой проблемной ситуации является, на наш взгляд, создание четкой и понятной правоприменителям системы влияния выявленных в ходе расследования отягчающих обстоятельств, негативно характеризующих совершенное преступление или преступника, на вид и размер избираемого судом уголовного наказания. Такая система должна стать действенным инструментом следственно-судебных органов по достижению обозначенной выше цели назначения за совершенное общественно опасное деяние максимально обоснованного и справедливого наказания. Полностью поддерживаем позицию И. Э. Звечаровского, который вполне обоснованно считает, что «стадия назначения уголовного наказания должна стать действительно центральной в уголовном преследовании лица, преступившего уголовный закон» [10, с. 52].

В отечественном уголовном праве неоднократно предпринимались попытки определить и законодательно закрепить степень влияния смягчающих или отягчающих обстоятельств на вид и размер назначаемого судом наказания [11; 12]. Так, для более полной реализации

⁴ Крук В. А. Указ. соч. – С. 19.

принципа справедливости при назначении уголовного наказания О. Ю. Бунин предложил внести в ч. 3 ст. 60 УК РФ определенные изменения, направленные на усиление внимания правоприменителей к обстоятельствам совершения преступления [13, с. 41].

Все эти предложения, безусловно, заслуживают внимания и учета, однако считаем, что для создания более действенного механизма дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности необходима принципиально новая система учета обстоятельств, характеризующих преступное деяние и лицо, его совершившее, подразумевающая максимальную конкретизацию степени влияния данных обстоятельств на вид и размер назначаемого наказания.

Например, все закрепленные в ст. 63 УК РФ отягчающие наказание обстоятельства следует разделить на три категории по степени их тяжести:

- 1) отягчающие наказание;
- 2) существенно отягчающие наказание;
- 3) особо отягчающие наказание.

Для каждой категории, по примеру ст. 68 УК РФ, необходимо разработать правила определения вида и размера назначаемого наказания. Такой же подход вполне применим и к обстоятельствам, смягчающим наказание.

Данное предложение направлено также на то, чтобы в определенной мере разгрузить и облегчить конструкции подавляющего большинства уголовно-правовых запретов Особенной части УК РФ, содержащих порой 7–8 частей (ст. 159, 2007, 204, 222 УК РФ).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы еще раз отметить, что и уголовное законодательство, и судебно-следственная практика не являются статичными явлениями, а находятся в постоянной динамике, пытаясь соответствовать все ускоряющимся темпам развития современного общества. Поэтому поиск оптимальных путей повышения эффективности уголовно-правовой защиты прав и интересов законопослушного населения никогда не теряет своей актуальности, причем это свойственно не только отечественной науке. Так, например, изучая немецкое уголовное право, А. Э. Жалинский пришел к выводу, что «в немецкой литературе даются типовые образцы алгоритма назначения наказания и характера обстоятельств, которые при этом учитываются» [14, с. 133].

Конечно, между четкими установками законодателя и правоприменительными нюансами, касающимися конкретной жизненной ситуации, непосредственно связанной с совершением преступления, должен соблюдаться определенный баланс. Мы согласны с мнением тех ученых, которые считают, что усмотрение правоприменителя при принятии уголовно-правовых решений необходимо рассматривать не как отступление от принципа законности, а как необходимый и социально оправданный элемент правоприменительной деятельности. Поэтому требуется не отказ от него, а ввод в практику определенных регуляторов, не допускающих перерастания допустимого усмотрения в произвол [15, с. 29]. Именно таким регулятором и видится система учета обстоятельств, влияющих на наказание.

Что же касается возможности существенно сократить объем законодательных конструкций уголовно-правовых запретов Особенной части УК РФ, то еще более столетия назад П. Люблинский пришел к выводу, что «нужно всегда стремиться к краткости законодательных положений, так как чем короче постановление, тем яснее оно для законодателя, судьи и гражданина» [16, с. 6].

Список литературы

1. *Философия Гегеля и современность* : монография / Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, З. М. Оруджев [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Суворов. – Москва: Мысль, 1973. – 430 с.
2. *Шавеко Н. А.* Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 368 с.
3. *Войтов А. Г.* Наука о науке: философия, метанаука, эпистемология, когнитология : монография. – Москва: Дашков и К^о, 2022. – 426 с.
4. *Наумов А. В.* Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? // *Общество и право*. – 2010. – № 5 (32). – С. 44–48.
5. *Филимонов В. Д.* Охранительная функция уголовного права : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 196 с.
6. *Орлов В. Н.* Уголовное наказание: цели, система, объекты и субъекты : монография. – Москва: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2011. – 463 с.
7. *Мицкевич А. Ф.* Уголовное наказание : понятие, цели и механизмы действия : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 327 с.
8. *Мокринский С. П.* Общее и специальное предупреждение преступлений / Наказание, его цели и предположения : [Сочинения] : Ч. 1–3. – Москва: Университетская типография, 1902. – Ч. 2. – 157 с.
9. *Спиридонов М. С.* Процессуальные условия для признания обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание // *Уголовное право*. – 2022. – № 1. – С. 45–54; https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_45.
10. *Звечаровский И. Э.* О целях уголовного наказания и их достижении // *Уголовное право*. – 2022. – № 6. – С. 48–52; https://doi.org/10.52390/20715870_2022_6_48.
11. *Донец С. П.* Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве Российской Федерации (правовая природа, классификация, проблемы учета) : монография. – Вологда: Русь, 2004. – 158 с.
12. *Векленко С. В.* О необходимости систематизации обстоятельств, отягчающих наказание / *Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию* : материалы VI Российского конгресса уголовного права, г. Москва, 26–27 мая 2011 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва: Проспект, 2011. – С. 189–191.
13. *Бунин О. Ю.* Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм : монография. – Москва: Проспект, 2006. – 128 с.
14. *Жалинский А. Э.* Современное немецкое уголовное право : монография. – Москва: Проспект, 2006. – 560 с.
15. *Кондратов П. Е.* О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений / *Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органом внутренних дел* : труды Академии. – Москва: Издательство Академии МВД СССР, 1987. – С. 28–36.
16. *Люблинский П. И.* Техника, толкование и казуистика уголовного закона. – Петроград: Типо-литография Руманова, 1917. – 268 с.

References

1. *Filosofiya Gegelya i sovremennost'* : monografiya / F. V. Konstantinov, M. B. Mitin, Z. M. Orudzhev [i dr.] ; отв. red. L. N. Suvorov. – Moskva: Mysl', 1973. – 430 s.
2. *Shaveko N. A.* Pravovoy ideal: kantianskaya traditsiya v ucheniyakh o spravedlivosti XX veka : monografiya. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2021. – 368 s.
3. *Voytov A. G.* Nauka o nauke: filosofiya, metanauka, epistemologiya, kognitologiya : monografiya. – Moskva: Dashkov i K^o, 2022. – 426 s.

4. *Naumov A. V.* Problemy kodifikatsii rossiyskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva: novyy Ugolovnyy kodeks ili novaya redaktsiya Kodeksa? // *Obshchestvo i pravo*. – 2010. – № 5 (32). – S. 44–48.
5. *Filimonov V. D.* Okhranitel'naya funktsiya ugolovnogogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 196 s.
6. *Orlov V. N.* Ugolovnoye nakazaniye: tseli, sistema, ob"yekty i sub"yekty : monografiya. – Moskva: MGYUA im. O. Ye. Kutafina, 2011. – 463 s.
7. *Mitskevich A. F.* Ugolovnoye nakazaniye : ponyatiye, tseli i mekhanizmy deystviya : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2005. – 327 s.
8. *Mokrinskiy S. P.* Obshcheye i spetsial'noye preduprezhdeniye prestupleniy / Nakazaniye, yego tseli i predpolozheniya : [Sochineniya] : Ch. 1–3. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1902. – Ch. 2. – 157 s.
9. *Spiridonov M. S.* Protsessual'nyye usloviya dlya priznaniya obstoyatel'stv, smyagchayushchikh ili otyagchayushchikh nakazaniye // *Ugolovnoye pravo*. – 2022. – № 1. – S. 45–54; https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_45.
10. *Zvecharovskiy I. E.* O tselyakh ugolovnogogo nakazaniya i ikh dostizhenii // *Ugolovnoye pravo*. – 2022. – № 6. – S. 48–52; https://doi.org/10.52390/20715870_2022_6_48.
11. *Donets S. P.* Smyagchayushchiye i otyagchayushchiye obstoyatel'stva v ugolovnom prave Rossiyskoy Federatsii (pravovaya priroda, klassifikatsiya, problemy ucheta) : monografiya. – Vologda: Rus', 2004. – 158 s.
12. *Veklenko S. V.* O neobkhodimosti sistematizatsii obstoyatel'stv, otyagchayushchikh nakazaniye / *Ugolovnoye pravo: istoki, realii, perekhod k ustoychivomu razvitiyu* : materialy VI Rossiyskogo kongressa ugolovnogogo prava, g. Moskva, 26–27 maya 2011 g. / otv. red. V. S. Komissarov. – Moskva: Prospekt, 2011. – S. 189–191.
13. *Bunin O. Yu.* Realizatsiya printsipa spravedlivosti pri ustanovlenii sanktsiy ugolovno-pravovykh norm : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2006. – 128 s.
14. *Zhalinskiy A. E.* Sovremennoye nemetskoye ugolovnoye pravo : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2006. – 560 s.
15. *Kondratov P. Ye.* O predelakh usmotreniya pravoprimeritelya v protsesse prinyatiya ugolovno-pravovykh resheniy / Aktual'nyye problemy primeneniya ugolovnogogo zakonodatel'stva v deyatel'nosti organom vnutrennikh del : trudy Akademii. – Moskva: Izdatel'stvo Akademii MVD SSSR, 1987. – S. 28–36.
16. *Lyublinskiy P. I.* Tekhnika, tolkovaniye i kazuistika ugolovnogogo zakona. – Petrograd: Tipolitografiya Rumanova, 1917. – 268 s.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 4, 2024; approved after reviewing December 2, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-132-142>

Ольга Игоревна Даровских

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8964-2362>, darovskikhoi@gmail.com

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Светлана Михайловна Даровских

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-2008-0250>, darsvet@mail.ru

Вопросы дифференциации досудебного производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан

Аннотация: Цель – выявить и обосновать отличие досудебного производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан от обычного порядка производства предварительного расследования, предложить несколько иной порядок уголовного судопроизводства, позволяющий осуществлять данное производство эффективно и говорить о дифференциации уголовно-процессуальной формы данного производства. **Методология.** Используются диалектический метод, метод системно-структурного анализа, формально-логический метод, сравнительный метод. **Выводы** – досудебное производство по уголовным делам в отношении иностранных граждан имеет отличия от обычного производства, что позволяет отнести его к дифференцированным формам и критично подойти к некоторым высказанным в науке иным мнениям ученых. **Научная и практическая значимость** – обоснованные положения о наличии особенностей при производстве по уголовным делам в отношении иностранных граждан дополняют предлагаемую учеными теоретическую модель предварительного расследования по данной категории дел и присутствующее в доктрине мнение о целесообразности дифференциации производства по уголовным делам данной категории. С практической точки зрения применение разработанных предложений и внесение их в уголовно-процессуальное законодательство позволит повысить эффективность предварительного расследования.

Ключевые слова: иностранные граждане, дифференциация, предварительное расследование

Для цитирования: Даровских О. И., Даровских С. М. Вопросы дифференциации досудебного производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 132–142; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-132-142>.

Original article

Olga I. Darovskikh

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8964-2362>, darovskikhoi@gmail.com

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Svetlana M. Darovskikh

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-2008-0250>, darsvet@mail.ru

Issues of differentiation of pre-trial criminal proceedings against foreign nationals

Abstract: The aim is to identify and substantiate the difference between pre-trial proceedings in criminal cases against foreign citizens and the usual procedure of preliminary investigation, to propose a slightly different procedure of criminal proceedings, which allows to carry out these proceedings effectively and to talk about the differentiation of the criminal procedural form of these proceedings. **Methodology.** Dialectical method, method of system-structural analysis, formal-logical method, comparative method were used. **Conclusions.** Pre-trial proceedings in criminal cases against foreign citizens have differences from ordinary proceedings, which makes it possible to attribute it to differentiated forms and critically approach some of the other opinions of scientists expressed in science. **Scientific and practical significance.** The substantiated provisions on the presence of peculiarities in criminal proceedings in respect of foreign citizens complement the theoretical model of preliminary investigation in this category of cases proposed by scientists and the opinion in the doctrine about the expediency of differentiation of proceedings in criminal cases of this category. From a practical point of view, the application of the developed proposals and their introduction into the criminal procedural legislation will increase the effectiveness of preliminary investigation.

Keywords: foreign citizens, differentiation, preliminary investigation

For citation: Darovskikh O. I., Darovskikh S. M. Issues of differentiation of pre-trial criminal proceedings against foreign nationals // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 132–142; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-132-142>.

Введение

С годами количество иностранных граждан, прибывающих в Россию из других стран в поисках лучшей жизни, работы, заработков, не уменьшается. Это порождает целый ряд проблем, в т. ч. связанных с производством по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами либо совершенных в отношении данных лиц. По данным статистики о состоянии преступности в России за 2022 год почти 37 тысяч преступлений совершено иностранными гражданами, что больше, чем в 2021 году, на 6,7 %. Выросло на 2,9 % количество преступлений и в отношении иностранных граждан. Оно составило в прошедшем году более 15 тысяч¹.

---

¹ Состояние преступности в России : за январь – ноябрь 2022 года [Электронный ресурс]. – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 03.05.2024).

Аналитики отмечают резкий рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных иностранными гражданами – на 72 %, а также рост тяжких преступлений, таких как убийства и причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Ученые указывают и на отдельные регионы, где доля преступлений, совершенных мигрантами из других стран, намного выше, чем в среднем по стране – это Москва, Санкт-Петербург и Московская область². Ситуация осложняется еще и тем, что преступлений, совершенных организованными группами, стало больше. Одно из последних громких преступлений, совершенных группой хорошо подготовленных и вооруженных иностранных граждан, – террористический акт в городе Красногорске в ТРК «Крокус Сити», где по данным открытых источников погибли более 140 человек и пострадали более 500³.

Расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами, имеет свою специфику, не всегда учитываемую правоприменителями, допускающими в связи с этим нарушения, влияющие на конечный результат их деятельности. Данные обстоятельства указывают на необходимость обращения к вопросам, связанным с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок привлечения к ответственности иностранных граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации, а также совершенствование порядка защиты указанных лиц, пострадавших от преступлений.

Обращаясь к данной теме, некоторые ученые используют в своих работах такие формулировки, как «иностраный элемент» или «уголовное дело с иностранным элементом»⁴. Такой подход к определению участников процесса нам представляется не совсем корректными. Считаем также недопустимым в тексте закона либо в уголовно-процессуальных документах использовать термин «иностранец» вместо термина «иностраный гражданин».

Понятие «иностраный гражданин» охватывает лиц, находящихся на территории России, являющихся гражданами иного государства и не имеющих гражданства Российской Федерации. Законодатель, исходя из содержания ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УПК РФ), выделяет две группы иностранных граждан: это лица, совершившие преступления на территории Российской Федерации, обладающие иммунитетом, и иностранные граждане, иммунитетом не обладающие. Поскольку процессуальный статус указанных лиц существенным образом различается и различия касаются достаточно важных вопросов, таких как реализация принципов уголовного судопроизводства, процессуальных гарантий, различных нормативно-правовых актов, регулирующих порядок производства по делам указанной категории, наша статья посвящена вопросам реализации прав только тех иностранных граждан, которые иммунитетом не обладают.

Методы и результаты

Уголовное судопроизводство в отношении иностранных граждан, не обладающих иммунитетом, имеет ряд особенностей. Некоторые из них ранее уже рассматривались учеными, выделявшими как теоретические, так и практические моменты⁶.

В первую очередь это относится к дискуссии, возникшей в научных кругах по вопросу возможности отнесения производства по уголовным делам в отношении или с участием

² Количество преступлений в России в 2022 году сократилось на 2 % (Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 14.05.2024).

³ 30 марта INTERFAX.RU сообщил, что число погибших во время теракта в зале подмосковного Crocus City Hall увеличилось до 144 человек, еще 551 человек пострадал, сообщила пресс-служба ГУ МЧС РФ по Московской области в субботу // Интерфакс.ру : сетевое издание. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/953248> (дата обращения: 14.05.2024).

⁴ Иващук В. К. Расследование преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 18 ; Иванова Т. Д. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2015. – С. 7, 15–16.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁶ Иванова Т. Д. Указ. соч. – С. 12.

иностранных граждан к дифференцированным формам. Относительно уголовно-процессуальной деятельности процессуальная форма проявляется как совокупность общих условий либо требований, установленных законодателем, которые обеспечивают порядок производства по уголовному делу в целях расследования обстоятельств дела, выявления виновных и обеспечения прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

Под дифференциацией процессуальной формы предварительного расследования мы понимаем закрепленный в уголовно-процессуальном законе, измененный общепринятый порядок правовой организации предварительного расследования, вызванный необходимостью применения несколько иного способа урегулирования уголовно-процессуальных отношений. На форму уголовного судопроизводства оказывают влияние различные факторы, например, как писал еще М. Л. Якуб, «степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания, предусмотренная законом; степень сложности дел данной категории в разрешении как фактической, так и правовой стороны; общественно-политическое значение дел определенной категории (какие формы в наибольшей мере способствуют воспитательному и предупредительному воздействию процесса); значение преступления для интересов отдельных лиц, тех или иных ведомств, организаций и предприятий» [1, с. 103].

Указанный перечень расширен законодателем, выделившим категорию лиц, в отношении которых уголовные дела рассматриваются в несколько измененном порядке. Это, например, несовершеннолетние, либо лица, указанные в главе 52 УПК РФ. Данный перечень дополняет также измененный состав суда, к подсудности которого отнесено рассмотрение конкретного уголовного дела, например, суд с участием присяжных заседателей.

Данный подход к изменению порядка уголовного судопроизводства не случаен и вполне оправдан, т. к. общество понимает, что разные обстоятельства, в рамках которых совершаются преступные деяния, разные субъекты, совершающие преступления, требуют и различного подхода при расследовании данных событий, и учета особенностей совершенных преступлений и лиц, их совершивших. Продуманное, взвешенное изменение формы уголовного судопроизводства, ее совершенствование и правильная реализация введенных законодателем условий производства обеспечивают эффективность процессуальной деятельности, которая проявляется в оптимизации судопроизводства его качества, экономичности, законности, своевременности и пр. Ученые отмечают, что подобные изменения приводят либо к усложнению сложившегося порядка производства по уголовным делам определенных категорий (ярким примером является появление судов с участием присяжных заседателей), либо к его упрощению. К такому выводу позволяют прийти главы 40 и 40.1 УПК РФ.

В науке не сложилось единого мнения относительно того, какие изменения и какой их объем следует считать дифференциацией. По этому поводу сложились два методологических подхода. Так, А. С. Кобликов [2], Х. У. Рустамов⁷, В. О. Воскресенский [3], Н. И. Снегирева [4] полагают, что дифференциацией можно считать любые, даже единичные изменения в порядке осуществления предварительного расследования. С другой стороны, Н. С. Манова [5], Т. В. Трубникова [6], М. М. Головинский и И. В. Головинская [7], М. С. Кесаева и С. В. Власова [8], М. С. Строгович [9] указывали на существенные отличия, качественные критерии производства. К существенным отличиям в процедуре уголовно-процессуальной деятельности, как считает Н. С. Манова, можно отнести «отличия по степени сложности процессуальной формы того или иного производства, которые определяют его качественное отличие от других процессуальных форм этого же вида производства и в конечном итоге ведут к конструированию самостоятельной процедуры» [5, с. 50]. Мы склоняемся к первому варианту и полагаем, что не только существенные изменения позволяют говорить о дифференцированной форме предварительного расследования, но и иные

⁷ Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1997. – 339 с.

изменения в порядке осуществления предварительного расследования вне зависимости от того, какой объем они занимают и насколько отличают новую процедуру от обычного порядка. Такой подход совпадает с нашим представлением о сущности дифференциации как особом порядке правовой организации предварительного расследования, вызванном необходимостью разнообразного урегулирования уголовно-процессуальных отношений. Даже незначительные правки могут изменить процедуру следственного действия, причем независимо от того, насколько они влияют на качество и содержание предварительного расследования или судебного разбирательства и его результат. Это может быть изменение хода осуществления данной деятельности, изменение последовательности действий, порядка осуществления следственных действий, условий производства в конкретной стадии, влечет изменение порядка и, следовательно, изменение уголовно-процессуальной формы. В этом случае можно говорить о дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Что касается конкретно производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и в отношении иностранных граждан, то мнения ученых также неоднозначны. Н. А. Жукова утверждает, что «основанием для дифференциации формы производства по уголовным делам с участием иностранных граждан является не гражданство, а наличие либо отсутствие дипломатического или иного иммунитета от уголовной юрисдикции Российской Федерации» [10, с. 14; 11], т. е., по ее мнению, производство в отношении иностранных граждан, не обладающих дипломатическим иммунитетом, относить к дифференцированным формам нецелесообразно, с чем мы согласиться не можем. Е. А. Нагаев высказывал иное мнение, обосновывая необходимость дифференциации процессуальной формы уголовного судопроизводства применительно к делам с участием иностранных граждан⁸. Аналогичной точки зрения придерживается и Т. Ю. Филиппова, утверждая, что «особенности, присущие процессу расследования уголовных дел данной категории, указывают на их усложнение» [12, с. 27]. Мы разделяем мнение об отнесении производства в отношении иностранных граждан к дифференцированной процессуальной форме и считаем необходимым обратить внимание на следующее.

Применимо к производству по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и в отношении иностранных граждан, не обладающих дипломатическим иммунитетом, уголовно-процессуальный закон, не выделяет какие-либо особенности. В статье 3 УПК РФ законодатель подчеркивает, что производство в отношении данных лиц ведется по правилам действующего закона. Однако следует учитывать, что деятельность правоохранительных органов по уголовным делам иностранных граждан, регулируется не только уголовно-процессуальным законом, но и ведомственными приказами Генерального прокурора Российской Федерации, приказами МВД России, а также международными и консульскими договорами и конвенциями, в которых и указаны особенности, сопровождающие порядок расследования дел данной категории. Отсутствие в УПК РФ указаний на необходимость соблюдения данных особенностей создает определенные трудности для правоприменителей, поэтому некоторые ученые [12; 13] считают, что вполне приемлемо ряд положений, изложенных в указанных нормативных актах, ввести в текст федерального закона⁹. Учитывая необходимость применения положений, касающихся правового статуса иностранных граждан, указанных в различных нормативных актах, их объемность, особенности применимо к гражданам различных стран, что не позволяет детально изложить все необходимые требования в тексте закона, полагаем, что предложение о введении в текст УПК РФ только отдельных наиболее существенных положений следует поддержать.

⁸ Нагаев Е. А. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1999. – С. 16.

⁹ Иванова Т. Д. Указ. соч. – С. 12.

Изучение уголовных дел с участием иностранных граждан позволяет выявить особенности производства предварительного расследования по таким делам.

Во-первых, перечень обстоятельств, входящих в предмет доказывания, должен быть несколько изменен по сравнению с положениями ч. 1 ст. 73 УПК РФ. По уголовным делам в отношении иностранных граждан обязательно подлежат доказыванию: статус гражданина, т. е. распространяется ли на него дипломатический иммунитет; законность его пребывания на территории Российской Федерации; наличие миграционной карты; сроки пребывания; обстоятельства, характеризующие личность, но с указанием данных не только в период пребывания в России, но и в стране, откуда он прибыл, например, где и кем работал, где проживал, семейное положение, был ли судим на территории другого государства и другие данные.

Во-вторых, производящие расследование должностные лица правоохранительных органов вынуждены по возможности сокращать установленные законом сроки расследования, обеспечивая тем самым возможность проведения всех необходимых следственных и процессуальных действий в период пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации до его возможного убытия за пределы России. Поэтому было бы правильным на законодательном уровне зафиксировать иные требования к срокам производства расследования по делам с участием иностранных граждан, учитывая такие особенности преступного деяния, как степень общественной опасности, наличие группы лиц и пр.

В-третьих, в соответствии с ч. 3 ст. 96 УПК РФ в случае задержания лица, являющегося гражданином другого государства, о его задержании незамедлительно должно быть уведомлено соответствующее посольство или консульство. Сроки и порядок уведомления в УПК РФ не указаны, что не позволяет выработать единообразный подход по этому вопросу, ставит правоприменителей в затруднительное положение и препятствует эффективно расследованию. Некоторыми международными двухсторонними договорами (Консульскими конвенциями) данный вопрос урегулирован [14]. Например, в ст. 38 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Казахстан¹⁰ срок уведомления определен тремя сутками, а посещение лица гражданина соответствующего иностранного государства представителем консульства возможно уже в течение четырех дней со времени уведомления об аресте, задержания или лишения свободы в иной форме гражданина представляемого государства. В Консульских конвенциях с другими странами эти сроки и уведомления о содержании и посещения лица задержанного или заключенного под стражу могут отсутствовать либо быть иными, например в конвенции с Королевством Норвегия¹¹ этот срок не указан, а в конвенции с Турецкой Республикой¹² в п. 1 и 2 ст. 42 срок уведомления о задержании определен не позднее 5 суток, а первое посещение данного лица возможно не позднее 7 суток после его ареста или задержания. Конвенция с Албанией¹³ в ч. 1 ст. 41 содержит только положение о том, что уведомление о задержании должно быть направлено в кратчайшие сроки не позднее 72 часов, однако сроки возможного посещения задержанного или арестованного не конкретизированы, только указано, что незамедлительно.

Данные примеры позволяют говорить о нарушении конституционного принципа равноправия всех перед законом и судом (что проявляется при совершении преступлений гражданами различных государств), а также подтверждают целесообразность исключения

¹⁰ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Ратифицирована 9 августа 1995 г. // СЗ РФ. – 1997. – № 34. – Ст. 3949.

¹¹ Консульская конвенция между СССР и Королевством Норвегии (вместе с «Протоколом к Консульской конвенции...») (заключена в г. Осло 07.12.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Москва, 1976. – Вып. XXX. – С. 77–89.

¹² Консульская конвенция между СССР и Турецкой Республикой (вместе с «Дополнительным протоколом к Консульской конвенции...») (заключена в г. Анкаре 27.04.1988) // Сборник международных договоров СССР. – Москва, 1991. – Вып. XLV. – С. 100–119.

¹³ О подписании Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Албанией : распоряжение Президента Российской Федерации от 23 июля 1993 г. № 509-рп // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 31. – Ст. 2962.

указанных разночтений, что можно сделать в тексте УПК РФ, ориентируясь на наикратчайшие сроки, указанные в конвенциях, и путем ведения в текст закона нормы, регулирующей данные вопросы. Все это будет способствовать своевременному и качественному предварительному расследованию дел данной категории.

В-четвертых, права задержанному или обвиняемому, в т. ч. и иностранному гражданину, разъясняются одновременно с предъявлением соответствующих документов: протокола задержания, уведомления о подозрении или постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Участнику процесса, в первую очередь иностранному гражданину, сложно одновременно сосредоточить свое внимание на всех важных вопросах, содержащихся в этих документах: причине задержания, существе предъявляемого обвинения, а также выслушать или прочитать и разобраться в предоставляемых ему правах. Данные процессуальные действия для иностранного гражданина осложняются еще и тем, что взаимодействие со следователем в большинстве случаев происходит с помощью переводчика, который может не знать либо затрудняться с последовательным переводом юридического термина на язык, на который он переводит. Именно поэтому полагаем, что было бы правильно права иностранному гражданину разъяснять отдельно и фиксировать данное действие в отдельном процессуальном документе, составляемом в двух экземплярах, один из которых должен находиться в уголовном деле, а второй, переведенный на тот язык, которым иностранный гражданин свободно владеет, выдаваться ему на руки.

В-пятых, иностранных граждан, совершивших преступление и втянутых в орбиту уголовно-процессуальной деятельности, отличает, за редким исключением, низкая социализация, т. е. уровень адаптации определенного лица в стране пребывания к обществу, его культуре, обычаям. Как правило, иностранные граждане общаются с представителями своей национальности, русский язык используют только в случаях крайней необходимости, что существенно ограничивает круг возможностей этого лица, в т. ч. и влиять на обстоятельства, связанные с привлечением его в качестве подозреваемого или обвиняемого. В первую очередь это касается возможности выбора адвоката. В связи с этим следует отметить, что, согласно ч. 5, 6 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁴, «адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства. Они обязаны зарегистрироваться федеральным органом исполнительной власти в области юстиции в специальном реестре, порядок ведения, которого определяется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти»¹⁵. Полагаем, что указание на то, что адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь по вопросам права соответствующего иностранного государства, на наш взгляд, не может рассматриваться препятствием для их участия в уголовном судопроизводстве России. Доводы в пользу данного утверждения могут быть предметом отдельного исследования, и нам не хотелось бы на них в данной работе, останавливаться. Достаточно отметить, что любые сомнения в целесообразности участия в процессе адвоката иностранного государства по признаку отсутствия знаний российского законодательства отпадают, если в процесс будет введен еще и российский адвокат-защитник по назначению или соглашению, который и обеспечит законность действий и принимаемых решений как следователем, так и подозреваемым, обвиняемым. Данное предложение не противоречит действующему законодательству, которое допускает участие в процессе нескольких защитников и гарантирует право обвиняемого на выбор защитника по своему усмотрению, а также позволяет наряду с адвокатом по постановлению суда допускать в качестве защитников родственника либо иное лицо, о котором ходатайствует обвиняемый.

¹⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

¹⁵ Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по ведению реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации : приказ Минюста России от 31 июля 2012 г. № 151 (ред. от 09.08.2023) (зарег. в Минюсте России 14.08.2012, № 25181) // Министерство юстиции Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7881/> (дата обращения: 12.05.2024).

Можно выделить и иные особенности производства [5] по уголовным делам с участием иностранных граждан, на которые уже обращали внимание ученые, например, необходимость реализации дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов¹⁶. Это касается сложности нахождения незаинтересованного переводчика [15–17], присутствие которого при производстве процессуальных и следственных действий связано с обязательностью реализации принципа языка уголовного судопроизводства, позволяющего участникам процесса пользоваться языком, которым они владеют, а также отсутствием профессиональных переводчиков в большинстве регионов страны. В связи с этим следователи приглашают в качестве переводчика иностранных граждан – земляков обвиняемого, подозреваемого, в незаинтересованности которых и в правильности перевода возникают сомнения.

Увеличение миграционной активности населения, расширение международных связей, рост количества преступлений, совершенных иностранными гражданами, способствовали появлению в доктрине мнения о целесообразности выделения международного уголовно-процессуального права в самостоятельную отрасль права¹⁷. Не считаем, что с данным предложением можно согласиться. В качестве доводов можно привести следующие. Теория права под отраслью права понимает наиболее крупные центральные звенья структуры права, охватывающие основные качественно особые виды общественных отношений, требующие своеобразного правового регулирования, которое выражается в особом предмете и специфическом методе. Что касается производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан, то здесь вряд ли можно говорить как об особом предмете, так и особом методе регулирования.

Что касается предмета правового регулирования, взаимоотношения иностранного гражданина и государства при совершении данным лицом преступления не отличаются от взаимоотношений, возникающих при подобных обстоятельствах между государством (в данном случае Российской Федерацией) и ее гражданином, либо лицом без гражданства. Правоохранительные органы используют те же средства, способы, приемы, следственные и процессуальные действия, которые они применяют при расследовании преступлений, совершенных гражданами России. При этом основополагающим методом воздействия, применяемым правоохранительными органами, выступает императивный метод, основанный на запретах, обязанностях, наказаниях, который в основном и применяется при осуществлении предварительного расследования. Однако следует согласиться с тем, что отношения, в которых одной из сторон выступает гражданин иностранного государства, имеют ряд особенностей, которые были нами рассмотрены и которые позволяют говорить об отдельном институте, т. е. группе норм, взаимосвязанных между собой, регулирующих относительно самостоятельную группу общественных отношений, объединенных одним субъектом, гражданином иностранного государства. Указанная особенность позволяет говорить и о дифференциации уголовного судопроизводства в отношении преступлений, совершенных иностранными гражданами, и целесообразности выделения норм, регулирующих указанные отношения, в отдельную главу.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, сформулируем основные выводы.

Производство по уголовным делам в отношении иностранных граждан содержит ряд особенностей, и именно поэтому большинство авторов научных работ поддерживают необходимость дифференциации производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан. Разделяя данное мнение, полагаем, что для достижения эффективности производства по уголовным делам данной категории необходимо оптимизировать существующий ныне порядок уголовно-процессуальной деятельности. В текст уголовно-процессуального закона целесообразно ввести ряд требований, которые позволят выявить все обстоятельства, характерные для конкретного уголовного дела, обеспечат соблюдение принципов уголовного судопроизводства и защиту прав и законных интересов участвующих в процессе лиц, а правоприменителям – достичь желаемых результатов.

¹⁶ Иванова Т. Д. Указ. соч. – С. 12.

¹⁷ Иващук В. К. Указ. соч. – С. 10.

В связи с изложенным предлагаем следующее.

Во-первых, считаем возможным поддержать уже высказанные в науке предложения относительно закрепления порядка производства по делам иностранных граждан в уголовно-процессуальном законе отдельной главой 52.1. «Производство по уголовным делам в отношении иностранных граждан», тем самым подтвердив особенность процессуальной формы производства по таким делам.

Во-вторых, в данную главу наряду с нормами, регулирующими порядок производства по уголовным делам иностранных граждан, обладающих иммунитетом, могут быть включены статьи следующего содержания:

«Статья 452. Порядок производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан

1. Требования настоящей главы применяются по уголовным делам в отношении иностранных граждан.

2. Производство по уголовному делу о преступлениях иностранных граждан осуществляются в общем порядке, установленном настоящим Кодексом, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой.

Статья 452.1 Обстоятельства, подлежащие установлению

При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлениях, совершенных иностранным гражданином, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются:

1) статус гражданина, т. е. распространяется ли на него дипломатический иммунитет;

2) законность его пребывания на территории Российской Федерации;

3) наличие миграционной карты;

4) сроки пребывания;

5) информация, из какой страны он прибыл, где и кем работал, где проживал, семейное положение, был ли судим на территории другого государства, владеет ли языком судопроизводства и иные данные.

Статья 452.2 Задержание иностранного гражданина подозреваемого, обвиняемого

1. Задержание иностранного гражданина, а также применение в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу производится в порядке, установленными статьями 91, 97, 99, 100 и 108 настоящего Кодекса.

2. В срок не позднее 3 суток о его задержании должно быть уведомлено соответствующее посольство или консульство.

3. Посещение задержанного лица представителем посольства либо консульства возможно в течение 4 суток со времени уведомления об аресте, задержании или лишении свободы в иной форме, но не позднее 7 суток с момента его фактического задержания.

Статья 452.3 Участие защитника в ходе досудебного производства по уголовному делу

1. Защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым либо иным лицом по их просьбе, либо с их согласия.

2. В качестве защитников могут быть приглашены как адвокаты в соответствии с положениями настоящего Кодекса, так и адвокаты страны, гражданином которой является подозреваемый, обвиняемый».

Список литературы

1. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – Москва: Юридическая литература, 1981. – 144 с.

2. Кобликов А. С. Задачи уголовного судопроизводства и проблемы дифференциации // Социалистическая законность. – 1975. – № 4. – С. 68–70.

3. Воскресенский В. О. Проблемы доказывания обвинения // Российская юстиция. – 1995. – № 4. – С. 3–5.

4. Снигирева Н. И. К вопросу об отраслевой дифференциации советского трудового законодательства // Советское государство и право. – 1964. – № 11. – С. 83–91.

5. Манова Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм : [монография] / под ред. В. М. Корнукова. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. – 224 с.

6. Трубникова Т. В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 127–133.

7. Головинская И. В., Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве : монография. – Владимир, 2011. – 192 с.

8. Власова С. В., Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 200 с.

9. Строгович М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.

10. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации : монография. – Белгород: ООНИ и РИД Белгородского юридического института МВД России, 2006. – 96 с.

11. Жукова Н. А., Кононцов В. И. Особенности возбуждения уголовных дел с участием иностранцев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2011. – № 1. – С. 7–11.

12. Филиппова Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан : монография / под ред. Б. Б. Булатова. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 188 с.

13. Сизов А. А. Особенности доступного производства по делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами : монография. – Курск: Учитель, 2007. – 200 с.

14. Беспамятнов Р. В. Двусторонние международные договоры, используемые при расследовании преступлений, совершенных иностранными гражданами и в отношении них // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 102-3. – С. 45–47; <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2023-135>.

15. Атабекова А. А. Переводчик в уголовном процессе РФ и зарубежных стран : монография. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2018. – 175 с.

16. Галимов Э. Э., Иванов И. В. Особенности производства следственных действий с участием иностранных граждан // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 29. – С. 641–647.

17. Поляков М. П., Ламтева А. В. Функция переводчика в уголовном процессе : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 226 с.

References

1. Yakub M. L. Protsessual'naya forma v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1981. – 144 s.

2. Koblikov A. S. Zadachi ugolovного sudoproizvodstva i problemy differentsiatsii // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1975. – № 4. – С. 68–70.

3. Voskresenskiy V. O. Problemy dokazyvaniya obvineniya // Rossiyskaya yustitsiya. – 1995. – № 4. – С. 3–5.

4. Snigireva N. I. K voprosu ob otraslevoy differentsiatsii sovetskogo trudovogo zakonodatel'stva // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1964. – № 11. – С. 83–91.

5. Манова Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм : [монография] / под ред. В. М. Корнукова. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. – 224 с.

6. Трубникова Т. В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 127–133.

7. Головинская И. В., Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве : монография. – Владимир, 2011. – 192 с.

8. *Vlasova S. V., Kesayeva M. S.* Problemy garmonizatsii ugovolno-protsessual'nykh garantiy prav lichnosti i differentsiatsii form dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2019. – 200 s.
9. *Strogovich M. S.* O yedinoy forme ugovolnogo sudoproizvodstva i predelakh yeye differentsiatsii // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. – 1974. – № 9. – S. 50–53.
10. *Zhukova N. A.* Proizvodstvo po ugovolnym delam s uchastiyem inostrannykh grazhdan v dosudebnykh stadiyakh v Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – Belgorod: OONI i RID Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2006. – 96 s.
11. *Zhukova N. A., Konontsov V. I.* Osobennosti vozbuzhdeniya ugovolnykh del s uchastiyem inostrantsev // *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti*. – 2011. – № 1. – S. 7–11.
12. *Filippova T. Yu.* Osobennosti primeneniya rossiyskogo ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v otnoshenii inostrannykh grazhdan : monografiya / pod red. B. B. Bulatova. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 188 s.
13. *Sizov A. A.* Osobennosti dostupnogo proizvodstva po delam o prestupleniyakh, sovershayemykh inostrannymi grazhdanami : monografiya. – Kursk: Uchitel', 2007. – 200 s.
14. *Bespamyatnov R. V.* Dvustoronniye mezhdunarodnyye dogovory, ispol'zuyemyye pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh inostrannymi grazhdanami i v otnoshenii nikh // *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2023. – № 102-3. – S. 45–47; <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2023-135>.
15. *Atabekova A. A.* Perevodchik v ugovolnom protsesse RF i zarubezhnykh stran : monografiya. – Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2018. – 175 s.
16. *Galimov E. E., Ivanov I. V.* Osobennostey proizvodstva sledstvennykh deystviy s uchastiyem inostrannykh grazhdan // *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye*. – 2021. – № 29. – S. 641–647.
17. *Polyakov M. P., Lamteva A. V.* Funktsiya perevodchika v ugovolnom protsesse : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 226 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted May 17, 2024; approved after reviewing October 22, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-143-151>

Павел Васильевич Елфимов

доктор медицинских наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0007-7798-9362>, pvelfimov47@mail.ru

Ольга Павловна Виноградова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>, olga10vin@mail.ru

Уральский юридический институт МВД России

Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Официальное место захоронения как источник доказательственной информации для производства эксгумации

Аннотация: Введение. Согласно ч. 3 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, эксгумация производится для извлечения трупа из места захоронения, но непосредственно в законе официальный характер места захоронения не указан. Это обстоятельство дает некоторым ученым возможность расширять критерии места проведения эксгумации. Однако такой подход противоречит самой сути эксгумации, поскольку столь широкое понимание места захоронения делает невозможным определение границ эксгумации. Главным условием фиксации таких границ является официальное место захоронения. **Методы:** методологическую основу исследования представляют сравнительный и системно-структурный анализ, изучение и синтез литературы, которые нашли свое отражение непосредственно в достижении выдвигаемой цели исследования и решении поставленных задач, а именно в синтезе структурных элементов следственной деятельности, анализе организации расследования на первоначальном этапе, а также установлении структурных связей между элементами системы взаимодействия следователя с органом дознания. Авторами применялся деятельностный методологический подход, также были использованы общенаучные методы исследования (системно-структурный анализ, метод диалектического познания). **Результаты.** Очевидно, что с учетом повышенного психотравмирующего характера данного следственного действия требуется на теоретическом уровне уточнить, для получения каких значимых для доказывания сведений извлечение трупа действительно необходимо, а в каких можно ограничиться имеющимися доказательствами. Некачественное производство эксгумации может привести к постановке вопроса о повторном извлечении трупа, что крайне нежелательно. Необходимо уточнить на теоретическом уровне специфику отдельных положений и оснований эксгумации, отличающую ее от иных следственных действий.

Ключевые слова: основания эксгумации, следственные действия, место захоронения, морально-этические аспекты, уголовное судопроизводство, заключение эксперта

Для цитирования: Елфимов П. В., Виноградова О. П. Официальное место захоронения как источник доказательственной информации для производства эксгумации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 143–151; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-143-151>.

Original article

Pavel V. Elfimov

Dr. Sci. (Med.), Professor

<https://orcid.org/0009-0007-7798-9362>, pvelfimov47@mail.ru

Olga P. Vinogradova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0000-1908-6930>, olga10vin@mail.ru

Ural Institute of the MIA of Russia

66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Official burial place as a source of evidentiary information for exhumation proceedings

Abstract: Introduction. According to part 3 of article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, exhumation is carried out to remove a corpse from the place of burial, but the law does not directly specify the official nature of the place of burial. This circumstance gives some researchers the opportunity to expand the criteria of the place of exhumation. However, this approach contradicts the very essence of exhumation, as such a broad understanding of the burial place makes it impossible to define the boundaries of exhumation. The main condition for fixing such boundaries is the official place of burial. **Methods:** the methodological basis of the research is represented by comparative and system-structural analysis, study and synthesis of the literature, which were reflected in solving the stated research objective and tasks, namely in the synthesis of structural elements of investigative activity, analysis of the organisation of investigation at the initial stage, as well as the establishment of structural links between the elements of the system of interaction between the investigator and the body of enquiry. The authors applied the activity methodological approach and used general scientific methods of research (system-structural analysis, method of dialectical cognition). **Results.** Taking into account the high psychologically traumatising nature of such an investigative action, it is required to theoretically clarify what kind of information is really necessary for performing the exhumation of a corpse, and what kind of information is sufficient due to the available evidence. Poor quality of exhumation may lead to the question of re-exhumation of the corpse, which is highly undesirable. It is necessary to clarify at the theoretical level the specificity of certain provisions and reasons of exhumation, which distinguishes it from other investigative actions.

Keywords: reasons for exhumation, investigative actions, place of burial, moral and ethical aspects, criminal proceedings, expert opinion

For citation: Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Official burial place as a source of evidentiary information for exhumation proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 143–151; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-143-151>.

Введение

В Российской Федерации уважение чести и достоинства личности провозглашено в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ)). Законодательное содержание принципа уважения чести и достоинства сводится к запрету осуществления в ходе уголовного судопроизводства действий, унижающих честь участников уголовно-процессуальной деятельности,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

а также к недопустимости обращения, унижающего человеческое достоинство либо создающего опасность для жизни и здоровья тех или иных лиц (ч. 1 ст. 9 УПК РФ).

В теории обосновывается, что рассматриваемый принцип включает в себя также некоторые иные положения (обязательность разъяснения прав участникам судопроизводства, возможность обжалования действия и решений органов уголовного судопроизводства и т. п.) [1, с. 32; 2, с. 17–18; 3, с. 22–23; 4, с. 13–16; 5, с. 145–146]. При этом уважение чести и достоинства – не столько юридическая, сколько нравственная категория, которая характеризует прежде всего морально-этические аспекты отношения к человеку в ходе уголовного судопроизводства [6, с. 98–99]. Указанные положения должны исполняться при производстве следственных действий, базирующихся на государственном принуждении, подразумевающих вторжение в сферу частной жизни человека, его личные и семейные тайны.

Нетрудно заметить, что и действующее законодательство, и доктринальные взгляды ученых включают в содержание принципа уважения чести и достоинства человека прежде всего соответствующее отношение к участникам уголовно-процессуальной деятельности. Однако представляется, что понимание сути указанного принципа может и должно быть расширено за счет уважения к памяти умерших лиц. С одной стороны, отношение к памяти умерших представляет собой показатель цивилизованности общества, это своего рода самоценность, свидетельствующая о способности общества ощущать себя единым живым развивающимся организмом, сохраняющим при этом преемственность поколений. С другой стороны, отношение к умершим, к памяти о них затрагивает интересы конкретных живых лиц – родных и близких покойного. Очевидно, что в отличие от многих других следственных действий неоднократная эксгумация не только затруднена сугубо с технической точки зрения, но и недопустима по морально-этическим соображениям. Для эксгумации уважительное отношение к памяти умершего имеет особую важность.

Норма об эксгумации находится в главе уголовно-процессуального закона, посвященной следственным действиям (ч. 3, 4 ст. 178 УПК РФ), но в то же время понятие «эксгумация» в УПК РФ не закреплено. Вместе с тем в ч. 3 ст. 178 УПК РФ закреплено, что эксгумация производится в случае необходимости извлечения трупа из места захоронения. Исходя из содержания ч. 3 ст. 178 УПК РФ и общепринятого содержания эксгумации как действия, производящегося не только в уголовном судопроизводстве, но и других сферах человеческой деятельности, ученые отмечают, что «эксгумация – это извлечение трупа или его останков из мест захоронения с целью осмотра его и объектов, находящихся при нем, гроба и могилы, а также проведения других следственных действий для проверки имеющихся и обнаружению новых доказательств»².

Методы

Методологическую основу исследования представляют сравнительный и системно-структурный анализ, изучение и синтез литературы, которые нашли свое воплощение непосредственно в достижении выдвигаемой цели исследования и решении поставленных задач, а именно в синтезе структурных элементов следственной деятельности, анализе организации расследования на первоначальном этапе, а также установлении структурных связей между элементами системы взаимодействия следователя с органом дознания. Авторами применялся деятельностный методологический подход, также были использованы общенаучные методы исследования (системно-структурный анализ, метод диалектического познания).

Результаты

Несмотря на то, что нормы об эксгумации помещены законодателем среди статей, посвященных следственным действиям, правовая природа эксгумации до настоящего времени не получила единой оценки среди ученых. Некоторые процессуалисты полагают, что эксгумация представляет собой самостоятельное следственное действие³. Главным аргументом выступает то, что эксгумация соответствует всем базовым признакам следственных действий.

² Натура Д. А., Натура А. И. Эксгумация и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом : учебно-практическое пособие / под ред. А. Г. Филиппова. – Москва: Юрлитинформ, 2003. – С. 120.

³ См.: Кальницкий В. В. Следственные действия по УПК РФ : учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Издательство Омской академии МВД России, 2003. – С. 140 ; Кригер А. Е. Следственные действия : учебное пособие. – Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2012. – С. 5.

Она как любое другое следственное действие регламентирована УПК РФ, подкреплена мерами принуждения и направлена на реализацию целей уголовного судопроизводства, ее результаты оформляются в соответствии с требованиями, предусмотренными УПК РФ [7, с. 201–202; 8, с. 89]. Другие специалисты отрицают принадлежность эксгумации к следственным действиям, отмечая, что она производится не для собирания самостоятельных доказательств, а лишь в целях получения фактического материала для производства других следственных действий [9, с. 23].

Обе указанные точки зрения в принципе имеют право на существование. Однако, на наш взгляд, более правильным представляется первый подход. Действительно, содержанием эксгумации ограничивается только извлечение трупа из места захоронения. При этом УПК РФ не предусматривает в рамках эксгумации никаких иных действий, направленных на исследование трупа. По сути, эксгумация предполагает обязательное производство судебной экспертизы с извлеченным трупом. На первый взгляд, это обстоятельство ставит под сомнение характер эксгумации как самостоятельного следственного действия.

Однако необходимо учитывать совокупность других обстоятельств. Эксгумация – это законный, легальный способ получить труп для производства других действий. Других процессуальных возможностей для этого не существует. Поэтому можно утверждать, что эксгумация носит познавательный характер, хотя и несколько своеобразный. Нельзя сказать, что сведения, полученные непосредственно в ходе эксгумации, доказывают обстоятельства совершения преступления, однако эти сведения находятся в неразрывной связи с получаемыми на их основе доказательствами. По сути, это звенья единой цепи. Показательно, что в заключении эксперта всегда указывается, что труп представлен для исследования после эксгумации. Это подтверждает, что сама экспертиза была бы невозможна без эксгумации. Кроме того, то, что УПК РФ прямо не предусматривает возможности совершения в ходе эксгумации других действий, кроме извлечения трупа, не означает, что такие действия запрещены. Например, находящаяся на трупе одежда может иметь самостоятельное доказательственное значение. При этом совершенно очевидно, что она изымается именно в ходе эксгумации, а не в рамках отдельного следственного действия [10, с. 188].

Учитывая особую психотравмирующую ситуацию назначения и производства эксгумации для родственников покойного, безусловно, она может быть проведена лишь в том случае если без исследования трупа в принципе невозможно ответить на вопросы, необходимые для расследования уголовного дела. В случае если ключевые обстоятельства происшедшего события установлены, а требуется лишь уточнить отдельные аспекты, производство эксгумации неоправданно. Это решение нашло отражение в правоприменительной практике. Так, например, Советским районным судом города Махачкалы отказано в удовлетворении ходатайства следователя о проведении эксгумации 10-летней Е., умершей с симптомами пищевого отравления после празднования в детском клубе. Судом было отмечено, что к делу приобщены медицинские документы, в которых зафиксирована причина смерти Е., каких-либо оснований не доверять содержанию этих документов не имеется. Суд также учел возражения родственников умершей против эксгумации, их убежденность в наступлении смерти от несчастного случая. Решение районного суда было оставлено в силе Верховным Судом Республики Дагестан⁴.

Также следует учитывать возможное состояние трупа, обусловленное продолжительностью времени после захоронения. Так, Кондопожским городским судом Республики Карелия было удовлетворено ходатайство следователя о производстве эксгумации А. для производства дополнительной судебно-медицинской экспертизы трупа. Отменив это решение суда, Верховный суд Республики Карелия принял во внимание мнение представителя экспертного учреждения о невозможности проведения дополнительной судебно-медицинской экспертизы в связи с неизбежным разложением мягких тканей трупа⁵.

⁴ Апелляционное постановление Суда апелляционной инстанции Верховного суда Республики Дагестан от 30 июля 2014 года по делу № 22-1305 // Актофакт : сетевое издание. – URL: <https://actofact.ru/case-05OS0000-22k-1305-2014-2014-07-04-2-1/> (дата обращения: 08.11.2021).

⁵ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 13 марта 2014 года по делу № 22к-460/2014 // Актофакт : сетевое издание. – URL: <https://actofact.ru/case-10OS0000-22k-460-2014-2014-02-19-2-1/> (дата обращения: 08.11.2021).

На наш взгляд, в ходе расследования преступления следует руководствоваться доминирующими в конкретном регионе религиозными нормами и базирующимися на них морально-нравственными ценностями общества. Например, в научной литературе обращается внимание на то, что в Республике Саха (Якутия) господствует представление о том, что «после смерти происходит перерождение души человека, в связи с чем, тревожить место захоронения недопустимо» [11, с. 37–38]. В советское время такие взгляды однозначно расценивались как суеверия, однако в настоящее время сформировалось уважительное отношение к религии⁶. Разумеется, локальные обычаи не могут стать препятствием для производства следственных действий и использования в доказывании их результатов. Однако если информация, которую планируется получить, уже собрана, то и в производстве следственного действия нет необходимости.

Кроме того, эксгумация не должна проводиться в случаях, когда версии об обстоятельствах совершения преступления носят явно конспирологический и необоснованный характер. Так, по факту гибели в 1959 году группы туристов в районе горы Отортен⁷ спустя более 50 лет после этого события в некоторых изданиях были высказаны версии о том, что в могилах захоронены не участники группы Дятлова, а другие лица. Высказывались предложения произвести эксгумацию всех данных лиц [12, с. 180]. Ясно, что подобные «разоблачения» носили откровенно пропагандистский характер и содержащиеся в них сведения явно не могли быть расценены как основание для эксгумации.

Следует отметить, что юридическое основание данного следственного действия отличается в зависимости от отношения родственников по поводу производства эксгумации. В случае согласия родственников юридическим основанием выступает постановление следователя, при наличии возражений родственников – судебное решение [13, с. 144]. Мнение родственников умершего по поводу целесообразности эксгумации подлежит учету судом, однако вектор расследования и принятие решений по уголовному делу относится к исключительной компетенции органов следствия, указанное мнение не является решающим и в любом случае не может выступать единственным обоснованием отказа в разрешении производства эксгумации⁸.

Поскольку, согласно ч. 3 ст. 178 УПК РФ, эксгумация производится для извлечения трупа из места захоронения, то непосредственно в законе официальный характер места захоронения не указан. Это обстоятельство дает некоторым процессуалистам основания расширять место проведения эксгумации. В частности, М. В. Савельева полагает, что «извлечение трупов, захороненных без соблюдения установленного порядка, в том числе с целью сокрытия преступления, также должно облекаться в процессуальную форму эксгумации в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ»⁹.

Однако с таким подходом сложно согласиться: он противоречит сути эксгумации. Столь широкое понимание места захоронения делает невозможным определить границы эксгумации. Обозначение данных границ очень схоже с такими следственными действиями, как выемка и обыск, которые проводятся в четко установленных пределах.

В правоприменительной практике, в случае нахождения трупа в неофициальных местах захоронения, его извлечение осуществляется в рамках не эксгумации, а осмотра места происшествия. Такой подход полностью разделяется правоприменительной практикой различных субъектов Российской Федерации, что дает основания утверждать о том, что подобный порядок является общепризнанным¹⁰.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с учеными, утверждающими, что извлечение тела из неофициального места захоронения путем производства не осмотра, а эксгумации

⁶ Виноградова О.П. Религиозные аспекты в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – С. 17.

⁷ Город Ивдель Свердловской области (перевал Дятлова).

⁸ Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия : учебник . – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2013. – 293 с.

⁹ Цит. по: Иванов А. Н., Лапин Е. С. Криминалистика: основные положения : учебно-справочное пособие. – Саратов: Саратовский государственный университет, 2005. – С. 287.

¹⁰ См., например: Дело № 2-16/2014. Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики от 10 февраля 2015 г. // СудебныеРешения.рф : [сайт]. – URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/7178477> (дата обращения: 04.11.2021 г.) ; Дело № 2-13/2013. Приговор судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда от 23 декабря 2013 г. // СудебныеРешения.рф : [сайт]. – URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/6679146> (дата обращения: 04.11.2021 г.).

должно влечь признание следственного действия незаконным, а всех его результатов – недопустимыми доказательствами [14, с. 176]. Процессуальный порядок производства эксгумации гораздо сложнее, чем осмотра, он требует вынесения постановления следователя или получения судебного решения. Проведение вместо осмотра эксгумации можно расценивать как необоснованное усложнение процессуальной формы. Однако усложнение порядка производства действия, в отличие от упрощения, не может приводить к признанию результатов этого действия недопустимыми доказательствами, поскольку уровень прав и гарантий участников уголовно-процессуальной деятельности не снижается [15, с. 117–118].

В статье 3 Федерального закона «О погребении и похоронном деле»¹¹ выделяются разрешенные в Российской Федерации способы погребения: предание воде, предание земле (захоронение), предание огню (кремация). В случае предания тела умершего воде сохранность этого тела и его нахождение в конкретном месте не обеспечивается, поэтому при таком способе захоронения эксгумация объективно невозможна. Тем более неосуществима эксгумация, если тело покойного было кремировано. Хотя, по общему правилу, прах после сожжения тела помещается в урну, которая хранится в определенном месте, изъятие праха бессмысленно, поскольку проведение каких-либо судебных экспертиз по праху принципиально невозможно.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» официальным местом захоронения является кладбище. Указанный закон устанавливает общедоступный характер всех кладбищ в Российской Федерации. Общедоступность кладбищ как мест погребения не нарушается фактом существования религиозных и военных кладбищ, а также правом гражданина создать на обычном кладбище семейное захоронение. Подобные виды кладбищ и захоронений лишь подчеркивают некоторую специфику компактного захоронения тех или иных категорий граждан в соответствии с общепринятой в социуме спецификой их рода деятельности, вероисповедания, семейных взаимоотношений.

Во многих населенных пунктах созданы специальные службы, которые занимаются захоронением. Факты захоронений подлежат фиксации и учету. На каждом кладбище создается администрация, в которой ведется книга регистрации захоронений, являющаяся документом строгой отчетности с неограниченным сроком хранения. В книге захоронений фиксируются основные сведения об умершем, времени и месте захоронения¹². Помимо этого, отметка, позволяющая идентифицировать место захоронения, производится на чертеже квартала кладбища. Эти же документы подлежат составлению в случаях перезахоронения лица в другое место и подзахоронения в могилу другого лица.

Таким образом, для установления места производства эксгумации следователь должен направить запрос в администрацию кладбища, на основании которого ему предоставляется точная информация о месте захоронения. Ответ следователю дается или в форме официально заверенной выписки из книги регистрации захоронений, либо в форме отдельной справки.

Заключение

С учетом изложенного при определении правовой природы эксгумации в уголовном судопроизводстве верным представляется компромиссный подход. Эксгумация – это самостоятельное следственное действие, имеющее вспомогательный характер. В отличие от многих следственных действий, результаты эксгумации изначально не имеют самостоятельного доказательственного значения и используются лишь как фактический материал для других следственных действий (прежде всего – судебно-медицинской экспертизы трупа) [16, с. 196].

¹¹ О погребении и похоронном деле : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 146.

¹² Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации МДК 11-01.2002 (рекомендованы протоколом НТС Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Госстрой) от 25.12.2001 г. № 01-НС-22/1) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://base.garant.ru/12128536/> (дата обращения: 04.11.2021).

Следует подчеркнуть, что стремясь свести к минимуму негативные последствия юридического и морально-этического порядка, законодатель предусматривает, что эксгумация производится с согласия родственников умершего, а при их возражении – по судебному решению. При этом многие важные процессуальные аспекты эксгумации регламентированы неполно. Например, предусматривая необходимость получения согласия родственников умершего на эксгумацию, законодатель не ограничивает круг таких родственников, что при буквальном истолковании нормы закона должно влечь выяснение отношения к эксгумации у всех лиц, имеющих какие-либо родственные отношения с умершим, независимо от степени родства. Очевидно, что такое положение может полностью заблокировать производство эксгумации, а следовательно, и получение доказательств по делу. Кроме того, не конкретизирован процессуальный порядок получения согласия от родственников умершего: должно ли выноситься постановление о производстве данного следственного действия, либо родственники высказываются о согласии или несогласии после устного уведомления о намерении органа предварительного расследования провести эксгумацию. Неясно, допускает ли эксгумация возможность изъятия каких-либо предметов в месте захоронения, либо для этого требуется проведение другого следственного действия. К сожалению, решению этих и некоторых других вопросов не уделялось достаточного внимания в науке.

Полагаем, следует согласиться с учеными, предлагающими учитывать при выборе время проведения эксгумации определенные религиозные и нравственные требования (например, не производить данное следственное действие в день рождения покойного [17, с. 8–9], до истечения времени поминальных обрядов [18, с. 310], во время некоторых конфессиональных праздников и т. п.). Соблюдение таких требований не окажет существенного влияния на получение доказательств, однако позволит устранить конфликтные ситуации.

Таким образом, эксгумация является следственным действием, поскольку она носит познавательный характер, процессуальную регламентацию порядка производства, подкреплена государственным принуждением. Вместе с тем эксгумация является вспомогательным следственным действием, поскольку ее результаты не имеют самостоятельного доказательственного значения, а используются при производстве других следственных действий.

Список литературы

1. *Авдеева Е. В.* Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2020. – № 3. – С. 31–34.
2. *Авдеева Е. В.* Уважение чести и достоинства личности как принцип уголовного судопроизводства // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (12). – С. 16–22.
3. *Давыдова Н. Н.* Принцип уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 22–25.
4. *Малахова Л. И.* Конституционный принцип уважения чести и достоинства личности и его отражение в УПК РФ: постановка проблемы // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 13–16.
5. *Челохсаев О. З.* Некоторые проблемы правовой регламентации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – № 4 (23). – С. 144–149.
6. *Виноградова О. П.* Морально-этическая сущность процессуальных норм, регулирующих основополагающие аспекты экспертной деятельности // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 98–101.
7. *Тангриева В. Н.* Неоднозначная интерпретация эксгумации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 201–202.
8. *Эриашвили Н. Д., Мурашев П. М.* Эксгумация трупа в системе следственных действий в Российской Федерации (медицинский и юридический аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2021. – № 2. – С. 89–92.

9. *Россинский С. Б.* Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 2. – С. 16–31.
10. *Шкаплерова Ю. П.* Эксгумация: проблемы процессуальной регламентации // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки.* – 2008. – № 10. – С. 184–189.
11. *Уварова М. А.* Проблема эксгумации как особого следственного действия // *Молодой ученый.* – 2014. – № 6-1 (165). – С. 37–38.
12. *Рожкова Ю. И.* Проблемные вопросы тактики выполнения эксгумации как следственного действия / *Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 7 июня 2019 г. / отв. ред. В. В. Осяк.* – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2019. – С. 177–182.
13. *Елфимов П. В.* К вопросу о фактических и юридических основаниях производства эксгумации: проблемы законодательного регулирования и пути их преодоления // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.* – 2023. – № 3 (96). – С. 142–152.
14. *Подушкина О. И.* Процессуальные и тактические проблемы проведения эксгумации // *Устойчивое развитие науки и образования.* – 2017. – № 11. – С. 175–178.
15. *Стельмах В. Ю.* Несоблюдение процессуальной формы следственных действий: виды и последствия // *Уголовное право.* – 2015. – № 6. – С. 108–117.
16. *Стельмах В. Ю.* Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 345 с.
17. *Маслов А. В., Чернышова В. Е.* Эксгумация как следственное действие: история становления и проблемы проведения // *Тенденции развития науки и образования.* – 2020. – № 62-16. – С. 5–8; <https://doi.org/10.18411/lj-06-2020-356>.
18. *Айбазов К. С.* Нравственно-этические проблемы производства эксгумации на мусульманском кладбище / *Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы IX международной научно-практической конференции. 23–24 апреля 2020 г. / редкол.: Э. Ю. Кузьменко [и др.].* – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 303–311.

References

1. *Avdeyeva Ye. V.* Uvazheniye chesti i dostoinstva lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve // *Rossiyskiy sud'ya.* – 2020. – № 3. – С. 31–34.
2. *Avdeyeva Ye. V.* Uvazheniye chesti i dostoinstva lichnosti kak printsip ugolovnogo sudoproizvodstva // *Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii.* – 2019. – № 2 (12). – С. 16–22.
3. *Davydova N. N.* Printsip uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve // *Rossiyskiy sledovatel'.* – 2019. – № 9. – С. 22–25.
4. *Malakhova L. I.* Konstitutsionnyy printsip uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti i yego otrazheniye v UPK RF: postanovka problemy // *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess.* – 2013. – № 2. – С. 13–16.
5. *Chelokhsayev O. Z.* Nekotoryye problemy pravovoy reglamentatsii printsiipa uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve // *Vestnik SevKavGTI.* – 2015. – № 4 (23). – С. 144–149.
6. *Vinogradova O. P.* Moral'no-eticheskayasushchnost' protsessual'nykh norm, reguliruyushchikh osnovopolagayushchiye aspekty ekspertnoy deyatel'nosti // *Pravookhranitel'nyye organy: teoriya i praktika.* – 2012. – № 2. – С. 98–101.
7. *Tangriyeva V. N.* Neodnoznachnaya interpretatsiya ekskgumatsii v ugolovnom sudoproizvodstve // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* – 2017. – № 2 (38). – С. 201–202.

8. *Eriashvili N. D., Murashev P. M.* Eks gumatsiya trupa v sisteme sledstvennykh deystviy v Rossiyskoy Federatsii (meditsinskiy i yuridicheskiy aspekty) // Ugolovnoye sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. – 2021. – № 2. – S. 89–92.

9. *Rossinskiy S. B.* Ponyatiye i sushchnost' sledstvennykh deystviy v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussiya prodolzhayetsya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2015. – № 2. – S. 16–31.

10. *Shkaplerova Yu. P.* Eks gumatsiya: problemy protsessual'noy reglamentatsii // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. – 2008. – № 10. – S. 184–189.

11. *Uvarova M. A.* Problema eks gumatsii kak osobogo sledstvennogo deystviya // Molodoy uchenyy. – 2014. – № 6-1 (165). – S. 37–38.

12. *Rozhkova Yu. I.* Problemnyye voprosy taktiki vypolneniya eks gumatsii kak sledstvennogo deystviya / Kriminalistika: aktual'nyye voprosy teorii i praktiki : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 7 iyunya 2019 g. / otv. red. V. V. Osyak. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2019. – S. 177–182.

13. *Yelfimov P. V.* K voprosu o fakticheskikh i yuridicheskikh osnovaniyakh proizvodstva eks gumatsii: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i puti ikh preodoleniya // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. – 2023. – № 3 (96). – S. 142–152.

14. *Podushkina O. I.* Protssesual'nyye i takticheskiye problemy provedeniya eks gumatsii // Ustoychivoye razvitiye nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 11. – S. 175–178.

15. *Stel'makh V. Yu.* Nesoblyudeniye protsessual'noy formy sledstvennykh deystviy: vidy i posledstviya // Ugolovnoye pravo. – 2015. – № 6. – S. 108–117.

16. *Stel'makh V. Yu.* Vizual'nyye, verbal'nyye i kombinirovannyye sledstvennyye deystviya : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 345 s.

17. *Maslov A. V., Chernyshova V. Ye.* Eks gumatsiya kak sledstvennoye deystviye: istoriya stanovleniya i problemy provedeniya // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2020. – № 62-16. – S. 5–8; <https://doi.org/10.18411/lj-06-2020-356>.

18. *Aybazov K. S.* Nravstvenno-eticheskiye problemy proizvodstva eks gumatsii na musul'manskom kladbishche / Aktual'nyye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovnogo protsessa i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika: materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 23–24 aprelya 2020 g. / redkol.: E. Yu. Kuz'menko [i dr.]. – Tambov: Izdatel'skiy dom “Derzhavinskiy”, 2020. – S. 303–311.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted August 26, 2024; approved after reviewing October 2, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-152-160>

Светлана Александровна Куемжиева

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-1146-871X>, juristic@kubsau.ru

Владимир Дмитриевич Зеленский

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0005-8356-1325>, juristic@kubsau.ru

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

Российская Федерация, 350044, Краснодар, ул. Калинина, д. 13

К вопросу о критериях и принципах групповой методики расследования преступлений

Аннотация: Введение. В статье в краткой форме рассмотрены основные теоретические вопросы групповой методики расследования преступлений. Рассмотрен вопрос структуры криминалистической методики: понятия, классификации; сделан вывод о причинах выделения специальных элементов этой структуры. Показана объективная необходимость выделения (обособления) методики расследования укрупненных групп преступлений и потребность в исследовании теоретических вопросов групповой методики расследования. Обоснованы критерии выделения преступлений укрупненных групп. Рассмотрены наиболее распространенные криминалистические признаки расследования. Выявлены и исследованы критерии выделения в характеристике преступлений и методике их расследования сходных уголовно-правовых и криминалистических признаков; выявлены основные структурные элементы групповой методики расследования. Показано отличие групповой методики от частной методики расследования. Предметом групповой методики являются особенности теоретических положений и содержание расследования преступлений укрупненной группы, и сходные признаки в уголовно-правовой и криминалистической характеристиках указанных преступлений. **Методы и результаты.** На основе изучения структурных элементов групповой методики исследовано понятие принципов; обоснован объективный характер основных принципов групповой методики: принцип использования сходных признаков преступлений укрупненной группы; принцип сочетания научно-практических рекомендаций отдельного расследования с рекомендациями, выработанными групповой методикой; принцип полноты сочетания общих положений методики с частной методикой. Исследованы содержание и значение указанных принципов для качественного расследования.

Ключевые слова: криминалистическая методика, частные методики, групповые методики расследования, уголовно-правовые признаки, криминалистические признаки

Для цитирования: Куемжиева С. А., Зеленский В. Д. К вопросу о критериях и принципах групповой методики расследования преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 152–160; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-152-160>.

Original article

Svetlana A. Kuemzhieva

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1146-871X>, juristic@kubsau.ru

Vladimir D. Zelensky

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0009-0005-8356-1325>, juristic@kubsau.ru

*I. T. Trubilin Kuban State Agraricultural University
13, Kalinina str., Krasnodar, 350044, Russian Federation*

On the criteria and principles to the group methodology of crime investigation

Annotation: Introduction. This article provides a brief overview of the core theoretical issues pertaining to the group methodology of criminal investigation. The paper explores the structure of forensic methodology, focusing on the concept and classifications. The findings about the reasons for the separation of special elements of this structure are made. The article highlights the need of singling out (separation) the methodology for investigating large groups of crimes and as well as the need for research into the theoretical issues of group investigation methodology. The criteria for singling out crimes of enlarged groups are then presented and substantiated. Finally, the most common forensic features of investigation are considered. The criteria for the singling out similar criminal-legal and forensic characteristics of crimes and the methodology of their investigation have been identified and studied. The main structural elements of group investigation methodology have been identified. The difference between group methodology and private investigation methodology has been elucidated. The subject of group methodology is the features of theoretical provisions, the content of the criminal investigation of an enlarged group, and similar features in the criminal-legal and forensic characteristics of these crimes. **Methods and results.** The study of structural elements of group methodology revealed the necessity to explore the concept of principles. The objective nature of the main principles of group methodology was substantiated. The following principles were identified: the principle of using similar features of crimes committed by an enlarged group; the principle of combining scientific and practical recommendations of a particular investigation with recommendations designed by group methodology; and the principle of completeness of combining general provisions of methodology with private methodology. The content and significance of these principles for qualitative investigation were then examined.

Keywords: forensic methodology, private methodologies, group investigation methodologies, criminal law features, forensic features

For citation: Kuemzhieva S. A., Zelensky V. D. On the criteria and principles to the group methodology of crime investigation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 152–160; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-152-160>.

Введение

Криминалистическая методика является частью науки криминалистики и представляет собой систему теоретических положений о расследовании как специфическом виде социальной деятельности, его содержании, совокупности следственных и иных действий,

способах их производства и других вопросах содержательной стороны расследования. Само по себе указанное исследование представляет собой сочетание научных проблем расследования как части уголовного судопроизводства, его квинтэссенцию.

На основе выработанных наукой теоретических положений криминалистическая методика формирует научно-практические рекомендации по оптимальным средствам поиска, исследования, фиксации фактических данных и получения судебных доказательств; рациональным способам производства следственных действий; достижению целей досудебного следствия.

Существует несколько подходов в определении ведущими учеными строения криминалистической методики (в работах О. Я. Баева, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгри-на, Е. П. Ищенко, Н. А. Селиванова, В. Е. Корноухова, Н. П. Яблокова и др.). Но есть и общий взгляд на методику как средство разработки стратегии всего расследования преступлений [1, с. 141].

Полагаем, что криминалистическая методика – это система теоретических положений о содержательной стороне расследования как деятельности и основанных на этих положениях научно-практических рекомендаций по рациональному и эффективному расследованию [2, с. 19].

Отметим, что потребности современной практики расследования обуславливают необходимость дальнейшего развития теории и совершенствования существующих научно-практических рекомендаций.

К числу проблемных вопросов относятся и положения о структуре криминалистической методики, в т. ч. о групповой методике расследования.

Криминалистическую методику структурно принято делить на общую и частную. В 1978 году известный криминалист В. Г. Танасевич сделал вывод о существовании третьего вида – методики расследования укрупненных групп преступлений. Он полагал, что этот вид методики является промежуточным между общими положениями и частной методикой [3, с. 172]. Данное предложение нашло как своих сторонников, так и противников. Но со временем установилось мнение именно о трехзвенной структуре криминалистической методики. Названный вид методики, промежуточный между общими положениями и частной методикой, ученые называют по-разному, причем большинство из них считают его разновидностью частной методики.

Методы и результаты

Для решения вопроса о характере групповой методики необходимо вернуться к рассмотрению содержания методики расследования отдельного вида преступлений – частной методики.

Вопрос о характере групповой методики исследован отдельными авторами (И. А. Возгриным, Н. П. Яблоковым и др.) с использованием различных подходов и критериев классификации.

Основным критерием криминалистической классификации частных методик расследования является их уголовно-правовая классификация, о чем в свое время писал Р. С. Белкин¹. К указанному критерию авторы, исследовавшие данный вопрос, добавляли другие основания классификации. Так, И. М. Лузгин выделял группы частных методик по следующим критериям: а) признаки уголовно-правовой характеристики; б) условия совершения деяния (крупные города и др.); в) субъект совершения деяния [4, с. 65].

И. А. Возгрин выделял две группы частных методик: типичные и особенные [5, с. 64–65]. В более поздних своих работах на основе уголовно-правовой характеристики преступлений и ряда других признаков (личности субъекта преступления и др.) автор подразделял все методики на общую криминалистическую методику, групповые методики расследования и частные методики расследования отдельных видов преступлений [6, с. 287–293].

¹ Белкин Р. С. Криминалистические средства, приемы и рекомендации // Курс криминалистики : учебное пособие : в 3 т. – Москва: Юрист, 1997. – Т. 3. – С. 325.

В. Е. Корноухов дифференцировал методики расследования на классы по закономерностям подготовительного процесса в ходе расследования; классы, с учетом общности объекта посягательства, подразделял на отдельные роды и виды [7, с. 164–171].

Столь же сложную классификацию проводили в своих работах С. Ю. Косарев, Ю. П. Гармаев и другие ученые [8, с. 179–197; 9, с. 182].

М. В. Субботина сформировала концепцию базовой методики расследования нескольких видов или групп преступлений. Групповые методики расследования она относит к категории частных² [10, с. 4–6].

И. П. Яблоков рассматривал классификацию по уровню конкретизации, выделяя высокую степень общности; меньшую степень общности (расследования групп однородных преступлений); еще меньшую степень общности (видовые, подвидовые методики); конкретные методики (расследование отдельных видов преступлений). Ученый выделял методику расследования группы преступлений (родовая методика)³. Все методики расследования групп преступлений являются частными [11, с. 141–142].

Анализ мнений ученых показывает, что объективно существуют причины выделения специальных элементов структуры криминалистической методики:

- критерии выделения методики расследования укрупненных групп преступлений;
- объективная необходимость выделения (обособления) методики расследования укрупненных групп преступлений;
- потребность в исследовании теоретических вопросов групповой методики и выработке практических рекомендаций для повышения качества расследования.

По каким же критериям (критерий – от греч. *kriterium* – средство для суждения, признак на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо)⁴ названные и иные авторы классифицируют криминалистические методики? Нетрудно заметить, что основной общий критерий в данном случае – уголовно-правовая характеристика расследуемого преступления. Но в рассмотренных случаях авторы исследований ведут речь о частных методиках. Мы же, рассматривая структуру всей криминалистической методики, в основном частные методики, пытаемся выявить критерии, на основании которых можно получить сведения о групповой методике.

Вторым критерием классификации методик в названных работах чаще всего говорится об обстоятельствах расследования: следственных ситуациях, предмете преступного посягательства и других. Очевидно, есть необходимость в уточнении содержания названного критерия или их группы. Безусловно, это характер следственной ситуации начального этапа расследования, существенно влияющий на содержание последнего. Но есть обстоятельства, которые играют аналогичную роль. Прежде всего отметим содержание предмета расследования и формирование его содержания. Речь идет об элементах организации расследования преступлений: целеопределении и планировании. Предмет расследования – это система обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования определенного преступления. Как известно, обстоятельства предмета доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁵ (далее – УПК РФ)) устанавливаются как прямыми, так и косвенными доказательствами. Путем получения последних устанавливаются промежуточные факты [12], служащие для обоснования предмета доказывания. Конкретизация предмета расследования осуществляется как получением прямых доказательств, так и посредством построения следственных версий, выведения из них логических следствий и установления промежуточных фактов для обоснования обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

² Субботина М. В. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика : учебник / А. П. Резван, М. В. Субботина. – Москва: ЦОКР МВД России, 2006. – С. 239–241.

³ Яблоков Н. П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика : учебник // под ред. Н. П. Яблокова. – Изд. 2, перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2002. – С. 494.

⁴ Советский энциклопедический словарь : [около 80000 слов] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1984. – С. 663.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Определение (конкретизация) предмета расследования как криминалистический элемент расследования выступает еще и в роли критерия, с помощью которого исследуется классификация методик и формируется вывод о выделении групповой методики расследования.

Другим важным критерием выделения групповой методики является система (взаимосвязанное сочетание) следственных действий, которые проводятся большей частью на начальном этапе, а также и в ходе дальнейшего расследования расширенной группы преступлений.

Связан с указанными и уже упоминавшийся ранее критерий – характер следственной ситуации начального этапа расследования.

Таким образом, наиболее распространенными являются криминалистические признаки расследования: определение (конкретизация) предмета расследования, характер следственных ситуаций начального этапа расследования, планирование, система следственных и иных действий первоначального этапа расследования и другие. Указанные признаки выступают в роли критериев выделения рассматриваемой методики в разряд групповой.

В совокупности уголовно-правовых и криминалистических признаков расследования методика его производства относится к категории групповой. Групповая методика близка по своему содержанию к частной. Отличие состоит в том, что частная методика содержит только научно-практические рекомендации по расследованию отдельного вида преступлений. В групповой методике обязательно содержатся теоретические положения. Они конкретизируют, дополняют теоретические положений общей части криминалистической методики применительно к особенностям расследования преступлений определенной группы. Теоретические положения групповой методики оказывают влияние на содержание научно-практических рекомендаций этой методики.

Предметом групповой криминалистической методики являются особенности теоретических положений и содержание расследования преступлений укрупненной группы. Теоретические положения, конкретизируя общие положения, исследуют взаимосвязи между частными методиками по расследованию преступлений укрупненной группы, способствуя выделению, изучению, систематизации и использованию в расследовании особенности процесса определения (конкретизации) предмета расследования конкретной группы преступных деяний.

Выявление критериев формирования групповой методики расследования позволяет выделять ее структуру: основные, взаимосвязанные элементы методических указаний по оптимальному расследованию группы преступлений.

Существующее сходство уголовно-правовой и криминалистической характеристик различных преступлений является основанием для вывода об их укрупненной группе. Сходство по объему и объективной стороне составов преступления (предмет преступного посягательства, места, обстановки совершения и др.); сходство в предмете расследования и содержательной стороне собственно расследования: система следственных и иных действий. Для оптимизации процесса выявления сходства указанных уголовно-правовых и криминалистических признаков важно использовать определенные критерии.

Изложенный фактор имеет не только чисто теоретическое значение, когда он исследуется для определения пределов укрупненной группы и отнесения к составу этой группы конкретного преступления. Само по себе это важно. Но необходимо учитывать и практическое значение критериев, по которым можно выявлять структурные элементы в совокупности всей информации по делу, особенно на начальном этапе расследования. Вывод о том, что в конкретном случае, расследование относится к определенному виду групповой методики, способствует целенаправленности действий содержанию. Еще проще определиться с содержанием (организация, тактика) следственных и иных действий, используя готовые научно-практические рекомендации групповой методики расследования преступлений определенной укрупненной группы.

В вышеизложенном и заключается теоретическое и практическое значение критериев определения вида методики расследования.

Теоретические положения групповой методики расследования основаны на содержании общей части криминалистической методики, ее принципах. Под принципами криминалистической методики понимаются идеи, исходные положения, основополагающие начала по организации и содержанию расследования. Принцип методики формируется на основе общих принципов уголовного процесса и криминалистики, философии, теории организации и управления, теории информации и других наук. К определению и классификации принципов методики расследования существуют различные подходы, обоснованные в трудах Р. С. Белкина, И. А. Возгрин, Ю. П. Гармаева, В. Е. Корноухова, А. Ф. Лубина, Н. А. Селиванова, М. В. Субботиной, С. Н. Чурилова, А. В. Шмониной и других ученых.

Так, И. А. Возгрин принципы методики разделил на следующие группы:

- а) общие принципы, формирующие ее базовые положения как особой системы научно-го знания об организации и осуществлении уголовного преследования;
- б) частные принципы, определяющие исходные положения построения и исследования частных методик расследования преступлений;
- в) специальные принципы криминалистической методики, раскрывающие важнейшие положения о структуре и содержании отдельных групп методики расследования преступлений [6, с. 287–293]. О специальных принципах организации см. работу В. Д. Зеленского [13, с. 41–42].

Как видим, И. А. Возгрин выделял принципы расследования отдельных групп преступлений, называя их специальными. И. А. Возгрин отмечал, что разработка специальных принципов еще только начинается (2003 г.).

Принципы науки представляют собой устойчивые положения. Но сама их природа такова, что они постоянно совершенствуются, как и наука о расследовании, криминалистика в первую очередь. Анализируя сложный, а потому дискуссионный вопрос о системе принципов, полагаем, что принципами криминалистической методики являются:

- 1) связь и взаимозависимость теоретических положений и элементов методики расследования;
- 2) соответствие методики расследования предмету деятельности;
- 3) зависимость следственных действий от характера следственной ситуации;
- 4) оптимальность системы следственных и иных действий;
- 5) обязательность исследования общих положений методики в формировании частных методик;
- 6) связь и зависимость частных методик от практики расследования [14, с. 9–110].

Заключение

Групповая методика – это система теоретических положений, конкретизирующих общие положения криминалистической методики применительно к расследованию отдельных видов преступлений и основанные на этих положениях научно-практические рекомендации по оптимизации сходных элементов расследования преступлений группы.

Исходя из анализа содержания групповой методики и принципов криминалистической методики, можно попытаться выявить и обосновать принципиальные положения групповой методики. Принципы групповой методики должны выражать те общие положения, которые являются основными для расследования преступлений укрупненной группы. Сложность выводов состоит в том, что трудно отделить основные положения учения (общие положения криминалистической методики) от частного – групповой методики. Изучению подлежат элементы криминалистической характеристики, следственные ситуации, способы, типичные следы и иные фактические данные преступления и методы их расследования, обладающие сходством. Таким путем необходимо устанавливать основные сходные положения

в методике расследования преступлений, образующих укрупненную группу. Это и будут принципы групповой методики. Они выражают основные положения методики, как сочетания теоретических положений расследования, их взаимосвязь.

Принципы групповой методики сочетаются с принципами общих положений и частной методики, дополняют их. Групповая методика строится на основе принципов всей криминалистической методики и разрабатывает свои теоретические положения расследования преступлений укрупненной группы. Сочетание ее положений с принципами расследования отдельных видов преступлений носит постоянный, необходимый, т.е. объективный характер. Объективно обусловленный процесс исследования сходных уголовно-правовых и криминалистических особенностей расследования отдельных видов преступлений и есть первый принцип групповой методики расследования.

Принцип использования сходных признаков вытекает из содержания групповой методики. Это основополагающий принцип этой методики.

Из содержания расследования преступлений укрупненной группы можно вывести и второй принцип. Как отмечалось, научно-практические рекомендации методики расследования отдельного преступления сочетаются с научно-практическими рекомендациями, выработанными групповой методикой расследования для расследования преступлений укрупненной группы. Сочетание двух видов научно-практических рекомендаций обусловлено характером методики расследования преступлений, а потому носит обязательный, объективно необходимый характер. Важно оптимальное обязательное сочетание, т. е. принцип.

Указанные два принципа действуют в сочетании. Выявление сходных уголовно-правовых и криминалистических признаков является основой для обязательного исследования особенностей расследования преступлений укрупненной группы.

Существуют ли другие принципы групповой методики? Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть высказанные взгляды по поводу существования таких принципов.

М. В. Субботина, исследовавшая методику расследования хищений, сформулировала следующие принципы построения базовых криминалистических методик. К ним относятся: принцип полноты по отношению ко всему процессу расследования отдельной категории преступлений; принцип «нивелирования»; принцип определенной структурности, определенной принципом полноты [10, с. 4–6].

А. В. Варданян и Р. В. Кулешов, анализируя предположение М. В. Субботиной, полагают, что к числу принципов базовых, родовых методик относятся принцип целостности, принцип единства общего и особенного (интеграции и дифференциации), принцип системности, принцип структурности [15, с. 11–12].

Предложения, изложенные названными авторами, заслуживают внимания и в целом одобрения. Отметим, что некоторые из названных принципов относятся ко всей методике расследования, а не только к групповой методике. Необходимо учитывать, что указанные предложения авторы относят не к групповой, а к частной методике. Можно выделить специфический принцип полноты по отношению ко всему процессу расследования отдельной категории преступлений (М. В. Субботина). Если мы верно понимаем мнение указанного автора, то речь идет о сочетании положений общей методики и частной. Исследуя содержание данного предложения, приходим к выводу о существовании следующего принципа групповой методики: принцип полноты сочетания общих положений методики с методикой расследования отдельных видов преступлений.

Таким образом, групповая методика, решая задачи разработки теоретических положений методики расследования укрупненных групп преступлений и научно-практических рекомендаций по их практической реализации, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

С использованием рассмотренных критериев можно в оптимальном режиме определить групповую принадлежность расследования отдельного преступления.

Принципы групповой методики входят в число основных теоретических положений и отражают содержание процесса расследования преступлений укрупненной группы. Реализация принципов способствует оптимизации расследования укрупненных групп преступлений, сходных по своим уголовно-правовым и криминалистическим признакам. В этом их практическое значение.

Список литературы

1. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика. Природа и система. – Москва: Юрист, 2005. – 173 с.
2. Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография / под науч. ред. В. Д. Зеленского. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 257 с.
3. Советская криминалистика : Теоретические проблемы / Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйсман, Н. А. Якубович. – Москва: Юридическая литература, 1978. – 192 с.
4. Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 58–65.
5. Возгрин И. М. Криминалистическая методика расследования преступлений. – Минск: Высшая школа, 1983. – 215 с.
6. Возгрин И. М. Введение в криминалистику : История, основные теории, библиография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 473 с.
7. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы : монография. – Москва: Норма, 2016. – 224 с.
8. Косарев С. Ю. Криминалистическая методика расследования преступлений (становление и перспективы развития) : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 306 с.
9. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск: Иркутский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2003. – 341 с.
10. Филиппов А. Г., Субботина М. В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. – 2004. – № 4 (12). – С. 4–7.
11. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы : монография. – Москва: Норма, 2016. – 190 с.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р. С. [и др.] ; редкол.: Жогин Н. В. (отв. ред.) [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Юридическая литература, 1973. – 734 с.
13. Зеленский В. Д. Организационные функции субъектов расследования преступлений. Краснодар, 2005. – С. 41-42.
14. Куемжиева С. А., Зеленский В. Д. Общие положения криминалистической методики : монография. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2015. – 148 с.
15. Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 7–13.

References

1. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. Kriminalistika. Priroda i sistema. – Moskva: Yurist, 2005. – 173 s.
2. Kuyemzhiyeva S. A. Metodika rassledovaniya prestupleniy protiv sem'i i nesovershennoletnikh : monografiya / pod nauch. red. V. D. Zelenskogo. – Moskva: Yurlitinform, 2018. – 257 s.
3. Sovetskaya kriminalistika : Teoreticheskiye problemy / N. A. Selivanov, V. G. Tanasevich, A. A. Eysman, N. A. Yakubovich. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1978. – 192 s.

4. *Luzgin I. M.* Razvitiye metodiki rassledovaniya ot del'nykh vidov prestupleniy // *Pravovedeniye*. – 1977. – № 2. – S. 58–65.
5. *Vozgrin I. M.* Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestupleniy. – Minsk: Vysheystshaya shkola, 1983. – 215 s.
6. *Vozgrin I. M.* Vvedeniye v kriminalistiku : Istoriya, osnovnyye teorii, bibliografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 473 s.
7. *Kornoukhov V. Ye.* Metodika rassledovaniya prestupleniy: teoreticheskiye osnovy : monografiya. – Moskva: Norma, 2016. – 224 s.
8. *Kosarev S. Yu.* Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestupleniy (stanovleniye i perspektivy razvitiya) : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2005. – 306 s.
9. *Garmayev Yu. P.* Teoreticheskiye osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy. – Irkutsk: Irkutskiy yuridicheskiy institut General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2003. – 341 s.
10. *Filippov A. G., Subbotina M. V.* Struktura bazovoy metodiki rassledovaniya prestupleniy // *Vestnik kriminalistiki*. – 2004. – № 4 (12). – S. 4–7.
11. *Yablokov N. P.* Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i problemy : monografiya. – Moskva: Norma, 2016. – 190 s.
12. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom prave protsesse* / Belkin R. S. [i dr.] ; redkol.: Zhogin N. V. (otv. red.) [i dr.]. – Izd. 2-ye, ispr. i dop. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1973. – 734 s.
13. *Zelenskiy V. D.* Organizational functions of subjects of crime investigation. Krasnodar, 2005. – С. 41-42.
14. *Kuyemzhiyeva S. A., Zelenskiy V. D.* Obshchiye polozheniya kriminalisticheskoy metodiki : monografiya. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni I. T. Trubilina, 2015. – 148 s.
15. *Vardanyan A. V., Kuleshov R. V.* K voprosu o printsipakh formirovaniya chastnykh kriminalisticheskikh metodik // *Rossiyskiy sledovatel'*. – 2015. – № 22. – S. 7–13.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 12, 2024; approved after reviewing November 26, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>

Алексей Александрович Кузнецов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>, omsklaw07@mail.ru

*Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)*

Российская Федерация, 354000, Краснодарский край. Сочи, ул. Дагомысская, д. 42

Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира

Аннотация: Введение. Долгое время наши представления о сущности и содержании категории «ответственность» в общей теории права, в т. ч. взгляды на понятие уголовной ответственности, оставались стабильны, несмотря на их дискуссионность. Ретроспективная ответственность, предполагающая реакцию государства на противоправное поведение, всегда связывалась с государственным принуждением. Вместе с тем проводимая уголовно-правовая политика, необходимость более жесткого реагирования на современные вызовы вкупе с идеями постмодерна и метамодерна позволяют выдвинуть тезис о существенной трансформации категории «ответственность» и необходимости переосмысления ее сущности и содержания. **Методы.** Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции. **Результаты.** Выявлены индикаторы, не укладывающиеся в традиционное понимание ответственности, подтверждающие факт ее серьезной и неизбежной трансформации. К ним, в частности, относится применение государством чрезвычайного законодательства, существенно расширяющего границы ответственности; использование новых технологий (биотехнологии, возможности искусственного интеллекта); смещение вектора стратегии и тактики противодействия преступлениям с уголовно-правового к политическому; постепенное превращение концепции возмездия и кары в концепцию контроля. Все указанное выше позволяет заключить, что в скором будущем система юстиции станет более тоталитарной и жесткой.

Ключевые слова: ответственность, сущность уголовной ответственности, государственное принуждение, чрезвычайное законодательство, уголовная политика, контроль в уголовном праве

Для цитирования: Кузнецов А. А. Философско-правовое представление о сущности и содержании категории «ответственность» и ее трансформация в условиях современной картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 161–173; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.

Original article

Alexey A. Kuznetsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>, omsklaw07@mail.ru

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice

42, Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar region, 354000, Russian Federation

Philosophical and legal concept of the essence and content of the category of “responsibility” and its transformation in the context of the modern world picture

Annotation: Introduction. For a long time, our ideas about the essence and content of the category of “responsibility” in the general theory of law, including views on the concept of criminal liability, remained stable, despite their debatable nature. Retrospective responsibility, which implies a state response to unlawful behaviour, has always been associated with state coercion. At the same time, the current criminal law policy, the need for a tougher response to modern challenges, coupled with the ideas of postmodernism and metamodernism allow us to put forward a thesis about a significant transformation of the category of “responsibility” and the need to rethink its essence and content. **Methods.** To achieve the objectives of the study, various scientific methods were used: general scientific methods of cognition (systemic-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), the historical method in combination with the hermeneutic, as well as specific scientific methods, such as comparative legal, legal modeling and extrapolation. **Results.** Indicators have been identified that do not fit into the traditional understanding of responsibility, confirming the fact of its serious and inevitable transformation. These include, in particular, the use of emergency legislation by the state, significantly expanding the boundaries of responsibility; the use of new technologies (biotechnology, artificial intelligence capabilities); a shift in the vector of strategy and tactics for combating crimes from criminal law to political; a gradual transformation of the concept of retribution and punishment into a concept of control. All of the above allows us to conclude that in the near future our justice system will become more totalitarian and harsh.

Keywords: responsibility, the essence of criminal liability, state coercion, emergency legislation, criminal policy, control in criminal law.

For citation: Kuznetsov A. A. Philosophical and legal concept of the essence and content of the category of “responsibility” and its transformation in the context of the modern world picture // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 161–173; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-161-173>.

Введение

Категория «ответственность» долгое время считалась (да и сейчас считается) в полной мере разработанной. Пик ее исследования пришелся на 60–80-е годы прошлого столетия. Труды, посвященные данной теме, таких специалистов, как Я. М. Брайнин, Н. А. Огурцов, А. А. Пионтковский, А. В. Ушаков, И. С. Ной, В. С. Прохоров, А. И. Марцев, П. С. Дагель (несколько позднее – А. А. Нечепуренко, И. Ф. Дедюхина, И. М. Дворецкий, Ю. Е. Пудовочкин, М. В. Бавсун,

Ф. Р. Сундуrow, А. П. Фильченков) и многих других априори считались исчерпывающими, неким монументальным фундаментом, не позволяющим двигаться в данном направлении дальше. Аналогичной, кстати, представляется и ситуация в теории права, в которой разработки П. И. Новгородцева, С. А. Муромцева, В. Я. Вышинского, С. С. Сергеева, Д. А. Липинского, А. А. Малиновского также со временем стали восприниматься непреложной истиной, не допускающей ни новых идей, ни малейших отклонений от ранее уже разработанных начал, превратившись в сферу устоявшихся знаний, воспринимающихся на уровне аксиом.

Так или иначе, «ответственность» – это всегда государственное принуждение, разнящееся лишь своими средствами, объемами воздействия, его интенсивностью, а также кругом субъектов, по отношению к которым оно может быть реализовано. Отсюда в целом идея государственного принуждения как таковая должна быть применима, не нова сама по себе. Точнее, инерционное представление о ней сохраняется по-прежнему, что во многом обусловлено и тем объемом знаний, который был накоплен в данном направлении за предыдущий период. И тем не менее именно основная идея (сущность) «ответственности» сегодня стабильно вызывает много вопросов не столько содержательного или организационного свойства, сколько по поводу возможных пределов ее трансформации в условиях динамично меняющегося мира и всех общественных отношений. Мировоззренческий аспект вполне осязаемой категории «ответственность» оказался чуть ли не на первом месте наряду с личностью и государством в условиях доминирования идей постмодерна и производных от них – метамодерна, некрomodерна, постпостмодерна, постчеловека, постиндустриального общества и прочих идей совершенно искусственного происхождения, свидетельствующих в первую очередь о переходном (кризисном) периоде всего общества в новую реальность, не говоря уже об отдельных субъектах правоотношений или юридических категориях и фактах¹.

Методы

При проведении исследования автором использовались общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), позволяющие рассмотреть изучаемое нами понятие через призму сущности и содержания ответственности. Применение исторического метода в сочетании с герменевтическим дало возможность уяснить, какое содержание вкладывалось в категорию «ответственность» в разные периоды ее развития. Частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, помогли автору спрогнозировать пути дальнейшей трансформации рассматриваемой категории.

Результаты

Государственное принуждение и ответственность применительно к сфере уголовно-правового регулирования (речь идет обо всех отраслях уголовно-правового блока, включая и его уголовно-процессуальную составляющую) уже давно перестали быть синонимами, все больше наполняясь различным содержанием. И здесь принципиальным является вопрос, что необходимо понимать под принуждением², а что под ответственностью, особенно

¹ О популярности идей подобного рода свидетельствует хотя бы объем литературы, изданной особенно на Западе, начиная с середины 70-х гг. XX столетия и по сегодняшний день, не говоря уже о глубине содержательной части и фундаментальности многих разработок. При всей их спорности, а зачастую и откровенной античеловечности, их игнорирование при разработке категории «ответственность» недопустимо. Они уже внесли существенный вклад как в государственную политику, так и в сознание масс (См., например: Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 гг. / пер. с фр. А. В. Дьякова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 446 с. ; Клаус Ш. Четвертая промышленная революция. – Санкт-Петербург : Эксмо, 2023. – 208 с. ; Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. – Москва : Новое издательство, 2006. – 129 с. ; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / пер. с нем. А. К. Судакова. – Москва : Весь мир, 2022. – 878 с. ; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Добросвет, 2000. – 389 с. ; Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 235 с., и др.).

² А в современных условиях и откровенным насилием, совершенно необходимым для обеспечения безопасности общества в государстве.

с учетом трансформации общественных отношений, появлением новых мировоззренческих концепций и их последовательным внедрением как в повседневную жизнь, так и на уровень подсознания каждого человека в отдельности. Дело в том, что смешение таких концепций, более того, их откровенное противостояние друг другу, на фоне мощного лоббирования со стороны властных структур, но представляющих различные идейные центры, уже давно создало зону турбулентности в этом вопросе. Отсюда и категоричный вывод о якобы абсолютной проработанности категории ответственности, ее исключительном догматизме, жесткости конструкции и крайнем консерватизме не выдерживает никакой критики в современных условиях, отличающихся непостоянством и непоследовательностью, низвержением устоявшихся догм, ранее наработанных знаний и ценностей, новыми объективными потребностями и прочими факторами как объективного, так и субъективного свойства, не позволяющими подходить к данной проблеме с прежними мерками.

Вопрос обострился еще более на фоне событий, связанных с COVID-19, а затем со специальной военной операцией на Украине, изменивших не просто весь мир, а сознание всего человечества, обрушивших при этом почти все жесткие правовые конструкции. Государства всего мира оказались в ситуации необходимости принятия срочных и крайне жестких решений, выходящих далеко за пределы ранее понятного и допустимого государственного принуждения, и уж тем более ответственности. И именно ответственность оказалась в центре происходящих процессов, будучи неспособной выполнять свои функции в прежнем виде и совершенно неподготовленной к новым условиям, в которых должна происходить ее реализация.

Тотальная несостоятельность доминирующей длительное время, но, увы, не работающей в новых условиях идеи законности с неизбежностью повлекла за собой и трансформацию всех других правовых категорий, включая ответственность. Отношение к последней при внешних попытках сохранения за ней обязательных признаков в виде ее принадлежности исключительно к официально властному статусу как в части установления, так и в части реализации тем не менее заставили серьезно задуматься о ее содержательном компоненте, а также о круге субъектов, наделенных правом ее реализации. Для этого достаточно вспомнить уровень принятия решений как в части налагаемых на целые регионы или группы населения ограничений, так и в части ответственности за их нарушения в период объявленных в 2020–2021 гг. ограничений³. Базовые конституционные права в течение нескольких лет ограничивались не государством, а руководителями субъектов федерации, мэрами городов и даже руководителями их районов. При этом сами предписания, основывавшиеся на текстах распоряжений, приказов, указаний, писем, авторами которых выступали санитарные врачи, руководители медицинских учреждений, уполномоченные лица от мэрий и администраций и т. д., полностью лишали людей большей части их конституционных прав и свобод.

Впрочем, чрезвычайное законодательство чуть раньше, еще с начала XXI столетия, существенным образом повлияло на содержательную сторону ответственности во всех отраслях права. Его границы были не просто расширены, они практически исчезли, причем это в равной степени касается и самих средств воздействия, которые вновь появились, так и того круга деяний, за которые они теперь могут применяться. По сути, фатальная жесткость (временами граничившая с жестокостью) в части неотвратимости ответственности за прошедшую четверть века возросла многократно, допуская в ее современном состоянии даже уничтожение преступника на вполне законных основаниях, если его действия способны причинить государству ущерб, несопоставимый с уничтожением. Увы, но реалии времени таковы, что вместе с таким лицом уничтоженными на не менее законных основаниях могут быть и мирные граждане, оказавшиеся в статусе заложников виновного и сложившейся ситуации.

³ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2005 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

Что это? Ответственность или нечто большее, или что-то совсем другое, не имеющее отношения к ответственности вообще? Если это все-таки ответственность, то где в таком случае ее персональный характер, где другие принципы конституционного характера? Это правило датируется 2006 годом, имея своим первоисточником так называемый патриотический акт США (*Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act*). Но «дальше – больше», причем даже не в части появления новых актов чрезвычайного регулирования общественных отношений, а в части простоты перехода к такому способу взаимоотношений между государством и обществом, государством и личностью. «Страшна даже не сама ситуация выхода за пределы правового регулирования, пишет М. В. Бавсун, а осознание того, что сейчас мы стали допускать любые ее возможные вариации в части нарушения границ конституционных принципов. Для этого теперь даже не требуется вводить чрезвычайное положение или режим чрезвычайной ситуации, как не требуется и введение военного положения, как раз объясняющих любые особенности в правовом регулировании. По сути, мы получили значительно более жесткие меры, не используя для этого специально созданные правовые режимы»⁴. Чуть позднее, в 2006 году по этому же пути пошел и отечественный законодатель, а в 2015 году – французский (после известных ноябрьских событий 2015 года, когда в результате террористического акта погибли более 130 человек в центре Парижа)⁵.

Суть каждого из перечисленных документов едина: это стремление к обеспечению безопасности любыми способами, не считаясь ни с чьими правами и свободами. «Голая» целесообразность во благо общества и его безопасности, перед которой неспособны устоять никакие догмы и принципы. Между тем реализация именно данного подхода вынуждает ставить вопрос – что есть ответственность в новых условиях картины мира и при такой трактовке понимания права? И не менее сложный вопрос все-таки о пределах исследуемой категории, ответ на который можно получить лишь разобравшись с первым.

Классическое представление о данной категории как о некоей совокупности тягот и лишений, которые должно претерпевать лицо, совершившее преступление [1, с. 113–115], к сожалению, в случае доминирования идеи целесообразности, теряется, практически не объясняя наличия, не говоря уже о применении, тех или иных средств воздействия на того или иного субъекта правоотношений. Резкий крен в сторону чрезвычайного законодательства в начале настоящего столетия во всем мире указывает если и не на несостоятельность ранее разработанных идей применительно к категории «ответственность», то, по крайней мере, на их неустойчивость в современных условиях. Собственно, на это же указывает и снижение уровня принятия решения, ставшее допустимым в целом ряде случаев, когда необходимо такую ответственность применять. Наряду с доминирующими процессами деградации правоприменителя, произошедшей в основном по объективным причинам, его полномочия в данном вопросе стали несравненно выше, чем это было, например, во второй половине двадцатого столетия или в более ранние периоды.

Важно понимать, что сущность любого явления с позиции философии представляет собой нечто неотъемлемое, то, без чего оно прекращает свое существование, утрачивая свою уникальность и самоидентичность. Традиционным и понятным для любого индивида является представление об ответственности как о каре или о возмездии со стороны государства и по отношению к тому, кто допустил нарушение установленного правила поведения. Даже принцип талиона не выглядит чем-то далеким и непонятным для современного человека. Такова историческая обусловленность развития самой ответственности, ее сущности, формировавшейся веками не только в отечественном праве, но в праве в целом вне зависимости от государственных границ и других особенностей, присущих каждому обществу.

⁴ Бавсун М. В. «Чрезвычайное» правовое регулирование, как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 10–16; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>.

⁵ Теракты в Париже 13 ноября 2015 года // РИА Новости : сетевое издание. – URL: <https://ria.ru/20201113/terakty-1584070267.html> (дата обращения: 23.06.2024).

Однако именно его трансформация, как впрочем, и фундаментально изменившийся подход к оценке каждого человека как биологической особи, поставили под сомнение саму сущность ответственности с позиции имеющихся у нее возможностей оказывать в первую очередь частнопревентивное воздействие на лицо, признанное виновным в нарушении правовых норм.

Возможности эти уже в конце прошлого столетия стали по-настоящему безграничными, позволяя на совершенно ином уровне воздействовать как на психику, так и на физиологическое состояние лица, признанного виновным в совершении преступления. Убедительно по данному поводу пишет О. В. Попова, оценивая тело человека как территорию технологий, пытаясь при этом найти грань между социальной инженерией и биотехнологическим конструированием. Раскрывая те возможности, которые сегодня появились у науки в части воздействия на человека, автор отмечает, что их стало гораздо больше, чем государство может позволить себе использовать (с учетом вопросов этики, морали, а также соблюдения базовых прав и свобод человека) [2]. Прагматизм, обусловленный масштабно меняющимися объективными условиями существования современного общества, вынуждает власть искать новые способы принуждения, того принуждения, которое бы действовало адресно и было способно достичь максимального эффекта. Изоляция нарушителей закона, устрашение населения, месть за совершенное преступление остаются и никуда не исчезают из арсенала государственного принуждения. В то же время они, утратив свою уникальность, все больше становятся устаревающими идеями, в разные периоды определявшими сущность наказания, но не более того. Они все больше уступают место новым технологиям, а соответственно, и средствам воздействия на человека, что, собственно, и составляет суть трансформации, выходящей далеко за пределы простого расширения уже давно сформировавшихся и хорошо известных подходов и идей. «Доказательство этого обретает весомость по мере прогресса в производстве машин. Все больше и больше машинерии, все больше механистического обнаруживается в самой что ни на есть заповедной зоне, в самом сердце того, что считали исконно относящимся к душе и исконно субъективным. ... Из этого следует, что люди вступили в эпоху, которая вырвет у них из груди сердце, совершенно не обращая внимание на что-то персональное...» И далее: «Посредством обнаружения механистического в этой сфере, которая казалась самой сердцевиной субъективного, будет обследовано едва ли не все, что как будто не поддавалось обследованию или не желало считаться доступным для обследования: отношение к ребенку, отношение к животному, отношение к собственному телу, включая его яйцеклетки и семенные клетки ..., отношение к Абсолютному, которое было дано нам в пограничных ситуациях рождения и смерти, кажущихся нам неподвластными» [3, с. 162–163].

М. В. Бавсун и Д. В. Попов на этом фоне пишут о практически фантастических реакциях государства на преступные проявления, которые совершенно не вписываются ни в одну из доминирующих на протяжении различных исторических отрезков идей. Авторы отмечают: «В таком мире возможно законодательное закрепление принципа талиона и аутсорсинга исполнения наказания (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*White Bear*”), технологии допроса загрузок сознания, показания которых приравниваются к показаниям физического лица (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*White Christmas*”), виртуальные пытки (Р. Морган, «Видоизмененный углерод»), добровольное установление имплантов в головной мозг солдата, в скрытую часть пакета функций которых входит формирование монструозного образа потенциального противника (телесериал «Черное зеркало», эпизод “*Men Against Fire*”), роботы-полицейские, осуществляющие административную деятельность (кинофильм «Элизиум»), «охотники за премиальными», имеющие лицензии на отстрел беглых андроидов (Ф. К. Дик, «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). Наряду с этим на вполне серьезном уровне обсуждается и тюрьма будущего – “*Cognify*”, концепт которой предполагает то, как искусственный интеллект (чип, встроенный мозг человека) заставит преступника переживать страдания своей жертвы, когда минуты будут равняться годам.

«Кроме визуальных эффектов, технология может вызывать физические ощущения, такие как боль и страдания, которые испытала жертва. *Cognify* будет создавать реалистичные воспоминания в реальном времени, используя ИИ, и встраивать их в нейронные сети мозга, чтобы избежать когнитивного диссонанса. Воспоминания будут адаптироваться в зависимости от тяжести преступления и приговора»⁶. Что характерно, этот процесс можно сделать практически бесконечным, доведя человека до состояния психического расстройства или полной зависимости, а соответственно, и его подконтрольности.

Можно ли в данном случае вести речь о каких-либо аналогиях с сущностью той уголовной ответственности, к которой мы «привыкли», и насколько она вообще вписывается в традиционные рамки именно уголовно-правовой отрасли? Очевидно, что ответ на этот вопрос не может носить однозначного характера, требуя не просто нового взгляда на проблему, а ее тщательного исследования с целью формирования иного представления, основанного в т. ч. и на тех технологических императивах, которые все больше вторгаются в регулирование общественных отношений⁷. И на каком бы высоком уровне не рассуждалось о недопустимости наделения искусственного интеллекта правосубъектностью⁸, процесс внедрения всего нового, как показывает история, от этого не страдает, как правило, размывая любые ортодоксальные позиции. Это лишь вопрос времени и обоснования, с последующим принятием того, что какое-то время выходило за границы понимания. В некоторой степени это вопрос различных поколений, получивших не только разные знания, но и во многом выраженных на различных ценностях. Это, кстати, крайне важно и с позиции самого права и того, насколько новые идеи и в особенности средства их реализации более нравственны, чем начала возмездия, кары и устрашения, и насколько теория преступления и наказания относится к числу варварских [4, с. 157–159] на фоне происходящей трансформации.

Между тем, сколько бы ни говорилось о чрезмерной иллюзорности того, что написано выше, мы правы лишь отчасти. Во-первых, исходя из современных технологий, далеко не все можно так просто отрицать, а во-вторых, где гарантия того, что уже сейчас не разработано значительно большее число средств, пока что выходящих за пределы нашего понимания? Сам факт постановки вопроса о возможном присутствии в нашей жизни чего-либо подобного, пусть даже в литературе или кинематографе, уже говорит о многом, особенно если учесть неслучайность их появления в столь массовых отраслях деятельности человека. Работа О. В. Поповой (и не только [5]) говорит нам о реальности именно второго варианта и возможном его развитии в обозримом будущем.

Надо только понимать, что от прежнего представления об ответственности в этом и схожих с ним векторах развития событий практически ничего нет, причем это в равной степени касается как собственно определения уголовного наказания, так и процесса его реализации в рамках уголовно-исполнительного права и законодательства. В новых технологических условиях, в иных биополитических реалиях, когда отношение к человеку строится через технологии, а отношение к его жизни – как к управляемому государством процессу [6, с. 259–284], уже крайне сложно говорить о некоей и исключительно личной обязанности виновного в совершении преступления претерпевать тяготы и лишения ради своего исправления или перевоспитания. Проблема в том, а что же все-таки нужно государству с учетом особенностей эпохи, и есть ли там вообще место и исправлению, и перевоспитанию?

Помимо глубокой трансформации самих тягот и лишений в этом же направлении (переоценки, переосмысления) движется и отношение государства как собственно к преступнику,

⁶ Искусственный интеллект позволит преступнику прожить эмоции жертв в качестве наказания : Предложена новая концепция наказания // РБК : информационное агентство. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/667ad0169a79471fce952697> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ См. об этом более подробно: Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 11–17; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-10-17>.

⁸ См., например: Нагорная М. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Адвокатская газета : сетевое издание. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (дата обращения: 10.08.2024).

так и к тому, что, как и для чего (что становится ключевым) он должен претерпевать. Другими словами, понимание того, что использование новых технологий, являющихся элементами искусственного интеллекта, несмотря на то, что пока носит разрозненный характер, но тем не менее имеет тенденцию к объединению в рамках целенаправленной уголовной (с ее биополитическим бэкграундом [7, с. 75–84]) политики государства, дает все основания для гораздо более серьезного отношения к наблюдаемым трендам развития исследуемого явления. Представляется, что переход от полного отрицания только формирующегося подхода к его повсеместному внедрению и использованию в качестве основного не настолько далек, как это может показаться сейчас.

Для того чтобы понять его суть в карательной составляющей деятельности государства применительно к преступникам, необходимо обратиться к процессам политико-социального свойства, объясняющим, во-первых, что происходит, а, во-вторых, почему это происходит. Только тогда можно пытаться формулировать некие выводы или предположения о дальнейших трендах развития ответственности в рамках уголовного и уголовно-исполнительного права, а соответственно, и вести речь о предпринимаемых в связи с этим мерами. По этому поводу М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин отмечают: «В качестве самого общего, собственно политологического, отличия текущего этапа уголовной политики от предшествующего можно назвать тот факт, что стратегия и тактика противодействия преступлениям стали в большей степени „политическими” и в меньшей – „уголовно-правовыми”. Различия эти восходят к концептуальным построениям Дюркгейма и Фуко о функциях преступности и задачах политики противодействия ей. У первого преступность и борьба с ней призваны обеспечить нормативное, моральное единство общества, у другого – они выступают лишь в качестве средства управления общественными группами и селективного принуждения»⁹. Разница в подходах, безусловно, колоссальна, как, впрочем, велика эта разница в различии эпох, в которых творили оба автора. При этом надо понимать, что тот же М. Фуко свое видение выдал еще в середине 70-х гг. прошлого столетия, а оно в свою очередь строилось на серьезных исследованиях и многовековом опыте развития на Западе антропологической науки, позволивших ему сформировать настолько откровенно циничный биополитический (вперемешку с евгеникой, селективным отбором и пр.) подход. Поэтому сейчас говорить о неких неожиданностях, возникших в самой идее ответственности как одном из главных рефлексивных средств воздействия на преступника, наверное, не приходится. Скорее, речь необходимо вести о принятии или непринятии крайних проявлений той же евгеники и даже селекции, возможном сдерживании некоторых процессов либо предложении альтернативы как в видах наказаний, так и в их исполнении.

Увы, но многое из того, что перечислено выше, служит (именно служит) не принципам и идеям, провозглашенным в работах Дюркгейма, а тому, что транслируется в самых откровенных методичках постмодерна и производных от него явлениях или образах. Отчасти последователи М. Фуко, отчасти его соратники (в т. ч. и предшественники) в лице Ю. Хабермаса, З. Баумана, С. Жижека, Ж. Бодрийяра, П. Слотердайка, Ж. Деррида и многих других, посвящая свои работы проблеме отношения государства к своим гражданам, в т. ч. совершившим преступления, вносят серьезный вклад в трансформацию уже давно сформировавшегося в этом отношении подхода. Не вдаваясь в дискуссию, не оценивая труды перечисленных авторов и транслируемые ими идеи, тем не менее, нельзя не отметить, что именно благодаря им сегодня мы стоим на пороге революции как в самом понимании ответственности, так и ее (в особенности) реализации на практике. В них все – и новые технологии, и отношение государства к преступности, преступлениям, преступникам, и к принуждению в целом (и его средствам) на фоне представления о свободе личности и необходимости сохранения ее приоритета в соотношении с другими ценностями. Все это

⁹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 117–123; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-117-126>.

позволило разработчикам данного направления выйти на принципиально новые идеи ответственности, которые, с одной стороны, действительно позволяют корректировать позицию государства в данном вопросе, продвигая ее вперед, а с другой, указывают на несовершенство прежних догм, трансформация которых, так или иначе, неизбежна.

Ученые отмечают, что при всем этом различные концепции ответственности не являются взаимоисключающими, более того, этого и невозможно. «Не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы понять: уголовная политика, базирующаяся на той или иной из них, принципиально различается с точки зрения содержания уголовно-правового запрета и мер уголовно-правового характера, целей уголовного наказания, организации судебного процесса и стандартов доказывания, роли и возможности суда в противодействии преступности, критериев оценки эффективности политики и т. д. Уголовная политика с опорой на идеи Дюркгейма, как представляется, вполне может быть отнесена к разряду „классических“, делающих ставку на аморальность как признак преступления, вину как основание ответственности, исправление как цель наказания, воспитательную роль суда. Политика же в духе Фуко – «модернистская» (скорее постмодернистская – А. К.), банализирующая и рутинизирующая судебный процесс, пренебрегающая индивидуальными особенностями личности, ставящая сам факт ответственности и наказания преступника выше цели наказания, а по сути, признающая целью политики само осуществление наказания» [8, с. 26–40].

Остается лишь добавить, что сохранение элементов каждой концепции ответственности в ее новом виде, тем не менее, повлечет за собой глубокую трансформацию ее сущности. И то, и другое вполне объяснимо. Невозможно отменить весь накопленный человечеством опыт принуждения государством своих граждан (подданных) в случае совершения ими преступления. В свою очередь, принципы, заложенные в само явление, как и в его реализацию, уже претерпели трансформации и находятся на пути дальнейших изменений или, как минимум, поиска точек соприкосновения. Нельзя не согласиться со специалистами в оценке идейной перемены того, что все-таки хочет государство от ответственности, а соответственно, и от тех, к кому она применяется. И если совсем недавно все рассуждения применительно к ответственности и наказанию велись через призму возмездия и кары, то сейчас все чаще речь идет о контроле [9, с. 5–10], причем о его тотальности, включая не только объективный контроль (при помощи специальных технических средств), но и его психолого-физиологический, ранее совершенно недоступный, уровень.

Мы говорим не о социальном контроле, о котором написано уже немало и достаточно давно, а именно о контроле отдельно взятых лиц посредством применения к ним абсолютно конкретных средств, не позволяющих им либо скрыться от наблюдения, либо вообще исключаящих (либо наоборот позволяющих) противоправное поведение. По Г. Тарду, социальный контроль – это «средство возвращения лиц с антиобщественным поведением к социально приемлемой модели поведения» [10, с. 139]. Расширяя его теорию, Г. Росс и Г. Парк рассматривали социальный контроль как «способы публичного воздействия общества в лице общественности на личность в целях регуляции ее поведения и приведения его в соответствие с общепринятыми в данной общности нормами» [11, с. 9]. Контроль, по их мнению, служит достижению и поддержанию стабильности социальной системы. Данный термин имеет весьма широкое распространение в криминологии и объединяет различные средства уголовно-правового воздействия, позволяющие достигать целей предупреждения преступлений (снижения уровня преступности до приемлемого уровня) [9, с. 7].

Однако применительно к ответственности ситуация иная, и если раньше была выстроена одна система, когда в результате наказания мы добивались карательного и возмездного элементов, а затем пытались не допустить повторения преступного действия, то сейчас в случае с ответственностью речь идет о совершенно других аспектах. Их реализация исключает в дальнейшем социальный контроль как таковой либо оставляет за ним лишь некоторую, второстепенную функцию, абсолютно подконтрольную государству, при этом возлагая именно на ответственность практически все, от собственно тягот и лишений, до вполне

конкретных средств контроля, правда, лишенных социального начала. Человек, согласно новой концепции, перестал быть интересен именно как личность, со своим богатым духовным миром, религиозной принадлежностью, страданием и жизненным поиском. Контроль над ним, причем любым способом (как над механическим устройством), оказался во главе угла, отодвинув в сторону иные возможные мотивы воздействия на виновного в совершении преступления. Прагматизм вкупе с цинизмом победили все, что касается морали и души, начав выполнять строго заданные и вполне земные задачи, и именно контроль оказался сущностью ответственности, как и непосредственно наказания или иных мер уголовно-правового характера. В еще большей степени это относится к уголовно-исполнительной отрасли, где он изначально поставлен в основу отбывания любого вида наказания, а с усилением данной функции в уголовном праве лишь дополнительно расширяется в сфере исполнительной.

Что характерно, контроль уже давно был возведен в ранг идеи формирования как самой преступности, так и общества в целом, не говоря уже об ответственности как об одном из основных инструментов решения данной задачи. В свою очередь, чем больше инструментария оказывалось у государства (технологических императивов), тем более амбициозными в этом отношении становились задачи. Критичной при этом была и по-прежнему остается проблема соотношения различных по своему духу идей, особенно в части их реализации, причем даже не наказания и ответственности, а отношения государства к своим гражданам. Ретроспективно они совершенно различны, но как единство и борьба противоположностей в сложившихся условиях не могут существовать друг без друга.

В итоге даже амбивалентность, пишут специалисты, сейчас носит весьма условный характер. «Мы еще пытаемся опираться на базовые для нас принципы, на которых мы выросли и были воспитаны. Они еще есть, но их уже нет. Цепляясь сознанием за то, что нам привычно, сложно принять уже случившуюся трансформацию. Деконструкция в ее максимально жесткой форме уже произошла, и никакой амбивалентности права нет. Есть двойственность восприятия, но время вне зависимости от пространства делает свое дело достаточно быстро. Вопрос не в том, когда это случится, а в том, как быстро произойдет процесс восприятия нового, а самое главное, его необратимость, когда вновь пришедшее поколение не будет способно вспомнить иного (соответственно, сравнить и выбрать лучшее). В результате заведомо утопические сценарии, нашедшие свое описание в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли или А. А. Зиновьева, в последнее десятилетие сильно потеряли именно в своей утопичности. Жесткий контроль, демонстрируемый, в первую очередь, на уровне человеческой психики, который еще вчера считался если не болезненной фантазией, то художественным вымыслом, сейчас обретает вполне конкретные очертания. Следует при этом понимать, что новая реальность не допускает и намека на амбивалентность, полностью абсолютизируя и время, и пространство. Триумфальная аномалия, влекущая за собой гиперфинальность всего (прежде всего, тех идей, на которых длительное время строилось современное общество), оказываются над временем и пространством, в конечном итоге определяя то, какими они должны быть уже сегодня» [12, с. 73–74].

Столь пессимистичный взгляд относительно будущего всей юстиции, нашедший свое отражение в работе М. В. Бавсуна и Д. В. Попова, отчасти оправдан наблюдаемыми в последние несколько десятилетий тенденциями в трансформациях всего общества в целом. В связи с этим доминирование контроля в уголовном праве в случае дальнейшей реализации биополитического проекта представляется неизбежным. Более того, все чаще начинают звучать тезисы, обосновывающие тот факт, что рациональность предупреждения преступности в своей основе сводится к почти тоталитарной биополитической стратегии, поскольку она фокусируется практически на всех аспектах жизни человека от здоровья до контроля его поведения в отдельных жизненных ситуациях. Открытым остается лишь вопрос относительно конкретных форм такого контроля, его пределов и направленности в зависимости от того, какова все-таки конечная цель. Однако уже сейчас с уверенностью можно сказать, что какая бы из предложенных моделей ни была выбрана, каждая направлена

на полное исключение малейшей альтернативы у виновного в совершении преступления. З. Бауман, анализируя произведения Дж. Оурэла и О. Хаксли, прямо указывает на прогнозирование ими максимально стабильного общества именно за счет исключения каких-либо альтернатив как наиболее легкого способа его управления [13, с. 172–174]. Естественно, что у той его части, которая допускает девиантное поведение, таких альтернатив не может быть априори.

М. Фуко подобное подчинение понимал буквально, как дисциплину [14], Агамбен [15] – в крайней точке – как редукцию к «голой жизни» – пределу человеческого в человеке. Иное управление человеком, в отличие от моральной или правовой регуляции, носит буквальный – телесный, «роботизированный» – характер [16, с. 63–70], чем сейчас активно наполняется такая категория, как ответственность, применительно к уголовно-правовой и уголовно-исполнительной сфере. М. Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному поведению общественных классах [14, с. 312–314]. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве делинквентов, казалось бы маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды; в производстве делинквента как патологического субъекта. Успех тюрьмы в борьбе вокруг закона и противозаконностей состоит в том, что она устанавливает „делинквентность”» [14, с. 406].

Заключение

Есть мнение, согласно которому бездумное воссоздание традиционного уклада приводит к формированию карикатурных форм – симулякров прошлого, потворствование же текущим трендам способно породить мрачные формы будущего. Где же точка сборки? Отвергнуть современный уклад, в т. ч. полностью отвергнуть нынешнее законодательство? Или модернизировать политический дискурс в направлении применения ответственной морали как фактора, минимизирующего преднамеренную шизофренизацию группового и индивидуального сознания? И искать компромисс между перманентной модернизацией технологий, политической волей элиты и ценностями, на которых базируется жизнь человека: любовью, свободой, мирным сотрудничеством, трудом, необходимым уровнем дохода, любознательностью?

Решения нет и не будет, а поиск баланса – одна из наиболее сложных проблем не только в данном вопросе. Понятно лишь, что как раньше – не будет, и совершенно непонятно, как будет дальше, как, впрочем, ясно, что многое будет зависеть от конкретных обстоятельств социального, политического, экономического и т. д. характера на определенный момент. Смешение идей, определяющих сущность ответственности, от мести до контроля в сочетании с карой, возмездием и устрашением придают рассматриваемой категории достаточно серьезный образ, указывающий не только на глубокую ретроспективу, но и на серьезные перспективы дальнейшего развития. Нужны эти перспективы или нет, значения не имеет, важен факт их неизбежности с учетом трансформации мировоззренческого подхода и смены поколений, иным образом относящихся к иной действительности.

Как итог, сочетание не просто условно «старого» и не менее условно «нового», а интегрирование многократно нового в прежнюю модель ответственности, откуда, с одной стороны, невозможно изъять базовые начала принуждения, а с другой – необходимо поместить иное содержание, меняющее в свою очередь сам принцип отношения государства к тем, кто совершил преступления. Последняя четверть столетия прошлого и первая века нынешнего не просто сгенерировали новые идеи и принципы ответственности, таким образом выступив в качестве условно прогрессивного периода. Генерация, безусловно, произошла, но возникла она не сама по себе, а стала возможной благодаря многим факторам объективного свойства, которые накапливались на протяжении долгого времени, включая не только развитие различных отраслей наук, в числе которых медицина, психиатрия,

генетика, антропология и т. д., но и факторы политического, экономического, общемирового, регионального, национального и иных свойств и качеств. Речь при этом должна идти даже не столько об изменении внешних обстоятельств, сколько об их способности трансформировать сущность ответственности, имеющей потенциал впитать, казалось бы, достаточно разнонаправленные идеи под эгидой тотального контроля, исключающего любую альтернативу для преступника. В сочетании с возмездием и карой в ближайшем обозримом будущем мы можем наблюдать значительно более тоталитарную, жестокую и безальтернативную систему юстиции, чем любая из тех, которые мы знали ранее.

Список литературы

1. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении : монография. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 135 с.
2. *Попова О. В.* Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : [монография]. – Москва: Канон+, 2021. – 336 с.
3. *Слотердаик П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть : диалогические исследования / пер. с нем. А. Перцева. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 600 с.
4. *Соловьев В. С.* Проповедник в пустыне: проповеди о праве : (избранные труды) / сост.: В. И. Лафитский, Е. А. Юртаева. – Москва: Статут, 2014. – 623 с.
5. *Белялетдинов Р. Р.* Риски современных биотехнологий. Социогуманитарный анализ : монография. – Москва: 4 Принт, 2019. – 212 с.
6. *Mbembé J.-A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12, Is. 1. – P. 259–284; <https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259>.
7. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Биополитический бэкграунд уголовной политики // *Философия права*. – 2019. – № 4 (91). – С. 75–84.
8. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Преступность и судебно-уголовная политика // *Журнал российского права*. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 26–40; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>.
9. *Карпов К. Н.* Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2020. – № 4. – С. 5–11; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11001>.
10. *Тард Г.* Социальная логика : [Перевод]. – Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 1996. – 427 с.
11. *Ross E. A.* Social control; a survey of the foundations of order. – New York: The Macmillan Company, 1969. – 491 p.
12. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2021. – № 1 (80). – С. 66–74; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
13. *Бауман З.* Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского – Москва: Новое издательство, 2021. – 204 с.
14. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 1999. – 480 с.
15. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижев [и др.]. – Москва: Европа, 2011. – 146 с.
16. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // *Вестник Омской академии МВД России*. – 2018. – № 4 (71). – С. 62–70.

References

1. *Martsev A. I.* Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii : monografiya. – Omsk: Omskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 135 s.

2. *Popova O. V.* Telo kak territoriya tekhnologiy. Ot sotsial'noy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya : [monografiya]. – Moskva: Kanon+, 2021. – 336 s.
3. *Sloterdayk P., Khaynricks G.-Yu.* Solntse i smert' : dialogicheskiye issledovaniya / per. s nem. A. Pertseva. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2015. – 600 s.
4. *Solov'yev V. S.* Propovednik v pustyne: propovedi o prave : (izbrannyye trudy) / sost.: V. I. Lafitskiy, Ye. A. Yurtayeva. – Moskva: Statut, 2014. – 623 s.
5. *Belyaletdinov R. R.* Riski sovremennykh biotekhnologiy. Sotsiogumanitarnyy analiz : monografiya. – Moskva: 4 Print, 2019. – 212 s.
6. *Mbembé J.-A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa // Public Culture. – 2000. – Vol. 12, Is. 1. – P. 259–284; <https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259>.
7. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Biopoliticheskiy bekgrund ugolovnoy politiki // Filosofiya prava. – 2019. – № 4 (91). – S. 75–84.
8. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Prestupnost' i sudebno-ugolovnaya politika // Zhurnal rossiyskoy prava. – 2021. – T. 25, № 12. – S. 26–40; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>.
9. *Karpov K. N.* Funktsiya kontrolya v ugolovnom prave: postanovka problemy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2020. – № 4. – S. 5–11; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11001>.
10. *Tard G.* Sotsial'naya logika : [Perevod]. – Sankt-Peterburg: Sotsial'no-psikhologicheskiiy tsentr, 1996. – 427 s.
11. *Ross E. A.* Social control; a survey of the foundations of order. – New York: The Macmillan Company, 1969. – 491 p.
12. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya III. Ambivalentnost' prava v kontekste biopoliticheskoy strategii gosudarstva // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – № 1 (80). – S. 66–74; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11012>.
13. *Bauman Z.* Svoboda / per. s angl. G. Dashevskogo – Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2021. – 204 c.
14. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my / per. s fr. V. Naumova ; pod red. I. Borisovoï. – Moskva: Ad Marginem Press, 1999. – 480 s.
15. *Agamben Dzh.* Homo sacer. Chrezvychaynoye polozheniye / per. s ital. M. Velizhev [i dr.]. – Moskva: Yevropa, 2011. – 146 s.
16. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya I. Proliferatsiya norm i razum // Vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (71). – S. 62–70.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 8, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-174-182>

Олег Владимирович Логунов

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-8092-1576>, logunov864@rambler.ru

*Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации
в Северо-Западном федеральном округе*

Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 3-я линия Васильевского острова, д.12

Эльдар Кяримович Кутуев

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-5604-4852>, kutuev@inbox.ru

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21*

О совершенствовании порядка хранения арестованного недвижимого имущества

Аннотация: Введение. Проблема хранения в ходе досудебного производства по уголовному делу арестованного недвижимого имущества не только сохраняется, но и обостряется в связи со все более широким применением данной разновидности меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренной ст. 115 УПК РФ. Принятые Правительством Российской Федерации 28 сентября 2023 г. новые Правила учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам, эту проблему не снимают. Анализируется несколько вариантов разрешения данной проблемы, предлагаемых учеными. **Методы.** Для разрешения этой проблемы применялись диалектический, формально-логический методы, а также метод толкования уголовно-процессуальных правовых норм. **Результаты.** В статье предлагается и обосновывается авторский подход к решению обозначенной проблемы. Суть предложения состоит в том, чтобы ответственное хранение и эксплуатацию арестованных объектов недвижимости осуществляли на договорной основе предприятия. Авторы настаивают на необходимости заключения ГУ МВД России договоров с предприятиями об ответственном хранении и эксплуатации объектов недвижимости, на которые наложен арест. Эти предприятия должны осуществлять ответственное хранение и эксплуатацию арестованных по решению суда объектов недвижимости до вынесения приговора или иного окончательного решения по данному уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, наложение ареста на имущество, недвижимое имущество, хранение арестованных объектов недвижимости, договорная основа

Для цитирования: Логунов О. В., Кутуев Э. К. О совершенствовании порядка хранения арестованного недвижимого имущества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 174–182; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-174-182>.

Original article

Oleg V. Logunov

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-8092-1576>, logunov864@rambler.ru

*Office of the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation
to the Northwest Federal District*

12, 3rd line of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, 199004, Russian Federation

Eldar K. Kutuev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5604-4852>, kutuev@inbox.ru

Saint Petersburg State Economic University

21, 3rd line of Vasilievsky island, Saint Petersburg, 199004, Russian Federation

On the improvement of the procedure for the storage of seized immovable property

Abstract: Introduction. The problem of storage of seized property during pre-trial criminal proceedings not only persists, but is becoming more acute due to the increasing use of this type of criminal procedural coercive measure provided for by Article 115 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The new Rules on accounting and storage of objects and documents seized in the course of investigation but not recognised as material evidence in criminal cases until recognised as material evidence in criminal cases, adopted by the Government of the Russian Federation on 28 September 2023, do not solve this problem. Several options for solving this problem proposed by scholars are analysed. **Methods.** In order to solve this problem, we used dialectical, formal-logical methods, as well as the method of interpreting the legal norms of criminal procedure. **Results.** The article proposes and substantiates the authors' approach to solving the problem. The essence of the proposal is that the responsible storage and operation of confiscated real estate objects should be carried out by enterprises on a contractual basis. The authors insist on the need for the Main Department of the Ministry of the Interior of Russia to conclude contracts with enterprises for the responsible storage and operation of seized real estate objects. These companies should be responsible for the storage and operation of real estate objects seized by court order until the verdict or other final decision on the criminal case is rendered.

Keywords: criminal procedure, pre-trial proceedings, seizure of property, immovable property, storage of seized real estate, contractual basis

For citation: Logunov O. V., Kutuev E. K. On improving the procedure for storing seized real property // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 174–182; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-174-182>.

Введение

Наложение ареста на недвижимое имущество в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) получает в последнее время все большее распространение, что обусловлено в том числе расширением числа случаев применения данной уголовно-процессуальной меры принуждения обеспечительного характера².

Вопрос о хранении арестованного недвижимого имущества недостаточно урегулирован действующим законодательством, что, по мнению специалистов, представляет серьезную проблему на практике³ [1, с. 498, 518–519; 2–13]. Между тем, как показывает анализ научных источников, конкретных предложений по разрешению данной проблемы не предлагается.

Ввиду практической актуальности проблемы, стоящей перед органами предварительного расследования, существующей правовой неопределенности относительно организации хранения арестованных объектов недвижимости необходим новый концептуальный подход к ее разрешению в современных условиях и выработка конкретных предложений для правоприменителей. Именно это составляет цель статьи.

Методы

Методологическую основу составила система используемых методов научного исследования, базирующаяся на всеобщем диалектическом методе, применение которого обуславливает анализ объективной реальности в системе ее диалектических связей и противоречий, требующих правового воздействия. Использование формально-логических методов позволило проанализировать проблему, возникающую перед правоприменителем после наложения ареста на объект недвижимости, содержание которого в надлежащем состоянии, а тем более использование по назначению требует надлежащего менеджмента. Системный, логический, грамматический методы толкования уголовно-процессуальных правовых норм, регулирующих порядок наложения ареста на имущество, а также норм акта подзаконного нормативно-правового регулирования, позволили выявить недостаточную смысловую определенность некоторых из них и восполнить эту неопределенность, сделав соответствующее конкретное предложение практикам, тем самым осуществив акт «восполняющего толкования» смысла действующего законодательства.

Результаты

В части шестой ст. 115 УПК РФ прописана бланкетная норма о том, что арестованное имущество подлежит учету и хранению в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В настоящее время этот порядок регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации»⁴. Ранее этот порядок регулировался «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ // СЗ РФ. – 2024. – № 8. – Ст. 1038.

³ Гараева Т. Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск: Омская Академия МВД России, 2022. – 203 с.

⁴ СЗ РФ. – 2023. – № 41. – Ст. 7316.

по уголовным делам», утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449⁵.

Согласно пункту 7 *новых* «Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов...», арестованное имущество может передаваться на ответственное хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, имеющим условия для их хранения и наделенным правом в соответствии с законодательством Российской Федерации *на их хранение на основании договора хранения, заключенного уполномоченным органом и юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем*, при условии, что издержки по обеспечению специальных условий хранения этих предметов соизмеримы с их стоимостью.

Порядок передачи на ответственное хранение арестованного недвижимого имущества остается прежним, т. е. недостаточно урегулированным. Это затрудняет на практике применение данной меры уголовно-процессуального принуждения обеспечительного характера.

Следующий пример подтверждает актуальность вышесказанного.

В производстве Следственной частью по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления (далее – ГСУ) Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ГУ МВД России) находится уголовное дело, возбужденное 23 марта 2021 г., по обвинению члена совета директоров и председателя правления АО «Международный банк Санкт-Петербург» Б. С. В. в хищении совместно с неустановленными лицами путем обмана с использованием фиктивных документов с корреспондентского валютного счета Банка, открытого в иностранном банке (*Bank of New York Mellon*, США) безналичных денежных средств на общую сумму не менее 80 877 508,68 долларов США, что эквивалентно не менее 5 183 848 898,2 рублей, чем причинили Банку ущерб на указанную сумму, т. е. совершили преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В ноябре 2021 года Выборгским районным судом г. Санкт-Петербурга вынесено постановление о разрешении наложения ареста на имущество обвиняемого – нежилое здание бизнес-центра «Глобус» и земельный участок площадью 4 601 м², расположенные по адресу: г. Санкт-Петербург ..., оформленного в собственность ООО «Бизнес-центр „Глобус”», единственным участником которого тот (обвиняемый) является, общей кадастровой стоимостью 322 487 928,35 рублей. При этом указанным решением суда, вступившим в законную силу, установлен запрет титульному собственнику (указанному Обществу) в любой форме пользоваться и распоряжаться указанным имуществом, *с передачей арестованного имущества на ответственное хранение в специализированную организацию* – с целью зачисления дохода от сдачи помещений в аренду для погашения гражданского иска потерпевшего – Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

Согласно пункту 2 действовавших на тот момент «Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449, вещественные доказательства, которые не могут храниться при уголовном деле или в камере хранения вещественных доказательств, в частности, в связи с необходимостью обеспечения специальных условий их хранения, передаются на хранение в государственные органы, имеющие условия для хранения и наделенные правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение, а при отсутствии таковой возможности – юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю при условии, что издержки по обеспечению специальных условий хранения этих вещественных доказательств соизмеримы с их стоимостью.

Однако выполнить решение суда в части передачи арестованных объектов недвижимости обвиняемого Б. С. В. в специализированную организацию не представилось возможным

⁵ Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (вместе с «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам») : постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449 // СЗ РФ. – 2015. – № 20. – Ст. 2915. – Утратили силу.

ввиду того, что у ГУ МВД России не были заключены соответствующие договоры на хранение арестованного недвижимого имущества с какими-либо юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

С предложением выступить в качестве специализированной организации и осуществлять на договорной основе хранение арестованного имущества в ГСУ ГУ МВД России обратилось ООО «Северо-западная экспедиторская компания», имеющая аккредитацию Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество).

В связи с этим ГСУ ГУ МВД России была подготовлена докладная записка с предложением рассмотреть вопрос о возможности заключения с ООО «Северо-западная экспедиторская компания» договора на хранение арестованного имущества.

Указанный вопрос был поручен для рассмотрения Правовому управлению ГУ МВД России. Согласно докладной записке Правового управления ГУ МВД России, заключение договора на хранение арестованного имущества с ООО «Северо-западная экспедиторская компания» не представляется возможным по следующим причинам:

- необходимо заключать договор на оказание охранных услуг с организацией, имеющей лицензию на осуществление охранный деятельности;
- заключение договора хранения имущества с ООО «Северо-западная экспедиторская компания» без соблюдения принципа конкуренции является нарушением Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶;
- отсутствует расчетный счет ГУ МВД России, на который могут перечисляться денежные средства, полученные от сдачи в аренду арестованного недвижимого имущества (согласно позиции Центра финансового обеспечения ГУ МВД России).

Правовым управлением ГУ МВД России было предложено должностным лицам ГСУ ГУ МВД России отменить арест на недвижимое имущество от 25 ноября 2021 г. и принять иные обеспечительные меры с целью возмещения ущерба по гражданскому иску потерпевшего – Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов», не указав, какие именно.

Таким образом, по данному уголовному делу исполнить решение суда о наложении ареста на недвижимое имущество в части обеспечения его надлежащего хранения не представилось возможным.

Такая ситуация является типичной. Существует риск порчи, ненадлежащей эксплуатации, снижения доходности или даже утраты арестованных объектов недвижимости. Этому риску подвергается орган предварительного следствия, в производстве которого находится уголовное дело. Отсутствие реальной возможности обеспечить надлежащее хранение арестованного недвижимого имущества ввиду того, что орган внутренних дел договоров со специализированными организациями не имеет, препятствует его аресту.

В рамках расследования преступлений экономической направленности (как правило, это хищения бюджетных денежных средств, по которым причиненный преступлением ущерб исчисляется десятками и сотнями миллионов рублей) налагаются аресты на нежилое недвижимое имущество, находящееся в собственности обвиняемых, их родственников, доверенных и подставных лиц. При этом последними, как правило, не предпринимаются действенные меры по возмещению имущественного вреда потерпевшим, преимущественно государственным органам и предприятиям, а принадлежащие им нежилые объекты недвижимости, в т. ч. добытые преступным путем, эксплуатируются, в результате чего извлекается доход, обеспечивающий возможность длительное время скрываться от следствия и суда.

Многими органами предварительного следствия органов внутренних дел на постоянной основе расследуются уголовные дела, по которым устанавливается наличие у обвиняемых, их родственников, доверенных и подставных лиц недвижимого имущества, на которое может быть наложен арест, вопрос, касающийся заключения договоров на хранение недвижимого имущества, стоит остро. Такие договоры должны, как представляется, заключаться

⁶ О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 19.04.2024) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

с подразделениями тыла или со специализированными организациями, которые могут осуществлять хранение арестованного недвижимого имущества. При этом специализированная организация должна быть способна компетентно обеспечить хранение и эксплуатацию арестованных объектов недвижимости, в т. ч. вести хозяйственную деятельность на объекте недвижимости, содержать объект в надлежащем состоянии, оплачивать охрану, капитальный и текущий ремонт, охранно-пожарную сигнализацию, коммунальные и иные расходы, необходимые для ведения хозяйственной деятельности и содержания объекта в надлежащем состоянии, а извлеченный от эксплуатации нежилой недвижимости доход аккумулировать на специальном счете ГУ МВД России в целях возмещения потерпевшим ущерба от преступлений.

В уголовно-процессуальной научной литературе, посвященной обозначенной теме, предлагались альтернативные варианты разрешения проблемы, связанной с передачей на хранение и обеспечением надлежащего хранения арестованного недвижимого имущества. Так, предлагалось назначать временных управляющих для сохранения, в т. ч. продолжения эксплуатации арестованных объектов недвижимости по аналогии с назначением конкурсным (арбитражным) управляющим из реестра арбитражных управляющих в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»⁷ [1, с. 516–518; 14, с. 87]. В развитие этой идеи предлагалось создание Правительством России отдельного корпуса временных управляющих, из числа которых суд, принимающий решение о наложении ареста на недвижимое имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, назначает временного управляющего для надлежащего содержания, эксплуатации объекта недвижимости до принятия судом окончательного решения по уголовному делу.

Реализация данного предложения требует не только разработки Правительством специального порядка передачи на хранение, хранение арестованного недвижимого имущества, но и дополнительных бюджетных расходов на содержание штата государственных конкурсных управляющих, а также несение самим государством рисков, связанных с порчей или утратой объекта недвижимости, взятого под арест. Вместе с тем привлекательны идеи о том, чтобы прибыль от эксплуатации арестованных объектов недвижимости шла в госбюджет, а расходы на содержание объектов, брались из средств обвиняемых и лиц, несущих совместно с ними гражданско-правовую ответственность, за вред, причиненный преступлением [1, с. 518; 15, с. 118; 16, с. 14].

Другое предложение состоит в том, чтобы передать полномочия по реализации решения суда о наложении ареста на недвижимое имущество в стадии предварительного расследования Федеральной службе судебных приставов [17; 18]. Сходное предложение состоит в передаче вопросов, касающихся хранения арестованного недвижимого имущества, в ведение ФСИН. К достоинствам последнего предложения можно отнести то, что орган предварительного расследования освобождается от выполнения непрофильной и весьма обременительной функции. Участие должностного лица органа исполнительного производства при аресте недвижимого имущества упростит работу по осуществлению исполнения приговора в части имущественных взысканий. Справедливо указывается и на то, что уже существует похожий механизм делегирования контроля за исполнением принятого уголовно-процессуального решения, предусмотренный ч. 10 ст. 107 УПК РФ [19].

Заключение

Мы предлагаем разрешение данной проблемы путем проведения конкурсных процедур в соответствии с действующим законодательством, в т. ч. Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁸ на право заключения с ГУ МВД России договора ответственного хранения недвижимого имущества, признанного вещественным

⁷ Аршба Г. В., Гирько С. И., Николук В. В. Наложение ареста на имущество : учебно-практическое пособие. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2004. – С. 51.

⁸ СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

доказательством и (или) арестованного по уголовному делу. При этом предлагается предусмотреть условие об обязательном наличии у организаций-претендентов в свою очередь договоров на оказание охранных услуг с организацией, имеющей лицензию на осуществление охранной деятельности, а также предусмотреть обязательство вести раздельный учет денежных средств, получаемых от эксплуатации каждого объекта недвижимого имущества, на отдельных банковских счетах, на которые на основании решений суда по уголовным делам будет наложен арест.

Список литературы

1. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 607 с.
2. Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Юрист. – 2003. – № 1. – С. 41–47.
3. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 2 (61). – С. 18–24.
4. Ионов В. А., Иванов А. С. Проблемы наложения ареста на недвижимое имущество при производстве предварительного расследования (уголовно-процессуальный, оперативно-розыскные аспекты) // Адвокатская практика. – 2007. – № 6. – С. 27–29.
5. Ионов В. А. Наложение ареста на недвижимое имущество в соответствии со ст. 115 УПК РФ как средство обеспечения экономической безопасности // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 2 (9). – С. 67–72.
6. Налимов Д. Ф. Наложение ареста на имущество при производстве следственных действий: проблемные вопросы // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 134–136.
7. Федотов И. С. Особенности принятия процессуального решения о наложении ареста на имущество на стадии предварительного расследования // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 129–133.
8. Химичева О. В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. – 2019. – № 4 (9). – С. 62–65.
9. Кириллова Н. П., Назаров А. Д. Защита имущественных прав участников процесса и применение мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 1 (54). – С. 109–113.
10. Кириллов А. А. Понятие и признаки наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации // Международный правовой курьер : сетевое издание. – 2024. – № 1. – С. 20–23. – URL: <https://inter-legal.ru/ponyatie-i-priznaki-nalozheniya-aresta-na-imushhestvo-prinadlezhashhee-yuridicheskomu-litsu-dlya-vozmozhnoj-ego-konfiskatsii>.
11. Рахманова В. А. Меры, направленные на предупреждение сокрытия имущества должников. Назревшие вопросы совершенствования законодательства в данной области // Вестник исполнительного производства. – 2024. – № 2. – С. 50–69.
12. Красильников А. В. Наложение ареста на имущество: некоторые аспекты развития теории, совершенствования законодательного регулирования и практики применения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 3. – С. 42–48.
13. Луданина А. В. Проблемы хранения арестованного имущества: злоупотребления и ограничения прав собственника // Уголовный процесс. – 2024. – № 5 (233). – С. 60–64.
14. Иванов А. Н., Лапин Е. С. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : [монография]. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 176 с.

15. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика противодействия коррупции : монография. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2018. – 192 с.

16. Александров А. С., Александрова И. А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 5–19.

17. Тутынин И. Б. Исполнение судебного решения о наложении ареста на имущество следует полностью возложить на судебных приставов // Российский следователь. – 2009. – № 13. – С. 7–9.

18. Земскова Е. Н. Наложение ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых) как основная форма обеспечения возмещения ущерба по уголовным делам о преступлениях в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38). – С. 112–115.

19. Жалбуу Г. Особенности хранения имущества, на которое наложен арест, по уголовно-процессуальным кодексам Российской Федерации и Монголии // Сибирское юридическое обозрение. – 2016. – № 2 (31). – С. 46–50; <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-2-46-50>.

References

1. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. Sovremennaya ugolovnaya politika obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti putem protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 607 s.

2. Bagautdinov F. N. Nalozheniye aresta na imushchestvo i tsennyye bumagi po UPK RF // Yurist. – 2003. – № 1. – S. 41–47.

3. Bulatov B. B., Dezhnov A. S. Mesto nalozheniya aresta na imushchestvo v sisteme ugolovno-protssessual'nogo zakonodatel'stva: istoriya i sovremennost' // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2 (61). – S. 18–24.

4. Ionov V. A., Ivanov A. S. Problemy nalozheniya aresta na nedvizhimoye imushchestvo pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya (ugolovno-protssessual'nyy, operativno-rozysknyye aspekty) // Advokatskaya praktika. – 2007. – № 6. – S. 27–29.

5. Ionov V. A. Nalozheniye aresta na nedvizhimoye imushchestvo v sootvetstvii so st. 115 UPK RF kak sredstvo obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti // Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskiye oriyentiry, zakonodatel'nyye priority, praktika obespecheniya : Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2008. – № 2 (9). – S. 67–72.

6. Nalimov D. F. Nalozheniye aresta na imushchestvo pri proizvodstve sledstvennykh deystviy: problemnyye voprosy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2008. – № 2. – S. 134–136.

7. Fedotov I. S. Osobennosti prinyatiya protssessual'nogo resheniya o nalozhenii aresta na imushchestvo na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Ugolovnoye pravo. – 2018. – № 2. – S. 129–133.

8. Khimicheva O. V. Nalozheniye aresta na imushchestvo: balans chastnykh i publichnykh interesov // Akademicheskaya mysl'. – 2019. – № 4 (9). – S. 62–65.

9. Kirillova N. P., Nazarov A. D. Zashchita imushchestvennykh prav uchastnikov protssessa i primeneniye mer ugolovno-protssessual'nogo prinuzhdeniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 1 (54). – S. 109–113.

10. Kirillov A. A. Ponyatiye i priznaki nalozheniya aresta na imushchestvo, prinadlezhashcheye yuridicheskomu litsu, dlya vozmozhnoy yego konfiskatsii // Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer : setevoye izdaniye. – 2024. – № 1. – S. 20–23. – URL: <https://inter-legal.ru/ponyatie-i-priznaki-nalozheniya-aresta-na-imushchestvo-prinadlezhashchee-yuridicheskomu-litsu-dlya-vozmozhnoy-ego-konfiskatsii>.

11. Rakhmanova V. A. Mery, napravlennyye na preduprezhdeniye sokrytiya imushchestva dolzhnikov. Nazrevshiye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v dannoy oblasti // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. – 2024. – № 2. – S. 50–69.

12. *Krasil'nikov A. V.* Nalozheniye aresta na imushchestvo: nekotoryye aspekty razvitiya teorii, sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki primeneniya // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2024. – № 3. – S. 42–48.
13. *Ludanina A. V.* Problemy khraneniya arestovannogo imushchestva: zloupotrebleniya i ogranicheniya prav sobstvennika // *Ugolovnyy protsess.* – 2024. – № 5 (233). – S. 60–64.
14. *Ivanov A. N., Lapin Ye. S.* Nalozheniye aresta na imushchestvo v ugolovnom sudoproizvodstve : [monografiya]. – Moskva: Yurlitinform, 2007. – 176 s.
15. *Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A.* Sovremennaya ugolovnaya politika protivodeystviya korruptsii : monografiya. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2018. – 192 s.
16. *Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A.* Novaya ugolovnaya politika v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy i nalogovoy prestupnosti: yest' voprosy // *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal.* – 2013. – № 1 (6). – S. 5–19.
17. *Tutyinin I. B.* Ispolneniye sudebnogo resheniya o nalozhenii aresta na imushchestvo sleduyet polnost'yu vozlozhit' na sudebnykh pristavov // *Rossiyskiy sledovatel'.* – 2009. – № 13. – S. 7–9.
18. *Zemskova Ye. N.* Nalozheniye aresta na imushchestvo obvinyayemykh (podozrevayemykh) kak osnovnaya forma obespecheniya vozmeshcheniya ushcherba po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2016. – № 2 (38). – S. 112–115.
19. *Zhalbuu G.* Osobennosti khraneniya imushchestva, na kotoroye nalozhen arest, po ugolovno-protsessual'nym kodeksam Rossiyskoy Federatsii i Mongolii // *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye.* – 2016. – № 2 (31). – S. 46–50; <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-2-46-50>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted July 10, 2024; approved after reviewing November 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>

Екатерина Александровна Прохорова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0009-8498-7538>, prokhorovae@mail.ru

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании

Аннотация: Введение. В статье исследуется роль правовой доктрины в регулировании отношений в сфере уголовного судопроизводства. Отмечается, что различия в позициях ученых в отношении признания правовой доктрины источником российского права производны от дифференциации взглядов на понятия «доктрина» и «источник права». Выделяются два вида правовой доктрины: доктрина как комплекс положений правовой науки (научная правовая доктрина) и доктрина как официальные документы доктринального характера (официальная доктрина). Указывается на использование термина «источник права» в двух значениях – как правообразующий фактор, начало, исток права (материальный источник права) и как форма права, способ закрепления правовых норм (формально-юридический источник права). Анализируется возможность отнесения обозначенных видов правовой доктрины к материальным и формально-юридическим источникам уголовно-процессуального права. **Методы.** Методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза, формально-юридический, логический, социологический и другие методы научного познания. **Результаты.** Сделан вывод, что правовая доктрина является материальным источником и важнейшим инструментом познания уголовно-процессуального права. Приводятся аргументы, по которым правовая доктрина не может быть признана формально-юридическим источником уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: правовая доктрина, научная правовая доктрина, официальные документы доктринального характера, уголовно-процессуальное регулирование, материальный источник уголовно-процессуального права, формально-юридический источник уголовно-процессуального права

Для цитирования: Прохорова Е. А. О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 183–193; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>.

Original article

Ekaterina A. Prokhorova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0009-8498-7538>, prokhorovae@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academica Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

The role of doctrine in criminal procedure regulation

Abstract: Introduction. The author researches the role of legal doctrine in the regulation of relations in the sphere of criminal proceedings. It is noted that the differences in the positions of scientists regarding the recognition of legal doctrine as a source of Russian law are derived from the differentiation of views on the concepts of “doctrine” and “source of law”. There are two types of legal doctrine: doctrine as a set of provisions of legal science (scientific legal doctrine) and doctrine as official documents of doctrinal nature (official doctrine). The term “source of law” is used in two meanings - as a law-forming factor, the beginning, the origin of law (material source of law) and as a form of law, a way of establishing legal norms (formal-legal source of law). The possibility of relating the designated types of legal doctrine to substantive and formal-legal sources of criminal procedural law is analysed. **Methods.** Methods of analysis, synthesis, formal-legal, logical, sociological and other methods of scientific cognition formed the methodological basis of the research. **Results.** The author has concluded that legal doctrine is a material source and the most important tool of cognition of criminal procedural law. The author argues that legal doctrine cannot be recognised as a formal-legal source of criminal procedural law.

Keywords: legal doctrine, scientific legal doctrine, official documents of doctrinal nature, criminal procedure regulation, material source of criminal procedure law, formal-legal source of criminal procedure law

For citation: Prokhorova E. A. The role of doctrine in criminal procedure regulation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 183–193; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-183-193>.

Введение

Идея множественности источников уголовно-процессуального права, категорически отвергаемая представителями советской научной школы, с девяностых годов прошлого века «набирает обороты», а ее приверженцы пытаются убедить оппонентов в том, что вопреки положениям ст. 1, 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), фактическими способами закрепления уголовно-процессуальных норм в нашей стране являются не только законы, но и судебные прецеденты, другие формы судебного правотворчества, обычаи и даже правовая доктрина.

Вопрос о роли правовой доктрины в регулировании отношений в сфере уголовного судопроизводства представляет особый интерес как наименее изученный в уголовно-процессуальной науке, но в то же время имеющий важное значение для понимания и объяснения системообразующих связей формы уголовно-процессуального права.

Методы

Исследование обозначенного вопроса предполагает применение методов анализа, синтеза, формально-юридического, логического, социологического и других методов научного познания. Учитывая, что вопросу о признании правовой доктрины источником уголовно-процессуального права в уголовно-процессуальной науке не уделяется должного внимания, рассуждения автора во многом опираются на теоретические разработки представителей теории права и отраслевых юридических наук по схожей проблематике, разумеется,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

с учетом специфики предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, а также на результаты изучения официальных документов доктринального характера, материалов уголовных дел и интервьюирования следователей и дознавателей различных ведомств.

Результаты

В целом в юридической науке наблюдается неоднозначное отношение к правовой доктрине как источнику права.

Одни ученые, отмечая ее несомненное влияние на процесс совершенствования законодательства, тем не менее отрицают ее непосредственное регулирующее воздействие на правоприменителя. Такое отрицание выражается двумя способами: пассивным, проявляющимся в умалчивании, игнорировании этого вопроса, и активным, состоящим в прямом утверждении о недопустимости использования правовой доктрины в правоприменении во избежание злоупотребления правом [1, с. 63].

Другие исследователи, признавая правовую доктрину источником права, подчеркивают ее производный, второстепенный [2], косвенный, вспомогательный [3, с. 83], нетрадиционный [4, с. 270] или нетипичный [5, с. 31] характер в этом качестве.

Интересно, что все отмеченные характеристики, кроме нетипичности, так или иначе связывают либо с субсидиарным значением правовой доктрины, которая выступает «обрамлением общепризнанных форм права»², дополняет их, либо со степенью ее «применимости ... в конкретной правовой системе» [6, с. 57], выступающей «мерилом нетрадиционности источника права» [4, с. 271].

Нетипичный же характер правовой доктрины зачастую видят в отсутствии важнейших признаков источников права – общеобязательности, обеспеченности мерами принуждения [5, с. 31]. В подобных рассуждениях усматриваются некоторые противоречия. Учитывая, что признак – это «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь»³, отсутствие у правовой доктрины указанных выше признаков свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии оснований для отнесения ее к источникам права.

Третьи авторы более категорично, без всяких оговорок, констатируют факт причисления правовой доктрины к источникам права⁴, заявляя об официальном признании правовой доктрины «источником международного частного ... и международного публичного права»⁵, а также отмечая, что «даже при отсутствии формально-юридического закрепления доктрины в качестве источника права, она продолжает выполнять функции источника фактически» [7, с. 120–121].

Различия в позициях ученых относительно ответа на вопрос о признании правовой доктрины источником российского права в немалой степени производны от дифференциации взглядов на понятия «доктрина» и «источник права».

В большинстве случаев доктрина понимается как продукт научной мысли, что соответствует лексическому значению данного слова⁶. В этом смысле к правовой доктрине относят весь комплекс разработанных правовой наукой положений: учение, философско-правовую теорию, мнение ученых-юристов по вопросам правотворчества и правоприменения, научные труды наиболее авторитетных исследователей в области права [8, с. 71] и т. п.

При этом многие ученые небезосновательно подчеркивают необходимость разделять науку и доктрину и относить к последней только «авторитетное научное исследование» [7, с. 118].

² Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 14.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – С. 479.

⁴ Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования : Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – С. 9.

⁵ Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы : автореф. дис. .... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 4.

⁶ В толковом словаре русского языка доктрина определяется как учение, научная или философская теория (См.: Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 150).

Говоря о критериях авторитетности, следует отметить, что, например, в США «возможность использования в судебном акте научной позиции в качестве источника цитирования напрямую зависит от уровня индекса цитируемости автора» [2], а некоторые отечественные ученые полагают, что «высокий авторитет доктрины» проявляется «в форме ее документального оформления (например, утверждение каким-либо органом или авторитетной общественной организацией)» [9], т. е. на первое место в этом вопросе поставлен авторитет автора правовой доктрины.

Обозначенный критерий, как представляется, не может выступать определяющим, тем более, что, как справедливо отмечает С. Н. Бошно, «есть ... теории, установить происхождение которых не представляется возможным» [8, с. 71–72]. Документарное же оформление правовой доктрины в случае издания соответствующих документов органами государственной власти характеризует особый вид доктрины, о котором пойдет речь далее.

Гораздо важнее, на наш взгляд, «качество» соответствующих научных идей – признак «научным сообществом и практиками-реализаторами правовых норм, ... научно-прикладной и практический характер» [10, с. 32].

Рассматриваемый вид правовой доктрины, включающий весь комплекс разработанных юридической наукой положений, будет обозначен в рамках настоящей статьи как научная правовая доктрина.

Встречается в научных публикациях и другое понимание термина «доктрина» – как доктринальных документов [8, с. 77], нормативных правовых актов, обладающих доктринальным характером⁷, документов программного характера, издаваемых государственными органами, в наименовании которых присутствуют слова «доктрина», «стратегия», «концепция» [11, с. 234], политико-правовых документов типа «доктрина» и «концепция» [10, с. 32] и т. п.

Данный вид доктрины будет обозначен нами как официальные документы доктринального характера или официальная доктрина. Предложенное наименование ни в коем случае не исключает научной составляющей этого вида доктрины, а подчеркивает ее официальный документальный характер, отсутствующий у доктрины, которую мы условно назвали научной.

Несмотря на то, что о подобного вида доктринах говорят, как правило, как об относительно новом правовом явлении⁸, полагаем, что в советский период к официальным доктринам можно было отнести документы, представляющие собой «теоретический арсенал» КПСС⁹ (решения съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС, Программа Коммунистической партии и др.), которые, несмотря на превалирование идеологической составляющей, определяли основные направления развития нашей страны, в т. ч. в сфере уголовного судопроизводства в определенный период.

Рассуждая о возможности отнесения того или иного вида доктрины к источникам права, авторы исходят из различного понимания термина «источник права» – в материальном и формально-юридическом значениях.

В материальном смысле рассматриваемый термин используется для обозначения сил, производящих право¹⁰, первопричины права¹¹, его начал¹², всей совокупности правообразующих факторов, что соответствует лексическому значению слова «источник», буквально означающего «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»¹³.

⁷ Бошно С. В. Указ. соч. – С. 288.

⁸ Там же. – С. 286.

⁹ Шпилев В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 1983. – С. 250.

¹⁰ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права // [Соч.] В. Сергеевича. – Четвертое изд., доп. и попр. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – С. 4.

¹¹ Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 22.

¹² Ершова Е. А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 7.

¹³ Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 218.

В формально-юридическом смысле под источниками права понимают «продукт силы», производящей право, «самый закон»¹⁴, формы, способы выражения права¹⁵, способы закрепления правовых норм.

Важное различие материальных и формально-юридических источников права заключается в той роли, которую каждый из них играет в правовом регулировании.

Роль материальных источников права опосредованная, они оказывают воздействие на формально-юридические источники права, обуславливают их существование, влияют на содержание, в виду чего иногда называются первичными¹⁶.

Формально-юридические источники права в этом плане выступают в качестве вторичных, однако именно они оказывают непосредственное воздействие на правоприменителя, т. е. регулируют правоотношения, поскольку содержат в себе нормы права, являются способами их закрепления.

Признание правовой доктрины, причем в обоих ее значениях, в качестве материального источника права, в т. ч. уголовно-процессуального, не вызывает существенных возражений.

Влияние научной правовой доктрины на уголовно-процессуальное законодательство сложно переоценить. Еще в конце XIX века Д. Г. Тальберг отмечал, что «критическое, отрицательное отношение к положительному законодательству ... всегда будет служить в руках научной теории орудием против несовершенств действующих законов»¹⁷. Важный вклад науки уголовного процесса в решение задачи совершенствования законодательства подчеркнул М. С. Строгович¹⁸, признают современные ученые, труды которых изобилуют предложениями по изменению и дополнению УПК РФ.

Официальные документы доктринального характера, как правило, определяют общее направление совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Например, Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года¹⁹, как определялось в ней самой, придавалось «значение „пробного камня“ для всякого решения, законопроекта, имеющих отношение к ... порядку производства по уголовным ... делам», а на соответствующие Комитеты Верховного Совета РСФСР в связи с ее принятием возлагалась обязанность «взять под контроль подготовку пакета законодательных актов о судебной реформе в РСФСР и осуществление других практических мер по ее реализации». Заложенные в Концепции судебной реформы идеи реформирования, хотя и не все, были восприняты при разработке проекта УПК РФ и нашли отражение в содержании многих институтов уголовно-процессуального права.

В числе современных официальных документов доктринального характера, имеющих значение для уголовного судопроизводства, следует отметить такие документы стратегического планирования (стратегические документы), как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²⁰, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²¹, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы²² и др.,

¹⁴ Сергеевич В. И. Указ. соч. – С. 4.

¹⁵ Шебанов А. Ф. Форма советского права. – Москва: Юридическая литература, 1968. – С. 41–42.

¹⁶ Марченко М. Н. Источники права : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2005. – С. 53.

¹⁷ Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : Пособие к лекциям // [Сочинения] Орд. проф. Ун-та св. Владимира д-ра уголовного права Д. Г. Тальберга. – Киев, 1889. – Т. 1. – С. 16.

¹⁸ Строгович М. С. Основные положения науки советского уголовного процесса // Курс советского уголовного процесса : в 2 т. – Москва: Наука, 1968. – Т. I. – С. 75–76.

¹⁹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

²⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

²¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

²² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

определяющие общее направление и цели государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, применения информационных и коммуникационных технологий и в иных сферах, а также конкретные задачи для достижения обозначенных целей, которые должны найти отражение и развитие в соответствующих законах, в т. ч. в УПК РФ.

Таким образом, роль правовой доктрины как материального источника уголовно-процессуального права состоит в детерминации и научной проработке конкретных изменений уголовно-процессуального закона, а также в определении общего направления совершенствования законодательства в свете приоритетных целей государственной политики в различных сферах.

Вопрос о признании правовой доктрины в качестве формально-юридического источника права является дискуссионным, а его решение применительно к уголовно-процессуальному праву представляет особую сложность в виду специфики уголовно-процессуального регулирования.

Если говорить о возможности непосредственного регулирующего воздействия на общественные отношения официальных документов доктринального характера, то, как представляется, в первую очередь следует ориентироваться на правовую позицию по данному вопросу, сформулированную Конституционным Судом Российской Федерации в отношении военной доктрины²³, согласно которой ее положения «не содержат нормативных предписаний». Подобная оценка природы военной доктрины исключает возможность отнесения ее к источникам права, а учитывая нормативный характер постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, полагаем, что такой вывод может быть сделан и в отношении других подобных документов.

Вместе с тем, принимая во внимание особое мнение судьи Н. В. Витрука, признавшего нормативный характер как самой военной доктрины, так и формулировок ее положений, считаем, что ответ на вопрос о возможности отнесения конкретных официальных доктринальных документов к источникам уголовно-процессуального права должен базироваться на анализе этих документов на предмет наличия в них уголовно-процессуальных норм.

Результаты такого анализа показывают, что уголовно-процессуальных норм, т. е. правил поведения участников уголовного судопроизводства, рассматриваемые документы не содержат, а значит, не могут считаться формально-юридическими источниками уголовно-процессуального права.

Идея о включении в систему формально-юридических источников права научной правовой доктрины, несмотря на то, что всеобщего признания и официального одобрения не получила, активно отстаивается отдельными представителями отраслевых юридических наук, которые отмечают участвовавшие случаи «обращения судебных органов к доктрине с целью обоснования своей позиции по делу» [2], приводят примеры ссылок «на научные труды ученых-юристов ... в ... судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции всех уровней и инстанций» [12, с. 115], «использования доктринальных положений к действующему уголовно-исполнительному законодательству» [13, с. 15], регулирования доктриной трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений [5, с. 29], «доктринального нормотворчества» Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации [9] и т. д.

²³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.07.1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 „О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики“, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 „О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта“, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 „Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа“, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 „Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации” // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

Указывают на «редкие, но довольно отчетливые следы использования доктринальных положений в дополнение к действующему законодательству» [14, с. 130] и представители уголовно-процессуальной науки. В частности, А. Н. Чащин приводит в качестве примера активное использование судами категорий «реабилитирующие» и «нереабилитирующие» основания прекращения уголовного дела, несмотря на отсутствие, по его словам, правовой регламентации этих понятий в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР [14, с. 130].

И хотя в отношении данного примера можно привести возражения, что ст. 58.1 УПК РСФСР четко устанавливала перечень оснований прекращения уголовного дела, влекущих обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями, т. е. по сути являющихся реабилитирующими, тем не менее имеются и другие примеры оперирования правоприменителем понятиями, упоминаемыми в уголовно-процессуальном законе, но не получившими должной регламентации в части формирования понятийного аппарата (уголовный процесс, уголовное дело, стадии уголовного процесса, следственные действия и т. д.), а также понятиями, вообще не закрепленными в законе (прямые и косвенные, первоначальные и производные доказательства и др.), которые являются «плодом» уголовно-процессуальной науки. Используются в уголовно-процессуальной деятельности и понятия, разработанные уголовно-правовой наукой: состав преступления, признаки преступления и т. п.

Означает ли изложенное, что правовая доктрина является формально-юридическим источником уголовно-процессуального права, причем, учитывая, что указанные выше и аналогичные им теоретические дефиниции использовались в уголовном судопроизводстве и ранее, источником давно существовавшим, но не замечаемым или не признаваемым ни на законодательном, ни на доктринальном уровнях?

При ответе на данный вопрос полагаем необходимым исходить из того, что важнейший признак формально-юридического источника уголовно-процессуального права – закрепление им уголовно-процессуальных норм – предполагает соблюдение двух условий.

Обязательным условием признания того или иного правового явления способом закрепления уголовно-процессуальных норм является его легитимность в этом качестве, что предполагает связь с государством. Утверждение о том, что «отсутствие государственного одобрения правовой доктрины не означает ее невозможности фактического действия как источника права»²⁴, мы считаем абсолютно неприемлемым в сфере уголовного судопроизводства по той причине, что в уголовно-процессуальных правоотношениях обязательно участие представителей государственной власти, а значит, регулирование таких отношений «без ведома» государства невозможно.

Отмеченная связь выражается в установлении или санкционировании норм права государством.

Установление государством означает создание норм права органами государства. Научные доктринальные положения, являясь результатом деятельности научного сообщества, а не специально уполномоченных органов государства, нельзя считать установленными государством.

Санкционирование государством, подразумевающее одобрение государством правовых норм, созданных без его участия, возможно либо путем прямого указания в нормативных правовых актах на возможность использования доктринальных положений (официальное санкционирование), либо путем ссылок в правоприменительных решениях на научные источники (фактическое санкционирование)²⁵.

Учитывая, что возможности использования доктринальных положений УПК РФ не предусматривает, а случаи ссылок на научные источники при производстве по уголовным делам не выявлены²⁶, оснований считать доктринальные положения официально или

²⁴ Васильев А. А. Указ. соч. – С. 8.

²⁵ Там же.

²⁶ Такие случаи не выявлены ни в результате изучения материалов уголовных дел, ни в результате интервьюирования практических работников.

фактически санкционированными государством не имеется. Изложенное свидетельствует и о том, что доктринальные положения лишены и других важных признаков формальных источников уголовно-процессуального права – обязательности и обеспеченности государственным поведением.

Вторым условием признания того или иного правового явления способом закрепления уголовно-процессуальных норм является характер закрепляемых им положений, которые по сути должны являться новыми уголовно-процессуальными нормами, т. е. правилами поведения участников уголовного судопроизводства.

Анализируя соблюдение этого условия применительно к приведенным выше примерам использования в уголовно-процессуальной деятельности разработанных наукой понятий, важно разграничить две ситуации. Во-первых, когда соответствующее понятие вообще не упоминается в УПК РФ, как, например, положения, относящиеся к классификации доказательств. Такие положения могли бы претендовать на статус правила, разработанного уголовно-процессуальной наукой, однако они приводятся в тексте соответствующих процессуальных документов либо со ссылками на УПК РФ, из которых они «выводятся» путем рассуждений, либо вообще без ссылок на какие-либо источники, представляя в качестве абсолютного знания, аксиомы.

Например, в Апелляционном определении Алтайского краевого суда от 12 июля 2024 г.²⁷ суд указал, что находит неосновательными «доводы осужденного в апелляционной жалобе, что показания свидетелей БЗ, А., У., Т2 производны от показаний потерпевшей М2, как основание для их критической оценки». При этом в качестве обоснования правила работы с производными и иными видами доказательств приводится ссылка на ч. 1 ст. 74 УПК РФ, на основе предписаний которой сделан вывод, что «в качестве доказательств уголовно-процессуальным законом допускаются не только прямые, но и косвенные, в том числе производные доказательства»²⁸.

Из Апелляционного определения Воронежского областного суда от 15 июня 2022 года²⁹ следует, что в апелляционном представлении государственного обвинителя указано, что «суд неправильно оценил как прямые, так и косвенные доказательства вины», поскольку опроверг доказательства, которые «в совокупности с другими косвенно подтверждают причастность ФИО-1 к совершенному преступлению», при этом каких-либо ссылок на то, что понимается под прямыми и косвенными доказательствами, вообще не приводится, а формулировка «косвенно подтверждают» несет в себе знание даже не юридического, а общего характера.

Другая ситуация, напротив, состоит в том, что соответствующее понятие упоминается в УПК РФ, но без желаемой детализации, в связи с чем получило разъяснение на доктринальном уровне. В таком случае, как представляется, сам факт наличия понятия в уголовно-процессуальном законе означает, что оно является правовой нормой или ее частью, а значит, имеет такую же природу, как и другие закрепленные в УПК РФ правила поведения. Доктринальное разъяснение не является новым правилом, оно «выводится» из закрепленных в законе предписаний, является производным от них. Так, именно УПК РФ определяет порядок производства следственных действий, несмотря на то, что не содержит разъяснения соответствующей дефиниции. И даже использование понятия «состав преступления» регламентировано нормами УПК РФ об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела. Сама же теоретическая конструкция «состав преступления» применяется в уголовном судопроизводстве не как некая абстракция, а только

²⁷ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 12.07.2024 г. по делу № 22-2940/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: https://kraevoy-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24539716&case_uid=5e84192c-3a60-4434-9e53f1551ec09b84&result=0&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.08.2024).

²⁸ Там же.

²⁹ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 15.06.2022 по делу № 22-1195/2022 // Актофакт : сетевое издание. – URL: <https://actofact.ru/case-36OS0000-22-1195-2022-2022-04-21-2-1/> (дата обращения: 22.08.2024).

во взаимосвязи с соответствующими статьями УК РФ и предназначена для оптимизации процесса квалификации деяния.

В этой связи мы не можем согласиться с мнением о том, что доктринальные положения применяются при наличии пробела в законодательстве [8, с. 79] или праве³⁰, считая такую ситуацию неприемлемой в сфере уголовного судопроизводства.

Сам факт отсутствия положений в тексте УПК РФ не всегда является свидетельством пробела в законе, а часто выступает показателем того, что законодатель не посчитал нужным их закрепить в виду их естественного и само собой разумеющегося характера.

Как верно отметил Л. В. Головкин, «необходимость нормативного закрепления того или иного положения возникает тогда, когда существует хотя бы гипотетическая альтернатива» [15, с. 29].

Каким бы детализированным ни было уголовно-процессуальное регулирование, оно имеет определенные пределы. Попытки же регламентации того, что и так понятно, являются объектом справедливой критики [16, с. 78].

В приведенных выше примерах доктринальные положения не восполняют пробел в УПК РФ, применяются в бесконфликтной ситуации, ввиду их общепризнанности, благодаря которой соответствующее знание переходит в разряд аксиомы, не требующей подтверждения своей истинности. Они не являются обязательными, не обеспечены мерами принудительного характера, но учитываются при производстве по уголовным делам, поскольку не предполагают альтернативы.

В случае же, когда такие положения ставятся под сомнение, вызывают неоднозначное восприятие в правоприменительной практике либо не имеют никакой связи с законом, т. е. действительно восполняют его пробел, недостаточно опираться на авторитетное научное знание, требуется внесение соответствующих изменений или дополнений в закон.

Таким образом, научные доктринальные положения не могут выступать способами закрепления уголовно-процессуальных норм, т. е. не могут быть отнесены к формально-юридическим источникам уголовно-процессуального права.

Изложенное, однако, не умаляет роли правовой доктрины в правоприменении, которая состоит в том, что правовая доктрина помогает понять закон, т. е. представляет собой важнейший инструмент познания права.

Заключение

Правовая доктрина в виде комплекса разработанных юридической наукой положений и официальных документов доктринального характера играет важную роль в уголовно-процессуальном регулировании.

Правовая доктрина выступает в качестве материального источника уголовно-процессуального права, т. е. является правообразующим фактором, оказывает влияние на развитие и совершенствование законодательства, а также представляет собой важнейший инструмент познания права.

Правовая доктрина не может быть признана формально-юридическим источником уголовно-процессуального права, поскольку не закрепляет уголовно-процессуальных норм, а научная правовая доктрина к тому же не обладает такими важнейшими признаками источников права, как установление или санкционирование государством, обязательность и обеспеченность государственным принуждением.

Список литературы

1. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права*. – 2016. – №2 (75). – С. 59–64.

³⁰ Пузиков Р. В. Указ. соч. – С. 9.

2. Османова Д. О. Доктрина как источник гражданского права // Хозяйство и право. – 2023. – № 12 (563). – С. 3–20; <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-3-20>.
3. Анисимов А. П. Научная доктрина как источник права // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 78–84.
4. Берлявский Л. Г. Правовая доктрина как источник конституционного права / Правовая доктрина в юридической науке и практике : материалы международной научно-практической конференции памяти В. Д. Перевалова, Екатеринбург, 25 ноября 2022 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2023. – С. 270–285.
5. Ведешкина Т. П. Правовая доктрина как нетипичный источник трудового права / За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении : материалы седьмой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16–17 декабря 2021 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 28–31.
6. Касимова Ф. А. Правовая доктрина и конституционные обычаи как источники конституционного права // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2023. – Т. 2, № 2 (32). – С. 55–63.
7. Зеленкевич И. С. Понятие правовой доктрины как источника современного российского права // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2011. – № 15. – С. 118–121.
8. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. – 2003. – № 12 (84). – С. 70–79.
9. Ботанцов И. В. Методические рекомендации нотариальных палат как пример применения доктрины в качестве источника права в России // Нотариус. – 2019. – № 2. – С. 3–6.
10. Мадаев Е. О. Доктрина как источник уголовного права / Криминологические чтения : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, 19 апреля 2019 г. / науч. ред. Э. Л. Раднаева ; отв. ред. С. П. Сверкунов. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2019. – С. 29–33.
11. Мишина Н. В. Правовая доктрина как источник права (на примере железнодорожного права) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 4 (279). – С. 231–236.
12. Хальметов А. И. Понятие доктрины и доктринальных источников российского права // Наука. Общество. Государство : электронный журнал. – 2020. – Т. 8, № 3 (31). – С. 108–118; <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-3-13>. – URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/46869>.
13. Головастова Ю. А. Правовая доктрина как источник отрасли уголовно-исполнительного права / Научные труды Московского университета имени С. Ю. Витте : сборник научных статей. – Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2017. – Вып. 4. – С. 13–20.
14. Чашин А. Н. Доктрина как источник уголовно-процессуального права России (на примере учения об основаниях прекращения уголовного дела) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2 (32). – С. 129–133.
15. Головкин Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 1. – С. 27–37.
16. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма, качество // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 73–85.

References

1. Ovchinnikov A. I., Dalgatova A. O., Fatkhi V. I. Pravovaya doktrina kak istochnik prava v Rossiyskoy Federatsii // Filosofiya prava. – 2016. – №2 (75). – S. 59–64.
2. Osmanova D. O. Doktrina kak istochnik grazhdanskogo prava // Khozyaystvo i pravo. – 2023. – № 12 (563). – С. 3–20; <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-12-3-20>.

3. *Anisimov A. P.* Nauchnaya doktrina kak istochnik prava // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2010. – № 6. – S. 78–84.
4. *Berlyavskiy L. G.* Pravovaya doktrina kak istochnik konstitutsionnogo prava / *Pravovaya doktrina v yuridicheskoy nauke i praktike : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati V. D. Perevalova*, Yekaterinburg, 25 noyabrya 2022 g. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2023. – S. 270–285.
5. *Vedeshkina T. P.* Pravovaya doktrina kak netipichnyy istochnik trudovogo prava / *Za prava trudyashchikhsya! Prioritetnyye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o trude i sotsial'nom obespechenii : materialy sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Yekaterinburg, 16–17 dekabrya 2021 g. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2021. – S. 28–31.
6. *Kasymova F. A.* Pravovaya doktrina i konstitutsionnyye obychai kak istochniki konstitutsionnogo prava // *Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe.* – 2023. – T. 2, № 2 (32). – S. 55–63.
7. *Zelenkevich I. S.* Ponyatiye pravovoy doktriny kak istochnika sovremennogo rossiyskogo prava // *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2011. – № 15. – S. 118–121.
8. *Boshno S. V.* Doktrina kak forma i istochnik prava // *Zhurnal rossiyskogo prava.* – 2003. – № 12 (84). – S. 70–79.
9. *Botantsov I. V.* Metodicheskiye rekomendatsii notarial'nykh palat kak primer primeneniya doktriny v kachestve istochnika prava v Rossii // *Notarius.* – 2019. – № 2. – S. 3–6.
10. *Madayev Ye. O.* Doktrina kak istochnik ugolovnogogo prava / *Kriminologicheskiye chteniya : materialy XIV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Dorzhi Banzarova*, Ulan-Ude, 19 aprelya 2019 g. / nauch. red. E. L. Radnayeveva ; otv. red. S. P. Sverkunov. – Ulan-Ude: Buryatskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 29–33.
11. *Mishina N. V.* Pravovaya doktrina kak istochnik prava (na primere zheleznodorozhnogo prava) // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye.* – 2008. – № 4 (279). – S. 231–236.
12. *Khal'metov A. I.* Ponyatiye doktriny i doktrinal'nykh istochnikov rossiyskogo prava // *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo : elektronnyy zhurnal.* – 2020. – T. 8, № 3 (31). – S. 108–118; <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2020-8-3-13>. – URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/46869>.
13. *Golovastova Yu. A.* Pravovaya doktrina kak istochnik otrasli ugolovno-ispolnitel'nogo prava / *Nauchnyye trudy Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte : sbornik nauchnykh statey.* – Moskva: Moskovskiy universitet im. S. Yu. Vitte, 2017. – Vyp. 4. – S. 13–20.
14. *Chashin A. N.* Doktrina kak istochnik ugolovno-protssesual'nogo prava Rossii (na primere ucheniya ob osnovaniyakh prekrashcheniya ugolovnogogo dela) // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika.* – 2015. – № 2 (32). – S. 129–133.
15. *Golovko L. V.* Sudebnaya reforma 1864 g. i sovremennoye razvitiye otechestvennogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo.* – 2015. – № 1. – S. 27–37.
16. *Pobedkin A. V.* Ugolovno-protssesual'noye zakonodatel'stvo Rossii: ideynoye sodержaniye, forma, kachestvo // *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess.* – 2023. – № 1. – S. 73–85.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 13, 2024; approved after reviewing November 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-194-208>

Юлия Александровна Случевская

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0142-5372>, ula-sl@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Компенсационная и восстановительная функции уголовного права

Аннотация: Введение. На современном этапе общественного развития уголовному праву присущи компенсационная и восстановительная функции. В обосновании этого положения и состоит цель исследования. Автор в исследовании ставит следующие задачи: изучить основные подходы к определению понятий «функция права» и «функция уголовного права»; исследовать, каким образом эволюционировала наука уголовного права в сторону признания все большего количества свойственных соответствующей отрасли права функций; выявить причины отсутствия в отечественной науке уголовного права четкого деления между компенсационными и восстановительными механизмами; рассмотреть особенности реализации компенсационных и восстановительных механизмов при привлечении лица к уголовной ответственности и с этих позиций дать оценку таким мерам уголовно-правового характера, как конфискация имущества и судебный штраф. **Методы.** При проведении исследования использовались общие и частные методы: исторический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. **Результаты.** На современном этапе общественного развития уголовному праву присущи компенсационная и восстановительная функции. Каждую из них следует рассматривать самостоятельно. Отождествление этих двух функций в отечественной доктрине во многом связано с историей становления правовой системы нашей страны. Компенсационная и восстановительная функции, присущие уголовному праву, относятся к юридическим. Доказывая обоснованность их выделения, следует основываться на общих положениях теории права, едином подходе к пониманию функций права и их содержанию, выработанном правоведом. Введение в российское уголовное законодательство норм, предусматривающих реализацию компенсационных и восстановительных механизмов, и практика их применения показали, что реальная потребность в такого рода правовых институтах существует.

Ключевые слова: функция права, уголовное право, компенсационная функция, восстановительная функция, конфискация имущества, судебный штраф

Для цитирования: Случевская Ю. А. Компенсационная и восстановительная функции уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 194–208; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-194-208>.

Original article

Yulia A. Sluchevskaya

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0142-5372>, ula-sl@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Compensatory and restorative functions of criminal law

Abstract: Introduction. At the present stage of social development, criminal law is characterised by compensatory and restorative functions. The purpose of the study is to substantiate this position. The author sets the following objectives in the study: to study the main approaches to defining the concepts of “function of law” and “function of criminal law”; to explore how the science of criminal law has evolved towards recognising an increasing number of functions inherent in the relevant branch of law; to identify the reasons for the absence of a clear division between compensatory and restorative mechanisms in domestic criminal law; to consider the specifics of implementing compensatory and restorative mechanisms when bringing a person to criminal liability and, from this perspective, to assess such criminal law measures as confiscation of property and a judicial fine. **Methods.** General and specific methods were used in the study: historical, system-structural, formal-logical, comparative-legal. **Results.** At the present stage of social development, criminal law is characterised by compensatory and restorative functions. Each of them should be considered independently. The identification of these two functions in the domestic doctrine is largely associated with the history of the formation of the legal system of our country. Compensatory and restorative functions inherent in criminal law are legal. Proving the validity of their allocation, one should rely on the general provisions of the theory of law, a unified approach to understanding the functions of law and their content, developed by legal scholars. The introduction of norms into Russian criminal legislation providing for the implementation of compensatory and restorative mechanisms, and the practice of their application have shown that there is a real need for such legal institutions.

Keywords: function of law, criminal law, compensatory function, restorative function, confiscation of property, judicial fine

For citation: Sluchevskaya Y. A. Compensatory and restorative functions of criminal law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 194–208; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-194-208>.

Введение

Сущностные особенности некоторых видов преступлений (например, экологических, экономических и др.) определяют необходимость расширения сферы использования компенсационных и восстановительных механизмов в уголовном праве. Такого рода процессы наблюдаются в настоящее время, однако формы, которые они приобретают, неоднозначны. Новеллы законодателя в этой части не всегда позволяют достичь цели максимально возможного возмещения вреда, причиненного преступлением.

Увеличение числа компенсационных и восстановительных норм является одной из основных тенденций современной правовой системы России, затрагивающей все без исключения отрасли права. Безусловно, доминирующая роль охранительной функции в уголовном праве под сомнение не ставится. Между тем присущий ей инструментарий воздействия

на общественные отношения не позволяет решать проблемы, связанные с полным или частичным устранением последствий совершенных преступлений. В связи с этим все большее значение приобретают компенсационные и восстановительные механизмы в уголовно-правовых отношениях, отдельного изучения требует вопрос о потенциале их использования и расширении границ применения. Полагаем, что уголовному праву на современном этапе развития свойственны компенсационная и восстановительная функции. В обосновании этого положения и состоит цель нашего исследования.

Изучение функций уголовного права значительно осложнено целым комплексом методологических проблем. В науке до сих пор вызывает споры понятие «функция уголовного права», остается нерешенным вопрос о количестве и содержании функций, свойственных рассматриваемой отрасли. Исследование осложняет и отсутствие единства в доктрине в отношении, казалось бы, непосредственно не связанных с рассматриваемой темой понятий: «наказание», «уголовная ответственность», «формы реализации уголовной ответственности».

Для достижения цели нашего исследования необходимо решить целый комплекс взаимосвязанных задач. Во-первых, изучить основные подходы к определению понятий «функция права» и «функция уголовного права». Во-вторых, на основе исторического анализа отечественной доктрины уголовного права проследить, как эволюционировала эта наука в сторону признания все большего количества свойственных соответствующей отрасли права функций. В-третьих, выявить причины отсутствия в науке уголовного права четкого деления между компенсационными и восстановительными механизмами. В-четвертых, обосновать авторскую позицию по вопросу о нецелесообразности выделения восстановительной функции уголовного наказания (при этом доказать, что компенсационная и восстановительная функции присущи уголовной ответственности). В-пятых, рассмотреть особенности реализации компенсационных и восстановительных механизмов при привлечении лица к уголовной ответственности (оценить с этих позиций такие меры уголовно-правового характера, как конфискация имущества и судебный штраф).

В теории права немного работ, в которых рассматриваются такие функции права, как компенсационная и восстановительная. Следует назвать диссертационные исследования И. А. Власенко и А. А. Торопова¹. Исследованию функций уголовного права значительное количество научных работ посвятил В. Д. Филимонов [1; 2]. Отдельно восстановительную функцию уголовного права в советский период рассматривал В. В. Похмелькин [3]. Среди современных исследований следует назвать работу М. В. Бавсуна, в которой рассматривается регулятивно-восстановительная функция уголовного права [4]. В то же время особенности реализации компенсационных и восстановительных механизмов в уголовном праве в указанных работах не раскрыты в полной мере.

Для решения задач нашего исследования следует рассмотреть труды не только специалистов в области уголовного права (Н. Д. Дурманова [5], И. Э. Звечаровского [6], М. И. Ковалева², В. М. Когана [7], А. И. Коробеева [8], Н. И. Лопашенко³, Б. С. Никифорова [9], Ю. Е. Пудовочкина⁴, В. Г. Смирнова [10], В. Д. Филимонова [1; 2], М. Д. Шаргородского [11] и др.), но и теоретиков права (А. И. Абрамова⁵, С. С. Алексеева⁶, Т. Н. Радько [12] и др.).

¹ Власенко И. А. Компенсационная функция права : Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 1995. – 148 с. ; Торопов А. А. Восстановительная функция права : Вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1998. – 25 с.

² Ковалев М. И. Введение в уголовное право // Советское уголовное право : курс лекций. – Свердловск: [б. и.], 1971. – Вып. 1. – 146 с.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / [Наумов А. В. и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2016.

⁴ Пудовочкин Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права / Волженкин Б. В., Лесников Г. Ю., Лопашенко М. А., Мальцев В. В. [и др.] ; отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. – Т. 1: Понятие уголовного права. – 699 с.

⁵ Абрамов А. И. Проблемы реализации регулятивной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 26 с.

⁶ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Свердловск: [б. и.], 1972–1973.

Методы

При проведении исследования, результаты которого отражены в настоящей публикации, использовались общие и частные методы: исторический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. Эти методы позволили в полной мере достичь цели нашего исследования и решить поставленные задачи.

Результаты

Традиционно компенсационную и восстановительную функции, соответствующие средства обеспечения их реализации связывают с отраслью не уголовного права, а гражданского. В то же время наряду с перечисленными функциями цивилисты выделяют регулятивную, правозащитную, воспитательную, и даже охранительную и карательную [13]. В содержании функций конкретной отрасли права проявляются специфика предмета правового регулирования и особенности воздействия на общественные отношения. Весьма лаконично эту мысль сформулировал М. И. Ковалев, который отмечал, что «функция – это роль, которую выполняет само право»⁷. Расширение инструментария, используемого в частных и публичных отраслях права, свидетельствует о трансформационных процессах, затрагивающих всю правовую материю.

Вопрос об определении понятия «функция уголовного права» является одним из наиболее спорных в отечественной науке. Несмотря на то, что эта проблема была поднята отечественными исследователями еще в 1960-е годы (в 1965 году появилась первая фундаментальная работа В. Г. Смирнова [10]), единообразного понимания до сих пор не выработано. Вызывают дискуссии не только вопрос о количестве функций и их содержании, но и само понятие «функция уголовного права».

В специальных исследованиях предлагается множество вариантов рассматриваемого понятия. Часть авторов исходит из философских представлений о назначении права вообще и уголовного права в частности. Так, правоведы определяют функцию права как внутренне присущее праву явление, определяемое ролью (назначением) права в обществе, представляющее собой основное (главное) направление его воздействия на объективную реальность и выражающее связь права с иными явлениями социальной действительности⁸. Схожее понимание можно встретить и в трудах представителей науки уголовного права. В. Д. Филимонов характеризует функцию права как социальную роль, которую оно выполняет в организации общественных отношений, определяемую направленностью и методом их правового регулирования [1, с. 48–50].

Некоторые авторы предлагают определения, отталкиваясь от этимологии слова «функция». А. И. Коробеев под функцией уголовного права понимает основное направление уголовно-правового воздействия на преступность [8, с. 24]. Функция уголовного права определяется и как объективно существующее, относительно стабильное направление уголовно-правового воздействия на общественные отношения, отражающие специфику предмета, метода и социального назначения соответствующей отрасли права⁹. Приведенные определения детализируют применительно к отрасли уголовного права понятие функции права, которое встречается в работах большинства теоретиков права. Универсальным в этом плане является определение, предложенное С. С. Алексеевым, который под функцией права понимал направление правового воздействия¹⁰.

В теории права также обосновывается необходимость объединения указанных выше подходов. По мнению Т. Н. Радько, функция права является собирательным понятием,

⁷ Ковалев М. И. Указ. соч. – С. 23.

⁸ Абрамов А. И. Указ. соч. – С. 7–8.

⁹ Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / [Наумов А. В. и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – Т. I. – С. 375.

¹⁰ Алексеев С. С. Основные вопросы общей теории социалистического права // Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Свердловск: [б. и.], 1972. – Т. I. – С. 94.

представляющим собой единство двух моментов: социального назначения права и основных направлений его воздействия на общественные отношения; при этом социальное назначение выступает в качестве определяющего фактора [12, с. 26].

Можно продолжить перечисление определений понятия «функция уголовного права». Между тем на основании вышеприведенных точек зрения об определении одного из базовых понятий доктрины уголовного права можно сделать ряд выводов, которые позволят решить задачи нашего исследования: функция уголовного права привязана к основным категориям соответствующей отрасли права, ее предмету и методу, именно в этом проявляются такие ее свойства, как устойчивость и целенаправленность, что позволяет говорить о социальном назначении конкретной функции; ей присущ свой инструментарий воздействия на общественные отношения, отличающий ее от других отраслей права; при этом данная категория не статична, т. к. отражает процессы, происходящие в социальной действительности, которые подвержены постоянным динамическим изменениям.

Исторический анализ отечественной доктрины уголовного права свидетельствует о том, что теория этой науки эволюционировала в сторону признания многообразия функций, свойственных соответствующей отрасли права. В ранних трудах отечественных исследователей указывалось только на охранительную и регулятивную функции, причем выделение последней вызывало и вызывает до сих пор ряд споров (например, В. Д. Филимонов в своих ранних работах рассматривал только охранительную функцию уголовного права). Несмотря на это, доминирующей в науке стала точка зрения о невозможности исключения из уголовного права регулятивной функции, т. к. правовая охрана общественных отношений уже предполагает их регулирование [5, с. 100].

Позже, в 1980-е гг., предлагались и более подробные классификации функций уголовного права, которые отражали роль этой отрасли права в советском обществе и государстве. Выделяли следующие функции уголовного права: социально-превентивную, ценностно-ориентационную, юридико-регулятивную, социально-интегративную, системно-правовую, функцию поддержания и укрепления престижа государственной власти [7, с. 40]. Различные варианты этой классификации можно найти и в современных исследованиях [14, с. 44].

Обобщая многообразие точек зрения, сложившихся в отечественной науке, Ю. Е. Пудовочкин предложил разделить функции уголовного права на две группы: юридические (регулятивная и охранительная) и социальные (предупреждение преступлений, воспитательная, аксиологическая, социально-интегральная и функция обеспечения социальной справедливости)¹¹. Похожее деление встречается и в трудах теоретиков права. Так, Т. Н. Радько рассматривает собственно-юридические функции (регулятивную и охранительную) и социально-экономическую, политическую и идеологическую [12, с. 22]. Подход, предложенный Ю. Е. Пудовочкиным, в целом вполне обоснован. Между тем представляется дискуссионным содержательное наполнение обозначенных групп функций уголовного права. Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, требует определение таких юридических функций, как компенсационная и восстановительная, механизмов их проявления в уголовном праве и значения для этой отрасли.

В теории права функции подразделяются на: 1) общеправовые (функции права, которые свойственны всем отраслям права) и 2) межотраслевые (функции права, свойственны двум и более отраслям права). К первой группе относят регулятивную, охранительную и воспитательную; ко второй – все остальные.

Компенсационная функция, рассматриваемая в теории права как неосновная юридическая, свойственна все большему количеству отраслей права, и уголовное право не является

¹¹ См.: Пудовочкин Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права / Волженкин Б. В., Лесников Г. Ю., Лопашенко М. А., Мальцев В. В. [и др.]; отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. – Т. 1: Понятие уголовного права. – С. 239; Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / Наумов А. В. [и др.]; под ред. Н. А. Лопашенко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – Т. 1. – С. 397.

исключением. Сущность компенсационной функции права видят в том, что взятые во взаимодействии и единстве все элементы и свойства права должны быть направлены на возмещение физического, материального, морального и иного вреда, который причинен как противоправными, так и правомерными действиями (бездействиями), событиями отдельным лицам, коллективам и организациям¹².

Наряду с компенсационной функцией в теории права выделяют восстановительную. Под ней в специальном исследовании предлагается понимать такое направление юридического воздействия на сознание, волю и поведение людей, которое нацелено на приведение в прежнее нормальное состояние общественных отношений, правового статуса граждан, их коллективов и организаций, отмену незаконных решений, актов и т. п.¹³

В исследованиях специалистов уголовного права эти две функции часто отождествляют друг с другом, что представляется неверным. Например, И. Э. Звечаровский указывает, что уголовное право выполняет восстановительную функцию, так как включает целый комплекс мер, направленных на восстановление нарушенного преступлением общественного отношения (примирение с потерпевшим, заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, наказания в виде штрафа, конфискации имущества) [6, с. 27].

Такого рода отождествление связано с рядом причин. Компенсационная и восстановительная функции тесно связаны между собой, их даже рассматривают как смежные. Более того, высказывается точка зрения о вторичности компенсационной функции права по отношению к восстановительной [15, с. 91]. Необходимо учитывать исторические особенности развития теории уголовного права. В советской доктрине компенсационную функцию не выделяли. При этом в некоторых исследованиях говорили о восстановительной функции, но в разных аспектах. Применялись исследуемые нами понятия к разным правовым категориям – уголовное наказание и уголовная ответственность.

Например, Б. С. Никифоров указывал, что восстановление дезорганизованных преступлением общественных отношений происходит с помощью уголовного наказания [9, с. 210]. Эту же точку зрения разделял В. С. Прохоров [16, с. 29]. В этом случае исследователи исходят из довольно абстрактного понимания, чему причиняет вред конкретное преступление, и широкого подхода к определению уголовного наказания. Дискуссионным является утверждение, что нарушенные конкретным преступлением общественные отношения можно восстановить, привести в первоначальное состояние. По справедливому замечанию О. Э. Лейста, ущерб, причиняемый правопорядку преступлениями, вообще не может быть устранен [17, с. 63]. В ряде других работ рассматривались различные формы проявления восстановительного воздействия наказания, среди которых называют удовлетворение чувства справедливости граждан, возмущенных фактом совершения преступления, нормализацию отношений между потерпевшим и виновным, возмещение материального ущерба¹⁴ [18, с. 60; 19, с. 14].

В приведенных примерах мы видим смешение различных форм проявления восстановительной и компенсационной функций. При этом довольно спорной представляется и сама постановка вопроса о восстановительной роли уголовного наказания. Подтверждение этой мысли мы можем найти в трудах исследователей и советского периода, и современных. Например, М. Д. Шаргородский отмечал, что «наказание ничего не возмещает, не имеет этой цели и по своей природе не может ничего возместить» [11, с. 29]. Применительно к современной правовой системе Н. А. Лопашенко обращает внимание, что приводит некоторые виды

¹² Власенко И. А. Указ. соч. – С. 7–8.

¹³ Торопов А. А. Указ. соч. – С. 7.

¹⁴ Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ленинград: [б. и.], 1963. – С. 25–26.

уголовных наказаний в качестве примера восстановления нарушенных отношений неверно, поскольку взыскиваемые суммы идут в доход государства, а не потерпевшему¹⁵.

Приводя доводы в пользу наличия у уголовного наказания восстановительной функции, многие исследователи автоматически делали вывод, что она присуща и отрасли уголовного права. В то же время, осознавая определенные неточности в такой логике, В. В. Похмелкин уточняет, что действие восстановительной функции уголовного права следует рассматривать не только и не столько на уровне отдельного отношения, сколько применительно к обществу и правопорядку в целом. При этом автор приводит довольно спорные примеры восстановительной функции наказания – восстановление авторитета закона [3, с. 43–44]. Не умаляя важности таких обобщений, отметим, что такой подход уводит нас от конкретики.

Важным моментом в понимании истории формирования взглядов на восстановительную функцию уголовного права (и отсутствие необходимости выделения компенсационной) являются особенности становления учения о составе преступления (в первую очередь это касается объекта преступления). И если в советский период присутствовал определенный консенсус в отношении таких важных вопросов, как содержание элементов состава преступления и критериев криминализации деяний, то в настоящее время многие базовые положения науки уголовного права воспринимаются весьма критично и проходят этап нового осмысления. Поэтому рассуждения о том, возможно ли восстановить с помощью уголовного наказания правопорядок, нарушенный в результате совершения преступления, в настоящих реалиях представляются малопродуктивными.

Между тем по-другому необходимо оценивать утверждение (также приводимое в научных исследованиях советского периода [20, с. 197]), что уголовной ответственности в целом присуща восстановительная функция. Доказывая обоснованность этого положения, мы опять вступаем в зону неопределенности и многозначности трактовок базовых понятий уголовного права – «наказание», «уголовная ответственность», «форма реализации уголовной ответственности».

Уголовное наказание и уголовная ответственность – не тождественные понятия. Однако и по этому вопросу в отечественной науке нет единой позиции [21, с. 91]. Ряд авторов под уголовной ответственностью понимает наказание и применение санкций. Наряду с этим подходом к пониманию уголовной ответственности можно выделить и другие: правоотношение, возникающее между правонарушителем и государством; обязанность быть подвергнутым неблагоприятным последствиям, наступающим в результате совершения предусмотренного в законе преступления¹⁶.

Наказание является лишь одной из форм реализации уголовной ответственности, хотя оно и применяется в подавляющем большинстве случаев. Компенсационная и восстановительная функции присущи уголовной ответственности в целом и характерны для некоторых форм ее реализации, но не для всех (например, эти функции не свойственны наказанию). В современном отечественном уголовном законодательстве наиболее отчетливо компенсационные и восстановительные механизмы проявляются в таких мерах уголовно-правового характера, как конфискация имущества и судебный штраф. Эти меры не являются единственными способами реализации рассматриваемых функций. Их проявление носит более масштабный характер, также затрагивая иные уголовно-правовые нормы и институты. Учитывая расширение сферы применения компенсационных и восстановительных механизмов в уголовном праве, мы не исключаем появления новых форм реализации соответствующих функций в уголовном законодательстве. Кроме того, развиваются и теоретические положения обоснования более широкого понимания форм реализации

¹⁵ Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / [Наумов А. В. и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – Т. I. – С. 390.

¹⁶ Годилю Н. Н. Теоретические проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С. 9.

уголовной ответственности, которые не ограничиваются наказанием и иными мерами уголовно-правового характера (принудительными мерами медицинского характера, конфискацией имущества и судебным штрафом).

Компенсационная и восстановительная функции близки, но не тождественны. Каждая из них обладает определенной степенью автономии. Различия между ними прослеживаются по двум признакам – предмету и назначению¹⁷. Тесная взаимосвязь этих функций и их смежный характер обуславливают и то, что в некоторых институтах уголовного права они могут проявляться вместе (в большей или меньшей степени каждая из них). В нашем исследовании мы подробно рассмотрим конфискацию имущества и судебный штраф. При этом названные институты необходимо рассматривать максимально широко, исследуя их генезис, потенциал применения и критически оценивая опыт их использования в других странах.

Компенсационные и восстановительные механизмы, направленные на восстановление социальной справедливости и прав потерпевших, применяются в уголовном законодательстве многих стран. Например, в Уголовном кодексе Швейцарии предусматриваются конфискация и компенсация потерпевшему; в Уголовном кодексе Голландии – конфискация и лишение незаконно полученных доходов, возложение обязанности уплатить компенсацию потерпевшему; в Уголовном кодексе Польши – обязанность возместить вред, денежная компенсация, денежная выплата [22, с. 261]. В Уголовном кодексе Австрии предусмотрены диверсионные меры (уплата денежного штрафа, выполнение общественных работ, испытательный срок, возмещение ущерба, медиация) [23]. Уголовный кодекс Германии предусматривает конфискацию как иную меру, отличную от наказания, причем данное понятие рассматривается максимально широко – предметом конфискации является не только имущество, но и вещные или обязательственные права [24, с. 164].

И в уголовных законах постсоветских государств все чаще применяются компенсационные и восстановительные нормы. Например, в Уголовном кодексе Казахстана содержится положение о такой мере уголовно-правового воздействия, как принудительный платеж, который взыскивается по обвинительному приговору суда в соответствии с законодательством Республики Казахстан о Фонде компенсации потерпевшим¹⁸.

В редких работах отечественных специалистов, посвященных восстановительной функции уголовного права, ее реализацию связывали с освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [3, с. 44]. В современных исследованиях в качестве примера компенсационных норм в уголовном праве приводят статьи Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁹ (далее – УК РФ), предусматривающие освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ), назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) [25, с. 80]. Компенсационные и восстановительные функции проявляются не только в приведенных нормах. Возмещение вреда, причиненного преступлением, является одним из условий отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости (ст. 74 УК РФ), замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), снятия судимости до истечения срока погашения судимости (ст. 86 УК РФ). Заглаживание причиненного вреда является одной из форм принудительных мер воспитательного воздействия (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ).

Мы остановимся на мерах уголовно-правового характера, в которых проявляются компенсационная и восстановительная функции права, вызывающие наибольшие споры в современной доктрине и правоприменительной деятельности.

¹⁷ См.: Басманова Н. К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008. – С. 20–21.

¹⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» : [сайт]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z2> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Конфискация и потенциал ее использования в качестве компенсационного и восстановительного механизма в уголовном праве

В течение длительного времени конфискация рассматривалась в качестве одного из видов наказания. По мере развития уголовного законодательства эволюционировал и изучаемый институт. Это можно проследить на примере отечественного законодательства. Если в XVII в. конфискация применялась ко всему имуществу преступника, то с 1870-х гг. в дореволюционном российском уголовном праве она носила специальный характер (применялась в отношении предметов, изъятых из гражданского оборота; предметов, предназначенных и служивших орудием или средством совершения преступления; имущества, добытого преступным путем). В советский период законодательный подход изменился и снова стала применяться общая конфискация имущества преступника.

Действующая редакция УК РФ содержит главу 15¹, поясняющую, в отношении какого имущества происходит конфискация и что следует понимать под соответствующим понятием. В этом случае речь снова идет о специальной конфискации, которая рассматривается уже не как вид наказания, а как иная мера уголовно-правового характера. В связи с произошедшими изменениями этого института в отечественном праве возникает следующий вопрос – какая функция уголовного права проявляется в конфискации имущества? Одни авторы говорят о карательном потенциале этой уголовно-правовой меры, другие указывают на ее двойственную природу, добавляя и предупредительную функцию [24, с. 171].

В статье 104¹ УК РФ указано, что конфискованное имущество обращается в собственность государства. Представляется, что в этом случае следует говорить о восстановительной функции, исходя из приведенного выше объяснения. Изъятие денег, ценностей и иного имущества, полученного (или превращенного, или преобразованного) в результате совершения преступлений, перечень которых дается в ст. 104¹ УК РФ, частично выполняет свою роль в процессе возвращения в прежнее состояние общественных отношений, которым причинен вред. Этот тезис весьма условен и, конечно, возможность такого восстановления зависит от вида противоправного деяния. Если речь идет о преступлениях в сфере экономической деятельности, то в этом случае восстановительные механизмы конфискации имущества выражены больше, чем в других. Весьма сложно говорить в этом аспекте о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Если исходить из критериев функций, предложенных В. Д. Филимоновым, то в конфискации имущества проявляется охранительная функция уголовного права. Исследователь, исходя из социальной направленности, выделял организующую (при этом доказывал необоснованность выделения регулятивной) и охранительную функции. Последнюю в свою очередь образуют функции предупредительная и восстановительная, направленная на восстановление социальной справедливости, нарушенной в результате совершения преступлений [2, с. 17]. Эта позиция автора заслуживает отдельного внимания. Несмотря на то, что приведенная классификация может вызывать споры, доводы автора о проявлении восстановительной функции при применении норм о конфискации имущества представляются весьма убедительными.

В статье 104³ УК РФ говорится о компенсационных механизмах, которые непосредственно не относятся к конфискации имущества, однако оговаривается, что при решении соответствующего вопроса в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу.

Подобные нормы о конфискации содержатся и в уголовных законодательствах других стран. В Германии этот институт тоже значительно эволюционировал. В 2017 году в ФРГ была проведена реформа уголовного законодательства с целью совершенствования правового регулирования вопросов, связанных с изъятием имущества. Из Уголовного кодекса Германии исключили наказание в виде имущественного штрафа, который специалистами

рассматривался как форма конфискации имущества (однако длительное время эта норма не применялась, так как была признана неконституционной). Расширены сфера и основания применения конфискации имущества. Это коснулось дел, связанных с терроризмом и организованной преступностью. Помимо этого, пересмотрены нормы, затрагивающие права потерпевших при конфискации. Возврат утраченного имущества потерпевшего и (или) возмещение причиненного ущерба теперь осуществляется в рамках уголовного процесса²⁰ (§ 459h StPO (УПК ФРГ)). До этого действовал порядок, аналогичный предусмотренному российским законодательством – конфискация не назначалась, если потерпевший в результате совершенного против него деяния получил право на претензию, исполнение которой лишило бы исполнителя или соучастника стоимости того, что было приобретено в результате деяния (редакция § 73 StGB (УК ФРГ) до принятия изменений 13 апреля 2017 года)²¹. Таким образом, необходимость возмещения ущерба потерпевшему теперь не препятствует применению конфискации имущества.

На примере уголовного законодательства ФРГ видно, что компенсационные и восстановительные механизмы все чаще находят свое место в уголовно-правовой материи. И если ранее в Германии действовала аналогичная российской «модель поддержки потерпевшего по возвращению утраченного имущества посредством лишь процессуального обеспечения для последующего самостоятельного ведения гражданского процесса (Rückgewinnungshilfe)»²², то сейчас исследователи говорят о «модели непосредственного возврата утраченного имущества или компенсации ущерба в ходе уголовного процесса (Entschädigungsmodell)»²³.

Пример конфискации служит хорошей иллюстрацией того, что социальная роль уголовного права на конкретном историческом этапе определяет используемый этой отраслью инструментарий воздействия на общественные отношения. Карательная функция уголовного права, в которой проявляется первоначальная природа этой отрасли, еще остается доминирующей. Между тем в зависимости от целей и задач уголовного законодательства государства в конкретных социальных реалиях меняются и масштабы использования компенсационных и восстановительных механизмов.

Судебный штраф и потенциал его использования в качестве компенсационного и восстановительного механизма в уголовном праве

Введение института судебного штрафа в российское уголовное законодательство является одним из доказательств того, что границы использования компенсационных и восстановительных механизмов все больше расширяются. Подтверждение тому, что именно с этих позиций следует рассматривать такую меру уголовно-правового характера, как судебный штраф, можно найти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. В одном из дел о проверке конституционности положений ст. 76² УК РФ Конституционный Суд Российской Федерации указал, что введение этой нормы направлено на усиление исправительного воздействия уголовной ответственности и наказания, предупреждения новых преступлений, при этом также сослался на Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)²⁴, рекомендуемые при вынесении судебным органом решения применять меры, не связанные с тюремным

²⁰ Головненков П. В. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия : Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / вступ. ст. У. Хелльманна. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 404 с.

²¹ Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия : Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. – [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. – С. 158.

²² Там же. – С. 159.

²³ Там же.

²⁴ Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110 // Информационно-правовая система «Гарант». – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833/> (дата обращения: 03.06.2024).

заключением, экономические санкции и денежные наказания, а также возвращение имущества жертве или постановление о компенсации²⁵.

В 2016 году в УК РФ были введены ст. 76² и глава 15², предоставившие суду право освобождать лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении следующих условий: лицом впервые совершено преступление небольшой или средней тяжести; лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Действовавшие до этого статьи о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием и возмещением ущерба) могли применяться в ограниченном количестве случаев. Поэтому вполне объяснимо, что эта норма стала активно применяться, частично компенсируя общественный запрос на гуманизацию законодательства, на расширение сферы использования мер альтернативных карательным. В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 году федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями прекращено 8 583 уголовных дела с назначением судебного штрафа, а уже в 2018 году происходит существенный рост – зарегистрировано 17 200 таких дел, максимальное количество приходится на 2019 и 2020 годы – 30 678 и 32 427 соответственно, с 2021 года наблюдается значительное снижение – 15 648 уголовных дел с назначением судебного штрафа, в 2022 году – 5 514, в 2023 году – 2 783²⁶.

Такое резкое изменение годовых показателей связано с тем, что правовая неопределенность некоторых законодательных положений, регламентирующих применение судебного штрафа, привела к злоупотреблениям. Обзору судебных решений, в которых усматривается необоснованность освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, посвящены многочисленные публикации [26]. В ряде решений судов не только вызывают споры трактовки требования «о возмещении ущерба или заглаживании причиненного преступлением вреда иным образом», но иногда фиксируются и нарушения требований закона. В соответствии с данными судебной статистики, в 2017 году с назначением судебного штрафа судами общей юрисдикции и мировыми судьями прекращено 47 уголовных дел, которые возбуждены по признакам составов преступлений, относящихся к категории тяжких; в 2018 году таких случаев 40; в 2019 году прекращено 56 уголовных дел, которые возбуждены по признакам составов преступлений, относящихся к категории тяжких, и 1 – к особо тяжким; в 2020 году таких случаев 38 и 1 соответственно²⁷. Необоснованные судебные решения об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа массово оспаривались прокуратурой. В 2021 году удовлетворено свыше 60 % апелляционных постановлений [27]. Слишком широкое и не всегда обоснованное применение судебного штрафа в определенной степени дискредитировало рассматриваемый институт. В этом плане необходимо положительно оценивать изменения в правоприменительной деятельности последних лет, связанную с принятием целого ряда решений Верховным Судом Российской Федерации.

В институте судебного штрафа проявляются компенсационная и восстановительная функции. Наличие такого института в отрасли уголовного права положительно влияет на посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, стимулирует его возместить причиненный преступлением вред максимально возможным образом. При этом

²⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования основания и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=519897#n1Bo4SUMeFKRmafF1> (дата обращения: 03.06.2024). – Документ опубликован не был.

²⁶ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 07.07.2024).

²⁷ Там же.

лицо испытывает на себе и меры уголовно-правового воздействия в виде денежного взыскания, наложенного на него судом (в этом случае можно говорить, что здесь проявляется карательная функция уголовного права).

В специальных исследованиях говорится о необходимости законодательных изменений, которые упорядочат правоприменительную практику, в т. ч. предлагается установить минимальный размер судебного штрафа, ввести запрет на применение положений ст. 76² УК РФ в отношении лиц, совершивших ряд преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью [27]. В отношении последнего предложения уточним, что следует привести своего рода ревизию норм Особенной части УК РФ на предмет компенсационного и восстановительного потенциала такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф, применительно к конкретным составам преступлений и установить соответствующий перечень в уголовном законе.

Заключение

На современном этапе общественного развития уголовному праву присущи компенсационная и восстановительная функции. Каждую из них следует рассматривать самостоятельно, т. к. в них по-разному проявляются свойственные уголовному праву социальные роли. отождествление этих двух функций в отечественной доктрине во многом связано с историей становления правовой системы нашей страны. В советский период даже в гражданском праве компенсационные механизмы имели второстепенное значение, акценты смещались на требование восстановления социальной справедливости, которая понималась максимально широко. При этом уголовное право в тот период во многом реализовывало карательный потенциал.

Исторический анализ отечественной доктрины уголовного права показал, что теория этой науки эволюционировала в сторону признания многообразия функций, присущих соответствующей отрасли права. Согласимся с обоснованностью предлагаемого в науке деления функций уголовного права на юридические и социальные, считая при этом, что к юридическим функциям следует относить компенсационную и восстановительную.

Приводя аргументы, доказывающие наличие компенсационной и восстановительной функций в уголовном праве на современном этапе развития, следует основываться на общих положениях теории права, едином подходе, выработанном правоведом, к пониманию функций права и их содержанию. Это позволит соблюсти принцип системности, а также требования непротиворечивости и последовательности.

Компенсационные и восстановительные механизмы все больше применяются в уголовном праве. Как справедливо отмечает М. В. Бавсун, «подобного рода трансформации всегда требуют, как минимум соответствующего обоснования, которое приведет либо к дальнейшему развитию, в том числе и доктринальному, либо, наоборот, к пониманию неудачности сделанных законодателем попыток в данном направлении...» [4, с. 23–24]. Введение в российское уголовное законодательство норм, предусматривающих реализацию компенсационных и восстановительных механизмов, и практика их применения показали потребность в такого рода правовых институтах. Представляется, что этот тренд сохранится, он соответствует общемировым тенденциям и запросам современного общества – уход от карательных начал в уголовном законодательстве, необходимость максимально возможного возмещения ущерба, причиненного потерпевшим от преступления.

Список литературы

1. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 196 с.
2. Филимонов В. Д. Генезис уголовно-правового регулирования : монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2015. – 128 с.

3. *Похмелькин В. В.* О восстановительной функции советского уголовного права // Правоведение. – 1990. – № 2. – С. 40-47.
4. *Бавсун М. В.* Регулятивно-восстановительная функция как феномен современного российского уголовного права // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 23–26; <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-1-23-26>.
5. *Дурманов Н. Д.* Советский уголовный закон. – Москва: Издательство Московского университета, 1967. – 319 с.
6. *Звечаровский И. Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 97 с.
7. *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия : монография. – Москва: Наука, 1983. – 183 с.
8. *Преступление и наказание* / [Голик Ю. В. и др.] // Полный курс уголовного права : [монография] : в 5 т. / [Бойцов А. И. и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. – Т. I. – 1131 с.
9. *Никифоров Б. С.* Избранное / сост. А. А. Гравина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 224 с.
10. *Смирнов В. Г.* Функции советского уголовного права : (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1965. – 188 с.
11. *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 160 с.
12. *Радько Т. Н.* Понятие и признаки функций права // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 3 (44). – С. 22–30.
13. *Рыженков А. Я.* Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 44–49.
14. *Денисова А. В.* Функции уголовного права в российской правовой системе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 2 (33). – С. 40–45.
15. *Тараканов А. П.* Понятие и основные особенности компенсационной функции права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1 (14). – С. 82–91.
16. *Прохоров В. С.* Преступление и ответственность. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. – 136 с.
17. *Лейст О. Э.* Санкции и ответственность по советскому праву : (Теоретические проблемы). – Москва: Издательство Московского университета, 1981. – 240 с.
18. *Осипов П. П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций : Аксиологические аспекты. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1976. – 135 с.
19. *Тарханов И. А.* Замена наказания по советскому уголовному праву : [монография] / науч. ред. В. П. Малков – Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – 104 с.
20. *Шлыков С. А.* Функции уголовной ответственности / Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды / редкол.: И. Н. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – Москва: ВНИИСЗ, 1983. – [Вып. 27]. – С. 192–203.
21. *Середа И. М.* К вопросу о соотношении понятий «уголовная ответственность», «уголовно-правовое отношение», «уголовное преследование» и «наказание» / Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников III Международного пенитенциарного форума : в 8 т., Рязань, 21–23 ноября 2017 г. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – Т. 2. – С. 87–91.
22. *Непомнящая Т. В.* Меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2008. – № 3 (16). – С. 261–267.

23. Овсянников И. В. Дискуссионные вопросы применения института судебного штрафа // Российская юстиция. – 2023. – № 9. – С. 39–44.
24. Головненков П. В., Понятовская Т. Г. Сущность конфискации имущества в германском и российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 164–173; [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).164-173](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).164-173).
25. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Компенсационная функция и компенсационные нормы современного уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 1 (53). – С. 78–88.
26. Есаков Г. А., Гейнце О. В. Судебный штраф в судебной практике и статистике: современные тенденции // Уголовное право. – 2023. – № 11 (159). – С. 25–38.
27. Бажутов С. А. Пути совершенствования института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Законность. – 2022. – № 9 (1055). – С. 3–12.

References

1. Filimonov V. D. Okhranitel'naya funktsiya ugovnogo prava. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 196 s.
2. Filimonov V. D. Genezis ugovno-pravovogo regulirovaniya: monografiya. – Mjсква: Norma: Infra-M, 2015. – 128 s.
3. Pokhmelkin V. V. O vosstanovitel'noy funktsii sovetskogo ugovnogo prava // Pravovedeniye. – 1990. – № 2. – S. 40–47.
4. Bavsun M. V. Regulyativno-vosstanovitel'naya funktsiya kak fenomen sovremennogo rossiyskogo ugovnogo prava // Rossiyskiy sledovatel'. – 2024. – № 1. – S. 23–26; <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-1-23-26>.
5. Durmanov N. D. Sovetskiy ugovnnyy zakon. – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. – 319 s.
6. Zvecharovskii I. E. Sovremennoye ugovnoye pravo Rossii: ponyatiye, printsipy, politika. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. – 97 s.
7. Kogan B. M. Sotsial'nyy mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeystviya : monografiya. – Moskva: Nauka, 1983. – 183 s.
8. Prestupleniye i nakazaniye / [Golik Yu. V. i dr.] // Polnyy kurs ugovnogo prava : [monografiya] : v 5 t. / [Boytsov A. I. i dr.] ; pod red. A. I. Korobeyeva. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2008. – T. I. – 1131 s.
9. Nikiforov B. S. Izbrannoye / sost. A. A. Gravina. – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2010. – 224 s.
10. Smirnov V. G. Funktsii sovetskogo ugovnogo prava : (Predmet, zadachi i sposoby ugovno-pravovogo regulirovaniya). – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1965. – 188 s.
11. Shargorodskiy M. D. Nakazaniye, yego tseli i effektivnost'. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1973. – 160 s.
12. Rad'ko T. N. Ponyatiye i priznaki funktsiy prava // Vestnik Akademii prava i upravleniya. – 2016. – № 3 (44). – S. 22–30.
13. Ryzhenkov A. Ya. Funktsii grazhdanskogo prava: voprosy teorii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2012. – № 4. – S. 44–49.
14. Denisova A. V. Funktsii ugovnogo prava v rossiyskoy pravovoy sisteme // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2015. – № 2 (33). – S. 40–45.
15. Tarakanov A. P. Ponyatiye i osnovnyye osobennosti kompensatsionnoy funktsii prava // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2013. – № 1 (14). – S. 82–91.
16. Prokhorov V. S. Prestupleniye i otvetstvennost'. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. – 136 s.

17. *Leyst O. E.* Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu : (Teoreticheskiye problemy). – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1981. – 240 s.
18. *Osipov P. P.* Teoreticheskiye osnovy postroyeniya i primeneniya ugovolno-pravovykh sanktsiy : Aksiologicheskiye aspekty. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1976. – 135 s.
19. *Tarkhanov I. A.* Zamena nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu : [monografiya] / nauch. red. V. P. Malkov – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1982. – 104 s.
20. *Shlykov S. A.* Funktsii ugovolnoy otvetstvennosti / Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva : Trudy / redkol.: I. N. Kuznetsov (gl. red.) [i dr.]. – Moskva: VNIISZ, 1983. – [Vyp. 27]. – S. 192–203.
21. *Sereda I. M.* K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «ugolovnaya otvetstvennost'», «ugolovno-pravovoye otnosheniye», «ugolovnoye presledovaniye» i «nakazaniye» / Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) : sbornik tezisev vystupleniy i dokladov uchastnikov III Mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma : v 8 t., Ryazan', 21–23 noyabrya 2017 g. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017. – T. 2. – S. 87–91.
22. *Nepomnyashchaya T. V.* Mery ugovolno-pravovogo kharaktera // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2008. – № 3 (16). – S. 261–267.
23. *Ovsyannikov I. V.* Diskussionnyye voprosy primeneniya instituta sudebnogo shtrafa // Rossiyskaya yustitsiya. – 2023. – № 9. – S. 39–44.
24. *Golovnenkov P. V., Ponyatovskaya T. G.* Sushchnost' konfiskatsii imushchestva v germanskom i rossiyskom ugovolnom prave // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – T. 9, № 1. – S. 164–173; [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).164-173](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).164-173).
25. *Martynenko N. E., Martynenko E. V.* Kompensatsionnaya funktsiya i kompensatsionnyye normy sovremennogo ugovolnogo zakona // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2020. – № 1 (53). – S. 78–88.
26. *Yesakov G. A., Geytse O. V.* Sudebnyy shtraf v sudebnoy praktike i statistike: sovremennyye tendentsii // Ugolovnoye pravo. – 2023. – № 11 (159). – S. 25–38.
27. *Bazhutov S. A.* Puti sovershenstvovaniya instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa // Zakonnost'. – 2022. – № 9 (1055). – S. 3–12.

Статья поступила в редакцию 14.07.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted July 14, 2024; approved after reviewing October 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-209-226>

Елена Викторовна Стебенева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>, st.el@list.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Виды коррупции: современные криминологические трансформации

Аннотация: Введение. В представленной статье рассматриваются виды коррупции, подразделяемые на основе функционального подхода в зависимости от распространения в отдельной общественной сфере, с учетом чего автор на конкретных примерах судебно-следственной практики проследил изменения форм коррупции в зависимости от современной трансформации общественных отношений. Коррупция неизбежно подвергается преобразованиям в зависимости от возникновения новых общественных отношений, изменения в уже существующих, что предопределяет встраиваемость рассматриваемого негативного явления в социальную матрицу и формирование видов, форм коррупционных деяний. Актуальность представленного исследования определяется востребованностью анализа и понимания коррупционных механизмов в различных сферах деятельности, его специфики и особенностей с учетом современных социальных преобразований. **Методы.** В ходе исследования использовались методы общенаучные: диалектический; методы анализа и синтеза; частнонаучные: статистический, социологический, сравнительно-правовой, функциональный. **Результаты.** Изучение специфики видов коррупции в зависимости от распространенности в той или иной общественной сфере с применением функционального подхода позволяет выявлять коррупционные механизмы и криминологические трансформации коррупции с целью эффективного противодействия ей, обеспечивая тем самым реализацию одного из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности страны, оказывающее влияние на стабильное формирование и развитие экономики, общества и государства. Выявляя особенности распространения видов коррупции по сферам деятельности, мы тем самым совершенствуем антикоррупционный механизм противодействия, который представляет собой совокупность отношений, связанных с осуществлением мер, направленных на выявление, устранение, нейтрализацию коррупциогенных факторов; направленных на борьбу с коррупционными проявлениями и минимизацию негативных последствий от коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: виды и формы коррупции, криминологическая трансформация коррупции

Для цитирования: Стебенева Е. В. Виды коррупции: современные криминологические трансформации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 209–226; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-209-226>.

Original article

Elena V. Stebeneva

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>, st.el@list.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Types of corruption: modern criminological transformations

Abstract: Introduction. The article deals with types of corruption, which are subdivided on the basis of a functional approach depending on the spread in a particular public sphere. The author examined the changes in the forms of corruption depending on the modern transformation of social relations using specific examples of judicial and investigative practice. Corruption inevitably undergoes transformations depending on the emergence of new social relations and changes in existing ones. This predetermines the embedding of this negative phenomenon in the social matrix and the formation of types and forms of corrupt acts. The actuality of the presented research is determined by the demand for analysing and understanding corruption mechanisms in various spheres of activity, its specifics and peculiarities with regard to modern social transformations. **Methods.** The methods used in the research were general scientific: dialectical; methods of analysis and synthesis; private-scientific: statistical, sociological, comparative-legal, functional. **Results.** The study of the specifics of types of corruption depending on its prevalence in a particular public sphere using a functional approach makes it possible to identify corruption mechanisms and criminological transformations of corruption in order to effectively counteract it. This ensures the implementation of one of the priority areas in ensuring the national security of the country, which has an impact on the stable formation and development of the economy, society and the state. Identifying the peculiarities of the spread of types of corruption by areas of activity, we thereby improve the anti-corruption mechanism of counteraction, which is a set of relations related to the implementation of measures aimed at identifying, eliminating, neutralising corruption factors; aimed at combating corruption manifestations and minimising the negative consequences of corruption offences.

Keywords: types and forms of corruption, criminological transformation of corruption

For citation: Stebeneva E. V. Types of corruption: modern criminological transformations // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 209–226; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-209-226>.

Введение

Такое негативное социальное явление, как коррупция, неизбежно преобразуется, меняется вместе с обществом и подстраивается, внедряется в те процессы, которые происходят в нем, что в свою очередь обуславливает нацеленность на изучение, выявление, пресечение коррупционных деяний во всем их многообразии в современной действительности. Коррупция, оставляя прежние свои формы, неизменно приобретает новые конфигурации за счет использования информационных технологий, бесконтактных платежных систем;

отображаясь в возникающих современных социальных связях и пр., чему способствует изменение общественного сознания и структурно-функционального состава общественных отношений [1].

Трансформация коррупции и ее мимикрирование под различные социальные отношения (например, сращивание государственной власти с коррумпированными структурами) приводит к ее институализации, что наделяет ее определенными социальными функциями, пусть и нелегальными, а порой криминальными (устранение, сокращение, снижение административных барьеров путем совершения коррупционных деяний; упрощение, ускорение принятия решений уполномоченными лицами за незаконное вознаграждение и др.).

Методы

Пониманию коррупции как негативного социального явления и существованию ее в различных сферах способствовал метод диалектического познания. С помощью анализа и синтеза раскрыты составляющие отдельных социальных сфер современного общества и отношений, возникающих в них; исследованы труды ученых на заявленную проблему, что помогло с использованием функционального подхода распределить коррупцию по отдельным видам. Социологический метод применялся для сбора эмпирического материала в виде анкетирования экспертов; статистический метод – для анализа статистических данных о состоянии коррупционной преступности; сравнительно-правовой метод – для анализа судебной практики. Таким образом, синергетический подход позволил объединить в совокупности примененные методы с целью научно-познавательной деятельности, нашедшей отражение в представленной статье.

Результаты

Существуют различные классификации коррупции, что в очередной раз подтверждает тезис о разнообразии коррупции, ее различных модификациях и направлениях.

Предпримем попытку подразделить коррупцию на виды и раскрыть содержание наиболее распространенных в современном обществе. В данном исследовании мы будем использовать функциональный подход [2, с. 26], заимствованный из социологии структурного функционализма, являющегося одним из направлений социологической мысли, представители которого (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.) полагали, что в социальном взаимодействии задействованные элементы выполняют каждый свои функции, составляя целостную структуру общества.

С целью объяснения какой-либо категории необходимо обратиться к ее функции, дающей понимание того, что из себя изучаемая категория представляет. Изучение социальной функции (социальной роли) рассматриваемых явлений помогает не только познать содержание и сущность, но и их взаимодействие с иными социальными элементами.

Доктринальные положения функционального направления состоят в первую очередь в том, что при поиске объяснения общественного явления необходимо найти и определить его функцию, исполняемую в обществе, а во-вторых, требуется определить не только позитивные следствия, вызываемые явлением через выполнение своей функции, но и побочные, скрытые, которые могут носить и негативный характер (функции и дисфункции).

Подразделяя коррупцию на виды, мы таким образом ориентируемся на функции, выполняемые в обществе, отдельной социальной сферы и роль коррупции в ее функционировании. Та или иная сфера содержит определенные институты, наполняющие социальную матрицу, а коррупция, участвуя в их функционировании, приобретает признаки институализации, что предопределяет устойчивость, а в некоторых случаях иерархичность коррупционных отношений и способствует совместной трансформации.

Политическая (электоральная) коррупция

Одно из существующих понятий политической коррупции определяет ее как прямую или опосредованную взаимосвязь между институтами, чиновниками государственной власти и населением, которая характеризуется противоправностью, многообразием и основывается на незаконном, аморальном использовании управомоченным государственным лицом должностных полномочий с корыстной целью¹. Другие ученые определяют коррупцию в целом как негативное социально-политическое девиантное (отклоняющееся) поведение в сфере политической (властной) жизни современного общества [3, с. 40].

На наш взгляд, говоря о политической коррупции, под ней требуется понимать использование полномочий, обязанностей лиц в государственных органах, в коммерческих или иных организациях путем противоправного извлечения корыстной и иной личной выгоды в политической сфере.

Именно учитывая не только незаконное извлечение выгоды в политической сфере самими лицами, которые обладают властными полномочиями благодаря занимаемой должности, исполнению служебных обязанностей, но и иными лицами, которые не обладают данным коррупционным ресурсом, следует подходить к изучению коррупции в целом и политической в частности.

Политическая коррупция проявляется на различных уровнях: федеральном, региональном; на уровне местного самоуправления, но при этом имеет очень ярко выраженную черту – борьба за публичную власть, что является основанием для подразделения деяний коррупционной направленности, совершаемых на стадии завоевания (удержания) публичной власти и на стадии ее использования [4, с. 27].

На первой стадии существует так называемая электоральная коррупция, которая, по мнению некоторых ученых, проявляется в массовом и (или) индивидуальном подкупе как избирателей, так и избираемых на выборные государственные, муниципальные должности либо иных участников процесса избирательной кампании [5].

Электоральную коррупцию также определяют как создание преимуществ для представителей правящих политических сил и групп, подавление их политических конкурентов и искажение свободного волеизъявления граждан посредством противоправного использования в ходе избирательного процесса структур публичной власти, их должностных лиц и в целом ее управленческих ресурсов [4, с. 27].

Несомненно, сводить электоральную коррупцию лишь к подкупу участников избирательных кампаний, лиц, их обеспечивающих, и др. было бы не совсем верно, так как коррупция заключается не только в подкупе, но и в злоупотреблениях, служебных подлогах, мошенничествах с использованием служебного положения и т. п.

Также не совсем верно говорить о подкупе лишь избирателей или избираемых, т. к. перечень участников избирательных кампаний достаточно обширен, начиная с подготовительных этапов задолго до начала выборов, референдума, и заканчивая освещением в средствах массовой информации результатов избирательной кампании. Не надо забывать, что электоральная коррупция (как, впрочем, и иной ее вид) связана не только с должностными полномочиями и службой в государственных органах, но и с осуществлением деятельности в коммерческих и иных организациях, что позволяет не ограничивать круг лиц представителями государственной власти.

Коррупция в политике попирает принцип добросовестной конкуренции, и зачастую именно на стадии борьбы за публичную власть, что приводит к коррумпированному политическому режиму. Для общества губителен захват со стяжательскими целями публичной

---

¹ Зарандия Д. А. Политическая коррупция как форма теневой власти : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2012 – С. 12.

власти, которая впоследствии превращается в орудие обогащения политических групп, кланов, управляющих обществом; способствует созданию «неестественных» монополий в различных сферах общественной жизни [4, с. 73].

Коррупция в избирательном процессе заключается в использовании субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения в личных или групповых интересах с целью противоправного извлечения выгод (материальных, нематериальных), а равно предоставления или обещания таких выгод в ходе подготовки, проведения выборов, референдума².

Формы коррупции в избирательном процессе выражаются в незаконном его финансировании, подкупе-продажности лиц, участвующих в нем, в противоправном обеспечении информационного обеспечения из корыстной или иной личной заинтересованности.

Формирование коррумпированной правящей элиты доминантой распространяется на все сферы политической и общественной жизни, что приводит к социальному неравенству, росту бюрократии, административному произволу; к негативным экономическим последствиям [6, с. 35–36].

На стадии использования публичной власти, как отмечают отдельные ученые [4, с. 29], происходит приватизация власти, что способствует захвату ресурсов – законодательного, силового, финансового, информационного и др., конечным результатом чего является захват государства с целью незаконного обогащения правящими группировками. Формы проявления коррупционных деяний на этой стадии многообразны и направлены на завладение природными богатствами, финансовыми потоками, информационными ресурсами.

Согласно проведенному отдельными учеными исследованию³ мотивов преступлений против установленного порядка финансирования избирательной кампании кандидата, к наиболее распространенным относятся: желание занять определенную должность (56 %); получение имущественных прав и выгод для себя и третьих лиц (36 %); иные побуждения – привилегии, лоббирование интересов третьих лиц и др. (12 %).

К коррупционным правонарушениям, совершаемым именно в политической сфере (электоральная коррупция), помимо общеизвестных коррупционных преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 285, ст. 290–292 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) и административных правонарушений, предусмотренных, например, ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ), следует относить (при наличии корыстной и иной личной заинтересованности): преступления, связанные с избирательными кампаниями, предусмотренные подп. «а», «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ст. 141¹, ч. 1, 2 ст. 142, ст. 142¹, 142² УК РФ; административные правонарушения, предусматривающие: осуществление в период избирательной кампании, референдума подкупа избирателей, благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах (ст. 5.16 КоАП РФ); непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, референдума (ст. 5.17 КоАП РФ); незаконное использование денежных средств, незаконная материальная поддержка, незаконное финансирование избирательной кампании, кампании референдума (ст. 5.18–5.20 КоАП РФ); использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной

² Дамм И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. – 30 с.

³ Вист И. И. Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2015. – С. 23.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

кампании, кампании референдума (ст. 5.45 КоАП РФ); нарушение правил перечисления средств, внесенных в избирательный фонд, фонд референдума (ст. 5.50 КоАП РФ) и др.

Бытовая коррупция, являясь одним из видов изучаемого социального феномена, обладает неоднозначным содержанием. Существуют различные мнения о понятии «бытовая коррупция».

На законодательном уровне термин «бытовая» коррупция мы можем встретить в действующем ранее Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.⁶, где ее отнесли к коррупционным правонарушениям, с которыми граждане встречаются чаще всего.

При этом некоторые ученые к критериям, определяющим правовой статус бытовой коррупции как объекта криминологического исследования, относят наличие: взяткодателей – только в виде физических лиц; деяний, направленных на удовлетворение бытовых потребностей; иных, не уголовно наказуемых деяний, совершаемых лицами, не всегда обладающими статусом должностного лица. Указанные критерии предопределяют бытовую коррупцию как систему отношений, обладающую внутренним единством, между физическим лицом (потребителя коррупционной услуги) и лицом, предоставляющим услугу в органах государственной власти, местного самоуправления, коммерческих и иных организациях в целях обеспечения бытовых (не производственных) потребностей физических лиц [7, с. 635].

Однако приведенное определение бытовой коррупции требует дополнения, т. к. коррупция заключается не только в отношениях взяткодателя–взяткополучателя (спрос–предложение), а в некоторых случаях и посредников. К коррупционным деяниям также относятся преступления, предусмотренные, например, ст. 285, 292 УК РФ, где не предполагаются двусторонние отношения между лицами (злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог не требуют множественности лиц, нередко они совершаются в одиночку).

Разделение коррупции на низовую и верхушечную относит бытовую на уровень низовой, а порой повседневной, мелкой [8, с. 159], т. к. граждане именно в решении бытовых проблем сталкиваются с коррупционными фактами или сами совершают их. Бытовая коррупция распространена во многих сферах – в здравоохранении, в жилищно-коммунальном хозяйстве, в образовании и др. Однако, на наш взгляд, определять коррупцию с точки зрения масштабности и ущерба, который она причиняет, не совсем верно. Порой достаточно тяжело оценить последствия коррупционного акта. Так, казалось бы, получение взятки в размере до 10 тысяч рублей сотрудником Госавтоинспекции от водителя, управляющего автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, в дальнейшем может привести к многочисленным жертвам; получение незаконного вознаграждения врачом за сокрытие диагноза у пациента с целью оформления медицинских документов, дающих право на трудовую деятельность (медицинской книжки), может привести к массовой эпидемии и т. п.

Поэтому разделение на малую и большую коррупцию недопустимо. К тому же мы согласны с утверждением, что «мелкая коррупция в небольших количествах может агрегировать суммы, исчисляющиеся миллионами» [8, с. 159]. Опасность коррупции на бытовом уровне заключается и в том, что она воспринимается значительной частью населения толерантно и ее готовность участвовать в коррупционных деяниях достаточно высока (67 % опрошенных граждан считают коррупцию выгодной для решения бытовых проблем и только 20 % ответили отрицательно [9, с. 163]). Примечательно, что по результатам

⁶ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012) // СЗ РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.

некоторых исследований доля лиц, имевших коррупционный опыт на протяжении нескольких лет (2016–2021 гг.), стабильно неизменна: 20–23 % [10, с. 10].

В связи с этим, продолжая использовать функциональный подход, считаем приемлемым рассматривать отдельно виды коррупции, традиционно относящиеся к так называемому бытовому уровню, но по сферам, где они распространены, тем более, что в любой сфере имеются факты как низовой, так и верхушечной коррупции.

Согласно проведенному опросу экспертов⁷, второе место (20 %) ⁸ по распространенности коррупции заняла сфера социальная – жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, которые традиционно относятся к бытовой коррупции, что дает основание рассмотреть данные виды отдельно в нашей работе.

Коррупция в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Данный вид коррупции достаточно распространен, и коррупционные преступления, совершаемые в жилищно-коммунальном хозяйстве (далее – ЖКХ), занимают весомую часть в числе иных видов коррупции. Общественная опасность данных видов преступлений заключается в нарушении нормального функционирования объектов инфраструктуры, снижении качества условий проживания, достаточного обеспечения необходимого комфорта жизни, а порой и безопасности (ремонтно-строительная деятельность, теплоэнергетическое хозяйство, водопроводные, канализационные коммуникации и т. д.).

Сфера ЖКХ и ее благоустройство относится к числу жизненно важных объектов государственного и муниципального управления и характеризуется разнообразными видами деятельности и предоставляемыми услугами, что связано с имущественными, управленческими, экономико-организационными, экологическими, энергетическими и иными вопросами, разрешение которых требует правового, финансового урегулирования и организационно-управленческого контроля, недостатки которых могут способствовать коррупционным проявлениям. Кроме того, сфера ЖКХ – высокозатратная, что также повышает коррупционные риски. «На развитие и модернизацию жилищно-коммунального хозяйства направляется колоссальный объем ассигнований, сотни миллиардов рублей перечисляются гражданами в виде платежей, что нередко является объектом преступных посягательств. Только в течение 2021 – первой половины 2022 года по материалам прокуроров возбуждено более 2 тысяч уголовных дел, в т. ч. коррупционной направленности»⁹.

Согласно статистическим данным, материалам следственной практики, результатам проведенных ранее исследований¹⁰ [11; 12;], чаще всего в сфере ЖКХ совершаются преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 201, 204, 285, 290–291² УК РФ и др. Например, факты коммерческого подкупа между подрядной организацией и должностным лицом муниципального органа власти с целью формирования конкурса среди подрядных организаций на исполнение жилищных услуг; дача взятки представителями управляющей компании жилищного кооператива, товарищества и др. с целью сокрыть поступающие

⁷ По результатам проводимого с сентября 2023 года опроса в качестве экспертов работников прокуратуры, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, судей г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, г. Рязани, г. Омска и Омской области, г. Волгограда и Волгоградской области, Архангельской, Белгородской, Владимирской, Ивановской, Курской, Липецкой, Челябинской и иных областей, Краснодарского края, Республики Крым и др. (по состоянию на 8 октября 2024 г. всего 193 человека).

⁸ К первому месту по распространенности (22,5 % респондентов) эксперты отнесли коррупцию в исполнительных органах государственной власти, что, по нашему мнению, не относится к конкретной сфере общественной деятельности, а охватывает их все, в зависимости от функций органа исполнительной власти (образование, медицина и т. д.).

⁹ Из выступления 27.10.2022 г. Генерального прокурора России Краснова И. на заседании коллегии Генпрокуратуры Российской Федерации на тему: «О состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=77792418> (дата обращения: 15.07.24).

¹⁰ Алиева Г. А. Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа в жилищно-коммунальном хозяйстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 31 с. ; Кельм С. И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в жилищно-коммунальной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2022. – 23 с. и др.

с задержкой денежные средства или отсутствие поступлений в ресурсоснабжающие организации; должностному лицу, обязанному проводить проверки финансово-хозяйственной деятельности управляющей компании; злоупотребления при незаконном повышении тарифов на коммунальные услуги; мошенничества при включении в квитанции по оплате жилищно-коммунальных расходов не предоставленных или несуществующих услуг и т. п. [13].

Субъектами указанных коррупционных преступлений выступают руководители, ответственные за сферу ЖКХ; лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в управляющих организациях (директора, учредители управляющих компаний, председатели товариществ собственников жилья; лица, ведущие денежную и коммерческую отчетность в организациях ЖКХ (бухгалтеры, материально ответственные лица); представители подрядных и субподрядных организаций, предоставляющих услуги в сфере ЖКХ, и др.¹¹.

Коррупция трансформируется, проявляясь в преступных деяниях (и жилищно-коммунальная сфера не является исключением), и ее формы претерпевают изменения, как и все процессы, происходящие в обществе. Так, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»¹² предусмотрено создание фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, формируемых за счет взносов собственников помещений, бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников финансирования. Данное нововведение не только имело позитивные последствия, но и способствовало формированию новых форм совершения коррупционных преступлений – злоупотреблений и мошенничеств, связанных с распределением средств, поступающих в фонды капремонтов.

Сообщения о коррупционных и иных преступлениях, связанных с использованием средств, предназначенных для капитального ремонта, появляются в средствах массовой информации регулярно: бывший директор Регионального фонда содействия капитальному ремонту многоквартирных домов Ярославской области обвиняется в совершении в 2022 году преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 2 ст. 201 УК РФ¹³; бывший замдиректора Фонда капремонта Московской области обвиняется в получении взяток по ч. 6 ст. 290 УК РФ за общее покровительство при исполнении и оплате договоров¹⁴; возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ по фактам хищения денежных средств при проведении ремонтных работ в 2019–2020 гг. в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга по государственному контракту с Фондом капремонта¹⁵ и т. д. и т. п.

Коррупция в сфере медицины

Коррупционные деяния в медицинских учреждениях и иных организациях, связанных с оказанием, оплатой медицинских услуг, являются одним из распространенных видов коррупции и обладают высокой общественной опасностью, т. к. несут угрозу жизни, здоровью, благополучию граждан и обществу в целом. Коррупцию в сфере медицины (здравоохранения) возможно определить как извлечение незаконной выгоды в виде денег, имущества,

¹¹ Кельм С. И. Указ. соч. – С. 15.

¹² О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7596.

¹³ В Ярославле стали судить бывшего директора Фонда капремонта // Коммерсантъ : сетевое издание. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6907279> (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁴ Экс-замдиректора Фонда капремонта Подмоскovie признал вину во взяточничестве // Коммерсантъ : сетевое издание. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7232214> (дата обращения: 16.10.2024).

¹⁵ Следком пришел с обысками в Фонд капремонта Петербурга и подрядчикам по госконтрактам // Коммерсантъ : сетевое издание. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915641?ysclid=lnqhm01svr564305542> (дата обращения: 11.09.2024).

услуг или совершение противоправных деяний из иной личной заинтересованности за счет должностных полномочий, служебных обязанностей лиц, осуществляющих свою деятельность в государственных или частных медицинских учреждениях, что причиняет вред законным интересам общества и государства в области здоровья населения, реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и получения качественной медицинской помощи.

Коррупция в сфере медицины реализуется через совершение общественно опасных деяний коррупционной направленности в следующих формах [14; 15]:

– подкуп сотрудников медицинских учреждений с целью предоставления, фальсификации необходимых медицинских документов (листы нетрудоспособности, прививочные сертификаты, выписки из историй болезни с отсутствием (наличием) диагноза болезни, фальсификация клинических исследований и т. п.);

– нецелевое использование бюджетных средств из корыстной и иной личной заинтересованности, завышение счетов для оплаты в страховых организациях (расходование на личные цели выделяемых государственных ассигнований; сговор со страховыми компаниями («откаты», «распилы» средств, поступающих в фонды обязательного медицинского страхования и др.);

– злоупотребления должностными полномочиями в сфере государственных закупок медикаментов, заключения конкурсов, проведения тендеров для выполнения работ, предоставления услуг (ремонтные, строительные работы; клининговые услуги в медицинских учреждениях и т. п.); злоупотребления в сфере распределения квот на проведение дорогостоящих медицинских услуг;

– хищение медикаментов, медицинских материалов с использованием должностных полномочий (наркотикосодержащих, дорогостоящих медикаментов; медицинских материалов, выделяемых за счет государственного бюджета (антисептики, перчатки, маски, медицинские инструменты и др.);

– мошеннические действия с использованием служебных обязанностей при оказании медицинских услуг (предоставление за плату бесплатных медицинских услуг; завышение стоимости предоставленных услуг и др.);

– в судебно-медицинской службе при оказании ритуальных услуг и при трансплантации органов (фальсификация причины смерти, даты и времени смерти, служебный подлог медицинских документов и т. п.);

– коррупционные преступления в сфере фармакологии (изготовление поддельных медицинских препаратов, медицинских рецептов и др.) [16, с. 31–50].

Таким образом, чаще всего преступления коррупционной направленности в сфере медицины квалифицируются по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, п. «б» ч. 4 ст. 228¹, п. «в» ч. 2 ст. 229, ст. 233, 237¹⁶, 285, 290– 292, 307 УК РФ.

Проходящие в обществе процессы так или иначе влияют на все социальные институты, и сфера медицины не является исключением, что непосредственно сказывается на формах совершения в т. ч. и коррупционных преступлений. С целью повышения качества и доступности медицинских услуг создан Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, являющийся одним из средств финансирования медицинского обслуживания граждан. Его деятельность регламентируется федеральными законами от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»¹⁷, от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹⁸, согласно которым территориальный фонд осуществляет управление средствами обязательного

¹⁶ Статьи 233, 237 УК РФ – при наличии корыстного мотива или иной личной заинтересованности.

¹⁷ Об основах обязательного социального страхования : Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3686.

¹⁸ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.

медицинского страхования на территории субъекта Российской Федерации. Изначально призванный обеспечить гарантированную бесплатную медицинскую помощь гражданам за счет средств обязательного медицинского страхования, Фонд и его средства стали предметом преступных посягательств, в т. ч. и коррупционных (например, внесение в базу данных и медицинские карты недостоверных сведений о прохождении гражданами диспансеризации, а затем направление счетов на оплату за диспансеризацию, которая фактически не проводилась¹⁹).

Преступники приспосабливаются к реальности, оперативно реагируют на возникающую конъюнктуру в изменяющейся системе общества. Наглядным примером служит распространение подделок прививочных сертификатов о вакцинации, справок о медицинских отводах от введения вакцины, ПЦР-тестов, QR-кодов о сделанной прививке в период пандемии и профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19. Только за 2021 год возбуждено 900 уголовных дел по фактам незаконной реализации и использования документов о вакцинации либо ПЦР-тестировании; заблокировано 2,5 тысячи сайтов, на которых продавались фиктивные сертификаты и справки²⁰.

Коррупция в сфере образования имеет повсеместную распространенность на всех уровнях образовательной системы, начиная от дошкольных образовательных учреждений и заканчивая государственной научной аттестацией и присвоением ученых степеней и званий.

Значимость противодействия коррупции в данной сфере сложно переоценить, т. к. общественно опасные деяния рассматриваемого вида искажают не только авторитет представителей образовательных организаций (учителей, воспитателей и др.), но и влияют на качество образования, воспитания и подготовку профессиональных кадров во всех организациях, структурах и системах общества. Институт образования является в социальной матрице донором, кузницей государственных служащих, политических деятелей, представителей бизнес-сообществ, врачей, педагогов и т. д., поэтому коррупционная составляющая в данной сфере, так или иначе оказывает влияние на деятельность всех сфер, где после обучения продолжают свою деятельность обучающиеся.

Более того, так называемая академическая коррупция приводит к деградации общества, т. к. вовлечение в коррупционные деяния молодого поколения неминуемо влечет воведение коррупции к норме и распространению порочной социальной практики во всех сферах жизнедеятельности государства²¹.

Коррупционную деятельность в сфере образования возможно поделить на связанную: с управлением образовательной деятельностью (деятельность Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации); с непосредственным осуществлением образовательной деятельности (воспитатели, учителя, научно-педагогические работники); с обеспечением образовательной деятельности (хозяйственная, оздоровительная деятельность и др.).

Коррупционные преступления в данной сфере осуществляются, как правило, в форме подкупа-продажи, злоупотребления должностными полномочиями, присвоения и растраты вверенного имущества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 160, 285, 290–291² УК РФ и др.)²² [17].

¹⁹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 по делу № 77-445/2022 в отношении должностных лиц одного из ГБУЗ по ч. 1 ст. 285 УК РФ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=117861#qHJYmsTRyyLel2a5> (дата обращения: 12.07.24).

²⁰ Из выступления Министра внутренних дел Российской Федерации Колокольцева В. А. на расширенном заседании Коллегии МВД России по итогам работы за 2021 год // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 12.07.2024).

²¹ Борисова Е. А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2013. – С. 4.

²² Стребков Ю. П. Коррупционные преступления в сфере образования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 22 с.

Сфера образования, готовя обучающихся, всегда ориентируется на те процессы, которые протекают в обществе, т. к. обучение неразрывно связано с запросами будущих работодателей и потребностями экономики, социальной структуры, национальной безопасности и т. п. Однако и коррупционные деяния трансформируются в угоду изменениям и в обществе в целом, и в сфере образования в частности. Начиная с 2001 года, введение в России единого государственного экзамена как государственной итоговой аттестации повлекло за собой и различные злоупотребления лицами должностными полномочиями, мошеннические действия с использованием служебного положения и т. п. как непосредственно при проведении экзамена, так и при его организации [18; 19].

Коррупция в правоохранительной сфере

Коррупционированность правоохранительных органов отличается от иных сфер тем, что лица, призванные противостоять коррупции, оказывают влияние на эффективность и качество антикоррупционного противодействия, но могут свести его к нулю, осуществляя коррупционные деяния. Это в свою очередь подвергает сомнению соблюдение принципа неотвратимости наказания и создает условия для совершения правонарушений [20]. Более того, совершение должностными лицами правоохранительных органов коррупционных деяний, в ходе которых из корыстной и иной личной заинтересованности незаконно используется служебное положение, осуществляется злоупотребление должностными полномочиями, вызывает, несомненно, общественный резонанс, негативную реакцию граждан, социальную напряженность.

Правоохранительная сфера не является исключением и претерпевает различные изменения в силу развития общества и возникновения новых, инновационных форм предупреждения преступности, накладывает отпечаток на формы совершения коррупционных деяний.

Так, С. А. Н...ин, будучи инспектором отделения по организации деятельности Центра мониторинга и управления комплексной автоматизированной системой «Безопасный город» оперативного отдела МУ МВД России «Красноярское», имея в силу занимаемого служебного положения доступ к информации и иным сообщениям о происшествиях, в период мая 2016 года предоставлял своему знакомому С. Ю. Г...ш, являющемуся коммерческим директором организации, оказывающей ритуальные услуги, информацию о фактах смерти граждан и местах нахождения трупов, представляющей интерес для С. Ю. Г...ш при осуществлении коммерческой деятельности, связанной с оказанием ритуальных, похоронных услуг, что было квалифицировано судом как использование своих должностных полномочий вопреки интересам службы из иной личной заинтересованности по ч. 1 ст. 285 УК РФ²³.

Коррупция в сфере обеспечения безопасности и обороны страны

Рассматривая различные сферы деятельности, было бы не совсем верно обойти вниманием коррупционные деяния среди военнослужащих, т. к. обеспечение обороноспособности страны, ее национальной безопасности, территориальной целостности и суверенитета является одним из приоритетных направлений государственной политики, а сегодня, возможно, одно из наиболее затратных по уровню выделения государственных средств, что в свою очередь обуславливает и высокие коррупционные риски.

Актуальность рассмотрения коррупционных правонарушений в указанной сфере подтверждает и то, что согласно данным ГИАЦ МВД России должностные лица Министерства обороны Российской Федерации находятся в числе наиболее часто совершающих преступления коррупционной направленности²⁴.

²³ Приговор Центрального районного суда г. Красноярска от 26.09.2017 по делу № 1-398/2017 // СудАкт : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IYJnBUGysdoQ?ysclid=lq9l5cotud94231454> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁴ Согласно статистическим формам отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за 2018–2023 гг. // ЦСИ ГИАЦ МВД России. – URL: для зарегистр. пользователей (дата обращения: 20.07.2024).

Отметим, что коррупция военнослужащих в силу закрытости, автономности системы военных организаций приобретает повышенную латентность и представляет повышенную угрозу национальной безопасности, т. к. связана с подрывом обороноспособности страны, незаконным распространением оружия и боеприпасов.

Согласно судебной практике, преступления коррупционной направленности, совершаемые в Министерстве обороны Российской Федерации, следует поделить на следующие:

– деяния, совершенные с использованием служебных полномочий, связанные с злоупотреблениями из корыстной или иной личной заинтересованности при распоряжении государственными денежными средствами, государственным имуществом, предназначенным для обеспечения нужд военнослужащих и как следствие, обеспечения обороноспособности страны (злоупотребления должностными полномочиями при проведении закупок товаров, работ, услуг; при распоряжении государственным имуществом (здания, полигоны и т. п.);

– коррупционные деяния, связанные с прохождением военной службы;

– присвоения и растраты вверенного в силу служебного положения имущества и др.

К основным коррупционным преступлениям, совершаемым в Вооруженных Силах Российской Федерации относятся деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 159, ч. 3. ст. 160, ст. 285, 286, 289, 290, 291 УК РФ и др. [21].

Трансформации подвергаются деяния коррупционной направленности и в рассматриваемой сфере в зависимости от тех процессов, тенденций, которые протекают в обществе.

Выполнение государственного оборонного заказа регламентируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ²⁵ и предполагает особый порядок поставки товаров, выполнения работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности страны, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами. Повышенное финансовое обеспечение обороноспособности страны, востребованность поставки для оборонно-промышленного комплекса и т. п. в нынешних условиях и особенностях международных отношений России на современном этапе, предполагают наличие не только повышенной ответственности участников выполнения государственного контракта, но и высокие коррупционные риски, что отразилось и на изменениях в уголовном законодательстве, в частности, на введении статей 201¹ УК РФ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа», 285⁴ УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»²⁶.

Также коррупция в данной сфере сосредоточена в органах и среди должностных лиц на таких наиболее коррупционноремких направлениях, как взаимодействие с гражданами по вопросам прохождения воинской службы (военные комиссариаты, воинские части и т. п.) и получения образования в военных образовательных организациях; распределение и распоряжение вверенными материальными благами (финансовыми, жилищными, материально-техническими)²⁷.

Коррупция в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Особого внимания заслуживает рассмотрение коррупционных деяний при осуществлении закупок товаров, работ, услуг, т. к. данный вид коррупции возможен во всех сферах –

²⁵ О государственном оборонном заказе : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7600.

²⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 53.

²⁷ Волков А. А. Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2020. – С. 16.

в медицине, образовании; правоохранительной деятельности и др., а конкретно там, где присутствует потребность в обеспечении государственных и муниципальных нужд. Сфера распределения государственных бюджетных средств обладает повышенными коррупционными рисками, т. к. связана с крупными денежными потоками, и именно при осуществлении данной деятельности зримо проявляется сращивание государственной власти и коммерческих, негосударственных структур, которые, объединяясь, образуют коррупционные схемы, вплоть до организованной преступности коррупционной направленности.

Распределение государственных, бюджетных средств зачастую осуществляется через проведение различных конкурсов с целью заключения контрактов на закупку товаров, выполнение работ, предоставление услуг. Совершенствованию мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также при распоряжении государственным и муниципальным имуществом, уделено повышенное внимание в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг.²⁸

Высокая коррупциогенность сферы так называемых публичных закупок детерминирует здесь широкое распространение преступных злоупотреблений в данной сфере. Объем выявленных нарушений в сфере публичных закупок достигает миллиарды рублей, причем большая часть имеет коррупционный характер. Более 96 % закупок в корпоративном секторе осуществляются на неконкурентной основе²⁹.

Нарушения в сфере государственных закупок, связанные с коррупционными рисками, можно разделить на следующие группы³⁰.

– связанные с умышленным незаконным предоставлением преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам путем создания искусственных препятствий для участия иных участников конкурса, торгов и т. п.;

– нарушения, связанные с фиктивным проведением (криминальные фикции, «фиктивные сделки»³¹), либо недобросовестным проведением конкурсов, торгов и т. п., что способствует незаконному личному обогащению должностных лиц и ведет к некачественному или отсутствию в целом обеспечению потребностей государства в товарах, работах, услугах.

В данной сфере наиболее часто совершаются преступления коррупционной направленности, предусмотренные ст. 200⁴–200⁶, 285, 285⁴, 290–292 УК РФ и др.

Изменения в общественных отношениях затронули и рассматриваемую сферу деятельности. В частности, ярко проявляет себя повсеместная информатизация. С целью повышения качества, эффективности проведения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, повышения прозрачности расходования государственных бюджетных средств, предусмотрены обязательные электронные закупки, проводимые с помощью электронных площадок на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»³², что является эффективным способом значительного снижения коррупционных рисков при осуществлении рассматриваемой деятельности, тем самым определяя позитивную тенденцию снижения вероятности совершения коррупционных деяний.

²⁸ Раздел X Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. (О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации 16 августа 2021 г. № 478 (ред. от 26.06.2023) // СЗ РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.

²⁹ Шурпаев Ш. М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – С. 5.

³⁰ Скосырская Ю. В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных закупок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – С. 9.

³¹ Потапов И. Н. Выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности, совершаемых в негосударственном секторе экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 10.

³² Пункт 2 статьи 1 Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» (СЗ РФ. – 2018. – № 1 (ч. 1). – Ст. 88).

Однако существующие проблемы в проведении закупок товаров, работ, услуг неизбежно приобретают черты протекающих процессов в обществе и в мире в целом, определяя востребованность в трансформации мер противодействия не только коррупции, но и иным угрозам национальной безопасности. Так, например, ч. 11 ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³³ предусматривает закрытые конкурентные способы определения поставщиков товаров, работ, услуг, необходимых для обеспечения федеральных нужд, если сведения о таких нуждах составляют государственную тайну, федеральными органами исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке и реализации государственной политики в области обороны, государственной охраны, обеспечения безопасности Российской Федерации и т. п. К перечню³⁴ таких заказчиков отнесены Минобороны России, СВР России, ФСБ России, Росгвардия, ФСО России, но складывающаяся политическая обстановка и характер международных отношений Российской Федерации (проведение специальной военной операции на Украине, прекращение дипломатических отношений с отдельными странами и др.) предполагает необходимость расширения указанного Перечня, например, внесения в него МВД России, ФТС России [22]. Проведение закупок товаров, работ, услуг с применением закрытых способов определения поставщиков повысит не только коррупционную устойчивость в рассматриваемой сфере, что немаловажно, учитывая направленность обеспечения федеральных нужд, по которым предполагается закрытый способ, но и обеспечит повышенную необходимость в укреплении обороноспособности страны и национальной безопасности государства в современных условиях.

Обсуждение

Коррупция весьма разнообразна в своих проявлениях, имеет различные модификации и пронизывает все социальные сферы. Коррупционные деяния врастают в общественные отношения и связи, подстраиваются под существующую конъюнктуру. Востребованность в тех или иных услугах незаконно включается в процедуры и правила; изменяется вместе с трансформацией социума и отношений в нем через формы и способы совершения; через виды участников коррупционных схем. Рассмотренные отдельные виды коррупции как с точки зрения их сущности, так и на примерах их трансформации в связи с изменениями в обществе, формируют представление о коррупционном механизме в той или иной социальной сфере и позволяют предпринимать меры для выявления и предупреждения коррупционных деяний, которые, несомненно, обладают собственной спецификой в силу существующих особенностей функционирования сферы и пр. При этом внутри также прослеживаются определенные векторы деления коррупции на горизонтальный и вертикальный виды.

Горизонтальный вектор формирования видов коррупции подразумевает распространение данного явления в различных сферах на одном уровне, например, получение взяток медиками в больницах, педагогами в институтах, инспекторами при приеме мигрантов и т. п. Тогда же, когда коррупционные схемы разрастаются не вширь, а по восходящей, это служит примером вертикального (иерархического) распространения коррупции: например, от непосредственно получателей взятки денежные средства распределяются к вышестоящим должностным лицам того или иного ведомства или организации и могут выходить за ее пределы к должностным лицам вышестоящих (надзирающих, контролирующих) органов. Таким образом, горизонтальная (одноуровневая) и вертикальная (иерархическая) пространственность коррупции определяет ее деление на различные виды, что в нашем случае,

³³ СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

³⁴ Об утверждении перечня федеральных органов исполнительной власти, их подведомственных учреждений и предприятий, при осуществлении закупок товаров, работ, услуг которыми применяются закрытые конкурентные способы определения поставщиков : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 г. № 3095-р (ред. от 26.08.2022) // СЗ РФ. – 2021. – № 45. – Ст. 7586.

предопределяется сферой, где прибегают к коррупции, т. к. именно она наделяет специфической действия должностных и иных задеиствованных в коррупционных деяниях лиц.

Движение коррупционных потоков возможно как снизу вверх, так и сверху вниз, что подразумевает наличие отлаженных надежных коррумпируемых связей и распределение незаконных доходов повсеместно по вертикали, тем самым поддерживая институализацию коррупции и еще больше укрепляя, углубляя связи, схемы коррупционеров.

Заключение

Вышеперечисленный перечень сфер, где распространена коррупция, не является исчерпывающим. Нами предпринята попытка определить виды коррупции по тем общественным отношениям, которые приоритетны и преобладают в социуме. Несомненно, следует учитывать, что порой сложно отнести коррупционное деяние, совершенное в той или иной сфере, к определенному виду, т. к., на первый взгляд, затрагивая одни общественные отношения, коррупция встраивается и в другие.

В итоге, подразделяя коррупцию на виды, мы ориентируемся на функции, выполняемые в обществе отдельной социальной сферой, и присутствие коррупции в ее деятельности. Та или иная сфера содержит определенные институты, наполняющие социальную матрицу, а коррупция, участвуя в их функционировании, приобретает признаки институализации, что предопределяет устойчивость, а в некоторых случаях иерархичность коррупционных отношений и способствует совместной трансформации.

Изучение видов коррупции необходимо для определения коррупционных механизмов и впоследствии будет способствовать их выявлению и предупреждению, что невозможно без знания специфики действий вовлеченных в коррупционные деяния субъектов. Таким образом, определяя виды коррупции, их трансформацию в условиях смены парадигмы развития общества под воздействием новаций, социальных изменений, мы выявляем особенности совершения конкретных коррупционных правонарушений в той или иной сфере, что, несомненно, способствует более эффективному выявлению, пресечению и предупреждению данных деяний.

Выявляя особенности распространения видов коррупции по сферам деятельности, мы тем самым совершенствуем антикоррупционный механизм противодействия, конкретизируем меры предупреждения коррупционных деяний и адаптируем их с учетом тех социальных трансформаций, которые воздействуют на распространение коррупции и ее изменения.

Список литературы

1. Маврина Н. А. Смена научных парадигм как предпосылка формирования постиндустриального общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – Т. 8, № 1. – С. 17–19.
2. Батуренко С. А. Функциональный подход к исследованию социального порядка в истории социологии: Э. Дюркгейм, Т. Парсонс // Социология. – 2017. – № 3. – С. 26–31.
3. Кабанов П. А., Райков Г. И., Чирков Д. К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков : монография. – Москва: Дружба народов, 2008. – 223 с.
4. Нисневич Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса : монография. – Москва: Юрайт, 2017. – 237 с.
5. Кабанов П. А., Райков Г. И. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа // Следователь. – 2008. – № 10. – С. 21–25.
6. Ермаков Ю. А. Коррупция публичной власти: российский вариант. Опыты противоборства. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – 288 с.

7. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 634–640; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(5\).634-640](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640).
8. Трунцевский Ю. И. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 157–161; https://doi.org/10.12737/art_2018_1_14.
9. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2017. – № 6 (246). – С. 154–167; https://doi.org/10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.
10. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Лимкина Н. А., Манаева И. В. «Бытовая» коррупция в региональном измерении. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2022. – 25 с.
11. Новикова М. А. Коррупционные преступления в сфере благоустройства и коммунального хозяйства как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-2. – С. 367–375.
12. Громов В. Г., Ефремова И. А., Матушкин П. А. Коррупция в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 3 (96). – С. 145–153.
13. Левашова О. В., Саркисова Д. С. Квалификация преступлений, совершаемых в жилищно-коммунальной сфере // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 77–81; <https://doi.org/10.24158/per.2017.5.20>.
14. Ускова К. С., Зимина Н. В. Коррупция в системе здравоохранения и пути ее предотвращения в медицинских учреждениях / Актуальные проблемы государственно-правового развития России : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 8 декабря 2022 г. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2023. – С. 47–59.
15. Причины и виды коррупции в судебно-медицинской службе Российской Федерации / Вестник научных трудов «Юристъ» : по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции : в 2 ч., Казань, 5 декабря 2019 г. / под ред. Н. Т. Димитриевой [и др.]. – Казань: Академия социального образования, 2020. – Вып. 8, Ч. 1. – С. 278–282.
16. Король И. Г. Уголовный закон и ответственность медицинских и фармацевтических работников / Современное медицинское право в России и за рубежом : сборник научных трудов / отв. ред.: О. Л. Дубовик, Ю. С. Пивоваров. – Москва, 2003. – С. 37–52.
17. Дамм И. А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // Russian Journal of Economics and Law. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 5–17; <http://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.4.5-17>.
18. Ермолова Е. А., Зверева Ю. Н., Морозов Г. Б. ЕГЭ как фактор коррупционных оснований поступления молодежи в российский ВУЗ // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 4. – С. 268–274.
19. Дамм И. А., Шишко И. В. Предупреждение коррупционных рисков при проведении государственной итоговой аттестации в школе и вузе: правовой аспект // Юридические исследования. – 2028. – № 12. – С. 11–29; <http://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.12.28548>.
20. Гринько С. Д. Проблемы противодействия коррупции в правоохранительных органах // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 148–152; <http://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-4-148-153>.
21. Хачикян П. П. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации : монография. – Москва: Перо, 2017. – 109 с.
22. Столярова Н. А. Осуществление МВД РФ закупок с использованием закрытых способов определения поставщика // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития : материалы

всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 6 декабря 2023 г. / сост.: И. А. Сошникова, С. Р. Коновалова, Е. А. Николаева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 182–185.

References

1. *Mavrina N. A.* Smena nauchnykh paradigm kak predposylka formirovaniya postindustrial'nogo obshchestva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – Т. 8, № 1. – С. 17–19.
2. *Baturenko S. A.* Funktsional'nyy podkhod k issledovaniyu sotsial'nogo poryadka v istorii sotsiologii: E. Dyurkgeym, T. Parsons // Sotsiologiya. – 2017. – № 3. – С. 26–31.
3. *Kabanov P. A., Raykov G. I., Chirkov D. K.* Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti na rubezhe vekov : monografiya. – Moskva: Druzhba narodov, 2008. – 223 s.
4. *Nisnevich Yu. A.* Politika i korruptsiya: korruptsiya kak faktor mirovogo politicheskogo protsessa : monografiya. – Moskva: Yurayt, 2017. – 237 s.
5. *Kabanov P. A., Raykov G. I.* Elektoral'naya korruptsiya i formy yeyo proyavleniya: opyt politiko-kriminologicheskogo analiza // Sledovatel'. – 2008. – № 10. – С. 21–25.
6. *Yermakov Yu. A.* Korruptsiya publichnoy vlasti: rossiyskiy variant. Opyty protivoborstva. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2017. – 288 s.
7. *Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A.* Bytovaya korruptsiya v Rossii: osnovnyye kriminologicheskiye parametry // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 634–640; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(5\).634-640](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640).
8. *Truntsevskiy Yu. I.* Bytovaya (povsednevnyaya) korruptsiya: ponyatiye i sotsial'noye znacheniyе // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2018. – № 1. – С. 157–161; https://doi.org/10.12737/art_2018_1_14.
9. *Sidorenko E. L.* Sostoyaniye i dinamika bytovoy korruptsii v Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2017. – № 6 (246). – С. 154–167; https://doi.org/10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.
10. *Agishev R. R., Barinova O. N., Limkina N. A., Manayeva I. V.* «Bytovaya» korruptsiya v regional'nom izmerenii. – Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2022. – 25 s.
11. *Novikova M. A.* Korruptionnyye prestupleniya v sfere blagoustroystva i kommunal'nogo khozyaystva kak ob'yekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2016. – № 3-2. – С. 367–375.
12. *Gromov V. G., Yefremova I. A., Matushkin P. A.* Korruptsiya v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2020. – Т. 1, № 3 (96). – С.145–153.
13. *Levashova O. V., Sarkisova D. S.* Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershayemykh v zhilishchno-kommunal'noy sfere // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2017. – № 5. – С. 77–81; <https://doi.org/10.24158/pep.2017.5.20>.
14. *Uskova K. S., Zimina N. V.* Korruptsiya v sisteme zdavookhraneniya i puti yeye predotvrashcheniya v meditsinskikh uchrezhdeniyakh / Aktual'nyye problemy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii : materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chita, 8 dekabrya 2022 g. – Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – С. 47–59.
15. *Prichiny i vidy korruptsii v sudebno-meditsinskoy sluzhbe Rossiyskoy Federatsii / Vestnik nauchnykh trudov «Yurist'» : po materialam zasedaniya III Soveta molodezhnykh obshchestvennykh organizatsiy i ob'yedineniy Respubliki Tatarstan v sfere protivodeystviya korruptsii : v 2 ch., Kazan', 5 dekabrya 2019 g. / pod red. N. T. Dimitriyevoy [i dr.]. – Kazan': Akademiya sotsial'nogo obrazovaniya, 2020. – Vyp. 8, Ch. 1. – С. 278–282.*
16. *Korol' I. G.* Ugolovnyy zakon i otvetstvennost' meditsinskikh i farmatsevticheskikh rabotnikov / Sovremennoye meditsinskoye pravo v Rossii i za rubezhom : sbornik nauchnykh trudov / otv. red.: O. L. Dubovik, Yu. S. Pivovarov. – Moskva, 2003. – С. 37–52.

17. *Damm I. A.* Korruptsiya v sfere obrazovaniya: ponyatiye, kharakternyye cherty, formy i vidy // Russian Journal of Economics and Law. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 5–17; <http://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.4.5-17>.

18. *Yermolova Ye. A., Zvereva Yu. N., Morozov G. B.* YEGE kak faktor korruptsiyonnykh osnovaniy postupleniya molodezhi v rossiyskiy VUZ // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. – 2011. – № 4. – С. 268–274.

19. *Damm I. A., Shishko I. V.* Preduprezhdeniye korruptsiyonnykh riskov pri provedenii gosudarstvennoy itogovoy attestatsii v shkole i vuze: pravovoy aspekt // Yuridicheskiye issledovaniya. – 2028. – № 12. – С. 11–29; <http://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.12.28548>.

20. *Grin'ko S. D.* Problemy protivodeystviya korruptsii v pravookhranitel'nykh organakh // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. – 2019. – № 4. – С. 148–152; <http://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-4-148-153>.

21. *Khachikyan P. P.* Protivodeystviye korruptsii v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – Moskva: Pero, 2017. – 109 s.

22. *Stolyarova N. A.* Osushchestvleniye MVD RF zakupok s ispol'zovaniyem zakrytykh sposobov opredeleniya postavshchika // Moral'no-psikhologicheskoye obespecheniye deyatel'nosti organov vnutrennikh del: sovremennyye podkhody i perspektivy razvitiya : materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 6 dekabrya 2023 g. / sost.: I. A. Soshnikova, S. R. Konovalova, Ye. A. Nikolayeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – С. 182–185.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 17, 2024; approved after reviewing November 20, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 351.745.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-227-244>

Андрей Иванович Тамбовцев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности

Аннотация: Введение. Осуществление оперативно-розыскной деятельности должностными лицами субъектов ОРД и лицами, оказывающими им конфиденциальное содействие, объективно требует сокрытия значительного объема информации о них самих, а также об используемых ими оперативно-розыскных средствах и методах. Однако объективная реальность, в которой осуществляется ОРД, зачастую не позволяет скрыть сам факт и обстоятельства ее осуществления. В таких условиях тактически более выгодно и рационально замаскировать осуществление оперативно-розыскной деятельности под иные виды социальной активности, используя для этого негласно-конспиративный инструментарий, к которому относятся так называемые документы прикрытия – документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Российское оперативно-розыскное законодательство регламентирует их использование крайне скупо и нелогично, что порождает теоретические и практические проблемы использования данного функционально-правового института ОРД. В данной работе автор анализирует современную нормативную правовую регламентацию указанной сферы. **Методы.** В исследовании применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа. Это позволило выявить доказательства нормативного правового дефицита в части регламентации правомерного и безопасного оборота специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения при предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, розыске преступников. **Результаты.** На основе проведенного анализа целого ряда федеральных законов выявлены несогласованные и противоречивые положения отдельных статей, призванных регламентировать использование субъектами ОРД документов прикрытия. Это порождает коллизионность их юридической интерпретации и последующей реализации в практической деятельности. Исследование позволило автору констатировать определенную ущербность правовой регламентации использования субъектами и участниками ОРД документов прикрытия и необходимость скорейшей оптимизации

системы нормативной регламентации рассматриваемой сферы в соответствии с предлагаемыми аутентичными подходами. В **заклучении** автором формулируются отдельные предложения по толкованию действующих правовых норм и их редакционной коррекции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, негласность, конспирация, документы прикрытия, легенда, легендирование, шифрование личности и ведомственной принадлежности

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы и особенности нормативной правовой регламентации использования «документов прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 227–244; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-227-244>.

Andrei I. Tambovtsev

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problems and features of normative legal regulation of "cover documents" using in operational investigative activities

Abstract: Introduction. The implementation of operational investigative activities by officials of operational investigative activity subjects and persons providing them with confidential assistance objectively requires the concealment of a significant amount of information about themselves, as well as about the operational investigative means and methods they use. However, the objective reality in which operational investigative activities are carried out often does not allow concealing the very fact and circumstances of its implementation. In such conditions, it is tactically more advantageous and rational to disguise the implementation of operational investigative activities under other types of social activity, using for this purpose a covert-conspiratorial toolkit, which includes the so-called cover documents – documents that encrypt the identity of officials, departmental affiliation of enterprises, institutions, organisations, divisions, premises and vehicles of bodies implementing operational investigative activities, as well as the identity of citizens providing them with assistance on a confidential basis. Russian operational-search legislation regulates their use extremely sparingly and illogically, which gives rise to theoretical and practical problems of using this functional-legal institute of operational-search activities. In this work, the author analyses the modern normative legal regulation of this sphere. **Methods.** The study used general scientific dialectical, comparative legal, formal logical methods and the method of content analysis. This made it possible to identify evidence of a normative legal deficit in terms of regulating the lawful and safe circulation of special chemical substances for operational-search purposes in the prevention, suppression and detection of crimes, and the search for criminals. **Results.** Based on the analysis of a number of federal laws, inconsistent and contradictory provisions of individual articles designed to regulate the use of cover documents by operational-search activity subjects were identified. This gives rise to a conflict of laws in their legal interpretation and subsequent implementation in practice. The study allowed the author to state a certain inadequacy of the legal regulation of the use of cover documents by operational-search activity subjects and participants and the need for the earliest possible optimisation of the regulatory system in the area under consideration in accordance with

the proposed authentic approaches. In conclusion, the author formulates individual proposals for the interpretation of current legal norms and their editorial correction.

Keywords: operational investigative activity, secrecy, conspiracy, cover documents, legend, legend-making, encryption of identity and departmental affiliation.

For citation: Tambovtsev A. I. Problems and features of normative legal regulation of the use of “cover documents” in operational-search activities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 227–244; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-227-244>.

Введение

Оперативные сотрудники и лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), нередко вынуждены скрывать свою принадлежность к оперативным подразделениям или вообще к правоохранительным структурам, а также факты их участия в проведении какого-либо оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) или даже нахождения их в определенном месте и времени. Кроме того, в сокрытии принадлежности к правоохранительным структурам нередко нуждаются и материальные объекты – здания, сооружения, транспорт. Однако следует объективно признать, что полностью скрыть и факт проведения ОРМ, и принадлежность их участников (или материальных объектов) к оперативным подразделениям – задача, нередко трудновыполнимая по вполне объяснимым причинам – срочность или внезапность проведения, исключая выбор более удобного времени, наличие значительного количества граждан на объекте или территории и многое другое. В таких случаях более эффективным и рациональным следует признать не полное сокрытие самого факта проведения ОРМ или принадлежности его исполнителей и участников к оперативному подразделению, а придание этому мероприятию внешне иного характера путем использования разнообразных средств и методов конспирации, в частности, легендирования. Сама легенда как некий замысел оперативного сотрудника по зашифровке личности, истинных намерений, действий участников ОРД (как одна из частных решаемых с помощью легендирования задач) может обеспечиваться целым комплексом разнообразных так называемых «средств оперативной маскировки» – инвентаря, атрибутов, аксессуаров, оперативного гардероба и т. п. Кроме всего упомянутого, эффективность легендирования достигается в т. ч. и использованием специальных документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. В оперативно-розыскной практике такие документы традиционно называются «документами прикрытия», что само по себе говорит об их предназначении.

Хотя право на использование указанных документов предоставлено субъектам ОРД п. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, а также положениями федеральных законов «О Федеральной службе безопасности»², «О внешней разведке»³, «О Государственной охране»⁴, регламентирующих деятельность соответствующих правоохранительных структур, следует с сожалением признать, что «открытое» российское оперативно-розыскное законодательство лишь лапидарно декларирует оговоренное пра-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

² О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

³ О внешней разведке : Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

⁴ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

во, не раскрывая его содержание и механизмы реализации, оставляя это ведомственным нормотворцам. Неоднократные попытки правоведов всесторонне исследовать «документы прикрытия» как одно из многочисленных средств ОРД [1–6], не привели к установлению единых общепризнанных воззрений на их функционально-правовую природу. Это, в свою очередь, порождает множественность и коллизионность интерпретаций и самого юридического термина нормативной правовой регламентации, и всевозможных обстоятельств использования указанных документов. В связи с изложенным в настоящей статье рассмотрены правовая основа, некоторые проблемы и особенности нормативной регламентации использования субъектами ОРД «документов прикрытия».

Методы

Для всестороннего и полного изучения заявленной проблематики в процессе исследования применялись общенаучный диалектический, формально-логический методы, посредством которых были выявлены, подтверждены и сформулированы наиболее значимые аспекты применения документов прикрытия в оперативно-розыскной деятельности. На основе проведенных сравнительно-правового и содержательного анализа норм целого ряда федеральных законов выявлены несогласованные и противоречивые положения отдельных статей, порождающие коллизионность их юридической интерпретации и последующей реализации в практической деятельности. Это позволило автору констатировать определенную недостаточность правовой регламентации использования субъектами и участниками ОРД документов прикрытия и необходимости скорейшей оптимизации системы нормативной регламентации использования документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

Результаты

Нашими предшественниками практически единодушно и объективно отмечается прагматичность и прикладной характер п. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, который предоставляет субъектам оперативно-розыскной деятельности право на использование «документов прикрытия». Н. В. Румянцев и В. Н. Омелин отмечают: «Представляется, что практический смысл такого права субъекта ОРД очевиден. Анализ практики оперативно-агентурной работы и современных научных воззрений показывает, что данные документы могут использоваться для обеспечения достоверной легенды и прикрытия внедряемого оперативного сотрудника или конфиденанта в избличении лиц, совершающих замаскированные преступления» [7, с. 233]. В то же время иными правоведами цель использования «документов прикрытия» трактуется несколько иначе, а именно – обеспечение конфиденциальности участников. Такие воззрения изложены в работах А. Г. Маркушина [8, с. 74], а также А. В. Федорова и А. В. Шахматова⁵. В этой формулировке просматривается отсутствие связи между использованием документов прикрытия и проведением конкретного ОРМ или решением иных задач ОРД. Такой подход нам представляется более прагматичным, т. к. допускает, что документы прикрытия могут использоваться не только при непосредственном осуществлении оперативно-розыскной деятельности, но и для обеспечения конспирации в иное время и в иных обстоя-

⁵ Федоров А. В., Шахматов А. В. Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : лекция. – 2-е изд. перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. – С. 29.

тельствах, что актуально для практически всех штатных негласных сотрудников, многих конфиденентов и лиц, внедренных в преступные группы.

Анализ упомянутых авторских позиций позволяет говорить о возможности дифференциации целей использования документов прикрытия следующим образом:

- зашифровка личности и ведомственной принадлежности сотрудника оперативного подразделения или конфиденента;
- зашифровка ведомственной принадлежности предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (в соответствии с положениями закона об ОРД);
- непосредственное легендирование действий участников ОРД при ее осуществлении.

В связи с этим полагаем, что вышеупомянутые положения п. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, регламентирующие использование документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, нуждаются в соответствующей редакционной коррекции. Это, по нашему мнению, оптимизирует перечень субъектов и направлений использования указанных средств ОРД.

Хотя рассматриваемые документы не являются непосредственно когнитивными (или иными функциональными) инструментами оперативно-розыскной деятельности, позволяющими непосредственно получать информацию, а выполняют вспомогательную, но при этом очень важную функцию по обеспечению конспирации, мы считаем их именно негласным средством ОРД, хотя и вспомогательного характера, о чем ранее уже писали в предшествующих работах [9–11]. Поддержку нашим взглядам находим в давно и прочно устоявшихся воззрениях научного сообщества, определяющего оперативную экипировку (к которой, несомненно, относятся и документы прикрытия) как сугубо профессионально используемый термин для обозначения вещей, предметов, документов, технических средств и т. д., необходимых для обеспечения конспирации, а также эффективного осуществления оперативно-розыскных мероприятий⁶.

Исследуя правовую регламентацию применения документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, следует констатировать, что эта сфера представляет собой исключительно закрытый организационно-тактический сегмент ОРД и в основном регламентируется внутриведомственными нормативными правовыми актами, имеющими ограниченное распространение, которые мы не можем рассматривать в открытом формате издания. В то же время оперативно-розыскное законодательство России, представляющее собой не только закон об ОРД, но и ряд иных федеральных законов, не безмолвствует по этому поводу, хотя и регламентирует рассматриваемую сферу весьма скупо и непоследовательно. Проведенный нами анализ оперативно-розыскного законодательства России позволяет констатировать нижеизложенное.

---

⁶ См., например: Брылев В. И., Митина Е. А. Сборник терминов и определений по курсу «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». – Екатеринбург: ВШ МВД Российской Федерации, 1992; Шкуркин А. С. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в терминах и определениях : словарь-справочник. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 1998; Железняк Н. С., Васильев А. Д. Словарь-справочник терминов, применяемых в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1998. – 68 с.; Кваша Ю. Ф., Матвеев С. Е., Сурков К. В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел : словарь-справочник. – Москва: Московский институт МВД России; Новгород: Типография УВД Новгородской области, 1998. – 403 с.; Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – Москва: Издатель Шумилова И.И., 2004. – 364 с. и др.

Право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на использование документов прикрытия, впервые декларировано в ст. 13 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»⁷. Согласно рассматриваемой норме, «...при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право: использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность подразделений, организаций, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, сотрудничающих с этими органами на конфиденциальной основе». Таким образом, законодателем было юридически закреплено, что документы прикрытия могут использоваться исключительно для решения задач оперативно-розыскной деятельности и только субъектами ОРД, что позднее было продублировано в законе об ОРД 1995 г. и других «специальных» законах. В свете сказанного интересно отметить некоторые особенности этой редакции рассматриваемой нормы.

Во-первых, в соответствии с названием и содержанием статьи, использование документов прикрытия есть право органа, осуществляющего ОРД, но не право конфиденнта. В связи с этим их использование для зашифровки личности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, следует расценивать исключительно как реализацию конфиденнтами предшествующего этому управленческого решения органа, осуществляющего ОРД, но никак не их собственного, хотя, возможно, и обоснованного желания.

Во-вторых, в рассматриваемой норме закона об ОРД 1992 года законодателем использована терминологическая конструкция «лица, сотрудничающие на конфиденциальной основе». В дальнейших исследованиях и закона об ОРД, и самого феномена негласного содействия правоведа единодушно пришли к заключению, что конфиденциальным сотрудничеством является конфиденциальное содействие исключительно на контрактной основе. Основываясь на этом, можно сделать вывод что данной формулировкой законодатель серьезно ограничил права (а вместе с правами и потенциал) оперативных подразделений и всех иных категорий конфиденнтов, помимо тех, кто оказывает содействие по контракту.

В-третьих, предоставляя право использования документов прикрытия, закон ничего не говорит о правах на их изготовление и о субъектах, наделенных этими правами, что в определенных ситуациях может иметь противоправный характер и совершенно конкретную уголовно-правовую квалификацию (например, по ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» Уголовного кодекса Российской Федерации). Подробнее об этом будет сказано далее.

Более прагматично и юридически точно эта норма сформулирована законодателем в положениях федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с п. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» указанного закона, субъекты ОРД имеют право «использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе». Достоинством данной нормы по сравнению с предшествующей редакцией является использование в ней более общей терминологической конструкции «лица, оказывающие содействие на конфиденциальной основе» вместо «лица, сотрудничающие на конфиденциальной основе». Этим законодатель устранил упомянутый нами недостаток, предоставив возможность использования документов прикрытия всеми без исключения категориями

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 892. – Утратил силу.

конфидентов, а не только сотрудничающими на контрактной основе. Однако и в данном нормативном правовом акте по-прежнему отсутствует указание на право субъекта ОРД изготавливать документы прикрытия.

Считаем важным отметить, что и в законе об ОРД в РФ 1992 г., и в законе об ОРД 1995 г. законодателем использована одна и та же конструкция при формулировании обстоятельств использования документов прикрытия – «в целях конспирации при решении задач оперативно-розыскной деятельности». В данном случае, по нашему мнению, необходимо рассматривать оперативно-розыскную деятельность в ее самом широком толковании, а не в контексте «узкой» дефиниции ОРД, данной в ст. 1 «Оперативно-розыскная деятельность» закона об ОРД – «... деятельность..., осуществляемая посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий...», т. е. документы прикрытия могут использоваться для решения задач ОРД в любой ее организационно-тактической форме и направлениях реализации, а не только при подготовке и проведении ОРМ.

В то же время при анализе содержания рассматриваемых норм обоих (1992 и 1995 гг.) законов об ОРД возникает закономерный вопрос: если законодателем предусмотрена возможность использования документов прикрытия для зашифровки объектов и транспорта органов, осуществляющих ОРД, то почему аналогичная возможность не предусмотрена в отношении объектов или транспорта лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД? Основываясь на собственном опыте оперативной работы, смеем утверждать, что в реальной оперативно-розыскной практике порой возникает необходимость в зашифровке транспорта или социальных объектов (коммерческое предприятие, производственное объединение и т. п.), принадлежащих лично confidentу и (или) используемых при решении задач ОРД. Однако в соответствии с буквальным толкованием рассматриваемых норм использовать документы прикрытия в таком случае запрещено. Очевидно, что данный недостаток закона об ОРД требует скорейшего разрешения путем редакционной коррекции нормы.

Закон об ОРД не единственный нормативный правовой акт, в котором предпринята попытка регламентации использования субъектами оперативно-розыскной деятельности документов прикрытия. Нижеизложенные специальные законы также имеют нормы, посвященные этому, однако они несколько отличны от норм закона об ОРД.

Так, ст. 13 «Права органов федеральной службы безопасности» Федерального закона о ФСБ провозглашает право органов федеральной службы безопасности использовать документы других министерств, ведомств, предприятий, учреждений и организаций в целях зашифровки сведений о сотрудниках органов федеральной службы безопасности, ведомственной принадлежности их подразделений, помещений и транспортных средств. И здесь просматривается важнейшее отличие, которое, по нашему убеждению, достаточно серьезно ограничивает рассматриваемый инструментарий и соответственно конечную эффективность для обеспечения конспирации и негласности. В отличие от закона об ОРД, не раскрывающего содержание документов прикрытия, а лишь указывающего на цели их использования и перечисляющего объекты прикрытия, закон о ФСБ конкретизировал виды документов прикрытия – документы других министерств, ведомств, предприятий, учреждений и организаций, тем самым ограничивая их разновидности, и почему-то сократил перечень объектов прикрытия. Считаем, что попытка максимально полного перечисления в законе о ФСБ социальных объектов, документы которых могут использоваться для зашифровки, является изначально полемичной. Аналогичные попытки сформулировать полный перечень объектов, подлежащих конспирации, неоднократно предпринимались и ранее, однако были справедливо и вполне обоснованно критикованы учеными: «...позиция авторов, пытающихся определить конспирацию путем детального перечисления сведений, подлежащих сохранению в тайне, не может быть признана верной. Этот перечень всегда будет не полным и не завершенным» [12, с. 23]. По нашему мнению, более прагматичной

и юридически верной представляется формулировка, изложенная в ч. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, обобщающая объекты и потому не подверженная содержательному устареванию ввиду изменений перечня и названий самих объектов. В то же время считаем, что такая редакционная разница в изложении фактически одной и той же нормы в разных законах способна породить правовые коллизии при их (норм) толковании. Более того, мы солидарны с В. А. Гусевым, обоснованно подвергающим критическому сомнению саму идею (увы, уже реализованную на практике!) и целесообразность дублирования норм о содействии (как, впрочем, и многих других) в нескольких федеральных законах равной юридической силы [13, с. 55]. Тем не менее приходится признать наличие нескольких дублированных норм в различных федеральных законах, регламентирующих ОРД и вынуждающую теоретиков и практиков балансировать между ними.

Продолжив дальнейшее исследование закона о ФСБ, отметим, что в нем законодатель почему-то выделяет положения об использовании документов прикрытия конфидентами в отдельную норму. Так, ст. 19 «Лица, содействующие органам федеральной службы безопасности» закона о ФСБ наделяет лиц, оказывающих содействие органам федеральной службы безопасности, правом использовать документы, зашифровывающие личность в целях конспирации. Как нами было отмечено выше, подобная формулировка является некорректной, ибо предоставляет confidentу не «субъективное право – возможность конкретного лица по своему выбору совершить определённые действия, либо воздержаться от их совершения»⁸, а лишь возможность реализовать решение субъекта ОРД на использование документов прикрытия confidentом. Очевидно, что это не одно и то же.

К тому же, как уже упоминалось, выделение confidentов как «самостоятельных» пользователей документов прикрытия порождает вполне закономерный вопрос об изготовлении этих документов. В соответствии с п. 6 ст. 12 «Перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии» Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁹, изготовление документов следует трактовать как «производство и реализацию защищенной от подделок полиграфической продукции», что является исключительно лицензируемой деятельностью особых субъектов. Очевидно, что такая деятельность не может осуществляться confidentами самостоятельно и инициативно даже при возникновении у них реальной надобности в этих документах.

В контексте сказанного, положения ст. 13 закона о ФСБ о праве Федеральной службой безопасности на использование документов прикрытия допустимо трактовать в т. ч. и как право этого государственного органа на изготовление упомянутых документов прикрытия в соответствии со всеми обязательными процедурами, стандартами и ГОСТами. В то же время норму ст. 19 закона о ФСБ, сформулированную практически аналогично, но регламентирующую право использования документов прикрытия confidentами, интерпретировать подобным образом не представляется возможным. Лицо, оказывающее содействие органам, осуществляющим ОРД, по нашему убеждению, априори не может иметь право на изготовление указанных документов. Подобное должно было бы расцениваться как вышеупомянутое уголовное преступление, предусмотренное ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае мы в очередной раз сталкиваемся с несовершенством правовой нормы, нуждающимся в устранении.

Еще одним федеральным законом, формулирующим право на использование документов прикрытия в отличной от закона об ОРД форме, является закон о Государственной ох-

⁸ Понятие права, его признаки и определение. Понятие права: многообразие определений и единство понятия // Zarst.ru : сайт. – URL: <https://www.zarst.ru/ponyatie-prava-ego-priznaki-i-opredelenie-ponyatie-prava-mnogoobrazie-opredelenii-i-edinstvo-ponyati.html> (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

ране. В соответствии с положениями ст. 15 «Права федеральных органов государственной охраны» указанного закона, «Федеральные органы государственной охраны в целях осуществления государственной охраны имеют право: ... использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность сотрудников федеральных органов государственной охраны, ведомственную принадлежность их подразделений, помещений и транспортных средств...». По нашему мнению, особенностью и недостатком рассматриваемой нормы является то, что в ней среди объектов, подлежащих зашифровке, не указываются лица, оказывающие содействие на конфиденциальной основе и принадлежащие им транспортные средства или социальные объекты (помещения, сооружения и пр.). В соответствии с буквальным толкованием рассматриваемой нормы, субъектам Государственной охраны не предоставлено право (т. е. запрещено) использовать документы прикрытия для зашифровки личности лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие. Но, несмотря на имеющуюся функциональную специфику деятельности, органы Государственной охраны являются полномочным субъектом ОРД, имеющим все соответствующие права, декларированные в правовом первоисточнике – законе об ОРД, а потому должны таким правом обладать. Это вновь указывает на необходимость приведения рассматриваемой нормы закона о Государственной охране в соответствие с первоисточником – законом об ОРД.

Практически идентично сформулирована аналогичная норма в законе о внешней разведке. Статья 6 «Полномочия органов внешней разведки Российской Федерации» данного закона среди прочих прав предоставляет органам внешней разведки Российской Федерации полномочия использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность сотрудников кадрового состава, ведомственную принадлежность подразделений, организаций, помещений и транспортных средств органов внешней разведки Российской Федерации для достижения целей разведывательной деятельности. Как и в рассмотренном выше законе о Государственной охране, законодатель почему-то не предоставил право службе внешней разведки на использование документов прикрытия для зашифровки личности своих конфиденентов. Негативные последствия указанного юридического порока перечислены выше.

Продолжая исследование современной нормативной регламентации использования документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, хотелось бы отметить еще одну нелогичность законодателя. Хотя совокупность ст. 13 «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность» и ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» ныне действующего закона об ОРД делегирует все провозглашенные права всем без исключения субъектам ОРД в соответствии с их компетенциями, такие субъекты ОРД, как таможенные органы Российской Федерации и Федеральная служба исполнения наказаний, не имеют в нормативных правовых актах, регламентирующих их деятельность, соответствующих положений. Более того, проведенный нами анализ Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. № 5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции»¹⁰, ранее регламентировавшего деятельность такого субъекта ОРД, как органы налоговой полиции РФ и утратившего силу в 2003 году, позволяет утверждать, что и в нем отсутствовали нормы о документах прикрытия. Сказанное подтверждает различный подход российского законодателя к нормативной регламентации одних и тех же аспектов в различных специальных законах, что представляется нелогичным и юридически вредным, т. к. порождает коллизионность правового толкования норм и теоретиками, и практиками.

Анализ вышеперечисленных законов позволяет отметить наличие в них давно выявленного юридического порока, о котором мы упомянули ранее. Мы полностью солидарны с Н. С. Железняком, обоснованно критикующим законодателя за предоставление субъектам

¹⁰ О федеральных органах налоговой полиции : Закон Российской Федерации от 24 июня 1993 г. № 5238-1 // Российская газета. – 1993. – 15 июля. – Утратил силу.

ОРД лишь права на использование документов прикрытия, но не на их изготовление [6]. Он справедливо полагает, что изготовление таких документов (по сути являющееся исключительной прерогативой субъектов) в норме закона об ОРД (и иных специальных законов) не упоминается и может лишь предполагаться: «...представляется странным предоставленная законодателем возможность „использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе”, без объяснения источника получения таких документов. Указание же на „возможность изготавливать и использовать” указанные объекты расставляет все точки над “i” и не вызывает вопросов у потребителя» [14, с. 245].

В сложившейся правовой ситуации изготовление документов прикрытия даже субъектами ОРД (т. е. государственными, но не уполномоченными, не лицензированными на такую деятельность органами) фактически является совершением преступления в соответствии со ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» (а также, возможно, и иных норм) Уголовного Кодекса Российской Федерации. Очевидно, что соответствующее изменение нормы и предоставление субъектам ОРД права на изготовление документов прикрытия сделает такую деятельность легитимной и полностью нивелирует указанную проблему. Однако представленные юридической общественности авторские проекты новых редакций федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹¹ не лишены указанных недостатков, хотя их авторы и попытались это сделать.

Так, Н. С. Железняк в авторском проекте Закона об ОРД предлагает следующую редакцию рассматриваемой нормы: «Органы и должностные лица, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, имеют право: ... изготавливать и использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе»¹². В то же время при всей аутентичности и функциональности, данная редакция тем не менее представляется нам также небезупречной.

В соответствии с воззрениями ее автора, помимо прочего зашифровке подлежит «ведомственная принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений органов, осуществляющих ОРД». Но п. 5 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, предоставляет субъектам ОРД право «создавать в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач, предусмотренных настоящим Федеральным законом». Правовые и функциональные особенности создания и функционирования упомянутых «легендированных объектов» исследовались нами отдельно ранее [15; 16] и в рамках данной статьи рассматриваться не будут. Но, признавая легитимность создания легендированных объектов не непосредственно представителями правоохранительных органов, а «третьими лицами», следует признать, что такая возможность в проекте закона отсутствует.

С учетом вышеизложенного оптимальным представляется дополнение перечня объектов, подлежащих зашифровке документами прикрытия, таким объектом, как «предприятия, учреждения, организации любой формы собственности, специально создаваемые для

¹¹ См., например: Железняк Н. С. Проект федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России, 2012. – 77 с.; Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: Авторский проект. – Омск, 2014. – 38 с. и др.

¹² Железняк Н. С. Указ. соч.

решения задач ОРД», но не принадлежащие соответствующему ведомству/не являющиеся ведомственной собственностью. Представленное определение, конечно же, весьма условно и может быть изменено в соответствии с технико-юридическими требованиями законодательства, структурой и содержанием конкретного закона, в котором предполагается его использование. Кроме того, предполагаемыми объектами легендирования или зашифровки необходимо признать «используемые при решении задач ОРД транспортные средства и объекты движимого и недвижимого имущества лиц, оказывающих негласное содействие органам, осуществляющим ОРД», что позволит сформулировать норму в оптимальной, логически завершенной форме и тем самым усилить конспиративный потенциал негласного содействия.

Продолжая исследование правовой основы использования документов прикрытия правоохранительными органами, считаем обязательным содержательно-правовой анализ иных федеральных законов, имеющих отношение к рассматриваемой теме, а именно – Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹³ (далее – закон о защите судей) и Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹⁴ (далее – закон о защите свидетелей). Упомянутые законы оперируют такими конструкциями, как «замена документов» и «измененные анкетные данные/измененные фамилия, имя, отчество и другие сведения», которые, очевидно, имеют некоторое отношение к термину «документы, зашифровывающие личность/ведомственную принадлежность», используемому в уже рассмотренных нормативных правовых актах. Однако изучение указанных законов и сравнение их с законом об ОРД позволяет обоснованно утверждать, что в них имеются в виду совершенно разные понятия. Проанализируем соответствующие положения этих законов.

Юридические термины «документы», «документы, удостоверяющие личность», «иные документы с измененными анкетными данными», «замена документов» употребляются, в частности, в законе о защите судей. Так, п. 7 ст. 5 «Виды мер безопасности» данного закона среди прочих мер безопасности, которые могут применяться «для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества», называет «замену документов». Далее в ст. 11 «Замена документов, изменение внешности» указанная мера безопасности отчасти детализируется: «В исключительных случаях, когда безопасность защищаемого лица нельзя обеспечить другими мерами, по его заявлению или с его согласия ему могут быть выданы документы, удостоверяющие личность, и иные документы с измененными анкетными данными ...».

Практически полностью идентичные формулировки мы находим и в законе о защите свидетелей, с той лишь разницей, что объектами защиты являются не судьи и должностные лица, а различные участники уголовного судопроизводства. Так, пункт 5 статьи 6 «Меры безопасности» закона о защите свидетелей в качестве одной из мер безопасности называет «замену документов». Статья 10 «Переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности защищаемого лица» этого же закона несколько конкретизирует применение указанной меры, соотнося ее (меру) с невозможностью обеспечения безопасности иными способами: «...в исключительных случаях может быть произведена замена документов, удостоверяющих личность, иных документов защищаемого лица с изменением его фамилии, имени, отчества и других сведений о нем ... в порядке, установленном Правительством Российской Федерации... замена документов и изменение внешности защища-

¹³ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1455.

¹⁴ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

емого лица производятся только в случаях, если безопасность указанного лица не может быть обеспечена путем применения в отношении его других мер безопасности».

Следует объективно констатировать применение нормотворцами одних и тех же юридических формулировок и в законе о защите судей, и в законе о защите свидетелей. Мы не находим в этом какой-либо правовой или функциональной проблемы. Однако в контексте нашего исследования хотим отметить, что хотя во всех рассматриваемых нами законах речь ведется о документах, представляющих некие измененные данные о личности владельца, его имуществе и т. п., принципиально в законах о защите судей и защите свидетелей имеются в виду совершенно иные документы, нежели в законе об ОРД и упомянутых законах о спецслужбах. Более того, и правовой статус, и практическое использование этих документов соответствующими лицами представляется нам совершенно различным.

Часть 4 статьи 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД предоставляет право использовать «документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе» только двум категориям субъектов – должностным лицам органов, осуществляющих ОРД, и лицам, оказывающим им конфиденциальное содействие. Данный перечень исчерпывающий и расширенному толкованию не подлежит.

В то же время ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите» закона о защите судей представляет правоприменителю перечень из 19 категорий лиц, подлежащих государственной защите. Из них только шесть категорий коррелируют с нормами закона об ОРД, а именно:

- лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;
- сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;
- военнослужащие органов внешней разведки Российской Федерации, принимавшие непосредственное участие в специальных операциях или выполнявшие специальные функции по обеспечению безопасности Российской Федерации;
- сотрудники органов федеральной службы безопасности;
- сотрудники органов государственной охраны;
- работники таможенных органов.

Таким образом, все вышеперечисленные объекты государственной защиты могут вполне обоснованно рассматриваться как должностные лица органов, осуществляющих ОРД. Учитывая, что государственная защита соответствующих субъектов, перечисленных в законах о защите судей и защите свидетелей, является одной из задач ОРД, для решения которой и используются документы прикрытия, можно предположить, что гипотетически вышеперечисленные должностные лица могут использовать документы прикрытия как меру государственной защиты, реализуемой в отношении их самих. Однако остальные категории подзащитных делать это не вправе, т. к. не подпадают под действие ст. 15 закона об ОРД. Но и представленное предположение является лишь отчасти теоретически допустимым. Практическая же реализация меры безопасности «замена документов» и мера конспирации «использование документов прикрытия» представляются нам совершенно различными юридически и функционально, о чем будет сказано далее.

Еще больший правовой диссонанс обнаруживается при анализе ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите» закона о защите свидетелей, которая законодательно определяет семь категорий лиц, подлежащих защите. Парадоксально, но в указанном перечне лиц, подлежащих защите, отсутствуют лица, оказывающие конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, хотя, безусловно, они оказывают порой неоценимую помощь. Более того, проведенный нами содержательно-правовой анализ закона о защите свидетелей позволяет утверждать, что конфидененты как потенциальные объекты защиты вообще

не подпадают под действие закона о защите свидетелей, на что мы обращали внимание в своих предшествующих работах [17].

Вкратце напомним, что вопреки ожиданиям российской общественности, оперативно-розыскного, юридического и научного сообществ, принятый после многочисленных и длительных обсуждений и доработок закон о защите свидетелей оказался функционально неприспособленным к защите такой специфичной категории, как «лица, оказывающие (или оказывавшие ранее) содействие органам, осуществляющим ОРД». Несмотря на отмечаемый исследователями с начала 2000-х гг. в многочисленных диссертациях¹⁵ и научных статьях [18–20], рост противоправного воздействия (физического и психического насилия, угроз и попыток уничтожения имущества, причинения вреда здоровью и убийств) на различных участников уголовного судопроизводства, и обусловленную в т. ч. этим насущную необходимость социально-правовых программ по защите свидетелей, рассматриваемый закон оказался во многом не способным обеспечить в полной мере защиту и безопасность участников уголовного судопроизводства вообще, а конфиденентов – в особенности.

По волеизъявлению законодателей ч. 1 ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите» рассматриваемого закона вообще называет лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, как объектов, подлежащих защите. Часть 2 этой же статьи упоминает «иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления». Казалось бы, конфидененты подпадают в данную категорию. Однако и это не так! В соответствии со ст. 1 «Государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» данного закона, основанием для применения мер безопасности и социальной защиты является участие перечисленных лиц в уголовном судопроизводстве, что в абсолютном большинстве случаев негласного содействия, конечно же, не практикуется в целях сохранения конфиденциальности. И хотя содействие прямо направлено на установление обстоятельств преступления и лиц, к нему причастных, и тем самым обеспечивает решение задач судопроизводства, тем не менее конфидененты строго юридически не подпадают под действие закона о защите свидетелей. В тех же редких случаях, когда конфиденент готов участвовать в уголовном процессе, он уже выступает там свидетелем и в контексте норм данного закона может и должен быть защищен государством, но уже в другом статусе, т. е. обеспечение безопасности лица, содействующего органам, осуществляющим ОРД, законом о защите свидетелей формально не предусмотрено. Таким образом, можно заключить, что закон о защите свидетелей не допускает использования документов прикрытия конфиденентами, подлежащими защите (или в отношении них) в контексте закона об ОРД.

Интересным представляется анализ оснований, перечисленных в законах о защите судей и защите свидетелей, для применения мер безопасности вообще и «замены документов», в частности. Статья 13 «Повод и основание для применения мер безопасности» закона о защите судей основанием для применения мер безопасности называет «наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемого лица». Статья 16 «Основания применения мер безопасности» закона о защите свидетелей формулирует основания практически идентично, но при этом дополняет их данными «о наличии реальной угрозы уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве...». При этом пункт 2 ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» закона об ОРД среди оснований для производства оперативно-розыскных мероприятий называет «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавли-

¹⁵ См., например: Евстратенко Е. В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – 190 с. ; Мищенко И. А. Защита свидетелей и потерпевших в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 194 с. ; Зайцев Е. О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 212 с. и др.

ливающих, совершающих или совершивших...». Но пункт 5 этой же статьи закона об ОРД выделяет специальное основание для проведения ОРМ – «постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации». Обращаем внимание, что в соответствии с буквальным толкованием данной нормы рассматриваемое основание является основанием для проведения ОРМ, но не ОРД как таковой, которая по своим функциям намного шире! По смыслу же законов о защите судей и о защите свидетелей постановление о применении мер безопасности и является основанием для замены документов, как одной из таких мер.

Таким образом, законы о защите судей и защите свидетелей трактуют «замену документов» как непосредственную меру безопасности, в то время как закон об ОРД «использование документов прикрытия» трактует как меру обеспечения конспирации при решении задач ОРД и в т. ч. при обеспечении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. Более того, сравнительный функциональный анализ оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных в законе об ОРД, и мер безопасности, перечисленных в законах о защите судей и закона о защите свидетелей, позволяет сделать вывод, что оперативно-розыскные мероприятия и меры безопасности – это совсем не одно и то же. Оперативно-розыскные мероприятия, имея безусловно когнитивный характер, сами по себе не являются мерами безопасности, а лишь обеспечивают их наряду с иными правовыми, техническими, организационными, социальными и прочими видами деятельности.

В соответствии со ст. 1 «Оперативно-розыскная деятельность» закона об ОРД оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях «...защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина...», что с некоторой долей условности можно считать обеспечением безопасности защищаемых лиц. Тем не менее мы считаем, что декларированное ч. 4 ст. 15 закона об ОРД право «использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе» не может быть экстраполировано на лиц, подлежащих защите в рамках законов о защите судей и защите свидетелей, т. е. имплементация в жизнь соответствующих положений законов о защите судей и защите свидетелей о «замене документов» как меры безопасности нельзя считать реализацией положений закона об ОРД об использовании вышеуказанных «документов прикрытия».

Сущностное отличие функционально-правовых институтов «использование документов прикрытия» и «замена документов» наиболее ярко и убедительно можно рассмотреть в процессе содержательного анализа ст. 10 «Переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности защищаемого лица» закона о защите свидетелей. Данная норма гласит, что «...в исключительных случаях может быть произведена замена документов, удостоверяющих личность, иных документов защищаемого лица с изменением его фамилии, имени, отчества и других сведений о нем ...». Полагаем, что в рассматриваемой норме законодатель предусмотрел не кратковременное в оперативно-тактических целях предоставление участнику ОРД документов с измененными сведениями о нем самом, его организации, имуществе или транспорте, а именно изменение персональных данных защищаемого лица, с внесением последующих изменений во все необходимые документы. Таким образом, «замена документов» как предусмотренная законами о защите судей и о защите свидетелей мера безопасности выражается не во вручении защищаемому лицу временных документов с вымышленными (измененными) данными, а в изменении именно его персональных данных, в соответствии с положениями п. 8, 9 ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» Федерального закона от 27 июля 2006 г.

№ 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁶ (далее – закон о персональных данных). Указанные положения определяют «уничтожение персональных данных» как «действия, в результате которых становится невозможным восстановить содержание персональных данных в информационной системе персональных данных и (или) в результате которых уничтожаются материальные носители персональных данных», а «обезличивание персональных данных», как «действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных». Считаем, что именно в этом контексте и должна рассматриваться мера безопасности «замена документов», но никак не в связи с негласно-конспиративным институтом «документов прикрытия».

Заключение

Обобщая вышеизложенное, считаем возможным констатировать следующее.

Целями использования документов прикрытия являются:

- зашифровка личности или ведомственной принадлежности должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, или лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие;
- зашифровка ведомственной принадлежности предприятий, учреждений, организаций, подразделений, зданий, сооружений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие;
- ситуативное легендирование (зашифровка) действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, или лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие при осуществлении ОРД (проведении ОРМ).

Перечень социальных объектов, истинное предназначение или ведомственная принадлежность которых может легендироваться с использованием «документов прикрытия», целесообразно дополнить следующими объектами:

- «предприятия, учреждения, организации любой формы собственности, специально создаваемые для решения задач ОРД, но не принадлежащие соответствующему ведомству /не являющиеся ведомственной собственностью»;
- «используемые при решении задач ОРД транспортные средства и объекты движимого и недвижимого имущества лиц, оказывающих негласное содействие органам, осуществляющим ОРД».

Положения законов об ОРД и о ФСБ, регламентирующие использование документов прикрытия для зашифровки личности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, следует расценивать как исполнение конфиденциальными управленческого решения полномочного субъекта – органа, осуществляющего ОРД, а не как самостоятельную реализацию содействующими лицами собственного «субъективного права».

Мера безопасности «замена документов», декларированная п. 7 ст. 5 «Меры безопасности» закона о защите судей и п. 5 ст. 6 «Меры безопасности» закона о защите свидетелей, не является реализацией права субъектов ОРД на «использование документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов,

¹⁶ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе» в значении ч. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД. Сами же эти документы, по сути, являются официальными документами защищаемых лиц с их «новыми» анкетными (персональными) данными, но не «документами прикрытия».

Список литературы

1. *Климов И. А., Сазонова Н. И.* Основные системообразующие понятия теории оперативно-розыскной деятельности и их роль в ее формировании и конкретизации // Научный портал МВД России. – 2008. – № 1. – С. 63–72.
2. *Панюшин Д. Б.* Понятие легенды в теории и практике оперативно-розыскной деятельности / Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2009. – Вып. 6. – С. 129–138.
3. *Образцов В. А., Бертовская Н. Л.* Уголовно-релевантное дезинформирование: понятие и критерии допустимости // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 112–117.
4. *Елисов П. П.* Использование оперативной дезинформации и инсценировки при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию коррупционных преступлений: мнение аналитика // Научный портал МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 54–60.
5. *Омелин В. Н.* Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 6. – С. 9–12.
6. *Железняк Н. С.* О необходимости корректировки положения статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 2 (27). – С. 7–12.
7. *Румянцев Н. В., Омелин В. Н.* О правовой защите граждан, содействующих оперативно-розыскным органам // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 233.
8. *Маркушин А. Г.* Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 1997. – 218 с.
9. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскной инструментарий : монография. – Москва: Проспект, 2024. – 304 с.
10. *Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И.* Средства оперативно-розыскной деятельности как структурная составляющая ее инструментария / Материалы XV научно-образовательного форума Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы / под ред. В. В. Бобылева. – Москва: Перо, 2023. – С. 171–180.
11. *Тамбовцев А. И.* Понятие и содержание оперативно-розыскного инструментария в законе об оперативно-розыскной деятельности / Материалы XV научно-образовательного форума Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы / под ред. В. В. Бобылева. – Москва: Перо, 2023. – С. 189–199.
12. *Павличенко Н. В.* Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории : препринт. – Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2008. – 47 с.
13. *Гусев В. А.* Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография – Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2014. – 126 с.
14. *Железняк Н. С.* Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. – 332 с.

15. Тамбовцев А. И. Девиации как гипотетическая основа негласно-конспиративного сегмента оперативно-розыскной деятельности (на примере легендированных объектов) // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 3 (3). – С. 324–334.

16. Тамбовцев А. И. Легендированные объекты в оперативно-розыскной деятельности: современные воззрения законодателей / Криминалистика наука без границ: традиции и новации : материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 385–395.

17. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам, как социально-правовой феномен : монография. – Москва: Проспект, 2022. – 344 с.

18. Земскова А. В. Актуальные проблемы государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений / Контроль и надзор за деятельностью органов внутренних дел – важнейшая гарантия обеспечения прав человека : материалы международной научно-практической конференции, г. Москва, 26–27 октября 1999 г. / отв. ред.: Л. Ш. Берекашвили, В. П. Игнатов. – Москва: Щит-М, 2000. – С. 144.

19. Смушкин А. Б. Проблемы реализации закона «О защите свидетелей, потерпевших иных участников уголовного судопроизводства» // Научный обозреватель. – 2012. – № 10. – С. 17–19.

20. Хозикова Е. С. О гарантиях государственной защиты свидетелей и потерпевших в России // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 5. – С. 34–40.

References

1. Klimov I. A., Sazonova N. I. Osnovnyye sistemoobrazuyushchiye ponyatiya teorii operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ikh rol' v yeye formirovani i konkretizatsii // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2008. – № 1. – S. 63–72.

2. Panyushin D. B. Ponyatiye legendy v teorii i praktike operativno-rozysknoy deyatel'nosti / Problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. – Barnaul: Barnaul'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2009. – Vyp. 6. – S. 129–138.

3. Obratsov V. A., Bertovskaya N. L. Ugolovno-relevantnoye dezinformirovaniye: ponyatiye i kriterii dopustimosti // Ugolovnoye pravo. – 2010. – № 2. – S. 112–117.

4. Yelisov P. P. Ispol'zovaniye operativnoy dezinformatsii i instsenirovki pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy po vyyavleniyu i dokumentirovaniyu korrupsionnykh prestupleniy: mneniye analitika // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2015. – № 2 (30). – S. 54–60.

5. Omelin V. N. Sootnosheniye operativno-rozysknykh meropriyatiy i inykh smezhnykh operativno-rozysknykh deystviy // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye. – 2016. – № 6. – S. 9–12.

6. Zheleznyak N. S. O neobkhodimosti korrektyrovki polozhenii stat'i 15 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 2 (27). – S. 7–12.

7. Rumyantsev N. V., Omelin V. N. O pravovoy zashchite grazhdan, sodeystvuyushchikh operativno-rozysknym organam // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 5. – S. 233.

8. Markushin A. G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' – neobkhodimost' i zakonnost'. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 1997. – 218 s.

9. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Operativno-rozysknoy instrumentariy : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2024. – 304 s.

10. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Sredstva operativno-rozysknoy deyatel'nosti kak strukturnaya sostavlyayushchaya yeye instrumentariya / Materialy XV nauchno-obrazovatel'nogo

forumu Sochinskogo instituta (filiala) RUDN im. Patriska Lumumby / pod red. V.V. Bobyleva. – Moskva: Pero, 2023. – S. 171–180.

11. *Tambovtsev A. I.* Ponyatiye i sodержaniye operativno-rozysknogo instrumentariya v zakone ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti / Materialy XV nauchno-obrazovatel'nogo foruma Sochinskogo instituta (filiala) RUDN im. Patriska Lumumby / pod red. V. V. Bobyleva. – Moskva: Pero, 2023. – S. 189–199.

12. *Pavlichenko N. V.* Konspiratsiya v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: voprosy teorii : preprint. – Moskva: Izdatel'skiy dom Shumilovoy I. I., 2008. – 47 s.

13. *Gusev V. A.* Prava operativnykh podrazdeleniy politsii: zakonodatel'stvo i praktika : monografiya – Moskva: Izdatel'skiy dom Shumilovoy I. I., 2014. – 126 s.

14. *Zheleznyak N. S.* Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» : monografiya. – Krasnoyarsk: SibYUI MVD Rossii, 2019. – 332 s.

15. *Tambovtsev A. I.* Deviatsii kak gipoteticheskaya osnova neglasno-konspirativnogo segmenta operativno-rozysknoy deyatel'nosti (na primere legendirovannykh ob"yektov) // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. – 2023. – № 3 (3). – S. 324–334.

16. *Tambovtsev A. I.* Legendirovannyye ob"yekty v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: sovremennyye vozzreniya zakonodateley / Kriminalistika nauka bez granits: traditsii i novatsii : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2024. – S. 385–395.

17. *Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.* Sodeystviye grazhdan pravookhranitel'nym organam, kak sotsial'no-pravovoy fenomen : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2022. – 344 s.

18. *Zemskova A. V.* Aktual'nyye problemy gosudarstvennoy zashchity poterpevshikh, svideteley i drugikh uchastnikov ugovolnogo protsessa, a takzhe lits, okazyvayushchikh sodeystviye v vyyavlenii, preduprezhdenii, presechenii, raskrytii i rassledovanii prestupleniy / Kontrol' i nadzor za deyatel'nost'yu organov vnutrennikh del – vazhneyshaya garantiya obespecheniya prav cheloveka : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Moskva, 26–27 oktyabrya 1999 g. / otv. red.: L. SH. Berekashvili, V. P. Ignatov. – Moskva: Shchit-M, 2000. – S. 144.

19. *Smushkin A. B.* Problemy realizatsii zakona «O zashchite svideteley, poterpevshikh inykh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva» // Nauchnyy obozrevatel'. – 2012. – № 10. – S. 17–19.

20. *Khozikova Ye. S.* O garantiyakh gosudarstvennoy zashchity svideteley i poterpevshikh v Rossii // Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka. – 2020. – № 5. – S. 34–40.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 3, 2024; approved after reviewing November 1, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.611

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-245-255>

Владислав Федорович Щепельков

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3199-180X>, volga0@yandex.ru

Евгения Владимировна Иванова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-2661-5989>, evgeniya.ivanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 22-я линия Васильевского острова, д. 7

Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о домашнем насилии

Аннотация: Введение. Коллектив ученых Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» осуществляет комплекс исследований. Отдельный блок – мониторинговые исследования практики применения уголовного законодательства по делам о домашнем насилии. Одно из мониторинговых исследований посвящено анализу применения ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. **Методы исследования.** По случайной выборке было изучено 69 судебных актов по делам об убийствах, вынесенных за период 2020–2023 гг. судами Российской Федерации по первой инстанции, размещенных в открытом доступе. **Результаты.** В ходе исследования было установлено, что наибольшие трудности при квалификации убийств, совершаемых на семейно-бытовой почве, вызывает вопрос об отграничении покушения на убийство от преступлений со смежными составами, а главной проблемой выступает оценка направленности умысла виновного. По результатам исследования авторы сделали вывод о необходимости дополнительных уточняющих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации: 1) необходимо указать, что позитивное поведение на стадии оконченного покушения на убийство следует расценивать как постпреступное поведение; 2) целесообразно особо отметить ситуации оконченного покушения на убийство в случае, когда имеет место совершение действий, при которых виновный предвидит неизбежность наступления смерти. Имеет смысл привести примеры таких действий: нанесение при помощи оружия или предметов, его заменяющих, ударов в область жизненно важных органов (голова, шея, область сердца) и др.; 3) требуется также указать, что сам факт совершения таких действий, если смерть не наступила, квалифицируется как покушение на убийство вне зависимости от последующего поведения виновного (в т. ч. прекращение действий, направленных на лишение жизни, оказание помощи потерпевшему).

Ключевые слова: покушение на убийство, квалификация преступления, домашнее насилие, оценка умысла, мониторинг практики применения уголовного закона

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424 (<https://rscf.ru/project/24-28-00424/>).

Для цитирования: Щепельков В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о домашнем насилии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 245–255; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-245-255>.

Original article

Vladislav F. Shchepelkov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3199-180X>, volga0@yandex.ru

Evgeniya V. Ivanova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0003-2661-5989>, evgeniya.ivanova@spbu.ru

Saint Petersburg State University

7, 22nd line of Vasilevsky Island, 199106, Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Delineation of an attempted murder from crimes with related corpus delicti in cases of domestic violence

Аннотация: Introduction. A team of scientists from St. Petersburg State University, with the support of the Russian Science Foundation, carries out a set of studies within the framework of the project “Legal regulation of countering domestic violence in the Russian Federation”. A separate block monitors studies of the practice of applying criminal legislation in cases of domestic violence. One of the monitoring studies is devoted to the analysis of the application of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Research methods.** According to a random sample, 69 judicial acts on murder cases issued by the first instance courts of the Russian Federation during the period 2020-2023 and posted in the public domain, were studied. **Results.** In the course of the study, it was found that the greatest difficulties in qualifying domestic murders is the question of delineation of an attempted murder from crimes with related modus operandi, and the main problem is the assessment of the direction of the perpetrator's intent. According to the results of the study, the authors concluded that additional clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation are necessary: 1) it should be pointed out that positive behaviour at the stage of the completed attempted murder should be regarded as post-criminal behaviour; 2) it is advisable to emphasise the situation of the completed attempted murder in the case when there is a commission of actions in which the perpetrator foresees the inevitability of death. It makes sense to give examples of such actions: striking with the help of weapons or objects replacing them, blows to the area of vital organs (head, neck, heart area), etc.; 3) it is also required to indicate that the very fact of committing such actions, if death has not occurred, is qualified as an attempted murder, regardless of the subsequent behaviour of the perpetrator (including the termination of actions aimed at depriving life, providing assistance to the victim).

Keywords: an attempted murder, qualification of a crime, domestic violence, assessment of intent, monitoring of the practice of applying criminal law

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No.24-28-00424 (<https://rscf.ru/project/24-28-00424/>).

For citation: Shchepelkov V. F., Ivanova E. V. Delineation of an attempted murder from crimes with related corpus delicti in cases of domestic violence // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 245–255; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-245-255>.

Введение

В 2024 году коллектив ученых Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Российского научного фонда проводит исследования, объединенные темой «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации». Самостоятельный блок исследований посвящен мониторингу практики применения уголовного законодательства по делам о домашнем насилии. Одно из таких мониторинговых исследований посвящено анализу практики применения ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Результаты этого исследования и выносятся на суд читателей.

Методы

В рамках мониторингового исследования по случайной выборке было изучено 350 правоприменительных актов по делам об убийствах, вынесенных за период 2020–2023 гг. судами Российской Федерации по первой инстанции, размещенных в открытом доступе². Среди 350 актов связанными с делами о домашнем насилии оказались 69 (68 приговоров и 1 постановление).

Результаты

В 24 случаях (из 69) уголовное дело поступило в суд с обвинением лица в совершении покушения на убийство. В 15 случаях из 24 (62,5 %) содеянное было переквалифицировано на оконченное преступление против здоровья по ст. 111, 115, 119 УК РФ или их совокупность (см. таблицу).

*Таблица***Анализ квалификации судами преступлений**

Квалификация суда при предъявлении обвинения в покушении на убийство*	Количество дел	Доля дел, %
Суд согласился с обвинением	9	37,7
п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ	10	41,6
ч. 1 ст. 115 УК РФ	1	4,2
ч. 1 ст. 119 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ	1	4,2
ч. 1 ст. 119 УК РФ	2	8,3
п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ	1	4,2
<i>Примечание</i> – * По делам о домашнем насилии.		

В большинстве случаев суды не поддерживают квалификацию, данную органами предварительного расследования, когда предъявляется обвинение в неоконченном убийстве. Связано это с разной оценкой обвинением и судом субъективной стороны преступления. Исследователи нередко отмечают, что неправильное установление характера и направленности умысла виновного является распространенной ошибкой правоприменительной практики [1, с. 36], в т. ч. и при разграничении убийства со смежными составами преступлений [2, с. 110–148].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² На интернет-ресурсах, например, «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» (<http://sudact.ru>) и сайтах судов.

Главной проблемой выступает оценка направленности умысла виновного. Обвинение считает, что умысел направлен на лишение жизни, а суд с этим не соглашается и оценивает содеянное по фактически наступившим последствиям (или, как вариант, по фактически совершенным действиям, например, как угроза убийством), чаще всего как причинение тяжкого вреда здоровью (в 10 случаях из 24 (41,6 %) покушение на убийство было перекалифицировано судом на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с применением предмета, использованного в качестве оружия).

Два обстоятельства затрудняют квалификацию посягательств по делам о домашнем насилии.

Первое – объективное. По всем изученным в процессе мониторинга судебным актам по делам о покушениях на убийство преступления не были спланированы виновными лицами, а явились результатом ситуационного развития семейно-бытового конфликта. В известной степени это затрудняет оценку направленности умысла виновного и в целом вины. Когда преступление спланировано, довольно просто оценивать, что предвидел и желал виновный [3, с. 501]. Сложнее это делать, когда все происходит при внезапно возникшем умысле.

Второе – субъективное. Домашнее насилие в общественном, а иногда и в профессиональном юридическом сознании принято во многом считать «семейным» делом, обычно не направленным на причинение серьезного вреда потерпевшему. Отсюда требования, предъявляемые к обоснованию направленности умысла на лишение жизни по делам о домашнем насилии, априори завышаются по сравнению с иными делами, где совершаются аналогичные посягательства. В то же время уголовный закон не определяет специальных правил установления вины по делам о домашнем насилии.

Покушением на преступление согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Доктрина уголовного права (далее – Доктрина) [4, с. 23–25; 5, с. 5; 6, с. 44–46; 7, с. 192; 8, с. 178] и практика исходят из правила, что покушение на убийство совершается только с прямым умыслом. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 указано, что «если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.)»³.

В соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. Применительно к составу убийства это означает, что лицо должно предвидеть возможность или неизбежность смерти потерпевшего. Если при прямом умысле лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, то при косвенном умысле виновный предвидит только их возможность (ч. 3 ст. 25 УК РФ). Отличие в законодательном определении элемента предвидения общественно опасных последствий при прямом и косвенном умысле в Доктрине привело к следующей трактовке закона: если лицо предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий и продолжало совершать действия, с неизбежностью влекущие эти последствия, то преступление следует

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/7794/> (дата обращения: 06/05/2024).

признавать совершенным с прямым умыслом. Такова доминирующая точка зрения в Доктрине, высказанная в учебной литературе⁴ и в научных работах [9, с. 37–38; 10, с. 193; 11, с. 215–216]. Более того, для прямого умысла характерно предвидение неизбежности общественно опасных последствий [12, с. 4–6]. И только «в отдельных случаях совершения преступления с прямым умыслом возможно предвидение не неизбежности, а лишь реальной возможности наступления желаемых общественно опасных последствий»⁵.

Предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий автоматически влечет и желание этих последствий, если лицо совершает соответствующие действия [13, с. 79–80; 14, с. 10; 15, с. 86]. Так, удары ножом в сердце, шею, голову порождают высокую вероятность наступления смерти, которую принято расценивать как неизбежность. Если лицо осознанно совершает такие удары, то оно действует с прямым умыслом на лишение потерпевшего жизни. Уже самих по себе таких ударов достаточно, чтобы сделать вывод о желании (стремлении) причинить смерть [16, с. 118–119; 17, с. 176].

Если же имеет место предвидение не неизбежности последствий, а только их реальной возможности, то в зависимости от волевого признака может иметь место прямой либо косвенный умысел.

Проведенное исследование показало, что правоохранительные органы вменяют покушение на убийство преимущественно тогда, когда с учетом характера ранения и характера собственных действий лицо не может не предвидеть неизбежности наступления смерти потерпевшего.

Ниже приводятся примеры, когда данная органами предварительного расследования квалификация была поддержана судами.

Так, «подсудимый К. толкнул свою мать на диван, надавил ей пальцем на правый глаз, причинив сильную боль, затем взял топор и не менее двух раз ударил потерпевшую этим топором в область правой части лба и правой скуловой кости, причинив тяжкий вред здоровью. В результате своевременного оказания квалифицированной медицинской помощи потерпевшая выжила»⁶. В данном случае с учетом того, какое орудие использовалось и в какую область тела потерпевшей наносились удары, очевидным представляется, что виновный предвидел именно неизбежность наступления смерти потерпевшей. Суд пришел к выводу о необходимости квалифицировать содеянное как покушение на убийство.

Аналогично суд пришел к выводу о наличии умысла на убийство и, соответственно, квалификации содеянного как покушение на убийство в следующих ситуациях:

– в деле Г., нанесшей удары ножом в грудь потерпевшего. Суд указал, что «нанесение подсудимой ножевого ранения в жизненно важный орган – грудь и выбор для этого в качестве орудия преступления предмета с колюще-режущими свойствами, которым возможно нарушить анатомическую целостность тканей человека, свидетельствуют о наличии умысла на лишение жизни человека»⁷;

– в деле К., который «со значительной силой нанес потерпевшей один удар клинком ножа в область грудной клетки. В момент нанесения удара потерпевшая прикрылась левой

⁴ Уголовное право России : Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – Санкт-Петербург: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – С. 471 ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва: Норма, 2010. – С. 224 ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / Бойцов А. И. и [др.] ; под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. – С. 197 ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / Капинус О. С. [и др.] ; под ред. О. С. Капинус. – Москва: Юрайт, 2015. – С. 158–159 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Бабурин В. В., Бавсун М. В., Баландюк В. Н. [и др.] ; под ред. В. В. Векленко. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – С. 168.

⁵ Состав преступления / Кудрявцев В. Л. [и др.] // Энциклопедия уголовного права. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. – Т. 4. – С. 665.

⁶ Приговор Кетовского районного суда Курганской области от 02.12.2021 г. по делу №1-200/2021 // Судебные Решения.рф : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф/61095391> (дата обращения: 06.05.2024).

⁷ Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 24.10.2022 г. по делу № 1-161/2022 // Актофакт : [сайт]. – URL: <https://actofact.ru/case-63RS0012-1-161-2022-04-29-2-0/> (дата обращения: 06.05.2024).

рукой, но затем К. с силой надавил руками на рукоять ножа, после чего покинул место преступления»⁸;

– в деле С., который «со значительной силой нанес ножом потерпевшей не менее двух ударов в область левой руки, а затем один удар в область расположения жизненно важных органов – в область живота»⁹;

– в деле М., которая «нанесла потерпевшему 4 удара руками по лицу, после чего, вооружившись ножом, высказывая угрозы убийством, нанесла потерпевшему 1 удар ножом в спину, 2 удара руками по голове, а также металлической сковородой 3 удара по голове»¹⁰;

– в деле М., который «ножом нанес потерпевшему не менее трех ударов: один удар в область правого надплечья, один удар в правую лопаточную область в районе легких и один удар в область левого плечевого сустава»¹¹.

Отметим, что во всех перечисленных ситуациях в качестве орудия преступления выступал нож.

Из приведенных примеров видно, что лица, нанося телесные повреждения потерпевшим, предвидели неизбежность наступления последствий в виде смерти и в силу этого действовали с прямым умыслом на лишение жизни.

В то же время, были выявлены приговоры, в соответствии с которыми при схожих обстоятельствах суды не согласились с квалификацией обвинения.

Так, Ш. обвинялся в покушении на убийство по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. «Ш. на почве личных неприязненных отношений со своим отчимом нанес последнему не менее двух ударов кухонным ножом в голову, повредив потерпевшему головной мозг, и не менее двух ударов кулаками в голову и туловище. Суд пришел к выводу о виновности Ш. в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, совершенном с применением предмета, используемого в качестве оружия. При этом было указано, что Ш. угрожал убийством потерпевшему не высказывал, смерть потерпевшего не наступила, потому что последнему была оказана своевременная квалифицированная медицинская помощь, а также, что для задержания виновного были вызваны сотрудники полиции, опасаясь которых, он прекратил наносить удары и скрылся с места происшествия. Суд принял во внимание показания подсудимого об отсутствии у него желания убить потерпевшего, наличие у подсудимого телесных повреждений, установленных экспертным заключением, а также оценил действия подсудимого после преступления, в связи с чем пришел к выводу, что оснований полагать о наличии у подсудимого умысла на убийство потерпевшего не имеется»¹².

Другой пример: Б. нанес ножом потерпевшей не менее 7 ударов в шею, туловище и конечности, причинив в результате единичного колото-резаного ранения живота рану, оцениваемую как тяжкий вред здоровью. Суд квалифицировал действия Б. по ст. 111 УК РФ, указав, что «им действительно было нанесено не менее 7 ударов ножом по телу потерпевшей, однако в последующем иных попыток причинить вред ее жизни или здоровью подсудимый не предпринимал. Учитывая, что Б. находился в одной квартире с потерпевшей после причинения ей колото-резаных ранений, осознавая, что должного сопротивления она ему не окажет, при наличии умысла на убийство мог беспрепятственно предпринять

⁸ Приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 15.04.2021 г. по делу № 1-31/2021 // Актофакт : [сайт]. – URL: <https://actofact.ru/case-02RS0001-1-31-2021-1-390-2020-2020-09-29-2-0/> (дата обращения: 06.05.2024).

⁹ Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 20.10.2021 г. по делу № 1-450/2021// Засвияжский районный суд : [сайт]. – URL: http://zasvijajskiy.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=95030873&_uid=66afb685-d116-4a0e-9fe8-2bb8cf74b1f9&_deloId=1540006&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁰ Приговор Димитровградского городского суда Ульяновской области от 29.04.2022 г. по делу № 1-131/2022 // Димитровградский городской суд : [сайт]. – URL: http://dimitrovgradskiy.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=103005372&_uid=0ae2f0e1-8932-450d-ac12-038d98e5c8e3&_deloId=1540006&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹¹ Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 07.12.2022 г. по делу № 1-399/2022 // Шпаковский районный суд : [сайт]. – URL: http://shpakovsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=270077463&case_uid=269446b4-3bbd-4c1a-97ca-c549484385c4&delo_id=1540006 (дата обращения: 06.05.2024).

¹² Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 02.11.2023 г. по делу № 1-803/2023 // «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EM25l3mx1lbS/> (дата обращения: 06.05.2024).

действия, направленные на реализацию такового. Вместе с тем, таких действий Б. не предпринимал, а находился в соседней комнате, не скрываясь и не уничтожая орудие преступления. Также, по мнению суда, из представленных суду доказательств не усматривается убедительных и объективных данных полагать, что подсудимый прекратил свои действия и предполагал наступление смерти потерпевшей от нанесенных повреждений, так как потерпевшая сознание не теряла до приезда врачей и сотрудников полиции, находившаяся на месте происшествия доступ Б. к себе не изолировала»¹³.

В данном случае суд на основе оценки постпреступного поведения виновного сделал вывод о субъективной стороне совершенного преступления. При этом он оставил без внимания, что колото-резаное ранение живота представляет серьезную угрозу для жизни, без своевременного медицинского вмешательства вероятность смерти потерпевшей была высока. Не была дана оценка и удару ножом в шею, который хотя и не причинил вреда здоровью, но сама попытка нанесения такого удара говорит о неизбежности опасности для жизни, которую не могло не предвидеть виновное лицо.

По другому уголовному делу не был учтен характер действий подсудимой В., которая нанесла своему сыну ножом один удар в область грудной клетки, причинив ему телесное повреждение в виде колото-резаной раны передней поверхности груди слева, проникающей в левую плевральную полость, с ранением легкого, оцениваемую как тяжкий вред здоровью. Суд признал подсудимую виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. При этом указал, что «В., нанеся потерпевшему удар ножом, место происшествия не покинула, от правоохранительных органов не скрывалась, предприняла меры по оказанию помощи потерпевшему и оперативному вызову врачей скорой медицинской помощи, которые, своевременно прибыв по вызову, оказали потерпевшему комплекс необходимых реанимационных мероприятий и доставили его в медицинское учреждение. По мнению суда, смерть потерпевшего не наступила потому, что последнему была оказана своевременная квалифицированная медицинская помощь, но меры по вызову врачей скорой медицинской помощи и оказанию помощи потерпевшему предприняла именно подсудимая, что свидетельствует об отсутствии у нее умысла на убийство сына»¹⁴.

Аналогично постпреступное поведение было оценено при рассмотрении уголовного дела в отношении С., «нанесшего кухонным ножом один удар в область грудной клетки потерпевшему, причинив ему тяжкий вред здоровью»¹⁵; А., «нанесшего потерпевшей не менее 17 ударов ножом в область расположения жизненно-важных органов человека – шею, живот и грудь, а также в область верхних и нижних конечностей, что вызвало значительную кровопотерю и геморрагический шок»¹⁶; Х. «нанесшей ножом не менее трех ударов в место расположения жизненно важных органов человека, а также крупных кровеносных сосудов – по туловищу потерпевшего, а также не менее одного удара в место расположения крупных кровеносных сосудов – по верхней конечности потерпевшего, а всего не менее четырех ударов ножом по его туловищу и конечностям»¹⁷; М., «нанесшего ножом своему отцу три удара в область живота и грудной клетки»¹⁸.

¹³ Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 01.02.2023 г. по делу № 1-208/2023 // Невский районный суд : [сайт]. - URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=730059754&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁴ Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 08.11.2022 г. по делу № 1-854/2022 // Невский районный суд : [сайт]. - URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=681129139&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁵ Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 20.09.2022 г. по делу № 1-839/2022 // Невский районный суд : [сайт]. - URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=683847672&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁶ Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 14.03.2022 г. по делу № 1-190/2022 // Невский районный суд : [сайт]. - URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=668229803&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁷ Приговор Самарского районного суда гор. Самары от 25.05.2022 г. по делу № 1-48/2022 // Судебные решения : [сайт]. - URL: <https://судебныерешения.рф/66816360/extended> (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁸ Приговор Железногорского городского суда Красноярского края от 29.05.2023 г. по делу № 1-149/2023 // Железногорский городской суд : [сайт]. - URL: http://gelgor.krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=299043533&case_uid=984ab321-e80c-4f3b-a732-38ee55841898&delo_id=1540006 (дата обращения: 06.05.2024).

Обсуждение

Во всех случаях виновные действовали сходным образом: использовали в качестве оружия нож хозяйственного назначения, длина лезвия которого была достаточной для нанесения телесных повреждений, представляющих опасность для жизни человека; наносили удары в область расположения жизненно важных органов человека: голову, шею, грудь, живот. Способ действий подсудимых свидетельствует о том, что они, нанося удары потерпевшим, осознавали общественную опасность своих действий, предвидели неизбежность наступления последствий в виде смерти потерпевших.

Вывод об отсутствии умысла на убийство суды в разном сочетании мотивировали следующими обстоятельствами:

- виновный не говорил о своем намерении причинить смерть;
- виновный отрицал свое намерение причинить смерть потерпевшему;
- виновный не предпринял мер по «добиванию» потерпевшего;
- виновный предпринял меры по оказанию помощи потерпевшему.

В случае, когда виновный совершает действия, неизбежно создающие опасность для жизни потерпевшего, осознает это и предвидит неизбежность наступления смерти, ни одно из перечисленных обстоятельств ни само по себе, ни в сочетании с другими не может служить основанием для вывода об отсутствии прямого умысла на убийство. Это вытекает из закона (ст. 25 УК РФ).

Первые два обстоятельства (отсутствие высказанной угрозы убийством, отрицание намерений причинить смерть) могут учитываться при оценке наличия умысла, но не определяют вывод о том, был на самом деле прямой умысел на убийство или нет. Как показывает анализ судебной практики, во многих случаях убийство не сопровождается высказыванием угроз причинения смерти. Отрицание виновным намерения лишить потерпевшего жизни при совершении убийства судами зачастую обоснованно расценивается как стремление избежать ответственности либо как бытовая (неюридическая) оценка виновным своих целей.

Третье и четвертое обстоятельство (не стал «добивать» потерпевшего; предпринял меры по оказанию помощи) в случае, когда совершены действия, направленные на причинение повреждений, с неизбежностью влекущие смерть, характеризуют постпреступное поведение виновного и также не могут служить основанием вывода об отсутствии прямого умысла на лишение потерпевшего жизни. Указанные действия совершаются на стадии оконченного покушения на преступление, когда уже совершены необходимые и достаточные действия для наступления преступного результата. В силу этого они не влияют на квалификацию содеянного как покушения на убийство. Такова доминирующая точка зрения в Доктрине [18, с. 41–42]. Умысел может возникнуть и иссякнуть внезапно¹⁹. Отказ от повторения посягательства в тех случаях, когда лицо выполнило действия, которые необходимо должны привести к смерти потерпевшего, не свидетельствуют об отказе от убийства. В данном случае имеет место оконченное покушение на преступление, при котором виновное лицо утрачивает контроль за развитием причинной связи.

В то же время в теории уголовного права были попытки изменить оценку поведения виновного после совершения им оконченного покушения на преступление. Например, предлагалось считать, что добровольный отказ от совершения убийства исполнителем возможен как при неоконченном, так и при оконченном покушении. Добровольный отказ при оконченном покушении будет иметь место, если действия преступника были непосредственно направлены на убийство, и он считал, что выполнил все необходимое для его совершения, однако преступление не довел до конца, добровольно и окончательно отказавшись от его совершения²⁰.

¹⁹ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. – Москва: Зерцало-М, 2006. – С. 28.

²⁰ Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 7–8.

Если при квалификации убийства учитывать в качестве части этого убийства поведение виновного на стадии оконченного покушения, то вести речь необходимо не об отсутствии умысла на лишение жизни, а о добровольном отказе от преступления (ст. 31 УК РФ). В известной степени к этому располагает недостаточно четкое разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1, с одной стороны, разъясняется, что покушение на убийство возможно только с прямым умыслом, воспроизводится формула покушения на убийство и перечисляются обстоятельства, в силу которых преступление признается не доведенным до конца по не зависящим от виновного причинам. К ним, в частности, относятся «активное сопротивление жертвы, вмешательство других лиц, своевременное оказание потерпевшему медицинской помощи и др.»²¹. С другой стороны, разъяснение не содержит указаний относительно того, что значит «не зависящие от лица» обстоятельства.

Фактически бывает так, что соответствующие обстоятельства в известной мере возникают по воле виновного. Например, виновный вызывает скорую помощь для спасения жизни потерпевшего. Именно в таких ситуациях суды по-разному трактуют понятие «не зависящих от виновного обстоятельств». Одни суды полагают, что данные обстоятельства зависят от воли виновного и на этом основании исключают возможность квалификации содеянного как покушения на убийство. Другие исходят из того, что покушение уже состоялось, и рассматривают указанное поведение виновного как постпреступное поведение, не влияющее на квалификацию деяния виновного как покушения на убийство. Причем разброс судебных решений по данной правоприменительной ситуации очень большой. Казалось бы, эти случаи известны давно, являются типичными в правоприменительной практике, есть доминирующая позиция в Доктрине, которая отражена практически во всех учебниках по уголовному праву (как в Общей, так и в Особенной частях), имеется разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, но вместе с тем практика недопустимо противоречива.

Заключение

Выход из сложившейся ситуации видится в даче Верховным Судом Российской Федерации дополнительных уточняющих разъяснений по ограничению покушения на убийство от преступлений со смежными составами:

1) позитивное поведение на стадии оконченного покушения на убийство следует расценивать как постпреступное поведение, и об этом надо прямо указать в разъяснениях высшей судебной инстанции. Это исключит необоснованную квалификацию покушения на убийство в случае, когда виновный предвидит неизбежность наступления смерти потерпевшего, по фактически совершенному (по статьям о преступлениях со смежными составами);

2) целесообразно особо указать на ситуации оконченного покушения на убийство в случае, когда имеет место совершение действий, при которых виновный предвидит неизбежность наступления смерти. Имеет смысл привести примеры таких действий: нанесение при помощи оружия или предметов, его заменяющего, ударов в область расположения жизненно-важных органов потерпевшего (голова, шея, грудь, место прохождения крупных кровеносных сосудов) и др.;

3) требуется также указать, что сам факт совершения таких действий, если смерть не наступила, квалифицируется как покушение на убийство вне зависимости от последующего поведения виновного, в т. ч. прекращение действий, направленных на лишение жизни, оказание помощи потерпевшему.

²¹ URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/7794/> (дата обращения: 06/05/2024).

Список литературы

1. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 898 с.
2. Лопашенко Н. А. Убийства : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 540 с.
3. Иовенко А. Р., Карпушева А. Н. Особенности отграничения основного состава убийства от смежных составов // Образование и право. – 2023. – №12. – С. 500–502.
4. Краев Д. Ю. Убийство, сопряженное с другими преступлениями : (п. п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 375 с.
5. Краев Д. Ю. Убийство при отягчающих обстоятельствах (п.п. «в», «г», «е1», «к», «л», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 376 с.
6. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
7. Казакова В. А. Иные преступления, классифицируемые по степени тяжести причинения вреда здоровью // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 191–197.
8. Скачкова Н. П. Проблемы квалификации некоторых преступлений против личности при конкуренции составов преступлений // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 178–180.
9. Бородин С. В., Малинин В. Б. Убийство – общая характеристика : монография. – Санкт-Петербург: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – 196 с.
10. Геляхова Л. А., Машекуашева М. Х. К вопросу об уголовно-правовой характеристике убийств // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 191–194; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-3-191-194>.
11. Якушин В. А. Некоторые вопросы квалификации убийств // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 211–230.
12. Попов А. Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины // Криминалистика. – 2014. – № 2 (15). – С. 3–11.
13. Жданов Ю. А. О роли причиняемого вреда здоровью человека при совершении покушения на убийство // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 78–80.
14. Бавсун М. В., Вишнякова Н. В. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 7–10.
15. Игнатов А. Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийств // Общество и право. – 2009. – № 2 (24). – С. 85–89.
16. Сардак Д. Б., Брагин К. С. Проблемы отграничения угрозы убийством от покушения на убийство // Закон и право. – 2021. – № 9. – С. 118–119.
17. Мезенцев И. В. Угроза убийством и покушение на убийство: аспекты квалификации / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции, 9–10 июня 2023 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 174–176.
18. Минюхин Н. К. Разграничение покушения на убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Законность и правопорядок. – 2016. – № 1–2 (14). – С. 41–42.

References

1. Popov A. N. Ubiystva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 898 s.
2. Lopashenko N. A. Ubiystva : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 540 s.
3. Iovenko A. R., Karpusheva A. N. Osobennosti otgranicheniya osnovnogo sostava ubiystva ot smezhnykh sostavov // Obrazovaniye i pravo. – 2023. – №12. – S. 500–502.
4. Krayev D. Yu. Ubiystvo, sopryazhennoye s drugimi prestupleniyami : (p. p. «v», «z», «k» ch. 2 st. 105 UK RF) : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 375 s.

5. *Krayev D. Yu.* Ubiystvo pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh (p.p. «v», «g», «ye1», «k», «l», «m» ch. 2 st. 105 UK RF) : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 376 s.
6. *Korobeyev A. I.* Prestupnyye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'ye cheloveka : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 317 s.
7. *Kazakova V. A.* Inyye prestupleniya, klassifitsiruyemye po stepeni tyazhesti prichineniya vreda zdorov'yu // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 4. – S. 191–197.
8. *Skachkova N. P.* Problemy kvalifikatsii nekotorykh prestupleniy protiv lichnosti pri konkurentsii sostavov prestupleniy // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2012. – № 1. – S. 178–180.
9. *Borodin S. V., Malinin V. B.* Ubiystvo – obshchaya kharakteristika : monografiya. – Sankt-Peterburg: MIEP pri MPA YevrAzES, 2013. – 196 s.
10. *Gelyakhova L. A., Mashekuasheva M. Kh.* K voprosu ob ugolovno-pravovoy kharakteristike ubiystv // Pravo i upravleniye. – 2023. – № 3. – S. 191–194; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-3-191-194>.
11. *Yakushin V. A.* Nekotoryye voprosy kvalifikatsii ubiystv // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2015. – № 2 (82). – S. 211–230.
12. *Popov A. N.* Razgranicheniye prestupleniy protiv zhizni so smezhnymi sostavami po priznakam viny // Kriminalist". – 2014. – № 2 (15). – S. 3–11.
13. *Zhdanov Yu. A.* O roli prichinyayemogo vreda zdorov'yu cheloveka pri sovershenii pokusheniya na ubiystvo // Zakon i pravo. – 2013. – № 3. – S. 78–80.
14. *Bavsun M. V., Vishnyakova N. V.* Vliyaniye napravlenosti umysla na kvalifikatsiyu ubiystv, sovershayemykh pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh // Ugolovnoye pravo. – 2006. – № 1. – S. 7–10.
15. *Ignatov A. N.* Diskussionnyye voprosy kvalifikatsii ubiystv // Obshchestvo i pravo. – 2009. – № 2 (24). – S. 85–89.
16. *Sardak D. B., Bragin K. S.* Problemy otgranicheniya ugrozy ubiystvom ot pokusheniya na ubiystvo // Zakon i pravo. – 2021. – № 9. – S. 118–119.
17. *Mezentsev I. V.* Ugroza ubiystvom i pokusheniye na ubiystvo: aspekty kvalifikatsii / Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 9–10 iyunya 2023 g., Sankt-Peterburg.. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 174–176.
18. *Minyukhin N. K.* Razgranicheniye pokusheniya na ubiystvo ot umyshlennogo prichineniya tyazhkogo vreda zdorov'yu // Zakonnost' i pravoporyadok. – 2016. – № 1-2 (14). – S. 41–42.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted June 28, 2024; approved after reviewing October 15, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Методология и технология профессионального образования

Methodology and technology of professional education

Научная статья

УДК 37.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-256-266>

Людмила Николаевна Бережнова

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3573-0762>, simabln@mail.ru

Марат Равильевич Шайдулин

<https://orcid.org/0000-0002-0167-1995>, shaidulin_m@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Биологически обусловленная двигательная активность – фактор самосохранения и здоровьесбережения человека

Аннотация: Введение. Изменяющиеся экологические, социально-экономические и демографические обстановки в стране и в мире требуют от человека совершенствования знаний самосохранения и здоровьесбережения. Жизнь является высшей ценностью, общее физическое состояние и здоровье человека важны для государства. **Цель исследования:** обосновать необходимость воспитательной работы в направлении здоровьесбережения и самосохранения в образовательных организациях высшего профессионального образования системы МВД России. **Задачи:** проанализировать физическое состояние курсантов после проведения опытно-экспериментальной работы; определить уровень и динамику двигательной активности у курсантов в образовательных организациях высшего профессионального образования МВД России. **Методы и структура исследования.** Опрошены курсанты 2-го курса факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России в возрасте от 18 до 22 лет. Средний возраст составил 19,09 + 2 года. Исследование проводилось по методу диагностического

опроса с использованием опросника двигательной активности «ОДА-23+», разработанного в ФГБУ «ГНИЦПМ» Минздрава России (Андронов Д. М., Красницкий В. Б., Бубнова М. Г., 2013 г.). В процессе опытно-экспериментальной работы проводились занятия по методике японского ученого, доктора наук Изуми Табаты и воспитательные беседы на тему здоровьесбережения и самосохранения. **Результаты.** Проведенное исследование показало, что двигательная активность курсантов увеличилась после проведения опытно-экспериментальной воспитательной работы в области здоровьесбережения и самосохранения. На основании полученных данных можно сделать вывод, что основная цель воспитательной работы педагога в образовательных организациях высшего профессионального образования в области сохранения и укрепления здоровья заключается в совершенствовании знаний и мотивации у обучающихся в области здоровьесбережения и самосохранения.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, здоровьесбережение, двигательная активность, здоровый образ жизни, воспитание, высшее профессиональное образование, физическое воспитание

Для цитирования: Бережнова Л. Н., Шайдюлин М. Р. Биологически обусловленная двигательная активность – фактор самосохранения и здоровьесбережения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 256–266; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-256-266.

Original article

Lyudmila N. Berezhnova

Dr. Sci. (Ped.), Cand. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3573-0762>, simabln@mail.ru

Marat R. Shaidulin

<https://orcid.org/0000-0002-0167-1995>, shaidulin_m@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Biologically conditioned motor activity – a factor of health and self-preservation of a person

Abstract: Introduction. The changing environmental, socio-economic and demographic conditions in the country and in the world require from a person to improve knowledge of self-preservation and health saving. Life is the supreme value, the general physical condition and health of a person is important for the state. **The purpose of the study:** to substantiate the need for educational work in the direction of health and self-preservation in educational institutions of higher professional education of the Ministry of the Interior of Russia. Objectives: to analyse the physical condition of cadets after conducting experimental work; to determine the level and dynamics of motor activity of cadets in educational institutions of higher professional education of the Ministry of the Interior of Russia. **Methods and structure of the study.** The survey involved second-year cadets of the faculty of operational detective's training of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia aged 18 to 22 years. The average age was 19,09+2 years. The study was conducted using the diagnostic survey method including the ODA-23+ motor activity questionnaire developed at the Federal State Budgetary Institution "State Research Center of Preventive Medicine" of the Ministry of Health of Russia (Andronov D. M., Krasnitsky V. B.,

Bubnova M. G., 2013). During the experimental work, classes were held using the methodology of the Japanese scientist, Doctor of Sciences Izumi Tabata, and educational discussions about health and self-preservation. **Results.** The study showed that the motor activity of cadets increased after the experimental educational work in the field of health and self-preservation. Based on the data obtained, it can be concluded that the main goal of the educational work of a teacher in educational institutions of higher professional education in the field of maintaining and strengthening health is to improve the knowledge and motivation of students in the field of health and self-preservation.

Keywords: professional education, health preservation, physical activity, healthy lifestyle, education, higher professional education, physical education

For citation: Berezhnova L. N., Shaidulin M. R. Biologically conditioned motor activity – a factor of health and self-preservation of a person // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 256–266; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-256-266.

Введение

В современных условиях актуализируется вопрос воспитания в области здоровьесбережения в образовательных организациях высшего профессионального образования МВД России.

В процессе развития общества смысл понятия «воспитание» менялся и корректировался. Воспитание является одним из наиболее изучаемых направлений в педагогике. Интерес к воспитанию как к процессу развития личности человека проявляли такие ученые, как: Демокрит, Аристотель, Платон, Декарт, В. М. Бехтерев, П. П. Блонский, К. Н. Вентцель, Л. С. Выготский, П. Ф. Лесгафт, А. С. Макаренко, К. Д. Ушинский, И. А. Зимняя и многие др.

Слово «воспитание» («образование») в латинском (*educationem*) и английском (*education*) языках восходит к глаголу «вести». Можно предположить, что это связано с древнегреческим названием педагога (*παιδαγωγός*, «ведущий ребенка»: *παιδ* – пайд – ребенок, *αγωγός* – аго – вести). В античные времена так называли человека, который отводил ребенка в школу и становился его наставником, проводником на его пути взросления и становления, а ребенок под его руководством социализировался.

В процессе развития общества развивалось образование и профессиональное воспитание:

- 1) появление первых профессиональных сообществ как предпосылка для возникновения профессионального воспитания;
- 2) создание первых профессиональных образовательных учреждений как предпосылка для становления профессионального воспитания;
- 3) формирование воспитания как специально организованная деятельность;
- 4) связи профессионального и трудового воспитания;
- 5) развитие профессионального образования как фактор развития профессионального воспитания [1, с. 18].

В процессе развития общества развивалось и образование, т. к. государству требовались образованные и высококвалифицированные специалисты в разных сферах, и воспитание при подготовке данных специалистов было одним из приоритетных направлений.

Р. В. Смирнов по результатам контент-анализа определений понятия «воспитание» разделяет их на следующие группы:

- 1) воспитание как общественно-историческое явление;
- 2) воспитание как деятельность;
- 3) воспитание как целенаправленная (специально организованная) деятельность педагога;

- 4) воспитание как процесс;
- 5) воспитание как система;
- 6) воспитание как фактор формирования личности;
- 7) понятия и определения, отражающие характеристики отдельных компонентов воспитания;
- 8) имеет особое значение [1, с. 61–69].

Учитывая вышесказанное, воспитание представляет собой многоуровневый и многоаспектный процесс, систематическую целенаправленную деятельность по передаче и усвоению культурных, социальных и личностных ценностей. Воспитание оказывает значительное влияние на формирование личности, способствуя ее всестороннему развитию и успешной социализации. Воспитание включает в себя различные компоненты, такие как цели, содержание, методы, средства и формы организации, которые в совокупности создают целостную систему воспитательного процесса.

К. Д. Ушинский в самом широком смысле определяет воспитание как помощь в развитии организма посредством свойственной ему материальной или духовной пищи. Разделяя все организмы на единичные и общественные, К. Д. Ушинский сравнивает человека с неким органом в организме общества. Отсюда и вытекает его идея народности воспитания. Система воспитания в каждой стране, подчеркивал он, связана с условиями исторического развития народа, с его нуждами и потребностями. К. Д. Ушинский, писал: «Есть одна только общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа» [2, с. 15].

А. С. Макаренко в своей теории воспитания выделял следующие подходы: воспитание в коллективе и через коллектив, воспитание трудом, воспитание в семье, воспитание в игре. Его система была направлена на интеграцию воспитания и образования с трудовой деятельностью. Из этого подхода выделялись три взаимосвязанных принципа: 1) труд, при этом у воспитанников должна быть возможность выбора, чтобы каждый мог найти дело по душе; 2) самоуправление; 3) коллективная ответственность [3].

В основе педагогической системы П. Ф. Лесгафта лежит учение о единстве физического и духовного развития личности. Ученый рассматривал физические упражнения как средство не только физического, но и интеллектуального, нравственного и эстетического развития человека. При этом он постоянно подчеркивал важность рационального сочетания, взаимовлияния умственного и физического воспитания. «Необходимо, – писал автор, – чтобы умственное и физическое воспитание шли параллельно, иначе мы нарушим правильный ход развития в тех органах, которые останутся без упражнения» [4].

Рассмотрим некоторые определения воспитания.

Процесс воспитания представляет собой приобретенные навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни и быту [5].

Воспитание – это развитие направленности личности – процесс и результат. Формы направленности личности: мировоззрение, убеждения, идеалы, стремления, интересы и т. д.¹

Воспитание – это интерактивный процесс взаимодействия педагога и воспитываемого [6, с. 24–26].

Воспитание – относительно осмысленное и целенаправленное возвращение человека [7, с. 23].

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что педагог целенаправленно развивает у обучающихся качества личности, взгляды и убеждения с целью социализации. Воспитание понимают как передачу накопленного опыта от старшего поколения к младшему через традиции, обычаи и практику. Общество развивается, соответственно методы

¹ Новиков А. М. Основания педагогики : пособие. – Москва: Эгвес, 2010. – 204 с.

и практика воспитания претерпевают изменения, но фундаментальные основы воспитания остаются неизменными.

Воспитание является целенаправленным процессом, имеющим цели и задачи, поэтому на объект воспитания, будь то личность либо коллектив, влияют как внутренние, так внешние факторы.

Среда деятельности человека – это форма бытия человека, исторически обусловленная степенью развития общества и определяемая характером социального и предметно-практического взаимодействия [8, с. 12].

В этой связи воспитание здоровьесбережения является целенаправленным процессом воспитания здорового поколения. В современных условиях, учитывая технологический прогресс и демографическую ситуацию в стране, данная проблема находится под контролем государства. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 января 2020 года № 8 утверждена «Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года», в которой в качестве основной задачи выделяется «формирование здорового образа жизни населения»². Статья 12 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве приоритета профилактики в сфере охраны здоровья предусматривает «разработку и реализацию программ формирования здорового образа жизни»³. Данные нормативные правовые акты не являются единственными, где отражается озабоченность государства в сохранении здоровья граждан страны, а на человека ложится ответственность за свое здоровье.

Во всех информационных каналах социальных сетей пропагандируют здоровый образ жизни, однако данная пропаганда не несет воспитательной функции, поэтому в полный рост встает проблема воспитания в области здоровьесбережения, и она должна решаться в образовательных организациях.

Культ здорового образа жизни ранее являлся приоритетным, об этом свидетельствуют народные пословицы: «Здоровье дороже богатства», «В здоровом теле здоровый дух», «Двигайся больше – проживешь дольше», «Утро встречай зарядкой, провожай прогулкой», «Не досыпаешь – здоровье теряешь», «Чистота – залог здоровья» и т. д.

Почему происходит переориентация установок на саморазрушение? Как найти механизмы укрепления и поддержки самосохранения, чтобы человек сознательно не отрицал, не отвергал себя и свою жизнь, чтобы он верил в собственную ценность? Самосохранение человека заключается в приобретении и расширении знаний о безопасном взаимодействии с внешним миром, с самим собой, с другими людьми. Потребность в безопасности является базовой в иерархии потребностей человека (А. Маслоу) [8, с. 108].

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) хронические неинфекционные заболевания в развитых странах являются причиной $\frac{2}{3}$ случаев преждевременной смерти населения в трудоспособном возрасте, причем основная доля приходится на сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования и травмы. По показателю *DALYs* почти 60 % общего бремени болезней в Европе обусловлены семью ведущими факторами: повышенное артериальное давление, потребление табака, чрезмерное потребление алкоголя, повышенное содержание холестерина в крови, избыточная масса тела, низкий уровень потребления фруктов и овощей, малоподвижный образ жизни.

Всемирная организация здравоохранения трактует здоровый образ жизни как образ жизни, направленный на исключение рисков наступления серьезных болезненных ситуаций

² Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года : приказ Минздрава России от 15 января 2020 г. № 8 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344362/ (дата обращения: 01.03.2022). – Документ опубликован не был.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

и возможных ранних смертей. Данный образ жизни улучшает здоровье, дает возможность наслаждаться в большей степени и большим числом аспектов жизни [9].

ВОЗ дает рекомендации по вопросам физической активности и малоподвижного образа жизни. В данных рекомендациях подтверждается общеизвестный факт, что физическая активность способствует улучшению следующих показателей, связанных со здоровьем: снижается смертность по всем причинам, в т. ч. от сердечно-сосудистых заболеваний, снижается заболеваемость гипертонией, раком отдельных локализаций, диабетом 2-го типа, улучшается психическое здоровье (снижаются симптомы тревоги и депрессии); улучшаются когнитивное здоровье и сон; также может снижаться степень ожирения. Кроме того, в этих рекомендациях указывается время, в течение которого человек должен заниматься двигательной активностью. Так, рекомендуется не менее 150–300 минут в неделю заниматься физически активной деятельностью средней интенсивности с аэробной нагрузкой или не менее 75–150 минут в неделю заниматься физически активной деятельностью высокой интенсивности с аэробной нагрузкой⁴.

Физическая активность положительно влияет на умственные способности человека, на его эмоциональное и психическое состояние. Большое воздействие на внимание, реакцию, способность оперативно мыслить, работу ума оказывают физические упражнения [10, с. 215].

Здоровый образ жизни реализуется через физическое воспитание, а физическое воспитание направлено на психофизиологическое поддержание организма человека.

А. Н. Леонтьев отмечал, что психофизиологическое состояние организма человека важно для выполнения трудовой деятельности [11, с 53–57].

Таким образом, здоровый образ жизни требует соблюдения определенных правил: 1) двигательная активность; 2) полноценный сон; 3) соблюдение режима дня; 4) правильное питание; 5) отказ от вредных привычек; 6) физические упражнения (зарядка); 7) закаливание.

Данные правила являются не исчерпывающими, но основными.

За последние несколько лет показатели двигательной активности молодежи значительно снизились. Это связано с тем, что жизнь современной молодежи с движением в основном не связана (учеба, развлечения, хобби, способы передвижения) [13, с. 210–213].

По мнению Л. Б. Ивановой, недостаточная активность обучающихся на современном этапе развития заключается в отсутствии самостоятельности, сознательности и саморегулирования [13, с 15–19].

Таким образом, одной из основных задач, стоящих перед образовательной организацией в рамках педагогического процесса, становится воспитание у обучающихся стремления к здоровому образу жизни.

В статье рассматривается вопрос повышения двигательной активности как одного из аспектов здорового образа жизни.

По результатам исследований специалистов здоровье человека прямо пропорционально его двигательной активности [14, с 28–23].

Оптимальный режим двигательной активности (соотношение объема интенсивности упражнений при рациональном чередовании средств физического воспитания) является важнейшим фактором развития человека [15].

Методы

В сентябре 2022 года на 1-м курсе 3-го факультета Санкт-Петербургского университета МВД России было проведено исследование по опроснику двигательной активности «ОДА-23+». Этот опросник разработан в ФГБУ «ГНИЦПМ» Минздрава России Д. М. Андроновым, В. Б. Красницким и М. Г. Бубновой в 2013 году. Он содержит 23 вопроса, касающиеся различных аспектов деятельности человека, что позволяет оценить уровень двигательной

⁴ Рекомендации ВОЗ по вопросам физической активности и малоподвижного образа жизни: краткий обзор = WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour: at a glance // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity> (дата обращения: 01.03.2022).

активности. В исследовании принимали участие 127 человек. На основании опроса было выявлено, что высоким уровнем двигательной активности обладают 8 % курсантов, средним уровнем – 27 % курсантов и низким – 56 % курсантов. Необходимо обратить внимание на то, что на курсе обучаются и курсанты-спортсмены, которые имеют спортивные разряды от 1 взрослого разряда до кандидата в мастера спорта по таким видам спорта, как борьба, легкая атлетика, плавание и т. д. Они составляют 9 % от числа обучающихся. В ходе исследования установлено, что процент исследуемых, имеющих высокий уровень двигательной активности, близок к проценту исследуемых, имеющих спортивные разряды⁵ (рисунок 1).

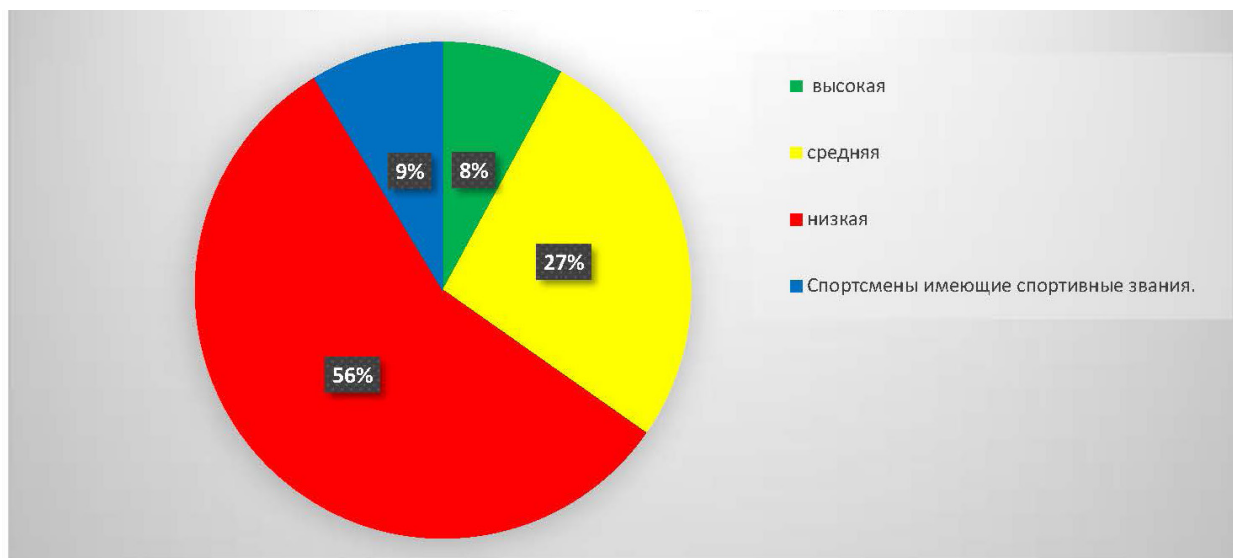

Рис. 1. Результаты опроса по опроснику «ОДА-23+»

В процессе обучения курсантов, участвовавших в исследовании, дополнительно проводились занятия, цель которых повысить двигательную активность. Занятия проводились в период самоподготовки по методике «Табата». Комплекс заданий представляет собой один из видов интервальных или круговых физических нагрузок. Он составлен по принципу 20/10 или 20/10/8, т. е. 20 секунд – работа в динамичном темпе, 10 секунд – на отдых. Из восьми таких блоков складывается 4-минутный тренинг. Все упражнения необходимо строго выполнять в строго обозначенное время. В комплексы метода «Табата» входят упражнения из различных видов спорта: спортивная гимнастика, акробатика, борьба и т. д. Нагружаются основные группы мышц: плечевого пояса, грудные мышцы, мышцы спины, мышцы живота, мышцы ног.

Плюсы данной методики: занятия не требуют специального спортивного оборудования (например, как в кроссфите), занимают мало времени, все блоки упражнений крайне просты для выполнения.

Также имеется еще ряд положительных эффектов:

- развитие работоспособности,
- проработка всех мышц,
- подтяжка кожного покрова,
- ускоренный рост мускулатуры,
- высокий расход калорий и быстрая потеря веса,
- преодоление эффекта плато,
- коррекция координации.

⁵ Шайдулин М. Р. Исследование уровня двигательной активности курсантов образовательных организаций МВД России на первоначальном этапе подготовки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2 (98). – С. 215–220; <http://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-215-220>.

В процессе занятий проводились беседы воспитательного характера, содержавшие все вышеуказанные аспекты здорового образа жизни. Цель этих бесед – побуждение к ведению здорового образа жизни.

В марте 2024 года нами повторно проведен исследовательский опрос по «ОДА-23+» курсантов, с которыми проводились занятия по вышеуказанной методике.

На основании опроса выявлено, что очень высоким уровнем двигательной активности обладают 13,68 % курсантов, высоким уровнем – 63,25 % курсантов, средним уровнем – 19,66 % курсантов, низким – 3,41 % курсантов. (рисунок 2).

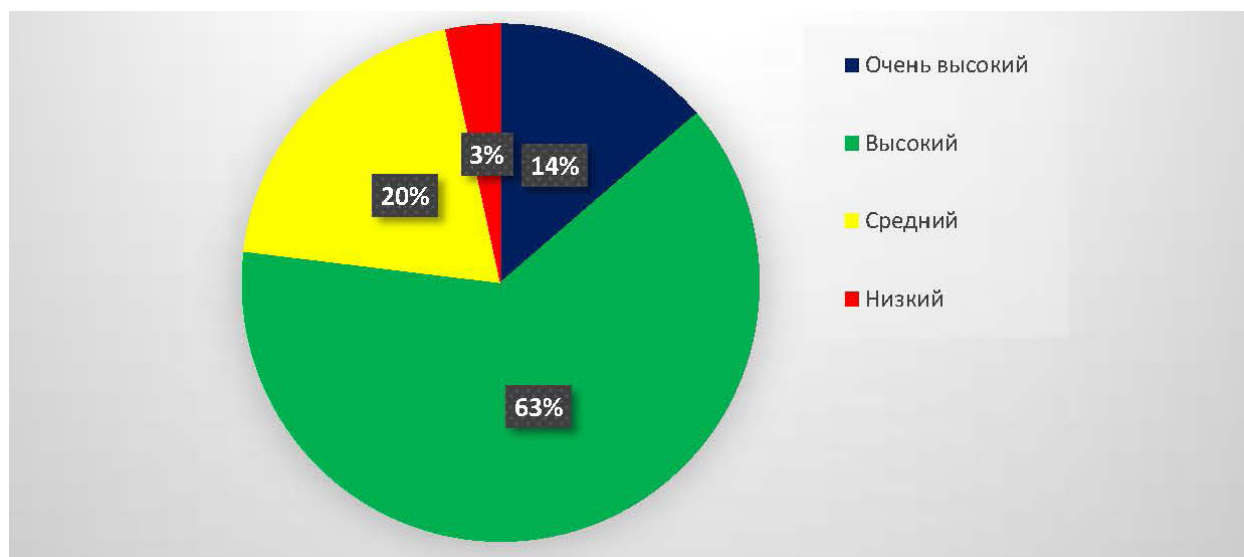

Рис. 2. Результаты повторного опроса по опроснику «ОДА-23+»

Ниже представлены сравнительные данные двух исследовательских опросов (рисунок 3).

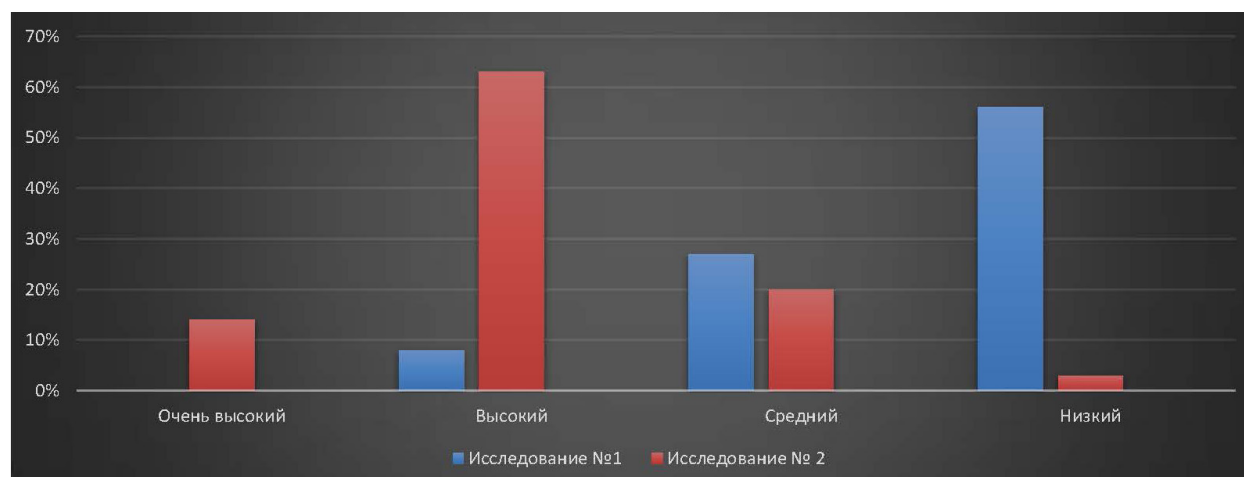

Рис. 3. Сравнительный анализ проведенных опросов по опроснику «ОДА-23+»

Результаты

На диаграмме (рисунок 3) видно, что на начальном этапе большой процент испытуемых имеет низкий уровень двигательной активности, а уровень с очень высоким показателем двигательной активности находится на нулевой отметке. После проведения опытно-экспериментальной работы, целью которой было повысить уровень двигательной активности у испытуемых, показатели двигательной активности выросли, что является положительной

динамикой. Также согласно анализу книги записи больных, которая ведется на курсе, в процессе проведения исследования показатели обращения в медико-санитарную часть с острыми респираторными вирусными инфекциями (ОРВИ) и острыми респираторными заболеваниями (ОРЗ) находились на низком уровне.

Заключение

Учитывая данные, полученные в ходе исследования, и выделив положительную динамику двигательной активности, можно сделать вывод, что двигательная активность является фактором самосохранения и здоровьесбережения человека, таким образом цель воспитательной работы педагога в образовательных организациях высшего профессионального образования в направлении здоровьесбережения, заключается в развитии у обучающихся мотивации к сохранению и укреплению здоровья, овладения знаний в области здоровьесбережения. Вовлеченность в воспитательный процесс, целью которого является здоровьесбережение и самосохранение, зависит от личной заинтересованности обучающихся.

Знания о здоровьесбережении и самосохранении позволяют обучающимся в процессе профессиональной деятельности поддерживать на достаточном уровне двигательную активность, соблюдать режим дня, правильно питаться, исключить зависимость от вредных привычек, выполнять физические упражнения. Все это способствует устойчивости к стрессовым ситуациям и, как следствие, положительно влияет на психофизическое состояние организма.

Список литературы

1. Смирнов Р. В. Профессиональное воспитание: в истории образования и современности (историко-педагогический очерк) / под ред. проф. Л. Н. Бережновой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, 2017. – 74 с.
2. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы // Собрание сочинений : в 10 т. / ред. кол.: А. М. Еголин (глав. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский ; вступ. ст. В. Струминский. – Москва: Академия педагогических наук РСФСР, 1948. – Т. 2: Педагогические статьи 1857–1861 гг. – 656 с.
3. Курьяков Н. В. Педагогические взгляды и идеи А.С. Макаренко и их актуальность в современной образовательной системе / Педагогика, психология и образование: от теории к практике: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, г. Ростов-на-Дону, 4 августа 2017 г. – Ростов-на-Дону, 2017. – № 4. – С. 14–16.
4. Симонкина Ю. С., Иохвидов В. М. Петр Францевич Лесгафт – основоположник физического образования / Актуальные задачи педагогики: материалы I Международной научной конференции, г. Чита, декабрь 2011 г. – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 55–57. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/20/1333/> (дата обращения: 12.04.2024).
5. Юнацкевич Р. И. Теория образования взрослых: становление, проблемы, задачи : монография. – Санкт-Петербург: ИОВ ПАНИ, 2009. – 90 с.
6. Тенденции развития науки: инновационный подход : сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Кемерово, 30 июля 2021 г. – Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2021 – 72 с.
7. Мудрик А. В. Воспитание: явление, институт, понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета – 2005. – № 1 (10). – С. 23–28.
8. Бережнова Л. Н. Полиэтническая образовательная среда : монография. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 203 с.
9. Гурьев С. В., Сапегина Т. А., Миронова С. П., Ольховская Е. Б. Оптимизация управления процессом физического воспитания студентов на основе современных педагогических технологий : монография. – Москва: Русайнс, 2019. – 143 с.
10. Егоров Д. Е., Радоуцкий В. Ю., Кутергин Н. Б. Современные подходы в подготовке специалистов аварийно-спасательного профиля в технических высших учебных заведениях // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 5. – С. 215–219.

11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.
12. Пустозеров А. И. Динамика морфофункционального состояния и умственной работоспособности у учащихся профильных классов / Оздоровительные технологии XXI века : материалы Международной научно-практической конференции, г. Челябинск, 3–5 декабря 2002 г. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного университета, 2002. – С. 210–213.
13. Иванова Л. Б. Развитие познавательного интереса в условиях применения инфокоммуникационных технологий обучения // Педагогические науки. – 2006. – № 3. – С. 15–19.
14. Горелов А. А., Румба О. Г., Кондаков В. Л. Анализ показателей здоровья студентов специальной медицинской группы // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – № 6. – С. 28–33.
15. Миронова С. П., Ольховская Е. Б., Сапегина Т. А. Инновационные технологии в профессиональной подготовке бакалавров : монография. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. – 171 с.

References

1. Smirnov R. V. Professional'noye vospitaniye: v istorii obrazovaniya i sovremennosti (istoriko-pedagogicheskiy ocherk) / pod red. prof. L. N. Berezhnovoy. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy voyennyy institut voysk natsional'noy gvardii, 2017. – 74 s.
2. Ushinskiy K. D. O pol'ze pedagogicheskoy literatury // Sobraniye sochineniy : v 10 t. / red. kol.: A. M. Yegolin (glav. red.), Ye. N. Medynskiy, V. Ya. Struminskiy ; vstup. st. V. Struminskiy. – Moskva: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1948. – T. 2: Pedagogicheskiye stat'i 1857–1861 gg. –656 s.
3. Kurpyakov N. V. Pedagogicheskiye vzglyady i idei A.S. Makarenko i ikh aktual'nost' v sovremennoy obrazovatel'noy sisteme / Pedagogika, psikhologiya i obrazovaniye: ot teorii k praktike: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Rostov-na-Donu, 4 avgusta 2017 g. – Rostov-na-Donu, 2017. – № 4. – С. 14–16.
4. Simonkina Yu. S., Iokhvidov V. M. Petr Frantsevich Lesgaft – osnovopolozhnik fizicheskogo obrazovaniya / Aktual'nyye zadachi pedagogiki : materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Chita, dekabr' 2011 g. – Chita: Molodoy uchenyy, 2011. – С. 55–57. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/20/1333/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
5. Yunatskevich R. I. Teoriya obrazovaniya vzroslykh: stanovleniye, problemy, zadachi : monografiya. – Sankt-Peterburg: IOV PANI, 2009. – 90 s.
6. Tendentsii razvitiya nauki: innovatsionnyy podkhod : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Kemerovo, 30 iyulya 2021 g. – Kemerovo: Zapadno-Sibirskiy nauchnyy tsentr, 2021 – 72 s.
7. Mudrik A. V. Vospitaniye: yavleniye, institut, ponyatiye // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – 2005. – № 1 (10). – С. 23–28.
8. Berezhnova L. N. Polietnicheskaya obrazovatel'naya sreda : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. – 203 s.
9. Gur'yev S. V., Sapagina T. A., Mironova S. P., Ol'khovskaya Ye. B. Optimizatsiya upravleniya protsessom fizicheskogo vospitaniya studentov na osnove sovremennykh pedagogicheskikh tekhnologiy : monografiya. – Moskva: Rusayns, 2019. – 143 s.
10. Yegorov D. Ye., Radoutskiy V. Yu., Kutergin N. B. Sovremennyye podkhody v podgotovke spetsialistov avariynno-spasatel'nogo profilya v tekhnicheskikh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh // Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova. – 2014. – № 5. – С. 215–219.
11. Leont'yev A. H. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. – Moskva: Politizdat, 1975. – 304 s.
12. Pustozеров A. I. Dinamika morfofunktsional'nogo sostoyaniya i umstvennoy rabotosposobnosti u uchashchikhsya profil'nykh klassov / Ozdorovitel'nyye tekhnologii XXI veka : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Chelyabinsk, 3–5 dekabrya

2002 г. – Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. – S. 210–213.

13. *Ivanova L. B.* Razvitiye poznavatel'nogo interesa v usloviyakh primeneniya infokommunikatsionnykh tekhnologiy obucheniya // *Pedagogicheskiye nauki.* – 2006. – № 3. – S. 15–19.

14. *Gorelov A. A., Rumba O. G., Kondakov V. L.* Analiz pokazateley zdorov'ya studentov spetsial'noy meditsinskoj gruppy // *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy.* – 2008. – № 6. – S. 28–33.

15. *Mironova S. P., Ol'khovskaya Ye. B., Sapegina T. A.* Innovatsionnyye tekhnologii v professional'noy podgotovke bakalavrov : monografiya. Yekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 2019. – 171 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted June 13, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 343.83; 378.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-267-276>

Анастасия Дмитриевна Пашукова

кандидат педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, pashukova_21@mail.ru

*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

Татьяна Васильевна Кириллова

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, tatiana-kirillova@rambler.ru

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15 лит. А стр. 1*

Методические основы формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации

Аннотация: Введение. В статье рассматриваются методические основы формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации. Пробационные мероприятия требуют от специалистов особых знаний и навыков, связанных с оценкой риска рецидива, ведением учетно-аналитической работы и взаимодействием с различными социальными институтами. Представлены подходы к подготовке будущих специалистов, включая теоретические и практические аспекты обучения. Обосновывается важность разработки и внедрения психологических программ, направленных на формирование необходимых профессиональных и личностных качеств у будущих специалистов. **Методы:** анализа, сравнения и моделирования. Рассматривается модель формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к выполнению функций пробации. Пробация как институциональная форма контроля и реабилитации правонарушителей требует от специалистов специфических знаний и навыков. Выделяются ключевые компоненты модели и предлагаются механизмы ее реализации в образовательных организациях ФСИН России. **Результаты.** Формирование готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации – это приоритетная задача, требующая внимательного подхода к образовательным методам и программам подготовки. В этом контексте авторы выделили несколько ключевых аспектов, которые должны быть достигнуты при подготовке курсантов образовательных организаций ФСИН России (понимание концепции пробации; формирование профессиональных компетенций; разработка методологии обучения; социальная и психологическая подготовка; практическое взаимодействие и т. д.). Данные аспекты помогут повысить качество подготовки будущих сотрудников, что в свою очередь будет

способствовать эффективной реализации функций пробации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: пробация, исправительные учреждения, адаптация, ресоциализация, осужденные, правонарушители, курсанты, образовательная организация

Для цитирования: Пашукова А. Д., Кириллова Т. В. Методические основы формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 267–276; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-267–276.

Original article

Anastasiya D. Pashukova

Cand. Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, pashukova_21@mail.ru

*Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation*

Tat'yana V. Kirillova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, tatiana-kirillova@rambler.ru

*Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service
15. lit. A, bl. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation*

Methodological foundations for the formation of the readiness of future employees of the penal enforcement system to implement probation functions

Abstract: Introduction. The article discusses the methodological foundations for the formation of the readiness of future employees of the penal enforcement system to implement probation functions. Probation activities require specialists to have special knowledge and skills related to assessing the risk of relapse, conducting accounting and analytical work and interacting with various social institutions. Approaches to the training of future specialists, including theoretical and practical aspects of training, are presented. The importance of the development and implementation of psychological programmes aimed at the formation of necessary professional and personal qualities in future specialists is substantiated. **Methods:** analysis, comparison and modeling. The model of formation of readiness of future employees of the penal system to perform probation functions is considered. Probation as an institutional form of control and rehabilitation of offenders requires specific knowledge and skills from specialists. The key components of the model are highlighted and mechanisms for its implementation in educational organisations of the Federal Penitentiary Service of Russia are proposed. **Results.** Formation of readiness of future employees of the penal system to implement probation functions is a priority task that requires a careful approach to educational methods and training programs. In this context, the authors identified several key aspects that should be achieved in the training of cadets of educational organisations of the Federal Penitentiary Service of Russia (understanding of the probation concept; formation of professional

competencies; development of teaching methodology; social and psychological training; practical interaction, etc.). These aspects will help to improve the quality of training of future employees, which in turn will contribute to the effective implementation of probation functions in the penal system of the Russian Federation.

Keywords: probation, correctional institutions, adaptation, resocialisation, convicts, offenders, cadets, educational organisation

For citation: Pashukova A. D., Kirillova T. V. Methodological foundations for the formation of the readiness of future employees of the penal enforcement system to implement probation functions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 267–276; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-267–276.

Введение

Текущие изменения во всех сферах жизни общества неизбежно сказываются на состоянии образования, а также на содержании, организации и результатах подготовки квалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы. Эти результаты непосредственно зависят от уровня и качества подготовки специалистов для исправительных учреждений, в частности, для выполнения функций пробации в пенитенциарной сфере. Внедрение личностно-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном образовании требует совершенствования существующих теоретических и практических методов подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы, призванных выполнять функции пробации.

Основная часть

С 1 января 2024 г. в России начал действовать Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹. Система пробации представляет собой совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Такие меры будут включать в себя ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов осужденных, контроль и надзор за их поведением, предупреждение совершения ими преступлений и правонарушений.

Законом закреплены три вида пробации:

– *исполнительная* (применяется к находящимся в трудной жизненной ситуации осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества; освобожденным условно-досрочно от отбывания наказаний в виде лишения свободы или принудительных работ; условно осужденным; осужденным с отсрочкой отбывания наказания; осужденным, которым назначено основное наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, и на которых судом возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию);

– *пенитенциарная* (применяется в отношении осужденных к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы в период отбывания наказания, а также в период их подготовки к освобождению);

– *постпенитенциарная* (применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации) [1].

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

Анализ последних исследований показал, что немногие ученые касались вопросов особенностей пенитенциарной пробации. В своих трудах очерчивали вопросы содержания и функций, возложенных на орган пробации, В. М. Поздняков [2], О. Г. Ковалев [3], О. Г. Ананьев [4], Н. А. Цветкова [5], Н. А. Ильиных [6] и др. Что же касается подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) к реализации пробационной функции, то данный аспект не был еще изучен.

Пробация в России как институт, обеспечивающий контроль за поведением правонарушителей и их реинтеграцию в общество, приобретает все большее значение в контексте реформирования уголовно-исполнительной системы². Подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) к реализации функций пробации является приоритетной задачей в свете необходимости эффективного исполнения пробационного контроля и поддержки правонарушителей в процессе их реабилитации.

Сотрудники УИС должны обладать специальными знаниями и навыками для эффективного выполнения функций по реализации пробации, включая оценку факторов риска, выполнение социальных программ и взаимодействие с участниками процесса [7, с. 245]. В 2024 году был осуществлен первый набор курсантов и слушателей по специальности 39.03.02 – Социальная работа (бакалавриат) в двух образовательных организациях ФСИН России: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань) и Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (г. Вологда). Современные реалии требуют внесения изменений в образовательно-профессиональные программы подготовки бакалавров по данной специальности для того, чтобы будущие сотрудники могли эффективно взаимодействовать с государственными органами в сфере социальной политики, в сфере здравоохранения, Министерством внутренних дел Российской Федерации, деятельность которых направлена на решение задач, лежащих в плоскости реализации пенитенциарной пробации.

При подготовке специалистов в сфере социальной работы нужно опираться на практическую составляющую их будущей профессиональной деятельности. Обратимся к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация»³. В соответствии с п. 6 на сотрудников УИС возложены следующие обязанности в сфере пенитенциарной пробации:

- 1) проводят социальную и воспитательную работу с осужденными к принудительным работам и осужденными к лишению свободы;
- 2) оказывают психологическую помощь осужденным в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством;
- 3) оказывают содействие в восстановлении и укреплении социальных связей осужденных;

---

² Потапова Д. А. Служба пробации Российской Федерации: актуальность, организационно-правовые основы, функции и этапы формирования // Потенциал социально-гуманитарного знания в решении актуальных проблем системы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом : сборник материалов IV международного конкурса научных разработок на русском и английском языках, Пермь, 1 февраля 2023 г. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 160.

³ О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (вместе с «Порядком исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации», «Порядком осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи», «Порядком оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве», «Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Порядком подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации») : приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 (зарег. в Минюсте России 30.11.2023, № 76172) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (дата обращения: 10.08.2024).

4) осуществляют подготовку к освобождению осужденных, в т. ч. подготовку индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Опираясь на перечисленные мероприятия, которые необходимо будет выполнять в практической деятельности, курсантов образовательных организаций ФСИН России важно обучить следующим навыкам и знаниям:

1) основы пенитенциарной психологии и педагогики: понимание психологических особенностей лиц, отбывающих наказание, методы диагностики личности осужденных, технологии социально-психологической коррекции и реабилитации;

2) нормативно-правовая база: знание законодательства, регулирующего деятельность УИС, права и обязанности осужденных, порядок их реализации;

3) организация воспитательной работы: методы и формы проведения воспитательных мероприятий, планирование и реализация программ ресоциализации и адаптации;

4) коммуникативные навыки: эффективное общение с различными категориями осужденных, навыки разрешения конфликтных ситуаций;

5) профилактика девиантного поведения: выявление и предупреждение противоправных действий, организация социально-психологической помощи осужденным;

6) взаимодействие с другими службами: координация деятельности с сотрудниками различных подразделений, привлечение представителей общественных организаций и волонтеров.

Важно отметить, что обеспечение эффективной подготовки будущих сотрудников УИС в области пробации подразумевает интеграцию теоретических знаний с практическими навыками. Это создает профессионально готовых специалистов, способных успешно работать в данной сфере⁴.

Ключевым аспектом в подготовке будущих специалистов в сфере пробации становится психологическая готовность. Только наличие высокого уровня сформированности профессиональной компетенции и соответствующего уровня психологической подготовки позволит решать сложные задачи, которые возникнут в повседневной деятельности будущих специалистов [8].

Психологическая подготовка охватывает такие важные аспекты, как формирование профессиональной идентичности (курсантам необходимо осознать свою роль в системе пробации и важность их работы) и развитие эмпатийных навыков (умение сопереживать и понимать переживания позволяет более эффективно проводить реабилитацию и поддержку) [9].

Психологическая подготовка курсантов образовательных организаций ФСИН России является необходимым условием для их успешной профессиональной деятельности в сфере пробации. Эффективная подготовка способствует не только формированию необходимых навыков, но и развитию личностных качеств, которые позволяют успешно взаимодействовать с правонарушителями. Внедрение методов психоподготовки на этапе обучения станет залогом успешной работы специалистов в будущей практике [10].

Итак, пробация представляет собой важный аспект уголовно-исполнительной деятельности. Эффективное выполнение функций пробации возможно лишь при наличии подготовленных специалистов, умеющих работать с разными категориями правонарушителей [11, с. 47]. В связи с этим встает вопрос о модели их подготовки. На рисунке 1 представлена модель формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации.

Модель формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации должна быть динамичной и адаптивной. Она требует комплексного подхода, который учитывает как теоретические, так и практические

⁴ Ведущие ученые и функционирующие на территории Российской Федерации научные школы по уголовно-исполнительному праву : справочник / сост.: Н. С. Малолеткина, А. П. Скиба. – Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 88–110.

аспекты подготовки, а также личностные и социальные компоненты. Успешная реализация данной модели обеспечит высокое качество выполнения функций пробации и в конечном итоге положительное влияние на уголовно-исполнительную систему.

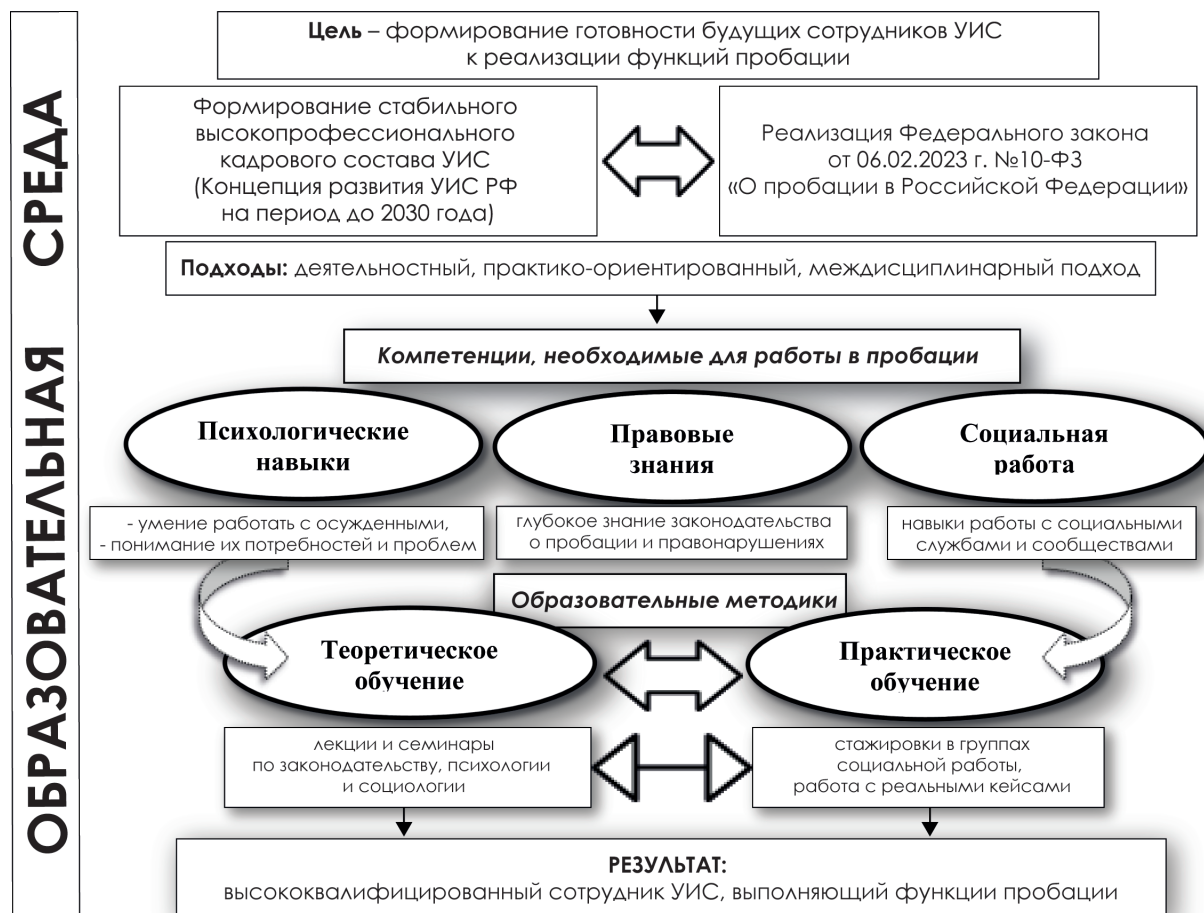

Рис. 1. Модель формирования готовности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации

Результаты

Методической основой подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к реализации функций пробации будут являться:

- 1) *компетентностный подход*. Обучение должно быть направлено на формирование необходимых профессиональных компетенций для работы в сфере пробации, таких как:
  - умение проводить оценку рисков и потребностей осужденных;
  - навыки разработки и реализации индивидуальных программ ресоциализации;
  - способность эффективно взаимодействовать с различными субъектами пробации;
  - умение применять методы социально-психологической работы с осужденными;
- 2) *практико-ориентированный подход*. Необходимо особое внимание уделять практическим занятиям, стажировкам, моделированию реальных ситуаций, чтобы обеспечить приобретение необходимых практических умений и навыков;
- 3) *междисциплинарный подход*. Подготовка должна включать изучение дисциплин из различных областей: юриспруденции, психологии, социальной работы, педагогики и др.;
- 4) *акцент на развитии личностных качеств*. Важно заниматься формированием таких качеств, как эмпатия, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки, ответственность;

5) *использование интерактивных методов обучения.* Применение деловых игр, тренингов, разбор кейсов способствует активному вовлечению обучающихся в образовательный процесс;

6) *связь теории с практикой.* Требуется обеспечить тесное взаимодействие образовательных организаций и учреждений УИС для организации практик и стажировок [12].

Заключение

Таким образом, сегодня перед образовательными организациями ФСИН России остро встал вопрос подготовки кадров для выполнения функций пробации, а именно: в кратчайшие сроки разработать и апробировать необходимые программы, учебно-методическое обеспечение; определить и уточнить в ходе обучения перечень компетенций, обязательных к формированию в процессе профессиональной подготовки курсантов вновь созданных факультетов психологии и пробации.

Предлагаемая авторами модель формирования готовности будущих сотрудников УИС к выполнению функций пробации, механизмы ее реализации в образовательных организациях ФСИН России могут стать крайне важными в решении поставленных задач [13, с. 73].

Основными векторами, определяющими содержание и формы подготовки курсантов, являются, по нашему мнению, понимание концепции пробации; сформированность необходимых профессиональных компетенций; а для командно-преподавательского состава – это разработка методологии и методики обучения; социальной и психологической подготовки; организация практического взаимодействия с территориальными органами по вопросам реализации функций пробации и использование полученных материалов, передового опыта в процессе профессиональной подготовки, поскольку при подготовке специалистов в сфере пробации главный упор делается на практическую составляющую их будущей профессиональной деятельности [14].

Итак, подготовка будущих сотрудников УИС к реализации функций пробации – важная задача, требующая внедрения новых методических подходов и активного взаимодействия образовательных организаций ФСИН России с территориальными органами, занимающимися пробацией, что позволит сформировать у будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимую готовность к реализации функций пробации [15, с. 52]. Это, несомненно, даст возможность повысить качество подготовки специалистов и, как следствие, эффективность системы пробации в целом.

Список литературы

1. Пашукова А. Д., Гаврицкая А. А. Пробация как Система психологической поддержки осужденных после отбывания наказания / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, 11–12 апреля 2024 г. / под ред. И. В. Черемисовой, Т. П. Скрипкиной, Е. Е. Гавриной. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 320–324.

2. Поздняков В. М. Методолого-теоретические ориентиры в психосоциальном обеспечении пробационной деятельности в России / Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников VI международного пенитенциарного форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 г. : в 9 т. – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – Том 2. Материалы пленарного заседания. – С. 111–117.

3. Ковалев О. Г. Актуальные вопросы соблюдения закона при реализации исполнительной пробации учреждениями УИС // Право и управление. – 2024. – № 3. – С. 215–218; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-3-215-218>.

4. *Ананьев О. Г.* Отдельные вопросы применения Федерального закона от 06.02.2023 года № 10 «О пробации Российской Федерации» // *Аграрное и земельное право.* – 2023. – № 4 (220). – С. 163–165; https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_163.

5. *Цветкова Н. А.* Перспективы применения теории и опыта социально-психологических тренингов Б. Д. Парыгина в системе пробации в России / Проблемы социальной психологии и социальной работы : материалы XVII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. – С. 42–43.

6. *Ильиных Н. А.* Трансформация ценностных ориентаций тубинфицированных осужденных как средство пенитенциарной пробации // *Векторы психолого-педагогических исследований.* – 2024. – № 3 (04). – С. 60–69.

7. *Сиряков А. Н., Сирякова Е. О., Метлин Д. Г.* Пробация, исправление и воспитательная работа с осужденными в свете федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // *Вопросы российского и международного права.* – 2023. – Т. 13, № 11А. – С. 243–249; <https://doi.org/10.34670/AR.2024.58.84.028>.

8. *Папукова А. Д.* Формирование психологической готовности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний к деятельности в исправительных учреждениях // *Прикладная юридическая психология.* – 2024. – № 2 (67). – С. 102–108; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.2\(67\).102-108](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.2(67).102-108).

9. *Потанин С. П.* Быть готовым к стрессу : Психологическая подготовка курсантов военных ВУЗОВ // *Вестник военного образования.* – 2019. – № 6 (21). – С. 30–32.

10. *Танаева З. Р.* Общепедагогические принципы подготовки будущих специалистов к работе с несовершеннолетними правонарушителями // *Образование и наука.* – 2010. – № 4 (72). – С. 21–30.

11. *Бородкина Т. А., Самохвал В. Г.* Требования, предъявляемые к профессиональным и психологическим качествам личности сотрудников пенитенциарных учреждений // *Территория науки.* – 2018. – № 1. – С. 45–50.

12. *Додуева О. Ф., Малышева С. Н.* Взаимодействие образовательных организаций ФСИН России и женских исправительных учреждений (на примере ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области) // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* – 2019. – № 11 (210). – С. 17–25.

13. *Колесникова Н. Е.* Использование зарубежного опыта подготовки кадров служб пробации для обучения специалистов уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* – 2017. – № 2 (69). – С. 69–73.

14. *Наумов А. И.* Дидактическое моделирование профессиональной подготовки курсантов военных командных вузов: сущность, содержание и структурные особенности // *Мир науки, культуры, образования.* – 2017. – № 3 (64). – С. 153–156.

15. *Кириллова Т. В.* Опыт взаимодействия пенитенциарной системы и общества в постпенитенциарной реабилитации и ресоциализации осужденных // *Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Пермь, 3–5 апреля 2024 г. / сост. А. И. Согрина.* – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – Т. 1. – С. 51–55.

References

1. *Pashukova A. D., Gavritskaya A. A.* Probatsiya kak Sistema psikhologicheskoy podderzhki osuzhdennykh posle otbyvaniya nakazaniya / *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya : sbornik materialov V Vserossiyskogo simpoziuma (s mezhdunarodnym uchastiyem), posvyashchennogo 145-letiyu ugovovno-ispolnitel'noy sistemy i 90-letiyu Akademii prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, Ryazan', 11–12 aprelya 2024 g. / pod red.*

I. V. Cheremisovoy, T. P. Skripkinoy, Ye. Ye. Gavrinoy. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. – S. 320–324.

2. *Pozdnyakov V. M.* Metodologo-teoreticheskiye oriyentiry v psikhosotsial'nom obespechenii probatsionnoy deyatel'nosti v Rossii / Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye : sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov VI mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma (priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I «Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii»), Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 g. : v 9 t. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2023. – Tom 2. Materialy plenarnogo zasedaniya. – S. 111–117.

3. *Kovalev O. G.* Aktual'nyye voprosy soblyudeniya zakona pri realizatsii ispolnitel'noy probatsii uchrezhdeniyami UIS // Pravo i upravleniye. – 2024. – № 3. – S. 215–218; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-3-215-218>.

4. *Anan'yev O. G.* Otdel'nyye voprosy primeneniya Federal'nogo zakona ot 06.02.2023 goda № 10 «O probatsii Rossiyskoy Federatsii» // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2023. – № 4 (220). – S. 163–165; https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_163.

5. *Tsvetkova N. A.* Perspektivy primeneniya teorii i opyta sotsial'no-psikhologicheskikh treningov B. D. Parygina v sisteme probatsii v Rossii / Problemy sotsial'noy psikhologii i sotsial'noy raboty : materialy XVII Vserossiyskoy Paryginskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2022. – S. 42–43.

6. *Il'inykh N. A.* Transformatsiya tsennostnykh oriyentatsiy tubinfitsirovannykh osuzhdennykh kak sredstvo penitentsiarnoy probatsii // Vektory psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy. – 2024. – № 3 (04). – S. 60–69.

7. *Siryakov A. N., Siryakova Ye. O., Metlin D. G.* Probatsiya, ispravleniye i vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi v svete federal'nogo zakona «O probatsii v Rossiyskoy Federatsii» // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2023. – T. 13, № 11A. – S. 243–249; <https://doi.org/10.34670/AR.2024.58.84.028>.

8. *Pashukova A. D.* Formirovaniye psikhologicheskoy gotovnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy k deyatel'nosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2024. – № 2 (67). – S. 102–108; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.2\(67\).102-108](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.2(67).102-108).

9. *Potanin S. P.* Byt' gotovym k stressu : Psikhologicheskaya podgotovka kursantov voyennykh VUZOV // Vestnik voyennogo obrazovaniya. – 2019. – № 6 (21). – S. 30–32.

10. *Tanayeva Z. R.* Obshchepedagogicheskiye printsipy podgotovki budushchikh spetsialistov k rabote s nesovershennoletnimi pravonarushitelyami // Obrazovaniye i nauka. – 2010. – № 4 (72). – S. 21–30.

11. *Borodkina T. A., Samokhval V. G.* Trebovaniya, pred'yavlyayemyye k professional'nyim i psikhologicheskim kachestvam lichnosti sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdeniy // Territoriya nauki. – 2018. – № 1. – S. 45–50.

12. *Doduyeva O. F., Malysheva S. N.* Vzaimodeystviye obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii i zhenskikh ispravitel'nykh uchrezhdeniy (na primere FKU IK-1 UFSIN Rossii po Vladimirskoy oblasti) // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. – 2019. – № 11 (210). – S. 17–25.

13. *Kolesnikova N. Ye.* Ispol'zovaniye zarubezhnogo opyta podgotovki kadrov sluzhby probatsii dlya obucheniya spetsialistov ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy FSIN Rossii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2017. – № 2 (69). – S. 69–73.

14. *Naumov A. I.* Didakticheskoye modelirovaniye professional'noy podgotovki kursantov voyennykh komandnykh vuzov: sushchnost', sodержaniye i strukturnyye osobennosti // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2017. – № 3 (64). – S. 153–156.

15. *Kirillova T. V.* Опыт взаимодействия пенитенциарной системы и общества в постпенитенциарной реабилитации и ресоциализации осужденных // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Перм', 3–5 апреля 2024 г. / сост. А. И. Согрина. – Перм': Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – Т. 1. – С. 51–55.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 3, 2024; approved after reviewing November 3, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья
УДК 378.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-277-295>

Антон Алексеевич Рожков

кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid/0000-0003-1890-0368>, anrozkov@mail.ru

Елена Геннадьевна Беляева

кандидат юридических наук
belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Развитие приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел»

Аннотация: Введение. В статье раскрываются положения, направленные на развитие приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». Авторы приводят историческую справку о развитии ведомственного образования органов внутренних дел и появлении специализации (профилизации) образовательных организаций системы МВД России и анализ научных статей, посвященных данной проблематике. В соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России»¹ Санкт-Петербургский университет МВД России наделен функциями учебно-научного центра, деятельность которого направлена на подготовку сотрудников для подразделений по работе с личным составом; оказание методической помощи органам, организациям, подразделениям МВД России в разрешении выявленных проблем, обеспечение их информационно-справочными материалами; на научное обеспечение служебной деятельности. В статье представлен анализ результатов работы университета по реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 г. по 2024 г. Предметом анализа явились основные профессиональные образовательные программы, программы дополнительного профессионального образования, программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), реализуемые в университете; методическая работа, проводимая в интересах подразделений по работе с личным составом органов, организаций МВД России; проводимые научно-представительские и организационно-методические мероприятия в рамках реализации приоритетного профиля подготовки в университете. Результатом проведенного анализа являются выводы авторов о факторах, сдерживающих развитие приоритетного профиля подготовки в университете и необходимости преобразования организационной структуры, обеспечивающей реализацию приоритетного профиля подготовки. **Цель:** поиск путей совершенствования деятельности по развитию приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». **Методы.** В процессе исследования применялись методы: формальной логики, анализа нормативных правовых актов, системный, исторический, статистический анализ. **Результаты:** Полагаем, что описанный в статье опыт реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» и выявленные противоречия в данном направлении деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России позволяют определить перспективы дальнейшего развития приоритетного профиля подготовки.

© Рожков А. А., Беляева Е. Г., 2024

¹ О профилизации образовательных организаций МВД России : приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 (ред. от 02.08.2013). – Документ опубликован не был.

Ключевые слова: подготовка кадров, приоритетный профиль подготовки, подразделения по работе с личным составом, учебно-научный комплекс

Для цитирования: Рожков А. А., Беляева Е. Г. Развитие приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 277–295; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-277-295>.

Original article

Anton A. Rozhkov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid/0000-0003-1890-0368>, anrozkov@mail.ru

Elena G. Belyaeva

Cand. Sci. (Jurid.)

belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Development of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of the Ministry of the Interior of Russia”

Abstract: Introduction. The article describes the aspects aimed at the development of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of the Ministry of the Interior of Russia”. The authors give historical information about the development of departmental education of law enforcement bodies and the formation of leading fields of study among educational institutions of the Ministry of the Interior as well as analyse scientific articles describing the issue. According to the Federal Order of the RF Ministry of the Interior No. 820 of 29 August 2012 “On fields of study of educational establishments of the RF Ministry of the Interior”, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (the MIA of Russia) is assigned the functions of the training and research centre, which aims to train employees for personnel departments; provide methodological assistance to the agencies, organisations, departments of the MIA of Russia to solve the identified problems; provide reference materials and scientific support of official activities. The article reviews the results of the university’s work in implementing the leading field of study between 2021 and 2024. The subject of the analysis is the university’s main professional educational programmes, programmes of additional professional education, programmes of training of scientific and scientific-pedagogical personnel at postgraduate studies; methodological activities carried out for the benefit of personnel management departments of law enforcement agencies and organisations; scientific and methodological events to in the framework of the leading field of study. The result of the analysis is the authors’ conclusions about the factors limiting the development of the university’s leading field of study and the necessity to transform the organisational structure that ensures its implementation. **The aim** is to find ways to improve the development of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of law enforcement agencies”. **Methods.** The study used the following methods: formal logic, the analysis of normative legal acts, systematic, historical, statistical analysis. **Results.** We believe that the experience in the implementation of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of law enforcement agencies” and the contradictions revealed will determine the future potential for growth of the leading field of study.

Keywords: personnel training, leading field of study, personnel management departments, training and research centre

For citation: Rozhkov A. A., Belyaeva E. G. Development of the leading field of study “Activities of the Personnel and Personnel Management Department of the Ministry of the Interior of Russia” // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 277–295; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-277-295>.

Введение

Вопросам реализации приоритетных профилей подготовки в образовательных организациях системы МВД России, посвящены научные публикации И. Ф. Амельчакова [1; 2], А. В. Богуцкого [3], О. М. Булгакова [4], В. В. Важенина [5], Я. Е. Верхоглядова [6], К. В. Вишневецкого [7], А. Х. Войтович [8], Р. Д. Галиевой [9], В. Ф. Гольчевского [10], С. А. Гречаного [11], А. Г. Гришакова [12], С. А. Егорова [13], В. С. Зырянова [10], И. А. Калининченко [26], А. П. Нахимова [14], А. Л. Осипенко [15], К. Д. Рыдченко [16], И. В. Сидоровой [17], Н. В. Тингаевой [18; 19], В. В. Тырышкина [20], А. Ю. Ушакова [21], С. О. Харламова [13], Е. Е. Черных [22], Д. Г. Шашина [23], в которых раскрываются разные аспекты данного направления деятельности. Каждый из упомянутых источников по-своему интересен для определения перспектив развития приоритетных профилей подготовки, т. к. раскрывает опыт работы образовательных организаций системы МВД России в этой сфере, описывает возникающие затруднения, излагает пути дальнейшего совершенствования деятельности.

С позиции изучаемого нами вопроса заслуживает особого внимания статья И. Ф. Амельчакова, опубликованная в периодическом издании «На страже закона» [1], которая содержит концептуальные идеи, стратегическую цель и стратегические ориентиры по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел и развитию приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». Для реализации предложенных И. Ф. Амельчаковым идей требуется их всесторонний научный анализ, практическое осмысление того, что уже сделано в Санкт-Петербургском университете МВД России по реализации приоритетного профиля подготовки, какой опыт является положительным и какие имеются противоречия в данном направлении деятельности.

Методы

При подготовке научной статьи авторами применялись исторический метод, метод формальной логики, анализ нормативных правовых актов, системный метод, статистический анализ.

Результаты

Совершенствование системы подготовки кадров для органов внутренних дел всегда являлось важным направлением кадровой политики МВД России (РСФСР) [24]. Актуальность данного направления сохраняется в настоящее время и определяется новыми вызовами и угрозами [25], а также задачами, поставленными перед органами внутренних дел².

Определение приоритетных направлений развития ведомственного образования системы МВД России обусловлено как современными противоречиями, обнаруживающимися в системе подготовки кадров для органов внутренних дел, так и историческим опытом развития органов внутренних дел³.

Период 1918 – начало 1930-х гг. считается этапом создания централизованной системы подготовки кадров для органов внутренних дел и возникновения ведомственного образования МВД России (НКВД РСФСР). В эти годы на государственном уровне создаются образовательные организации, школы и краткосрочные курсы, деятельность которых направлена на профессиональную подготовку кадров для органов внутренних дел. Необходимость их создания определялась сменой политического режима, экономического и социального строя, потребностью в подготовке кадров для правоохранительной системы Советского государства.

Выделяемый учеными-историками период начала 1930-х – 1991 гг. является достаточно продолжительным и ознаменовался переходом на качественно новый уровень в подготовке кадров для органов внутренних дел СССР. Были созданы десятки ведомственных обра-

² Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 2 км : приказ МВД России от 1 июля 2024 г. № 372 // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/409559291/> (дата обращения: 15.08.2024).

³ История органов внутренних дел дореволюционной России : учебное пособие / Н. В. Михайлова, А. Н. Никитин, А. Е. Епифанов [и др.] ; под ред. Н. В. Михайловой, А. Н. Никитина. – 2-е изд., перераб. и доп.. – Москва: Юнити-Дана, 2023. – 336 с.

зовательных организаций среднего и высшего профессионального образования, создано Управление учебных заведений НКВД СССР⁴. В марте 1957 г. была открыта адъюнктура в Академии МВД СССР, что позволило осуществлять подготовку научно-педагогических кадров в органах внутренних дел и активизировало проведение научных исследований в интересах правоохранительной деятельности.

8 января 1966 г. была организована Высшая следственная школа при Министерстве охраны общественного порядка РСФСР. Это событие можно считать началом углубленной специализации образовательных организаций в подготовке кадров для органов внутренних дел. Дальнейшая специализация ведомственных образовательных организаций позволила создать многопрофильную систему профессиональной подготовки и переподготовки кадров для органов внутренних дел.

Важным событием, закрепляющим специализированный статус образовательных организаций системы МВД России, стало издание приказа МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России»⁵, в соответствии с которым за образовательными организациями системы МВД России были закреплены приоритетные профили подготовки. Закрепление осуществлялось обоснованно и учитывало уникальный опыт, накопленный каждой образовательной организацией в подготовке кадров соответствующей категории (профессионального профиля).

В соответствии с приказом за Санкт-Петербургским университетом МВД России (далее – университет) был закреплен приоритетный профиль подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». Университет является единственной образовательной организацией в системе МВД России, которая осуществляет подготовку специалистов для подразделений по работе с личным составом.

В настоящее время университет представляет собой современное классическое высшее учебное заведение, бережно относящееся к сохранению традиций высшего образования и науки, памяти ветеранов и истории органов внутренних дел. Он стал учебно-научным центром, который разрабатывает учебно-программную документацию для подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом; готовит необходимые методические и справочные материалы для органов, организаций, подразделений МВД России для осуществления кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел⁶; осуществляет научное обеспечение деятельности органов внутренних дел в соответствии с закрепленным приоритетным профилем подготовки⁷.

Анализ задач, стоящих перед университетом по реализации приоритетного профиля подготовки, позволяет разделить их на три направления:

– подготовка сотрудников для подразделений по работе с личным составом, их обучение по программам высшего и среднего профессионального образования, программам

⁴ Кобозев А. А. Современная система подготовки кадров органов внутренних дел: теоретические, организационные и правовые вопросы формирования и развития : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2007. – С. 650.

⁵ В приказ внесены изменения и дополнения приказами МВД России от 2 августа 2013 г. № 591 «О внесении изменений в приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России», от 28 ноября 2022 г. № 903 «О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам деятельности образовательных организаций системы МВД России».

⁶ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

⁷ Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России (вместе с «Общими положениями организации научного обеспечения, научной и научно-технической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением об организации научной деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением об организации научно-технической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Научном совете МВД России», «Типовым положением о научно-практической секции», «Типовым положением о комиссии по приемке результатов научно-исследовательских работ, подготовленных образовательными и научными организациями системы МВД России, ЭКЦ МВД России», «Типовым положением о группе экспертов образовательной (научной) организации системы МВД России», «Положением о научных школах в системе МВД России», «Положением о выявлении, применении и распространении положительного опыта в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», «Требованиями к форме и порядку оформления документов (в том числе отчетных) в сфере научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», «Инструкцией о порядке регистрации и учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и диссертационных исследований в системе МВД России») : приказ МВД России от 28.04.2023 г. (ред. от 18.06.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=824308#Zci3OWU28JTeYJwA1> (дата обращения: 15.08.2024). – Документ опубликован не был.

дополнительного профессионального образования, подготовка научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре⁸.

– мониторинг проблем, возникающих в служебной деятельности у сотрудников подразделений по работе с личным составом, оказание им методической помощи в разрешении выявленных проблем и обеспечение их информационно-справочными материалами;

– научное обеспечение служебной деятельности подразделений по работе с личным составом органов и организаций МВД России, проведение научно-представительских мероприятий, выполнение заказных и инициативных научно-исследовательских работ в интересах служебной деятельности.

В рамках первого направления университет осуществляет обучение курсантов и слушателей по специальностям 40.05.02 – Правоохранительная деятельность (специализации – «Воспитательно-правовая»; «Деятельность подразделений по работе с личным составом»); 37.05.02 – Психология служебной деятельности (специализации – «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности», «Психологическое обеспечение служебной деятельности»); по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка (профиль образовательной программы – Деятельность подразделений по работе с личным составом). В соответствии с федеральными государственными требованиями ведется подготовка научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре по научным специальностям 5.8.7 Методология и технология профессионального образования и 5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности. Также университет реализует программы дополнительного профессионального образования в интересах подразделений по работе с личным составом, в т. ч. с применением дистанционных образовательных технологий, что является в современных условиях необходимым. В 2021 г. университетом было реализовано 2 программы, в 2022 г. – 8, в 2023 г. – 7, в 2024 г. – 9 (таблица 1).

Таблица 1

**Программы дополнительного профессионального образования
повышения квалификации и профессиональной переподготовки,
реализуемые университетом в рамках приоритетного профиля подготовки,
за период с 2021 г. по 2024 г.**

№ п/п	Наименование программы дополнительного профессионального образования повышения квалификации и профессиональной переподготовки
2021	
1.	Сотрудники подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений, подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
2.	Руководящий состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
2022	
1.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация культурно-просветительской работы»
2.	Сотрудники подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
3.	Психологи подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации и Росгвардии по теме «Психология кризисных состояний».
4.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности»
5.	Начальники курсов (их заместители), командиры взводов образовательных организаций МВД России по теме «Организация воспитательной работы с обучающимися образовательных организаций МВД России»

⁸ Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов) : приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 (ред. от 7 февраля 2023 г.) (зарег. в Минюсте России 23 ноября 2021 г., № 65943) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>).

6.	Руководящий состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
7.	Курс повышения квалификации «Актуальные вопросы воспитательной работы и расстановка кадров в деятельности органов внутренних дел» (сотрудники правоохранительных органов государств-участников СНГ)
8.	Сотрудники, включенные в кадровый резерв Санкт-Петербургского университета МВД России
2023	
1.	Сотрудники подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
2.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности»
3.	Начальники курсов (их заместители), командиры взводов образовательных организаций МВД России по теме «Организация воспитательной работы с обучающимися образовательных учреждений»
4.	Психологи подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации и Росгвардии по теме «Психология кризисных состояний»
5.	Руководящий состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
6.	Сотрудники, включенные в кадровый резерв Санкт-Петербургского университета МВД России
7.	Программа профессиональной переподготовки «Психологи подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющие специальные психофизиологические исследования с применением полиграфных устройств»
2024	
1.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация культурно-просветительской работы»
2.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности»
3.	Руководящий состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
4.	Сотрудники подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений, подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации
5.	Начальники курсов (их заместители), командиры взводов образовательных организаций МВД России по теме «Организация воспитательной работы с обучающимися образовательных организаций»
6.	Психологи подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации и Росгвардии по теме «Психология кризисных состояний»
7.	Руководящий и инспекторский состав подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Организация информационного противоборства в деятельности органов внутренних дел»
8.	Сотрудники, включенные в кадровый резерв территориальных органов МВД России
9.	Программа профессиональной переподготовки «Психологи подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющие специальные психофизиологические исследования с применением полиграфных устройств»

Изучение университетом образовательных потребностей органов, организаций, подразделений МВД России позволило выявить необходимость в разработке и реализации новых программ дополнительного профессионального образования повышения квалификации по темам: «Психологическая коррекция и реабилитация сотрудников органов

внутренних дел, выполняющих оперативно-служебные задачи в особых условиях», «Особенности организации и проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при комплектовании территориальных органов внутренних дел на вновь присоединенных территориях Российской Федерации», «Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа при проведении служебных проверок». Данные программы были своевременно подготовлены, внедрены в образовательный процесс и готовы к реализации в 2025 году.

В университете развивается учебно-лабораторная база в рамках реализации приоритетного профиля подготовки. В соответствии с Программой развития университета⁹ в 2024 году завершена работа по вводу в эксплуатацию лаборатории (класса) морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, двух классов для проведения психологических тренингов, лаборатории (класса) психофизиологии, лаборатории (класса) психодиагностики. На плановой основе приглашаются сотрудники территориальных органов МВД России для проведения практических занятий с курсантами и слушателями по дисциплинам специализации, что позволяет создавать необходимые педагогические условия для совершенствования подготовки специалистов для подразделений по работе с личным составом.

В рамках второго направления университет готовит методические и информационно-справочные материалы в интересах подразделений по работе с личным составом органов, организаций МВД России. В 2024 г. были подготовлены и направлены 6 методических материалов, в 2023 г. – 6, в 2022 г. – 5, в 2021 г. – 5 (таблица 2).

Таблица 2

**Методические и информационно-справочные материалы,
подготовленные университетом в рамках приоритетного профиля подготовки
за период с 2021 г. по 2024 г.**

№ п/п	Наименование методических материалов
2021	
1.	Методические рекомендации «Психологическая работа с сотрудниками органов внутренних дел по профилактике дорожно-транспортных происшествий».
2.	Методические рекомендации «Формирование морально-психологической устойчивости личного состава, управление психологическим состоянием в условиях воспрепятствования законной деятельности сотрудников органов внутренних дел».
3.	Тестовые задания для оценки кандидатов на обучение в образовательные организации МВД России по программе высшего образования по специальности 37.05.02 – Психология служебной деятельности из числа сотрудников правоохранительных органов иностранных государств (2021 г.).
4.	Предложения по содержанию методических рекомендаций, направленных на реализацию приказа МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», раздел «Организация психологической работы».
5.	Методические рекомендации по использованию воспитательного потенциала процесса преподавания общеюридических и специальных дисциплин.
2022	
1.	Методические материалы и тестовые задания для проведения занятий по морально-психологической подготовке сотрудников органов, организаций, подразделений МВД России темам «Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как один из приоритетов государственной политики» и «Формирование нравственно-этических основ поведения сотрудников органов внутренних дел: современные подходы и технологии».
2.	Проект типовой рабочей программы воспитания и типового календарного плана, которые должны послужить методической основой организации воспитательной работы в образовательных организациях МВД России и оказать помощь субъектам образовательных отношений в разработке структуры и содержания рабочей программы воспитания конкретной образовательной организации МВД России.
3.	Методические материалы и тестовые задания для занятий по морально-психологической подготовке сотрудников органов, организаций, подразделений МВД России по теме «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел, его влияние на сплочение служебных коллективов органов, организаций, подразделений МВД России и поддержание в них на должном уровне служебной дисциплины и законности».

⁹ Программа развития федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» на 2023–2027 годы. – Документ опубликован не был.

4.	Методические материалы (рабочая лекция, тесты) по программе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по теме «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов и подразделений МВД России в особых условиях».
5.	В составе рабочей группы подготовлены предложения в проект федерального закона в рецензировании проекта федерального закона «О внесении изменений в федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».
2023	
1.	Методические рекомендации по проведению уроков мужества в рамках государственно-правового информирования, посвященных 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.
2.	Предложения к проекту методических рекомендаций по подбору специалистов для психологических служб образовательных организаций высшего образования, разработанных Департаментом государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.
3.	Предложения к проекту методических рекомендаций по организации просветительской деятельности в образовательных организациях высшего образования, поступивших из Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.
4.	Предложения по обновлению реестра методик и программ психологической работы, применяемых психологами подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации.
5.	Методические материалы, тестовые задания и видеолекция для проведения занятий по морально-психологической подготовке сотрудников органов, организаций и подразделений МВД России на 2024 год по теме «Методы и приемы психологической саморегуляции в системе профилактики профессионального стресса. Особенности управления личным составом в экстремальной ситуации (для руководителей)».
6.	Видеоматериалы об истории, традициях, преподавателях и наставниках Санкт-Петербургского университета МВД России, приуроченные ко Дню учителя (2023 г.)
2024	
1.	Методические рекомендации по проектированию и организации работы сенсорных комнат в психологических службах образовательных организаций высшего образования, а также по подбору специалистов для психологических служб образовательных организаций высшего образования
2.	Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел: защита сотрудников от негативного информационного воздействия деструктивных сил : методические рекомендации
3.	Методические рекомендации по профессиональному психологическому отбору кандидатов на обучение по программам подготовки специалистов в области эксплуатации беспилотных авиационных систем, включающих в себя одно или несколько беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее, подготовленные коллективом авторов университета в целях обеспечения качества подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению задач полиции с применением беспилотных воздушных судов.
4.	Методические материалы к приказу МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»
5.	Справочник сотрудника подразделения по работе с личным составом (по направлениям деятельности)
6.	Программа профессиональной адаптации выпускников Санкт-Петербургского университета МВД России на 1, 2, 3-м годах службы, замещающих должность сотрудника отдела кадров управления по работе с личным составом территориального органа МВД России.

С 2023 года университет принимает активное участие в проведении открытых лекций в рамках образовательного проекта «Научный лекторий»¹⁰ и в проведении занятий в системе единых дней государственно-правового информирования с личным составом территориальных органов МВД России¹¹. Ведущие ученые и специалисты университета на высоком профессиональном уровне проводят занятия и делятся опытом по вопросам морально-пси-

¹⁰ Письмо ГУРЛС МВД России от 30.05.2023 г. № 21/16/10571. – Документ опубликован не был.

¹¹ Распоряжение МВД России от 30 марта 2024 г. №1/3779 «О лекторской группе». – Документ опубликован не был.

хологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Анализ проведения занятий показал, что наиболее востребованными темами являются «Защита личного состава органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия», «Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: теория и практика», «Государственно-патриотическая ориентация религиозных организаций традиционных конфессий Российской Федерации по линии их взаимодействия с органами внутренних дел», «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, укрепление общероссийской гражданской идентичности и сохранение государственного суверенитета», «Методы и приемы психологической саморегуляции в системе профилактики профессионального стресса. Особенности управления личным составом в экстремальной ситуации».

На основе проведенного анализа актуальности для территориальных органов МВД России тематики проводимых занятий в университете были разработаны новые темы занятий: «Формирование государственно-патриотического мировоззрения сотрудников органов внутренних дел: история, содержание и технологии работы», «Искусственный интеллект и дезинформация, пути противодействия новым способам влияния на сознание личного состава органов внутренних дел», «Психологические способы самопомощи в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности», «Суицидальное поведение: признаки и способы предотвращения», по которым будут проводиться занятия в 2025 году. Данный подход позволяет учитывать интересы территориальных органов МВД России, повысить уровень взаимодействия с ними, а в конечном итоге – результативность проводимых занятий и уровень профессиональной подготовки сотрудников.

В рамках третьего направления университет на регулярной основе проводит научно-представительские и организационно-методические мероприятия. Так, в 2024 г. было проведено 16 мероприятий, в 2023 г. – 14, 2022 г. – 10, 2021 г. – 8 (таблицы 3, 4, 5).

Таблица 3

Сведения о научно-представительских и организационно-методических мероприятиях, проведенных университетом с органами, организациями, подразделениями МВД России в рамках приоритетного профиля подготовки в период с 2021 г. по 2024 г.

Виды мероприятий	Год			
	2021	2022	2023	2024
Организационно-методические	2	2	4	8
Научно-представительские	6	8	10	8

Таблица 4

Перечень организационно-методических мероприятий, проведенных в рамках реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 г. по 2024 г.

№ п/п	Наименование мероприятия
2021	
1.	Семинар-совещание «Проблемы профессиональной ориентации отбора молодежи на обучение в образовательные организации МВД России и службу в ОВД»
2.	Семинар-совещание по актуальным вопросам комплектования университета и его филиалов переменным составом
2022	
1.	Семинар-совещание с руководителями на тему: «Организация информационного противодействия в ОВД: современные приоритеты»
2.	Семинар-совещание по актуальным вопросам комплектования университета и его филиалов переменным составом
3.	Круглый стол «Профориентация: возможности и перспективы»

2023	
1.	Круглый стол «От милиции к полиции через эпохи и традиции», посвященный 105- летию кадровой службы МВД России
2.	Круглый стол «Актуальные проблемы совершенствования воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России»
3.	Круглый стол «Воспитание традиционных ценностей в условиях образовательных организаций МВД России и противодействие распространению деструктивной идеологии»
4.	Семинар-совещание «Проблемы профессиональной ориентации отбора молодежи на обучение в образовательные организации МВД России и службу в ОВД»
2024	
1.	Семинар-совещание «Научное и методическое обеспечение морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел: состояние и перспективы»
2.	Круглый стол «Я хочу служить в полиции», посвященный созданию кадетских классов в общеобразовательных организациях и обсуждению содержания дополнительных общеразвивающих программ военно-патриотической, духовно-нравственной, правоохранительной направленности, реализуемых в общеобразовательных организациях
3.	Круглый стол «Успешные практики воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России»
4.	Семинар-совещание «Проблемы профессиональной ориентации и отбора молодежи на обучение в образовательные организации МВД России и службу в органы внутренних дел»
5.	Круглый стол «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционной российской духовно-нравственной ценности – крепкая семья. Профилактика домашнего насилия»
6.	Тематическое мероприятие – вечер-портрет, посвященный 100-летию ветерана Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, полковника милиции в отставке Владимира Алексеевича Берчикова
7.	Творческий конкурс стихотворений, посвященный ветерану Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. полковнику милиции в отставке Владимиру Алексеевичу Берчикову
8.	Круглый стол «Формирование морально-психологической устойчивости курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к деструктивному информационно-психологическому воздействию»

Таблица 5

Перечень наиболее значимых научно-представительских мероприятий, проводимых в университете в рамках реализации приоритетного профиля подготовки

№ п/п	Наименование мероприятия
1.	Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения)»
2.	Международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики»
3.	Всероссийская научно-практическая конференция «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития»

Кроме того, важной составляющей научного обеспечения деятельности подразделений по работе с личным составом органов, организаций МВД России является выполнение уни-

верситетом заказных и инициативных научно-исследовательских работ. За период с 2021 по 2024 гг. авторскими коллективами университета выполнено 148 научно-исследовательских работ, из них 16 по заявкам подразделений центрального аппарата и территориальных органов МВД России (таблица 6).

Таблица 6

Сведения о выполнении научно-исследовательских работ университетом в рамках реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 г. по 2024 г.

Основание для выполнения	2021	2022	2023	2024
Инициатива университета	40	33	26	33
По заявкам	1	5	3	7
Всего	41	38	29	40

Прослеживается положительная динамика количества научно-исследовательских работ, выполняемых университетом по заявкам подразделений центрального аппарата и территориальных органов МВД России (таблица 7), что свидетельствует о высоком научном потенциале университета, понимание им актуальности проблем в области морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел и способности своевременно реагировать и оказывать помощь в разрешении проблемных вопросов, возникающих в деятельности органов, организаций, подразделений МВД России.

Таблица 7

Научно-исследовательские работы, выполненные в рамках реализации приоритетного профиля подготовки по заявкам центрального аппарата и территориальных органов МВД России за период с 2021 г. по 2024 г.

№ п/п	Наименование (тема) работы	Вид выходных результатов	Заказчик
2021			
1.	Психологическая профилактика эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел на транспорте	Учебно-методическое пособие	УТ МВД России по СЗФО
2022			
1.	Психологическое сопровождение деятельности сотрудников полиции при проведении массовых мероприятий	Методические рекомендации	УМВД России по Архангельской области
2.	Психолого-педагогические основы поддержания служебной дисциплины и законности в подразделениях на транспорте МВД России	Методические рекомендации	УТ МВД России по СЗФО
3.	Технология комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД	Методические рекомендации	ГУ МВД России по Челябинской области
4.	Изучение социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации	Методические рекомендации	ДГСК МВД России
5.	Психологическая работа с резервом кадров на выдвижение на должности руководителей подразделений органов внутренних дел на транспорте	Методические рекомендации	Заявка УТ МВД России по СЗФО
2023			
1.	Формы и методы воспитательной работы с различными категориями сотрудников органов внутренних дел на транспорте	Практическое пособие	УТ МВД России по СЗФО

2.	Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел Российской Федерации	Учебно-методическое пособие	ГУРЛС МВД России
3.	Организация индивидуальной воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании	Методические рекомендации	ГУ МВД России по г. СПб и ЛО
2024			
1.	Психологическая работа с сотрудниками сводных отрядов полиции, направляемых в новые субъекты Российской Федерации	Методические рекомендации	ГУРЛС МВД России
2.	Психологическая реабилитация сотрудников после выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях, в том числе получивших ранение	Методические рекомендации	МВД России по Республике Мордовия
3.	Психологическая реабилитация сотрудников органов внутренних дел на транспорте, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях	Учебно-методическое пособие	УТ МВД России по СЗФО
4.	Методика организации наставничества над молодыми сотрудниками территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте	Методические рекомендации	МВД России по СЗФО
5.	Психологическая работа с членами семьи сотрудника, находящегося в командировке в особых условиях, и оказание психологической помощи при потере близких	Методические рекомендации	МВД по Республике Мордовия

За период с 2021 г. по 2024 г. авторскими коллективами университета в рамках реализации приоритетного профиля подготовки подготовлено 128 изданий учебной, учебно-методической, научной, научно-методической и справочной литературы общим тиражом 8 220 экземпляров. Наиболее значимыми для практической деятельности подразделений по работе с личным составом являются издания, представленные в таблице 8.

Таблица 8

Перечень изданий, подготовленных университетом в рамках реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 г. по 2024 г. (наиболее востребованные в деятельности подразделений по работе с личным составом органов, организаций МВД России)

№ п/п	Наименование и вид издания
1.	Миронкина О. Н., Игошин Н. А., Смородина В. А., Шабанов И. Э., Паншина С. В., Николишин Р. В. Организация подготовки кадров для органов внутренних дел : учебное пособие / под общ. ред. О.Н. Миронкиной. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – 196 с.
2.	Шаповал В. А., Рожков А. А., Елесина И. Г., Багдасаров Ю. В. Психология профессионального здоровья : учебное пособие / под общ. ред. В.А. Шаповала. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 108 с.
3.	Кобозев И. Ю., Ермаков А. Г., Белянкина В. А., Хвезенко С. П., Шаранов Ю. А., Громыко Е. С. Психологическое обеспечение служебной деятельности : учебное пособие / под общ. ред. И. Ю. Кобозева. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 128 с.
4.	Кобозев И. Ю., Шленков А. В., Семакова А. И., Белянкина В. А., Мартынов М. А. Психология стресса и стрессо-устойчивого поведения : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 144 с.
5.	Ермаков А. Г., Вашкевич А. В., Рожков А. А., Белянкина В. А., Кутырев М. А., Шаповал В. А., Зуева Е. Г., Дзьоник Д. В. Психология агрессии и терроризма : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 80 с.

6.	Семакова А. И., Зуева Е. Г., Белов В. В., Вашкевич А. В., Дзьоник Д. В., Шаповал В. А., Юренкова В. А., Кислова Н. А. Психология кризисных и экстремальных ситуаций : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 116 с.
7.	Вашкевич А. В., Жидкова О. А., Рожков А. А., Шаповал В. А., Юренкова В. А. Психология воздействия. Информационно-психологическое воздействие : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 148 с.
8.	Алексеев А. А., Чимаров С. Ю., Паншина С. В. Организационно-правовые основы работы с кадрами органов внутренних дел : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 272 с.
9.	Ермаков А. Г., Белянкина В. А., Золотенко В. А. Практикум психологического портретирования: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 72 с.
10.	Кобозев И. Ю., Зуева Е. Г., Ермаков А. Г., Белянкина В. А. Психологическая работа с личным составом органов внутренних дел. Организация психологической службы в органах внутренних дел : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 240 с.
11.	Зуева Е. Г., Жидкова О. А. Тренинг навыков по взаимодействию с лицами с ограниченными возможностями : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 108 с.
12.	Марченко Г.В., Бялт В.С., Косолапов А.Д. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными организациями: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. – 84 с.
13.	Белянкина В. А., Кустова А. П. Теория и практика применения полиграфных устройств в органах внутренних дел. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 144 с.
14.	Вашкевич А. В., Дзьоник Д. В., Попинако Е. А., Белянкина В. А. Психологическая профилактика нарушения служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 96 с.
15.	Сошникова И. А., Косолапов А. Д., Бородавко Л. Т. Организация культурно-просветительской работы в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – 64 с.
16.	Марченко Г. В., Чимаров С. Ю., Косолапов А. Д., Пасынков В. В., Паншина С. В. Организация информационного противоборства в средствах массовой информации в деятельности органов внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – 96 с.
17.	Бялт В. С., Косолапов А. Д., Игошин Н. А., Чимаров С. Ю. Государственная служба в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 60 с.
18.	Тоньшев А. В., Смородина В. А. Организация воспитательной работы в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 92 с.
19.	Марченко Г. В., Сошникова И. А., Маякова Е. О. Культурно-просветительская работа в органах внутренних дел: технологии эстетического воспитания сотрудников : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 88 с.
20.	Миронкина О. Н., Смородина В. А. Организация работы с кадрами в органах внутренних дел. Часть 1 : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 80 с.
21.	Душкин А. С., Иванова А. М., Буторина Л. С., Мартиросова Н. В. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников полиции при проведении массовых мероприятий : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 60 с.
22.	Смородина В. А., Марченко Г. В. Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 96 с.
23.	Смородина В. А. Организация работы с кадрами в органах внутренних дел: учебно-методическое пособие: Часть 2. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 96 с.

24.	Марченко Г. В., Смородина В. А., Юренкова В. А., Косолапов А. Д., Маякова Е. О. Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 144 с.
25.	Смородина В. А., Тонышев А. В., Марченко Г. В. Организация воспитательной работы в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 108 с.
26.	Марченко Г. В., Игошин Н. А. Организация воинского учета и бронирования граждан : учебно-практическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 92 с.
27.	Смородина В. А., МIRONкина О. Н. Проведение проверок в работе с личным составом органов внутренних дел : учебно-практическое пособие. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 76 с.
28.	Смородина В. А., Вашкевич А. В. Организация обеспечения функционирования официальных сайтов органов и подразделений МВД России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : методические рекомендации. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – 84 с.
29.	Смородина В. А., Косолапов А. Д., МIRONкина О. Н. Основы организации работы руководителя органа (подразделения) внутренних дел с личным составом : методические рекомендации. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 108 с.
30.	Смородина В. А., Вашкевич А. В. Организация и методика проведения бесед и собеседований в работе с личным составом органов внутренних дел : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. – 160 с.
31.	МIRONкина О. Н., Гейжан Н. Ф. Интенсификация обучения сотрудников кадровых подразделений территориальных органов МВД России в системе повышения квалификации : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 192 с.
32.	Шаповал В. А. Исследование социально-психологического климата в коллективе с использованием методики психогеометрических ассоциаций : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – 164 с.
33.	Селин П. В., Илакавичус М. Р. Подготовка начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России к совместной воспитательной деятельности : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. – 192 с.

Трем изданиям университета, подготовленным в рамках реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 г. по 2024 г., присвоен гриф МВД России «Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебника для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (таблица 9)

Таблица 9

Издания, подготовленные университетом в рамках реализации приоритетного профиля подготовки, которым присвоен гриф МВД России

№ п/п	Наименование издания
1.	Педагогика высшей школы : учебник (в 2022 г., авторский коллектив: Гейжан Н. Ф., Кочин А. А., Душкин А. С., Хальзов В. И., Юренкова В. А.);
2.	Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебник (в 2023 г., авторский коллектив: Гейжан Н. Ф., Душкин А. С., Кочин А. А., Бородавко Л. Т., Злоказов К. В., Юренкова В. А.);
3.	Методология и технология профессионального образования : учебник (в 2024 г., авторский коллектив: Илакавичус М. Р., Душкин А. С., Мещерякова Е. И., Гейжан Н. Ф., Бородавко Л. Т., Ерофеева М. А., Ходякова Н. В., Гривенная Е. Н., Тихомиров С. Н.).

Проведенный нами анализ деятельности университета по реализации приоритетного профиля подготовки за период с 2021 по 2024 г. свидетельствует об эффективной работе его руководителей и педагогического коллектива в решении поставленных задач. Система подготовки специалистов для подразделений по работе с личным составом в университете опирается на мощный фундамент научных школ в области педагогики, психологии, юриспруденции, которые получили признание и продолжают развиваться.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на противоречия, которые являются сдерживающими факторами развития приоритетного профиля подготовки в университете.

Одним из противоречий является невовлеченность всех субъектов образовательной деятельности в реализацию приоритетного профиля подготовки. Согласно существующей модели реализации приоритетного профиля подготовки в соответствии с локальными нормативными актами университета основным субъектом реализации является учебно-научный комплекс (далее – УНК) по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Он составляет ядро этой работы. В состав УНК входят начальник, заместитель начальника, старший преподаватель-методист и три кафедры: кафедра управления персоналом и воспитательной работы, кафедра педагогики и психологии, кафедра юридической психологии. Научно-педагогический потенциал УНК достаточно высокий, его составляют: 9 докторов наук, 30 кандидатов наук, 5 профессоров, 23 доцента, 3 заслуженных работника высшей школы Российской Федерации, 1 почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Именно это позволяет решать поставленные перед УНК задачи. Коллектив УНК планирует и выполняет большую часть мероприятий по реализации приоритетного профиля подготовки, о чем свидетельствуют описанные выше результаты деятельности университета. Данная работа осуществляется УНК во взаимодействии с управлением по работе с личным составом университета, научно-исследовательским отделом, управлением учебно-методической работы и факультетом подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом. Несмотря на эффективность деятельности УНК, существующая модель реализации приоритетного профиля подготовки не позволяет в полной мере использовать потенциал других кафедр и факультетов.

Другим противоречием является дублирование функции контроля за деятельностью кафедр, входящих в состав УНК, несколькими субъектами управления. Так, контроль за деятельностью кафедр осуществляют заместители начальника университета по своим направлениям деятельности, управление учебно-методической работы – в области обеспечения учебного процесса, научно-исследовательский отдел – в области выполнения кафедрами плана-графика научно-исследовательской деятельности университета, редакционно-исследовательский отдел – в области выполнения плана-графика редакционно-издательской деятельности, а также УНК, который осуществляет контроль за всеми направлениями деятельности кафедр. Видится целесообразным исключить избыточный контроль за деятельностью кафедр, входящих в состав УНК, что будет способствовать развитию творческой инициативы кафедр, повысит их самостоятельность и активность в реализации самостоятельных проектов.

Таким образом, существующая организационная структура, обеспечивающая реализацию приоритетного профиля подготовки, должна существенно измениться. Деятельность УНК должна быть преобразована преимущественно в проектную. УНК может быть освобожден от решения общих управленческих задач, наделен функциями поиска и реализации наиболее значимых и перспективных проектов, образования временных целевых групп для достижения поставленных целей.

Список литературы

1. Амельчаков И. Ф. Главные темы расширенного оперативного совещания // Газета Санкт-Петербургского университета МВД России «На страже закона». – 2024. – № 1 (240). – С. 5-7.
2. Амельчаков И. Ф., Озеров И. Н., Чесовская М. Г., Таранова А. Е. Повышение научного потенциала образовательных организаций МВД России в контексте внедрения системы эффективных контрактов : монография – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2018. – 118 с.
3. Богуцкий А. В., Русинова Л. В. Проблемы совершенствования механизма проведения научных исследований по приоритетным профилям подготовки кадров образовательных организаций МВД России // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 34. – С. 27–28.
4. Булгаков О. М. Цели и задачи научно-исследовательской лаборатории по реализации приоритетного профиля подготовки университета в структуре науки и образования ведомственных организаций МВД России / Деятельность подразделений по противодей-

- ствию экстремизму, терроризму и организованной преступности : сборник научных трудов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 3–8.
5. *Важенин В. В.* О реализации приоритетных профилей подготовки в вузах МВД России (на примере Краснодарского университета МВД России) / Технологии практико-ориентированного обучения : материалы межвузовской учебно-методической конференции, Омск, 12 февраля 2014 г. / под ред. А. Г. Парадникова, А. В. Шувалова, Т. Ю. Морозовой. – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – С. 94–96.
6. *Верхогляд Я. Е.* Актуальные направления потенциального повышения качества подготовки обучающихся по приоритетному профилю подготовки «Деятельность участкового уполномоченного полиции» // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2022. – № 38. – С. 126–130.
7. *Вишневецкий К. В.* Краткая характеристика общих образовательных программ подготовки, реализующих приоритетный профиль университета / Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности : сборник научных трудов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 16–24.
8. *Войтович А. Х., Воронин А. В., Макаревич Н. М.* Издания по обеспечению приоритетного профиля подготовки «Деятельность охранно-конвойных подразделений полиции» / Охранно-конвойная служба МВД России : альманах. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. – С. 30–33.
9. *Галиева Р. Д.* Опыт работы кафедры психологии и педагогики в ОВД в реализации приоритетного профиля подготовки слушателей и курсантов Барнаульского юридического института МВД России // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 25. – С. 20–23.
10. *Гольчевский В. Ф., Зырянов В. С.* О реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность экспертно-криминалистических подразделений по производству автотехнической и пожарно-технической экспертиз» в ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России / Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы девятнадцатой всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 5–6 марта 2014 г. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. – С. 34–37.
11. *Гречаный С. А.* Особенности реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений вневедомственной охраны» в Воронежском институте МВД России // Охрана, безопасность, связь. – 2017. – № 1-1. – С. 100–106.
12. *Гришаков А. Г.* Реализация приоритетного профиля подготовки в Барнаульском юридическом институте МВД России // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2014. – № 24. – С. 25–28.
13. *Харламов С. О., Егоров С. А.* Начальный этап реализации приоритетного профиля подготовки сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2020. – № 1. – С. 83–86.
14. *Нахимов А. П.* Реализация приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений информационных технологий, связи и защиты информации, информационных центров, центров специальной связи» в Воронежском институте МВД России / Информационные технологии, связь и защита информации МВД России – 2016 : сборник статей. – Москва: Информационный мост, 2016. – С. 107–109.
15. *Осипенко А. Л.* Особенности научной деятельности вуза по реализации приоритетных профилей подготовки специалистов / Развитие ведомственной науки в 21 веке : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 17–18 октября 2013 г. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2013. – С. 82–95.
16. *Рыдченко К. Д., Скидан А. А.* О перспективах научного обеспечения приоритетного профиля подготовки «Противодействие административным правонарушениям и преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий» / Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 9 июня 2023 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 240–245.
17. *Сидорова И. В., Митрофанов А. Е.* Омская академия МВД России – учебно-научный центр по реализации приоритетных профилей подготовки подразделений сотрудников уголовного розыска / Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса в соответствии с требованиями ФГОС ВО : материалы межвузовской учебно-методической конференции, Омск, 28 февраля 2017 г. – Омск: Омская академия МВД России, 2017. – С. 10–13.

18. *Тингаева Н. В.* О взаимодействии практических органов и образовательных организаций системы МВД России, наделенных функциями учебно-научных центров по реализации приоритетных профилей подготовки в соответствии с требованиями приказа МВД России от 29 августа 2012 года № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» / Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России : доклады Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 15–16 ноября 2017 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – С. 229–232.

19. *Тингаева Н. В.* Проведение на базе образовательных организаций системы МВД России конкурсов «Лучший по профессии» и семинаров-совещаний как способ решения задач, стоящих перед учебно-научными центрами по реализации приоритетных профилей подготовки / Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России : доклады участников Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 14 ноября 2018 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – С. 163–168.

20. *Тыртышкин В. В.* Совершенствование деятельности Барнаульского юридического института МВД России по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность участковых уполномоченных полиции» // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2018. – № 32. – С. 30–34.

21. *Ушаков А. Ю.* О реализации приоритетного профиля подготовки сотрудников органов внутренних дел «Предварительное следствие по уголовным делам в сфере экономической деятельности» / Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России : доклады участников Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 14 ноября 2018 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – С. 199–203.

22. *Черных Е. Е.* О научном обеспечении приоритетных профилей подготовки Нижегородской академии МВД России / Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России : сборник статей, Нижний Новгород, 22 ноября 2019 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. – С. 283–288.

23. *Шашин Д. Г.* Об опыте реализации приоритетного профиля подготовки образовательной организацией // Академическая мысль : сетевое издание. – 2024. – № 3 (28). – С. 67–70; URL: <https://a.mvd.rf/nauka/-академическая-мысль-/архив-номеров>.

24. *Кубышко В. Л.* Профессиональная подготовка сотрудников: уроки психологии понимания в контексте 300-летия российской полиции / Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сборник научных трудов II Международной конференции, Москва, 6–7 июня 2018 г. – Москва: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2018. – С. 13–23.

25. *Новые вызовы требуют нестандартных ответов / В. В. Путин, А. Н. Шохин, И. А. Вдовин, А. В. Северилов [и др.]* // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. – 2024. – № 6. – С. 4–12.

26. *Калиниченко И. А.* От классического университета через учебно-научно-исследовательский университетский комплекс к метауниверситету. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Юнити-Дана», 2019. – 165 с.

References

1. *Amel'chakov I. F.* Glavny'e temy' rasshirennoho operativnogo soveshhaniya // Gazeta Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii «Na strazhe zakona». – 2024. – № 1 (240). – S. 5-7.

2. *Amel'chakov I. F., Ozerov I. N., Chesovskaya M. G., Taranova A. Ye.* Povysheniye nauchnogo potentsiala obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii v kontekste vnedreniya sistemy effektivnykh kontraktov : monografiya – Belgorod: Belgorodskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. I. D. Putilina, 2018. – 118 s.

3. *Bogutskiy A. V., Rusinova L. V.* Problemy sovershenstvovaniya mekhanizma provedeniya nauchnykh issledovaniy po prioritetnym profilyam podgotovki kadrov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 34. – S. 27–28.

4. *Bulgakov O. M.* Tseli i zadachi nauchno-issledovatel'skoy laboratorii po realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki universiteta v strukture nauki i obrazovaniya vedomstvennykh organizatsiy MVD Rossii / Deyatel'nost' podrazdeleniy po protivodeystviyu ekstremizmu, terrorizmu i organizovannoy prestupnosti : sbornik nauchnykh trudov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 3–8.
5. *Vazhenin V. V.* O realizatsii prioritetnykh profiley podgotovki v vuzakh MVD Rossii (na primere Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii) / Tekhnologii praktiko-oriyentirovannogo obucheniya : materialy mezhvuzovskoy uchebno-metodicheskoy konferentsii, Omsk, 12 fevralya 2014 g. / pod red. A. G. Paradnikova, A. V. Shuvalova, T. Yu. Morozovoy. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2014. – S. 94–96.
6. *Verkhoglyadov Ya. Ye.* Aktual'nyye napravleniya potentsial'nogo povysheniya kachestva podgotovki obuchayushchikhsya po prioritetnomu profilyu podgotovki «Deyatel'nost' uchastkovogo upolnomochennogo politzii» // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 38. – S. 126–130.
7. *Vishnevetskiy K. V.* Kratkaya kharakteristika obshchikh obrazovatel'nykh programm podgotovki, realizuyushchikh prioritetnyy profil' universiteta / Deyatel'nost' podrazdeleniy po protivodeystviyu ekstremizmu, terrorizmu i organizovannoy prestupnosti : sbornik nauchnykh trudov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 16–24.
8. *Voytovich A. Kh., Voronin A. V., Makarevich N. M.* Izdaniya po obespecheniyu prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel'nost' okhranno-konvoynykh podrazdeleniy politzii» / Okhranno-konvoynaya sluzhba MVD Rossii : al'manakh. – Tyumen' : Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2022. – S. 30–33.
9. *Galiyeva R. D.* Opyt raboty kafedry psikhologii i pedagogiki v OVD v realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki slushateley i kursantov Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 25. – S. 20–23.
10. *Gol'chevskiy V. F., Zyryanov V. S.* O realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel'nost' ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy po proizvodstvu avtotekhnicheskoy i pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy» v FGKOU VPO VSI MVD Rossii / Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennyye napravleniya i obrazovatel'nyye tekhnologii : materialy devyatnadsatoy vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, Irkutsk, 5–6 marta 2014 g. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2014. – S. 34–37.
11. *Grechanyy S. A.* Osobennosti realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel'nost' podrazdeleniy vnevedomstvennoy okhrany» v Voronezhskom institute MVD Rossii // Okhrana, bezopasnost', svyaz'. – 2017. – № 1-1. – S. 100–106.
12. *Grishakov A. G.* Realizatsiya prioritetnogo profilya podgotovki v Barnaul'skom yuridicheskome institute MVD Rossii // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 24. – S. 25–28.
13. *Kharlamov S. O., Yegorov S. A.* Nachal'nyy etap realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki sotrudnikov podrazdeleniy po voprosam migratsii MVD Rossii // Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava. – 2020. – № 1. – S. 83–86
14. *Nakhimov A. P.* Realizatsiya prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel'nost' podrazdeleniy informatsionnykh tekhnologiy, svyazi i zashchity informatsii, informatsionnykh tsentrov, tsentrov spetsial'noy svyazi» v Voronezhskom institute MVD Rossii / Informatsionnyye tekhnologii, svyaz' i zashchita informatsii MVD Rossii – 2016 : sbornik statey. – Moskva: Informatsionnyy most, 2016. – S. 107–109.
15. *Osipenko A. L.* Osobennosti nauchnoy deyatel'nosti vuza po realizatsii prioritetnykh profiley podgotovki spetsialistov / Razvitiye vedomstvennoy nauki v 21 veke : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, 17–18 oktyabrya 2013 g. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2013. – S. 82–95.
16. *Rydchenko K. D., Skidan A. A.* O perspektivakh nauchnogo obespecheniya prioritetnogo profilya podgotovki «Protivodeystviye administrativnym pravonarusheniyam i prestupleniyam, sovershayemym s ispol'zovaniyem informatsionnykh tekhnologiy» / Administrativno-pravovoye regulirovaniye pravookhranitel'noy deyatel'nosti: teoriya i praktika : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar, 9 iyunya 2023 g. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 240–245.
17. *Sidorova I. V., Mitrofanov A. Ye.* Omskaya akademiya MVD Rossii – uchebno-nauchnyy tsentr po realizatsii prioritetnykh profiley podgotovki podrazdeleniy sotrudnikov ugolovnogo rozyska / Sovershenstvovaniye obrazovatel'nykh programm, planirovaniye i realizatsiya uchebnogo protsessa v sootvetstvii s trebovaniyami FGOS VO : materialy mezhvuzovskoy uchebno-

metodicheskoy konferentsii, Omsk, 28 fevralya 2017 g. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2017. – S. 10–13.

18. *Tingayeva N. V.* O vzaimodeystvii prakticheskikh organov i obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii, nadelennykh funktsiyami uchebno-nauchnykh tse ntrov po realizatsii prioritetnykh profiley podgotovki v sootvetstvii s trebovaniyami prikaza MVD Rossii ot 29 avgusta 2012 goda № 820 «O profilizatsii obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii» / Peredovoy opyt i problemy profilizatsii uchebnoy, uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii : doklady Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 15–16 noyabrya 2017 g. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2018. – S. 229–232.

19. *Tingayeva N. V.* Provedeniye na baze obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii konkursov «Luchshiy po professii» i seminarov-soveshchaniy kak sposob resheniya zadach, stoyashchikh pered uchebno-nauchnymi tse ntrami po realizatsii prioritetnykh profiley podgotovki / Peredovoy opyt i problemy profilizatsii uchebnoy, uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii : doklady uchastnikov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 14 noyabrya 2018 g. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya Ministe MVD Rossii, 2019. – S. 163–168.

20. *Tyryshkin V. V.* Sovershenstvovaniye deyatel'nosti Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii po realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel'nost' uchastkovykh upolnomochennykh politzii» // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 32. – S. 30–34.

21. *Ushakov A. Yu.* O realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del «Predvaritel'noye sledstviye po ugovolnym delam v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti» / Peredovoy opyt i problemy profilizatsii uchebnoy, uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii : doklady uchastnikov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 14 noyabrya 2018 g. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2019. – S. 199–203.

22. *Chernykh Ye. Ye.* O nauchnom obespechenii prioritetnykh profiley podgotovki Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii / Peredovoy opyt i problemy profilizatsii uchebnoy, uchebno-metodicheskoy i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii : sbornik statey, Nizhniy Novgorod, 22 noyabrya 2019 g. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2020. – S. 283–288.

23. *Shashin D. G.* Ob opyte realizatsii prioritetnogo profilya podgotovki obrazovatel'noy organizatsiyey // Akademicheskaya mysl' : setevoye izdaniye. – 2024. – № 3 (28). – S. 67–70; URL: <https://a.mvd.rf/nauka/-akademicheskaya-mysl'-/arkhiv-nomerov>.

24. *Kubyshko V. L.* Professional'naya podgotovka sotrudnikov: uroki psikhologii ponimaniya v kontekste 300-letiya rossiyskoy politzii / Professional'noye obrazovaniye sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoy deyatel'nosti: sostoyaniye i perspektivy : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 6–7 iyunya 2018 g. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya, 2018. – S. 13–23.

25. *Novyye vyzovy trebuyut nestandartnykh otvetov / V. V. Putin, A. N. Shokhin, I. A. Vdovin, A. V. Severilov [i dr.] // Tamozhennoye regulirovaniye. Tamozhennyy kontrol'. – 2024. – № 6. – S. 4–12.*

26. *Kalinichenko I. A.* Ot klassicheskogo universiteta cherez uchebno-nauchno-issledovatel'skiy universitetskiy kompleks k metauniversitetu. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Izdatel'stvo «Yuniti-Dana», 2019. – 165 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted October 2, 2024; approved after reviewing December 2, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 378.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-296-304>

Александр Германович Супрунов

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0009-0002-5073-4128>, suprunov1@mail.ru

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603144, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Участие обучающихся во внеаудиторной деятельности как педагогическое условие формирования профессионального общения

Аннотация: Введение. Современное развитие личности будущего полицейского невозможно без понимания сущности профессионального общения. В статье рассматривается организация образовательной среды путем включения обучающихся во внеаудиторную деятельность, которая выступает педагогическим условием в качестве организованного комплекса мероприятий, решающих специальную задачу по формированию профессионального общения будущего полицейского. Автором указаны основные направления внеаудиторной деятельности с учетом специфики образовательной среды образовательной организации МВД России (различные виды практик, научно-исследовательская внеаудиторная деятельность, профессионально-нравственное воспитание и культурное развитие, работа лекторских групп). **Методы исследования:** анализ научно-методической литературы и документальных источников, опрос (на основе опросника межличностных отношений А. А. Рукавишникова (ОМО), тестирование обучающихся по методике «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус), анкетирование. **Результаты исследования:** по итогам включения обучающихся во внеаудиторную деятельность как педагогического условия формирования профессионального общения были получены данные, указавшие на фактор «направленность на себя», который показал тенденцию к снижению данного показателя с 58,18 % до 37,18 % ($p = 0,01$), изменение к «направленности на взаимодействие» с 17,44 % до 29,79 % ($p = 0,01$) и «направленность на задачу» с 24,54 % до 32,78 % ($p = 0,05$). Положительный результат в формировании профессионального общения выразился в специально организованных направлениях, формах и методах работы внеаудиторной деятельности, где обучающимся необходимо было понять сущность качественного решения задач на взаимодействие и сотрудничество, а основой выступили интеллектуальное творчество, идеи и знания теоретических основ процесса коммуникации, командная работа с учетом индивидуальных предпочтений. Обучающиеся, принимавшие участие во внеаудиторной деятельности, чаще проявляли инициативу в процессе коммуникации, брали ответственность на себя («проактивный тип»), а также контролировали эмоциональные и поведенческие проявления с 40,22 % до 64,89 % ($p \geq 0,01$) в общении с различными категориями субъектов. Таким образом среди обучающихся, включенных в различные направления внеаудиторной деятельности, отмечена эффективность в формировании профессионального общения, инициатива, умение адекватнее реагировать на изменения коммуникативной ситуации с различными категориями граждан, предупреждать конфликтные реакции.

Ключевые слова: внеаудиторная деятельность, направления внеаудиторной деятельности, формы и методы групповой и индивидуальной работы, педагогическое условие, обучающиеся, профессиональное общение

Для цитирования: Супрунов А. Г. Участие обучающихся во внеаудиторной деятельности как педагогическое условие формирования профессионального общения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 296–304; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-296-304>.

Original article

Alexander G. Suprunov

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0009-0002-5073-4128>, suprunov1@mail.ru

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3, Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation*

Participation of students in extracurricular activities as a pedagogical condition for the formation of professional communication

Abstract: Introduction. The modern development of future police officer's personality is impossible without understanding the essence of professional communication. The article deals with the organisation of educational environment by including students in extracurricular activities. These activities are considered to be a pedagogical condition as an organised set of activities that solve a special task of forming professional communication of a future police officer. The author indicates the main directions of extracurricular activities taking into account the specifics of the educational environment of the educational organisation of the Ministry of Internal Affairs of Russia (various types of practice, research extracurricular activities, professional and moral education and cultural development, work of lecture groups). **Research methods:** analysis of scientific and methodological literature and documentary resources, survey (based on A. A. Rukavishnikov's questionnaire of interpersonal relations, testing of students according to the method "Social Distance Scale" (E. Bogardus), questionnaire survey). **Results of the research.** According to the results of including students in extracurricular activities as a pedagogical condition for forming professional communication the author obtained data indicating the factor "self-orientation", which showed the tendency to decrease this indicator from 58,18 % to 37,18 % ($p=0,01$), the change to "orientation to interaction" from 17,44 % to 29,79 % ($p=0,01$) and "orientation to the task" from 24,54 % to 32,78 % ($p=0,05$). The positive result in the formation of professional communication was expressed in specially organised directions, forms and methods of work of extracurricular activities, where students had to understand the essence of quality problem solving in interaction and cooperation. The basis included intellectual creativity, ideas and knowledge of the theoretical foundations of the communication process, teamwork with regard to individual preferences. The students who participated in extracurricular activities more often showed initiative in communication, took responsibility ("proactive type"), and controlled emotional and behavioural manifestations from 40,22% to 64,89% ($p\geq 0,01$) in communication with different categories of subjects. Thus, among the students included in various directions of extracurricular activities, the effectiveness in the building professional communication, initiative, ability to respond more adequately to changes in the communicative situation with different categories of citizens, to prevent conflict reactions were noted.

Keywords: extracurricular activities, directions of extracurricular activities, forms and methods of group and individual work, pedagogical condition, students, professional communication

For citation: Suprunov A. G. Participation of students in extracurricular activities as a pedagogical condition for the formation of professional communication // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 296–304; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-296-304>.

Введение

Проблема профессионального общения сотрудников полиции актуальна, поскольку постоянно находится в зоне особого внимания руководителей различного уровня, СМИ, институтов гражданского общества. Взаимодействие и сотрудничество являются принципом деятельности полиции. Уважение прав и свобод человека и гражданина, тактичное и вежливое обращение с гражданами с использованием дифференцированного коммуникативного подхода к интересам различных категорий субъектов взаимодействия и др. оказывают непосредственное влияние на качество правоприменительной деятельности (от 60 до 70 % служебного времени проходит в процессе общения)¹ [1, с. 303; 2].

Образовательная организация МВД России представляет собой уникальную образовательную среду, в которой может и должна функционировать социально направленная внеаудиторная деятельность, нацеленная на подготовку компетентного специалиста-полицейского. Ю. С. Мануйлов считал, что средовой подход указывает на управление процессом формирования и развитие обучающегося: «Педагогика среды показала теоретическую возможность проектирования личности (как цели) по среде и, в свою очередь, среды (как средства) по личности» [3, с. 58]. В. А. Ясвин полагает, что образовательную среду необходимо понимать как «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [4, с. 14]. По мнению В. А. Козырева, «образовательная среда – это образовательное пространство, представляющее собой набор, определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека» [5]. Л. И. Новикова говорит об использовании в средовом подходе таких понятий, как «личность», «образ жизни», «среда», «управление», отмечая, что «в среде человек не просто живет, он с ней взаимодействует, поддаваясь ее влиянию и, одновременно, влияя на нее сам» [6, с. 16]. М. М. Поташник, объясняя использование системного подхода к понятию «образовательная среда», считает, что целостность развития личности в специально организованной образовательной среде позволяет выявить многообразие связей, механизмов и объединить все это в единое целое². В. А. Сластенин подчеркивает, что образовательная среда – это специально организованная система факторов становления личности³.

Внеаудиторная деятельность в образовательной среде исследовалась в трудах Е. Е. Адакина, Г. А. Арутюнова, М. С. Афанаскиной, Г. Н. Гущиной [7], А. В. Казьмерчука, Е. В. Мещеряковой, В. И. Поповой и ряда других. В нашем исследовании внеаудиторная деятельность – это специально организованный комплекс мероприятий, направленных на приобретение знаний, навыков, стратегий поведения, характеризующих правоохранительную деятельность, где внимание обращено на развитие морально-психологических

¹ Лебедеко И. М. Воспитательная среда образовательного учреждения МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2011. – 24 с.

² Поташник М. М. Эксклюзивные аспекты управления школой : пособие. – Москва: Педагогическое общество России, 2012. – 319 с.

³ Сластенин В. А. Педагогика : учебное пособие / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. – Москва: Издательский центр «Академия», 2013. – 576 с.

качеств личности, реализацию склонностей и способностей, формирование навыков профессионального общения⁴.

Воспитательные задачи внеаудиторной деятельности заключены в «формировании личности квалифицированного специалиста... развитии общественной и социальной ответственности» [8, с. 51], воспитании коммуникативной культуры личности в целом [9].

Формы и методы внеаудиторной деятельности образовательной организации имеют различные основания. При подготовке полицейского должны быть учтены актуальные требования общества и государства к личности правоохранителя. Важна мотивация субъектов образовательного процесса на активность, интерактивность, творческий подход и принципы деятельности полиции⁵.

Вопросы специфики профессионального общения в правоохранительной сфере рассматривали М. И. Еникеев, В. А. Носков, А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк и др. [10]

В контексте исследования профессиональное общение сотрудника полиции мы рассматриваем как «разновидность специально организованного взаимодействия людей, содержанием которого являются познание, обмен информацией и влияние участников коммуникаций друг на друга с целью решения правоохранительных задач»⁶.

Построение специально ориентированной на формирование профессионального общения образовательной среды как педагогического условия требует включения обучающихся в следующие направления внеаудиторной деятельности: различные виды практик, научно-исследовательская деятельность, профессионально-нравственное воспитание и культурное развитие, работа лекторских групп (стоит отметить, что перечисленные направления не являются исчерпывающими и приведены в качестве базовых примеров для проведения формирующей работы с обучающимися).

Огромную роль в подготовке к профессиональному общению играет практическая деятельность [11]. При включении обучающихся в различные виды практик этому вопросу необходимо уделять самое пристальное внимание. На разводах, инструктажах и при совместном несении службы с сотрудниками-практиками по обеспечению охраны общественного порядка обучающиеся обязаны знать принципы, нормы, правила профессионального общения, придерживаться требований и положений, закрепленных в «Кодексе этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел»⁷. Именно в данном формате взаимодействия заключен принцип «обратной связи» между образовательной организацией и практикой правоохранительной деятельности.

Включение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность оказывает мотивирующее воздействие на развитие профессионального общения через участие в научных кафедральных кружках (в т. ч. с привлечением на заседания практических сотрудников), научно-представительских мероприятиях различного уровня – олимпиадах, конференциях, интеллектуальных играх, семинарах, научных конкурсах и пр.⁸. Здесь появляется опыт публичных выступлений, осваиваются основы ораторского искусства, умения организовать и вести дискуссию, а также отстаивать собственное мнение с опорой на нормативные правовые акты [12].

⁴ Мухина Т. Г., Мусина Н. И. Внеаудиторная деятельность вуза в образовательной многонациональной среде: основные понятия, формы, методы, средства : [учебное пособие]. – Нижний Новгород: Радонеж, 2020. – С. 4.

⁵ Кубышко В. Л. Профессиональная подготовка полицейских : Общепрофессиональный цикл : учебник : в 2 ч. / Н. С. Нижник, Е. В. Коновалов, Е. В. Киричек, С. Н. Шатилович [и др.] ; под общ. ред. В. Л. Кубышко. – Москва: ГУРЛС МВД России, 2023. – 384 с.

⁶ Рыбин Д. Н. Основы психотехник общения с гражданами участковых уполномоченных полиции : учебно-методическое пособие. – Барнаул: ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 11.

⁷ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 (ред. от 02.05.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449972/ (дата обращения: 10.09.2024). – Текст документа опубликован не был.

⁸ Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260 (ред. от 18.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс»). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024). – Текст документа опубликован не был.

Отдельно стоит рассмотреть некоторые виды морально-психологического обеспечения, оказывающее мощное влияние на становление профессионального общения. Например, политико-воспитательная работа, где предполагается «взаимодействие обучающихся с профессорско-преподавательским составом» (п. 10.4)⁹, что также способствует формированию процесса профессионального общения. Большое значение имеет работа командного состава (руководства факультетов, курсов), а также младших командиров, осуществляющих работу через различные формы и методы групповой и индивидуальной работы (проведение единых дней государственно-правового информирования, собраний, подведение итогов работы и т. п.) [13]. В контексте патриотического воспитания стоит отметить участие в торжествах ко Дню Победы в Великой Отечественной войне, днях воинской славы и памяти, проведение торжественных ритуалов (Присяга, присвоение первого специального звания среднего начальствующего состава, выпуск молодых специалистов и т. п.) [14, с. 42]. Профессионально-нравственное воспитание и эстетическое развитие личности осуществляются с использованием различных педагогических подходов¹⁰, например, через деятельность педагогов-кураторов (посещение театров, тематических выставок, музейных экспозиций, спортивных событий, экскурсий, проведение мероприятий на сплочение коллектива, например, тренинги на формирование командного духа, различные формы активности, мастер-классы, деловые игры и др., профилактика конфликтного поведения) [15].

Для выполнения отдельных задач морально-психологического обеспечения в образовательной организации могут создаваться лекторские группы. В рассматриваемом контексте профессионального общения деятельность лекторских групп ориентирована на контакты с широким кругом субъектов, что дает возможность общаться с учетом потребностей правоприменительной профессии. В работу лекторских групп может быть включена многоаспектная тематика с ориентиром на вопросы правового воспитания и просвещения [16], профилактики правонарушений, популяризации здорового образа жизни, гражданско-патриотического и аксиологического воспитания несовершеннолетних, пропаганды положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел и т. п.¹¹.

Методы

Методология исследования базировалась на анализе научно-методической литературы и документальных источников, опросе на основе опросника межличностных отношений А. А. Рукавишникова (ОМО), тестировании обучающихся по методике «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус)¹², анкетировании. Исследование было проведено в 2023/24 учебном году. Респондентами вступили 174 обучающихся 2–5-х курсов очной формы обучения Нижегородской академии МВД России.

Результаты и обсуждение

Обучающимся предлагалось выбрать направление для участия во внеаудиторной деятельности. Исключение составили практики (предусмотрены учебными планами основных профессиональных образовательных программ высшего образования) и деятельность педагогов-кураторов (планируется педагогическими работниками самостоятельно с учетом требований ведомственных правовых актов МВД России).

⁹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>) (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ Силкин Н. Н., Хальзов В. И. Оптимизация педагогических технологий в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – Санкт-Петербург, 2014. – № 2 (62) – С. 204–210.

¹¹ Борисов О. Ю. Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения (в схемах, таблицах) : учебное пособие. – Ставрополь: СФ КРУ МВД России, 2023. – 53 с.

¹² Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : [учебное пособие]. – Москва : Издательство института психотерапии, 2002. – 488 с.

На первом этапе было проведено пилотное исследование в целях диагностики состояния проблемы профессионального общения. По опроснику межличностных отношений А. А. Рукавишникова (ОМО) 76,3 % респондентов отметили, что в процессе общения необходима «направленность на себя». Данный факт можно пояснить эгоцентричностью молодого поколения, у которого личные интересы преобладают над коллективными («Я – центр всего»). Диагностирована проблема личного (непосредственного) общения (54,7 %), выявлены обучающиеся, избегающие прямого общения (7,9 %) по различным основаниям. Более 83 % респондентов предпочитает невербальное общение с использованием современных IT-технологий, которые прочно вошли не только в бытовую, но и в профессиональную сферу, поэтому многим проще применять «цифровые инструменты» коммуникации (электронная почта, социальные сети, разнообразные чаты в мессенджерах и др.), чем общаться лично. Предложенные для анализа типичные правоприменительные ситуации общения (сотрудник – потерпевший, сотрудник – правонарушитель, сотрудник – сотрудник, сотрудник – руководитель и т. п.) вызвали затруднения у 34,1 % обучающихся, причем 15,8 % из них не пытались решать проблему путем взаимодействия и обсуждения, но стремились обратить внимание к себе. Результат исследования показал, что целевая «направленность на взаимодействие» была зафиксирована лишь у 9,8 % респондентов. В их число вошли обучающиеся с адекватной (ближе к высокой) самооценкой, умеющие контролировать собственные поведенческие реакции, а также настроенные на процесс «слушания» окружающих. Представителями данной категории респондентов выступили командиры (заместители командиров) учебных групп, обучающиеся, имеющие постоянное хобби или увлечение (например, искусство, спорт, музыка, чтение литературы). 84,7 % опрошенных нуждаются в друзьях, в понимании со стороны профессорско-преподавательского состава и руководителей из числа офицерского звена. 29,6 % проявляют поведенческую осторожность во взаимоотношениях с другими, стремятся не показывать искренние эмоции, объясняя это тем, что «переживают за потенциальное эмоциональное расстройство», поскольку имели опыт негативного взаимодействия и готовы общаться конструктивно «в ближнем круге», с проверенными людьми.

Тестирование обучающихся по методике «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус) (до и после формирующей работы с обучающимися) в рамках организации внеаудиторной деятельности показали, что изначальная «направленность на себя» в процессе исследования выразилась в тенденции на уменьшение отмеченного показателя с 58,1 % до 37,18 % ($p = 0,01$). Также выразилась тенденция к росту «направленности на взаимодействие» с 17,44% до 29,79% ($p = 0,01$), и «направленности на задачу» с 24,54 % до 32,78 % ($p = 0,05$). На данном этапе зафиксировано, что благодаря участию во внеаудиторной деятельности появился «проактивный тип» реакции в процессе профессионального общения с 40,22 % до 64,89 % ($p \geq 0,01$), отмечены положительные изменения в восприятии партнера по общению, контроль личного эмоционального состояния, появилось стремление «слышать и слушать» оппонента.

Анкетирование обучающихся после проведения формирующей работы показало, что важным условием качественного профессионального общения стало уважительное, тактичное обхождение с людьми. В частности, обучающиеся отметили следующие категории граждан: малолетние, люди пожилого возраста, лица с ограниченными возможностями здоровья, с которыми «нельзя быть грубыми, некорректными, равнодушными» (69,25 %). Тщательность подбора слов, интонаций и особую принципиальность в рамках исключительно правовых норм следует использовать при общении с задержанными, подозреваемыми (обвиняемыми) (76,9 %), поскольку взаимодействие с таким контингентом может повлечь юридические последствия.

Полученные реакции обучающихся указывают на то, что формирование профессионального общения через участие во внеаудиторной деятельности имеет тренд на развитие

и совершенствование. Например, при анкетировании обучающиеся из числа включенных в лекторские группы (после проведения работы с ними) отмечали, что залог успешности профессиональной деятельности – в развитии коммуникативных умений и навыков (58,7 %). По их мнению, профессиональное общение – это часть работы целого коллектива, которая должна быть ориентирована на цель и результат. Это актуально для внешней составляющей профессиональной деятельности (34,8 %), а это имидж полиции, доверие со стороны общества, а также для внутренней организации процесса командообразования, благоприятного социально-психологического климата и профилактики конфликтов. 68 % респондентов отметили развитие уверенности в действиях, поведении и повышение самооценки через включение в различные виды практик. Отдельное внимание было обращено на то, что положительный эффект (47 % респондентов) дает анализ и обсуждение типичных ситуаций профессионального общения с разбором конкретных ошибок и альтернативами разрешения правоохранительных проблем.

На основании вышеизложенного отметим, что внеаудиторная деятельность должна выступить педагогическим условием формирования профессионального общения путем интеграции задач на развитие сотрудничества, активизацию инициативы. В профессии правоохранителя, имеющей разносторонний характер, профессиональное общение выступает ключевым связующим звеном, формирующим личность сотрудника-профессионала, который не может и не должен оставаться равнодушным к тому, что происходит в обществе и государстве.

Список литературы

1. Родин В. Ф., Балашова В. А. Общение в деятельности сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 302–306.
2. Коблов Ф. Ч., Хадиков Р. Ш. К вопросу о роли коммуникативных качеств при установлении взаимодействия сотрудников полиции с гражданами // Концепт. – 2016. – Т. 47. – С. 25–29.
3. Мануйлов Ю. С. Средовой подход в воспитании. – 2-е изд., перераб. – Москва: Университет Российской академии образования, 2002. – 155 с.
4. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Смысл, 2001. – 366 с.
5. Козырев В. А. Построение модели гуманитарной образовательной среды // Педагог: наука, технология, практика. – 1999. – № 7. – С. 26–32.
6. Новикова Л. И. Школа и среда. – Москва: Знание, 1985. – 79 с.
7. Гущина Г. Н. Педагогическая сущность феномена «образовательная среда»: по материалам исследования // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 4 (21). – С. 187–190.
8. Беликова Л. Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 51–58.
9. Казьмерчук А. В. Внеаудиторная деятельность как средство интенсификации профессионального обучения в высшем учебном заведении // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9. – С. 54–60.
10. Столяренко А. М., Сердюк Н. В., Филимонов О. В. Социально-психологические факторы педагогики партнерства общества и полиции // Психологическая наука и образование. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 93–100; <https://doi.org/10.17759/pse.2017220413>.
11. Пунтус С. А. Практическая подготовка в вузах МВД России как условие реализации конституционного права на образование // Современная наука. – 2021. – № 4. – С. 52–56; <https://doi.org/10.53039/2079-4401.2021.6.4.010>.
12. Сердюк Н. В., Власов Б. Е. Культура речи сотрудников органов внутренних дел в контексте коммуникативной культуры полицейского сообщества // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 10 (803). – С. 261–274.

13. Микерин А. А. Развитие политико-культурной идентичности как направление государственной политики в сфере образования // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (53). – С. 51–57; <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.39.006>.

14. Долин В. А. Воспитательная работа в вузе МВД России в современной геополитической ситуации: традиции и новации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – № 4. – С. 38–42.

15. Русакова Н. Г., Шухарева А. В. Правовые и нравственные основы института кураторства в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 188–190; <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2019-3-188-190>.

16. Ульянова И. В., Курбатова Е. В. Этапы подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к просветительской деятельности // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 8. – С. 202–206.

References

1. Rodin V. F., Balashova V. A. Obshcheniye v deyatelnosti sotrudnikov politsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 8. – P. 302–306.

2. Koblov F. Ch., Khadikov R. Sh. K voprosu o roli kommunikativnykh kachestv pri ustanovlenii vzaimodeystviya sotrudnikov politsii s grazhdanami // Kontsept. – 2016. – Т. 47. – S. 25–29.

3. Manuylov Yu. S. Sredovoy podkhod v vospitanii. – 2-ye izd., pererab. – Moskva: Universitet Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2002. – 155 s.

4. Yasvin V. A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proyektirovaniyu. – 2-ye izd., ispr. i dop. – Moskva: Smysl, 2001. – 366 s.

5. Kozyrev V. A. Postroyeniye modeli gumanitarnoy obrazovatel'noy sredy // Pedagog: nauka, tekhnologiya, praktika. – 1999. – № 7. – S. 26–32.

6. Novikova L. I. Shkola i sreda. – Moskva: Znaniye, 1985. – 79 s.

7. Gushchina G. N. Pedagogicheskaya sushchnost' fenomena «obrazovatel'naya sreda»: po materialam issledovaniya // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana). – 2011. – № 4 (21). – S. 187–190.

8. Belikova L. F. Otnosheniye studentov k vneuchebnoy deyatelnosti v vuzе // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2000. – № 5. – S. 51–58.

9. Kaz'merchuk A. V. Vneauditornaya deyatelnost' kak sredstvo intensivatsii professional'nogo obucheniya v vysshem uchebnom zavedenii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 9. – S. 54–60.

10. Stolyarenko A. M., Serdyuk N. V., Filimonov O. V. Sotsial'no-psikhologicheskiye faktory pedagogiki partnerstva obshchestva i politsii // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 93–100; <https://doi.org/10.17759/pse.2017220413>.

11. Puntus S. A. Prakticheskaya podgotovka v vuzakh MVD Rossii kak usloviye realizatsii konstitutsionnogo prava na obrazovaniye // Sovremennaya nauka. – 2021. – № 4. – S. 52–56; <https://doi.org/10.53039/2079-4401.2021.6.4.010>.

12. Serdyuk N. V., Vlasov B. Ye. Kul'tura rechi sotrudnikov organov vnutrennikh del v kontekste kommunikativnoy kul'tury politseyskogo soobshchestva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2018. – № 10 (803). – S. 261–274.

13. Mikerin A. A. Development of political and cultural identity as a direction of state policy in the field of education // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (53). – S. 51–57; <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.39.006>.

14. *Dolin V. A.* Educational work at the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the modern geopolitical situation: traditions and innovations // *Problems of law enforcement.* – 2022. – №. 4. – S. 38–42.

15. *Rusakova N. G., Shukhareva A.V.* Legal and moral foundations of the Institute of Curatorship in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* – 2019. – № 3 (47). – S. 188–190; <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2019-3-188-190>.

16. *Ul'yanova I. V., Kurbatova Ye. V.* Etapy podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii k prosvetitel'skoy deyatelnosti // *Sovremennyye naukoemkiye tekhnologii.* – 2024. – № 8. – S. 202–206.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 23, 2024; approved after reviewing November 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-305-313>

Елена Викторовна Костина

<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

Валерий Сергеевич Агапов

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1999-7408>, agapov.vs@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Сравнительный анализ воспринимаемой курсантами организационной поддержки

Аннотация. Введение. Представлены результаты эмпирического исследования базовых убеждений и привязанности в зависимости от уровня воспринимаемой курсантами организационной поддержки. **Цель** исследования заключается в выявлении психологических особенностей уровневых различий воспринимаемой курсантами организационной поддержки. **Методы исследования:** опросник воспринимаемой организационной поддержки; Шкала базисных убеждений; методика «Интервью о привязанности для взрослых»; методика диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко. Для выявления значимых различий изучаемого феномена применен сравнительный и многомерный дискриминантный анализ. **Результаты.** Обнаружено, что высокий уровень воспринимаемой организационной поддержки наблюдается при эмоциональной вовлеченности в служебную деятельность. При этом курсанты чувствуют себя частью команды и разделяют ее цели и ценности, демонстрируют высокое чувство долга перед ней. Достижения организации приравниваются к собственным. Готовность курсантов брать на себя ответственность за неудачи и стремление их устранить дополняются чувствительностью к справедливости, верой в доброту и потребностью в социальных контактах. Установлено, что преобладает мотивация на помощь в достижении целей организации, что проявляется в участии курсантов в различных проектах и мероприятиях, направленных на развитие организации и повышение ее эффективности.

Ключевые слова: воспринимаемая организационная поддержка, курсант, профессиональное выгорание, организационные ценности, мотив служебной деятельности, социальный обмен

Для цитирования: Костина Е. В., Агапов В. С. Сравнительный анализ воспринимаемой курсантами организационной поддержки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 305–313; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-305-313>.

Original article

Elena V. Kostina

<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

Valery S. Agapov

Dr. Sci. (Psi.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1999-7408>, agapov.vs@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Comparative analysis of perceived organisational support by cadets

Abstract. Introduction. The results of an empirical research of basic beliefs and attachment depending on the level of organisational support perceived by cadets are presented. **The aim** of the research is to identify the psychological features of level differences in the organisational support perceived by cadets. **Research methods:** the questionnaire of perceived organisational support; the Scale of basic beliefs; the methodology “Attachment Interview for Adults”; the methodology for diagnosing the level of professional burnout by V.V. Boyko. Comparative and multivariate discriminant analysis was used to identify significant differences of the studied phenomenon. **Results.** A high level of perceived organisational support is observed in the case of emotional involvement in service activities. In this case, cadets feel themselves as a part of the team and share its goals and values, demonstrate a high sense of duty before the team. Achievements of the organisation are considered equal to their own. The cadets' openness to take responsibility for failures and the desire to overcome them are complemented by sensitivity to justice, belief in kindness and the need for social contacts. The authors found that motivation for helping to achieve the organisation's goals prevails. It is manifested in the cadets' participation in various projects and activities aimed at developing the organisation and improving its efficiency.

Keywords: perceived organisational support, cadet, professional burnout, organisational values, performance motive, social exchange

For citation: Kostina E. V., Agapov V. S. Comparative analysis of perceived organisational support by cadets // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 305–313; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-305-313>.

Введение

Текущая кадров в органах внутренних дел представляет собой серьезную проблему, затрагивающую не только структуру ведомства, но и безопасность общества и государства. Некомплект в МВД России сегодня составляет более 150 тыс. сотрудников. При этом в службе участковых уполномоченных полиции в некоторых районах Москвы некомплект составляет не менее 75 %¹. Несмотря на ряд мер, предпринимаемых руководством ведомства, вопрос текучести кадров в органах внутренних дел остается нерешенным, что подчеркивает необходимость пересмотра существующих подходов к ее психологической профилактике.

---

¹ Матвиенко В. Огромная текучесть кадров в МВД. – URL: <https://sovross.ru/2024/06/24/peresmotret-prezhnie-podhody/> (дата обращения: 06.08.2024).

Теоретические основы исследования

Институционально-культурная природа текучести кадров предполагает наличие ее зависимости от ценностно-организационных особенностей функционирования подразделений. Это предполагает рассмотрение текучести кадров как поведенческих последствий неблагоприятных особенностей служебной деятельности, приводящих к стрессу, эмоциональному истощению или выгоранию, угасанию личностных ресурсов сотрудника в связи с неудовлетворенностью ведущими показателями организации. А именно, организационной культурой, человечностью, привязанностью, справедливостью и доверием, обеспечивающими требуемый личности уровень организационной поддержки, отвечающий за психологическое благополучие субъекта труда².

Воспринимаемая курсантами организационная поддержка представляет собой показатель ценности сотрудника и готовности организации заботиться об их благополучии³. Уровень организационной поддержки определяет приверженность компании, удовлетворенность трудом, мотивацию и ряд других показателей, что, в свою очередь, способствует повышению уровня производительности и снижению текучести кадров [1]. Организационная поддержка и ее компоненты рассматриваются отечественными и зарубежными [2; 3] исследователями в контексте организационной культуры [4–6]; организационной среды [7; 8]; формирования компетенций [6; 9], однако ее связи с личностными особенностями специалистов изучены недостаточно.

Цель исследования: выявить психологические особенности уровневых различий воспринимаемой курсантами организационной поддержки.

Объект исследования: воспринимаемая курсантами организационная поддержка.

Предмет исследования: психологические особенности уровневых различий воспринимаемой курсантами организационной поддержки.

Методологической основой исследования является теория социального обмена. Дж. К. Хоманс, основатель данной теории, утверждает, что отношения между людьми строятся на взаимных ожиданиях справедливого вознаграждения за вложенные усилия. При дисбалансе в подобных отношениях личность ощущает несправедливость, в результате чего может прекратить взаимодействие – тем самым создается динамическая структура обмена, в которой каждая из сторон взвешивает соотношение вкладываемых усилий и получаемых результатов [10]. Успешный обмен влечет за собой закрепление положительных эмоций, обеспечивающих продолжение взаимодействий. Равноправный обмен формирует крепкие социальные связи, способствующие дальнейшему сотрудничеству. Дисбаланс приводит к напряжению, конфликтам и разрыву отношений.

Методы исследования

Личностные характеристики организационного поведения курсантов изучены при помощи опросника воспринимаемой организационной поддержки (Р. Айзенбергер, в адаптации А. Ю. Смирновой); Шкалы базисных убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации О. А. Кравцовой); методики «Интервью о привязанности для взрослых» (К. Х. Бриш); методики диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко. Для выявления значимых различий применен сравнительный (t-критерий Стьюдента; Хи-квадрат) и многомерный дискриминантный (F-критерий Фишера) анализ.

Эмпирическая база исследования

450 курсантов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя третьего и четвертого годов обучения, в т. ч.: факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции – 99 человек; института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования – 150 человек; института судебной экспертизы – 94 человека; международно-правового факультета – 107 человек.

Обсуждение результатов исследования

Первоначально проанализированы сравнительные характеристики параметрических данных (t-критерий Стьюдента) и непараметрических данных (Хи-квадрат) по показателю «Уровень воспринимаемой организационной поддержки» в выборке курсантов образовательной организации МВД России (n = 450). Анализ таблиц сопряженности по параметрическим данным (t-критерий Стьюдента) показывает следующее (таблица 1).

² Балабанова Е. С. Организационное поведение : учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – С. 90.

³ Шилова Е. В. Организационное поведение : учебное пособие : [Электронный ресурс]. – Пермь, 2021. – 176 с. – 5,3 Мб. – Заглавие с экрана. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnieposobiya/organizacionnoe-povedenie.pdf>. (дата обращения: 06.08.2024).

**Сравнительные характеристики уровней
воспринимаемой курсантами (n = 450) организационной поддержки**

Показатель	Уровень воспринимаемой организационной поддержки				t	p
	Высокий (n=323)		Низкий (n=127)			
	Среднее	Стд. откл.	Среднее	Стд. откл.		
Потребность в интересной, общественно полезной работе как ведущий мотив трудовой деятельности	28,95	4,99	30,34	4,12	-2,79	0,006
Эмоциональное истощение в структуре профессионального выгорания	14,76	6,91	13,30	7,03	2,02	0,044

Выборку лиц с высоким уровнем воспринимаемой организационной поддержки значительно отличают высокие показатели эмоционального истощения в структуре профессионального выгорания ($p = 0,044$).

В свою очередь, ощущение социальной поддержки обеспечивает уверенность курсантов в своей профессиональной значимости и позволяет поддерживать устойчивость к профессиональным нагрузкам [1].

Установлено, что выборку курсантов с низким уровнем воспринимаемой организационной поддержки значительно отличают высокие показатели потребности в интересной, общественно полезной работе как ведущего мотива служебной деятельности ($p = 0,006$). Интересная и полезная работа позволяет компенсировать недостаток внешнего признания, обеспечивая мотивацию и удовлетворение от выполняемых задач [11].

Анализ таблиц сопряженности по непараметрическим данным (Хи-квадрат) уровней воспринимаемой курсантами организационной поддержки показал следующее (таблица 2).

Таблица 2

**Сравнительные характеристики непараметрических данных (Хи-квадрат)
уровней воспринимаемой курсантами (n = 450) организационной поддержки**

Показатель	Уровень воспринимаемой организационной поддержки		Хи-квадрат	p
	Высокий (n=323)	Низкий (n=127)		
	Частоты			
Средний уровень редукции личных достижений	282	119	3,84	0,050
	41	8		
Амбивалентный тип привязанности к организации	3	5	4,72	0,030
	320	122		
Избегающий тип привязанности к организации	321	123	4,44	0,035
	2	4		

Выявлены значимые различия между выборками лиц с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки. В выборке курсантов с высоким уровнем воспринимаемой организационной поддержки значительно преобладал средний уровень редукции личных достижений ($p = 0,050$) и амбивалентный и избегающий тип привязанности к организации ($p = 0,030$ и $p = 0,035$).

Как подчеркивает И. Г. Малкина-Пых, при амбивалентной привязанности демонстрируются противоречивые чувства к организации: одновременно ощущаются резкость и не-

уверенность в организационном поведении; избегающий тип привязанности обуславливает стремление минимизировать эмоциональные и социальные контакты с организацией, снижая эффективность работника в производственных процессах и командном взаимодействии [12].

Применение дискриминантного анализа (таблица 3) позволило выявить наиболее прогностически значимые показатели для отнесения сотрудников в выборки с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки и составить прогнозную модель.

Таблица 3

Нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции воспринимаемой курсантами (n = 450) организационной поддержки

Показатель	Уровень воспринимаемой организационной поддержки (нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции)
Доброта людей как базовое убеждение	0,226
Степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями)	-0,284
Потребность в высокой заработной плате как мотивация трудовой деятельности	0,377
Потребность в социальных контактах как мотивация трудовой деятельности	0,265
Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели и достигать их как мотивация трудовой деятельности	0,373
Потребность в разнообразии, переменах как мотивация трудовой деятельности	-0,418
Потребность в креативности как мотивация трудовой деятельности	0,269
Потребность в интересной, общественно полезной работе как ведущий мотив трудовой деятельности	-0,588
Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя	0,217
Апатичные действия в структуре профессиональной апатии	-0,256
Эмоциональное истощение в структуре профессионального выгорания	0,379
Потребность в стабильности и надежности работы как мотивация трудовой деятельности	-0,400
Нестабильная и ненадежная работа	-0,268
Помощь организации в достижении целей как ведущий мотив трудовой деятельности	0,490
Боязнь увольнения как мотивация трудовой деятельности	0,427
Потребность в интересной работе как мотивация трудовой деятельности	-0,277
Организационная справедливость распределения	-0,182
Амбивалентный тип привязанности к организации	0,290
Депрессия	-0,355

Выборка курсантов (n = 127) с низким уровнем воспринимаемой организационной поддержки характеризуется высоким интересом к разнообразной и общественно полезной деятельности (df = -0,588), но при этом слабо вовлечена в достижение целей организации (df = 0,490). Основными мотивами для них являются интерес к работе и стабильность (df = 0,427), в то время как финансовые стимулы и стремление к карьерному росту не играют существенной роли (df = -0,418). Они не боятся увольнения (df = 0,290), что может говорить об уверенности в своих навыках или наличии альтернатив. В то же время, у этих сотрудников выражена потребность в переменах и новизне (df = -0,373), что может указывать на стремление к профессиональному развитию, но без четких амбициозных целей. При низ-

ком уровне воспринимаемой организационной поддержки наблюдается склонность к депрессии ($df = -0,355$) и апатии ($df = -0,256$), однако их уровень эмоционального истощения остается низким ($df = 0,379$). Курсанты проявляют высокий самоконтроль ($df = -0,284$), что позволяет им справляться с нестабильностью в ходе служебной деятельности ($df = -0,268$). При этом они остро реагируют на вопросы справедливости в организации ($df = -0,182$), что может быть важным фактором их удовлетворенности или неудовлетворенности работой. У курсантов данной выборки наблюдается внутреннее напряжение из-за отсутствия более глубоких внешних стимулов и поддержки со стороны организации.

С помощью дискриминантного анализа выделены коэффициенты линейной дискриминационной функции для выборок курсантов с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки (таблица 4).

Таблица 4

Линейные дискриминантные функции Фишера значимых показателей по уровню воспринимаемой курсантами ($n = 450$) организационной поддержки

Показатель	Уровень воспринимаемой организационной поддержки (коэффициенты классифицирующей функции)	
	Высокий ($n=323$)	Низкий ($n=127$)
Доброта людей как базовое убеждение	1,004	0,885
Степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями)	4,944	5,119
Потребность в высокой заработной плате как мотивация трудовой деятельности	0,464	0,424
Потребность в социальных контактах как мотивация трудовой деятельности	0,806	0,762
Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели и достигать их как мотивация трудовой деятельности	0,626	0,570
Потребность в разнообразии, переменах как мотивация трудовой деятельности	0,096	0,167
Потребность в креативности как мотивация трудовой деятельности	0,632	0,589
Потребность в интересной, общественно полезной работе как ведущий мотив трудовой деятельности	0,821	0,934
Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя	0,302	0,284
Апатичные действия в структуре профессиональной апатии	0,463	0,530
Эмоциональное истощение в структуре профессионального выгорания	0,525	0,475
Потребность в стабильности и надежности работы как мотивация трудовой деятельности	-0,849	-0,721
Нестабильная и ненадежная работа	3,163	3,326
Помощь организации в достижении целей как ведущий мотив трудовой деятельности	3,442	3,140
Боязнь увольнения как мотивация трудовой деятельности	1,487	1,201
Потребность в интересной работе как мотивация трудовой деятельности	0,115	0,279
Организационная справедливость распределения	1,565	1,618
Амбивалентный тип привязанности к организации	53,236	51,207
Депрессия	0,570	1,314
(Константа)	-159,488	-157,622

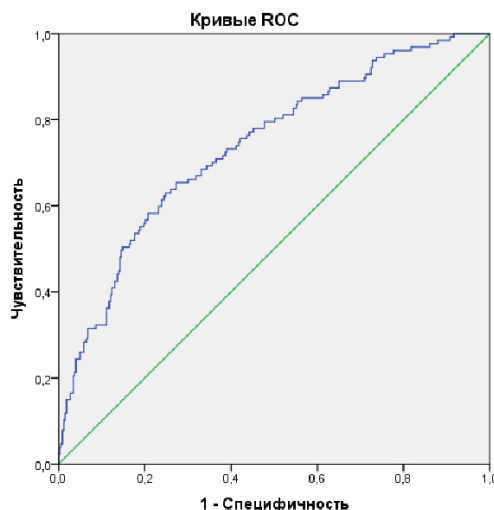
При высоком уровне воспринимаемой организационной поддержки у курсантов выявлены значимо более высокое убеждение в доброте людей ($f = 1,004$) и потребности в социальных контактах как мотивация служебной деятельности ($f = 0,806$). Курсанты данной выборки более чувствительны к справедливости с позиции нарушителя ($f = 0,302$), а отсут-

ствии эмоциональной поддержки в организации становится предиктором профессионального выгорания ($f = 0,525$). В качестве ведущего мотива служебной деятельности выделяют помощь организации в достижении целей ($f = 3,442$). Также у них значимо более выраженное опасение увольнения ($f = 1,487$).

В свою очередь курсанты с низким уровнем организационной поддержки характеризуются выраженным самоконтролем ($f = 5,119$). К достижению профессиональных результатов их мотивирует разнообразие служебной деятельности ($f = 0,167$). Профессиональные потребности компенсируются стремлением к общественной деятельности ($f = 0,934$). Выраженная склонность к депрессии ($f = 1,314$) и апатии ($f = 0,530$) определяет чувствительность к справедливости ($f = 1,618$).

Далее составлена прогнозная модель отнесения курсантов в выборки с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки. С помощью дискриминантного анализа были выявлены наиболее прогностически значимые показатели для отнесения курсантов в выборки с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки. С помощью дискриминантного анализа выделены коэффициенты линейной дискриминационной функции для выборок курсантов с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки. С помощью ROC-кривых (рисунок 1) выявлена удовлетворительная прогностическая ценность дискриминантной модели для отнесения курсантов в выборки с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки.

AUC – 73,8%, чувствительность дискриминантной (прогнозной) модели – 74,0%, её специфичность – 70,1%

Рисунок 1. ROC-кривая для отнесения курсантов в выборки с высоким и низким уровнями воспринимаемой организационной поддержки

Таким образом, многофакторная модель, оцененная с помощью ROC-анализа, имеет высокий прогностический потенциал: AUC – 73,8 %, чувствительность – 74,0 %, специфичность – 70,1 %.

Выводы

Высокий уровень воспринимаемой организационной поддержки свойственен курсантам, эмоционально вовлеченным в служебную деятельность и результативность образовательной организации. Они демонстрируют высокое чувство долга перед организацией, причисляют ее достижения к своим собственным и наоборот. Им свойственны чувствительность к справедливости, вера в доброту и потребность в социальных контактах. Преобладает мотивация на помощь организации в достижении целей.

При низком уровне воспринимаемой организационной поддержки курсанты склонны к освоению иных направлений деятельности, что, по-видимому, определяет последующую смену профессиональной сферы. В настоящее время высокий уровень самоконтроля обеспечивает их удержание в рядах сотрудников органов внутренних дел, однако выявленные депрессия и апатия уже представляют серьезную психологическую проблему.

Среди ограничений исследования необходимо указать одноцентровый характер выборки без выделения курсантов по уровню приверженности организации.

Список литературы

1. Матюшкина Е. Я., Кантемирова А. А. Профессиональное выгорание и рефлексия специалистов помогающих профессий // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 50–68; <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270204>.
2. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: Toward conceptual clarity // Academy of Management Review. – 1984. – Vol. 9, Is. 3. – P. 438–448; <https://doi.org/10.5465/AMR.1984.4279673>.
3. Ivanoff D., Podolskiy D. Workspace environment management: recent challenges and future trends for organizational psychology // Организационная психология. – 2021. – Vol. 11, №. 4. – P. 190–202.
4. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика организационной культуры : [монография]. – Саратов: Академический проект, 2007. – 303 с.
5. Круглова Н. Ю. Организационная культура как фактор позитивной психологии / Артпедагогика и артпсихология в век инноваций : сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции в рамках Всероссийского фестиваля науки НАУКА 0+, г. Москва, 4 октября 2023 г. – Москва: Московский государственный институт культуры, 2024. – С. 93–98.
6. Машкова А. С. Феномен «компетенции»: оценки компетенций менеджеров (факторы предпочтений) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2021. – № 1. – С. 57–78; <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.03>.
7. Деркач А. А. Роль организационной среды в становлении личности профессионала // Акмеология. – 2011. – № 3 (39). – С. 8–18.
8. Смирнова А. Ю. Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена // Научный журнал. Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Вып. 4. – С. 99–106.
9. Ходова Е. А., Гончарова Н. А. Компетентностный подход в развитии персонала организации // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-3. – С. 333–336.
10. Хоманс Дж. К. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой [и др.]. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1984. – С. 83–91.
11. Опарина М. Е. Трудовая мотивация специалистов сферы информационных технологий в условиях доминирующего типа // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5, № 3. – С. 90–103.
12. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика и типы привязанности у взрослых (на основе обзора зарубежных исследований) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – Т. 27, № 1. – С. 8–18.
13. Толочек В. А., Машкова А. С., Ольхов В. Ю. Организационная психология: фокус внимания – человек / Организационная психология: люди и риски : сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2023. – С. 97–101.
14. Уланова А. С., Терелецкова Е. В. Особенности разработки Well-being программы для развития организационной программы для развития организационной культуры // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12-2 (106). – С. 184–187; <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-12-2-184-187>.

References

1. Matyushkina Ye. Ya., Kantemirova A. A. Professional'noye vygoraniye i refleksiya spetsialistov pomagayushchikh professiy // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. – 2019. – T. 27, № 2. – S. 50–68; <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270204>.
2. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: Toward conceptual clarity // Academy of Management Review. – 1984. – Vol. 9, Is. 3. – P. 438–448; <https://doi.org/10.5465/AMR.1984.4279673>.
3. Ivanoff D., Podolskiy D. Workspace environment management: recent challenges and future trends for organizational psychology // Organizatsionnaya psikhologiya. – 2021. – Vol. 11, №. 4. – P. 190–202.
4. Aksenovskaya L. N. Ordernaya diagnostika organizatsionnoy kul'tury : [monografiya]. – Saratov: Akademicheskii proyekt, 2007. – 303 s.
5. Kruglova N. Yu. Organizatsionnaya kul'tura kak faktor pozitivnoy psikhologii / Artpedagogika i artpsikhologiya v vek innovatsiy : sbornik statey po materialam V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Vserossiyskogo festivalya nauki NAUKA 0+, g. Moskva, 4 oktyabrya 2023 g. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2024. – S. 93–98.

6. *Mashkova A. S.* Fenomen «kompetentsii»: otsenki kompetentsiy menedzherov (faktory predpochteniy) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. – 2021. – № 1. – S. 57–78; <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.03>.
7. *Derkach A. A.* Rol' organizatsionnoy sredy v stanovlenii lichnosti professionala // Akmeologiya. – 2011. – № 3 (39). – S. 8–18.
8. *Smirnova A. Yu.* Dvukhkomponentnaya model' sub'yektivnoy nezashchishchennosti v sfere truda v zarubezhnykh issledovaniyakh: psikhologicheskoye sodержaniye i diagnostika fenomena // Nauchnyy zhurnal. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. – 2015. – Vyp. 4. – S. 99–106.
9. *Khodova Ye. A., Goncharova N. A.* Kompetentnostnyy podkhod v razvitii personala organizatsii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2019. – № 63-3. – S. 333–336.
10. *Khomans Dzh. K.* Sotsial'noye povedeniye kak obmen // Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya / pod red. G. M. Andreyevoy [i dr.]. – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. – S. 83–91.
11. *Oparina M. Ye.* Trudovaya motivatsiya spetsialistov sfery informatsionnykh tekhnologiy v usloviyakh dominiruyushchego tipa // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. – 2014. – T. 5, № 3. – S. 90–103.
12. *Malkina-Pykh I. G.* Psikhosomatika i tipy privyazannosti u vzroslykh (na osnove obzora zarubezhnykh issledovaniy) // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty. – 2017. – T. 27, № 1. – S. 8–18.
13. *Tolochek V. A., Mashkova A. S., Ol'khov V. Yu.* Organizatsionnaya psikhologiya: fokus vnimaniya – chelovek / Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski : sbornik materialov XIV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Saratov: ITS «Nauka», 2023. – S. 97–101.
14. *Ulanova A. S., Tereletskova Ye. V.* Osobennosti razrabotki Well-being programmy dlya razvitiya organizatsionnoy programmy dlya razvitiya organizatsionnoy kul'tury // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2023. – № 12-2 (106). – S. 184–187; <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-12-2-184-187>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 30, 2024; approved after reviewing November 14, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья
УДК 159.9
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-314-324>

Любовь Николаевна Костина

доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, kostin62@mail.ru

Елена Игоревна Ерохина

кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0009-0002-8519-2509>, erokhina-2018@inbox.ru

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

О результатах развития стилей профессиональной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции

Аннотация: Введение. С учетом результатов диссертационного исследования и в целях повышения эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП) в статье объективируется необходимость разработки и применения психологического тренинга, ориентированного на развитие стилей профессиональной деятельности данной категории сотрудников. Раскрыта структура психологического тренинга, применяемые психологом формы и методы работы с участниками тренинга, особенности формирующего эксперимента по развитию стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП. **Методы исследования:** формирующий эксперимент, включенное наблюдение, тестирование, экспертная оценка, сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью программы *StatSoftStatistica 8 MR-3*. **Результаты.** Проведенным исследованием установлены значимые изменения у сотрудников ППСП: 1) повышение работоспособности, стрессоустойчивости, организаторских склонностей, ответственности и уверенности в принятии нестандартных решений, гибкости в установлении психологического контакта, развитие навыков самоконтроля и профессионального общения, что лежит в основе их стилей профессиональной деятельности; 2) повышение эффективности оперативно-служебной деятельности за счет грамотности и интеграции профессионально-психологических действий, конструктивности психологических средств профессионального общения, осознанного применения механизмов формирования стилей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, развитие стилей профессиональной деятельности, профессиональные действия, психологические средства профессионального общения, свойства интегральной индивидуальности личности, психологический тренинг

Для цитирования: Костина Л. Н., Ерохина Е. И. О результатах развития стилей профессиональной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 314–324; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-314-324>.

Original article

Lubov N. Kostina

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, kostin62@mail.ru

Elena I. Erokhina

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0009-0002-8519-2509>, erokhina-2018@inbox.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

On the results of the development of styles of professional activity of patrol and post police service

Abstract: Introduction. Based on the findings of the dissertation research and in order to enhance the effectiveness of operational activity of patrol and post police service officers (hereinafter referred to as PPPS), it is clear that there is a need of design and implementation of psychological training programmes focused on the development of styles of professional policing among this particular category of employees. The article reveals the structure of psychological training programme, techniques and methods used by a psychologist in working with participants, and specific features of the training experiment aimed at enhancing styles of policing of PPPS officers. **Research methods:** the training experiment, participant observation, testing, expert evaluation, a comparative analysis using the Student's t-test. The statistical processing of the empirical data was conducted using the software programme StatSoftStatistica 8 MR-3. **Results.** The research findings indicate significant changes in the professional profiles of PPPS officers: 1) the improvement of work capacity, stress resistance, organisational proficiency, the increase responsibility and confidence in non-standard decision making, flexibility in establishing psychological contact, the development of self-control and professional communication skills, which serve as the foundation for their styles of professional activity; 2) the effectiveness of operational-service activity is enhanced through professional literacy and the integration of professional-psychological actions, the construct psychological techniques of professional communication and the conscious application of mechanisms for the formation styles of professional activity.

Keywords: police officers, development of professional policing styles, professional actions, psychological means of professional communication, properties of integral individuality of personality, psychological training

For citation: Kostina L. N., Erokhina E. I. On the results of the development of styles of professional activity of patrol and post police service // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 314–324; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-314-324>.

Введение

Высокие требования к выполнению задач по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности граждан на улицах и в иных общественных местах в повседневных и особых условиях [1; 2] сотрудников патрульно-постовой службы по-

лиции (далее – ППСП) определяют актуальность исследуемой проблемы. Коллективная деятельность этих сотрудников требует обеспечения высокого уровня развития стилей профессиональной деятельности, которые предполагают грамотное и слаженное выполнение индивидуальных и групповых профессиональных действий (юридических, тактических, психологических, профилактических) в составе группы, наряда или поста [3; 4]. Значимость темы научной статьи объясняется научным и прикладным интересом к разработке и применению психологами органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации мероприятий и технологий, направленных на развитие стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП.

Ссылаясь на теоретико-методологические подходы к исследуемой проблеме в отечественной психологии, под стилями профессиональной деятельности сотрудников мы понимаем объединение индивидуального [5] и группового стилей деятельности [6], формирующее многозначные связи между свойствами интегральной индивидуальности [7]. Первый (индивидуальный) стиль включает систему уникальных профессиональных действий каждого сотрудника (юридических, тактических, психологических, профилактических), а второй (групповой) стиль при помощи профессиональных и психологических методов и средств интегрирует [8] индивидуально-стилевые проявления сотрудников благодаря повторениям и закреплению в групповом сознании слаженных профессиональных действий [9], что обеспечивает решение оперативно-служебных задач [10; 11].

Нами было проведено исследование психологических особенностей стилей профессиональной деятельности сотрудников отдельных батальонов ППСП УМВД России г. Тамбова и УВД по Центральному административному округу ГУ МВД России по г. Москве (далее – УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве). В исследовании приняли участие 149 человек, разделенных на две группы с учетом стажа службы сотрудников (до и более 7 лет). Это связано с полученными ранее в исследованиях отечественных ученых выводами, отмечающими высокий уровень развития стилей профессиональной деятельности сотрудников ОВД примерно к 7–10 годам службы. Представим некоторые результаты исследования¹ с применением математико-статистических методов (факторного и кластерного анализов):

1) факторами конструктивности и интеграции стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП являются «интеллект, коммуникативные и организаторские способности, дипломатичность, жизнестойкость и оценивание результатов деятельности» [12, с. 22];

2) наряду с конструктивным стилем профессиональной деятельности у сотрудников ППСП проявляется и неконструктивный стиль профессиональной деятельности, состоящий из неграмотных и разобщенных действий, которые снижают результативность совместной работы. Причина этого – недостаточность развития адаптации, компенсации и коррекции (так называемых механизмов формирования стилей деятельности), и вербальных и невербальных средств общения;

3) для обследованных сотрудников ППСП характерны типы личности, отличающиеся: а) конструктивным стилем профессиональной деятельности (устойчивый и дипломатичный); б) неконструктивным стилем профессиональной деятельности «импульсивный, конфликтный, независимо-доминирующий, застревающий» [12, с. 21].

С сотрудниками ППСП категории неконструктивного стиля деятельности необходимо проводить отдельные психологические мероприятия. Это вызвано не только тем, что у таких сотрудников снижается эффективность их совместной работы, но и тем, что в групповом взаимодействии высока вероятность рассогласованных профессиональных действий, вплоть до нанесения вреда здоровью себе, напарнику или гражданину [13]. Учитывая это, в рамках исследования² была разработана программа психологического тренинга развития

¹ Ерохина Е. И. Психологические особенности индивидуального и группового стилей деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2023. – 327 с.

² Там же.

стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП (далее – Программа психологического тренинга), предусмотренная для данной категории сотрудников.

При разработке Программы психологического тренинга применялись: 1) концепция А. М. Столяренко о структуре профессиональных действий и профессиографическое разделение деятельности сотрудников ОВД на виды (подструктуры); 2) представленные результаты исследования³.

Перед реализацией Программы психологического тренинга исследователями была поставлена задача, которая заключалась в развитии стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП за счет отработки, во-первых, грамотных и слаженных профессионально-психологических действий, во-вторых, механизмов и вербальных и невербальных психологических средств профессионального общения [14]. В структуру «...Программы психологического тренинга включены четыре раздела, соответствующие всем видам профессиональной деятельности, а также дополнительный раздел, ориентированный на проведение психологических мероприятий с особой категорией сотрудников, проявляющих неконструктивный и дезинтегрированный стили деятельности. В ходе исследования использовались следующие методы проведения психологического тренинга: 1) упражнения и моделирование ситуаций профессиональной деятельности, с помощью которых отрабатывались профессионально-психологические действия в рамках обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности; 2) деловые игры, направленные на гибкое ролевое взаимодействие участников тренинга в заданных условиях профессиональной деятельности; 3) рефлексивные приемы, которые способствовали осознанному применению механизмов формирования стилей профессиональной деятельности.

В процессе реализации Программы психологического тренинга был сделан акцент на развитии психологических механизмов формирования стилей профессиональной деятельности (адаптации, компенсации и коррекции), которым уделяется особое внимание в научной литературе [15]. В ходе тренинга на первом занятии подтвердился тот факт, что о существовании таких механизмов сотрудники ППСП не знают. До них была доведена информация не только о стилях профессиональной деятельности сотрудников ППСП, но и о механизмах их формирования. В ходе тренинга с сотрудниками проводился совместный анализ грамотности осуществления ими индивидуальных и интегрированности групповых профессионально-психологических действий; корректировалась роль вербальных и невербальных психологических средств общения в профессиональной деятельности.

Дополнительно психологическая работа в индивидуальной и групповой формах была проведена с сотрудниками экспериментальной группы, чьи стили деятельности отличались неконструктивным и дезинтегрированным характером:

1. Для респондентов «импульсивного типа» подчеркивалась роль развития навыков саморегуляции и самоконтроля, использовались отдельные упражнения: «Психоэмоциональная устойчивость», «Дыхательные экспресс-упражнения», «Аутогенная тренировка», «Моя саморегуляция», «Эмоциональный интеллект», «Синхрोगимнастика»; рекомендовалось самостоятельно отрабатывать пройденные упражнения и применять их во время несения службы.

2. С респондентами «конформного типа» внимание акцентировалось на развитии организаторских способностей и лидерских качеств, уверенности и решительности в профессиональных действиях, гибкости во взаимодействии с напарником на службе. С такими сотрудниками проводились следующие упражнения: «Мои вклады и моя ответственность в деятельности»; «Повышение самооценки»; «Принятие решений»; «Руководитель – подчиненный». Для самостоятельного закрепления результатов после выполнения упражнений на занятиях сотрудникам «конформного типа» рекомендовалось вести дневник самонаблюдения с целью фиксации позитивных изменений: а) описание (пример) профессиональных ситуаций, в которых приходилось занимать управленческую позицию и принимать решения;

³ Там же.

- б) «Что я думаю, что я чувствую, когда самостоятельно принимаю ответственные решения?»;
- в) оценка результатов совместной профессиональной деятельности с напарником и собственного вклада в коллективную работу.

Было выдвинуто предположение, что осуществление Программы психологического тренинга с элементами обучения сотрудников ППСП грамотным и слаженным профессионально-психологическим действиям, воспитания осознанного применения психологических средств профессионального общения и механизмов формирования стилей профессиональной деятельности, будет оказывать развивающий эффект на стили профессиональной деятельности и их оперативно-служебную деятельность.

Методы

Для подтверждения либо опровержения выдвинутой нами гипотезы использованы следующие методы:

1. *Тестирование*, направленное на оценку изменений в свойствах интегральной индивидуальности сотрудников ППСП, которые являются основой для формирования стилей профессиональной деятельности. Применен комплекс психодиагностических методик: «методика изучения структуры темперамента Я. Стреляу (адаптация Н. Н. Даниловой, А. Г. Шмелева), опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова, методика “Коммуникативные и организаторские склонности (КОС)” (В. В. Синявского, В. А. Федорошина), методика многофакторного исследования личности Кэттелла (форма С), методика “Диагностика жизнестойкости” (С. Мадди, адаптирована Д. А. Леонтьевым), опросник “Стиль саморегуляции поведения – ССП-98” В. И. Моросановой, методика К. Томаса “Стратегии поведения в конфликтных ситуациях” (в адаптации Н. В. Гришиной), методика “Диагностика межличностных отношений (ДМО)” Л. Н. Собчик» [2, с. 21].

2. *Метод включенного наблюдения*.

3. *Метод экспертной оценки* командиров отделений, взводов и рот ППСП, с помощью которого можно оценить изменения эффективности выполнения сотрудниками профессиональных действий и использования механизмов формирования стилей профессиональной деятельности.

4. *Метод беседы*.

5. *Метод анализа мини-отчетов* сотрудников, в которых они спустя месяц после тренинга фиксировали информацию о своем состоянии и поведении, использовании механизмов формирования стилей профессиональной деятельности и средств профессионального общения на службе, изменения во взаимодействии с напарником в наряде, а также личный вклад в коллективную работу (отчеты представлялись в мессенджерах *WhatsApp* и *Telegram*).

Квазиэкспериментальное исследование проводилось в 2022 году на протяжении трех месяцев в отдельном батальоне УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве. В выборку данного эксперимента входили 24 сотрудника ППСП со средним стажем службы 3,5 года. 12 респондентов принимали участие в психологическом тренинге (экспериментальная группа), а остальные были включены в контрольную группу без прямого участия.

Результаты и обсуждение

Сравнительным анализом (по t-критерию Стьюдента) установлено, что до реализации тренинга статистически значимых различий в контрольной и экспериментальной группах не зафиксировано. По окончании проведения тренинговой программы по развитию стилей профессиональной деятельности сотрудников ППСП нами выявлены статистически значимые изменения в повышении показателей шкал психодиагностических методик, отражающих свойства интегральной индивидуальности сотрудников, принимавших участие в эксперименте:

1. «Скорость психомоторной сферы» ($p \leq 0,05$), «эмоциональная стабильность» ($p \leq 0,01$), «принятие риска» ($p \leq 0,05$), «самоконтроль» ($p \leq 0,001$), «робость / смелость» ($p \leq 0,05$), которые подтверждают развитие гибкости в психомоторной сфере, повышении двигательной активности и уверенности в выполнении оперативно-служебных задач, работоспособности, стрессоустойчивости, саморегуляции, самоконтроля и самоуправления поведением и профессиональными действиями.

2. «Скорость коммуникативной сферы» ($p \leq 0,05$), «пластичность коммуникативной сферы» ($p \leq 0,05$), «замкнутость / общительность», ($p \leq 0,01$) «прямолинейность / дипломатичность» ($p \leq 0,001$), «сотрудничество» ($p \leq 0,001$), «приспособление» ($p \leq 0,01$), «компромисс» ($p \leq 0,001$). Изменения этих шкал свидетельствуют о проявлении гибкости в установлении психологических контактов, уверенности в процессе общения и социального взаимодействия с напарником и гражданами, конструктивном применении программ разрешения конфликтных профессиональных ситуаций в целом, о развитии коммуникативных способностей.

3. «Организаторские склонности» ($p \leq 0,05$), «властно-лидирующий» ($p \leq 0,01$), «сотрудничающе-конвенциональный» ($p \leq 0,05$), «ответственно-великодушный» ($p \leq 0,05$). Эти шкалы указывают на большее проявление в профессиональной деятельности организаторских склонностей и дипломатичности во взаимодействии с напарником и гражданами, ответственности и уверенности при принятии самостоятельных решений в ходе выполнения оперативно-служебных задач.

Отметим, что наряду с повышением показателей, нами выявлено и снижение следующих показателей: «подчиненность / доминантность» ($p \leq 0,001$), «доверчивость / подозрительность» ($p \leq 0,01$), «прямолинейно-агрессивный» ($p \leq 0,05$), что подтверждает проявление высокого уровня самоконтроля и стрессоустойчивости, снижение уровня импульсивности и несдержанности в поведении как во взаимодействии с напарником, так и с гражданами.

Таким образом, сравнительный анализ показал эффективность экспериментального исследования, которое способствовало развитию у сотрудников ППСП свойств интегральной индивидуальности: работоспособности, стрессоустойчивости, организаторских склонностей, ответственности и уверенности в принятии нестандартных решений, гибкости в установлении психологического контакта, навыков самоконтроля и профессионального общения.

Также на эффективность реализации Программы психологического тренинга указывают результаты:

1. Включенное наблюдение, с помощью которого зафиксировано, что 85 % респондентов экспериментальной группы демонстрировали активность и вовлеченность при выполнении упражнений. Проявление открытости, интереса, замотивированности и воодушевления было отмечено у большей части сотрудников при моделировании профессиональных ситуаций служебной деятельности в индивидуальной и групповой формах. Установлены положительные изменения в поведении и действиях участников тренинга (единение и согласованность в действиях, гибкая подстройка друг к другу при выполнении упражнений в парах; оказание поддержки и взаимопомощи в деловых играх и рефлексивных приемах). Многие участники тренинга после проведения занятий отмечали следующее: «Никогда не думал, что работа в паре очень важна, сейчас понимаю, что от грамотных совместных действий меня и напарника зависит многое»; «Рефлексивные приемы помогли мне правильно оценивать и понимать себя, свои сильные и слабые стороны в работе»; «Впервые узнал о механизмах стилей, теперь хочется не только их попробовать в упражнениях тренинга, но и на службе с напарником»; «Коррекция – это интересно, особенно групповая, я могу сразу исправлять свои ошибки и помогать своему товарищу в наряде»; «В общении с гражданами всегда были трудности, но теперь с помощью отработки средств общения я смогу говорить и чувствовать себя увереннее» и т. п.

2. Бесед, в которых участники тренинга отмечали проявление согласованности и слаженности в работе с напарниками, повышение эффективности как отдельных професси-

ональных действий, так и деятельности в целом. В беседах с командирами подразделений (отделений и взводов) ППСП было зафиксировано, что сотрудники после проведения тренинга стали более внимательны и ответственны при выполнении служебных обязанностей, оперативно и адекватно реагировать на замечания, а также конструктивно адаптироваться к профессиональным действиям напарника при заступлении на службу в новой смене.

3. Мини-отчетов, с помощью которых установлена обратная связь большей части респондентов экспериментальной группы после реализации Программы психологического тренинга.

По результатам анализа отчетов отдельных сотрудников отмечены изменения в их профессиональных действий: «Выражаю благодарность психологу за проведение тренинга, так как я смог повысить результаты своей деятельности и справиться со своей неуверенностью в выполнении физических приемов борьбы»; «На маршруте патрулирования я стал внимательнее, замечаю детали, быстро и легко определяю признаки правонарушений»; «Оцениваю результаты своей работы, как мы это делали на тренинге, это мне помогает лучше выполнять свои служебные обязанности»; «Получил благодарность от командира, я намного лучше выполняю свою работу»; «Действия по доставлению и задержанию правонарушителя стали увереннее»; «Активнее занимаюсь профилактикой административных правонарушений, мне в этом помогли упражнения и деловые игры»; «С помощью моделирований профессиональных ситуаций быстрее и грамотнее составляю протоколы».

Позитивные изменения зафиксированы и в применении механизмов и средств профессионального общения: «Общение с гражданами дается легко, это все потому, что использую приемы и средства общения из тренинга»; «Граждане меня понимают, я четко предъявляю свои требования»; «На маршруте патрулирования возник серьезный конфликт с правонарушителем, он был вспыльчив и не настроен на диалог, мне удалось сгладить конфликт, гражданин предъявил документы и выполнил законные требования»; «После тренинга понял, что нужно пополнять словарный запас, это необходимо для моей профессиональной деятельности»; «Попробовал механизмы на практике, хочу сказать, что с помощью них я лучше чувствую работу напарника, поддерживаю и помогаю ему»; «С помощью адаптации я могу заступать на службу с любым человеком, быстро к нему подстраиваюсь и легко выполняю служебные обязанности»; «Коррекция помогает вовремя замечать свои ошибки и исправлять ошибки напарника».

Отметим также изменения, связанные с межличностными отношениями в служебном коллективе сотрудников: «Мои отношения с товарищем на службе стали намного лучше, мы научились договариваться и исправлять ошибки друг друга»; «До проведения тренинга у меня были плохие отношения с товарищами на службе, сейчас я поменял к этому свое отношение, стал больше стараться для коллектива, ко мне появилось доброжелательное отношение» и т. п.

В мини-отчетах сотрудников, отнесенных к отдельным типам личности, отражены позитивные изменения о влиянии навыков саморегуляции на эмоциональное состояние, поведение и профессиональные действия. Так, респонденты «импульсивного типа» отмечали следующее: «У меня лучше получается себя контролировать, я больше не срываюсь на своего напарника, сдерживаюсь. В этом помогают дыхательные упражнения»; «Вчера я не справился с эмоциями, расстроен, буду стараться следить за собой»; «Сегодня у коллеги было плохое настроение, он не выдержал и накричал, я его успокоил и мы дальше продолжили заполнять протокол»; «Я себя чувствую намного спокойнее не только на работе, но и дома с близкими»; «Отношения с коллегами на службе изменились, так как теперь я слежу за своими чувствами, словами и действиями».

У сотрудников «конформного типа» зафиксированы изменения в беседах и деловой переписке: «Вчера гражданин отказался предъявлять документы, но я был решителен и настойчив, и он все-таки выполнил законные требования»; «Обычно протокол заполняет мой напарник, сегодня я проявил инициативу и решил сделать это самостоятельно», «Отследил

служебные ситуации, в которых не люблю принимать ответственные решения, буду это исправлять»; «Появилась уверенность в себе, четко и быстро делаю то, что раньше у меня не получалось»; «Понимаю, что попросить помощи у напарника не стыдно, если что-то непонятно я лучше спрошу, чем допущу ошибки» и т. п.

4. Экспертной оценки, проведенной командирами отделений, взводов и рот ППСП, в результате чего установлены позитивные изменения у сотрудников экспериментальной группы в отдельных подструктурах (видах) профессиональной деятельности:

а) *познавательной-прогностической*: «грамотной и слаженной оценке оперативной обстановки, прогнозировании ее последствия (тэмп = 2,67, при $p \leq 0,05$), анализе поведения и состояния граждан (тэмп = 2,45, при $p \leq 0,01$), определении признаков административных правонарушений (тэмп = 3,21, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

б) *коммуникативной*: «индивидуальном и совместном установлении психологического контакта с различными категориями граждан (тэмп = 3,19, при $p \leq 0,05$), индивидуальном и совместном разрешении конфликтных ситуаций и конфликтов (тэмп = 2,89, при $p \leq 0,05$), мобильном и гибком обмене профессиональной информацией, адекватном восприятии речи и невербальных средств профессионального общения (тэмп = 3,38, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

в) *организационно-управленческой*: «управлении поведением и действиями граждан при пресечении административного правонарушения (тэмп = 2,68, при $p \leq 0,05$), организации профессионально-тактических действий напарников в совместных силовых приемах: задержания, сопровождения, доставления (тэмп = 3,15, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

г) *профилактической*: «осуществлении профилактики административных правонарушений: информировании и разъяснении гражданину правовых последствий совершаемого им правонарушения (тэмп = 3,02, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

д) *экспертной оценки*, благодаря которой зафиксировано осознанное и целенаправленное использование участниками тренинга психологических механизмов формирования стилей профессиональной деятельности:

– *адаптации*: «отдельной и групповой подстройке к изменяющимся условиям профессиональных ситуаций, приспособлению к действиям напарника и гражданина (тэмп = 3,01, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

– *компенсации*: «дополнении напарника в профессиональном общении – словах и фразах, невербальных средствах, разъяснении законных требований гражданину (тэмп = 2,79, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21];

3) *коррекции*: «координации и корректировки собственных профессиональных действий и деятельности (тэмп = 2,35, при $p \leq 0,05$), корректировки отдельных профессиональных действий напарника (тэмп = 2,62, при $p \leq 0,05$)» [2, с. 21].

Заключение

Результаты формирующего эксперимента свидетельствуют об эффективном применении разработанной Программы психологического тренинга, о подтверждении выдвинутой авторами гипотезы, а также указывают на значимые позитивные изменения:

1) в свойствах интегральной индивидуальности сотрудников ППСП, которые лежат в основе их стилей профессиональной деятельности: повышении работоспособности, стрессоустойчивости, организаторских склонностей, ответственности и уверенности в принятии нестандартных решений, гибкости в установлении психологического контакта, развитии навыков самоконтроля и профессионального общения;

2) в повышении грамотности и интегральности профессионально-психологических действий, конструктивности психологических средств профессионального общения, осознанном и целенаправленном применении механизмов формирования стилей профессиональной деятельности.

Перечисленные показатели обеспечили развитие у сотрудников ППСП стиля профессиональной деятельности и более эффективное обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Список литературы

1. Кодзокова Л. А., Кумехова М. Б. Некоторые вопросы организации деятельности патрульно-постовой службы полиции в России // *Право и управление*. – 2023. – № 2. – С. 128–132; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-2-128-132>.
2. Полякова Н. А. Значимые аспекты целенаправленной психологической подготовки сотрудников патрульно-постовой службы полиции // *Гуманитарный научный вестник*. – 2020. – № 6. – С. 140–147; <https://doi.org/10.5281/zenodo.3941951>.
3. Трофимова Н. С. Социально-психологические особенности деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в условиях массовых мероприятий // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2015. – № 3 (62). – С. 41–43.
4. Трофимова Н. С. Социально-психологические особенности деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // *Мир образования – образование в мире*. – 2017. – № 1 (65). – С. 283–287.
5. Поваренков Ю. П. Психологическая характеристика индивидуальных стилей деятельности профессионала // *Ярославский педагогический вестник*. – 2016. – № 6. – С. 227–232.
6. Толочек В. А. *Стили деятельности : ресурсный подход*. – Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2015. – 366 с.
7. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // *Образование и наука*. – 2017. – Т. 19, № 2. – С. 145–160; <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-145-160>.
8. Толочек В. А. Социальные дополняющие диады и успешность субъекта / Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы : коллективная монография / Л. М. Митина, Н. А. Шайденко, С. Н. Кипурова [и др.] ; под ред. Л. М. Митиной. – Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2022. – С. 93–100.
9. Шаранов Ю. А., Меркушева О. В., Кобозев И. Ю., Злоказова Ю. В. Операционализация атрибутивного стиля как инвариантного свойства атрибутивных технологий деятельности сотрудников полиции на транспорте // *Психология и право*. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 96–109; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120408>.
10. Костина Л. Н., Котенев И. О., Дворниченко Ю. В. Об изменениях индивидуально-психологических особенностей сотрудников полиции Российской Федерации, исполняющих обязанности в особых условиях служебной деятельности // *Психология и педагогика служебной деятельности*. – 2022. – № 4. – С. 64–67; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-64-67>.
11. Котенев И. О., Федотов А. Ю., Костина Л. Н., Алексеев Д. Е. Развитие профессионального стиля саморегуляции у сотрудников ОВД в условиях обучения в центре профессиональной подготовки // *Прикладная психология и педагогика*. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 57–70.
12. Ерохина Е. И. О некоторых результатах эмпирического исследования группового стиля деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // *Психология и педагогика служебной деятельности*. – 2023. – № 1. – С. 19–23; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-19-23>.
13. Лукина В. А. Особенности служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в период пандемии // *Мир науки. Педагогика и психология : сетевой научный журнал*. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 1–8. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN221.pdf>.
14. Толочек В. А. Стили делового общения как модель: феномен стиля, подходы, исследования, открытые вопросы. Часть 1 // *Вестник Пермского университета. Философия*.

Психология. Социология. – 2019. – № 2. – С. 219–229; <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-219-229>.

15. Толочек В. А. Стили деятельности / Разработка понятий современной психологии : сборник статей / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2018. – С. 508–529.

References

1. Kodzokova L. A., Kumekhova M. B. Nekotoryye voprosy organizatsii deyatelnosti patrol'no-postovoy sluzhby politsii v Rossii // Pravo i upravleniye. – 2023. – № 2. – С. 128–132; <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-2-128-132>.

2. Polyakova N. A. Znachimyye aspekty tselenapravlennoy psikhologicheskoy podgotovki sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. – 2020. – № 6. – С. 140–147; <https://doi.org/10.5281/zenodo.3941951>.

3. Trofimova N. S. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti deyatelnosti sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii v usloviyakh massovykh meropriyatiy // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2015. – № 3 (62). – С. 41–43.

4. Trofimova N. S. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti deyatelnosti sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii // Mir obrazovaniya – obrazovaniye v mire. – 2017. – № 1 (65). – С. 283–287.

5. Povarenkov Yu. P. Psikhologicheskaya kharakteristika individual'nykh stiley deyatelnosti professionala // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. – 2016. – № 6. – С. 227–232.

6. Tolochek V. A. Stili deyatelnosti : resursnyy podkhod. – Moskva: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 2015. – 366 s.

7. Vyatkin B. A., Dorfman L. Ya. Teoriya integral'noy individual'nosti V. S. Merlina: istoriya i sovremennost' // Obrazovaniye i nauka. – 2017. – Т. 19, № 2. – С. 145–160; <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-145-160>.

8. Tolochek V. A. Sotsial'nyye dopolnyayushchiye diady i uspeshnost' sub"yekta / Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost' i perspektivy : kollektivnaya monografiya / L. M. Mitina, N. A. Shaydenko, S. N. Kipurova [i dr.] ; pod red. L. M. Mitinoy. – Moskva: Psikhologicheskii institut Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2022. – С. 93–100.

9. Sharanov Yu. A., Merkusheva O. V., Kobozev I. Yu., Zlokazova Yu. V. Operatsionalizatsiya atributivnogo stilya kak invariantnogo svoystva atributivnykh tekhnologiy deyatelnosti sotrudnikov politsii na transporte // Psikhologiya i pravo. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 96–109; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120408>.

10. Kostina L. N., Kotenev I. O., Dvornichenkova Yu. V. Ob izmeneniyakh individual'no-psikhologicheskikh osobennostey sotrudnikov politsii Rossiyskoy Federatsii, ispolnyayushchikh obyazannosti v osobykh usloviyakh sluzhebnoy deyatelnosti // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti. – 2022. – № 4. – С. 64–67; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-64-67>.

11. Kotenev I. O., Fedotov A. Yu., Kostina L. N., Alekseyev D. Ye. Razvitiye professional'nogo stilya samoregulyatsii u sotrudnikov OVD v usloviyakh obucheniya v tsentre professional'noy podgotovki // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 57–70.

12. Yerokhina Ye. I. O nekotorykh rezul'tatakh empiricheskogo issledovaniya gruppovogo stilya deyatelnosti sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti. – 2023. – № 1. – С. 19–23; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-19-23>.

13. Lukina V. A. Osobennosti sluzhebnoy deyatelnosti sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii v period pandemii // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya : setevoy nauchnyy zhurnal. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 1–8. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN221.pdf>.

14. Tolochek V. A. Stili delovogo obshcheniya kak model': fenomen stilya, podkhody, issledovaniya, otkrytyye voprosy. Chast' 1 // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – 2019. – № 2. – С. 219–229; <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-219-229>.

15. *Tolochek V. A. Stili deyatel'nosti / Razrabotka ponyatiy sovremennoy psikhologii : sbornik statey / Otv. red.: A. L. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2018. – S. 508–529.*

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted July 30, 2024; approved after reviewing October 7, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-325-335>

Людмила Георгиевна Почебут

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, ludmila.pochebut@gmail.com

Вера Александровна Чикер

кандидат психологических наук

<https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, vchiker@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9

Методологическое сопровождение исследований социального капитала организации

Аннотация: Введение. Цель статьи состоит в обобщении результатов теоретических, методологических и методических исследований социального капитала организации, а также в описании диагностического инструментария для его оценки. Исходя из определения социального капитала организации как единого смыслового пространства, объединяющего сотрудников организаций, выделены его основные компоненты, которые могут быть подвергнуты измерению: доверие, приверженность целям и ценностям, сформированные нормы взаимодействия, репутация организации. **Методы.** Теоретический и методологический анализ выявил основные принципы исследования социального капитала, что позволило создать обобщающую модель для его изучения, на основе которой предложена валидизированная методика его измерения с подсчетом индекса консолидации (ИКСКО). **Результаты.** Исходя из модели показано, что основные его компоненты могут быть качественно и количественно определены, а накопленный социальный капитал может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Введено понятие «консолидация социального капитала организации», отражающее единство его основных компонентов. Выявлены различия в структуре социального капитала в зависимости от социально-демографических характеристик персонала организаций. Проведены и описаны эмпирические исследования, подтверждающие теоретические и методологические подходы к исследованию социального капитала организаций в различных сферах деятельности: бизнесе, образовании, а также в аспекте поколенческих различий.

Ключевые слова: социальный капитал организации, методология, доверие, приверженность, нормы взаимоотношений, репутация, консолидация

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке РНФ, № 23-28-00107 «Социально-психологическое сопровождение консолидации социального капитала организации».

Для цитирования: Почебут Л. Г., Чикер В. А. Методологическое сопровождение исследований социального капитала организации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 325–335; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-325-335.

Original article

Lyudmila G. Pochebut

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, ludmila.pochebut@gmail.com

Vera A. Chiker

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, vchiker@yandex.ru

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Methodological support for social capital research in organizations

Abstract: Introduction. The purpose of this article is to present a synthesis of the theoretical, methodological and empirical research findings pertaining to the social capital in organisations, and as well as to describe the diagnostic tools used in its assessment. According to the concept of social capital in organisations as a unified semantic space encompassing the employees of various organisations, the key components of social capital in organisations that can be quantified are identified. These components are trust, commitment to goals and values, the constitutive interaction norms, and the organisational reputation. **Methods.** A theoretical and methodological analysis revealed the main principles of social capital study. This analysis allowed us to create a generalised model for the study of social capital. Based on the aforementioned model, validation methodology for measuring social capital including a calculation of the consolidation index was proposed (IXCO). **Results.** The model demonstrates that the principal components can be qualitatively and quantitatively characterised, and social capital accumulation may have both positive and negative implications. The concept of “social capital consolidation in organizations” is introduced, reflecting the unity of its main components. This study reveals the differences in the structure of social capital depending on the socio-demographic characteristics of organisations' personnel. Furthermore, empirical studies are conducted to confirm the theoretical and methodological approaches to the study of social capital in organisations in different spheres of activity, including business, education, as well as in issue of generational differences.

Keywords: social capital in organisations, methodology, trust, commitment, interaction norms, reputation, consolidation

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), No. 23-28-00107 “Social and psychological support of social capital consolidation in organisations”.

For citation: Pochebut L. G., Chiker V. A. Methodological support for social capital research in organizations // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 325–335; doi: 10.35750/2071-8284-2024-4-325-335.

Введение

Понятие «социальный капитал» является универсальным, оно может применяться в отношении любой социальной общности, широко используется в социологии, экономике, философии¹ [1–3]. Однако ученые не могут договориться об определении понятия

---

¹ Bourdieu P. The forms of capital / N. W. Biggart (Ed.) Readings in Economic Sociology. – Greenwood: Wiley Blackwell, 2002. – P. 280–291.

«социальный капитал» [4]. Экономисты и социологи оценивают уровень социального капитала преимущественно в обществе или в местных сообществах по степени доверия людей друг к другу. Этот подход к изучению социального капитала в настоящее время является основополагающим и достаточно разработанным. Дж. Петерсен с сотрудниками в рамках социального капитала изучают нормы взаимности [5]. А. Менг в качестве показателя социального капитала рассматривают социальную поддержку [6]. В российской психологии В. В. Дайнеко, В. А. Штроо разрабатывают теоретическую концепцию социального капитала с точки зрения позитивной психологии [7]. О. А. Игумнов изучает организационные эффекты социального капитала [8].

Социальный капитал представляет собой комплексное и системное явление, которое можно рассматривать в четырех аспектах: ресурсном, экономическом, сетевом и социально-психологическом [9]. Все эти аспекты играют существенную роль в развитии организации и повышении эффективности ее деятельности, а изучение социального капитала, исходя из превалирующей концепции, может иметь различные траектории. Безусловно, человеческие и материальные ресурсы являются определяющими, базовыми условиями формирования социального капитала. Ресурсный подход во многом близок к экономическому изучению социального капитала, который направлен на повышение конкурентоспособности организации и достижение изначальной цели – получение прибыли. Сетевой аспект обеспечивает разветвленные каналы коммуникаций (традиционные и онлайн) как внутри организации между сотрудниками по горизонтали и вертикали, так и с внешней средой – с партнерами, клиентами, поставщиками компании – ее стейкхолдерами, что позволяет поддерживать организационную систему на должном уровне. Социально-психологический аспект затрагивает вопросы общения на разных ступенях взаимодействия, включая официальные и межличностные отношения в организациях. Он связан прежде всего с развитием атмосферы доверия, приверженности сотрудников целям и ценностям организации (лояльности), соблюдением организационных и личных норм поведения, формированием и поддержанием репутации организации в долгосрочной перспективе.

Концептуальная модель, которая была разработана нами при изучении теоретических и прикладных работ в области изучения социального капитала. Модель позволила нам учесть по возможности все эти аспекты, ориентируясь на принципы системности и комплексности в его изучении. Таким образом, нами были пройдены основные шаги научного исследования: теоретическое описание и структурирование содержательных компонентов социального капитала организации, а затем – логичный переход к методологии и методическим процедурам его исследования² [10–13].

Проанализировав основные парадигмы социальной психологии, опираясь на теории социального конструктивизма и когнитивизма, объясняющие процессы возникновения смыслов и значений, мы определяем *социальный капитал организации как «единое смысловое пространство, объединяющее и сплачивающее людей на решение актуальных задач, основанное на доверии, нормах взаимности, равноправия, справедливости и универсализма, приверженности целям и ценностям организации, создающее ее репутацию во внешней и внутренней среде»* [12, с. 55].

Как показывают J. Nahapiet и S. Ghoshal, социальный капитал изучается в трех направлениях: *структурном* (конфигурация связей между субъектами взаимодействия: количество контактов, их плотность, сила или слабость социальных связей, статус и количество групп контактов отдельного человека), *реляционном (отношенческом)* (особенности взаимоотношений субъектов коммуникаций, связанные с взаимным доверием, опытом социализации, идентификацией и надежностью отношений) и *когнитивном* (единство целей и ценностей, норм во взаимодействии; общие представления и содержательная интерпретация контекста (общие цели, мифы, метафоры) существования человека и группы) [14]. Сочетая

² Методы и методология социально-психологических исследований : учебное пособие / под ред. Почебут Л. Г., Гуриевой С. Д., Чикер В. А. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 641 с.

и интерпретируя эти подходы в изучении социального капитала организаций, основными содержательными социально-психологическими компонентами социального капитала мы считаем доверие, нормы, приверженность и репутацию организации, предполагая, что эти психологические конструкты могут быть диагностированы, т. е. измерены, а также подвергнуты изменениям с целью повышения эффективности менеджмента организации.

Методы

Теоретический метод. Концептуальная модель социального капитала организации

Разработанная нами концептуальная модель социального капитала организации предполагает, что формирование и уровень консолидации социального капитала являются результатом взаимосвязи как позитивных, так и негативных факторов внешней и внутренней среды. Социальный капитал организации можно понимать, как объединяющую и сплачивающую силу, связанную с эффективностью ее деятельности. Консолидация с точки зрения социальной психологии – это процесс, который означает согласование в ходе общения членами группы целей, норм, ценностей, средств, стиля и способов совместной деятельности. Консолидация социального капитала – это устойчивая, общепризнанная система деловых и межличностных отношений сотрудников организации. Консолидация социального капитала обеспечивает организационную идентичность, что выражается в определенной организационной культуре [10, с. 130].

Результат консолидации социального капитала отражается на трех уровнях работы организации, таких как перспективное карьерное продвижение и профессиональное развитие сотрудников (индивидуальный уровень); благоприятный социально-психологический климат (групповой уровень); удовлетворяющая сотрудников организационная культура (организационный уровень) [12, с. 55]. Основными компонентами социального капитала организации, которые могут быть измерены на этих уровнях, являются:

- 1) взаимное доверие сотрудников организации по вертикали и горизонтали – к руководству и друг другу;
- 2) разделяемые цели и ценности организации (лояльность и приверженность);
- 3) соблюдение общепринятых групповых норм, отражающих общие ценности;
- 4) поддержка внутренней и внешней репутации организации (оценка деловых качеств стейкхолдерами).

К факторам, позитивно влияющим на консолидацию социального капитала, относятся: эффективное лидерство в организации, поддерживающие стратегические планы руководства, обучение персонала, необходимое для повышения их профессионального и личного уровня, мотивация персонала на выполнение заданий и повышение своей квалификации, материальное и моральное стимулирование сотрудников. Также можно выделить факторы, негативно влияющие на консолидацию социального капитала в организации. К таким факторам мы отнесли высокий уровень конфликтности среди персонала, моббинг-процессы (преследование и травлю неугодных сотрудников), текучесть персонала, абсентеизм. Такие факторы способствуют эмоциональному выгоранию работников организации и приводят к их профессиональной деформации, снижению продуктивности деятельности и в итоге к разрыву социальных связей и увольнению.

Методологические основы исследования социального капитала

Теоретический анализ как первый этап исследования позволил создать логическую систему методологических принципов, обосновать применение системного и комплексного подходов при изучении социального капитала организации [10; 12; 13].

Комплексный подход опирается на тенденцию объединения достижений в изучении феномена с точки зрения методических подходов, принятых в различных науках: экономике, социологии, менеджменте, социальной, экономической, политической, военной и организационной психологии. Системный подход к анализу социального капитала означает

рассмотрение социального капитала конкретной организации в максимально широком контексте социальных отношений производства и бизнеса, региональных особенностей, государственной поддержки, анализа рынка труда, иных социально-экономических процессов и институтов. Детальный анализ основных социально-психологических феноменов на уровне личности, малой и большой групп способствует определению следующих показателей: компоненты и виды социального капитала, стадии и факторы его формирования, уровни развития, функции социального капитала, последствия его консолидации для организации в целом и для отдельного сотрудника.

В любых исследованиях социального капитала организации необходимо анализировать жизненный цикл организации и, в связи с этим, этапы динамики, накопления, использования и потерь экономического, социального и личностного капитала. Особое внимание мы уделили изучению понятия «консолидация социального капитала», которое в динамике организационных процессов, как мы уже отмечали выше, занимает ключевое место.

Консолидация социального капитала организации

Введенное нами понятие «консолидация социального капитала организации» позволило в рамках теоретических и эмпирических исследований свести воедино изучение основных компонентов социального капитала организации и определить уровень его развития, структурные характеристики, чем по основным параметрам была подтверждена наша теоретическая модель. Консолидация с точки зрения социальной психологии – это особый групповой процесс, обеспечивающий согласование сотрудниками организации целей, норм, средств, стиля и способов совместной деятельности. Консолидация осуществляется на основе сотрудничества, консенсуса, уступчивости, договоренности и одновременно независимости действий, в результате чего вырабатываются единые нормы, ценности, убеждения и поведенческие модели с целью принятия эффективных решений. Консолидация позволяет создать организационную атмосферу психологического взаимовлияния, необходимую для решения единых целевых и смысловых задач. Консолидация социального капитала – устойчиво-динамическое явление, в области управления она вполне может быть соотнесена с «жизненными циклами» любой организации, включая накопление, стабильное состояние и потерю социального капитала [13, с. 34–35]. Консолидация может быть рассмотрена и как устойчивое состояние общности, и как динамический процесс. Каждая организация в зависимости от направленности деятельности имеет свои приоритеты в области преимущественных составляющих в структуре социального капитала и процессах его консолидации. Например, в вузах это репутация и организационная культура; в военных организациях – отношение к групповым нормам и ценностям, лояльность и патриотизм.

Социально-психологические последствия консолидации социального капитала в организации

Зарубежные исследователи отмечают позитивные и негативные последствия консолидации социального капитала организации, обозначая это как «светлую» и «темную» его стороны [15]. Мы понимаем, что накопление социального капитала и его консолидацию нельзя рассматривать как исключительно позитивный процесс. Согласно принципам диалектики, в любом явлении есть как «светлая» (позитивная), так и «темная» (негативная) стороны. Об этом также пишут Э. Вильялонга-Оливье и И. Кавачи [15]. Список социальных эффектов, представленный авторами, был нами дополнен.

К позитивным последствиям социального капитала можно отнести:

1. Возникновение и поддержание внутригрупповых неформальных позитивных норм общения и отношений.
2. Создание атмосферы взаимного доверия по вертикали и горизонтали.
3. Наличие социальной поддержки со стороны руководства и подразделения, что позволяет человеку верить, что его ценят и уважают.

4. Общественная активность, направленность на решение социальных задач.
5. Возможность организовать коллективные действия и координировать усилия.
6. Обмен ценными ресурсами внутри группы или организации.
7. Ожидание согласия, поддержки и солидарности подразделения или организации.

Высокая групповая сплоченность

8. Солидарность субкультур организации.
9. Высокие показатели удовлетворенности своей деятельностью и психологическое благополучие сотрудников.
10. Лояльность организации и приверженность общественным целям и ценностям.

К негативным последствиям относятся:

1. Чрезмерное давление и принуждение к выполнению групповых норм. Осуществление жестких неформальных санкций за их нарушение.
2. Жесткое давление конформизма и требование подражать поведению других членов подразделения. Недопустимость инициативных действий.
3. Групповое единомыслие, проявляющееся в иллюзии неуязвимости и стереотипном взгляде на конкурентов и противников.
4. Возможность злоупотребления доверием руководства.
5. Возникновение жесткой системы взаимных обязательств.
6. Уменьшение «проницаемости» границ подразделения, его относительная изолированность.
7. Сомнение в необходимости соблюдения неформальных норм, принятых в организации.
8. Чрезмерный неофициальный контроль за соблюдением групповых норм каждым членом подразделения.
9. Партикуляризм и групповой фаворитизм – распределение ресурсов только среди членов своей группы.
10. Переоценка своих возможностей, невнимательность при оценке рисков.

Результаты

Исследование консолидации социального капитала вуза

Эмпирические исследования были проведены по таким компонентам социального капитала, как доверие, приверженность, репутация и нормы. При опросе студентов различных университетов, курсов и направлений обучения (бакалавриат и магистратура) ($N = 500$) и преподавателей и сотрудников вузов ($N = 90$) выявлены базовые составляющие социального капитала [13]. В опросе приняли участие студенты четырех ведущих вузов России (г. Санкт-Петербург, г. Петрозаводск, г. Самара).

Данные вузы имели высокий рейтинг среди вузов нашей страны. Применялся комплекс методов, направленных на диагностику показателей социального капитала личности, репутации организации, реализации мотивов, уровня доверия, организационной культуры, уровня идентификации и лояльности [13, с. 38]. Полученные данные были обработаны с помощью контент-анализа, дисперсионного, корреляционного и регрессионного анализа. Изучение основных характеристик социального капитала показало, что каждый из вузов, а также каждая категория обучающихся и персонала имеет свою специфику в формировании и консолидации социального капитала. В то же время выявлены и общие закономерности, характерные для вузовской культуры в целом. Выявилась устойчивая взаимосвязь репутации вуза и возможности реализации мотивов обучающихся, динамика формирования социального капитала в ходе обучения. Оказалось, что социальный капитал вуза консолидируется преимущественно на основе двух составляющих: репутация организации и организационная культура. Большинство респондентов определяют организационную культуру в университете как рыночную ($M = 29,6$; $SD = 13,8$), что соответствует общей ориентации

экономики в стране. Однако традиционной, предпочитаемой и более близкой культурой является клановая ($M=39,8; SD=20,3$). В свою очередь, клановая культура тесно связана с составляющими организационной идентификации ($p < 0.01$), т. е. организационная идентичность быстрее формируется в клановой организационной культуре, где сохраняются отношения близости и поддержки. Видение дальнейшего развития университетов респонденты определили как характерное для адхократической (творческой) культуры, где важен индивидуальный подход к людям, забота о них, гибкость в решении задач ($M = 28,1; SD = 14,2$). Следует отметить, что такое же соотношение рыночной и клановой культуры характерно для большинства российских организаций. Процесс консолидации этих составляющих объединяет внешнюю и внутреннюю организационную среду, демонстрируя единство конкурентных и патерналистских установок сотрудников и формируя продуктивную соконкурентную организационную среду.

Таким образом, в условиях рыночной экономики консолидация социального капитала вуза выражается в совокупных характеристиках репутации («репутационных платформах»), сочетании рыночной и клановой культуры и важнейших элементов организационной социализации (доверие, приверженность и идентификация) [13].

Изучение этических установок собственников бизнеса

Исследование [11] было посвящено этическим установкам собственников бизнеса. Опрошен 151 респондент. Из собственников бизнеса, принявших участие в исследовании, 57 % имеют свой бизнес в сфере услуг, 22 % занимаются оптовой торговлей, 9 % имеют собственное производство, 12 % ведут предпринимательскую деятельность в области научных разработок, экспертиз, технических испытаний. Установлено, что нормы и этические установки руководителей в сфере взаимодействия с сотрудниками формируют направленность организационных решений и социального взаимодействия. Выявлено, что этические установки руководителей являются базой для формирования аутентичной этим установкам организационной культуры и социального капитала.

Решения могут приниматься предпринимателями на трех уровнях развитости этических установок. Первый, *эгоцентрический* уровень нацелен на получение личной сиюминутной выгоды за счет нарушения моральных норм (22 % обследованных). На таком уровне развития этических установок собственников в организации на первый план выступают «темные» стороны формирования социального капитала, связанные с отсутствием доверия и индивидуалистической направленностью. Второй, *конформистский* уровень предполагает отказ от сиюминутной выгоды из страха последствий или надежды на выгоды в будущем (66 % обследованных). Этот уровень характеризует большинство обследованных руководителей. Их нормы и установки противоречивы, что отражается на неустойчивости всех других компонентов социального капитала, его накоплении и реализации. Третий, *нравственно-центрический* уровень (12 % руководителей) ориентирован на отказ от сиюминутной выгоды из моральных соображений (совесть, честь) и направлен на благоприятные социальные последствия – социально ориентированное поведение, поддерживающее организационную культуру.

Результаты исследования показали, что респондентам эгоцентрического и конформистского уровня свойственно стремление к достижению материального благополучия ($\varphi^*_{\text{эмп}} 3,12$), а респонденты нравственно-центрического уровня ориентированы на то, чтобы приносить пользу другим ($\varphi^*_{\text{эмп}} 3,87$) [6]. Таким образом, морально-этические установки и формируемые на их основе нормы взаимодействия в бизнесе являются основным фактором развития и консолидации социального капитала в бизнес-организациях.

Консолидация социального капитала в аспекте поколенческих различий

В рамках исследований человеческого капитала и персонала организаций весьма перспективно изучение психологических различий сотрудников разных поколений.

Мы изучали и сравнивали сотрудников двух государственных организаций поколений беби-бумеров, X и Y [10]. Исследование проведено в Санкт-Петербурге (90 человек) и Петрозаводске (160 человек). Подтвердилось наше предположение о том, что в значительной степени консолидация социального капитала персонала определяется организационными, поколенческими и субкультурными (региональными) особенностями, а представители разных поколений отличаются по параметрам социализации, мотивации, ценностных ориентаций, приверженности, лояльности и другим характеристикам организационного поведения. Установлены различия в базовых организационных показателях между поколениями как внутри организаций, так и между ними. Наибольшие трудности в консолидации социального капитала испытывает поколение X, сформировавшееся в нашей стране в годы перестройки и коренных социальных изменений. На представителей этого поколения, больше всего представленных на рынке труда, в настоящий момент приходится максимальная профессиональная нагрузка. При этом характеристики организационного социального капитала представителей этого поколения наиболее противоречивы в регионах (г. Петрозаводск). Установлено, что представители старшего поколения (беби-бумеры) проявляют более сильную организационную идентификацию ($M = 4,81$), чем представители поколений X ($M = 3,97$) и Y ($M = 2,19$), причем идентификация и консолидация социального капитала с организацией сильнее выражена в организациях Санкт-Петербурга. Исследование показало, что организационная идентификация отражает усвоение групповых норм и ценностей организации и формирует организационный социальный капитал.

Методическое обеспечение исследований

Проведенные эмпирические исследования позволили создать *новый методический инструментарий для диагностики социального капитала организации и оценки его консолидации – опросник «Компоненты социального капитала организации» (КСКО)*. Его проверка на надежность (коэффициент внутренней согласованности альфа Кронбаха) и валидность (конфирматорный факторный анализ) подтверждены на выборке из 382 респондентов, а его полное описание представлено в методической публикации³. Основными компонентами социального капитала организации мы считаем доверие, групповые нормы и ценности, приверженность (лояльность) и репутацию организации во внешней и внутренней среде. Методика представляет собой опросник из 16 вопросов, сгруппированных в четыре шкалы. В результате могут быть получены оценки по отдельным шкалам социального капитала и обобщенная согласованная характеристика его уровня и структуры – Индекс консолидации социального капитала (ИКСК). Это позволяет проводить сравнительный анализ уровня и структуры социального капитала различных организаций, структурных подразделений, социально-демографических подгрупп организации:

$$\text{ИКСК} = \frac{\sum d+p+n+r}{80 * K}, \quad (1)$$

где $\sum d+p+n+r$ – сумма реальных баллов по всей группе, полученных по показателям доверия (d), приверженности (p), соблюдения норм (n) и репутации (r);

K – количество опрошенных;

80 – сумма наивысших оценок по всем вопросам методики.

Уровень и структура показателей социального капитала могут свидетельствовать о существующих ресурсах или проблемах в определенных сферах социального взаимодействия в организации. Установлено, что индекс консолидации социального капитала равен 0,76 при максимальном значении 1,0, что свидетельствует о высоком уровне развития социального капитала. Выявлена стабильность результатов в различных условиях измерений, их повторяемость вне зависимости от субъектов диагностической процедуры.

³ Там же. – С. 397–402.

Заключение

Проведенные комплексные и системные исследования социального капитала организации позволили создать теоретическую, методологическую и методическую модели его описания, а также обозначить перспективы эмпирических исследований и применения теории на практике. Определение социального капитала как единого смыслового пространства, объединенного взаимным доверием, приверженностью целям, ценностям, нормам взаимодействия, создающего репутацию организации во внешней и внутренней средах, что позволяет сформировать методическую психодиагностическую базу для их измерения.

Установлена связь теоретических концептов и их эмпирических индикаторов. Выделены не только позитивные, но и негативные эффекты накопления и высокой консолидации социального капитала.

Введено понятие «консолидация социального капитала» и доказано влияние социального капитала на деятельность организации, предложен индекс его измерения при помощи методики с интегральным показателем – индексом консолидации социального капитала. Методика обладает высокими оценками содержательной и концептуальной валидности и может быть рекомендована к использованию в прикладных исследованиях.

Консолидация социального капитала организации означает повышение уровня доверия сотрудников друг к другу и руководству. Накопленный социальный капитал приводит к развитию индивидуальной карьеры сотрудников, созданию благоприятного социально-психологического климата, трансформации и оптимизации организационной культуры. Организация в целом получает выгоду от консолидации социального капитала, повышая свою производительность и конкурентоспособность. В структуре социального капитала в зависимости от направленности ее деятельности различные компоненты социального капитала имеют различное значение (например, в вузах – это репутация, в бизнесе – этические нормы и ценности, для производства – организационная культура и уровень идентификации, в военных организациях – отношение к социальным нормам и ценностям, лояльность и приверженность ценностям и целям организации (патриотизм)). Социальный капитал организации в разных его проявлениях обеспечивает доступ к ключевым ресурсам развития: новым технологиям, энергоресурсам, рынкам сбыта, человеческим и информационным ресурсам и др.

Список литературы

1. *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology.* – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2780243> (дата обращения: 06.12.2021).
2. *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society. – New York: International monetary Fund, 2000. – Vol. 74. – 18 p.; <https://doi.org/10.5089/9781451849585.001>.
3. *Putnam R. D., Goss K. A.* Introduction / R.D. Putnam (Ed.) *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society.* – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 3–19; <https://doi.org/10.1093/0195150899.003.0001>.
4. *Oksanen T., Suzuki E., Takao S., Vahtera J., Kivimäki M.* Workplace social capital and health // I. Kawachi, S. Takao, S. Subramanian (eds.). *Global perspectives on social capital and health.* – New York: Springer Science+Business Media, 2013. –P. 23–63; <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-7464-7>.
5. *Pejtersen J. H., Kristensen T. S., Borg V., Bjorner J. B.* The second version of the Copenhagen Psychosocial Questionnaire // *Scandinavian journal of public health.* – 2010. Vol. 38, Is. 3. – P. 8–24; <https://doi.org/10.1177/1403494809349858>.
6. *Meng A., Borg V., Clausen T.* Enhancing the social capital in industrial workplaces: Developing workplace interventions using intervention mapping // *Evaluation and program planning* – 2019. – Vol. 72. – P. 227–236; <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2018.11.007>.

7. Дайнеко В. В., Штроо В. А. Позитивный психологический капитал: теоретические концепции и методы измерения // Мир психологии – 2022. – № 1 (108). – С. 4–14; https://doi.org/10.51944/20738528_2022_1_4.
8. Игумнов О. А. Организационные эффекты социального капитала // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 203–216; <https://doi.org/1034823/sgz.2021.1.51527>.
9. Burt R. S. The Network Structure of Social Capital // Sutton R. I., Staw B. M. (ed.). Research in organizational behavior. New York: JAI Press, – 2000. – Vol. 22. – P. 345–423; [https://doi.org/10.1016/S0191-3085\(00\)22009-1](https://doi.org/10.1016/S0191-3085(00)22009-1).
10. Волкова Н. В., Чикер В. А., Почебут Л. Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 127–145; <https://doi.org/10.17759/sps.2019100210>.
11. Котенко Л. М., Чикер В. А., Почебут Л. Г. Этические установки собственников бизнеса как фактор принятия управленческих решений // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Т. 4, № 3 (15). – С. 222–255.
12. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 47–71.
13. Чикер В. А., Почебут Л. Г., Волкова Н. В. Психологические аспекты консолидации социального капитала вуза // Университетское управление: практика и анализ. – 2019. – Т. 23, № 1-2. – С. 33–46; <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.01-2.002>.
14. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // Academy of Management Review. – 1998 – Vol. 23, № 2. – P. 242–266; <https://doi.org/10.2307/259373>.
15. Villalonga-Olivesa E., Kawachi I. The dark side of social capital: A systematic review of the negative health effects of social capital // Social Science & Medicine. – 2017. – Vol. 194. – P. 105–127; <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.10.020>.

References

1. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2780243> (дата обращения: 06.12.2021).
2. Fukuyama F. Social Capital and Civil Society. – New York: International monetary Fund, 2000. – Vol. 74. – 18 p.; <https://doi.org/10.5089/9781451849585.001>.
3. Putnam R. D., Goss K. A. Introduction / R.D. Putnam (Ed.) Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 3–19; <https://doi.org/10.1093/0195150899.003.0001>.
4. Oksanen T., Suzuki E., Takao S., Vahtera J., Kivimäki M. Workplace social capital and health // I. Kawachi, S. Takao, S. Subramanian (eds.). Global perspectives on social capital and health. – New York: Springer Science+Business Media, 2013. – P. 23–63; <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-7464-7>.
5. Pejtersen J. H., Kristensen T. S., Borg V., Bjorner J. B. The second version of the Copenhagen Psychosocial Questionnaire // Scandinavian journal of public health. – 2010. Vol. 38, Is. 3. – P. 8–24; <https://doi.org/10.1177/1403494809349858>.
6. Meng A., Borg V., Clausen T. Enhancing the social capital in industrial workplaces: Developing workplace interventions using intervention mapping // Evaluation and program planning – 2019. – Vol. 72. – P. 227–236; <https://doi.org/101016/jevalprogplan.2018.11.007>.
7. Dayneko V. V., Shtroo V. A. Pozitivnyy psikhologicheskiy kapital: teoreticheskiye kontseptsii i metody izmereniya // Mir psikhologii – 2022. – № 1 (108). – С. 4–14; https://doi.org/10.51944/20738528_2022_1_4.

8. *Igumnov O. A.* Organizatsionnyye efekty sotsial'nogo kapitala // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. – 2021. – № 1. – S. 203–216; <https://doi.org/1034823/sgz.2021.1.51527>.
9. *Burt R. S.* The Network Structure of Social Capital // Sutton R. I., Staw B. M. (ed.). Research in organizational behavior. New York: JAI Press, – 2000. – Vol. 22. – P. 345–423; [https://doi.org/10.1016/S0191-3085\(00\)22009-1](https://doi.org/10.1016/S0191-3085(00)22009-1).
10. *Volkova N. V., Chiker V. A., Pochebut L. G.* Razlichiya pokoleniy v konsolidatsii sotsial'nogo kapitala: organizatsionnyy i subkul'turnyy aspekty // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. – 2019. – Т. 10, № 2. – S. 127–145; <https://doi.org/10.17759/sps.2019100210>.
11. *Kotenko L. M., Chiker V. A., Pochebut L. G.* Eticheskiye ustanovki sobstvennikov biznesa kak faktor prinyatiya upravlencheskikh resheniy // Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. – 2019. – Т. 4, № 3 (15). – С. 222–255.
12. *Pochebut L. G., Chiker V. A., Volkova N. V.* Sotsial'no-psikhologicheskaya model' kognitivnogo sotsial'nogo kapitala organizatsii: kontseptsiya i aspekty issledovaniya // Organizatsionnaya psikhologiya. – 2018. – Т. 8, № 2. – S. 47–71.
13. *Chiker V. A., Pochebut L. G., Volkova N. V.* Psikhologicheskiye aspekty konsolidatsii sotsial'nogo kapitala vuza // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. – 2019. – Т. 23, № 1-2. – S. 33–46; <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.01-2.002>.
14. *Nahapiet J., Ghoshal S.* Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // Academy of Management Review. – 1998 – Vol. 23, № 2. – P. 242–266; <https://doi.org/10.2307/259373>.
15. *Villalonga-Olivesa E., Kawachib I.* The dark side of social capital: A systematic review of the negative health effects of social capital // Social Science & Medicine. – 2017. – Vol. 194. – P. 105–127; <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.10.020>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted August 30, 2024; approved after reviewing October 29, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Юридическая психология и психология безопасности

Legal psychology and security psychology

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-336-353>

Игорь Вячеславович Гайдамашко

доктор психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>, gajdamashko@mirea.ru

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Андрей Юрьевич Федотов

доктор психологических наук, профессор

<http://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, fedot-andrey2008@yandex.ru

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Нейросетевая классификация кандидатов на обучение по их личным и деловым качествам: методология и перспективы применения

Аннотация: Введение. В статье рассматривается применение технологии искусственного интеллекта для повышения эффективности профессионального психологического отбора в органы внутренних дел. Актуальность определяется значимостью качественного отбора кандидатов на службу и учебу для становления кадрового ядра органов внутренних дел Российской Федерации, необходимостью совершенствования дифференцирующей способности в целях отбора наиболее пригодных кандидатов, научными потребностями совершенствования психологической работы с личным составом, развития методологии, методов и процедур психологической диагностики как отрасли научного знания. **Методами**

исследования выступают общенаучные методы обработки информации, используемые для упорядочивания знаний о профессиональном психологическом отборе и применении нейросетевой классификации. Эмпирическими методами являются построение дерева решений (decision tree) и классифицирующей нейросети (neural network classification). Выборка исследования – кандидаты на обучение в образовательную организацию органов внутренних дел. **Результатом исследования** выступают: а) правила принятия решения (дерево решения) при классификации абитуриентов, раскрывающие закономерности их распределения по категориям профессиональной пригодности, исходя из их личных и деловых качеств; б) нейросетевая модель дифференциации абитуриентов по категориям профессиональной пригодности, исходя из их личных и деловых качеств, обладающая удовлетворительной точностью отбора. Теоретическими результатами выступают выводы о возможности индивидуализации психологического сопровождения и совершенствования воспитательной работы с обучающимися, отнесенными к разным категориям профессиональной пригодности на основе индивидуальных сочетаний личных и деловых качеств; совершенствования воспитательной работы с обучающимися. Отмечены направления совершенствования дифференцирующей способности психодиагностических методик и процедуры изучения личных и деловых качеств кандидатов на службу, снижающей вероятность ошибки в их измерении. В заключении описываются теоретические и методические перспективы применения метода нейросетевой классификации как составляющей технологии искусственного интеллекта в отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственная нейронная сеть, сотрудники полиции, психологический отбор, диагностика кандидатов, нейросетевая классификация, психологическое сопровождение

Для цитирования: Гайдамашко И. В., Злоказов К. В., Федотов А. Ю. Нейросетевая классификация кандидатов на обучение по их личным и деловым качествам: методология и перспективы применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 336–353; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-336-353>.

Original article

Igor V. Gaidamashko

Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>, gajdamashko@mirea.ru

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Andrey U. Fedotov

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<http://orcid.org/0000-0001-7693-2419>, fedot-andrey2008@yandex.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Neural network classification of training candidates based on their personal and professional qualities: methodology and prospects of application

Abstract: Introduction. The article deals with the application of artificial intelligence technology to enhance the effectiveness of professional psychological selection within internal affairs bodies. The importance of this study lies in the need to carefully select and train candidates for service in order to form the backbone of the personnel of the internal affairs bodies in the Russian Federation. In order to select the right candidates, it is necessary to enhance the process of differential ability. Additionally, this study highlights the scientific need to improve psychological support for personnel, development of methodology, methods and procedures of psychological diagnostics as a field of scientific knowledge. **The research methods** are general scientific methods of process information to organise knowledge about professional psychological selection and the application of neural network classification. The empirical methods used are the construction of a decision tree and neural network classification. The research sample comprises candidates for training in the educational organisation of internal affairs bodies. **The results of the research** can be summarised as follows: a) decision rules (decision tree) for the classification of applicants, revealing the regularities of their distribution into categories of professional suitability based on their personal and professional qualities; b) a neural network model for the differentiation of applicants into categories of professional suitability based on their personal and professional qualities. This model has shown good accuracy in selecting candidates. Theoretical results are findings about the possibility of individualisation of psychological support and improving educational work with students who have been referred to different categories of professional suitability on the basis of individual combinations of personal and professional qualities. Theoretical results also concern the improvement of educational work with students. The potential for enhancing the capacity of psychodiagnostic techniques to differentiate between individuals and the procedure for examining the personal and professional qualities of candidates for service, which reduce the risk of inaccuracies in their measurement, are outlined. The conclusion outlines the theoretical and methodological prospects for applying neural network classification method as a component of artificial intelligence technology in the selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: artificial neural network, police officers, psychological selection, candidate diagnosis, neural network classification, psychological support

For citation: Gaidamashko I. V., Zlokazov K. V., Fedotov A. U. Neural network classification of training candidates based on their personal and professional qualities: methodology and prospects of application // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 336–353; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-336-353>.

Введение

Актуальность. Совершенствование профессионального психологического отбора сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях представляется чрезвычайно актуальным, что объясняется не только требованиями к выполнению служебных обязанностей, возлагаемых на сотрудников органов внутренних дел, содержанием их профессиональной деятельности и условиями, в которых она осуществляется. Совершенствование профессионального отбора важно для включения в кадровое ядро органов внутренних дел нового поколения высокопрофессиональных сотрудников, обладающих устойчивой гражданской и патриотической позицией.

Существенный вклад в этот процесс вносят образовательные организации высшего образования МВД России, выступающие ключевым звеном системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации. Их выпускники являются наиболее профессионально и морально-психологически подготовленными к прохождению службы, не только в обычных, но и особых условиях. Поэтому профессиональный психологический отбор абитуриентов представляется важнейшим этапом подготовки кадров, предваряющим профессиональное образование.

В числе возможностей совершенствования профессионального психологического отбора в настоящее время особая роль отводится технологиям искусственного интеллекта. Практика их применения в различных сферах деятельности показала, что они упрощают обработку больших объемов информации, повышают скорость и снижают количество ошибок, обычно вызванных деятельностью человека-оператора. Возможности технологий активно осваиваются и в сфере кадрового отбора. Так, например, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21 августа 2023 г. № 1365¹ на платформе «Государственные кадры» Минцифры России осуществляется эксперимент по созданию автоматизированной системы отбора государственных служащих². Очевидным препятствием к практическому использованию этой технологии выступает отсутствие методологии применения искусственного интеллекта для решения задач отбора служащих. Это затрудняет разработку алгоритмов, осуществляющих классификацию кандидатов на замещение должностей, исходя из их личных и деловых качеств, мотивации, профессионального опыта. Существующее положение также связано с недостаточным количеством отечественных научно-практических разработок, посвященных применению нейросетевых методов для решения конкретных задач в области отбора и оценки кандидатов на службу. Несмотря на то, что отдельные вопросы внедрения искусственного интеллекта в сопровождение деятельности правоохранительных органов все же решаются, исследования ограничиваются сферой профессионального образования [1].

В статье рассматриваются результаты изучения возможностей применения технологии искусственного интеллекта в сфере профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Описывается методология построения нейросетевой классификации личных и деловых качеств кандидатов для определения их принадлежности к разным категориям профессиональной пригодности.

Целью исследования является изучение возможностей классификации личных и деловых качеств посредством нейросетевого метода.

Задачами исследования выступают: описание методики профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, определение возможностей нейросетевого метода для решения задачи классификации личных и деловых качеств абитуриентов, эмпирическая разработка модели нейросети, осуществляющей классификацию качеств, исходя из нормативно установленных правил и критериев отбора.

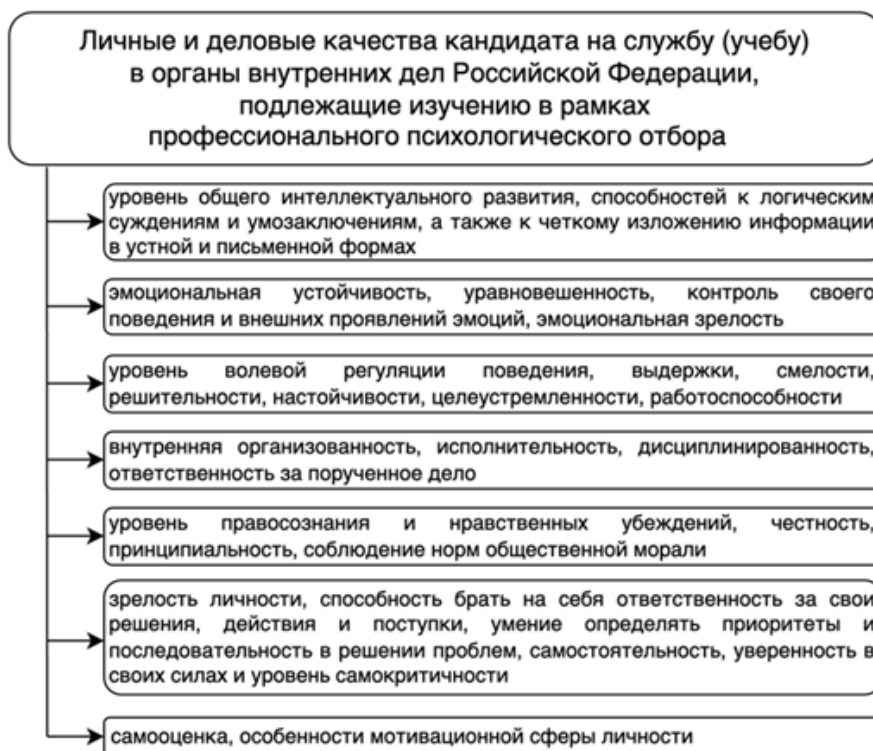
Результатом исследования выступает описание эмпирических закономерностей распределения кандидатов по категориям профессиональной пригодности и комплекс характеристик модели нейросети, обеспечивающей классификацию кандидатов на службу (учебу), исходя из выявленного у них уровня развития личных и деловых качеств. Теоретико-методологическим результатом выступает комплекс выводов о возможности применения нейросетевого метода классификации для решения задач отбора.

Структура статьи соответствует поставленным задачам, включает теоретическую часть, описывающую процедуру и критерии профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, возможности нейросетевых методов для решения задач классификации, методологию их применения, а также эмпирическую часть, раскрывающую эмпирическое исследование по разработке алгоритма принятия решения и нейросетевой классификации, основанной на сведениях о личных и деловых качествах абитуриентов. В заключении обсуждаются теоретические и практические перспективы дальнейшей работы.

¹ О внесении изменений в Правила предоставления грантов в области науки в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение проведения российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с иностранными организациями научных исследований в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия и признании утратившим силу подпункта «а» пункта 4 (в части, касающейся подпункта «з» пункта 34) изменений, которые вносятся в Правила предоставления грантов в области науки в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение проведения российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с иностранными организациями научных исследований в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2021 г. № 699 : постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2023 г. № 1365 (ред. от 21.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2023. – № 35. – Ст. 6662.

² Жандарова И., Капранов О. Искусственный интеллект будет нанимать госслужащих: заменит ли технология конкурсную комиссию? // Российская газета. – 2023. – 23 августа. – № 9134.

Постановка проблемы исследования. В соответствии с требованиями ч. 5 ст. 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ все граждане, поступающие на службу (учебу) в органы внутренних дел, проходят профессиональный психологический отбор. Критерии и процедура профессионального психологического отбора в органы внутренних дел определена Правительством Российской Федерации⁴ и обеспечивает всестороннее и полное изучение личностных особенностей кандидатов на обучение. В ходе отбора устанавливается уровень развития комплекса личных и деловых качеств, позволяющих гражданину выполнять служебные обязанности сотрудника органа внутренних дел (рисунок 1).

*Рис. 1. Личные и деловые качества кандидата на службу
в органы внутренних дел Российской Федерации*

Можно заключить, что описанный перечень качеств является однородным по своей значимости для определения способности выполнять служебные обязанности. Низкий уровень развития любого из них выступает основанием для снижения категории профессиональной пригодности. В зависимости от уровня развития всего комплекса качеств кандидату устанавливается одна из четырех возможных категорий пригодности: рекомендуется в первую очередь (первая), рекомендуется (вторая), рекомендуется условно (третья), не рекомендуется (четвертая).

При отнесении к четвертой категории гражданину отказывается в поступлении на службу, тогда как при наличии третьей категории с вновь принятыми на службу сотрудниками осуществляется индивидуальная воспитательная и психологическая работа продолжительностью не менее шести месяцев, проводится наблюдение за адаптацией к служебной деятельности. Следует отметить, что результаты профессионального психологического отбора граждан, поступающих на обучение в образовательные организации, являются основанием для психолого-педагогического сопровождения условно рекомендованных лиц. Анализ

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ст. 7020.

⁴ Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 (ред. от 06.03.2015) // СЗ РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – Ст. 7075.

мероприятий с данной категорией сотрудников показывает, что проводимая работа основывается на категории пригодности и текущих показателях служебной деятельности, морально-психологическом состоянии обучающегося. Выявленный в ходе психологической диагностики уровень личных и деловых качеств применяется для разработки программ психологического сопровождения обучающихся с целью повышения уровня надежности и развития лично-профессиональных качеств [2].

Ясно, что выявленный уровень личных и деловых качеств абитуриента имеет существенное значение для приема на службу и последующего психолого-педагогического сопровождения в ходе обучения, поэтому точность их психологической диагностики и правильность отнесения к установленной категории пригодности фактически предопределяет профессиональное становление сотрудника. В настоящее время процедура психологического обследования состоит из двух этапов: тестирования, в рамках которого используются формализованные методы, и собеседования с психологом, в ходе которого существует возможность уточнения результатов тестирования.

Анализ публикаций по теме профессионального психологического отбора в органы внутренних дел показывает проблемные зоны оценки личных и деловых качеств кандидатов на службу. Они вызваны недостаточной надежностью методов диагностики [3], их слабыми дифференцирующими возможностями для определения личных и деловых качеств при средне-низких значениях [4], влиянием субъективного отношения обследуемого к процедуре тестирования [5], отношением психолога к методам тестирования и его результатам [6], негативным воздействием низкого уровня отдельных личных и деловых качеств на служебную деятельность⁵.

Можно заключить, что высокий уровень ответственности за результаты профессионального психологического отбора наряду с методическими трудностями в измерении личных и деловых качеств требуют от психолога органов внутренних дел высокого уровня квалификации и опыта. Отчасти они могут быть компенсированы применением технологий искусственного интеллекта, облегчающих и упрощающих решение задач определения принадлежности кандидата к определенной категории профессиональной пригодности.

Методология нейросетевой классификации в профессиональном психологическом отборе. Несмотря на то, что технологии искусственного интеллекта развиваются уже довольно долго, их применение в сфере психологии работы с кадрами не получило еще сколько-нибудь заметного распространения. Очень слабо этот вопрос представлен в отечественных исследованиях, посвященных профессиональному отбору сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем возможности искусственного интеллекта для отбора сотрудников уже обсуждались в зарубежной научной периодической печати. Так, в 1995 году А. D. Carson с соавторами описал возможности применения нейросетевых методов для прогноза успешности кандидатов на замещение должностей, отметив их потенциал для интерпретации результатов тестирования [7]. К настоящему времени получили развитие методы оценки соответствия кандидатов должности, основанные на технологии искусственного интеллекта. К примеру, в работе С. Qin с соавторами описана нейросетевая модель отбора, позволяющая сравнивать требования к должности с квалификацией и опытом претендентов [8]. Разработанная К. Letelay нейросетевая модель распределяет выпускников полицейской школы по вакантным должностям, исходя из уровня компетенции, достигнутого ими в ходе обучения [9].

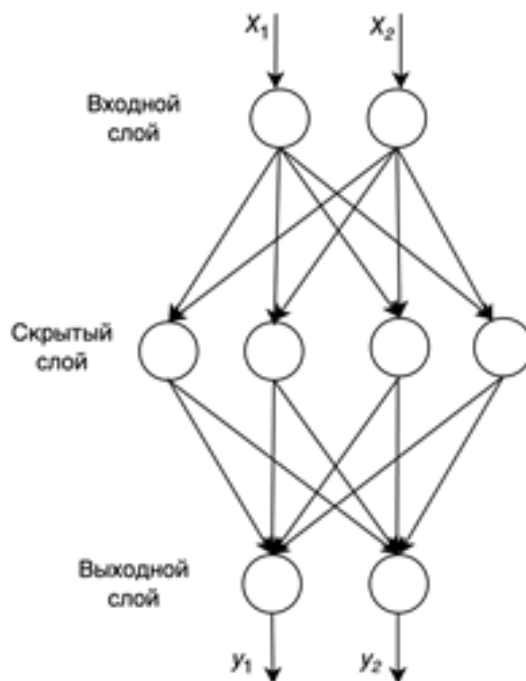
Нейросетевые методы для оценки риска отклоняющегося поведения сотрудников полиции применяются за рубежом уже с 1995 года. Разработанная на массиве данных о маркерах риска отклоняющегося поведения нейросеть позволяет оценивать вероятность их совершения как действующими, так и уволенными сотрудниками [10]. К настоящему времени обсуждаются методологии нейросетевого прогнозирования поведения сотрудников полиции на основании поведенческих [11] и социально-психологических подходов [12].

Пригодность нейросетевых методов для решения задач классификации объясняется возможностями имитации работы нейронной сети. Благодаря сложным нелинейным от-

⁵ Злоказов К. В., Власов А. Э. Специфика личностных свойств кандидатов, не рекомендованных к службе в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 228–234.

ношениям, напоминающим связи между нейронами, искусственные «нейронные» сети способны обнаруживать нелинейные зависимости в наборе входных данных. С помощью построения топологии узлов и настройки связей между ними «нейросеть» может воспроизводить фактически любую функцию отношений между поступающей информацией и заданным результатом.

Модель классифицирующей нейросети условно включает внешний слой (с информацией, нуждающейся в классификации), внутренний слой (осуществляющий вычисления) и выходной слой, содержащий исходящую информацию (результаты классификации) (рисунок 2).

$x_{1...i}$ – входящий сигнал; $y_{1...i}$ – исходящий сигнал

Рис. 2. Модель искусственной нейронной сети

Данный процесс, обозначенный термином «обучение», проводится с учетом формальных и содержательных требований к «нейросети» и осуществляется на выборках объектов, уже подвергшихся классификации. Обучение классификации объектов предполагает закрепление признаков объектов каждому из узлов и настройку их оценки посредством определения необходимых связей между узлами.

Поскольку преимуществом нейросетевой классификации в сравнении с классификацией информации человеком-оператором является скорость ее проведения, снижение точности может быть компенсировано быстротой и относительной стабильностью классификации, не колеблющейся в зависимости от утомления и иных субъективных факторов [13]. Важно и то, что возможности повторного обучения созданной сети, вплоть до ее полного переобучения, не ограничены.

Этим обеспечивается адаптация разработанной нейросетевой модели к новому содержанию информации или условиям, в которых она поступает. Потенциал обучения нейросетевой модели зависит от ее архитектуры – количества узлов и связей между ними. Чем меньше внутренних слоев в нейросетевой модели, тем хуже ее точность, поскольку количество узлов должно быть пропорционально количеству категорий (классов, видов) классификации. Однако при превышении необходимого количества узлов нейросетевая модель теряет способность к обобщению информации. Поскольку каждый из узлов выступает своеобразной ячейкой памяти, то их очень большое количество может запечатлеть все возможные результаты классификации на обучающей выборке. Тогда, получив новые данные, она может не справиться с их классификацией, поскольку будет ориентироваться на уже усвоенные закономерности.

Обобщенно говоря, поиск оптимальной архитектуры сети является задачей поиска баланса между точностью классификации на тестовой выборке и возможностью адаптации к новой поступающей информации в реальных условиях, без потери точности. Задача решается посредством перестройки узлов и связей между ними в процессе обучения и может осуществляться последовательным наращиванием объема узлов и связей либо, напротив, его последовательным снижением от заранее заданной модели сети. Следует отметить, что рассмотренная процедура и ее характеристики имеют важное, но формальное значение, не учитывающее содержания явления, подвергаемого классификации.

Методически правильным при построении классифицирующей нейросети выступает изучение правил распределения явлений по группам эмпирических закономерностей этого распределения. Их понимание позволяет оптимизировать структуру нейросети, упростив либо расширив ее архитектуру. Это обеспечивает, во-первых, распознавание конфигураций признаков объектов, которые отсутствуют в тестовой выборке, но потенциально возможны в генеральной совокупности; во-вторых, снижение ложноположительных и ложноотрицательных ошибок при распределении явлений по классам с нечеткими условиями их дифференциации. Наиболее распространенным способом изучения правил распределения является построение дерева решений (*decision tree*), представляющего собой визуализацию распределения объектов на группы в соответствии с установленными правилами. На основе алгоритма классификации, обоснованного с помощью дерева решений, может быть сформирована нейросеть [14].

Построение дерева решений обладает и собственным эвристическим потенциалом. Оно показывает реальные варианты объектов и их группировок, давая возможность оценить правильность правил классификации, избыточность или недостаточность дифференциации объектов, наметить пути совершенствования методик и процедуры классификации.

Завершая краткий анализ, отметим, что применение метода нейросетевой классификации может способствовать решению не только прикладных, но и методических задач, выявлению правил распределения объектов, пониманию их группировок, раскрытию эмпирически сложившихся закономерностей. С учетом изложенного можно заключить, что осуществление нейросетевой классификации личных и деловых качеств абитуриентов позволит совершенствовать методологию и процедуру профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел. Ход и результаты решения данной задачи обсуждаются в эмпирической части статьи.

Эмпирическое исследование. Разработка нейросетевой модели классификации кандидатов на обучение в органы внутренних дел основывается на сведениях об их личных и деловых качествах и правилах их распределения в соответствии с категориями профессиональной пригодности.

Гипотеза исследования: применение нейросети для решения задач классификации обеспечивает приемлемый уровень точности распределения кандидатов на обучение по категориям профессиональной пригодности.

Задачи исследования:

- 1) эмпирическое выявление закономерностей, присущих распределению кандидатов на обучение по категориям профессиональной пригодности;
- 2) построение модели нейросетевой классификации для распределения кандидатов на обучение на основе их личных и деловых качеств по категориям профессиональной пригодности.

Выборка исследования: обезличенные результаты профессионального психологического отбора 600 кандидатов на обучение в образовательной организации высшего образования системы МВД России. Использовались данные распределения с первой по третью категории пригодности. Распределение в четвертую категорию пригодности не вызывает сложностей в связи с однозначными правилами, поэтому она была исключена из модели. Построение нейросети осуществлялось на основе показателей личных и деловых качеств, установленных Правилами профессионального психологического отбора⁶ (уровень общего интеллекта, эмоциональная устойчивость, уровень волевой регуляции, внутренняя организованность, уровень правосознания, зрелость личности, самооценка и особенно-

⁶ СЗ РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – Ст. 7075.

сти мотивации). Критерием проверки состоятельности нейросетевых моделей выступало распределение кандидатов на группы профессиональной психологической пригодности по результатам профессионального психологического отбора.

Метод исследования

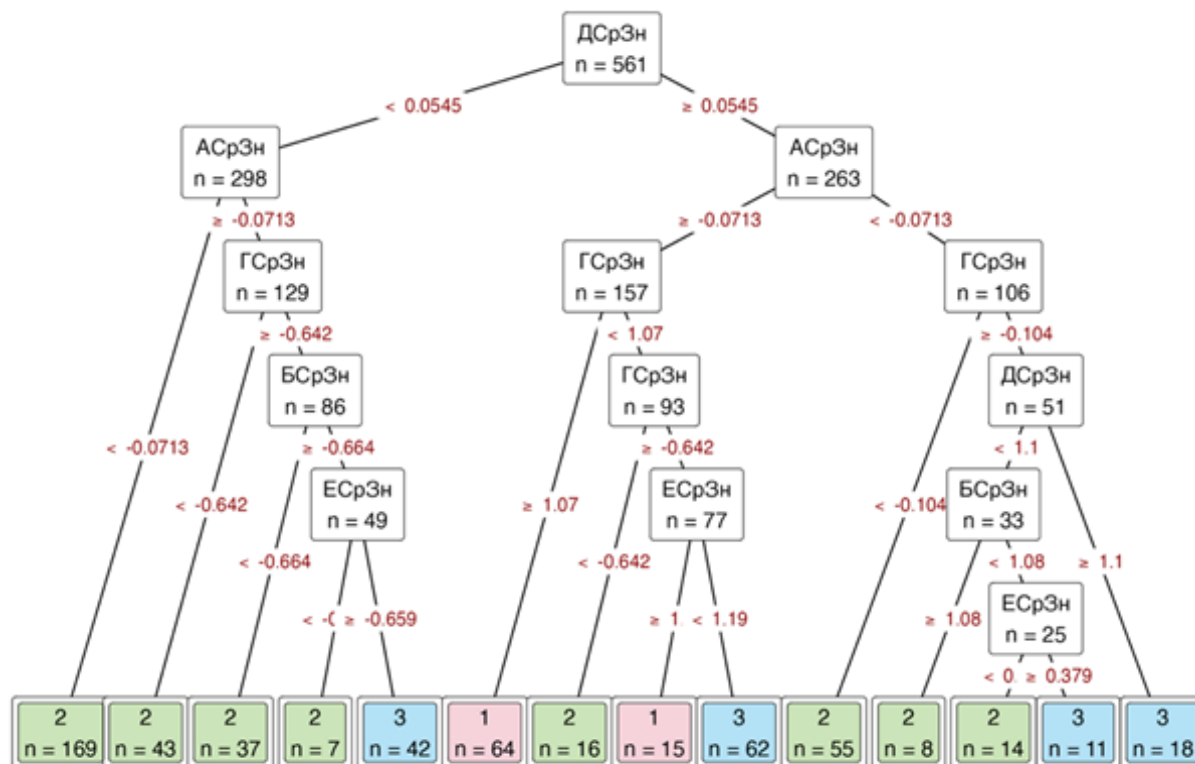
Задача классификации осуществлялась методами а) построения дерева решений (*decision tree*) и б) разработки классифицирующей нейросети (*neural network classification*). Построение нейросети выполнялось методом обратного обучения (*back propagation*), предполагающего снижение ошибки распознавания путем перестройки связей за определенное количество итераций. Данный метод является наиболее распространенным из методов обучения на примерах (обучение с учителем).

Расчет осуществлялся в программе “Statistica 12.0”, графики и индексы рассчитывались на языке программирования *R* (библиотеки *ggplot2*, *keras*, *rpart.plot*).

Основные результаты исследования

Изложение результатов осуществляется в соответствии с задачами исследования.

Первой задачей выступала оценка закономерностей, присущих распределению кандидатов на обучение по категориям профессиональной пригодности. Понимание значения позволит проверить качество нейросетевого решения в последующем и скорректировать параметры нейросети. Решение задачи представлено на рисунке 3.

Личные и деловые качества обозначены буквами по порядку их перечисления: А – уровень интеллектуального развития; Б – эмоциональная устойчивость; В – уровень волевой регуляции; Г – внутренняя организованность; Д – уровень правосознания; Е – зрелость личности; Ж – самооценка.

Результат представлен в виде показателя категории профессиональной пригодности: 1 – рекомендуется в первую очередь; 2 – рекомендуется; 3 – рекомендуется условно

Рис. 3. Распределение полного перечня личных и деловых качеств участников профессионального психологического отбора по группам пригодности⁷

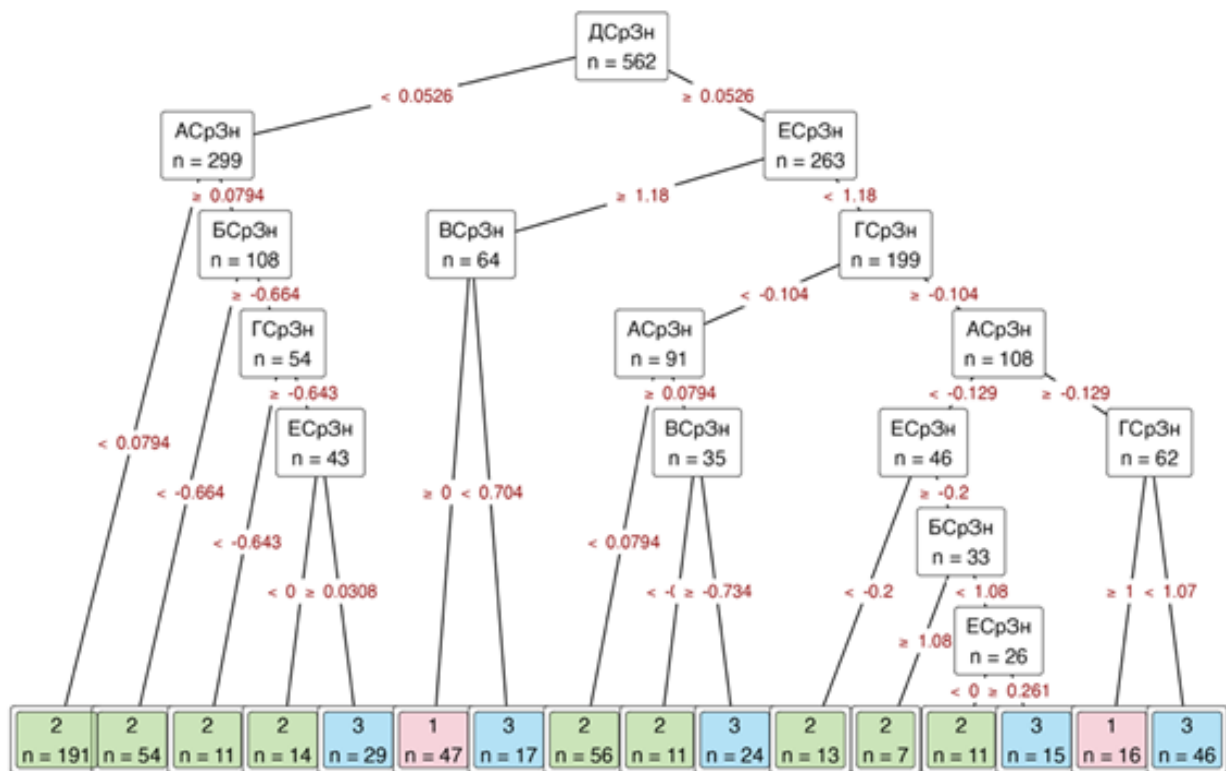
⁷ Оценка осуществляется по средним значениям. Критерии распределения приведены в виде дискриминативных коэффициентов.

Средний показатель точности определения принадлежности к категориям пригодности составил 0,86 (для первой группы – 0,94, второй – 0,84, третьей – 0,81). Можно видеть, что построение дерева решений строится исходя из значения личных и деловых качеств для распределения по категориям профессиональной пригодности.

Поскольку в методике отбора не используется иерархическая модель, значения личных и деловых качеств кандидатов являются равными друг другу, эмпирическое определение ее последовательности представляет эвристическую ценность. Фактически иерархия демонстрирует закономерности, обозначающие приоритет одних качеств над другими, что может быть полезным при алгоритмизации решения об отборе и при планировании мероприятий сопровождения обучающихся, отнесенных к третьей группе профессиональной пригодности (рекомендованных условно).

В полученном дереве классификации приоритетное значение имеет показатель уровня правосознания (Д). Показатели интеллектуального уровня (А) кандидатов на обучение, их организованности (Г) и волевой регуляции (В) обладают меньшим дифференцирующим значением. Они уточняют распределение по группам пригодности, показывая сочетания индивидуально-психологических типов, свойственных будущим сотрудникам органов внутренних дел. Несмотря на удовлетворительные показатели точности (совпадение с оценкой психологов до 81 %), модель имеет особенности и недостатки. К особенностям относится исключение показателя самооценки (Ж), а к недостаткам – неполная дифференциация относительно кандидатов с пороговыми значениями эмоциональной устойчивости (Б) организованности (Г), зрелости личности (Е).

С целью снижения недостатков дерево решений было скорректировано (рисунок 4).

Личные и деловые качества обозначены буквами по порядку их перечисления: А – уровень интеллектуального развития; Б – эмоциональная устойчивость; В – уровень волевой регуляции; Г – внутренняя организованность; Д – уровень правосознания; Е – зрелость личности; Ж – самооценка.

Результат представлен в виде показателя категории профессиональной пригодности: 1 – рекомендуется в первую очередь; 2 – рекомендуется; 3 – рекомендуется условно

Рис. 4. Оптимизированное распределение перечня личных и деловых качеств участников профессионального психологического отбора по группам пригодности⁸

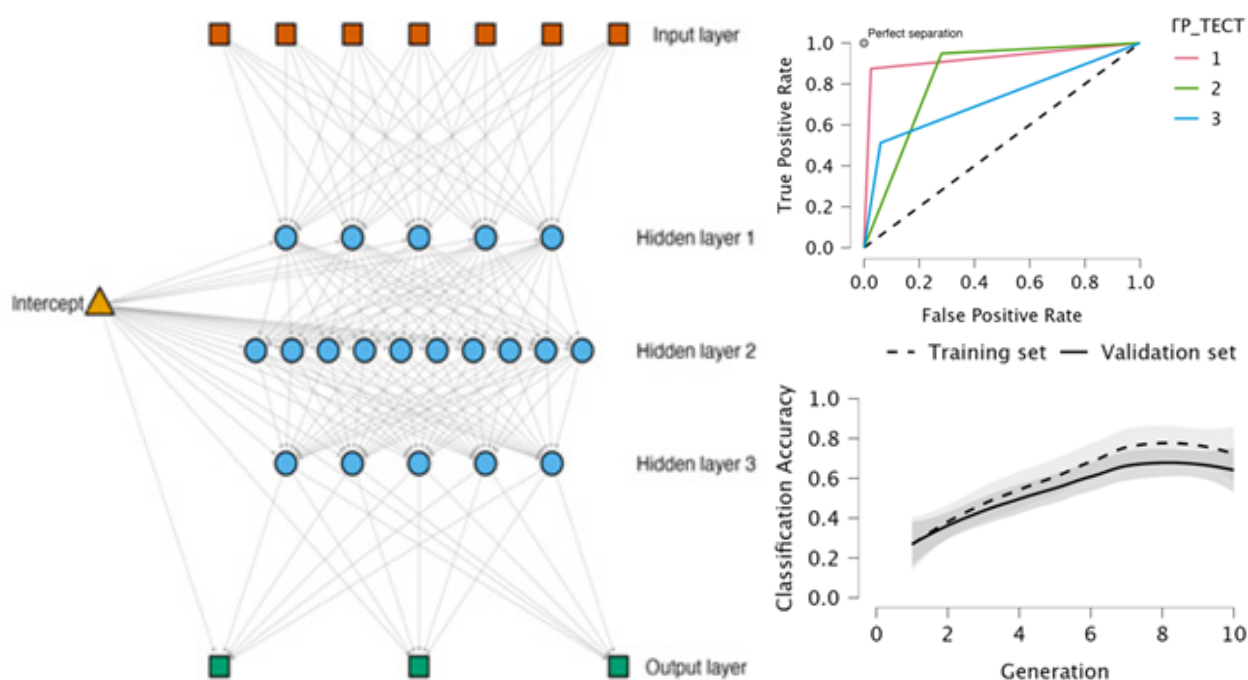
⁸ Оценка осуществляется по средним значениям. Критерии распределения приведены в виде дискриминативных коэффициентов.

В новом дереве решений, полученном путем исключения показателя самооценки (Ж) и расширения количества ветвей, усиливается дифференцирующее значение показателей эмоциональной устойчивости (Б) и организованности (Г).

В результате средний показатель точности определения принадлежности к группам пригодности повысился и составил для всей модели 0,89. При этом для кандидатов первой группы он составил 0,96, второй – 0,87, третьей – 0,85. Данное дерево решений будет использоваться при разработке нейросетевой классификации в качестве опорного.

Второй задачей исследования выступила разработка нейросети, классифицирующей лиц, поступающих на обучение в образовательные организации высшего образования, подведомственные МВД России, по показателям их личных и деловых качеств.

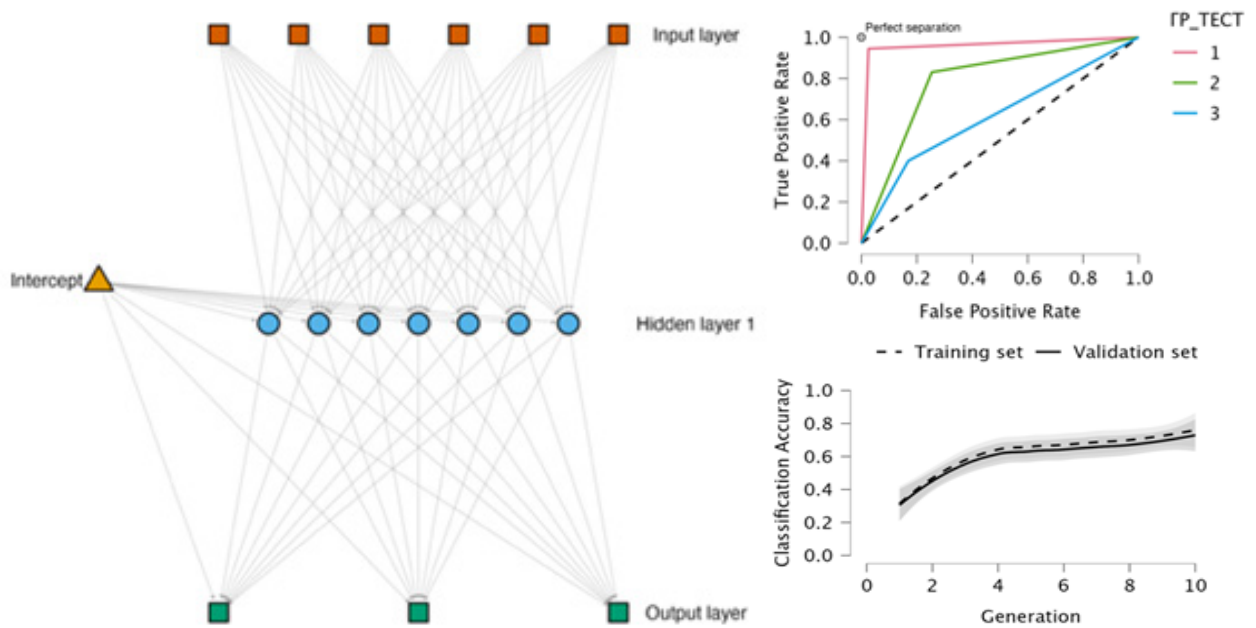
Оценка характеристик нейросети осуществлялась по двум группам показателей – метрикам качества модели (количестве уровней сети и ее узлов) и качества классификации (показателей положительных (*true positive rate*) и ложных (*false positive rate*) оценок). Меньшее количество уровней и узлов упрощает и ускоряет процесс классификации, однако снижает способность нейросети распознавать комбинации параметров, не встречающиеся в обучающей выборке, что проверяется по качеству классификации. Рассматривались три варианта классификации: полный вариант личных и деловых качеств, упрощенный вариант (без показателя самооценки) и уравновешенный вариант (без самооценки с корректировкой слоев нейросети). Каждый из вариантов представлен в трех рисунках: модель структуры нейросети, диаграмма качества классификации по группам пригодности, характеристика точности классификации на обучающей и валидирующей выборках (рисунок 5–7).

Нейросетевая модель из трех уровней, 20 узлов, со средней точностью классификации 0,85

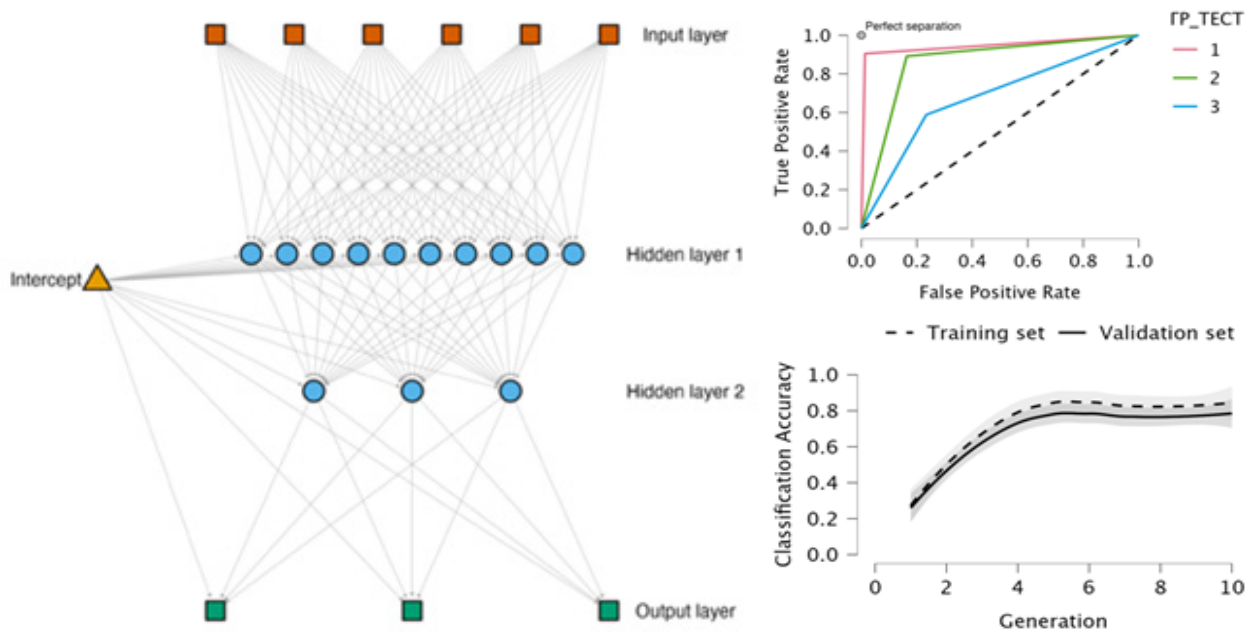
Рис. 5. Полная нейросетевая модель классификации

Нейросетевая модель из одного уровня, 7 узлов, со средней точностью классификации 0,83

Рис. 6. Упрощенная нейросетевая модель классификации (без показателя самооценки)

Нейросетевая модель из двух уровней, 13 узлов, со средней точностью классификации 0,89

Рис. 7. Оптимизированная нейросетевая модель классификации (без показателя самооценки с корректировкой слоев)

Результаты исследования

Задача нейросетевой классификации абитуриентов по группам пригодности, исходя из их личных и деловых качеств, получила эмпирическое решение. Результат достигался путем разработки:

– Эмпирических правил принятия решения при классификации (дерево решения), раскрывающих значение качеств абитуриентов и их сочетаний для определения правил их рас-

пределения по категориям профессиональной пригодности. Дерево решения продемонстрировало эмпирические закономерности соотношения уровней комплекса личных и деловых качеств, необходимых для отнесения обследуемых к установленным категориям пригодности.

– Нейросетевой модели, позволяющей дифференцировать обследуемых, исходя из продемонстрированных ими в ходе профессионального психологического отбора личных и деловых качеств. Нейросетевая модель была разработана в трех вариантах архитектуры: полная (включающая все личные и деловые качества); упрощенная (не оценивающая самооценку и мотивацию) и оптимизированная (измененная с учетом закономерностей решений об отнесении к категории пригодности).

Оптимизированная модель обладает наилучшими показателями в сравнении с полной и упрощенной. Она характеризуется наивысшей точностью классификации личных и деловых качеств равно 0,92, при 0,89 и 0,90 у других моделей; обладает наилучшим распределением лиц с первой и второй группой пригодности (ноль ошибочных причислений к первой группе пригодности, семь ошибочных отнесений из второй группы к третьей).

С учетом изложенного оптимизированная нейросетевая модель может быть признана удовлетворительной в сравнении с другими ее вариантами, полученными в исследовании. Конечно, она не лишена недостатков, требующих дальнейшего совершенствования: а) неточности отнесения кандидатов к третьей группе профессиональной пригодности (достигнутый порог точности в 89 % может быть повышен за счет оптимизации алгоритма классификации); б) недостаточная возможность обучения в сравнении с вариантом полной модели (преодолеваемой повышением количества узлов «нейронов» в ее скрытом слое); в) ограничение выборки абитуриентами одной образовательной организации, требующими дополнительного обучения на других выборках. Ясно, что указанные недостатки не требуют дополнительного научного исследования и могут быть устранены на основе методологии, разработанной в ходе данного исследования.

В целом исследование демонстрирует возможности и преимущества цифровизации профессионального психологического отбора дополнением технологией искусственного интеллекта. Ясно, что использование алгоритмизированных правил принятия решений (деревьев классификации) и архитектуры нейросети в отборе кандидатов на учебу в образовательные организации высшего образования унифицирует процедуру отбора, поскольку снижает вероятность ошибок, допускаемых при неверной классификации абитуриентов по категориям пригодности. Однако инструменты искусственного интеллекта могут повысить эффективность работы с личным составом в случае их применения не только для отбора, но и аттестации, адаптации, ориентации и выбора направления профессионального развития. В частности, они могут быть полезны при: а) разработке алгоритмов классификации абитуриентов, показывающих психологу образовательной организации возможные варианты отнесения к группам пригодности, исходя из результатов тестирования; б) индивидуализации программ адаптации обучающихся к условиям и особенностям образовательного процесса; в) формировании адресных программ психологического сопровождения абитуриентов, отнесенных по уровню личных и деловых качеств к категории условно рекомендованных и требующих повышенного психолого-педагогического внимания. Представленные направления применения технологий искусственного интеллекта реализуются в практике работы с обучающимися. Выполненное С. Н. Сорокоумовой и Д. А. Курдиным исследование показало эффективность применения технологий искусственного интел-

лекта для прогнозирования личностного роста курсантов ведомственного вуза и оценки необходимости психологического сопровождения [15].

Теоретико-методологическим результатом исследования стало расширение представления о возможности иерархического представления отношений между личными и деловыми качествами абитуриентов. Его эмпирическое обоснование, иллюстрированное деревом решений, является альтернативой однородному подходу к оценке качеств абитуриентов и открывает новые перспективы методического обеспечения профессионального психологического отбора. Разработка модели нейросетевой классификации способствует совершенствованию методологии профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, в т. ч. посредством снижения влияния человеческого фактора на принятие решений о пригодности либо непригодности кандидата. Закономерности, выявленные на основе анализа больших объемов данных, повышают качество оценки личных и деловых качеств будущих сотрудников, способствуя решению комплекса задач по психолого-педагогическому сопровождению на этапе обучения.

Теоретическими результатами проведенного исследования могут стать следующие выводы.

Во-первых, поскольку классификация продемонстрировала разные соотношения личных и деловых качеств, присущих одним и тем же категориям профессиональной пригодности, это дает основания для их формирования в период профессионального образования. Задача может быть реализована в рамках программ воспитания, индивидуализированных не только по годам набора обучающихся, но и по характеристикам профессиональной психологической пригодности. Результатом становится индивидуализированное и целенаправленное формирование личных и деловых качеств, не достигших достаточного уровня развития у абитуриента, до завершения образовательной программы.

Во-вторых, выявленные закономерности отношений между личными и деловыми качествами свидетельствуют о целесообразности учета не только уровня развития качеств, но и их конфигураций. Сочетания разноуровневых качеств могут стать основанием для формирования индивидуального стиля деятельности, как на этапе обучения, так и после его завершения. Соответственно, их ранняя диагностика не только выявляет профиль личностных качеств специалиста, но и закладывает основания для дифференциации оптимальных и неоптимальных личностных профилей и связанных с ними стилей профессиональной деятельности. Данные результаты могут использоваться для адаптации выпускников к условиям профессиональной деятельности в ранние периоды прохождения службы в территориальных подразделениях органов внутренних дел.

В-третьих, результаты показывают значимость дифференцирующей способности психодиагностического инструментария для классификации профессиональной психологической пригодности кандидатов на обучение в образовательных организациях высшего образования МВД России. В контексте задачи совершенствования психодиагностического инструментария [16] видится целесообразным совершенствование валидности и дискриминативности методик отбора. Речь может идти о дополнении комплекса методик психодиагностики личных и деловых качеств альтернативными методиками с более высокими характеристиками экспертной валидности и надежности по внутренней согласованности. Возможным решением может стать задействование методик, соответствующих предмету диагностики, установленному п. 6 Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации¹, и расширяющими его смежными

¹ СЗ РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – Ст. 7075.

качествами². Наряду с дополнением методик психодиагностики личных и деловых качеств совершенствование процедуры их предъявления также может способствовать повышению дифференцирующей способности отбора. Решение этой задачи может заключаться в разработке на основе технологий искусственного интеллекта адаптивной процедуры психодиагностики, предполагающей предъявление заданий (пунктов, задач, утверждений), исходя из их дифференцирующей способности [17].

Из совокупности представленных выводов ясно, что применение технологий искусственного интеллекта обогащает и совершенствует не только практику и методику, но и теоретические основания профессионального психологического отбора.

Заключение

В статье рассматриваются и эмпирически верифицируются возможности применения метода нейросетевой классификации личных и деловых качеств кандидатов на обучение на примере образовательных организаций высшего образования МВД России. Показано, что метод нейросетевой классификации способствует выявлению эмпирических закономерностей отношений между качествами кандидатов на обучение и категорией профессиональной пригодности.

Использование метода раскрывает основания распределения между категориями пригодности, а выявленные группировки личных и деловых качеств могут применяться для психологического сопровождения как на этапе освоения образовательной программы, так и в последующем, для расстановки по должностям и определения приоритетных направлений индивидуального обучения (на этапе стажировки) и повышения квалификации (на этапе адаптации к профессиональной деятельности).

С учетом полученных результатов дальнейшее изучение возможностей нейросетевой классификации и иных компонентов технологии искусственного интеллекта представляется целесообразным для развития методологии профессионального психологического отбора и совершенствования психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы

1. Курдин Д. А. Создание искусственной нейронной сети, основанной на данных психологических обследований личностных качеств курсантов // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 51–58; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-2-51-58>.
2. Носс И. Н., Кравченко А. В., Федотов А. Ю. К вопросу о моделировании личностно-профессиональной пригодности курсантов вузов МВД России // Инновации в образовании. – 2017. – № 2. – С. 94–106.
3. Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 3 (62). – С. 106–113.
4. Петрова Е. А., Пономарева О. М. Проблемы реализации профессионального психологического отбора сотрудников органов внутренних дел и перспективы его совершенствования // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-2. – С. 279–282.

---

² К примеру: при оценке эмоциональной устойчивости (Б) акцентированно диагностировать эмоциональную зрелость; при оценке волевой регуляции (В) – работоспособность; оценке правосознания (Д) – честность, принципиальность; зрелости личности (Е) – самостоятельность, уверенность в своих силах, уровень самокритичности.

5. Маздогова З. З. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: порядок и трудности // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 3. – С. 202–204.

6. Деулин Д. В., Алексеев Д. Е. Факторы личностно-профессиональной пригодности кандидатов на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25, № 1 (80). – С. 14–18; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11002>.

7. Carson A. D., Bizot E. B., Hendershot P. E., Barton M. G., Garvin M. K., Kraemer B. Modeling Career Counselor Decisions with Artificial Neural Networks: Predictions of Fit across a Comprehensive Occupational Map // Journal of Vocational Behavior. – 1999. – Vol. 54, Is. 1. – P. 196–213; <https://doi.org/10.1006/jvbe.1998.1655>.

8. Qin C., Zhu H., Xu T., Zhu C., Jiang L., Chen E., Xiong H. Enhancing Person-Job Fit for Talent Recruitment: An Ability-aware Neural Network Approach / SIGIR '18: The 41st International ACM SIGIR conference on research and development in Information Retrieval, Ann Arbor MI USA, July 8–12, 2018. – P. 25–34; <https://doi.org/10.1145/3209978.3210025>.

9. Letelay K. Determination of a task force for new police officers at the State Police School using a fully recurrent neural network // Injuriy : Interdisciplinary Journal and Humanity. – 2023. – Vol. 2, Is. 5. – P. 466–477; <https://doi.org/10.58631/injuriy.v2i5.76>.

10. Burke T. W. Predicting police misconduct with a neuralnetwork program // Law Enforcement Technology. – 1995. – Vol. 22, Is. 6. – P. 56–58.

11. Cubitt T., Wooden K., Kruger E., Kennedy M. A predictive model for serious police misconduct by variation of the theory of planned behavior // The Journal of Forensic Practice. – 2020. – Vol. 22, Is. 4. – P. 251–263; <https://doi.org/10.1108/jfp-08-2020-0033>.

12. Rahman R. A., Masrom S., Ahmad J., Maryasih L., Zakaria N. B., Nor M. A. M. Machine learning prediction of law enforcement officers' misconduct with general strain theory // International Journal of advanced and applied sciences. – 2023. – Vol. 10, Is. 1. – P. 48–54; <https://doi.org/10.21833/ijaas.2023.01.007>.

13. Rainio O., Teuho J., Klén R. Evaluation metrics and statistical tests for machine learning // Scientific Reports. – 2024. – Vol. 14, Is. 1. – P. 6086; <https://doi.org/10.1038/s41598-024-56706-x>.

14. Remeikis N., Skučas I., Melninkaitė V. Text Categorization Using Neural Networks Initialized with Decision Trees // Informatica – 2004. – Vol. 15, Is. 4. – P. 551–564; <https://doi.org/10.15388/informatica.2004.078>.

15. Сорокоумова С. Н., Курдин Д. А. Использование data mining в изучении динамики личностного роста курсантов ведомственного вуза Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 86–95; [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).1.86-95](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.86-95).

16. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.

17. Чумакова Е. В., Корнеев Д. Г., Гаспариан М. С. Разработка метода адаптивного тестирования на основе нейротехнологий // Открытое образование. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 4–13; <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-2-4-13>.

References

1. Kurdin D. A. Sozdaniye iskusstvennoy neyronnoy seti, osnovannoy na dannykh psikhologicheskikh obsledovaniy lichnostnykh kachestv kursantov // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti. – 2021. – № 2. – S. 51–58; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-2-51-58>.

2. *Noss I. N., Kravchenko A. V., Fedotov A. Yu.* K voprosu o modelirovanii lichnostno-professional'noy prigodnosti kursantov vuzov MVD Rossii // *Innovatsii v obrazovanii.* – 2017. – № 2. – S. 94–106.
3. *Karavayev A. F., Kruk V. M., Noss I. N., Vinogradov M. V.* Problemy lichnostno-professional'noy diagnostiki v profotbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del i otsenki nadezhnosti sotrudnika // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh.* – 2015. – № 3 (62). – S. 106–113.
4. *Petrova Ye. A., Ponomareva O. M.* Problemy realizatsii professional'nogo psikhologicheskogo otbora sotrudnikov organov vnutrennikh del i perspektivy yego sovershenstvovaniya // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* – 2022. – № 76-2. – S. 279–282.
5. *Mazdogova Z. Z.* Professional'nyy psikhologicheskii otbor na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiyskoy federatsii: poryadok i trudnosti // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve.* – 2019. – № 3. – S. 202–204.
6. *Deulin D. V., Alekseyev D. Ye.* Faktory lichnostno-professional'noy prigodnosti kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh.* – 2020. – T. 25, № 1 (80). – S. 14–18; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11002>.
7. *Carson A. D., Bizot E. B., Hendershot P. E., Barton M. G., Garvin M. K., Kraemer B.* Modeling Career Counselor Decisions with Artificial Neural Networks: Predictions of Fit across a Comprehensive Occupational Map // *Journal of Vocational Behavior.* – 1999. – Vol. 54, Is. 1. – P. 196–213; <https://doi.org/10.1006/jvbe.1998.1655>.
8. *Qin C., Zhu H., Xu T., Zhu C., Jiang L., Chen E., Xiong H.* Enhancing Person-Job Fit for Talent Recruitment: An Ability-aware Neural Network Approach / SIGIR '18: The 41st International ACM SIGIR conference on research and development in Information Retrieval, Ann Arbor MI USA, July 8–12, 2018. – P. 25–34; <https://doi.org/10.1145/3209978.3210025>.
9. *Letelay K.* Determination of a task force for new police officers at the State Police School using a fully recurrent neural network // *Injury : Interdisciplinary Journal and Humanity.* – 2023. – Vol. 2, Is. 5. – P. 466–477; <https://doi.org/10.58631/injury.v2i5.76>.
10. *Burke T. W.* Predicting police misconduct with a neuralnetwork program // *Law Enforcement Technology.* – 1995. – Vol. 22, Is. 6. – P. 56–58.
11. *Cubitt T., Wooden K., Kruger E., Kennedy M.* A predictive model for serious police misconduct by variation of the theory of planned behavior // *The Journal of Forensic Practice.* – 2020. – Vol. 22, Is. 4. – P. 251–263; <https://doi.org/10.1108/jfp-08-2020-0033>.
12. *Rahman R. A., Masrom S., Ahmad J., Maryasih L., Zakaria N. B., Nor M. A. M.* Machine learning prediction of law enforcement officers' misconduct with general strain theory // *International Journal of advanced and applied sciences.* – 2023. – Vol. 10, Is. 1. – P. 48–54; <https://doi.org/10.21833/ijaas.2023.01.007>.
13. *Rainio O., Teuho J., Klén R.* Evaluation metrics and statistical tests for machine learning // *Scientific Reports.* – 2024. – Vol. 14, Is. 1. – P. 6086; <https://doi.org/10.1038/s41598-024-56706-x>.
14. *Remeikis N., Skučas I., Melninkaitė V.* Text Categorization Using Neural Networks Initialized with Decision Trees // *Informatica* – 2004. – Vol. 15, Is. 4. – P. 551–564; <https://doi.org/10.15388/informatica.2004.078>.
15. *Sorokoumova S. N., Kurdin D. A.* Ispol'zovaniye data mining v izuchenii dinamiki lichnostnogo rosta kursantov vedomstvennogo vuza Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy // *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye.* – 2022. – T. 30, № 1. – S. 86–95; [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).1.86-95](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.86-95).

16. *Kubysenko V. L.* Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. – 2017. – № 4 (28). – S. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.

17. *Chumakova Ye. V., Korneyev D. G., Gasparian M. S.* Razrabotka metoda adaptivnogo testirovaniya na osnove neyrotekhnologiy // Otkrytoye obrazovaniye. – 2022. – Т. 26, № 2. – S. 4–13; <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-2-4-13>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted June 13, 2024; approved after reviewing November 12, 2024; accepted for publication December 25, 2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-354-365>

Владислав Евгеньевич Петров

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>. v.e.petrov@yandex.ru

Московский государственный психолого-педагогический университет

Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве как протектор профессиональной деформации

Аннотация: **Введение.** Одной из форм соучастия граждан в жизни общества и государства является волонтерская деятельность. Актуальность проблематики экстремально-добровольчества во многом обусловлена необходимостью обеспечения национальной безопасности, интеграции новых регионов Российской Федерации, защиты государственных интересов в ходе проведения специальной военной операции. Однако экстремальность деятельности потенцирует развитие профессиональной деформации личности. **Методы.** Для изучения взаимосвязи личностного выбора участия в добровольчестве и степени выраженности проявлений профдеформации применялись следующие методы сбора и обработки данных: анкетирование, психологическое тестирование по авторским методикам (опросник оценки проявлений профессиональной деформации личности, методика оценки выбора соучастия в экстремальном добровольчестве), описательная статистика, корреляционный анализ, оценка достоверности различий как методы обработки. В лонгитюдном исследовании приняло участие 90 человек. **Результаты.** Установлено, что профдеформация у экстремальных добровольцев проявляется в виде коммуникативной жаргонизации и гиперорганизации. Пребывание в экстремальных условиях может потенцировать императивность и личностную ригидность. Ускорение профдеформации определяется характером экстремально-соучаствующей деятельности. Протективное воздействие оказывают такие компоненты ценностно-смысловой сферы личности, как мотивация и интерес к добровольчеству, целостность мировоззрения, добровольческая смыслоориентированность, просоциальные ценностные ориентации. Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве как интегральная характеристика позволяет преодолевать псевдоактивность и редукцию профессиональных обязанностей. Материал направлен на совершенствование психологической поддержки экстремально-соучаствующей деятельности, обоснование необходимости и направлений психопрофилактической работы с добровольцами и представителями силовых ведомств.

Ключевые слова: экстремальное добровольчество, личностный выбор, соучастие, мотивация, протектор, экстремальность, профессиональная деформация

Для цитирования: Петров В. Е. Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве как протектор профессиональной деформации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 354–365; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-354-365>.

Original article

Vladislav E. Petrov

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>. v.e.petrov@yandex.ru

*Moscow State University of Psychology & Education
29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation*

Personal choice of participation in extreme volunteering as a protector of professional deformation

Abstract: Introduction. One of the forms of citizens' participation in the life of society and the state is volunteer activity. The relevance of the problem of extreme volunteerism is largely due to the need to ensure national security, integrate new regions of the Russian Federation, and protect state interests during a special military operation. However, the extremity of activity potentiates the development of professional personality deformation. **Methods.** To study the relationship between personal choice of participation in volunteerism and the severity of manifestations of professional deformation, the following methods of data collection and processing were used: questionnaires, psychological testing using author's methods (questionnaire for assessing manifestations of professional personality deformation, methodology for evaluating the choice of participation in extreme volunteerism), descriptive statistics, correlation analysis, assessment of the reliability of differences as processing methods. 90 people participated in the longitudinal study. **The results of the study:** it has been established that professional deformation in extreme volunteers manifests itself in the form of communicative jargon and hyperorganization. Staying in extreme conditions can potentiate imperativeness and personal rigidity. The acceleration of professional transformation is determined by the nature of extreme co-participating activities. Such components of the value-semantic sphere of personality as motivation and interest in volunteerism, the integrity of the worldview, voluntary sense orientation, and prosocial value orientations have a protective effect. Personal choice of participation in extreme volunteerism as an integral characteristic makes it possible to overcome pseudo-activity and reduction of professional responsibilities. The material is aimed at improving the psychological support of extreme participating activities, substantiating the need and directions of psychoprophylactic work with volunteers and representatives of law enforcement agencies.

Keywords: extreme volunteerism, personal choice, complicity, motivation, protector, extremity, professional deformation

For citation: Petrov V. E. Personal choice of participation in extreme volunteering as a protector of professional deformation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 354–365; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-354-365>.

Введение

Взаимодействие граждан, общества и государства имеет различные формы. Одним из активно развивающихся в настоящее время социальных институтов является добровольчество (волонтерство). Соучастие в решении актуальных государственных и общественных проблем может проявляться в различных направлениях – социальном, инклюзивном,

медицинском, спортивном, экологическом и т. п. волонтерстве, меценатстве, экстремальном добровольчестве. Соучаствующая деятельность, проявляющаяся в непосредственном выполнении гражданином задач по защите интересов государства и общества в условиях, объективно опасных для жизни и здоровья, можно представить как экстремальное добровольчество. Феноменология добровольчества применительно к особым условиям деятельности, термины «добровольческие формирования» и «доброволец» закреплены в ряде нормативных правовых актов, например, в Федеральных законах от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹, от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»². Повышенный интерес к вопросам добровольчества в особых условиях во многом связан с обеспечением национальной безопасности, интеграцией новых регионов Российской Федерации, защитой государственных интересов в ходе проведения специальной военной операции.

Актуальность проблемы экстремального добровольчества разделяется как высшим руководством России – Президентом, руководителями и представителями законодательных и исполнительных органов власти различных уровней, так и рядом специалистов в области психологии, педагогики, истории и социологии (Н. А. Агеева, Е. С. Азарова, Е. В. Акимова, О. А. Башева, Н. С. Воронина, К. В. Гиль, С. О. Гоманова, А. А. Гречаная, Ю. В. Ермолаева, У. П. Кротова, Ф. Х. Куршева, В. В. Овсий, М. В. Певная, Ф. В. Цраева, G. Clary, F. Handy, L. Mook, M. Snyder, J. Son, J. Wilson и др.). Несмотря на социальную значимость заявленной темы, наличие исследований особенностей деятельности и профессионально важных качеств волонтеров, построение моделей различных форм волонтерства и его развития в образовательных организациях [1], психология экстремального добровольчества до настоящего времени не выносились в качестве предмета самостоятельного научного изыскания.

Прохождение службы в силовых ведомствах, равно как и выполнение иных задач в экстремальных условиях, потенцирует развитие профессиональной деформации. Проявления профдеформации и направления ее профилактики, личностные особенности и социально-психологические факторы детерминации нашли широкое отражение в ряде исследований в области юридической психологии (С. П. Безносков, В. И. Белослудцев, С. Е. Борисова, А. В. Буданов, Ю. Е. Дьячкова, И. Г. Елесина, В. С. Медведев, М. И. Марьин, В. М. Поздняков, Ю. Ю. Растяпина, К. Р. Такасаева, В. И. Шмыков и др.). Однако применительно к экстремально-соучаствующей деятельности проблема профессиональной деформации личности не рассматривалась. Именно противоречие между необходимостью совершенствования форм и методов психологической поддержки участников экстремального добровольчества и ограниченностью научно-прикладных разработок в этой области обусловили актуальность проведения нами соответствующего научного исследования.

Цель исследования – изучить взаимосвязь личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве и степень выраженности проявлений профессиональной деформации. Задачи: 1) оценить проявления профдеформации у экстремальных добровольцев на относительно коротком промежутке времени; 2) изучить различия в проявлениях профдеформации у добровольцев с разным уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности; 3) оценить взаимосвязь проявлений профессиональной деформации и компонентов модели личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве.

Методы

Применялся авторский исследовательский инструментарий [2]: анкета личностно-бытийных изменений, опросник оценки проявлений профессиональной деформации личности (Р-120), методика оценки выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (А-228).

¹ Об обороне : Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 23. – Ст. 2750.

² О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

Выборка исследования: 90 человек, в т. ч. 48 экстремальных добровольцев (мужчины, проходящие службу в добровольческих формированиях, созданных в установленном порядке Минобороны России; возраст – $31,5 \pm 6,3$ года; продолжительность пребывания в экстремальных условиях – 9–14 месяцев), 42 представителя силовых ведомств (мужчины, проходящие службу в органах внутренних дел (17 чел.) или военную службу по контракту (25 чел.), не выполнявшие задач в экстремальных условиях; возраст – $33,1 \pm 7,4$ года). Дизайн предполагал два последовательных исследовательских среза (бланковое тестирование одноименных респондентов) в период 2023–2024 гг. с интервалом 7–13 месяцев ($9,6 \pm 2,8$ мес.). Анкетирование проводилось один раз совместно с повторным тестированием. Методы математико-статистической обработки данных: описательная статистика, корреляционный анализ (критерий Ч. Спирмена), оценка достоверности различий (U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Вилкоксона).

Результаты

Констатация проблемы профдеформации личности в экстремальных условиях реализована в ходе анализа результатов анкетного опроса (таблица 1). При оценке различных аспектов личностно-бытийных изменений по 9-балльной шкале и сравнении мнений экстремальных добровольцев и представителей силовых ведомств установлено, что существенные изменения отмечены в части условий существования (деятельности и бытовых условий; $p < 0,01$). Ожидаемо подобные изменения подчеркнули экстремальные добровольцы. Несмотря на это, удовлетворенность происходящим у них оказалась статистически значимо более выраженной, чем у лиц, которые проходили службу в штатных условиях ($U = 644$; $p < 0,01$). Респонденты укрепились во мнении о правильности выбора экстремального добровольчества как экзистенции самореализации и существования. Вероятно, этим можно объяснить позитивность произошедших личностных изменений с момента предшествующего исследования ($U = 739$; $p < 0,05$).

Таблица 1

Результаты анкетирования проблемы личностно-бытийных изменений

Оцениваемый параметр	Экстремальные добровольцы (n = 48)	Представители силовых ведомств (n = 42)	U-критерий
Степень позитивных изменений в личности	$5,79 \pm 2,06$	$4,71 \pm 1,93$	739*
Степень негативных изменений в личности	$5,98 \pm 2,34$	$5,66 \pm 2,13$	1 016
Удовлетворенность деятельностью	$6,55 \pm 2,30$	$4,24 \pm 2,15$	644**
Необходимость психологической помощи	$5,66 \pm 2,05$	$4,43 \pm 2,02$	785*
Изменения условий деятельности	$7,70 \pm 2,61$	$3,97 \pm 2,75$	551**
Изменения бытовых условий	$6,63 \pm 2,72$	$2,58 \pm 2,27$	542**

* - значимость при $p < 0,05$;

** - значимость при $p < 0,01$.

Статистически значимых различий в негативных личностных изменениях в группах респондентов не отмечено ($U = 1\ 016$; $p > 0,05$), хотя экстремальные добровольцы указали на необходимость получения психологической помощи ($U = 785$; $p < 0,05$).

Для оценки динамики проявлений профессиональной деформации личности проведено сравнение одноименных показателей, указывающих на генерализацию соответствующих проявлений, с интервалом замера от 7 до 13 месяцев (таблица 2). Достоверность сдвига данных в каждой из групп («Экстремальные добровольцы» и «Представители силовых ведомств») оценивалась по Т-критерию Вилкоксона. В отличие от выборки представителей силовых ведомств, в которой статистически значимых различий не отмечено, в группе экстремальных добровольцев значимо вырос уровень коммуникативной жаргонизации ($T = 294$; $p < 0,01$) и гиперорганизованности ($T = 351$; $p < 0,05$). Подобную тенденцию можно объяснить синдромом психологической адаптации человека, связанным с необходимостью выживания в экстремальных условиях (С. В. Забегалина, А. В. Чигарькова [3]). Гиперорганизованность снижает вероятность гибели и получения ранения в силу четкой организации труда, обеспечения максимально безопасных условий жизнедеятельности, контроля событий, порой даже не входящих в зону ответственности данной личности. Выражены чувство собственной незаменимости и стремление к компенсации беспокойства.

Таблица 2

Оценка динамики проявлений профессиональной деформации личности

Наименование шкалы	Экстремальные добровольцы (n = 48)			Представители силовых ведомств (n = 42)		
	Срез 1	Срез 2	T	Срез 1	Срез 2	T
личностная ригидность	18,3 ± 3,0	17,6 ± 3,1	517	18,5 ± 3,6	19,0 ± 4,4	470
гиперорганизованность	38,1 ± 6,4	41,5 ± 5,8	351*	37,7 ± 6,8	37,6 ± 5,9	498
императивность	27,5 ± 3,9	27,0 ± 4,3	550	27,9 ± 4,3	28,2 ± 3,6	481
редукция обязанностей	23,4 ± 3,8	23,5 ± 4,2	601	22,9 ± 4,0	23,6 ± 3,9	382
коммуникативная жаргонизация	24,0 ± 4,8	28,3 ± 4,7	294**	24,5 ± 5,6	25,7 ± 4,5	316
псевдоактивность	14,1 ± 3,1	13,8 ± 3,7	573	14,9 ± 3,5	16,4 ± 3,5	307

* – значимость при $p < 0,05$;

** – значимость при $p < 0,01$.

Принимая во внимание относительно небольшую продолжительность пребывания участников в экстремальных условиях (около одного года), можно констатировать, что проявления профдеформации потенцируются характером экстремально-соучаствующей деятельности и особыми условиями деятельности.

Для изучения влияния характеристик ценностно-смысловой сферы на выраженность профессиональной деформации личности из выборки экстремальных добровольцев были выделены две группы: 1) лица с доминирующим мотивом выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (12 чел.); 2) лица со сниженным уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности (11 чел.). В группу 1 вошли респонденты, имевшие по результатам второго тестирования (среза) по опроснику оценки выбора соучастия в экстремальном добровольчестве 7–9 стайнаы одновременно по шкалам «Идейность»,

«Целостность мировоззрения», «Добровольческая смыслоориентированность», «Мотивация к экстремальному добровольчеству», «Склонность к экстремальной деятельности». Группа 2 была представлена респондентами, у которых ни один из указанных выше показателей не имел значение 7 баллов или более. Межгрупповые различия оценивались с помощью U-критерия Манна-Уитни (таблица 3).

Таблица 3

Межгрупповые различия в проявлениях профдеформации у добровольцев с разным уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности

Наименование шкалы	Группа 1 (n = 12)	Группа 2 (n = 11)	U-критерий
личностная ригидность	17,6 ± 3,7	19,9 ± 4,5	21**
гиперорганизованность	39,5 ± 6,0	37,9 ± 6,7	34*
императивность	27,3 ± 3,1	27,7 ± 3,6	48
редукция обязанностей	23,3 ± 4,2	24,0 ± 3,9	43
коммуникативная жаргонизация	23,9 ± 4,3	24,4 ± 4,9	52
псевдоактивность	14,0 ± 3,5	14,9 ± 4,2	41

* – значимость при $p < 0,05$;

** – значимость при $p < 0,01$.

В группе респондентов со сниженным уровнем мотивацией более высокие значения получены по показателю «личностная ригидность» ($U = 21$; $p < 0,01$) и статистически значимо низкие сведения – по показателю «гиперорганизованность» ($U = 34$; $p < 0,05$). Можно сделать вывод, что мотивация к экстремально-соучаствующей деятельности в определенной степени поддерживает гибкость (мобильность, изменчивость) личности, но развивает гиперорганизованность.

Отсутствие различий по показателю коммуникативной жаргонизации в группах с разным уровнем мотивации к деятельности в экстремальных условиях ($U = 52$; $p > 0,05$), при одновременной ее выраженности у экстремальных добровольцев (т. е. в обеих группах по сравнению с представителями силовых ведомств, не выполнявшими задач в экстремальных условиях) позволяет сформулировать следующий парциальный вывод: профессиональная деформация в форме коммуникативной жаргонизации происходит «сама по себе» («автоматически») в силу пребывания человека в экстремальных условиях, не зависит от личного выбора участия в добровольчестве.

По результатам корреляционного анализа между показателями диагностических методик установлены статистически значимые взаимосвязи (таблица 4), указывающие на протективное влияние парциальных компонентов авторской шестнадцатифакторной модели личностного выбора соучастия [2] (отмечена отрицательная корреляционная связь). Так, развитие личностной ригидности купируют такие характеристики ценностно-смысловой сферы, как «мотивация к добровольчеству» ($R_s = -0,62$; $p < 0,01$), «добровольческая смыслоориентированность» ($R_s = -0,53$; $p < 0,01$), «целостность мировоззрения» ($R_s = -0,41$; $p < 0,01$). Протекция обусловлена тем, что направленность, мотивация, ценности, смыслы, интересы и т. п., определяя бытийность, трансформируют способность индивида изменить собственную схему деятельности, преодолевают инертность установок.

**Взаимосвязь проявлений профдеформации с компонентами модели
личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве**

Показатель/коэффициент корреляции	Rg	Hc	Im	Rd	Cj	Pa
Просоциальные ценностные ориентации	-0,07	0,12	-0,13	-0,15	-0,33*	-0,06
Идейность (государственность)	0,23	0,48**	0,43**	-0,16	-0,09	-0,18
Целостность мировоззрения	-0,41**	-0,14	-0,06	-0,09	-0,04	-0,12
Добровольческая смыслоориентированность	-0,53**	-0,09	-0,11	-0,37*	-0,11	-0,13
Мотивация к добровольчеству	-0,62**	-0,22	-0,01	-0,36*	-0,01	-0,14
Интерес к добровольчеству	-0,20	-0,17	-0,03	-0,47**	-0,08	-0,19
Склонность к экстремальной деятельности	-0,11	-0,25	0,08	-0,31*	0,03	-0,17
Самоотверженность	0,15	-0,01	-0,09	-0,27	0,13	0,01
Критичность мышления	-0,21	-0,22	-0,14	-0,18	0,16	0,02
Экстремальная перцептивная конгруэнтность	-0,09	0,18	-0,06	-0,14	0,19	-0,06
Эмоциональная стеничность	-0,10	0,03	-0,05	-0,04	0,17	-0,15
Самоконтроль (волевая регуляция)	0,14	0,70**	0,17	-0,19	-0,06	-0,12
Активность в экстремальных условиях	-0,01	0,05	0,03	-0,16	0,24	-0,20
Экстремальная жизнеспособность	-0,17	-0,02	-0,10	-0,22	0,27	-0,19
Самоорганизованность	0,08	0,65**	0,29	-0,20	-0,03	-0,02
Надежность	0,13	0,39*	0,25	-0,17	0,10	-0,34*

* – значимость при $p < 0,05$;

** – значимость при $p < 0,01$.

Примечание: Rg – личностная ригидность; Hc – гиперорганизованность; Im – императивность;

Rd – редукция обязанностей; Cj – коммуникативная жаргонизация; Pa – псевдоактивность.

Превенция «редукции обязанностей» также во многом связана с характеристиками ценностно-смысловой сферы, что подтверждается корреляцией с «интересом к добровольчеству» ($R_s = -0,47$; $p < 0,01$), «добровольческой смыслоориентированностью» ($R_s = -0,37$; $p < 0,05$), «мотивацией к добровольчеству» ($R_s = -0,36$; $p < 0,05$), «склонностью к экстремальной деятельности» ($R_s = -0,31$; $p < 0,05$). Полагаем, что высшие ценности и смыслы не позволяют индивиду упрощать профессиональную деятельность, облегчать или сокращать объем выполняемых задач.

Протективное значение имеют «Просоциальные ценностные ориентации», демонстрирующие корреляционную связь с «коммуникативной жаргонизацией» ($R_s = -0,33$; $p < 0,05$). Поскольку выполнение задач в экстремальных условиях связано с запредельной нагрузкой на психику, индивид, применяя различные психологические защиты, может использовать ненормативную лексику или создавать словарь специальных профессиональных терминов. Жаргонизацию можно рассматривать как своеобразный элемент социально-психологической адаптации и достижения идентичности. Однако просоциальная ценностная ориентация, допуская профессиональную терминологию и сленг, позывные и т. п., не позволяет индивиду переходить на ненормативные или оскорбительные выражения, например, в адрес сослуживцев.

Протекцией обладает такая личностная характеристика, как «надежность». Ее выраженность нивелирует поведенческий паттерн, проявляющийся в бессмысленной, суетливой деятельности, имитирующий «бурную» активность – «псевдоактивность» ($R_s = -0,34$; $p < 0,05$).

Помимо протективного влияния некоторые компоненты личностного выбора соучастия в экстремальной деятельности способствуют развитию отдельных проявлений профессиональной деформации (отмечена положительная корреляционная связь). Так, «гиперорганизованность» демонстрирует статистически значимую связь с «самоконтролем» ($R_s = 0,70$; $p < 0,01$), «самоорганизованностью» ($R_s = 0,65$; $p < 0,01$), «идейностью» ($R_s = 0,48$; $p < 0,01$), «надежностью» ($R_s = 0,39$; $p < 0,05$), что, вероятно, развивается из собранности как необходимости выживать в экстремальных условиях, планировать и постоянно контролировать собственное поведение, выполнять поручения в срок и т. п.

Установлена положительная корреляция «императивности» с «идейностью» ($R_s = 0,43$; $p < 0,01$). По нашему мнению, повелительное, доминирующее, не допускающее выбора поведение, ориентированное на безусловное подчинение окружающих, усиливается значимостью выполняемых общественно-государственных задач, необходимостью безусловной защиты Родины.

Обсуждение

Результаты эмпирического исследования показали, что пребывание в экстремальных условиях ускоряет развитие у добровольцев проявлений профессиональной деформации в таких формах, как «коммуникативная жаргонизация» и «гиперорганизация». Сделанные нами выводы о генерализации специальной лексики и фразеологизмов в экстремальных условиях во многом совпадают с данными, приведенными в работах Е. И. Головановой [4], Е. В. Лупановой [5]. Гиперорганизация рассматривается как личностный механизм преодоления различных переживаний, детерминированных экстремальностью, что разделяется мнениями Л. Г. Бикчинтаевой [6], Ю. Е. Дьячковой [7], И. С. Сальникова, С. А. Изосимовой, В. Н. Пигуз и др. [8]. Экстремальность потенцирует выраженность императивности и личностной ригидности, что подтверждается как широко известными (С. П. Безносков, С. Е. Борисова, В. С. Медведев, К. Р. Такасаева и др.), так и современными научными исследованиями Я. А. Корнеевой, А. Н. Зеляниной, Н. В. Мартиросовой [9], Ю. Ю. Растяпиной [10]. Причем динамика формирования и развития различных проявлений профдеформации среди представителей силовых ведомств, как и в работе А. А. Рассохи, М. В. Злоказовой, А. Г. Соловьева и др. [11], оказывается достаточно высокой.

Протективное воздействие связано с выраженностью различных компонентов ценностно-смысловой сферы модели личностного выбора соучастия в добровольчестве, в первую очередь таких, как «мотивация» и «интерес к добровольчеству», «целостность мировоззрения», «добровольческая смыслоориентированность», «просоциальные ценностные ориентации». Поскольку именно ценности, личностные смыслы, направленность, установки и т. п. определяют выбор экстремально-соучаствующей деятельности, то и успешность деятельности, и существование в условиях экстремальности, и девиантность поведения

в решающей степени предопределяются указанными выше характеристиками. Аналогичные выводы присутствуют в публикациях Э. Н. Аюбова, О. Е. Бувича, О. Н. Новикова и др. [1], Л. В. Зубовой, Л. Р. Аптикиевой [12], И. А. Мачульской, Р. В. Беляева, В. Н. Машина [13], Г. Ю. Фоменко, Е. Р. Куашева [14], В. В. Щербаковой [15], E. G. Clary, M. Snyder [16].

Выражена протективная роль личностной надежности, что соответствует методологической позиции А. Ю. Федотова, В. М. Крука, Д. Е. Алексеева [17]. При этом личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве позволяет преодолевать псевдоактивность и редукцию профессиональных обязанностей.

Проведенное исследование постулирует необходимость психологической поддержки экстремально-соучаствующей деятельности, показывает необходимость и детализирует направления психопрофилактической работы с добровольцами и представителями силовых ведомств. Разделяется мнение о совершенствовании форм и методов психопрофилактики в исследованиях Е. А. Овсяниковой, И. В. Савельевой, Н. И. Долженко [18], Ю. А. Шаранова, А. С. Душкина [19].

Настоящее исследование имело определенные ограничения, а именно: 1) не исследовался уровень профессиональной (в т. ч. психологической) подготовки респондентов, 2) не дифференцировались условия и характер выполняемых задач, 3) анализировался относительно небольшой объем выборки. Тем не менее в силу методологически выверенного дизайна научного изыскания результаты исследования следует признать достоверными.

Заключение

Изучение проблематики детерминации профессиональной деформации личности экстремальных добровольцев открывает перспективы разработки средств поддержки экстремально-соучаствующей деятельности. В первую очередь это технологии специальной психологической подготовки и сопровождения добровольцев, а также их реабилитации и реинтеграции в гражданскую жизнь. Исследование подтвердило хорошие психометрические возможности авторского инновационного диагностического инструментария – опросника оценки проявлений профессиональной деформации личности и методики оценки выбора соучастия в экстремальном добровольчестве. С учетом определенного сходства деятельности в особых условиях добровольцев, военнослужащих и сотрудников полиции разработка заявленной проблемы имеет прикладное значение для совершенствования психологической работы с личным составом силовых ведомств.

Список литературы

1. Аюбов Э. Н., Бувич О. Е., Новиков О. Н., Перегудова Н. В. Основные аспекты привлечения добровольцев (волонтеров) при ликвидации чрезвычайных ситуаций // Технологии гражданской безопасности. – 2023. – Т. 20, № 1 (75). – С. 99–106; <https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2023.20.1.75>.
2. Петров В. Е. Психология экстремального волонтерства: субъектная модель и диагностика : монография. – Москва: Спутник +, 2024. – 96 с.
3. Забегалина С. В., Чигарькова А. В. Адаптивные и прогностические способности в структуре поведенческих и когнитивных особенностей личности военнослужащего // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 1 (64). – С. 29–33.
4. Голованова Е. И. Специальная лексика военной сферы в современном коммуникативном пространстве // Лингвистика и образование. – 2024. – Т. 4, № 2 (14). – С. 37–45; <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-2-37-45>.
5. Лупанова Е. В. Фразеологизмы военной тематики как отражение социальных отношений военнослужащих // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 4-2. – С. 364–372.
6. Бикчинтаева Л. Г. Психологические детерминанты профессиональных деструкций в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2014. – № 1 (63). – С. 41–48.

7. Дьячкова Ю. Е. Деятельностные факторы профессиональной деформации психологов правоохранительных органов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2014. – № 3 (20). – С. 17–20.
8. Сальников И. С., Изосимова С. А., Пигуз В. Н., Ивашко К. С. Анализ и систематизация процесса социальной адаптации людей, пострадавших от хронического стресса военного времени // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2024. – № 2. – С. 6–12; <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-2-6-12>.
9. Корнеева Я. А., Зелянина А. Н., Мартиросова Н. В. Особенности профессиональной личностной деформации сотрудников ОВД, ФСИН и ФССП // Гигиена и санитария. – 2022. – Т. 101, № 4. – С. 389–397; <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2022-101-34-389-397>.
10. Растяпина Ю. Ю. Профессиональная деформация сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 9. – С. 157–162.
11. Рассоха А. А., Злоказова М. В., Соловьёв А. Г., Ичитовкина Е. Г. Динамика личностных особенностей пенсионеров-комбатантов Министерства внутренних дел и их взаимосвязь с формированием психических расстройств // Вятский медицинский вестник. – 2024. – Т. 82, № 2. – С. 44–49; <https://doi.org/10.24412/2220-7880-2024-2-44-49>.
12. Зубова Л. В., Антикиева Л. Р. Психолого-педагогическое исследование профессиональных деструкций личности у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2022. – № 3 (235). – С. 27–37; <https://doi.org/10.25198/1814-6457-233-27>.
13. Мачульская И. А., Беляев Р. В., Машин В. Н. Феномен эмоционального выгорания военнослужащих в процессе их профессиональной деятельности // Территория науки. – 2015. – № 5. – С. 72–77.
14. Фоменко Г. Ю., Куашева Е. Р. Личность как субъект разрешения противоречий в экстремальных видах деятельности / Личность и бытие : человек как субъект социокультурной реальности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар, 9–10 сентября 2016 г. / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – С. 188–192.
15. Щербакова В. В. Деформация мотивационной сферы личности военнослужащего // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 6. – С. 372–374.
16. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current directions in psychological science. – 1999. – Vol. 8, № 5. – P. 156–159; <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037>.
17. Федотов А. Ю., Крук В. М., Алексеев Д. Е. Функциональная надежность как самостоятельная междисциплинарная проблема. Современные методы ее оценки, сохранения, укрепления и восстановления // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 1. – С. 88–93; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-88-93>.
18. Овсяникова Е. А., Савельева И. В., Долженко Н. И. Психологическая культура личности как фактор предупреждения профессиональной деформации // Право и современные государства. – 2013. – № 6. С. 28–33; <http://doi.org/10.14420/ru.2013.6.5>.
19. Шаранов Ю. А., Душкин А. С. Психологическая травматизация сотрудников правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях // Прикладная юридическая психология. – 2023. – № 2 (63). – С. 26–38; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2\(63\).026-038](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2(63).026-038).

References

1. Ayubov E. N., Buyevich O. Ye., Novikov O. N., Peregodova N. V. Osnovnyye aspekty privlecheniya dobrovol'tsev (volonterov) pri likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy // Tekhnologii grazhdanskoй bezopasnosti. – 2023. – Т. 20, № 1 (75). – С. 99–106; <https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2023.20.1.75>.

2. *Petrov V. Ye.* Psikhologiya ekstremal'nogo volonterstva: sub'yektnaya model' i diagnostika : monografiya. – Moskva: Sputnik +, 2024. – 96 s.
3. *Zabegalina S. V., Chigar'kova A. V.* Adaptivnyye i prognosticheskiye sposobnosti v strukture povedencheskikh i kognitivnykh osobennostey lichnosti voyennosluzhashchego // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2016. – № 1 (64). – S. 29–33.
4. *Golovanova Ye. I.* Spetsial'naya leksika voyennoy sfery v sovremennom kommunikativnom prostranstve // Lingvistika i obrazovaniye. – 2024. – T. 4, № 2 (14). – S. 37–45; <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-2-37-45>.
5. *Lupanova Ye. V.* Frazeologizmy voyennoy tematiki kak otrazheniye sotsial'nykh otnosheniy voyennosluzhashchikh // Prepodavatel' KHKHI vek. – 2017. – № 4-2. – S. 364–372.
6. *Bikchintayeva L. G.* Psikhologicheskiye determinanty professional'nykh destruktivnykh deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 1 (63). – S. 41–48.
7. *D'yachkova Yu. Ye.* Deyatel'nostnyye faktory professional'noy deformatsii psikhologov pravookhranitel'nykh organov // Nauchnoye obespecheniye sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. – 2014. – № 3 (20). – S. 17–20.
8. *Sal'nikov I. S., Izosimova S. A., Piguz V. N., Ivashko K. S.* Analiz i sistematizatsiya protsessa sotsial'noy adaptatsii lyudey, postradavshikh ot khronicheskogo stressa voyennogo vremeni // Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. – 2024. – № 2. – S. 6–12; <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-2-6-12>.
9. *Korneyeva Ya. A., Zelyanina A. N., Martirosova N. V.* Osobennosti professional'noy lichnostnoy deformatsii sotrudnikov OVD, FSIN i FSSP // Gigiyena i sanitariya. – 2022. – T. 101, № 4. – S. 389–397; <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2022-101-34-389-397>.
10. *Rastyapina Yu. Yu.* Professional'naya deformatsiya sotrudnikov OVD // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 9. – S. 157–162.
11. *Rassokha A. A., Zlokazova M. V., Solov'yov A. G., Ichtovkina Ye. G.* Dinamika lichnostnykh osobennostey pensionerov-kombatantov Ministerstva vnutrennikh del i ikh vzaimosvyaz' s formirovaniyem psikhicheskikh rasstroystv // Vyatskiy meditsinskiy vestnik. – 2024. – T. 82, № 2. – S. 44–49; <https://doi.org/10.24412/2220-7880-2024-2-44-49>.
12. *Zubova L. V., Aptikiyeva L. R.* Psikhologo-pedagogicheskoye issledovaniye professional'nykh destruktivnykh lichnosti u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 3 (235). – S. 27–37; <https://doi.org/10.25198/1814-6457-233-27>.
13. *Machul'skaya I. A., Belyayev R. V., Mashin V. N.* Fenomen emotsional'nogo vygoraniya voyennosluzhashchikh v protsesse ikh professional'noy deyatel'nosti // Territoriya nauki. – 2015. – № 5. – S. 72–77.
14. *Fomenko G. Yu., Kuasheva Ye. R.* Lichnost' kak sub'yekt razresheniya protivorechiy v ekstremal'nykh vidakh deyatel'nosti / Lichnost' i bytiye : chelovek kak sub'yekt sotsiokul'turnoy real'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Krasnodar, 9–10 sentyabrya 2016 g. / pod red. Z. I. Ryabikinoy, V. V. Znakova. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. – S. 188–192.
15. *Shcherbakova V. V.* Deformatsiya motivatsionnoy sfery lichnosti voyennosluzhashchego // Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2013. – № 6. – S. 372–374.
16. *Clary E. G., Snyder M.* The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current directions in psychological science. – 1999. – Vol. 8, № 5. – R. 156–159; <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037>.
17. *Fedotov A. Yu., Kruk V. M., Alekseyev D. Ye.* Funktsional'naya nadezhnost' kak samostoyatel'naya mezhdistsiplinarnaya problema. Sovremennyye metody yeye otsenki, sokhraneniya, ukrepleniya i vosstanovleniya // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2021. – № 1. – S. 88–93; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-88-93>.

18. *Ovsyanikova Ye. A., Savel'yeva I. V., Dolzhenko N. I.* Psikhologicheskaya kul'tura lichnosti kak faktor preduprezhdeniya professional'noy deformatsii // *Pravo i sovremennyye gosudarstva.* – 2013. – № 6. S. 28–33; <http://doi.org/10.14420/ru.2013.6.5>.

19. *Sharanov Yu. A., Dushkin A. S.* Psikhologicheskaya travmatizatsiya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, vypolnyavshikh operativno-sluzhebnyye zadachi v osobykh usloviyakh // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2023. – № 2 (63). – S. 26–38; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2\(63\).026-038](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2(63).026-038).

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 13, 2024; approved after reviewing November 19, 2024; accepted for publication December 25, 2024.